This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близь Невскаго просп.) № д. 11.

8546 11

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XIII. ІЮНЬ. 1894 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

I. Желѣзомъ и кровью. (Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ). Д. Л. Мордовцева 7

II. «Солнце садилось»... Стихотвореніе В. К. Булгакова . . . 64

III. Памиры и памирскій вопросъ. В. Острогорова 65

IV. Близь народа. (Памяти А. Н. Энгельгардта). Очеркъ С. Васюкова 95

V. Послѣ боя. Стихотвореніе М. М. Гербановскаго. 119

VI. Умирающая теорія. К. П. Медвѣдскаго 121

VII. Свѣтъ клиномъ сошелся. Повѣсть В. А. Рышкова (*Оконч.*) 146

VIII. Пробужденіе. Стихотвореніе И. Никулина 205

IX. Юліанъ Отступникъ. Историческій романъ Феликса Дана . 206

X. Изъ американской жизни. (Путевыя впечатлѣнія). В. Святловскаго 207

XI. Кавказскія минеральныя воды въ 1893 году. (Изъ наблюденій пацієнта). Н. Щирскаго 302

XII. Поблекшій листъ. (Изъ Альфреда Трегера). Стихотвореніе Л. Афанасьева 316

XIII. Рабъ свѣта. Политическій романъ изъ англо-французской жизни, Генри Сетона Мерримена 317

(См. на оборотѣ).

№ 6 «Наблюдателя» вышелъ 1-го іюня 1894 года.

Digitized by Google

Контора редакціи проситъ гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкою платы, поспѣшить присылкою втораго взноса, во избѣжаніе задержки

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XIV. Очерки иностранной литературы. **В. Р. Зотова** 1

XV. Политическая хроника. 10

Антисемитическое движеніе во Франціи. — Дѣянія анархистовъ. — Культуртрегеры въ Африкѣ.—Панцырь Дове.—«Кладдерадачъ» и обличенныя превосходительства.—Народные учителя. — Международный конгрессъ углекоповъ.—Итальянскій кризисъ.—Парламентскія и общественныя неурядицы въ Австріи.—Процессъ венгерскихъ румынъ.—Французская палата въ подчиненіи у перваго министра.—Столкновеніе съ Ватиканомъ.—Англія, опасающаяся за Индію.—Шаткость кабинета Розбери.—Революція въ Сербіи.—Армія безработныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Землетрясеніе въ Греціи.

XVI. Новыя книги. 1) *Михаилъ Юрьевъ*. **Карлъ Пятый** и его время. Этюдъ. Часть первая. 1894. Москва. 2) **Пятьдесятъ лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи.** *Генриха Паркса*. Переводъ съ англійскаго В. Невѣдомскаго. Изданіе К. Солдатенкова. Москва. 1894. 3) **Ежегодникъ императорскихъ театровъ**. Сезонъ 1892—1893 г. Изданіе дирекціи театровъ. 1894. 4) **Сочиненія В. Д. Спасовича**. Томы V и VI. 1894. 22

XVII. Наши внутреннія дѣла 32

Предварительныя кассовыя свѣдѣнія объ исполненіи государственной росписи въ 1893 году.—Превышеніе доходовъ надъ расходами, характеризующее нашу финансовую систему съ 1888 года.—Какъ образовываются у насъ свободные остатки въ государственномъ казначействѣ и полезно ли ихъ увеличеніе?—Экономическія отношенія Россіи и Германіи до 70-хъ годовъ. — Постепенное увеличеніе пошлинъ на хлѣбъ въ Германіи и повышеніе таможеннаго тарифа на произведенія обрабатывающей промышленности въ Россіи.— Начало переговоровъ Россіи съ Германіей по поводу таможенныхъ пошлинъ.—Перемѣна въ таможенной политикѣ Германіи въ 1892 г.—Причина экономическаго разрыва Россіи съ Германіей.—Заключеніе русско-германскаго торговаго договора.—Мѣры русскаго правительства противъ рѣзкаго пониженія хлѣбныхъ цѣнъ.—Затрудненія Германіи во время таможенной войны.—Результаты нашего соглашенія съ Германіей.—Зло протекціонизма, не устраненное договоромъ.—Крокодиловы слезы московскихъ фабрикантовъ и торговцевъ.—Заявленіе представителей нашего металлургическаго производства.

XVIII. Письмо въ редакцію **М. Ю. Левестама** 47

XIX. Фонографъ (Фельетонъ **«Наблюдателя»**). Стихотворенія: **Невскаго Жителя** 48

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 6. ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1894.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, Д. № 40.

Digitized by Google

PSlav △ 475.65 (1894 / 6)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

ВЪ 1894 ГОДУ (ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи, **безъ предварительной цензуры.**

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:	За три мѣсяца:
Безъ доставки	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою иногороднымъ . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу. . .	17 »	9 » — »	5 » — »

Подписчики **«Наблюдателя»** (годовые, полугодовые и разсроченные), желающіе получить **второе, дополненное,** изданіе монографій редактора: **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»**, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	При подпискѣ.	Къ 15 апрѣля.	Къ 15 августа.
Безъ доставки. . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою . . .	5 »	5 »	3 »
Съ пересылкою . .	5 »	5 »	4 »
Съ перес. за границу.	8 »	5 »	4 »

Библіотеки для чтенія *пользуются разсрочкою платы наравнѣ съ прочими подписчиками;* выписывающія же не менѣе 10-ти годовыхъ экземпляровъ и вносящія полностью подписную плату пользуются 50 к. скидки съ каждаго экземпляра.

Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.) д. № 11.* Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 1971

Digitized by Google

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть зазрила**, романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь**, романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Волчья яма**, романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы**, романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго**, романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства**, разсказъ *А. А. Виницкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній**, *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы**, *Его же*; 12) **Борьба съ холерою**, *Н. П. Дружинина*, 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неуромаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій**, историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка**, *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства**, *К. Говорова*; 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки**, *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ**, *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій**, *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго**, *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому**, *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма**, *Ѳ. Э. Ромера;* 27) **Изъ жизни французскаго резервиста**, *Ж. де-Кервильи;* 28) **Парижскія письма**, *Его же;* 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка**, *Одною изъ родителей;* 30) **Панамскій каналъ и его исторія**, *И. П.;* 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета**, *А. Н. Котельникова;* 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни**, *М. Слобожанина;* 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ**, *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ**, *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ**, *В. Е. Чешихина;* 38) **Судъ и жизнь**, *А. О. Дукмасова;* 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи**, *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ**, *М. В.;* 41) **Наташа** (быль изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

Digitized by Google

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича*; 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальдоса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: «**И смѣхъ, и горе**» помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра **10** р. съ перес.; за полгода—**5** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой*; 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова*; 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогриць-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова*; 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова*; 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова*; 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова*; 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.;* 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго*; 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же*; 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

Digitized by Google

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ,** *Его же*; 37) **Англійскій публицистъ XVII в.** (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина*; 38) **Генрихъ Гейне,** *В. В. Чуйко*; 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ,** *К. П. Медвѣдскаго*; 42) **Профессіональные союзы во Франціи,** *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики,** *В. В. Чуйко*; 44) **О международномъ правительствѣ,** *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости,** *Н. Тембе;* 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ,** *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры,** *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма,** *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ,** романъ *Эмиля Золя*; 50) **По тернистой дорогѣ,** романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа,** историческій романъ *Франца Маутнера*; 52) **Народный учитель,** повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный,** разсказъ *Матильды Серао*; 54) **Наша журналистика,** *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра съ пересылкою: **8** р.; за полгода—**4** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи А. П. Пятковскаго, въ 2-хъ частяхъ, *второе* дополненное изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Digitized by Google

Къ оставшимся *тридцати* экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. Цѣна 3 р. съ перес. *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе (3-е) подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.** Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

(Всего имѣется 10 экземпляровъ).

Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

III.

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ.

Сборникъ современныхъ стихотвореній, изданный подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.**

(Сюда вошли стихотворенія: *И. Аксакова*, *Добролюбова*, *Жемчужникова*, *Плещеева*, *Некрасова*, *Никитина*, *Хомякова* и др.).

С.-Петербургъ. 1863 г.

(Осталось 6 экземпляровъ).

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій.** Литературно-біографическій очеркъ. *А. П. Пятковскаго*, и 5) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя*—уже не имѣются въ продажѣ.

Digitized by Google

ЖЕЛѢЗОМЪ И КРОВЬЮ.

(Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ).

XXII.

Пушкинъ на Машукѣ.

Боковымъ склономъ Машука отъ лѣсистой опушки спускался къ Пятигорску молодой офицеръ. Онъ иногда останавливался и обводилъ взоромъ и ближайшія, и отдаленныя окрестности. Далеко, далеко, у самаго края неба стояли продолговатой цѣпью причудливыя облака, совсѣмъ бѣлыя. Но сколько бы вы на нихъ ни смотрѣли, они не измѣняли ни положенія, ни формы. То были снѣжныя вершины безконечной цѣпи кавказскихъ горъ. Правѣе, какъ бы подпирая собою небо, стоялъ снѣжный, съ раздвоенною вершиною, великанъ. Онъ казался недосягаемымъ и, повидимому, принадлежалъ больше области неба, чѣмъ земли. То былъ снѣжный Эльборусъ.

Офицеръ долго глядѣлъ на него. Солнце, далеко перевалившее за полнеба, казалось, освѣщало затылокъ исполинской горы, бросая тѣни на лицевую ея сторону. Отъ горы отдѣлился бѣлый дымокъ, точно горсть брошеннаго снѣга, и поплылъ на сѣверъ. То было облачко, отдѣлившееся отъ Эльборуса—«тучка», отдыхавшая «на груди великана»...

Ближе, вправо отъ Машука, заслоняя собою горизонтъ и западный край неба, высился остроконечный Бештау съ голою вершиной, окруженный пятью меньшими великанами и опушенный у подножія гигантскимъ лѣсомъ, который издали казался кудрявымъ кустарникомъ. Лѣвѣе тянулась холмистая возвышенность, далеко, почти у горизонта, упиравшаяся въ самый снѣжный хребетъ. Ближе, у самаго Пятигорска, извиваясь между гористыхъ береговъ, сверкалъ стальными

Digitized by Google

струями быстрый и шумный Подкумокъ. Еще ближе, у подножія горы, дымились легкимъ паромъ и журчали минеральные ключи, стекая внизъ по разнымъ направленіямъ, словно жидкая лава, оставляя по себѣ на камняхъ красноватыя и бѣлыя окраски.

Постоявъ немного въ созерцательномъ раздумьѣ, офицеръ сталъ спускаться ниже.

Внизу, на полугорѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ бесѣдка, называвшаяся прежде «Эоловой арфой», сидѣлъ на камнѣ какой-то мужчина въ красной русской рубахѣ и поярковой шляпѣ, и что-то писалъ у себя на колѣняхъ.

«Пишетъ, — улыбнулся офицеръ, — я зналъ, что это будетъ: недаромъ онъ хандрилъ и придирался ко мнѣ,—все доказывалъ, что пора поэзіи, какъ и любви, для него прошла».

Онъ скоро подошелъ къ красной рубахѣ. Тотъ спряталъ тетрадку за пазуху.

— Жаль, Александръ, что ты сегодня полѣнился взобраться на Машукъ,—сказалъ офицеръ.

— А что?—спросила красная рубаха.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, съ выразительными чертами лица, нѣсколько арабскаго типа, и съ блестящими глазами. Курчавая голова еще болѣе обличала въ немъ темпераментъ юга.

— Оттуда очень красиво было видѣть, какъ вдали за степями, туда, къ Тереку или къ Моздоку, въ темныхъ тучахъ сверкала молнія,—отвѣчалъ офицеръ.

— Здѣсь красивѣе, — отвѣчала красная рубаха, указывая на Эльборусъ и на снѣжную цѣпь горъ.

— Да, красиво, чертовски красиво!—въ Россіи этого не увидишь. Ты, я видѣлъ, писалъ?—небрежно спросилъ офицеръ, усаживаясь на камень и бросая на землю свою бѣлую фуражку.

— Да, отъ скуки придѣлалъ конецъ «Руслану и Людмилѣ»... Не пишется что-то—баста!—старѣюсь...

— Это въ двадцать-то лѣтъ!

— Что жь!—зато я началъ жить съ одиннадцати.

— Прочти-ка, что̀ написалъ.

— Не сто̀итъ... Впрочемъ, я тутъ отдаю должную дань твоей дружбѣ, милый Николай,—сказала красная рубаха съ

Digitized by Google

живостью.—Вотъ!—И онъ вынулъ и развернулъ тетрадку.—Это эпилогъ къ «Руслану»... я тутъ говорю, какъ я пѣлъ преданья темной старины, забывая обиды слѣпаго счастья и глупцовъ, и не подозрѣвая, какъ собиралась надо мной туча грозы незримой...

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, имъ видимо овладѣвало святое вдохновеніе,—и онъ сталъ декламировать:

«— Я погибалъ... Святой хранитель первоначальныхъ бурныхъ дней, о дружба, нѣжный утѣшитель болѣзненной души моей! Ты умолила непогоду, ты сердцу возвратила миръ, ты сохранила мнѣ свободу—кипящей младости кумиръ! Забытый свѣтомъ и молвою, далече отъ береговъ Невы, теперь я вижу предъ собою Кавказа гордыя главы»...

— Прелесть, прелесть!—невольно прошепталъ офицеръ.

Красная рубаха, не обращая на это вниманія, продолжала:

«— Надъ ихъ вершинами крутыми, на скатѣ каменныхъ стремнинъ, питаюсь чувствами нѣмыми и чудной прелестью картинъ природы дикой и угрюмой. Душа, какъ прежде, каждый часъ полна томительною думой, но огнь поэзіи погасъ»...

— Опять!—не вытерпѣлъ офицеръ:—заладилъ: погасъ, погасъ!.. Ну, прости, перебилъ...

— Ничего! — И красная рубаха хотѣла закрыть тетрадку.

— Нѣтъ, нѣтъ, Александръ, дочитай! — упрашивалъ офицеръ.

— Хорошо... Вотъ:

Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ—
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній...

— Не правда, не правда!—съ жаромъ воскликнулъ офицеръ.—А это развѣ не пѣснопѣніе?

— Вымученное, выдавленное изъ мозга—не изъ сердца.

— Повторяю:—не правда!—настаивалъ офицеръ.

— Нѣтъ, милый Николай,—въ душѣ чувствуется, что не тотъ ужь я... Нѣтъ былыхъ восторговъ—не грѣетъ душу вдох-

Digitized by Google

новеніе... Развѣ то было прежде, хоть бы пять-шесть лѣтъ назадъ?

— Это когда ты былъ пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ?

— Да, именно... Никогда не забуду я того дня, когда я передъ старикомъ Державинымъ читалъ въ лицеѣ, на публичномъ экзаменѣ, свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ»... Державинъ былъ ужь очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, поджавши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Портретъ его—гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ—очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ изъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина; голосъ мой отрочески зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи, онъ меня требовалъ, хотѣлъ обнять... Меня искали, но не нашли...

Красная рубаха замолчала. Молчалъ и офицеръ, какъ бы вслушиваясь въ продолженіе сказаннаго.

— Милая Магуль!—послышался дѣтскій голосокъ:—пойдемъ вонъ туда—тамъ много цвѣтовъ.

Это говорила дѣвочка лѣтъ около десяти, хорошо одѣтая, другой юной особѣ, тоже почти дѣвочкѣ въ горскомъ нарядѣ:—на головѣ бѣлая низенькая барашковая шапочка съ бѣлою чадрою, откинутою за плечи; малиновая чоха, плотно обхватывавшая ея грудь и тонкую стройную талью; блѣдно-желтыя шальварцы, красивыми складками спадавшія почти до маленькихъ ножекъ, обутыхъ въ красивые сапожки изъ зеленаго сафьяна.

Дѣвочки шли отъ Елизаветинскаго источника, а за ними дама, по типу грузинка, сопровождаемая двумя офицерами.

— Да это тамъ наверху Раевскій и Пушкинъ,—тихо сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Который Пушкинъ?—встрепенулась дама.

— Вотъ тотъ—въ красной рубахѣ.

Digitized by Google

— Такъ это поэтъ Пушкинъ?

— Онъ самый, Саломэ Ивановна.

— А вы съ нимъ знакомы?

— Да, княгиня:—здѣсь познакомился, на водахъ.

— Такъ, пожалуйста, познакомьте и меня съ нимъ—представьте его мнѣ.

Увидавъ, что незнакомая дама направляется въ ихъ сторону, Раевскій и Пушкинъ встали. Послѣдній поверхъ красной рубахи накинулъ на себя темный широкій плащъ въ видѣ альмавивы.

Офицеры, сопровождавшіе даму, издали привѣтствовали Раевскаго и Пушкина. Послѣдній хотѣлъ было удалиться; но было уже поздно.

— Николай Николаевичъ! Александръ Сергѣевичъ!—проговорилъ старшій изъ офицеровъ, сопровождавшихъ даму:—позвольте представить васъ княгинѣ Саломэ Ивановнѣ Чавчавадзе.

— Раевскій... Пушкинъ,—поклонились тѣ.

Княгиня подала имъ руку, и особенно сочувственно пожала руку молодому поэту.

— Я очень рада... Я въ Петербургѣ встрѣчалась съ вашимъ батюшкой, героемъ 12-го года, — сказала она Раевскому.—А объ васъ я такъ много слышала отъ вашего друга, Александра Сергѣевича Грибоѣдова, и — она нѣсколько замялась—очень восхищалась вашей дивной поэзіей.

Пушкинъ довольно угрюмо поклонился, чувствуя себя неловко въ красной рубахѣ передъ свѣтской молоденькой дамой.

— А вы, княгиня, давно видѣли Грибоѣдова?—спросилъ онъ, желая прервать свою неловкость.

— Въ послѣдній разъ онъ былъ у насъ 14-го января, на именинахъ моей дочери Ниночки.

— Ахъ, мама, мама! посмотри, какіе хорошенькіе ирисы!—радостно подбѣжала дѣвочка. Это и была Ниночка.

— Рекомендую—дочь моя Нина, закадычный другъ Грибоѣдова и—на ножахъ съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

И Пушкинъ, и Раевскій залюбовались дѣвочкой.

— Такъ на ножахъ съ Ермоловымъ? — съ улыбкой спросилъ Пушкинъ, не спуская восхищеннаго взора съ преле-

Digitized by Google

стнаго личика и восхитительныхъ глазъ дѣвочки.—Изъ-за чего, княжна, вы съ нимъ на ножахъ?

— Ахъ, не говори, мама!—поторопилась дѣвочка, стараясь закрыть ротъ матери рукой.

— Изъ-за рѣсницъ,—смѣялась княгиня:—Алексѣй Петровичъ все ее дразнитъ.

— Гадкая мамка!—И дѣвочка убѣжала къ своей пріятельницѣ Магуль, которая стояла въ отдаленіи и глазами юной дикарки осматривала незнакомцевъ.

— Что за очаровательный ребенокъ! — воскликнулъ Пушкинъ, глядя вслѣдъ убѣгавшей дѣвочкѣ.—Такъ изъ-за рѣсницъ на ножахъ съ Ермоловымъ?—улыбнулся онъ.

— Изъ-за рѣсницъ... Алексѣй Петровичъ сказалъ ей, что у нея не рѣсницы, а кусты, и что весной у нея въ рѣсницахъ иволги будутъ вить гнѣзда.

— Я узнаю Ермолова!—засмѣялся Раевскій.

— А она, дурочка, взяла да и обстригла ножницами свои роскошныя рѣсницы,—докончила княгиня.

Всѣ разсмѣялись и еще съ бо́льшимъ восхищеніемъ стали поглядывать на шалунью.

— Да вѣдь у нея рѣсницы послѣ стрижки еще гуще выростутъ,—замѣтилъ Раевскій.

— Подите жь съ глупою!—пожала плечами княгиня.

— А кто та съ нею—черкешенка? — спросилъ Пушкинъ, давно подмѣтившій окомъ художника оригинальную красоту юной Магуль.

— О!—это дикарочка-героиня,—тихо сказала княгиня.

— Она наша спасительница, — сказалъ Овечкинъ. Это онъ и Мальковъ сопровождали княгиню Чавчавадзе: для возстановленія здоровья послѣ ранъ, полученныхъ ими при защитѣ поста Чирахъ, Ермоловъ отправилъ ихъ въ Пятигорскъ и въ Желѣзноводскъ на цѣлебныя минеральныя воды.

— Такъ это та юная героиня, о которой такъ много говорили зимой въ Петербургѣ въ высшихъ сферахъ, особенно военныхъ, по поводу донесенія Ермолова о вашей защитѣ чирахскаго укрѣпленія?—спросилъ Раевскій, обращаясь къ Овечкину и Малькову.

— Она самая,—отвѣчали оба офицера.

Digitized by Google

— Объ этомъ дѣлѣ и газеты много говорили, — добавилъ Пушкинъ.

— Да, не соверши она своего необычайнаго подвига—не поспѣши она—пѣшкомъ, въ суровую зиму—почти за 40 верстъ къ крѣпости Курахъ и не извѣсти о нашемъ отчаянномъ положеніи барона Вреде,—мы непремѣнно погибли бы:—дикія полчища Сурхай-хана уже проникали за брустверъ, когда впереди спасительнаго отряда мы увидѣли барона Вреде рядомъ съ этою отчаянною дѣвочкой—вѣдь ей только четырнадцать лѣтъ!—восторженно проговорилъ Овечкинъ, глядя, какъ прелестная дикарка и юная княжна усердно рвали цвѣты по склону возвышенія.

— Я вижу у нея и медаль на груди, — замѣтилъ Пушкинъ.

— Да, на георгіевской лентѣ,—пояснилъ Мальковъ.

— Что же она теперь?—спросилъ Раевскій княгиню.

— Она теперь у насъ, въ Тифлисѣ, — отвѣчала Саломэ Ивановна.—По высочайшему повелѣнію, ей, кромѣ медали, пожалована пенсія и вмѣстѣ съ матерью и братишкой—отецъ ея былъ убитъ раньше — ихъ переселили въ Тифлисъ, чтобъ укрыть отъ мести Сурхай-хана и дать дѣвочкѣ и мальчику приличное воспитаніе. Мы ее и взяли къ себѣ — учимъ ее понемногу, и онѣ съ моей Ниночкой теперь большія пріятельницы.

— И мы съ нею большіе друзья,—сказали разомъ Овечкинъ и Мальковъ.

— Но какое присутствіе духа въ такой дѣвочкѣ и какая находчивость!—удивился Пушкинъ.

— Да, Александръ Сергѣевичъ, — съ грустной улыбкой тихо проговорила княгиня:—тутъ замѣшанъ сердечный романъ... Бѣдная дѣвочка любила одного молодаго офицера, Щербину, съ которымъ она, въ ночь нападенія Сурхай-хана, имѣла тайное свиданіе недалеко отъ редута, у своего аула,—и узнавъ на другой день, что Щербина не попалъ въ редутъ, а заперся съ пятью нижними чинами въ минаретѣ, гдѣ неизбѣжно долженъ былъ погибнуть,—она и рѣшилась на свой отчаянный подвигъ... Только бѣдняжка не спасла своего милаго...

— Какъ, княгиня? — почти съ испугомъ спросилъ Пушкинъ.

Digitized by Google

— Да... Это грустная исторія... Когда она явилась со спасительной помощью, отъ минарета, подкопаннаго злодѣями, остались однѣ развалины, и подъ этими развалинами былъ похороненъ ея милый,—закончила княгиня.

XXIII.

Пушкинъ, Магуль и Нюся—будущая жена Грибоѣдова.

Пушкинъ и Раевскій были глубоко тронуты печальною судьбой юной черкешенки. Страстно впечатлительный и увлекающійся Пушкинъ особенно заинтересовался романтической героиней и просилъ княгиню познакомить его съ ней; но Саломэ Ивановна отозвалась, что Магуль очень дика и робка, что она еще не привыкла къ обществу, и притомъ это прелестное дитя горъ стѣсняется еще и тѣмъ, что плохо говоритъ по русски... — Впрочемъ,—добавляла княгиня, — юная черкешенка, нѣсколько освоившись съ незнакомыми мужчинами, безъ сомнѣнія, станетъ менѣе дика. А если она такъ васъ интересуетъ, то пожалуйте сегодня ко мнѣ обѣдать запросто,—сказала она въ заключеніе.

Пушкинъ горячо благодарилъ за приглашеніе, но извинился, что «въ такомъ мальчишескомъ нарядѣ» онъ не посмѣетъ явиться въ порядочный домъ, и просилъ дозволенія отлучиться домой, чтобъ переодѣться. Ему позволили.

— Наша дикарочка, кажется, не догадывается, что мы знаемъ исторію ея сердца,—пояснила княгиня.—Мы, для нея, объясняемъ ея сердечный порывъ и ея подвигъ тѣмъ, что она, по обычаямъ родовой мести, господствующимъ среди горцевъ, мстила казикумухцамъ и Сурхай-хану за смерть своего отца, погибшаго отъ руки казикумухца, — и она этимъ удовлетворяется. Но она продолжаетъ, повидимому, оплакивать свою любовь, хотя и объясняетъ это грустными будто бы воспоминаніями объ отцѣ, котораго она, впрочемъ, лишилась очень давно и едва ли можетъ такъ горячо тосковать о немъ. Что она до сихъ поръ любитъ бѣднаго Щербину, мы заключаемъ отчасти вотъ изъ чего. Моей мамѣ, княгинѣ Орбеліани, очень хочется обратить ее въ христіанство; дѣвочка охотно слушаетъ

Digitized by Google

исторію о жизни, о чудесахъ, о смерти и воскресеніи Христа. Но особенно овладѣло ея умомъ наше увѣреніе въ томъ, что христіане, послѣ смерти, въ другой, лучшей жизни, соединятся съ тѣми, кого любили на землѣ.—Значитъ—спросила она маму послѣ этого—если я сдѣлаюсь христіанкой и умру, то на томъ свѣтѣ соединюсь съ тѣми, кого здѣсь любила?—Да—говоритъ матушка.—Такъ и отца своего тамъ увижу?—спрашиваетъ.—Да—говоритъ мама.—Но вѣдь онъ не христіанинъ,—говоритъ Магуль:—какъ же я его тамъ увижу?—А мама ей на это:—Наша церковь — говоритъ— молится не только за невѣрныхъ, но даже за враговъ своихъ; она молится и за твоего отца и особенно будетъ молиться, когда ты сдѣлаешься христіанкой!—Это ее видимо обрадовало и ободрило; но въ то же время вызвало на ужасно наивный вопросъ, выдавшій ее съ головой!—Хорошо—говоритъ—если тотъ, кто меня здѣсь любилъ, будетъ ждать меня тамъ, а я долго не приду туда—не умру; такъ онъ можетъ полюбить тамъ другую?—Понимаете?

И Пушкинъ, и Раевскій расхохотались.

— Женская ревность,—весело сказалъ Пушкинъ:—каково!—даже за гробомъ не смѣй полюбить другую. Это уже чисто восточная ревность.

— Однако, господа, давно пора обѣдать, и потому не угодно ли пожаловать ко мнѣ?—сказала княгиня, направляясь съ горы къ жилью.—Дѣвочки, пора домой!—позвала она свою Нину и Магуль.

Тѣ прибѣжали съ букетами цвѣтовъ. Магуль стояла, опустивъ глаза. На груди ея блестѣла золотая медаль на георгіевской лентѣ.

— А вотъ и моя пріемная дочка, милая Магуль,—сказала княгиня, обращаясь къ Раевскому и къ Пушкину.

Тѣ поклонились, съ любопытствомъ разсматривая хорошенькую черкешенку.

— Пойдемъ впередъ, Гуля, и сейчасъ же поставимъ цвѣты въ воду,—сказала Нина, увлекая свою пріятельницу.

— Какъ? а намъ и по цвѣточку не дадите, нехорошія барышни,—протестовалъ Овечкинъ.

— Къ мужчинамъ цвѣты нейдутъ,—отрѣзала Нина.

— Вотъ тебѣ разъ! такъ намъ дастъ Магуль, она добрѣе. Да, милая Магуль?—спросилъ Овечкинъ.

Digitized by Google

Черкешенка подошла и съ улыбкой подала по ирису Овечкину и Малькову.

— А намъ, добрая Магуль?—улыбнулся Пушкинъ.

Черкешенка подняла на него глаза и протянула къ нему руку съ цвѣткомъ. Пушкинъ, принимая цвѣтокъ, почтительно поцѣловалъ у дѣвушки руку. Магуль вся зардѣлась, но подала цвѣтокъ и Раевскому.

— А вотъ и моя резиденція,—сказала княгиня, указывая зонтикомъ на небольшой одноэтажный домикъ съ зелеными ставнями и небольшимъ цвѣтникомъ.

Пушкинъ приподнялъ шляпу.

— Такъ, съ вашего позволенія, княгиня, я сбѣгаю домой, чтобъ одѣться по европейски, и сейчасъ же явлюсь къ вамъ,— сказалъ онъ, раскланиваясь.

Придя къ себѣ на квартиру, которую онъ занималъ вмѣстѣ съ Раевскимъ—генераломъ Раевскимъ, героемъ 12-го года, съ сыномъ его Николаемъ и двумя младшими дочерьми, Маріею и Софьею, — Пушкинъ прошелъ въ свою комнату и велѣлъ своему старому дядькѣ Никитѣ дать ему переодѣться, а самъ, наливъ изъ графина воды въ стаканъ, положилъ въ него цвѣтокъ ириса, полученный отъ черкешенки. Потомъ онъ вынулъ изъ-за пазухи тетрадку и подъ только что набросаннымъ на горѣ эпилогомъ къ «Руслану и Людмилѣ» написалъ: *26 іюня 1820. Кавказъ* [1]).

Не болѣе какъ черезъ четверть часа, онъ уже выходилъ изъ дому и на крыльцѣ встрѣтился съ генераломъ и его дѣвочками.

— Ба! ба! уже во фракѣ и съ ирисомъ въ петлицѣ!—куда это, служитель музъ и Аполлона?—весело спросилъ Раевскій.

— Извините, я спѣшу... Мы съ Николаемъ Николаевичемъ приглашены княгинею Чавчавадзе на обѣдъ, — отвѣчалъ Пушкинъ.

— Что жь? отлично! она бабенка славная... Смотри только, не влюбись,—засмѣялся генералъ.

— Съ этой стороны не извольте безпокоиться, ваше превосходительство, — отшутился молодой поэтъ. — Но тамъ есть другой предметъ, болѣе опасный.

[1]) Эта дата значится на всѣхъ изданіяхъ знаменитой первой поэмы будущаго творца «Онѣгина». *Авт.*

Digitized by Google

— Кто же? кто такая эта сирена?

— Героиня - черкешенка съ георгіевскимъ отличіемъ на груди.

— Вотъ какъ! кто же она?

— Это Магуль, та юная красавица, которая своимъ геройскимъ подвигомъ спасла редутъ Чирахъ.

— Слышалъ, слышалъ объ ней еще въ Петербургѣ и читалъ въ газетахъ. Что жь она здѣсь?

— Она у княгини.

— Ну, я не видалъ еще этой сирены: вѣдь княгиня недавно пріѣхала.

— Прощайте, спѣшу.—И, раскланявшись, Пушкинъ поспѣшилъ къ квартирѣ княгини Чавчавадзе.

Пока хозяйка распоряжалась въ столовой съ обѣдомъ, а Ниночка и Магуль возились съ своими букетами въ другой комнатѣ, Раевскій и Пушкинъ разговорились съ Овечкинымъ и Мальковымъ о нападеніи Сурхай-хана на Чирахъ и о защитѣ ими своего поста.

— Сурхай-ханъ потому напалъ на насъ съ такимъ ожесточеніемъ, что мы случайно открыли его тайну,—сказалъ Овечкинъ на разспросы Пушкина и Раевскаго.

— Какую тайну?—спросилъ послѣдній.

— Дѣло въ томъ,—отвѣчалъ Овечкинъ,—что мы случайно захватили одного горца, у котораго нашли шкатулку съ женскими локонами.

— Съ женскими локонами!—удивился Пушкинъ:—это что за романтическая исторія?

— Видите ли: у этого горца мы нашли въ переметной сумѣ шкатулку дорогой, изящной работы съ рѣзьбой, окованную серебромъ, а въ шкатулкѣ этой—нѣсколько серебряныхъ маленькихъ ящичковъ, въ родѣ табакерокъ, тоже очень изящной отдѣлки. И вообразите—въ каждомъ изъ этихъ ящичковъ мы нашли женскіе локоны, то перевитые ленточками, то бирюзою, а одинъ сѣдой—въ брильянтахъ. Мы просто стали втупикъ отъ нашего открытія. Ну, будь одинъ локонъ—подумали бы, что это сувениръ отъ возлюбленной. А то около десятка локоновъ, да еще, вдобавокъ, сѣдой! Мы стали допрашивать горца, котораго поймали съ этими локонами; молчитъ, бестія, хоть убей!

Digitized by Google

— И между локонами были хорошенькіе? не воняли бараньимъ саломъ и шашлыкомъ?—засмѣялся Пушкинъ.

— Нѣтъ, Александръ Сергѣевичъ,—пречистенькіе, преизящные локончики, только немножко розовымъ масломъ пахли,—отвѣчалъ Мальковъ.

— Исторія!—покачалъ головой Раевскій.—И чѣмъ же все объяснилось?

— А вотъ чѣмъ: это мы уже послѣ узнали. Намъ князь Мадатовъ объяснилъ: онъ, какъ уроженецъ Карабага, знаетъ всѣ восточные обычаи,—отвѣчалъ Овечкинъ.—Дѣло въ томъ, что Сурхай-ханъ и другіе сосѣдніе ханы, находящіеся подъ нашимъ покровительствомъ и недовольные тѣмъ, что мы не дали имъ воли грабить,—сговорились отдаться подъ покровительство Персіи и для этого отправили къ Фетхъ-Али-шаху и къ его наслѣднику, шахъ-задэ Аббасъ-Мирзѣ, двухъ посланцовъ съ локонами своихъ женъ и съ рукавами отъ ихъ платьевъ. Это былъ залогъ того, что они отдаются подъ власть шаха, если посылаютъ ему даже локоны своихъ женъ и части ихъ женскаго туалета...

— Жаль, что не шальвары ихъ,—засмѣялся Пушкинъ.

— Да,—улыбнулся и Овечкинъ.—Ну-съ, такъ вотъ одного-то изъ этихъ посланцовъ, что̀ везъ съ собой локоны, мы и поймали, а другой, съ рукавами, ускакалъ. Онъ-то, вѣроятно, и объявилъ Сурхай-хану, что тайна его открыта, и вотъ онъ въ бѣшенствѣ обрушился на насъ, чтобъ выручить предательскіе локоны, а нашъ несчастный редутъ сравнять съ землей.

— И васъ выручила эта маленькая дикарочка?—спросилъ Раевскій.

— Да, но сама чуть не поплатилась жизнью за свое геройство. Когда стали хоронить убитыхъ въ общей братской могилѣ, никто и не замѣтилъ, что Магуль стояла недалеко, позади офицеровъ, и только когда стали опускать въ могилу бѣднаго Щербину, то услышали чей-то тихій стонъ и крикъ:—оглянулись—это она, бѣдненькая, лежала безъ чувствъ. У нея сдѣлалась нервная горячка, и она нѣсколько недѣль находилась между жизнью и смертью. Нашъ добрѣйшій докторъ, Чуровъ Петръ Ивановичъ, не отходилъ отъ нея, такъ что даже насъ совсѣмъ забросилъ; а мы оба съ Мальковымъ лежали пластомъ отъ жестокихъ ранъ—такъ ему все ни почемъ:—у васъ—гово-

Digitized by Google

рить—ранено только тѣло, а у нея душу пронзили насквозь... Такъ привязался къ ней!—ну, и отходилъ.

— Нѣтъ, представьте себѣ,—заговорилъ Мальковъ,—каковъ чудакъ! Сидитъ это у ея изголовья, а она спитъ. И вдругъ услышитъ, что на дворѣ закаркаютъ вороны,—онъ, какъ сумашедшій, вылетаетъ изъ сакли, бѣжитъ на крышу и страшно грозитъ кулаками раскричавшимся воронамъ и галкамъ, но грозитъ молча, чтобъ не разбудить свою пацiентку. Издали можно было подумать, что это бѣсноватый грозитъ кулаками небу.

— Ахъ, какой милый!—не выдержалъ Пушкинъ.

— Зато и она его полюбила,—добавилъ Овечкинъ:—когда, по приказанiю Ермолова, увозили ее изъ Чираха въ Тифлисъ, она навзрыдъ плакала и обнимала своего «Петра Ивановича»—такъ и повисла у него на шеѣ.

Въ гостинную вошла хозяйка.

— Извините, господа, проморила васъ голодомъ,—сказала она:—но здѣсь не Петербургъ и не Тифлисъ—хозяйство у меня не блистательное. Пожалуйте въ столовую.

Въ столовой уже находились и Нина, и Магуль. Овечкинъ подошелъ къ черкешенкѣ.

— Ну, что, мой другъ и мой товарищъ по оружiю, весело тебѣ?—спросилъ онъ, взявъ ее за руку.

— Веселѐ, — сверкнувъ глазами и бѣлыми, какъ кѝпень, зубками, отвѣчала Магуль.

— А гдѣ веселѣй — здѣсь, или въ Тифлисѣ, или въ Чирахѣ?

— И здѣсь веселѣй, и въ Тифлисѣ веселѣй, и въ Чирахъ веселѣй,—отвѣчала она.

Пушкинъ не сводилъ съ нея глазъ: — и наружность, и судьба юной черкешенки вполнѣ гармонировали съ его поэтической душой. Увидѣвъ у него въ петлицѣ свой ирисъ, она улыбнулась.

За обѣдомъ Пушкинъ замѣтилъ, что Нина все посматриваетъ на него,—и потому заговорилъ съ ней.

— Вы любите лазить по горамъ?—спросилъ онъ.

— Очень люблю,—отвѣчала дѣвочка.

— Такъ хотите—мы завтра на Бештау взберемся?

— Хорошо... И Магуль съ нами?

Digitized by Google

— Конечно, если только это ей понравится.

— О, очень!—она лазитъ, какъ коза.—И Нина расхохоталась.

— Вы чему это смѣетесь?—спросилъ Пушкинъ.

— Да какъ же? Вы поэтъ, и хотите лазить по горамъ.

— Отчего жь мнѣ не лазить?—въ свою очередь разсмѣялся Пушкинъ.

— Да всѣ поэты старые такіе, а вы молодой,—отвѣчала Нина, посматривая на мать.

— Какъ всѣ поэты старые?—спросила княгиня.

— А какъ же, мама!—вонъ Державинъ такой старенькій, и въ колпакѣ, точно нашъ поваръ,—смѣшной такой,—и Ломоносовъ старый:—помнишь ихъ портреты?

— А вашъ другъ Грибоѣдовъ?—онъ молодой,—возразилъ Пушкинъ.

— Да онъ не поэтъ, а только переводчикъ при Мазаровичѣ,—отрѣзала Нюся.

Пушкинъ не посмѣлъ возражать противъ такого авторитета и съ улыбкой любовался прелестными разгорѣвшимися глазами дѣвочки.

— Что вы улыбаетесь? — вдругъ выпалила она: — на мои рѣсницы смотрите?

— Нѣтъ, такъ, вообще, — уклонялся Александръ Сергѣевичъ, боясь расхохотаться.

— То-то,—а я думала, что и вы, какъ Ермоловъ.

— А что Ермоловъ?—кусая губы, спросилъ Пушкинъ.

— Онъ... насмѣшникъ—и я его не люблю.

— Я думаю, это его очень огорчаетъ. А знаете — лукаво добавилъ Александръ Сергѣевичъ—еслибъ вы не были такая большая, я бы васъ сейчасъ расцѣловалъ.

Дѣвочка засмѣялась.—А я бы не далась,—весело сказала она, видимо польщенная тѣмъ, что ее назвали большой.—Такъ завтра мы полѣземъ на Бештау?

— Непремѣнно!

Пушкинъ, наконецъ, завоевалъ сердце маленькой грузинки.

XXIV.

По дорогѣ въ Кисловодскъ.

Предложенному Пушкинымъ восхожденію на Бештау на другой день—не суждено было осуществиться. Княгиня Чав-

Digitized by Google

чавадзе справедливо опасалась, что для ея маленькой Нюси такое восхожденіе будетъ и не по силамъ, и не безопасно, хотя она и Магуль свободно взбирались на вершину Машука, которая гораздо ниже Бештау и болѣе полога. Да и Пушкинъ не настаивалъ на своей затѣѣ, тѣмъ болѣе, что они съ Раевскимъ уже поднимались на пятиглаваго великана и пѣшкомъ, и на лошадяхъ. Притомъ же съ самаго ранняго утра около верхушки Бештау, нѣсколько ниже ея шпица, зацѣпилось небольшое облачко, какъ это часто наблюдается въ горахъ Кавказа, и слѣдовательно до вершины горы приходилось бы пересѣчь это облачко, то есть попасть въ полосу тумана и сырости; а съ верхушки горы все равно нельзя уже было бы видѣть сквозь облачную пелену ни ближайшихъ окрестностей, ни далекихъ панорамъ. Между тѣмъ все остальное небо было чисто и прозрачно, такъ что до самаго хребта, на югъ, на горизонтѣ не замѣчалось ни одного облачка, и снѣжная цѣпь, а въ особенности Эльборусъ, блистали во всей красѣ своими вѣчными алмазами.

Поэтому рѣшено было съ утра же отправиться въ Кисловодскъ, чтобъ погулять тамъ въ горахъ и потомъ выкупаться въ живительномъ Нарзанѣ. Генералъ Раевскій отпускалъ для этой увеселительной прогулки и своихъ дочекъ, Машу и Соню, вмѣстѣ съ миссъ Маттенъ. Прекрасный полъ—княгиня Чавчавадзе, Нина и Раевскія съ своею миссъ—долженъ былъ ѣхать въ экипажѣ, а Пушкинъ съ молодымъ Раевскимъ и съ прелестною Магуль отправлялись верхами. Магуль непремѣнно хотѣла ѣхать на своей бѣлоснѣжной «Гуріи», которую подарилъ ей баронъ Вреде за геройскій подвигъ. Для безопасности отъ нечаянныхъ нападеній со стороны горцевъ, генералъ Раевскій снарядилъ конвой изъ двѣнадцати линейныхъ казаковъ, хорошо вооруженныхъ. Кавалькада двинулась при изъявленіи шумнаго восторга со стороны Нины, Маши и Сони. Магуль же была нѣсколько грустна и даже заплакана. Она только что простилась съ Овечкинымъ и Мальковымъ, которые, окончивъ курсъ лѣченья на водахъ, отправились въ ея родной аулъ Чирахъ, чтобъ принять участіе въ экспедиціи князя Мадатова противъ Сурхай-хана и вѣроломныхъ казикумухцевъ. Прощаясь съ ними, черкешенка вспомнила свою родную саклю, свою первую любовь, свои тайныя свиданія и—скромный

Digitized by Google

крестъ на могилѣ того, котораго она такъ нѣжно любила и такъ трагически лишилась. Овечкинъ понялъ ея чувства и сказалъ, что, прибывъ въ Чирахъ, онъ возложитъ вѣнокъ отъ ея имени на крестъ «своего лучшаго друга, геройскою смертью павшаго, Щербины». Магуль, Пушкинъ и Раевскій ѣхали впереди—оба кавалера по сторонамъ юной черкешенки. За ними слѣдовала длинная линейка съ дамами, запряженная четверкою хорошихъ кабардинскихъ коней. Конвойные держались по бокамъ на каждую сторону по шести казаковъ, зорко осматривавшихъ окрестности—всякую балку, пригорки, кустарники—и отъ времени до времени размѣнивались вопросами съ пикетами, на извѣстномъ разстояніи сторожившими путь около своихъ соломенныхъ шалашей.

Отъ самаго Пятигорска дорога все понижалась, слѣдуя лѣвымъ берегомъ Подкумка. Эльборусъ и снѣжная цѣпь скоро скрылись за ближайшими горами, между которыми извивался капризный Подкумокъ, словно змѣя, сверкая чешуею бѣловатой влаги. Шумъ отъ его быстрыхъ водъ дѣлался все слышнѣе и слышнѣе. Утро было восхитительное. Желто-сизыя сивороики и зеленые щуры крикливо гонялись за изумрудными жучками, бабочками и незлобивыми кавказскими пчелами, которыя не жалятъ. Выше ихъ, распластавъ въ воздухѣ крылья, почти неподвижно стояли надъ долиной хищные копчики, зорко высматривая добычу. Еще выше, спиральными кругами, поднимались къ небу орлы. Долина Подкумка съуживалась, и горы съ обѣихъ сторонъ подвигались ближе и ближе.

— Какая прелесть эта узкая долина!—восхищался Пушкинъ, обращаясь къ княгинѣ Чавчавадзе.—Ничего подобнаго я не видалъ въ жизни.

— Бѣдный!—улыбнулась княгиня:—значитъ, вы еще ничего не видали, если васъ восхищаетъ эта карикатура Кавказа. Посмотрѣли бы вы на ущелье Дарьяла, на виды съ высотъ Гудаура, на всю Грузію. А дикій и грозный Дагестанъ! Вотъ Магуль могла бы вамъ поразсказать, что она видѣла. Да, Гуля?

— Да, мама,—скромно улыбнулась дѣвушка.

— Что жь я видѣлъ?—засмѣялся Пушкинъ:—Мойку, Фонтанку да величественные горы Парголова! А вмѣсто Дарьяльскаго ущелья—Лештуковъ переулокъ.

Digitized by Google

— А величественныя горы Царскаго Села, которыя ты воспѣвалъ?—улыбнулся Раевскій:

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной...

— Перестань!—засмѣялся Александръ Сергѣевичъ, затыкая уши:—и это здѣсь-то вспоминать царскосельскіе водопады?—пощади мой слухъ!

У одного пикета, два казака въ однѣхъ рубахахъ тащили по Подкумку бредень и, увидавъ въ кавалькадѣ офицера, быстро бросили бредень и приложили руки къ вискамъ.

— Что, молодцы, рыбу ловите?—весело спросилъ Раевскій.

— Пеструшку, ваше благородіе, — почтительно отвѣчали казаки, стыдливо поглядывая на свои голыя ноги.

— Какую пеструшку?

— Форель,—подсказалъ Пушкинъ:—ее такъ и мой Никита называетъ.

— А!—счастливаго успѣха, — сказалъ Раевскій и поскакалъ за экипажемъ.

За Ессентуками дорога переходила на правый крутой берегъ Подкумка. Здѣсь кавалькада остановилась, чтобъ напоить лошадей. Дѣвочки соскочили съ линейки и побѣжали рвать цвѣты. По ту сторону Подкумка, на дорогѣ, показались два всадника-горца. Не смотря на знойный день, они были въ буркахъ, изъ-за которыхъ блестѣли кинжалы поперекъ живота, а за спинами торчали винтовки въ косматыхъ чехлахъ. Увидавъ ихъ, дѣвочки бросились къ экипажу.

— Черкесы! черкесы!—испуганно кричали обѣ Раевскія.

— Не бойтесь, барышни,—это мирные, — успокоилъ ихъ возница.

Черкесы проѣхали молча, недружелюбно поглядывая на незваныхъ гостей. Кавалькада двинулась дальше по такому крутому и узкому обрыву, что, казалось, экипажъ ѣхалъ по карнизу, подъ которымъ, въ глубинѣ, бурлилъ и прыгалъ по камнямъ Подкумокъ. Конвойные ѣхали впереди и позади линейки по три въ рядъ.

— Милая Магуль, можетъ быть, ты устала! — спросила княгиня у ѣхавшей впереди черкешенки.—Ты бы присѣла къ намъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, мама, я не устала,—отвѣчала дѣвушка, и, осторожно миновавъ конвойныхъ, стрѣлою понеслась впередъ.

— Ахъ, разбойница! — не вытерпѣлъ Пушкинъ:—надо ее догнать.—И онъ полетѣлъ вслѣдъ за нею. Раевскій послѣдовалъ за нимъ.

— Ну, имъ не догнать ея,—сказала княгиня.

— Ахъ, мама! отчего я не верхомъ?—воскликнула Нина.—И я бы поскакала за Гулей.

— Ну, дѣточка, ты еще мала,—отвѣчала мать.

— А въ Тифлисѣ же я катаюсь верхомъ.

— То въ Тифлисѣ—это совсѣмъ не то.

Въ это время Магуль, Пушкинъ и Раевскій показались обратно.

— Не догнали,—сказалъ Пушкинъ:—сама воротилась:—тамъ какая-то арба ѣдетъ.

Скрипъ арбы, дѣйствительно, слышался издали. Неподмазанная ось и колеса словно плакали.

— И что они не подмазываютъ?—сказалъ Пушкинъ, прислушиваясь къ ноющему скрипу арба.—Эта музыка всю душу вытянетъ.

— Чтобъ знали, значитъ, что честный татаринъ ѣдетъ, не крадется,—пояснилъ возница.

— А когда за камнемъ съ винтовкой сидитъ, такъ не скрипитъ,—засмѣялся Пушкинъ.

Показалась арба. Увидавъ приближающуюся кавалькаду, старый горецъ въ войлочной шляпѣ торопливо сталъ стегать воловъ хворостиной, чтобъ дать дорогу русскимъ, и волы стремительно бросились въ сторону, въ гору, словно козы, рискуя опрокинуть арбу. Въ арбѣ сидѣлъ и подпрыгивалъ отъ толчковъ хорошенькій мальчикъ, сверкая черными глазенками, точно волчонокъ.

— Какой миленькій мальчикъ!—воскликнула Ниночка.

— А выростетъ большой, такъ, поди, рѣзать станетъ нашего брата,—ухмыльнулся возница.

Долина Подкумка, поворачивая вправо, стала расширяться. Лѣвобережныя сѣрыя скалы, поднявшіяся амфитеатромъ, отходили все правѣе и правѣе, образуя крутые обрывы съ чернѣвшими надъ ними пещерами. Дорога все болѣе и болѣе всходила на косогоръ.

Digitized by Google

— Вонъ и Кольцо-гора,—сказалъ Пушкинъ.

— Гдѣ? гдѣ?—заволновалась Ниночка и обѣ дѣвочки Раевскія.

Далеко вправо, у вершины выступа одной скалы, виднѣлось круглое, какъ гигантское кольцо, отверстіе, сквозь которое свѣтилось бирюзовое небо. Пушкинъ указалъ на эту причудливую игру природы.—Отсюда это кольцо кажется небольшимъ, — сказалъ онъ, — но я въѣзжалъ въ него на конѣ съ противоположной стороны скалы—подъемъ отлогій, и все таки не могъ достать вершины кольца, его свода, какъ ни поднимался на стременахъ.

— Тамъ, на стѣнахъ, мы начертали свои имена,—пояснилъ Раевскій.

— Да, мы уподобились великому Наполеону, который начерталъ свое имя на вершинѣ пирамиды Хеопса,—улыбнулся Пушкинъ.—Оттуда онъ воскликнулъ къ своимъ воинамъ: Soldats! quarante siècles vous contemplent du haut de ces pyramides!

— Ну, оттуда солдаты бъ его и не услышали, слишкомъ высоко,—замѣтилъ Раевскій.—А вонъ и Эльборусъ.

— Гдѣ? гдѣ? покажите!—опять заволновались дѣвочки.

Имъ показали. Громадный стогъ поразительно бѣлаго снѣга, казалось, подымался къ небу изъ-за ближайшихъ къ нему зеленыхъ горъ и подавлялъ воображеніе какою-то своею отчужденностью:—это было, дѣйствительно, нѣчто не отъ міра сего, далекое, недоступное, вѣчно молчаливое и грозное.

— Его снѣговое величество сегодня милостиво показывается народу—не драпируется въ свою обычную порфиру,—сказалъ Пушкинъ, почтительно снимая шляпу:—vive le roi des montagnes!

— Да,—задумчиво промолвилъ Раевскій: — подумать, что отъ сотворенія міра ничья человѣческая нога не касалась этой царственной вершины—удивительно!

— А, можетъ быть, черкесы и всходили туда,—замѣтилъ Пушкинъ.

— Едва ли,—сказала княгиня:—у всѣхъ горскихъ народовъ существуетъ повѣрье, что ни на Эльборусъ, ни на Казбекъ, ни на Арарать Аллахъ не дозволяетъ всходить человѣку; всякій дерзкій погибнетъ тамъ въ снѣжныхъ пропастяхъ.

Digitized by Google

— Но русскіе не побоятся Аллаха—взойдутъ,—замѣтилъ Пушкинъ.

Кавалькада поднималась все выше и выше. И слѣва высокіе хребты горъ, покрытыхъ зеленью съ сѣрѣющими по ребрамъ ихъ скалами, стали отходить все дальше на юго-западъ, къ предѣламъ Абхазіи. Ближе—Елизаветина гора въ видѣ гигантскаго удлиненнаго скирда; дальше — Сѣдло-гора съ сѣрыми обрывами полукругомъ и темнѣющими на ихъ ребрахъ пещерами.

— А вонъ и Кисловодскъ,—указалъ кнутовищемъ возничій на углубленіе подъ обрывомъ Крестовой горы, съ группами зелени.

— Здѣсь конецъ цивилизаціи, — пояснилъ Пушкинъ, — а дальше—держи ухо востро.

XXV.

«Кавказскій плѣнникъ».

Спустившись съ горы и переѣхавъ въ бродъ неглубокую, но быструю горную рѣчку, которую русскіе окрестили именемъ Ольховки, наши путешественники остановились на мыскѣ, образуемомъ сліяніемъ этой рѣчки съ другою, такою же бурливою—Березовкою.

Оставивъ на минутку дамъ привести себя въ порядокъ послѣ трехчасоваго путешествія и заказавъ духанщику Наркизову изготовить для общества шашлыкъ изъ карачаевскаго барашка и уху изъ форелей, Пушкинъ и Раевскій отправились къ Нарзану, чтобъ напиться освѣжительной влаги, а потомъ искупаться въ купальномъ бассейнѣ этого источника. Освѣженные купаньемъ, они воротились къ дамамъ и предложили — пока будутъ готовить уху и шашлыкъ—взобраться на Крестовую гору. Дѣвочки приняли это предложеніе съ восторгомъ. Рѣшено было подниматься на гору съ фаса, по крутому, почти отвѣсному скату, а не боковымъ лѣвымъ обходомъ. Однако княгиня Чавчавадзе и миссъ Маттенъ выразили протестъ, говоря, что ни онѣ, ни ихъ дѣвочки не могутъ взойти на такую крутизну, и что лучше подняться на гору въ обходъ.

— Нѣтъ, мама, я пойду прямо,—возражала Ниночка:—эта гора ниже нашего Сіона, я взойду.

— И я съ Ниной,—приняла ея сторону Магуль.

Digitized by Google

— Браво, браво, mesdames! мы будемъ вашими кавалерами!—поддерживалъ ихъ Раевскій.

Сколько ни спорила княгиня съ упрямой Нюсей, та поставила на своемъ, и путешественники раздѣлились на двѣ партіи: Пушкинъ, Раевскій, Нюся и Магуль направились къ отвѣсному ходу, а остальные—въ обходъ. Какъ ни трудно было восхожденіе, но Нюся и Магуль, словно двѣ козочки, быстро добрались до того мѣста горы, гдѣ, почти у самой вершины, она образуетъ каменный выступъ въ родѣ карниза. Магуль, будучи выше ростомъ, чѣмъ ея маленькая пріятельница, и выросши среди скалъ Дагестана, въ одно мгновеніе очутилась на карнизѣ. Весело засмѣявшись, она перегнулась съ выступа, подала руку Нюсѣ и втащила ее къ себѣ. Нюся радостно захлопала въ ладоши, когда увидѣла, что Пушкинъ и Раевскій, оба красные и запыхавшіеся, взобрались только до половины горы, постоянно останавливаясь, чтобъ перевести духъ. Но на карнизъ они все таки не могли взобраться прямо и должны были пройти нѣсколько лѣвѣе,—у пещеры, съ находившимся въ ней образомъ,—чтобы подняться на верхъ.

— Какая панорама — роскошь! — воскликнулъ Пушкинъ, глубоко вбирая въ себя горный воздухъ.

Панорама была, дѣйствительно, прелестная. Внизу подъ ногами, въ глубокой долинѣ, среди высокихъ чинаръ, липъ, тополей и платановъ, сверкалъ и пѣнился каскадами горный ручей. Вправо, небольшая крѣпость съ ея сѣрыми стѣнами и башнями. Далѣе — тянулись и исчезали въ горахъ глубокія ущелья съ нависшими на нихъ, то голыми, то поросшими кудрявою зеленью скалами. Позади—цѣлый амфитеатръ горъ, заслонившихъ собою далекій небосклонъ.

— Ну, милая Магуль, прочти, что на крестѣ написано,— говорила между тѣмъ Ниночка, стоя съ своей пріятельницей передъ громаднымъ каменнымъ крестомъ, къ которому прибита была желѣзная доска съ надписью.—Ну, читай.

— Я не умѣю,—отвѣчала Магуль.

— Не правда! я тебя научила читать... Ну!

— Кре-кре-сту тво-твоему по-покло-няемся. А-аминь.

— Молодецъ!—А сколько тутъ нацарапано именъ! — Это тѣ, которые взбирались сюда. — А! — вотъ и по грузински что-то вырѣзано.

Digitized by Google

И Нина перевела по русски то, что было вырѣзано по грузински.

— «Царевна Дареджана, дочь Соломона II-го, царя Имеретіи; тысяча-восемьсотъ-шесть».—А!—это царевна Дареджана, та, что постриглась было въ монахини...

Подошли Пушкинъ и Раевскій.

— Что это вы читаете, милая княжна?—спросилъ послѣдній.

— Вотъ надпись царевны Дареджаны,—отвѣчала Нина.—А рядомъ съ нею другая: «княжна Геоухеръ, дочь Ибрагимъ-хана карабагскаго».

— Что это тутъ вамъ читаетъ мой маленькій джигитъ?—спросила княгиня, вмѣстѣ съ миссъ Маттенъ и сестренками Раевскаго подходя къ кресту съ другой стороны.

— Ахъ, мама, я нашла тутъ подписи царевны Дареджаны Соломоновны и принцессы Геоухеръ изъ Карабага,—отвѣчала Нина.

— Кто онѣ такія—эта Дареджана и Геоухеръ, княгиня?—спросилъ Пушкинъ.

— О, это длинная и романическая исторія,—отвѣчала княгиня.—Царевна Дареджана, дочь Соломона II-го, послѣдняго царя Имеретіи, — необыкновенная красавица. Когда, въ 1810 году, ея отца лишили престола за вѣроломство и измѣну, и онъ бѣжалъ въ Турцію,—эта самая Дареджана, которой было тогда лѣтъ семнадцать-восемнадцать, съ горя удалилась въ монастырь св. Нины. А въ нынѣшнемъ году, когда ея родственникъ, князь Иванъ Абашидзе, взбунтовался противъ русскихъ и поднялъ на ноги почти всѣхъ князей Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, Дареджана тайно бѣжала изъ монастыря и вступила въ ополченіе своего кузена, князя Абашидзе. Но когда русскія войска разбили бунтовщиковъ и разрушили замокъ Шемокмети князя Кайхосро Гуріели, гдѣ повстанцы защищались очень храбро, — царевна Дареджана вмѣстѣ съ прочими бѣжала въ Турцію.

— Бѣдненькая... если только она хорошенькая,—улыбнулся задумчиво Пушкинъ.

— Говорю вамъ: красавица! добавила княгиня.

— А эта—какъ ее?—карабагская?

— Геоухеръ? Это дочь знаменитаго Ибрагимъ-хана, быв-

Digitized by Google

шаго владѣтеля Карабага. Ихъ судьба также замѣчательна. Ибрагимъ-ханъ находился подъ покровительствомъ Россіи, какъ и Сурхай-ханъ казикумухскій и другіе ханы. Но когда былъ измѣннически убитъ князь Циціановъ, всѣ эти ханы вздумали было отложиться отъ Россіи и передаться подъ покровительство Персіи. Дочь Ибрагима, Геоухеръ, тогда четырнадцатилѣтняя красавица и пріятельница царевны Дареджаны, гостила въ семействѣ царя Соломона и, вмѣстѣ съ царицею Маріею и Дареджаной, находилась здѣсь, въ Кисловодскѣ. Тогда-то онѣ и вырѣзали здѣсь свои имена. Когда Геоухеръ воротилась къ отцу въ Шушу, измѣна его была открыта, и онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ своею младшею дочерью Лейлою и сыномъ Искандеромъ.

— А эта красавица жива?—спросилъ Пушкинъ.

— Да. Геоухеръ, какъ и ея погибшую сестренку Лейлу, шахъ хотѣлъ взять въ жены своимъ сыновьямъ, но когда погибъ самъ Ибрагимъ-ханъ и на престолъ Карабага вступилъ сынъ его Мехти-Кули-ханъ, то онъ и отдалъ свою сестру—вотъ эту самую красавицу Геоухеръ—въ замужство дряхлому старику и богачу Джафаръ-Кули-хану. А извѣстно, что когда мужъ очень старъ, а жена—молоденькая и притомъ красавица, то всегда дѣло кончается романомъ... Но романъ ея кончился трагически для ея возлюбленнаго:—нукеры стараго мужа просто застрѣлили его.

— А красавица?—спросилъ Пушкинъ.

— Красавица сначала овдовѣла, а потомъ вышла замужъ за идіота съ милліонами.

Когда вскорѣ затѣмъ наши путешественники сошли съ Крестовой горы и воротились къ своей стоянкѣ, то и шашлыкъ, и уха были уже готовы. Духанщикъ Наркизовъ разостлалъ на травѣ коверъ, досталъ въ казенной гостинницѣ приличную посуду и выставилъ нѣсколько бутылокъ кахетинскаго вина.

Съ веселымъ смѣхомъ всѣ расположились на коврѣ и усердно принялись за уху.

— Хлѣбъ да соль, ваши благородія,—сказалъ, подходя къ трапезующимъ, старый казакъ на деревяшкѣ и съ Георгіемъ.

— Спасибо, кавалеръ, — отвѣчалъ Раевскій.—Ты что же, любезный?

Digitized by Google

— Да вотъ спросить ваши благородія — хороши ли мои пеструшки, что вы кушаете?

— А это развѣ твоя форель?—спросилъ Пушкинъ.

— Моя, ваша милость,—я самъ наловилъ.

— А за что ты получилъ Георгія?

— Вотъ за эту самую деревяшку,—бойко отвѣчалъ казакъ, выставляя впередъ деревянную ногу.

— Значитъ, былъ въ горячемъ дѣлѣ?

— Бывалъ не разъ да и черкесскаго хлѣба-соли испробовалъ.

— Какъ?

— Въ полону побывалъ, ваша милость.

— А! это интересно, — засуетился Пушкинъ. — Разскажи, сдѣлай милость, какъ тамъ все у нихъ,—сказалъ онъ, подавая инвалиду стаканъ вина.—Садись, кавалеръ, и разскажи.

— Длинна исторія, баринъ, — отвѣчалъ инвалидъ, выпивъ вино и возвращая стаканъ.

— Ничего—тѣмъ лучше: мы послушаемъ,—сказалъ Раевскій.

— Ну, инъ такъ и быть,—сказалъ старикъ, и усѣлся на ближній камень.

— Давно это было,—началъ онъ,—такъ давно, что васъ никого еще и на свѣтѣ не было:—тогда только что начали садиться по Кубани запорожцы. Раньше того, на Кубани же, выше Урупа, осѣлась и наша станица. Житье было привольное, да только безъ винтовки, съ позволенія сказать, и до вѣтру нельзя было выйти. Такъ, по ночамъ, по берегу Кубани мы держали чати, сказать бы—бекеты (пикеты), чтобъ онъ, татаринъ, невзначай не нагрянулъ съ того берега. Такъ вотъ, ваши благородія, сижу я такъ-то ночью—моя черга была, сказать бы: мой черёдъ:—сижу я такъ-то въ секретѣ, поглядываю на рѣку; а ночь—сказать бы—была темнѣй темнаго; ничего не видно, только слышно, какъ вода въ рѣкѣ съ камышами шепчется. И вдругъ это, ваши благородія, что-то пролетѣло въ воздухѣ, словно птица,—да мнѣ прямо на шею. Не успѣлъ я вскочить—оно и поволокло меня, да прямо въ Кубань:—это меня, значитъ, словно овцу, арканомъ захлеснули и поволокли,—и крикнуть не успѣлъ. Диви только, какъ я не захлебнулся въ водѣ! Слышу — ужь я на томъ берегу, и мнѣ ротъ кляпомъ заби-

Digitized by Google

ваютъ... Забили—дивѝ только, какъ я не задохся. Связали меня, перекинули на спину лошади, словно суму переметную, и поскакали въ горы, къ ихнему аулу. Пріѣхали—свѣтать начинало. Обступили меня старики, бабы и дѣти:—урусъ! урусъ!—кричатъ, а иныя — старухи больше—и въ глаза плюютъ. А тамъ—и кандалы на ноги. И сталъ я, ваши благородія, пастухомъ у ихъ—за овцами доглядать приставили. А парень я въ ту пору былъ молодой, видный, русы кудри золотомъ отливали,—да покелева не въ томъ рѣчь... Пасу это я овецъ, сижу на камнѣ, плету изъ прутьевъ плетешкѝ для старыхъ татарокъ, а самъ все рвусь думою на родину. Живу такъ мѣсяцъ, другой,—привыкать сталъ и ко мнѣ попривыкли. Больше да больше, и бормотать по ихнему малость научился и все больше отъ ребятишекъ:—имъ я саночки изъ прутиковъ плелъ. На ночь, бывало, загоню овецъ въ кошъ, дадутъ мнѣ чурекъ да овечьяго сыру, поужинаю я, помолюсь,—да около овецъ въ кошѣ, подъ каменнымъ навѣсомъ, и ночую вмѣстѣ съ собаками. А собаки такія, что̀ звѣря за версту чуютъ. Днемъ опять съ овцами въ горы, плету свои плетешкѝ да мурлычу нашу станичную пѣсню:

Ужь вы, горы мои,
Горы кавказскіи!
Вы позвольте, горы,
Дли васъ постояти:
Намъ не годъ годовати—
Одну ночь ночевати,
Свинецъ-порохъ получати.

Разсказчикъ помолчалъ немного, грустно покачивая головой; потомъ досталъ изъ кармана своего чекменя трубочку, набилъ ее табакомъ, взялъ голыми руками изъ костра тлѣющій уголекъ и, раскуривая трубочку, продолжалъ:

— Эта пѣсня, ваши благородія, и выручила меня. Не разъ я, играючи ее, плакалъ — все о родной сторонѣ вспоминалъ, да потомъ и замѣтилъ, что не одинъ я подъ эту самую пѣсню плачу. Запримѣтилъ я, что приходила меня слушать одна молоденькая татарочка—черкешенка, сказать бы: — сидитъ это невдалекѣ на камушкѣ, шьетъ что либо, слушаетъ меня, да нѣтъ-нѣтъ и утретъ слезы рукавомъ. И повѣрите ли, ваши благородія,—этими слезами своими она мнѣ все сердце исполосовала. Дальше — больше, стала она подходить ко мнѣ, то

Digitized by Google

чурекъ свѣжій принесетъ, то кусокъ овечьяго сыру. Заговаривать стала, утѣшать по своему. И полюбилась она мнѣ пуще сестры родной.

— А хороша была?—спросилъ Пушкинъ, глубоко заинтересованный разсказомъ.

— Ужь такъ-то хороша, ваша милость, что и сказать не умѣю,—вздохнулъ разскащикъ.—Дальше-больше—и полюбились мы... Знамо, дѣло молодое... Ее же, какъ я узналъ, сулили продать въ чужой аулъ замужъ за нелюба. Коротали мы съ нею такъ-то не одну ночку въ моемъ кошѣ... А все, ваши благородія, сказать правду, все тянуло меня на родимую сторонку: нѣтъ-нѣтъ, да и засосетъ мнѣ сердце, а тогда и ласкамъ ея не радъ я былъ. Замѣтила она это, утѣшала меня, пуще прежняго голубила, да ничто не помогало. Она, бывало, въ слезы, я тоже—молодъ былъ, слезъ глотать не выучился. Не перенесла она моихъ слезъ:—знамо, дѣло женское—мужскія слезы имъ пуще ножа востраго... Женское дѣло жалостливо, не то что наше. И говоритъ мнѣ эдакъ: «домой хочешь»?—Хочу, говорю:—уйдемъ вмѣстѣ со мною въ Расею.—«Нѣтъ—говоритъ—не бывать этому: родилась въ горахъ и умру въ горахъ; а станутъ продавать въ чужой аулъ — въ Кубани утоплюсь»... Жаль мнѣ ее было; признаться, вѣ какъ жаль, а себя—пуще того.—Если—говорю—не хочешь со мной уйти, такъ выведи меня къ Кубани, потому я здѣшнихъ мѣстовъ не знаю. Заплакала она, и я съ нею заплакалъ — молодъ былъ, слезливъ. Обнялись мы и плачемъ... Много дней мы такъ-то плакали... Не стерпѣла она мужскихъ слезъ... Однова ночью, когда весь аулъ выбрался на поиски—въ набѣгъ, сказать бы,—и дома остались старики да бабы съ дѣтьми, приходитъ она, Зюльма, ко мнѣ, приноситъ съ собою пилу и кинжалъ, и говоритъ:—Прощай, мой соколъ, распусти свои крылья и лети домой». И стала она сама распиливать на мнѣ кандалы, а сама плачетъ-плачетъ, слезы такъ и капаютъ мнѣ на босыя ноги... Плачу и я, да цѣлую ея головку...

— Что ты, моя радость? — тихо спросила княгиня, видя, что Ниночка ея, уткнувшись въ колѣни матери, тихо всхлипываетъ.—Что ты, моя крошка?

— Мнѣ жаль ее, мама,—всхлипывая, проговорила дѣвочка.

Digitized by Google

— Кого, дѣточка?

— Зюльму, мама.

Всѣ были глубоко тронуты и разсказомъ инвалида, и слезами дѣвочки.

— Что же, наконецъ, старина?—спросилъ Пушкинъ, когда всѣ немного успокоились.

— Да тѣмъ, ваше благородіе, дѣло и кончилось,—отвѣчалъ старикъ.—Вывела она меня до Кубани, простилась со мной, и вотъ я теперь здѣсь, а что съ ней—Богу извѣстно.

Разсказъ этотъ и послужилъ темою для знаменитой поэмы Пушкина—«Кавказскій плѣнникъ»; только подъ вліяніемъ Байрона поэтъ украсилъ его слишкомъ яркими цвѣтами романтизма [1]).

Уже ночью наши путешественники возвратились въ Пятигорскъ.

XXVI.

Передъ грозой.

Отъ подножія Машуки перенесемся въ глубь суроваго Дагестана, къ укрѣпленію Чирахъ, съ котораго началось наше повѣствованіе.

Раннимъ лѣтнимъ утромъ, изъ воротъ редута вышелъ знакомый намъ капитанъ Овечкинъ, а съ нимъ высокій красивый генералъ восточнаго типа, но не грузинскаго, а татарскаго, представителей котораго можно видѣть въ Карабагѣ и по склонамъ горъ, и въ долинахъ Малаго Кавказа. Черные добрые глаза генерала смотрѣли задумчиво и какъ-то апатично, точно все ими видѣнное—и это чудное утро, и безоблачное бирюзовое небо, и эти красивые и грозные изломы горъ, и сѣрыя сакли аула, лѣпившагося по скалистому взгорью,—точно все это давно имъ приглядѣлось, и не красота природы занимала душу этого задумчиваго человѣка. Это былъ князь Мадатовъ, Валерьянъ Григорьевичъ, правая боевая рука Ермолова. У Овечкина въ рукахъ былъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ—съ розами, ирисами, азаліями, а также и незабудками, которыхъ нѣжная

[1]) Въ дѣтствѣ, въ 40-хъ годахъ, я зналъ одного донскаго войсковаго старшину, который разсказывалъ мнѣ объ этомъ пребываніи Пушкина въ Кисловодскѣ.

Digitized by Google

скромность особенно выигрывала въ обществѣ пышныхъ розъ и азалій.

— Да, правъ Алексѣй Петровичъ,—говорилъ тихо Мадатовъ, подходя къ грудамъ камней разрушеннаго минарета:— желѣзо и кровь создаютъ царства, подобно тому какъ въ мукахъ рождается человѣчество.

Они остановились передъ безобразной грудой камней, подъ которые прятались ящерицы, заслышавъ шумъ шаговъ.

— Такъ здѣсь погибъ Щербина?—спросилъ Мадатовъ.

— Здѣсь, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Овечкинъ, вздохнувъ.

— Бѣдный юноша! но онъ легъ прочнымъ камнемъ въ основу владычества Россіи въ грозномъ Дагестанѣ. А что та дѣвушка?

— Магуль? Я оставилъ ее въ Пятигорскѣ у княгини Чавчавадзе. Это вѣнокъ отъ ея имени.

— Такъ она помнитъ его? скорбитъ?

— Скорбитъ молча—удивительная дѣвочка!

Они взглянули на слѣды разрушенія въ мечети, въ казармахъ, и направились къ «братской могилѣ».

— Да, желѣзомъ и кровью создаются царства,—какъ бы про себя проговорилъ Мадатовъ.—Желѣзомъ и кровью мы возстановили порядокъ въ Грузіи, Имеретіи, въ Гуріи и Мингреліи. Желѣзомъ и кровью очистилась отъ измѣны моя родина—Карабагъ, и преступная кровь Ибрагимъ-хана карабагскаго, равно невинная кровь прекраснаго ребенка Лейлы и ея брата Искандера послужили цементомъ для скрѣпленія Карабага съ Россіей,—говорилъ онъ, глядя на горы, обступившія со всѣхъ сторонъ Чирахъ.

Овечкинъ молчалъ, повидимому занятый созерцаніемъ своего вѣнка; но мысль его была далеко. Мадатовъ вынулъ изъ кармана небольшой листъ бумаги.

— Алексѣй Петровичъ пишетъ, чтобъ мы избѣгали горъ,— сказалъ онъ, пробѣгая глазами бумагу.—Tâchez de tenir la plaine où vous serez invincible, mais quittez au plutôt le pays montagneux de Koumoukh, d'où il ne vous sera pas facile de sortir en présence des kasikoumoukhs... Но какъ же тутъ выйти изъ горъ, когда кругомъ горы? А?

— Ничего, ваше сіятельство,—мы и въ горахъ съ ними справимся,—отвѣчалъ Овечкинъ, глядя на горы

Digitized by Google

Еще Ермоловъ пишетъ мнѣ: — Je n'ai qu'une chose à vous recommander, cher Madatow, — s'est de prendre garde aux Sourkhaj-khan et kasikoumoukhs et qu'ils ne vous arrivent avec de trop grandes forces. Le moindre mouvement rétrograde de votre part pourra les encourager et faire du tort à nos affaires... Вы понимаете?

— Къ сожалѣнію, ваше сіятельство, я плохо понимаю по французски, — отвѣчалъ Овечкинъ сконфуженно.

— Видите ли, Алексѣй Петровичъ пишетъ, чтобы мы вообще были осторожны съ Сурхай-ханомъ и его казикумухцами, и не допустили бы ихъ напасть на насъ съ большими силами; что малѣйшее отступленіе съ нашей стороны увеличитъ ихъ дерзость и нанесетъ намъ большой вредъ.

— О, этого не будетъ! — горячо возразилъ Овечкинъ: — мы имъ заплатимъ за Чирахъ! Мои раны до тѣхъ поръ будутъ ныть, пока я не обмою ихъ вражеской кровью.

Они подошли къ «братской могилѣ», которая успѣла уже порости зеленою травкою. Издали они замѣтили на крестѣ птичку, которая радостно чирикала, а при ихъ приближеніи улетѣла. Овечкинъ преклонилъ колѣни передъ могильной насыпью, а Мадатовъ, склонивъ голову, глубоко задумался. Потомъ Овечкинъ повѣсилъ вѣнокъ на перекладину креста и перекрестился.

— Это отъ Магуль, — тихо сказалъ онъ.

— Да, — какъ бы размышляя самъ съ собой, проговорилъ Мадатовъ: — эта дѣвочка сама не знаетъ цѣны своего подвига — не вызови ее любовь къ Щербинѣ на геройскій, хотя чистодѣтскій подвигъ по сердечнымъ побужденіямъ и не продержись Щербина два дня въ минаретѣ, — редутъ погибъ бы. А это было бы сигналомъ къ возстанію во всемъ Дагестанѣ. Еще бы! — «взята русская крѣпость!» — этотъ кличъ огласилъ бы въ первый разъ горы и долы.

— Какое, ваше сіятельство, два дня! двухъ часовъ довольно было бы, чтобъ задавить редутъ численностью, — сказалъ Овечкинъ. — А они всѣ устремились на минаретъ. Магуль видѣла это съ кровли своей сакли...

— А гдѣ ея сакля? — спросилъ Мадатовъ.

— Вонъ вправо, въ концѣ аула, надъ обрывомъ, гдѣ кустъ боярышника. Дѣвочка видѣла, что въ минаретѣ засѣлъ Щер-

Digitized by Google

бина, и поспѣшила въ Курахъ, гдѣ и оповѣстила барона Вреде объ опасности.

— Да,—задумчиво проговорилъ Мадатовъ:—любовь—великая сила.

— Да, ваше сіятельство, любовь могущественнѣе даже желѣза и крови,—неожиданно сказалъ кто-то сзади.

И Мадатовъ, и Овечкинъ оглянулись:—передъ ними стоялъ и добродушно улыбался докторъ Петръ Ивановичъ Чуровъ, держа въ рукахъ черненькую, въ кожаномъ переплетѣ, книжку: то было евангеліе—«моя рецептура», какъ выражался чудакъ.

— А! это вы, докторъ?—улыбнулся Мадатовъ.

— Да, князь; вотъ эта книжка—онъ щелкнулъ пальцемъ по кожаному переплету—сильнѣе пушекъ.

— Такъ ли?—улыбнулся Мадатовъ.

— Да-съ, ваше сіятельство, такъ-съ!—горячо проговорилъ Петръ Ивановичъ:—Христосъ побѣдилъ весь міръ не пушками-съ, а вотъ этою книжкой—любовью-съ!

— Такъ-то такъ, господинъ докторъ,—серьезно проговорилъ Мадатовъ:—но онъ былъ Богъ, а мы, простые смертные, безъ желѣза и крови, то-есть безъ пушки, не обойдемся... Подите-ка съ этой книжкой на Сурхай-хана.

— И пойду... съ любовью... Вонъ любовь миленькой Магуль спасла Чирахъ.

— Правда, правда,—согласился Мадатовъ.

— Ахъ ты, бѣдненькая! не бойся—они сейчасъ уйдутъ,—вдругъ проговорилъ докторъ, слѣдя за чѣмъ-то глазами.

Мадатовъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на него, недоумѣвая, съ кѣмъ онъ говоритъ.

— Да вотъ, ваше сіятельство, мы пугаемъ ее, — проговорилъ докторъ, продолжая оглядываться.

— Кого?—спросилъ Мадатовъ.

— Да вонъ гилу: птичка летаетъ маленькая — гила — и плачетъ... у нея тутъ дѣтки.

И докторъ, подойдя къ могильному кресту, нагнулся къ травѣ, поросшей у подножія креста.

— Ишь дурачки, какъ ротики разѣваютъ,—думаютъ: мама... Ну, ну, сейчасъ уйдемъ, она васъ накормитъ,—говорилъ онъ, отходя отъ креста. — Вотъ она, любовь-то... гнѣздышко свила на могилѣ нашихъ братьевъ, и слышутъ они изъ могилы, какъ любовь поетъ надъ ними.

Digitized by Google

Овечкинъ махнулъ рукой.—Чудакъ, вѣчный ребенокъ! съ птичками возится...

Со стороны Чирахъ-чая доносился смѣшанный гулъ—людской говоръ, ржаніе лошадей и шумъ разгулявшагося послѣ дождей Чирахъ-чая, по берегу котораго кой-гдѣ дымились костры. Куда ни хваталъ глазъ, вездѣ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, виднѣлись лошади, стоявшія въ козлахъ ружья, группы татаръ и русскихъ солдатъ. Это былъ отрядъ князя Мадатова, состоявшій изъ 500 всадниковъ карабагскихъ, 300 шекинскихъ, 400 ширванскихъ и 800 кюринскихъ, подъ начальствомъ Асланъ-хана, и изъ нѣсколькихъ ротъ апшеронскаго и куринскаго полковъ. Мадатовъ велъ ихъ для наказанія вѣроломнаго Сурхай-хана и его союзниковъ, посылавшихъ въ Персію, къ Фетхъ-Али-шаху и Аббасъ-Мирзѣ, локоны своихъ женъ и рукава ихъ платьевъ.

Смѣшно было видѣть и слышать, какъ солдатики объяснялись съ своими азіатскими союзниками.

— Халала-малала-балала!—дай табачку, кунакъ!—болталъ одинъ, дѣлая руками непередаваемые жесты.

— Якши-хошъ-гелды—Сурхай-ханъ собачій сынъ!—объяснялся другой.

— Гокъ-чокъ—чигирики-чокъ-чигири—комарики мухи комары!—заливался третій.

И татары въ свою очередь смѣялись, сами не зная чему.

Едва Мадатовъ, Овечкинъ и докторъ Чуровъ отошли отъ братской могилы, какъ къ нимъ приблизился со стороны горъ небольшой отрядъ татарской милиціи, впереди котораго ѣхали русскій офицеръ и татарскій. Это были майоръ Мартыненко и майоръ Хассанъ-ага, братъ Асланъ-хана кюринскаго, которыхъ Мадатовъ посылалъ на рекогносцировку. Оба они, спѣшившись и бросивъ поводья своихъ лошадей въ руки ближайшихъ всадниковъ, подошли къ Мадатову.

— Ну, что, товарищи?—спросилъ ихъ послѣдній.—Выслѣдили волка?

— Выслѣдили, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Мартыненко, загорѣлый брюнетъ съ длиннымъ сухимъ носомъ.—Самъ Сурхай-ханъ укрывается съ своими узденями въ аулѣ Гулули, верстахъ въ четырехъ отъ аула Хозрекъ, охраняемаго его авангардомъ. Добытые нами языки увѣряютъ, что въ авангардѣ у

Digitized by Google

Сурхая не менѣе шести тысячъ сабель, и лѣвое крыло его укрѣплено завалами вдоль горы, которая господствуетъ надъ проходомъ къ Хозреку.

— А проходъ этотъ?—спросилъ Мадатовъ.

— Узокъ и труденъ, ваше сіятельство,—тѣснина ужаснѣйшая: съ обозомъ намъ будетъ неспособно протѣсняться по ущелью.

— Непріятель его обстрѣливаетъ?—снова спросилъ Мадатовъ.

— Обстрѣливаетъ съ высотъ по всей линіи.

— А съ которой стороны?

— Съ правой, гдѣ у него завалы впереди Хозрека.

Замѣтивъ, что Хассанъ-ага, плечистый, а въ таліѣ перетянутый въ рюмочку, горбоносый джигитъ, улыбается въ бороду, Мадатовъ заговорилъ съ нимъ по татарски.

— А что скажетъ почтенный ага?—спросилъ онъ.

— Пророкъ сказалъ: когда левъ нападаетъ на стадо барановъ, тогда будетъ кормъ и льву, и хищнымъ птицамъ,—иносказательно отвѣчалъ Хассанъ-ага.

— И ага надѣется, что кормъ этотъ будетъ въ изобиліи?

— Пророкъ сказалъ:—кто укралъ горсть рису, тотъ боится и рисовой соломы,—былъ отвѣтъ.

— Я знаю, ага имѣетъ львиное сердце и крылья орла,—сказалъ Мадатовъ.

— Прикажи мнѣ, князь, взять завалы по пути къ Хозреку, и я возьму ихъ:—тогда некому будетъ обстрѣливать тебя съ высотъ, когда ты будешь двигаться ущельемъ,—пояснилъ Хассанъ-ага.

— Хорошо, Хассанъ-ага,—сказалъ Мадатовъ:—исполни то, что ты обѣщаешь, и великій государь, во владѣніяхъ котораго никогда не заходитъ солнце, прочтетъ твое имя въ числѣ первыхъ героевъ въ донесеніи сардарю Ермулу.

Глаза азіата блеснули радостью.

— Самъ великій государь прочтетъ мое имя?—спросилъ онъ.

— Да, онъ лично читаетъ имена героевъ,—отвѣчалъ Мадатовъ.

Выступленіе назначено было на другой день.

Digitized by Google

XXXII.

Гроза разразилась.

Это было кровавое дѣло.

Главныя силы—пѣхота и артилерія, въ числѣ 14-ти орудій, и часть татарской конницы—двинулись вдоль ущелья, въ сѣверномъ направленіи, къ Хозреку. Храбрый Хассанъ-ага съ своею конницей пошелъ правымъ горнымъ хребтомъ, прикрываясь скалами и преодолѣвая страшныя препятствія. Въ его восточномъ пылкомъ воображеніи рисовалось, какъ далеко, гдѣ-то, тамъ на сѣверѣ, за горами, какой-то непостижимый для его азіатскаго ума «великій государь», владѣтель страны, гдѣ «никогда не заходитъ солнце», будетъ лично читать его Хассанъ-аги, имя въ числѣ героевъ, подобныхъ Автандилу и Таріелю, героямъ «Барсовой шкуры», съ содержаніемъ которой онъ познакомился въ Грузіи. Онъ уже видѣлъ передъ собою картину боя героя Таріеля, какъ тотъ врѣзался въ самую густую толпу враговъ, «словно коршунъ въ стаю голубей», какъ отъ его дамасской сабли «выростали на землѣ цѣлые холмы коней и людей побитыхъ», какъ иной изъ нихъ, «словно раздавленный червь, извивался въ своей крови», а другой, «распластанный на двое, свѣсился, словно двѣ переметныя сумы, по бокамъ своего коня». Ему уже чудится, какъ три сказочныя красавицы востока, арабская царевна Тинатина и царевна Грузіи Тамара, и Нестанъ-Дареджана—оспариваютъ одна у другой любовь героя и побѣдителя Сурхай-хана, доблестнаго Хассанъ-аги, имя котораго будетъ читать самъ «великій государь»... Старшій братъ Хассанъ-аги, Асланъ-ханъ кюринскій, повелъ свою конницу лѣвою нагорною стороною ущелья, съ тѣмъ чтобъ, обойдя аулъ Гулули, гдѣ скрывался самъ Сурхай-ханъ, отрѣзать ему отступленіе къ своей столицѣ, къ Казикумуху.

Утро было ясное, солнечное. Зной дагестанскаго солнца умѣрялся прохладнымъ вѣтеркомъ, вѣявшимъ съ горъ вдоль ущельевъ. Солдаты шли весело, легко, не смотря на трудности горнаго пути. Ихъ воодушевляла мысль отмстить за товарищей, погибшихъ подъ Чирахомъ отъ вѣроломныхъ казикумухцевъ. «Дядя Назарычъ», украшенный уже вторымъ Георгіемъ, изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей бросалъ иногда

Digitized by Google

украдкой пытливый взглядъ на того разжалованнаго фельдфебеля, котораго онъ самъ же прозвалъ «воинскимъ трахвеемъ» и который, въ минуту крайней опасности, предложилъ было сдать Чирахъ Сурхай-хану, за что и былъ связанъ по приказанію раненаго Овечкина. Съ тѣхъ поръ этотъ несчастный «трахвей», видя отчужденіе товарищей, впалъ въ глубокое отчаяніе. Однажды онъ покусился было наложить на себя руки, но Назарычъ, давно наблюдавшій за нимъ, вынулъ несчастнаго изъ петли, и однако никому объ этомъ не сказалъ. Онъ видѣлъ муки товарища, его нравственныя пытки, и старое сердце его исполнилось жалостью къ молодому, нѣкогда бойкому и сметливому, но слишкомъ честолюбивому однополчанину. Но теперь Назаровъ понялъ, что въ душѣ Лободы — такъ звали разжалованнаго фельдфебеля—происходитъ что-то новое. Лицо его отражало какую-то рѣшимость, а въ глазахъ вспыхивалъ огонекъ. Онъ шелъ бодро, какъ бы совсѣмъ не чувствуя усталости.

— Порѣшилъ,—бормоталъ про себя Назаровъ, поглядывая на него:—либо панъ, либо пропалъ.

Лобода дѣйствительно «порѣшилъ» въ душѣ. Онъ вспомнилъ поговорку своихъ дѣдовъ-запорожцевъ:—«або добути, або дома не бути», и постоянно повторялъ ее, видя впереди либо бѣлый крестъ на груди, либо деревянный крестъ на могильной насыпи. А жить такъ, съ позорнымъ пятномъ на памяти—не стоитъ!

Ночью, на привалѣ, какъ разъ передъ самымъ боемъ, Назаровъ замѣтилъ, что Лобода, укрывшись за ближайшею скалой, долго и горячо молился.

— Кается,—проговорилъ про себя Назаровъ, вынимая изъ ранца пару чистыхъ рубахъ, которыя онъ передъ походомъ самъ тщательно вымылъ въ Чирахъ-чаѣ, высушилъ и выгладилъ съ помощью сапожной колодки.

Увидавъ, что Лобода кончилъ молиться и возвращается къ своему мѣсту, Назаровъ подошелъ къ нему и ласково заговорилъ:

— Есть у тебя, Илюша, чистая рубаха?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, дядя Назарычъ,—смущенно отвѣчалъ Лобода.

— На вотъ, возьми мою:—у меня двѣ,—сказалъ Назаровъ, подавая рубаху.

Digitized by Google

— Зачѣмъ, дядя?

— Такъ надо:—скоро, можетъ, къ Богу пойдемъ.

— Я готовъ,—тихо проговорилъ Лобода.

— Ладно, Илюша: — каждый должонъ быть готовъ. Къ причастью и то чистую рубаху надѣваютъ, а тутъ, може, къ самому Богу потребуютъ—въ пресвѣтлый рай:—такъ какъ же въ грязной-то рубахѣ?

Лобода взялъ рубаху и поблагодарилъ. Въ голосѣ его дрожали слезы умиленія.

Едва на востокѣ забрезжилось, Мартыненко, переговоривъ съ Хассанъ-агою, который съ своею конницей долженъ былъ обойти лѣвый флангъ непріятеля,—повелъ своихъ апшеронцевъ прямо на завалы, за которыми засѣли казикумухцы. Солдаты шли ровно, точно на маневрѣ.

— На выстрѣлы не отвѣчать, а выбить злодѣевъ штыками,—прошелъ по рядамъ приказъ Мартыненка.

За завалами—мертвая тишина. Слышно только, какъ дружно топаютъ по камнямъ ноги наступающаго отряда, а надъ нимъ, въ утреннемъ воздухѣ, раздается жалобный писк хищнаго копчика. Вдругъ изъ-за ближайшаго завала взвилось зеленое знамя и вслѣдъ затѣмъ моментально грянулъ ружейный залпъ. Ряды наступающихъ дрогнули. Нѣсколько человѣкъ, сраженныхъ пулями, упали.

— На уру, братцы! — раздался голосъ Мартыненка: — въ штыки!

— Урра!—прогремѣло по рядамъ, и со штыками на перевѣсъ апшеронцы стремительно бросились на завалы.

Послѣдовалъ вторичный залпъ. Знамя наступающихъ, словно подкошенное, упало. Но въ то же мгновеніе къ упавшему знамени бросился Лобода и поднялъ его.

— За мною, братцы!—глухо прокричалъ онъ, бросаясь впередъ.—Не выдайте знамя.

— Илюша, голубчикъ!—восторженно проговорилъ старикъ Назаровъ, поспѣшая за знаменемъ.—Братцы, выручайте полковую честь!

И началась штыковая работа—самая ужасная работа русскаго солдата. Привыкшій съ дѣтства работать вилами и цѣпомъ, русскій солдатъ страшенъ со штыкомъ въ рукахъ:—словно въ снопы ржи и ячменя, онъ погружаетъ свой штыкъ въ грудь

Digitized by Google

непріятеля и часто перебрасываетъ его черезъ голову. Тутъ ударъ его постоянно вѣренъ—штыкъ не даетъ промаху. Недаромъ одинъ изъ величайшихъ жрецовъ желѣза и крови, Суворовъ, говаривалъ обыкновенно: «пуля дура штыкъ—молодецъ». Штыковая работа Суворова была извѣстна всему міру. Скоро завалы наполнились трупами и умирающими. Что успѣло спастись отъ штыка—бѣжало къ Хозреку. Но бѣгущихъ перехватила конница Хассанъ-аги,—и началось крошенье бѣглецовъ кривыми саблями. Раненыхъ и упавшихъ топтали кони. Хассанъ-ага, воображавшій себя разомъ и Автандиломъ, и Тарiелемъ, неистово гикалъ и рубилъ направо и налѣво. Въ ослѣпленіи дикой страсти, обезумѣвшій отъ крови и успѣха, онъ былъ страшенъ.

Солнце медленно выкатывалось изъ-за горъ и постепенно отражалось то на примятой травѣ и камняхъ, обрызганныхъ и залитыхъ кровью, то на лицахъ мертвыхъ и раненыхъ, то, наконецъ, на окровавленныхъ, кое-какъ обтертыхъ травою штыкахъ спѣшившаго къ Хозреку побѣдоноснаго отряда. Только небольшая часть его осталась у завaловъ подбирать мертвыхъ и раненыхъ товарищей.

Когда Мартыненко и Хассанъ-ага приблизились съ своими отрядами къ Хозреку, то увидѣли, что главныя силы Мадатова уже стояли противъ передовыхъ укрѣпленій мрачнаго аула на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Они тотчасъ же доложили о разгромѣ завaловъ и о полномъ пораженіи лѣваго фланга казикумухцевъ.

— Вотъ кровь враговъ великаго государя,—сказалъ, сверкая бѣлыми зубами, Хассанъ-ага, и показалъ свою окровавленную саблю.

— Хвала храброму,—проговорилъ Мадатовъ.— А это чья кровь?—спросилъ онъ, указывая на чепракъ сѣдла подъ Мартыненкомъ, залитый кровью.

— Пустяки, ваше сіятельство,—это моя кровь,—отвѣчалъ Мартыненко:—царапина отъ пули...

— Но столько крови! Господинъ докторъ!

Но Петръ Ивановичъ былъ уже тутъ съ своимъ мѣшечкомъ для бинтовъ и корпіи, и съ необходимыми инструментами.

— Сойдите съ коня, господинъ майоръ,—говорилъ онъ, теребя Мартыненка за окровавленный рукавъ:—этимъ шутить нельзя-съ.

Digitized by Google

Мартыненко неохотно повиновался.

— Ахъ, какъ все это не по христіански,—говорилъ какъ бы про себя докторъ, отводя раненаго въ сторону.—Поднявшій мечъ мечемъ и погибнетъ.

— Да вы попъ, что ли?—улыбнулся Мартыненко.

— Ахъ, хотѣлъ бы быть попомъ—врачевать души, а вотъ на поди!—врачуй раны-съ...

Въ это время открылась канонада по Хозреку изо всѣхъ четырнадцати орудій.

Вслѣдъ за первыми залпами, Мадатовъ съ пистолетомъ въ одной рукѣ и саблею наголо въ другой показался передъ позиціями.

— Ура!—крикнулъ онъ:—на штурмъ за погибшихъ товарищей! ура!

— Ура!—пронеслось по всѣмъ тремъ колоннамъ,—и пѣхота ринулась на штурмъ.

Мадатовъ впереди всѣхъ. Назаровъ на бѣгу указалъ на него своему «другу Илюшѣ»....

— Князь! что вы? поберегите себя!—закричалъ, подбѣгая къ нему, командиръ апшеронцевъ, подполковникъ Сагиновъ.

— Если я тутъ не буду, то кто же возьметъ Хозрекъ?—сверкнулъ на него своими карабагскими глазами отчаянный Мадатовъ.

— Мы возьмемъ!—въ одинъ голосъ прокричали Сагиновъ и майоръ Ванъ-Галенъ, опережая его.

Они бросились на валъ, но оба тотчасъ же свалились, пораженные пулями.

— Братцы, за нами!—показался на валу «дядя Назарычъ» рядомъ съ своимъ Илюшей, который потрясалъ въ воздухѣ знаменемъ, въ клочья изстрѣленнымъ пулями.

Солдаты за ними. Они ринулись въ проломъ, пробитый артиллеріей,—и снова началась штыковая работа. Штыками выбивали врага изъ каждаго закрытія, изъ каждой засады, изъ-за изгородей и стѣнъ, и, сшибаясь объ умирающихъ и раненыхъ, гнали несчастныхъ до самой мечети. Здѣсь толпы преслѣдуемыхъ засѣли въ мечети и въ башнѣ. Сопротивленіе было отчаянное. Но ничто не помогло. Всѣ были переколоты штыками и добиты прикладами, а бросившіе оружіе—взяты въ плѣнъ.

Digitized by Google

Весь Хозрекъ былъ заваленъ трупами.

Но на этомъ не остановилось кровавое дѣло. Надо было взять живымъ или мертвымъ его виновника.

— Кто видѣлъ злодѣя Сурхай-хана?—спросилъ Мадатовъ окружающихъ.

— Съ горстью нукеровъ онъ ускакалъ по направленію къ Казикумуху,—вытирая о валявшуюся на землѣ бѣлую папаху свою окровавленную саблю, отвѣчалъ черный отъ пороховаго дыма Овечкинъ.

— За нимъ погнался Гассанъ-ага съ нашимъ «гаврилычемъ» и его станичниками,—пояснилъ Мальковъ.

Среди нестройнаго гула понемногу затихавшей битвы, среди криковъ и стоновъ раненыхъ, снова раздались въ разныхъ мѣстахъ возгласы:—«ура! ура! ура»!

Торжествующіе побѣдители увидѣли на вершинѣ главной башни свое старое знамя.

— Это дядя Назарычъ орудуетъ!—радостно кричали солдатики:—онъ знаетъ свое дѣло.

— И съ имъ нашъ «трахвей»... Молодецъ Илюша! ура!

Мадатовъ весело сверкнулъ своими восточными глазами.

— Старина знаетъ свое дѣло... бородинецъ...

Участь Хозрека рѣшила судьбу и Казикумуха. Онъ сдался безъ боя. Въ день сдачи Казикумуха—говоритъ почтенный историкъ этой эпопеи «желѣза и крови»—съ 10-ти часовъ утра были отперты двери большой мечети, среди которой былъ положенъ на барабанѣ коранъ, надъ которымъ развѣвалось знамя батальона апшеронскаго полка. Асланъ-ханъ вошелъ въ мечеть въ сопровожденіи многочисленной свиты; старшины всѣхъ магаловъ поочередно подходили къ корану, клали правую руку на книгу и присягали на подданство русскому императору и на повиновеніе Асланъ-хану. Рота апшеронскаго полка была у знамени; прочія русскія войска стояли подъ ружьемъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнъ города. По окончаніи обряда, Асланъ-ханъ явился на стѣнѣ въ красной одеждѣ, которою отличаются ханы въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ, и 24 пушечныхъ выстрѣла, далеко отдавшіеся въ горахъ, вмѣстѣ съ кликами народа, привѣтствовали новаго владѣтеля. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. Всѣхъ радовало благополучное окончаніе похода.

Digitized by Google

— Ну, и баранина, братцы!—говорилъ апшеронецъ, сидя у костра и обгладывая кость отъ шашлыка.

— Скусно?—а?—улыбался дядя Назарычъ.

— Такъ, дядя, скусно, что за такой бараниной хошь завтра опять въ походъ.

— Оно точно,—подтвердилъ третій солдатикъ:—коли знаешь, что впереди хорошая жратва, такъ и драться сподручнѣе.

— А въ Миретіи, когда мы царя Соломона ловили,—у! голодно было.

— А забыли, какъ въ Чирахѣ безъ воды сидѣли?

— Гдѣ забыть! Зато теперь хошь желѣзо на брюхѣ куй. Ужасы войны—на время забыты.

XXVIII.

Гуляютъ.

Послѣ взятія Мадатовымъ Хозрека и Казикумуха, прошло шесть лѣтъ.

Въ эти шесть лѣтъ много пришлось поработать Ермолову и его сподвижникамъ, и много событій пронеслось надъ Кавказомъ,—событій, которыя окончательно снесли въ историческій архивъ многое, что держалось тамъ на подгнившихъ корняхъ старины, и которыя совершенно измѣнили физіономію этого симпатичнаго, поэтическаго края, этой драгоцѣнной жемчужины русскаго царства. За это время Ермоловъ окончательно успѣлъ уничтожить ханскую власть въ Ширвани и въ Карабагѣ. Могущественные владѣтели ихъ, Мустафа-ханъ ширванскій и Мехти-Кули-ханъ карабагскій, чуя надвигающуюся съ сѣвера тучу—«сдвинутыя брови сардаръ-Ермулу», покинувъ ханскіе дворцы и захвативъ свои гаремы и сокровища, награбленныя съ народа, бѣжали въ Персію. Много хлопотъ задала Ермолову и его боевымъ сподвижникамъ свободолюбивая Абхазія—эта родина горныхъ орловъ, которыхъ напрасно силились засадить въ клѣтки. Въ Чечнѣ и Дагестанѣ продолжала литься русская и азіатская кровь, уничтожались и тамъ орлиныя гнѣзда—аулы, возводились новыя укрѣпленія, вырубались лѣса, чтобъ негдѣ было укрываться хищнымъ орламъ и ихъ обездоленнымъ орлятамъ. Какъ изъ земли выросли крѣпости Бурная, Грозная, Неотступный Станъ, Злобный Окопъ... Чего

Digitized by Google

стоили одни названія!.. Воинственная Кабарда въ свою очередь почувствовала надъ собою тяжелую руку грознаго «сардаръ-Ермулу»:—отряды его тѣснили хищныхъ орловъ въ верховьяхъ Кубани, въ горахъ, у подножій Казбека и Эльборуса. Имеретія и Мингрелія, накормивъ трупами своихъ джигитовъ и узденей хищную птицу и голоднаго звѣря, съ глухимъ ропотомъ оглядывались на невозвратное прошлое,—и молчали, поминая за упокой послѣдняго царя Соломона II-го и безвѣстно пропавшую дочь его, героиню и красавицу, царевну Дареджану...

Такъ «дѣлалась исторія» въ эти шесть лѣтъ... А люди за эти шесть лѣтъ—одни росли, другіе старились, третьи умирали своею или насильственной смерью. У Ермолова въ его львиной гривѣ пробивалась сѣдина, а брови все чаще и чаще хмурились. Ниночка Чавчавадзе, у которой давно отросли обрѣзанныя ею прелестныя рѣсницы, изъ хорошенькой дѣвочки превратилась въ почти взрослую очаровательную дѣвушку-подростка. Грибоѣдовъ, наѣзжая по дѣламъ въ Тифлисъ изъ Персіи и доканчивая свое «Горе отъ ума», чаще и чаще заглядывался на этого милаго подростка и втихомолку скорбѣлъ, зачѣмъ онъ старъ для нея... Юная героиня и спасительница чирахскаго редута и его храбрыхъ защитниковъ, хорошенькая Магуль, не разлучавшаяся съ Ниной Чавчавадзе, почти правильно уже говорить по русски, и, часто вспоминая о своей первой любви, о Щербинѣ, погибшемъ подъ развалинами минарета въ Чирахѣ, уже не говоритъ, какъ говорила прежде Щербинѣ: «любіу», а произноситъ этотъ самый популярный въ мірѣ глаголъ тоже почти правильно, только относя его дѣйствіе, почти поровну, и къ погибшему Щербинѣ, и еще къ кому-то живому, любовь къ которому она не довѣряетъ даже Ниночкѣ и котораго имя съ глаголомъ «люблю» она чаще всего тихонько повторяетъ въ постели, когда ей не спится...

Пушкинъ за эти шесть лѣтъ успѣлъ написать свои знаменитыя поэмы — «Кавказскій плѣнникъ», «Братья разбойники», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыгане», часть «Евгенія Онѣгина», «Графа Нулина», «Бориса Годунова» и много чудныхъ стихотвореній, отчасти прославившихъ его имя, отчасти же послужившихъ поводомъ къ ссылкѣ его въ Михайловское... Но и въ ссылкѣ онъ нерѣдко вспоминалъ о хорошенькой черкешенкѣ Магуль, о храбромъ Овечкинѣ, о поэтической поѣздкѣ

Digitized by Google

изъ Пятигорска въ Кисловодскъ и о кисловодской ухѣ изъ «пеструшекъ» словоохотливаго «кавказскаго плѣнника». Добродѣтельный докторъ Петръ Ивановичъ Чуровъ за эти шесть лѣтъ окончательно возненавидѣлъ всякое убійство, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось—убійство ли людей на войнѣ, или убійство животныхъ и птицъ на охотѣ; онъ совсѣмъ даже отказался отъ мясной и рыбной пищи, говоря, что его претитъ «пожирать трупы»; а за то, что когда-то онъ любилъ охотиться на «невинныхъ зайчиковъ» и на «незлобивыхъ дикихъ козочекъ», онъ называлъ теперь себя подлецомъ, убійцей и Навуходоносоромъ. За все это его и преслѣдовалъ постоянно Мальковъ, говоря, напр.: «а какъ же, Петръ Иванычъ, если вы во снѣ нечаянно блоху задавите? И это будетъ подлость и убійство? А когда васъ кусаетъ комаръ, вы его не убьете?»—«И не убью! потому—онъ высасываетъ изъ меня негодную кровь, ту, что я самъ когда-то высосалъ изъ труповъ»,—сердито отвѣчаетъ Петръ Ивановичъ. У «дяди Назарыча» за это время брови стали еще гуще и сѣдѣе.—«У него въ бровяхъ ужь и зайцы водятся»,—говорили объ немъ солдатики; зато бывшій «трахвей» и франтъ Лобода, послѣ дѣла подъ Хозрекомъ, души не чаетъ въ Назарычѣ.

За шесть лѣтъ состарѣлась и Персія, особенно же повелитель ея, Фетхъ-Али-шахъ:—въ размягченномъ отъ гаремнаго пресыщенія мозгу его засѣла мысль, что наслѣдникъ его престола, шахъ-заде Аббасъ-Мирза, призванъ пророкомъ сокрушить «сардаръ-Ермулу» и отнять у Россіи не только Тифлисъ, Карабагъ и Дагестанъ, но и весь Кавказъ. Самъ Аббасъ-Мирза тѣмъ болѣе былъ въ этомъ увѣренъ, что о печальныхъ событіяхъ въ Петербургѣ 14-го декабря 1825 года до Персіи дошли такія извращенныя вѣсти, будто Россія совсѣмъ пропадаетъ и что ей, за внутренними волненіями, не только некогда думать о Кавказѣ, но что едва ли она удержитъ за собою Москву и Петербургъ, если Аббасъ-Мирза нагрянетъ на нее съ своими сарбазами, «храбростію подобными львамъ пустыни». Забравъ себѣ въ голову, что онъ—новый Александръ Македонскій, Аббасъ-Мирза началъ наступательныя дѣйствія. Между тѣмъ событія 14-го декабря 1825 года набросили тѣнь и на Ермолова, и на всю кавказскую армію. Въ Петербургѣ явилось ошибочное подозрѣніе—не пріютились ли декабристы подъ кры-

Digitized by Google

ломъ Ермолова? И вотъ на Кавказъ командируется генералъ-адъютантъ Паскевичъ какъ бы въ помощь Ермолову, но въ сущности—вывѣдать о немъ все, а если нужно—то и замѣстить его. На первое же время, «дабы облегчить» Ермолову управленіе обширнымъ краемъ, ему рекомендуютъ поручить Паскевичу командованіе войсками, отправляемыми противъ Персіи. Ермоловъ очень хорошо видитъ закулисную сторону этихъ деликатныхъ распоряженій, и принимаетъ Паскевича не очень любезно.

«Меня—доносилъ тотчасъ же Паскевичъ въ Петербургъ—пригласили въ большую комнату—кабинетъ его (Ермолова), посрединѣ котораго стоялъ большой столъ въ видѣ стойки. На одной сторонѣ за столомъ сидѣлъ генералъ Ермоловъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ линейной казачьей шапкѣ. Напротивъ его—генералы и другія лица, которыя обыкновенно собирались къ нему для разговоровъ и сужденій. Прихожу я — второе лицо по немъ. Онъ говоритъ: «а, здравствуйте, Иванъ Ѳедоровичъ»,—и никто не уступаетъ мнѣ мѣста, и даже нѣтъ для меня стула. Полагая, что это дѣлается съ умысломъ, для моего униженія, я взялъ въ отдаленіи стулъ, принесъ его самъ (самъ!—какой подвигъ!) поставилъ противъ Ермолова и сѣлъ. Смотрю на посѣтителей: одни въ сюртукахъ, безъ шпагъ, другіе безъ эполетъ и, наконецъ, одинъ молодой человѣкъ въ венгеркѣ (скандалъ!). Всѣ вновь входящіе привѣтствуются одинаково со мною (какое оскорбленіе!—но какъ же было иначе ихъ привѣтствовать?). «А, здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ! какъ вы поживаете? Здравствуйте, Петръ Ивановичъ» и т. д. Всѣ поломъ садятся, такъ что прапорщикъ не уступаетъ мѣста генералу. Приходитъ генералъ Вельяминовъ, командующій войсками за Кавказомъ, и ему нѣтъ стула, и ему мѣста никто не даетъ. И онъ отъ стыда (будто?) самъ принесъ стулъ и сѣлъ возлѣ меня. Я спрашиваю его: кто это Иванъ Кузьмичъ?—«Это поручикъ» такой-то.—А этотъ въ венгеркѣ?—«Это прапорщикъ» такой-то. Для меня это показалось очень странно».

Между тѣмъ хитрый Ермоловъ, принимая такимъ образомъ петербургскаго гостя, дѣлалъ свое дѣло. Желая доказать, что его молодцы, въ родѣ Мадатова, и безъ Паскевича умѣютъ управляться съ новымъ Александромъ Македонскимъ, который ѣлъ шашлыкъ голыми руками и обходился безъ носоваго

Digitized by Google

платка, хотя весь былъ въ золотѣ и брилліантахъ,—Ермоловъ приказалъ Мадатову проучить «сволочь» новаго македонскаго героя; Паскевича же задержалъ на нѣсколько дней въ Тифлисѣ: «посмотри-де, мы и безъ тебя напомнимъ потомкамъ Ксеркса и Дарія не только Марабонъ, но и Гаугамеллу и Арбеллу». Дѣйствительно, пока Паскевичъ сидѣлъ въ Тифлисѣ и негодовалъ, что ему прапорщики не подаютъ стульевъ, Мадатовъ съ небольшимъ отрядомъ настигъ десятитысячный персидскій корпусъ подъ начальствомъ принца Мамебъ-Мурзы и,—въ качествѣ его дядьки,—Эмира-ханъ-сардара, отличнѣйшаго изъ персидскихъ полководцевъ, — и въ нѣсколько часовъ разбилъ его на-голову при Шамхорѣ, положивъ на мѣстѣ болѣе 1,500 человѣкъ убитыми, въ числѣ которыхъ нашли и Эмира-ханъ-сардара, гордость Персіи. Въ этой битвѣ принимали участіе и наши чирахскіе знакомцы—герой Овечкинъ, его другъ Мальковъ, «дядя Назарычъ», Лобода и другіе чирахцы, перехватившіе когда-то пословъ Сурхай-хана съ «женскими локонами». Это блистательное дѣло навело такой ужасъ на персидскія войска, что они въ тотъ же день бѣжали изъ Елисаветполя, начальникомъ котораго былъ Назаръ-Али-ханъ. Взбѣшенный Аббасъ-Мирза всю злобу свою обрушилъ на этого несчастнаго хана: онъ велѣлъ надѣть на него женское платье, посадить на осла лицомъ къ хвосту, обмазать бороду кислымъ молокомъ, и въ такомъ видѣ водить по всему лагерю. Въ довершеніе всего, злополучнаго хана удушили.

Утромъ 4-го сентября 1826 года, отрядъ Мадатова вступилъ въ покинутый персіянами Елисаветполь, при радостныхъ крикахъ христіанскаго населенія, преимущественно армянъ, которыхъ немилосердно грабили сарбазы Аббасъ-Мирзы.—«Народъ, предшествуемый духовенствомъ въ полномъ облаченіи—говоритъ очевидецъ—встрѣтилъ Мадатова, какъ избавителя, со слезами благодарности и съ кликами радости. Колонны стали въ должномъ порядкѣ, и духовенство служило благодарственный молебенъ за посланіе русскихъ для избавленія отъ врага; жители подносили войскамъ хлѣбъ-соль, плоды, и даже обнимали колѣни предводителя. Все ожило въ мрачномъ передъ тѣмъ Елисаветполѣ, и въ роскошныхъ садахъ раздались пѣсни»...

— Кчочагъ Мадатовъ! (молодецъ Мадатовъ)—какъ эхо, разносилось по городу и его садамъ.

Digitized by Google

Послѣ кровавой работы, Мадатовъ позволилъ своимъ «товарищамъ» (что̀ сказалъ бы на это Паскевичъ?)—солдатикамъ и «гаврилычамъ» (казакамъ) отдохнуть и «погулять». Всѣ елисаветпольцы, и богатые, и бѣдные, наперерывъ старались угощать «кчочаговъ русскихъ»: со всѣхъ сторонъ тащили въ лагерь—кто молодаго барашка, кто курицу, кто яйца, молоко, сыръ, виноградъ, яблоки, груши и полные бурдюки, изъ бычачьей и овечьей шкуры, мѣстнаго вина. Среди садовъ и огородовъ запылали къ вечеру костры, на которыхъ жарились шашлыки, чихиртмы, хохъ-и-били, пеклись въ золѣ яйца,—и началось угощеніе, превратившееся въ пиръ-горой. Явились зурны и прочіе музыкальные инструменты далеко не музыкальнаго восточнаго репертуара. Пошли объятія и поцѣлуи, раздавались крики «ура», «кчочагъ русъ», «айда»!.. Солдатики и «гаврилычи» разошлись во всю:—кто завывалъ на зурнѣ, кто дудилъ на тулумбасѣ; кто игралъ на гребнѣ съ бумажками, а кто на своихъ собственныхъ губахъ... Дикій ритмъ дикой музыки требовалъ и дикихъ тѣлодвиженій. Первымъ пустился въ плясъ тотъ «гаврилычъ», который пріѣзжалъ въ Чирахъ съ «лятучкой» изъ штаба. За неимѣніемъ бабъ среди солдатъ, «гаврилычъ» изобразилъ изъ себя разбитную бабенку и, взявшись въ боки, отхватывалъ, лицедѣйствовалъ и приговаривалъ бабьимъ фальцетомъ:

Передъ мальчиками
Пройду пальчиками;
Передъ старыми людьми
Пройду бѣлыми грудьми...

И онъ руками пластически изображалъ «бѣлыя груди», что̀ приводило его товарищей и угощавшихъ ихъ армянъ въ бѣшеный восторгъ.

— Аа! аахъ!—заливался толстый армянинъ:—съ бэлими грудмй!—аа! оо!—И онъ хватался за животъ, точно его душили колики. А «гаврилычъ», перемѣнивъ позу и тактъ, и семенѣ на мѣстѣ ногами, сыпалъ:

Сыпь, сыпь камушки,
Не боюсь я мамушки;
Боюсь мужа-дурака—
Наколотитъ мнѣ бока...

Общее воодушевленіе охватило всѣхъ. Отъ сосѣдняго костра, у котораго засѣдалъ и угощался «дядя Назарычъ» съ своими

Digitized by Google

однокашниками, отдѣлился одинъ сухопарый солдатикъ со вздернутымъ носомъ и, подсыпаясь мелкимъ бѣсомъ къ бабѣ—къ «гаврилычу»,—зачастилъ говоркомъ:

Дуня моя ягода,
Люби меня два-года,
А я тебя три-года,—
А какая выгода!

Онъ то подходилъ къ «бабѣ», то отступалъ отъ нея; а «баба» съ своей стороны дразнила «кавалера» соотвѣтственными тѣлодвиженіями...

— А ты бедрами-то, бедрами играй больше!—подсказывала публика.—Такъ, такъ, чтобъ судорога свела «кавалера».

Не утерпѣли и кубанцы. Отъ ихъ костра отпрыгнулъ рыжій линеецъ въ папахѣ на бекрень и затопалъ ногами, ударяя въ ладони и приговаривая:

Картошки цвѣтутъ,
Апшеронцы идутъ;
А у насъ всевò родни—
Што кубанцы одни...

А затѣмъ, подскочивъ къ «гаврилычу», изображавшему собою «бабу»-Дуню, кубанецъ снова завертѣлся, а потомъ съ гикомъ докончилъ свой бѣшеный танецъ кривляньями подъ тактъ новой пѣсни:

Дуня—или на горѣ,
Дуня—или подъ горой,
Разсыпалася,
Расточилася,—
Пошла Дуня за водой—
Намочилася...

Все населеніе Елисаветполя высыпало смотрѣть на это безумное веселье — мужчины, женщины, дѣти. Огни костровъ отражались красными пятнами на оживленныхъ лицахъ зрителей, на ихъ цвѣтной одеждѣ. А надъ ними и за ними — чудная ночь, озаряемая полной луной. На время забыты всѣ ужасы войны.

XXIX.

«Всѣ яти и запятыя на мѣстѣ»...

Черезъ шесть дней, въ Елисаветполь прибылъ и Паскевичъ. Когда до Тифлиса дошла вѣсть о блистательной побѣдѣ, одержанной Мадатовымъ подъ Шамхоромъ, Паскевичъ поторопился

Digitized by Google

выѣхать къ войску. Подозрительный и самолюбивый, онъ боялся, что «этотъ карабагскій татаринъ»,—какъ онъ въ душѣ называлъ Мадатова,—успѣетъ захватить всѣ побѣдные лавры и не оставитъ на его долю даже лавроваго листочка.

— Ужь мнѣ эти ермоловцы!—говорилъ онъ самъ себѣ:—или ножку подставятъ, или подведутъ... Такъ и смотрятъ фармазонами:—ни одинъ поручишка даже не подалъ мнѣ стула!

Посылая его къ арміи, Ермоловъ отправилъ съ нимъ и генерала Вельяминова, который, состоя при Алексѣѣ Петровичѣ въ теченіе десяти лѣтъ, въ качествѣ начальника корпуснаго штаба, очень хорошо зналъ и мѣстныя обстоятельства, и врага, съ которымъ предстояло дѣло. И Вельяминовъ, и Мадатовъ были драгоцѣннѣйшею находкою для новичка-Паскевича, но, ревнивый и мелочный, онъ ихъ-то и не любилъ, а болѣе всего—боялся... «Ермоловцы»!..

Съ прибытіемъ Паскевича въ Елисаветполь, силы елисаветпольскаго отряда достигли десяти тысячъ штыковъ и сабель при 24-хъ орудіяхъ. Едва Паскевичъ принялъ начальство надъ отрядомъ и вмѣстѣ съ Мадатовымъ и Вельяминовымъ взошелъ на крѣпостныя стѣны, чтобъ познакомиться съ расположеніемъ города и его окрестностей, какъ увидалъ кучку казаковъ, которые стремительно мчались къ городу по карабагской дорогѣ. Мадатовъ навелъ зрительную трубу на скачущихъ.

— Я узнаю,—сказалъ онъ Вельяминову: — это, кажется, «гаврилычъ» съ односумами.

— Какой Гаврилычъ? — подозрительно спросилъ Паскевичъ:—и кто эти односумы?

— Это, ваше превосходительство, тутъ у насъ есть казакъ донской, котораго всѣ иначе не называютъ, какъ «гаврилычемъ»—очень способный малый:—послать ли куда въ самое трудное мѣсто съ «лятучкой», скрасть ли барана, или непріятельскій секретъ, проползти ли подъ носомъ у персидскаго часоваго,—все это «гаврилычъ» продѣлаетъ такъ, что комаръ носу не подточитъ...

«Комаръ носу не подточитъ»—это выраженіе, въ разговорѣ съ начальствомъ, не понравилось щепетильному петербургскому генералу.

— «Гаврилычъ», навѣрно, съ вѣстями,—заключилъ Мадатовъ, не замѣчая гримасы Паскевича.

Digitized by Google

То былъ, дѣйствительно, «гаврилычъ», который ровно недѣлю назадъ отхватывалъ передъ елисаветпольцами: «передъ мальчиками пройду пальчиками», а сегодня чуть свѣтъ, съ своими односумами-станичниками, успѣлъ уже вынюхать движеніе непріятеля.

— Свиньёмъ валитъ, ваше благородіе,—докладывалъ онъ Овечкину, спрыгивая съ своего товарища «васьки»—это его вѣрный конекъ, который въ засадахъ умѣлъ притворяться мертвымъ.—«Васька!—не дышать—лежи дохлымъ»!—и «васька» не дышалъ, а «гаврилычъ» клалъ на «васькино» брюхо винтовку, прицѣливался, и персидскій «секретъ» падалъ мертвымъ.

«Свиньёмъ валитъ»—это было любимое выраженіе «гаврилыча»: — значитъ — «видимо-невидимо» непріятеля. Донесеніе «гаврилыча» подтвердилось:—Аббасъ-Мирза двигался къ Елисаветполю. Съ нимъ шло 15,000 регулярной пѣхоты, 20,000 кавалеріи и иррегулярной пѣхоты, 25 орудій, множество «зимбурановъ» (фальконетовъ) на верблюдахъ—любимое орудіе персіянъ, да на дорогѣ къ нимъ присоединились до 300 человѣкъ карабагской конницы, 200 шекинцевъ, 200 гинжинцевъ и до 100 джаро-бѣлоканцевъ. Паскевичъ, не надѣясь на свой малочисленный отрядъ, рѣшился защищаться въ городѣ. Ему казалось, что ермоловскія войска ни къ чему не годятся. «Нельзя представить себѣ, до какой степени они мало выучены,—доносилъ онъ наканунѣ битвы.—Боже сохрани съ такими войсками быть первый разъ въ дѣлѣ; многія изъ нихъ не умѣютъ построить каре или колонну,—а это все, что̀ я отъ нихъ требую. Я примѣчаю даже, сами начальники находятъ это ненужнымъ. Слѣпое повиновеніе имъ не нравится,—они къ этому не привыкли; но я заставлю ихъ дѣлать по своему».

Когда онъ сказалъ, что намѣренъ защищаться въ городѣ, Мадатовъ не выдержалъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство!—горячо заговорилъ онъ:—мои солдаты не привыкли прятаться за стѣнами крѣпостей; не непріятель ихъ ищетъ, а они его.

— Ваши солдаты!—презрительно отвѣчалъ Паскевичъ:—да они въ ногу ходить не умѣютъ, съ ружьями обращаются, какъ съ вилами на гумнѣ.

Фронтовикъ до мозга костей, привыкшій видѣть войска больше на парадахъ, на Царицыномъ лугу, Паскевичъ не по-

Digitized by Google

нималъ солдата иначе, какъ въ колоннѣ, въ каре, въ струнѣ; а ермоловскіе солдатики, часто оборванные въ переходахъ по горамъ и лѣсамъ, съ обувью, изъѣденною острыми камнями, дрались, какъ львы, и побѣждали больше въ рукопашную, штыковой работой. Гдѣ жь тутъ было до правильныхъ, въ струну, колоннъ, до геометрическихъ каре?

— Да, ваше превосходительство, точно!—горячился Мадатовъ:—штыками они работаютъ, какъ вилами на гумнѣ, зато и враговъ, какъ снопы, перекидываютъ штыками черезъ голову.

Флегматичный Вельяминовъ молча улыбался, слушая эти препирательства.

— А вы какъ думаете, генералъ? — обратился къ нему Паскевичъ, слѣдя за выраженіемъ его лица.

— Я думаю, князь правъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Вельяминовъ спокойно:—лучше умирать въ полѣ, на вольномъ воздухѣ, чѣмъ въ душныхъ стѣнахъ города.

«Умирать»—это слово рѣзнуло Паскевича по сердцу. За тѣмъ ли онъ скакалъ изъ Петербурга? Что, если въ самомъ дѣлѣ смерть вмѣсто славы побѣдителя? Войска не выдержаны; начальники ихъ — ермоловцы — рады утопить его въ ложкѣ воды... А непріятель сильнѣе почти вчетверо... И перебѣжчики изъ войска Аббасъ-Мирзы, армяне и казаки, выслѣживавшіе непріятеля, говорятъ одно и то же:—«видимо-невидимо ихъ... тысячъ сорокъ будетъ»... Онъ самъ допрашивалъ «гаврилыча»...—Свиньёмъ валитъ, ваше—ство,—одно твердитъ этотъ каналья.

— А побьемъ мы ихъ?—лукаво улыбался Мадатовъ, глядя въ глаза шустрому казачишкѣ.

— Какъ не побить, ваше—ство? въ дрызгъ! не впервой!—бойко отвѣчалъ «гаврилычъ», вытягиваясь такъ, точно изъ него жилы тянули: тутъ ужь не «передъ мальчиками пройду пальчиками».

Паскевича опять покоробило это панибратство съ простымъ казакомъ... «Въ дрызгъ! какое словечко»!..

При всемъ томъ, мучительныя минуты переживалъ онъ. Мадатовъ и Вельяминовъ настаиваютъ на наступленіи. Имъ виднѣе здѣсь—они больше знаютъ. Но если придется погибать, то и они погибнутъ, скорѣе даже чѣмъ онъ:—они должны

Digitized by Google

быть въ дѣлѣ, подъ ядрами; а онъ... онъ военачальникъ, онъ дальше отъ ядеръ... Но позоръ пораженія не на нихъ ляжетъ, а на него—всей тяжестью... До него они побѣждали, явился онъ—и... На душѣ было очень смутно... Что онъ напишетъ въ Питеръ?

«Нѣтъ, отступать невозможно!.. «Прятаться за стѣнами»—какое слово сказалъ этотъ татаринъ—«прятаться»!..

Онъ рѣшился: на утро выступленіе.

— Теперь надо составить планъ движенія—диспозицію,—сказалъ онъ, водя карандашемъ по картѣ, изображавшей путь къ Курахъ-чаю.

— У насъ порядокъ движенія уже назначенъ, — сказалъ Мадатовъ.

— Уже?—удивился Паскевичъ не безъ скрытой ироніи.—«Безъ меня ужь все рѣшили»,—досадливо подумалъ онъ.

— Конечно, въ проэктѣ,—пояснилъ Вельяминовъ:—распредѣленіе частей.

— Вотъ, ваше превосходительство.—И Мадатовъ развернулъ передъ Паскевичемъ схему движенія войска.—Изволите видѣть: въ первой линіи, на правомъ флангѣ—батальонъ 41-го егерскаго полка, въ двѣ колонны, по вашимъ указаніямъ («по вашимъ»—онъ подчеркнулъ своимъ нѣсколько гортаннымъ голосомъ); въ центрѣ—12 батарейныхъ орудій; на лѣвомъ флангѣ—батальонъ ширванскаго полка, тоже въ двѣ колонны; фланги первой линіи прикрываетъ кавалерія: правый—два казачьихъ полка, а лѣвый—грузинская милиція; во второй линіи на правомъ флангѣ—батальонъ 7-го карабинернаго полка въ двѣ колонны, и это—ваша мысль.

«Ваши указанія», «ваша мысль»—видимо льстили самолюбію Паскевича.

— Прекрасно, — согласился онъ, водя карандашемъ по схемѣ.—А дальше?

— Дальше—двѣ роты карабинернаго полка, построенныя въ каре.

— Отлично!—я люблю каре; въ каре русскій солдатъ неуязвимъ,—все болѣе и болѣе поддавался самолюбивый генералъ.

— Это опять вашъ урокъ,—лукаво подсказалъ Вельяминовъ.

— Да, да, я очень радъ,—говорилъ окончательно побѣжденный петербургскій генералъ.—А это?

Digitized by Google

— Это два орудія въ разстояніи ста сажень отъ праваго фланга второй линіи, — продолжалъ Мадатовъ. — На лѣвомъ флангѣ второй линіи—вотъ здѣсь—батальонъ грузинскаго гренадерскаго полка; здѣсь, противъ интерваловъ первыхъ двухъ линій—нижегородскій драгунскій полкъ подивизіонно, а за нимъ уже резервъ въ три колонны изъ шести ротъ херсонскаго гренадерскаго полка при шести орудіяхъ.

— Кажется, схема вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ воинской азбуки,—задумчиво говорилъ Паскевичъ. — Надѣюсь, мы не нарушили боевой орѳографіи,—улыбнулся онъ.

— Ни на іоту, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Мадатовъ:—всѣ *яти* и запятыя на мѣстѣ.

— А восклицательные знаки придется ужь Аббасъ-Мирзѣ ставить,—флегматично замѣтилъ Вельяминовъ.

Отпуская Мадатова и Вельяминова, Паскевичъ сказалъ:

— Такъ въ семь часовъ...

XXX.

«Съ сѣдла на землю».

Утро тихое, теплое; на небѣ ни облачка. Кругомъ, куда ни глянетъ глазъ, разстилается степь. На ней ни деревца, ни кустика. Только въ небольшой ложбинкѣ, въ верховьѣ одного оврага, пересѣкающаго эту степь вкось, виднѣется на землѣ какая-то неподвижная темная масса. Судя по тому, что надъ этимъ темнымъ пятномъ, въ синевѣ яснаго неба, плаваютъ два орла, можно предположить, что пятно это ничто иное, какъ павшая лошадь или верблюдъ. Это становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что вблизи этого пятна нѣтъ-нѣтъ да и опустится на землю воронъ, за нимъ другой, третій: — ясно, что они чуютъ падаль. Однако, побродивъ около таинственнаго пятна, вороны какъ бы испуганно снимаются съ земли и улетаютъ. Дѣйствительно, въ ложбинкѣ лежитъ лошадь. Ноги ея и голова откинуты. Нѣтъ сомнѣнія, что это брошенная кѣмъ-то дохлая лошадь. Но что это какъ будто шевелится около нея? Да, шевелится. Это, кажется, человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ.

— Васька плутъ, нишкни,—слышится шопотъ.

Впереди, по направленію къ Курахъ-чаю, слышится какой-то гулъ, изъ котораго иногда выдѣляются нелѣпые выклики, только не человѣческіе.

Digitized by Google

— Слышь, васька, это верблюды кричатъ,—продолжается тотъ же шопотъ.—Ты у меня, братъ, умница—верблюдовъ не боишься; а вонъ у Треньки меренокъ—тотъ, дуракъ, боится.

Впереди гулъ все явственнѣе и явственнѣе, и кой-гдѣ пыль клубится къ небу.

— Идутъ, черти... А вонъ ужь и головы верблюдовъ показываются... Пора намъ на утёкъ... Ну, Вася, ползи въ буерачокъ,—айда!

Умный конь, немножко поднявшись на переднія ноги и, слѣдуя за ползущимъ передъ нимъ всадникомъ, поползъ къ оврагу, словно собака. Въ оврагѣ и всадникъ, и конь встали на ноги.

Это гаврилычъ со своимъ васькой былъ въ «секретѣ». Еще до свѣту, послѣ бесѣды съ Паскевичемъ, Мадатовъ выслалъ впередъ для развѣдокъ отряды татарской милиціи и казаковъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и неизбѣжный «гаврилычъ». Болѣе опытный и болѣе ловкій, чѣмъ всѣ его остальные однополчане, онъ оставилъ ихъ назади и по дну знакомаго ему степнаго оврага незамѣтно подкрался со своимъ умнымъ «васькой» почти до самаго Курахъ-чая, за которымъ расположено было войско Аббасъ-Мирзы. Теперь онъ ясно видѣлъ, что персіяне перешли въ бродъ мелководный Курахъ-чай и двигаются прямо на русское войско, которое, по разсчету «гаврилыча», должно быть уже около Зазалъ-Арха.

— Вонъ солнышко-то гдѣ, — оглянулся онъ на солнце, которое уже порядочно припекало, хотя время стояло около половины сентября.

Скоро онъ выбрался изъ оврага и понесся стрѣлой.

— Ну, вася, не выдай—цѣлу торбу овса дамъ ужо.

Поджарый, но бодрый конекъ летѣлъ такъ, что вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ «гаврилыча», хоть было совсѣмъ тихо. — А вонъ и наши односумы.

Изъ-за небольшаго возвышенія показалось нѣсколько казаковъ. «Гаврилычъ» поровнялся съ ними.

— Ну, что, пострѣлъ, вездѣ поспѣлъ?—окликнули его.

— Идётъ, братцы—свиньёмъ валитъ, — отвѣчалъ «гаврилычъ» на скаку, поправляя киверъ.

— А много ихъ чертей?

— Видимо-невидимо... какъ саранча... и верблюды...

Digitized by Google

— Значитъ «передъ мальчиками пройдемъ пальчиками»,— засмѣялся кто-то:—будетъ потѣха.

Когда «гаврилычъ» прискакалъ къ войску, оно уже, дѣйствительно, достигло ровнаго возвышенія Зазалъ-Арха и располагалось въ боевой порядокъ. Прибыли и татарскіе развѣдчики. Изъ всѣхъ донесеній выяснилось, что Аббасъ-Мирза рѣшился аттаковать русскихъ. Часамъ къ 10-ти массы, нестройныя и повидимому безчисленныя, все болѣе и болѣе стали заслонять собою южную половину горизонта. Видны были развѣвавшіяся въ воздухѣ знамена, ясно выдѣлялись на горизонтѣ змѣеобразныя шеи и силуэты верблюдовъ. Въ тихомъ воздухѣ отдавался глухой гулъ барабановъ. Мадатовъ, на котораго Паскевичъ возложилъ приведеніе обѣихъ линій въ боевой порядокъ и установку орудій на выгодныхъ позиціяхъ, съ замѣчательнымъ спокойствіемъ отдавалъ приказанія. Металлическій, нѣсколько гортанный голосъ его звучалъ силой и увѣренностью, но въ то же время въ немъ слышалась ласка:—«голубчикъ», «дружокъ», «душа моя» мѣшались съ прямыми приказаніями. И на загорѣломъ красивомъ лицѣ его свѣтилась ласковость.

— Стой, братцы, смирно,—звучалъ по рядамъ его голосъ, столь знакомый солдатамъ еще съ Чечни и Дагестана: — подпускай ближе персіянина—ему труднѣе будетъ уходить.

— Ишь загнулъ,—тихо шепнулъ «дядя Назарычъ» Илюшѣ Лободѣ, теперь своему закадычному другу:—*яму* труднѣй будетъ улепетывать... Ловко загнулъ!

А Мадатовъ носился уже на флангахъ, около казаковъ.

— Держитесь, атаманы-молодцы, крѣпче, — говорилъ онъ казакамъ: — продержитесь часъ—*онъ* самъ подастся... А тогда *его* въ хвостъ да въ загривокъ.

— Ради стараться, ваше—ство! — отвѣчали казаки.—Не впервой.

Паскевичъ, окруженный свитою, стоя на небольшомъ возвышеніи за фронтомъ, молча смотрѣлъ въ зрительную трубу, наблюдая за движеніемъ персіянъ. Онъ видѣлъ, какъ, казавшаяся съ перваго взгляда нестройною, масса ихъ стала все болѣе и болѣе раздвигаться вправо и влѣво, образуя громадную дугу въ видѣ полумѣсяца. Въ центрѣ полумѣсяца онъ насчиталъ до двадцати орудій, на которыхъ неровными бли-

Digitized by Google

ками играло солнце. Концы полумѣсяца замыкались конницею, пестрѣвшею всѣми яркими цвѣтами. За всей этой громадной дугой, отъ одного ея конца до другаго, выставлялись длинныя изогнутыя шеи верблюдовъ, которые поводили своими безобразными головами вправо и влѣво. Видъ ихъ въ боевомъ полѣ представлялъ что-то страшное, дикое, невиданное въ европейскомъ войскѣ.

— Точно слоны Ганнибала, — мелкнуло въ умѣ Паскевича. — Окажусь ли я только Сципіономъ, или Павломъ Эмиліемъ?

Холодомъ повѣяло на него отъ этого историческаго воспоминанія. Онъ очнулся и провелъ трубой по всей персидской позиціи отъ одного ея фланга до другаго. Неувѣренность и страхъ заползали ему въ душу... «А если подведутъ?—если меня ждетъ судьба Павла Эмилія при Каннахъ»?.. Оглядываясь, онъ увидѣлъ, что его ничтожное войско очутилось какъ бы въ изогнутомъ дугою страшномъ кольцѣ удава:—персидскіе фланги очутились ужь въ тылу нашихъ резервовъ... «Мы въ кольцѣ удава»!..

Онъ глянулъ на свои позиціи и почувствовалъ, что волосы у него на головѣ зашевелились отъ ужаса... Ему показалось, что пѣхота его точно испарилась на половину...

— Гдѣ моя пѣхота?—спросилъ онъ ближайшаго адьютанта:—я вижу только горсть...

— Часть пѣхоты залегла въ оврагахъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ адьютантъ изъ петербургскихъ.

Паскевичъ вздохнулъ свободнѣе.—«Не отступить ли, пока еще есть время? Не лучше ли принять битву подъ стѣнами города?—все же будетъ защита съ тылу... «Прятаться»,—скажетъ татаринъ... Это не значитъ «прятаться», подражая Фабію Кунктатору... Они, кажется, выжидаютъ... Да, выжидаютъ—ни съ мѣста дальше. Насъ ждутъ»?..

Такія мысли бродили въ его головѣ, когда, расположивъ все къ битвѣ, къ нему подъѣхали Мадатовъ и Вельяминовъ доложить объ этомъ.

— Все готово, ваше превосходительство,—сказалъ Мадатовъ.—Прикажете двинуть батальоны?

— А увѣрены ли вы въ побѣдѣ?—сердито спросилъ Паскевичъ.

Digitized by Google

— За тѣмъ пришли,—уклончиво отвѣчалъ Вельяминовъ.—Не отступать же...

— Мы прятаться не привыкли, — горячо сказалъ Мадатовъ.

«Опять прятаться»!—рѣзнуло по сердцу самолюбиваго генерала.—Ну!—И онъ махнулъ рукой.

Мадатовъ и Вельяминовъ поскакали къ позиціямъ, и баталіоны двинулись. Непріятельская армія, повидимому, не ожидала этого безумнаго движенія. Какъ?—эта горсть людей лѣзетъ въ самую пасть удава!—Русскіе, словно мыши, сами идутъ въ ловушку!.. Такъ понялъ это безумное движеніе и Паскевичъ, когда снова обозрѣлъ позиціи... «Лѣзутъ въ самое полулуніе—въ жерло вулкана»!..

— Остановить ихъ! — крикнулъ онъ адьютантамъ. — Они взбѣсились!

Адьютанты поскакали. Вотъ они у шагающихъ стройно колоннъ.

— Приказано остановить!—Остановить... ни съ мѣста!

Недоумѣвающія колонны какъ-то дрогнули и остановились.

— Скачи—узнай, въ чемъ дѣло?—хриплымъ отъ раздраженія голосомъ крикнулъ Мадатовъ Вельяминову.

Вельяминовъ поскакалъ. Онъ нашелъ Паскевича за фронтомъ, уже не на конѣ. Генералъ сидѣлъ на барабанѣ въ тяжеломъ раздумьѣ. Ему представлялся весь ужасъ пораженія... «Зачѣмъ я повѣрилъ ермоловцамъ»!..

Въ этотъ самый моментъ, со стороны непріятеля загрохотали пушки. Паскевичъ вздрогнулъ и поднялъ голову, которая была опущена на руку. Онъ увидѣлъ Вельяминова, и лицо его исказилось злобой.

— Мѣсто русскаго генерала подъ ядрами! — сурово отчеканилъ онъ.

Вельяминовъ повернулъ лошадь и ускакалъ—буквально подъ ядра. Осыпанный градомъ ядеръ, которыя уже вырвали нѣсколько коней изъ его конвойной команды, онъ выскочилъ на курганъ передъ фронтомъ, соскочилъ съ коня и спокойно легъ на подосланную бурку... По колоннамъ пронесся ропотъ удивленія и ужаса... «Да онъ мишенью себя сдѣлалъ! Господи Боже»!

— Онъ насъ собой закрываетъ,—сердито проворчалъ «дядя

Digitized by Google

Назарычъ», готовый броситься впередъ и цѣловать ноги своего генерала.

Это увидѣлъ Мадатовъ. Въ немъ закипѣла азіатская кровь, и онъ, весь красный, подскакалъ къ Вельяминову.

— Ты что дѣлаешь?—крикнулъ онъ.—Что съ тобой?

— Я исполняю приказаніе: находиться подъ ядрами,—съ невозмутимой флегмой отвѣчалъ тотъ.

— Проклятіе!—И Мадатовъ поскакалъ къ Паскевичу.

Онъ засталъ его все въ той же позѣ—какъ бы застывшимъ на барабанѣ, со склоненной на руку головой, въ глубокой задумчивости, точно онъ не слыхалъ грохота непріятельскихъ орудій и силился разрѣшить мучительный вопросъ—«Канны или Тразимено»?..—Или, быть можетъ, онъ рѣшилъ въ умѣ:—«не я ихъ посылалъ—сами пошли: пусть спасаютъ себя и—меня... Я умываю руки, что̀ бы ни случилось... Tu l'as voulu, George Dandin»...

— Помилуйте!—раздался надъ нимъ лошадиный топотъ и голосъ «этого татарина»: — мы теряемъ дорогое время, моментъ теряемъ!—кричалъ Мадатовъ:—еще минута, и эта золотоголовая сволочь опомнится и шапками насъ закидаетъ.

Въ этотъ же моментъ подскакали графъ Симоничъ, командиръ грузинскаго гренадерскаго полка, и подполковникъ Грековъ—ширванскаго.

— Ваше превосходительство!—лихорадочно-торопливо говорилъ Симоничъ:—наши кавказскіе солдаты не привыкли обороняться, они только нападаютъ.

Услыхавъ голосъ «не татарина», Паскевичъ поднялъ голову и глядѣлъ, точно пробуждаясь отъ сна.

— А увѣрены ли вы въ побѣдѣ?—опять спросилъ онъ.

— Увѣренъ!—и вотъ мой товарищъ, Грековъ, какъ и я—мы головами отвѣчаемъ за успѣхъ.

— Ну, такъ съ Богомъ!—И Паскевичъ выпрямился...

Радостный и возбужденный, скакалъ Мадатовъ къ стоявшимъ подъ ядрами колоннамъ.

— Отдавай приказанія!—издали крикнулъ онъ Вельяминову.

Послѣдній моментально былъ на сѣдлѣ—куда и флегма дѣвалась...

— Слава Богу, — шепталъ «дядя Назарычъ»:—теперь въ штыковую!

Digitized by Google

— Пошли Левковича съ его дивизіономъ въ аттаку—проломить центръ непріятеля, — говорилъ между тѣмъ Вельяминовъ Мадатову. — Батальонамъ Овечкина и Юдина, съ двумя орудіями, вели бѣглымъ шагомъ слѣдовать за драгунами Левковича, и когда непріятельская кавалерія съ фланговъ понесется окружать драгунъ,—ей въ хвостъ ударить картечью—и въ штыки! Казаковъ пошли прикрывать фланги колоннъ Овечкина и Юдина. А когда вся эта персидская сволочь пустится на утекъ, казакамъ будетъ близко насѣсть на нихъ.

— Начать канонаду!—скомандовалъ Мадатовъ, поворачивая коня къ орудіямъ и отступая отъ пушечныхъ жерлъ.— Наводи, гдѣ гуще.

Едва послѣдовалъ первый залпъ, какъ Мадатовъ былъ уже около батальоновъ Овечкина и Юдина.

— Батальоны впередъ, въ штыки!—скомандовалъ онъ.

— Братцы!—крикнулъ Овечкинъ передъ фронтомъ:—долой ранцы! легче будетъ колоть!

— Ура!—прогремѣли колонны, сбрасывая на землю ранцы.

— И кивера, братцы, долой!—въ свою очередь крикнулъ «дядя Назарычъ»:—еще способнѣе будетъ капусту рубить—такъ было и подъ Бородинымъ.

— Браво, старина! — привѣтствовалъ Овечкинъ предложеніе Назарыча:—спасибо, Назаровъ!

Съ саблями на голо̀ и съ криками «ура» бросились впередъ Овечкинъ, Юдинъ, Грековъ и графъ Симоничъ. За ними ринулись ихъ колонны. Грековъ палъ первымъ—его сразила картечь; палъ и графъ Симоничъ, тяжело раненый. Зато тѣмъ безпощаднѣе была штыковая работа озлобленныхъ солдатъ. Аббасъ-Мирза не ожидалъ такой стремительности и такой силы отъ ничтожной горсти. Персидскій историкъ говоритъ, что «его высочество, подобравъ за поясъ по̀лы своего кафтана, собственноручно сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пушки и силою ихъ губительнаго дѣйствія помрачилъ весь свѣтъ»! Но и это помраченіе всего свѣта не выручило его. Онъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. «Въ самый разгаръ боя—говоритъ тотъ же персидскій историкъ—замѣчательный и удивительный случай превратности судьбы проявилъ себя въ арміи Ирана: когда принцъ, воодушевляя ратниковъ, предался размышленіямъ о средствахъ къ спасенію (т. е. къ бѣгству), лошадь его

Digitized by Google

высочества внезапно споткнулась и оборвалась въ глубокую яму (т. е. въ оврагъ, гдѣ прежде «въ секретѣ» лежалъ Гаврилычъ съ своимъ «васькой»), отчего его высочество изволилъ свое благородство перенести съ сѣдла на землю (т. е. по просту—упалъ). Прислуга не могла замѣтить такого непріятнаго казуса и, не видя своего повелителя, исполнилась невыразимаго смущенія, вообразивъ, что его высочество, подобный Александру Македонскому и славный дѣяніями знаменитаго государя Дара (Дарія), погибъ. Слѣдствіемъ всего этого было всеобщее разстройство: свита принца разсѣялась въ разныя стороны, сарбазы же поспѣшили отретироваться съ той возвышенности, которая походила на средоточіе невыразимаго кровопролитія»...

Пораженіе персіянъ было полное.

Д. Мордовцевъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Солнце садилось...

Солнце садилось... Сливались неясныя тѣни,
Сумракомъ даль одѣвалась; ряды облаковъ
Стали недвижны, какъ будто нѣмыя ступени
Въ сказочномъ храмѣ отжившихъ боговъ.

Скрылося солнце,—и розовой отблескъ заката
Тихо погасъ въ потемнѣвшей лазури небесъ.
Всюду прохлада... И тонкой волной аромата
Дышутъ долины и горы, и лѣсъ...

Все засыпаетъ... Умолкла дневная тревога:
Ночь и на сердце навѣяла ласковый сонъ...
Въ грезахъ витая, оно забываетъ, какъ много
Жизнь ему пѣла про горе и стонъ...

Сумракъ рѣдѣетъ... Востокъ озарился разсвѣтомъ;
Вѣтромъ спугнутыя, въ небѣ плывутъ облака...
Вздрогнуло сердце и слышитъ, какъ съ новымъ привѣтомъ
Утро сказало: «гроза—далека»!..

В. Булгаковъ.

Digitized by Google

ПАМИРЫ И ПАМИРСКІЙ ВОПРОСЪ.

I.

Уже три года, такъ называемымъ «памирскимъ вопросомъ» живо интересуется не только Россія, но и вся Европа. Интересъ значительно усиливается тѣмъ, что огромному большинству даже образованныхъ людей Памиры извѣстны лишь по учебникамъ географіи, т. е. извѣстно, что эта страна лежитъ гдѣ-то подъ облаками и даже за облаками; что тамъ очень холодно, примѣрно какъ въ Гренландіи; что тамъ свирѣпствуетъ вѣчная, почти безпрерывная вьюга и что онѣ населены почти исключительно волками. Больше о Памирахъ нашему обществу почти ничего не извѣстно и узнать весьма трудно. Въ каждомъ вопросѣ, составляющемъ злобу дня, у насъ многіе привыкли предусматривать какой-то секретъ; привыкли предполагать, что это, прежде всего, и даже исключительно, дѣло той или другой канцеляріи, а мы будемъ имѣть право узнать объ этой злобѣ дня только впослѣдствіи, когда всѣ вопросы будутъ благополучно рѣшены въ подлежащемъ мѣстѣ. Въ дѣйствительности, благодаря Бога, у насъ вовсе нѣтъ подобнаго положенія дѣлъ. Нашей прессѣ предоставлена достаточная свобода и большинство высшихъ властей относится къ ней съ такимъ уваженіемъ и съ такимъ вниманіемъ, въ которыхъ ясно обрисовывается признаніе за обществомъ права— не только слѣдить за вопросами текущей жизни, но до нѣкоторой степени принимать въ нихъ участіе. Вопросъ, значитъ, сводится къ тому, что у насъ сохранилась лишь привычка къ доброму старому времени и что, въ силу этой привычки, мы не рѣшаемся принять участіе въ жизни прессы; а это, при совокупности многихъ подобныхъ случаевъ, ведетъ къ тому, что общество лишается возможности знать то, что̀ имѣетъ право знать, а пресса лишается возможности обсуждать злобы дня, хотя это обсужденіе одинаково необходимо и для тѣхъ, которые стоятъ на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, и для тѣхъ, кто внизу и числится, такъ сказать, въ «толпѣ». Немало такихъ вопросовъ не доходитъ до печати только въ силу указанной привычки и потому общество часто не можетъ узнать того, чѣмъ оно интересуется. Печать всегда чутко и любовно относится ко всѣмъ злобамъ дня и всегда охотно идетъ на встрѣчу нашихъ потребностей, но мы сами бѣжимъ отъ нея, прячась въ свою скорлупу и не служа ей тѣмъ, чѣмъ должны бы служить.

Digitized by Google

Памирскій вопросъ, какъ мы сказали, замѣтно интересуетъ наше общество. Ходятъ темные слухи, что уже три года подъ рядъ на Памиры посылаются экспедиціи, и невольно думается, что вотъ—вотъ разразятся великія событія, не то на границѣ съ Китаемъ, не то съ Афганистаномъ, не то по адресу англійской Индіи. Достовѣрнаго ничего и нигдѣ узнать нельзя ни о Памирахъ, ни о памирскомъ вопросѣ. Въ газетахъ, особенно иностранныхъ, изрѣдка появляются лишь небольшія статьи, касающіяся какой нибудь отдѣльной части вопроса или эпизода, нисколько не касаясь всего вопроса въ его совокупности. Кромѣ того, статьи иностранныхъ газетъ почти всегда невѣрны, а иногда составляютъ прямой вымыселъ, и потому, ближе познакомиться по нимъ съ Памирами и памирскимъ вопросомъ почти совершенно невозможно. Съ весьма большою вѣроятностью можно сказать, что огромное большинство имѣетъ весьма смутное представленіе даже о томъ, кому принадлежатъ Памиры и какіе интересы влекутъ туда четырехъ смежныхъ сосѣдей.

Памирскаго вопроса, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не существуетъ и существовать не можетъ. Подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвается нѣчто другое, болѣе существенное. Это, скорѣе, незначительная составная часть пресловутаго «восточнаго вопроса», который такъ пугаетъ англичанъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что этого памирскаго вопроса у насъ никогда не выдумали бы. Его всецѣло изобрѣли англичане. Сдѣлаемъ сперва краткій очеркъ Памировъ, а потомъ бросимъ взглядъ на памирскій вопросъ. Памиры принадлежатъ къ числу тѣхъ странъ, о которыхъ говорятъ, что онѣ Богомъ забыты. Въ этой характеристикѣ не будетъ ни малѣйшаго преувеличенія. Памиры занимаютъ площадь около 70 тысячъ квадратныхъ верстъ. На этомъ обширномъ пространствѣ, по переписи 1893 г., живетъ 230 семействъ, считая, что средняя семья состоитъ изъ отца, матери и двухъ дѣтей—дѣвочки и мальчика, т. е. на каждую семью приходится 300 квадратныхъ верстъ [1]). Надо удивляться, что для Памировъ нашлось и такое населеніе, такъ какъ трудно представить себѣ, какую жалкую жизнь приходится вести этимъ несчастнымъ! Вся ихъ жизнь наполнена безъисходной нуждой, вѣчнымъ голодомъ и всевозможными страданіями, въ которыхъ они безпомощны, какъ новорожденныя дѣти. Они не имѣютъ представленія объ удобствахъ и радостяхъ жизни. Всѣ ихъ желанія сводятся къ тому, чѣмъ бы наполнить пустой желудокъ и хоть немного согрѣться. У нихъ нѣтъ ничего, кромѣ незначительнаго количества скота, дырявой юрты и истрепаннаго платья, похожаго скорѣе на совершенно негодные лохмотья. Путешественникъ ничего не достанетъ тамъ, кромѣ барана, но и то не всегда, и лишь въ немногихъ мѣстахъ; да за деньги еще и не добудешь: надо дать или кошму, или нѣсколько аршинъ какого нибудь холста на рубаху, преимущественно ситцу или маты [2]). Хлѣба достать нельзя, такъ какъ жители и сами питаются имъ скорѣе

[1]) Жителей на Памирахъ: мужчинъ 255, женщинъ 307, мальчиковъ 299 и дѣвочекъ 194. Юртъ 227.

[2]) Мѣстное туркестанское бумажное полотно, цѣною, въ среднемъ, по 5 к. аршинъ.

Digitized by Google

въ видѣ лакомства. За весьма небольшими исключеніями, Памиры представляютъ собою сплошной камень. Только въ рѣдкихъ мѣстахъ попадается тонкій наносный слой суглинка, не могущій вскормить хлѣбныхъ злаковъ, а долины нашего Памира въ большинствѣ болотистыя, годныя только для скотоводства.

Средняя высота принадлежащей намъ части Памирскаго плоскогорья—отъ 12 до 13 т. футовъ надъ поверхностью моря; средняя высота горныхъ хребтовъ, пересѣкающихъ и окружающихъ его, отъ 17 до 19 т. футовъ [1]); высота. переваловъ черезъ эти хребты—отъ 14 до 16 т. футовъ, а вершины горъ подымаются значительно выше 20 т. футовъ. Всѣ эти хребты покрыты вѣчными снѣгами, а потому вѣтры, стихающіе лишь по временамъ, всегда холодные. Среднее барометрическое давленіе на плоскогорьѣ, не считая горныхъ хребтовъ, около 400 полулиній по барометру Паррота, т. е. лишь немногимъ болѣе 500 миллиметровъ. Это указываетъ на такую разрѣженность воздуха, къ которой трудно даже и привыкнуть. Ходить тамъ крайне трудно; необходимы очень частыя остановки, чтобы отдышаться. Недостаетъ воздуха не только при движеніи, но даже при спокойномъ состояніи и во время сна. Сонъ болѣзненный, мучительный, наводящій какой-то безотчетный страхъ. Болѣзненное состояніе начинается удушьемъ, потомъ кровотеченіе изъ носу или кровохарканіе и крайнее ослабленіе дѣятельности сердца. Надо часъ и болѣе, чтобы отдышаться и успокоиться послѣ этихъ ночныхъ припадковъ, составляющихъ не исключительное, а обыденное явленіе. При продолжительномъ пребываніи на Памирахъ, это приводитъ къ малокровію и крайней нервозности.

Но это только цвѣточки. Бичъ Памировъ—вѣтеръ. Въ большинствѣ онъ дуетъ съ запада по всѣмъ ущельямъ, начинаясь почти акуратно часовъ съ 8-ми утра и постепенно усиливаясь. Въ два или три часа дня онъ уже дуетъ со скоростью 8 метровъ въ секунду, замѣтно стихая къ вечеру, а иногда продолжаясь и всю ночь. Кромѣ этихъ почти ежедневныхъ періодическихъ вѣтровъ, нерѣдко подымается буранъ, дующій со скоростью 20 метр. въ секунду. Иногда онъ продолжается лишь нѣсколько часовъ, но нерѣдко—двое, трое и даже пять сутокъ подъ рядъ. При низкой температурѣ Памировъ, вѣтры невыносимо тяжелы, тѣмъ болѣе, что какъ лѣтомъ, такъ и зимой, они несутъ страшное количество пыли, отъ которой нѣтъ спасенія даже въ юртахъ. Послѣднія покрываются двумя и даже тремя рядами кошмы, но вѣтеръ довольно свободно проникаетъ черезъ нее и наполняетъ юрту цѣлымъ облакомъ пыли. Въ результатѣ этого холода и вѣтра получается слѣдующая картина жизни въ юртѣ: во время топки желѣзной печки отвратительно жарко; но какъ только топка прекратилась, начинается быстрое охлажденіе; черезъ часъ уже холодно, а часа черезъ два вода въ посудѣ и чай въ чайникахъ начинаютъ замерзать. При топкѣ можно сидѣть въ одномъ бѣльѣ, а послѣ топки надо надѣвать шубу, валенки и мѣховую

[1]) Аличурскій хребетъ—16 т. ф., Памирскій—17, Музъ-Кольскій—17½ Заалайскій, Сарыкольскій, Ваханскій и Музъ-Тагскій по 18, и Гиндукушскій—19 т. ф.

Digitized by Google

шапку съ наушниками. Въ солдатскихъ юртахъ, въ которыхъ помѣщается 8—10 человѣкъ, значительно теплѣе, такъ какъ онѣ постоянно согрѣваются ихъ животною теплотой, но въ офицерскихъ невыносимо. Были случаи, что офицеры отмораживали себѣ въ юртѣ, во время сна, щоки и уши. Заниматься въ юртѣ почти невозможно: пламя свѣчей колышется отъ вѣтра, глаза заноситъ пылью, руки коченѣютъ и до промерзлой бумаги нельзя дотронуться: она дѣлается, какъ ледъ. Отъ постоянной пыли на Памирахъ развиты глазныя болѣзни, отъ которыхъ туземное населеніе не можетъ получить никакой помощи. Извѣстные французскіе путешественники:—Бонвало, Капюсъ и Пепенъ—спасались отъ холода слѣдующимъ образомъ: разстилаютъ на землѣ или на снѣгу большія кошмы, ложатся на нихъ рядомъ и укрываются съ головой такими же кошмами. Ихъ заноситъ снѣгомъ и отъ мѣста ночлега не остается никакого слѣда. Утромъ ихъ откапываютъ. Несовсѣмъ удобно, но много теплѣй, чѣмъ въ юртахъ. Очевидно, что нужны отчаянныя климатическія условія, чтобы рѣшиться на подобный могильный ночлегъ!

Всѣмъ извѣстно, какъ гибельно дѣйствуетъ на организмъ рѣзкая перемѣна температуры. На Памирахъ въ этомъ главная бѣда, тѣмъ болѣе, что отъ нея нѣтъ спасенія даже и на открытомъ воздухѣ. Въ вопросѣ о температурѣ мы наталкиваемся здѣсь на необычайное явленіе. Средняя температура лѣта:+10,3° Ц., весны и осени—1,2° и зимы—20,6°. Средняя годовая—3,1° Ц. Но это еще не даетъ понятія о томъ, что приходится переносить въ дѣйствительности, такъ какъ колебаніе температуры невѣроятно велико, особенно зимой. Лѣтомъ необычайныхъ явленій не замѣчается. Разница температуры въ тѣни и на солнцѣ—примѣрно около 10°. Колебаніе температуры днемъ и ночью тоже весьма не велико, такъ какъ лѣтомъ жары не бываетъ. Въ самые жаркіе дни температура на солнцѣ лишь немногимъ отличается отъ такой же зимней температуры, а именно: зимой на солнцѣ случалось+20° Ц., а лѣтомъ только въ исключительныхъ случаяхъ доходило до+35°; обыкновенная же лѣтняя температура на солнцѣ не болѣе 25°. Въ 1893 г. наивысшая температура была: въ іюлѣ—30° и въ августѣ—31° Ц. Но это благодатныя исключенія. Снѣжныя мятели въ лѣтніе мѣсяцы во многихъ мѣстахъ Памировъ далеко не рѣдки. Изложенное указываетъ, что между наивысшими температурами на солнцѣ лѣтомъ и зимой всего разницы лишь 10—15° Ц.

Колебанія зимней температуры представляются въ совершенно иномъ видѣ. Тутъ получаются ошеломляющія явленія, тяжело отзывающіяся на здоровьѣ жителей. Такъ напримѣръ, въ январѣ случалось: на солнцѣ, послѣ полудня,+8° Ц., въ тѣни—18°, а ночью—43° Ц. Въ февралѣ: на солнцѣ+20°, въ тѣни—7° и ночью—35° Ц. Температуры эти взяты не крайнія въ теченіе мѣсяца, а въ теченіе одного и того же дня. Оттого на Памирахъ не знаешь, какъ одѣться: одѣлся тепло и находишься на солнцѣ—жарко; солнце закрылось тучами—и температура мгновенно падаетъ. Крайними предѣлами температуры можно считать: лѣтомъ+35°, а зимой—45° Ц.; но необходимо помнить, что переносить зимнюю стужу особенно трудно

Digitized by Google

вслѣдствіе постоянныхъ вѣтровъ. При буранѣ, морозъ въ 40—45° ужасенъ; никакая одежда не спасетъ отъ окоченѣлости; а потому отмороженіе членовъ и воспаленіе гортани на Памирахъ—совершенно обыденныя явленія.

Характерная особенность Памировъ — весьма малая влажность воздуха въ теченіе зимы. Лѣтомъ влажность увеличивается почти въ 12 разъ [1]). Результаты этого слѣдующіе: зимой снѣгъ выпадаетъ очень рѣдко; почва долинъ остается всегда оголенная; а если выпадаетъ небольшой снѣгъ, то немедленно будетъ сдутъ вѣтромъ. Сухость почвы и отсутствіе снѣга служатъ причиною той страшной пыли, которая несется зимними вѣтрами. Атмосфера крайней южной части Памировъ значительно влажнѣе, почему долины ихъ [2]) покрываются довольно глубокимъ снѣгомъ.

Предательская погода Памировъ вообще требуетъ постоянной осторожности. Малѣйшее невниманіе—и бѣда. Горькій опытъ далъ намъ убѣдительные примѣры того, что полагаться на русское «авось» очень опасно. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1892 года, отрядъ нашъ, прекрасно снабженный теплой одеждой, идя на Памиры, попалъ въ снѣжный буранъ въ лѣтнихъ костюмахъ, потому что начальствомъ отряда, не смотря на достаточное знакомство съ Памирами, былъ упущенъ изъ виду вопросъ о памирскомъ климатѣ. Въ 1893 году было послано два отряда. Одинъ простоялъ 4 мѣсяца въ Алайской долинѣ, при условіяхъ весьма благопріятныхъ сравнительно съ Памирами. Хотя въ походъ пошли только здоровые, отборные люди, но когда отрядъ вернулся домой, въ немъ оказалось 120 цынготныхъ и 8 тифозныхъ. Число тифозныхъ потомъ значительно увеличилось. Другой отрядъ простоялъ 16 мѣсяцевъ въ Шаджанѣ, т. е. въ самомъ центрѣ Памировъ, подвергаясь такимъ невзгодамъ, которыя можетъ перенести только русскій солдатъ. Но въ этомъ отрядѣ за солдатомъ смотрѣли въ оба, думали о немъ ежеминутно, ничего не упуская изъ виду, и въ результатѣ, когда вернулись домой, больныхъ не оказалось.

Очевидно, что главный вопросъ сводится къ тому, чтобы неустанно сообразоваться съ трудными условіями памирскаго климата и добросовѣстно беречь порученную нашему попеченію бѣдную «сѣрую скотину», какъ любовно называетъ солдата извѣстный учитель русской арміи М. И. Драгомировъ. Мы мало читаемъ его, хотя преисполнены жажды причислить себя къ сонму великихъ полководцевъ или, по меньшей мѣрѣ, изобразить Скобелева, и не видимъ, какъ мы жалки въ этихъ потугахъ, не исполняя даже того, на что могло бы хватить нашихъ маленькихъ силенокъ.

Какъ выше сказано, памирскій климатъ очень разстраиваетъ организмъ, а если не будетъ принято серьезныхъ предупредительныхъ мѣръ и своевременно не будетъ оказано больнымъ энергичная медицинская помощь, то могутъ развиться очень тяжелыя эпидемическія болѣзни. Прежде всего заявляетъ о своихъ правахъ такъ

---

[1]) Въ кубическомъ метрѣ воздуха содержится водяныхъ паровъ: лѣтомъ 5,8 грамма, а зимой 0,5.

[2]) По р. р. Памиру и Ваханъ-Дарьѣ, а отчасти и по Аличуру.

Digitized by Google

называемая горная болѣзнь, которая выражается удушьемъ, кровотеченіемъ изъ носу, изъ горла, а затѣмъ и грудным кровохарканіемъ; дѣятельность сердца ослабѣваетъ: оно какъ будто останавливается и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, на заболѣвавшаго нападаетъ паническій страхъ. Нужно довольно продолжительное время, чтобы успокоиться и вполнѣ прійти въ себя. Если припадокъ случится во время сна, что̀ бываетъ нерѣдко, то, вслѣдствіе неизбѣжно ощущаемаго страха, необходимъ огонь и присутствіе посторонняго лица. Эта болѣзнь страшно разстраиваетъ нервы, а при продолжительномъ пребываніи на Памирахъ принимаетъ угрожающій характеръ. Опытъ указалъ на благодѣтельное средство отъ этой болѣзни. Если она повторяется часто и въ сильной степени, а продолжительное пребываніе на Памирахъ неизбѣжно,—напр., по служебнымъ дѣламъ, — то больному достаточно дать отпускъ хотя на нѣсколько дней, чтобы онъ отдышался въ привычной ему атмосферѣ. Послѣ этого, припадки станутъ не только болѣе рѣдки, но болѣе слабы и пребываніе на Памирахъ станетъ возможнымъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Уже одна горная болѣзнь, не говоря о другихъ, приводитъ къ категорическому заключенію, что никого нельзя держать на Памирахъ болѣе года. Отряды необходимо смѣнять каждую весну, выбирая людей съ хорошо развитой грудью и безупречнымъ сердцемъ.

Второй бичъ—цынга. Чтобы избавиться отъ нея, нужна большая предусмотрительность, постоянное вниманіе и энергичное примѣненіе наиболѣе дѣйствительныхъ, наукой дознанныхъ, мѣръ. Выше упомянуто, что шаджанскій отрядъ, пробывши на Памирахъ 16 мѣсяцевъ, вернулся на свои штабъ-квартиры, не имѣя ни одного цынготнаго. Этимъ онъ всецѣло обязанъ своему начальнику, капитану генеральнаго штаба Кузнецову, и неутомимому, самоотверженному отрядному врачу Третьякову. Первый съумѣлъ широко обезпечить отрядъ предметами необходимости и даже роскоши; съумѣлъ сохранить свои запасы, не смотря на отсутствіе мало-мальски годныхъ помѣщеній; его отрядъ былъ богатъ именно тѣмъ, что̀ только и могло спасти отъ печальныхъ послѣдствій; обычно зловредныя юрты, которыя служили помѣщеніемъ для отряда, были на сей разъ образцово устроены и образцово содержимы; отрядъ былъ въ движеніи, въ работѣ, живя полной жизнью, а не прячась отъ мороза въ гнилой воздухъ юртъ. Начальникъ отряда не забавлялся интересной памирской охотой для своего личнаго развлеченія, а всегда жилъ жизнью своего солдата, твердо памятуя, что онъ существуетъ для отряда, а не отрядъ для него; а потому солдатъ остался здоровымъ и казался одинаково веселымъ и въ отрядномъ солдатскомъ театрѣ, и на работѣ, и на привычныхъ ночныхъ маневрахъ во время бурана и 30—40 градуснаго мороза. Правда, этотъ начальникъ отряда самъ совершенно разстроилъ свое здоровье, но зато сохранилъ много чужихъ жизней. Невольно думается, что это—достойное дитя Драгомирова. Спасибо нашему учителю! Отрядный врачъ много помогъ этому дѣлу. Самъ тяжко страдая отъ горной болѣзни, онъ всегда добредетъ до каждаго больнаго, всегда знаетъ здоровье каждаго солдата и всегда захватитъ каждую болѣзнь въ

Digitized by Google

самомъ началѣ. Упомяну кстати, что для предупрежденія и лѣченія цынги, помимо разныхъ острыхъ приправъ, наилучшая пища—картофельная. Имѣя обильный запасъ свѣжаго картофеля, отрядъ, на случай порчи его, былъ обезпеченъ большимъ запасомъ сушенаго картофеля. Это прекрасный примѣръ для будущихъ экспедицій.

Изъ другихъ болѣзней болѣе часты и болѣе рельефны: 1) отмораживаніе конечностей, ушей, носа и щокъ, какъ прямое послѣдствіе неудовлетворительности одежды или неосторожности, всегда возможной при продолжительной стоянкѣ на Памирахъ, ибо очень трудно быть всегда на чеку и во всеоружіи встрѣчать памирскіе бураны и морозы; 2) воспаленіе дыхательныхъ путей. Эти заболѣванія наиболѣе часты и совершенно неизбѣжны, вслѣдствіе огромной разницы температуры наружной и внутри помѣщеній. Однѣ лишь ночныя тревоги, совершенно необходимыя для пріученія пограничнаго отряда къ ночнымъ дѣйствіямъ въ горахъ, вызывали много этихъ заболѣваній, и съ ними приходится мириться. Крайне важно избѣгать усиленныхъ движеній во время бурановъ, такъ какъ, при усиленномъ дыханіи, ледяняцій воздухъ точно обжигаетъ дыхательные пути.

Разстройство или упадокъ дѣятельности сердца иногда является какъ бы въ видѣ самостоятельной болѣзни,—но это лишь проявленіе горной болѣзни, не осложненной другими припадками. Нервозность и малокровіе — также прямыя послѣдствія горной болѣзни. Нервозность доходитъ иногда до крайней и опасной степени. Вообще горная болѣзнь дѣло весьма не шуточное. Если начнется грудное кровохарканіе, то больному необходимо оставить горы, такъ какъ послѣдствіемъ можетъ явиться даже чахотка. Люди, болѣе воспріимчивые къ горной болѣзни, послѣ зимовки на Памирахъ въ составѣ шаджанскаго отряда, были высланы оттуда ранней весной. Такіе люди слѣдовать пѣшкомъ уже не могутъ. Ихъ необходимо посадить на коней.

Эти непомѣрно тяжелыя условія памирскаго климата и всей обстановки жизни на Памирахъ невольно приводятъ къ заключенію, что держать тамъ войска надо лишь при совершенной въ томъ необходимости и, насколько возможно, ограничивая составъ отряда. Къ этому же заключенію приводятъ и экономическія соображенія. Содержаніе памирскихъ отрядовъ обходится очень дорого. Это и понятно. Солдата надо обставить и кормить значительно лучше, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ внутренней службы,—иначе его организмъ не устоитъ въ борьбѣ съ природой. Транспорты получаются ужасающихъ размѣровъ и все надо везти исключительно на вьючныхъ лошадяхъ. Наемная стоимость каждой лошади изъ долины Ферганы на Памиры при благопріятныхъ условіяхъ падаетъ до 15 руб., а при неблагопріятныхъ доходитъ до 25 р., т. е. перевозка каждаго пуда тяжестей обходится отъ 2 р. 50 к. до 4-хъ руб. Пудъ ячменя или картофеля, стоющій въ Ферганѣ около рубля, на Памирахъ обойдется рубля въ 4; пудъ капусты вмѣсто 30 коп. будетъ стоить 3 или 4 руб. Словомъ, все обходится баснословно дорого, да еще половина добра пропадаетъ отъ мороза или дождей. Офицерамъ приходится очень тяжело: или отказывай себѣ

Digitized by Google

въ предметахъ первой необходимости, или плати баснословныя цѣны. Особенно плохо съ теплой одеждой, которая даже для офицеровъ не по карману. Хотя имъ и выдается по 100 руб. подъемныхъ, но этого мало.

Пробывши на Памирахъ годъ, офицеры до того изнашиваютъ свое платье, что, по возвращеніи домой, имъ не въ чемъ выйти на улицу. Содержаніе въ отрядѣ офицеровъ, особенно младшихъ, необходимо увеличить. При такомъ исключительномъ положеніи, справедливость требуетъ дать имъ выходящее изъ нормы содержаніе, а при возвращеніи изъ похода—выдавать денежное пособіе на обмундированіе. При огромныхъ расходахъ на памирскіе походы, это составитъ почти незамѣтную сумму. Солдатъ изнашиваетъ на Памирахъ не менѣе пяти паръ сапогъ,—такъ какъ все время ходитъ по голымъ камнямъ; офицеръ—пары три. Когда возвращаются домой, на всѣхъ надѣта обувь, состоящая лишь изъ латокъ и дыръ. Смѣты расходовъ экспедиціи каждаго года, дѣйствительно, очень велики. За три года онѣ поглотили тысячъ 700—800. Всякому бросится въ глаза такая высокая стоимость памирскихъ походовъ и совершенно понятно, что надо подумать объ уменьшеніи расходовъ. Несомнѣнно, что это весьма возможно и даже въ крупныхъ размѣрахъ; тогда легче было бы оказать бо́льшее пособіе офицерамъ, сообразно ихъ дѣйствительнымъ потребностямъ. Но объ этомъ послѣ, когда перейдемъ собственно къ памирскому вопросу и попробуемъ разобрать: не боролись ли мы съ призраками, и нельзя ли было обойтись весьма незначительными расходами? А пока закончимъ очеркъ Памировъ.

Какъ упомянуто выше, почва Памировъ каменистая, неспособная къ производительности, не смотря на изобиліе воды. Рѣдко можно встрѣтить страну, до такой степени богатую водой. Въ средней Азіи богатство края опредѣляется исключительно количествомъ воды. Гдѣ воды много, тамъ довольство; тамъ не будетъ пустовать ни одинъ клочокъ самой плохой земли; а гдѣ воды нѣтъ, тамъ самая лучшая земля не имѣетъ никакой цѣны, такъ какъ количество выпадающей влаги слишкомъ недостаточно для посѣвовъ. Дождь лѣтомъ большая рѣдкость, иногда же не увидишь дождя все лѣто. На Памирахъ же обиліе воды остается непроизводительнымъ, вслѣдствіе глубокаго русла рѣкъ и каменистой почвы. Нѣкоторыя рѣки, въ верхнемъ теченіи, имѣютъ пологіе берега, но здѣсь камень смѣняется болотомъ, покрытымъ плохой травой.

Древесная растительность встрѣчается, какъ рѣдкость, лишь въ нѣсколькихъ ущельяхъ; но деревья имѣютъ крайне жалкій видъ. Старое дерево не выше 4—5 аршинъ и имѣетъ форму клина. Внизу оно толщиною вершковъ въ 5 и даже 6, а на высотѣ двухъ аршинъ оно уже 3-хъ и даже 2-хъ вершковъ, и всегда кривое, годное только на топливо. Здѣсь растутъ береза, тополь и горный талъ. Начальникъ нынѣшняго памирскаго отряда, капитанъ Зайцевъ, пробуетъ дѣлать посадки разныхъ сортовъ деревьевъ, но надежды на успѣхъ немного, хотя для каждаго дерева вырывается большая яма, заполняемая хорошо приготовленной землей. Въ юго-западной части Памировъ, по рѣкамъ Валахъ-Дарѣ, Гунту и Шахъ-Дарѣ,

Digitized by Google

встрѣчается значительно лучшая растительность. Здѣсь есть уже и населенные пункты; климатъ значительно мягче, есть обработанныя поля и даже фрукты; но въ эту часть Памировъ мы еще не заглядывали, хотя она, по договорамъ, и принадлежитъ намъ. Единственною растительностью Памировъ можно признать терескенъ,—маленькое кустарное растеніе съ довольно толстымъ корнемъ—но и онъ попадается лишь въ немногихъ мѣстахъ, по склонамъ горъ. Безъ терескену Памиры были бы совершенно необитаемы, такъ какъ нечѣмъ было бы согрѣть юрты. Хорошей травы нѣтъ, а плохая, которою по неволѣ пользуются, попадается въ нѣсколькихъ долинахъ, по болотистымъ берегамъ рѣкъ и озеръ. Лучшее мѣсто подножнаго корма, единственно для насъ важное,—восточная часть Рангъ-Кульской котловины. Здѣсь же зимуетъ бо̀льшая часть нашихъ памирскихъ киргизовъ, скотъ которыхъ всю зиму довольствуется этимъ скуднымъ подножнымъ кормомъ. Фуражъ лошадямъ привозится на вьюкахъ изъ долины Ферганы. Сѣно въ отрядъ не доставляется, и приходится довольствоваться однимъ ячменемъ, по 10 ф. въ день на лошадь. Но такъ какъ лошадямъ необходимо имѣть заполненный желудокъ и онѣ не привыкли къ такой діэтѣ, а подножнаго корма зимой очень мало и онъ слишкомъ плохъ,—то голодныя лошади съ корнемъ выгрызаютъ всякіе признаки растительности, глотая много земли. Въ результатѣ, конечно, колики и падёжъ. Такихъ случаевъ очень много. Весьма жаль, что въ Ферганѣ нѣтъ общества покровительства животныхъ. По всей вѣроятности, оно провело бы мысль, что если мы признаёмъ необходимымъ держать лошадей на Памирахъ, то этихъ лошадей слѣдуетъ кормить.

Любопытенъ тотъ фактъ, что въ зиму 1892 — 1893 г., въ нашемъ отрядѣ пало, отъ безкормицы при морозахъ, 50% казенныхъ лошадей... Надо признаться, что мы удивительно примитивны. Сѣно не перевозится потому, что оно слишкомъ громоздко,—перевозка обошлась бы дорого. Но еслибы устроить прессовальню при одномъ изъ магазиновъ Ферганы, то вопросъ разрѣшился бы легко и вовсе не такъ дорого, чтобы предпочитать лошадиную голодовку. Этого не дѣлается только въ силу косности и весьма неправильнаго разсчета. Пути сообщенія на Памирахъ находятся также въ совершенно первобытномъ состояніи. Шаджанскій отрядъ, возвращаясь въ 1893 году съ Памировъ въ Фергану, на ходу немного «подскоблилъ» наихудшія мѣста между Мургабомъ и Алайской долиной, но онъ не имѣлъ ни средствъ, ни времени сдѣлать что нибудь существенное, а потому, какъ этотъ главнѣйшій путь, такъ и всѣ остальные пути Памирскаго плоскогорья не только не улучшены, но и не расчищены отъ камней, крайне затрудняющихъ движеніе.

Афганцы, занявши Ваханъ (т. е. южную часть Памировъ) немедленно разработали туда изъ Бадахшана такую дорогу, по которой артиллерія свободно пройдетъ на колесахъ. Англичане, занявъ Кунджутъ, разработали дороги до Гиндукуша, т. е. до нашихъ границъ, и по этимъ дорогамъ посылаютъ оружіе афганцамъ и китайцамъ для борьбы съ нами. Китайцы, занявъ Сарыколъ, исправили

Digitized by Google

дороги, ведущія туда изъ Кашгара. Хотя и афганцы, и китайцы сунулись на Памиры и разрабатываютъ тамъ дороги исключительно въ угоду англичанамъ, сами не вѣдая, что творятъ, тѣмъ не менѣе, намъ полезно было бы взять примѣръ съ добрыхъ сосѣдей. Обойтись безъ расходовъ на разработку дорогъ невозможно. Рано или поздно эти расходы неизбѣжны; но въ подобномъ случаѣ лучше примириться съ ними возможно раньше, а не позже, ибо они возмѣстятся десятерицею. Нѣкоторые изъ памирскихъ путей сообщенія до того трудно проходимы, что съ нѣкоторой надеждой на сбереженіе своей головы можетъ пройти только пѣшій путникъ. Были случаи, что приходилось бросать лошадей, не зная, кому онѣ достанутся—волкамъ или афганцамъ. Образцомъ такого пути можетъ служить дорога по Бартангу (нижнее теченіе Мургаба), между Ташъ-Курганомъ и Кала-и-Вамаромъ. Разработка дорогъ, имѣющихъ политическое и военное значеніе, не терпитъ откладыванія въ слишкомъ долгій ящикъ, если это значеніе будетъ окончательно установлено. Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Восточная часть Памировъ населена киргизами монгольскаго племени, а западная — таджиками арійскаго племени. Памирскіе киргизы занимаются исключительно скотоводствомъ и бѣдны до поразительной крайности. Въ среднемъ, на каждаго человѣка приходится 20 барановъ, полтора яка (памирскій рогатый скотъ) одна треть верблюда и четверть лошади. Въ этомъ заключается все ихъ богатство, все имущество; но оно еще значительно преувеличено, такъ какъ, приблизительно, половина скота принадлежитъ нѣсколькимъ богатымъ киргизамъ; значитъ дѣйствительное среднее имущество каждаго жителя *вдвое меньше указаннаго* [1]). Здѣсь—источникъ пищи киргиза, его одежды, жилища и всего домашняго обихода. Нравственность киргизовъ стоитъ на очень высокой степени; въ теченіе цѣлаго года между ними не было не только ни одного преступленія, но даже и ничтожнаго проступка. Выборный судья по неволѣ бездѣйствуетъ.

Скотоводство развивается очень медленно, какъ по недостатку подножнаго корма, такъ и по суровости климата. Зимній приплодъ въ большинствѣ погибаетъ или же съѣдается въ виду неизбѣжной гибели. Крупный рогатый скотъ, кромѣ яковъ, также не переноситъ памирской зимы. Русскіе отряды запасали скотъ на зиму, но онъ погибалъ. Приходится бить его или питаться яками и баранами. Хлѣбъ киргизы до сихъ поръ закупали преимущественно въ Кашгарѣ, вымѣнивая его на кошму, шерсть и скотъ. Теперь киргизы начинаютъ привыкать къ деньгамъ и закупать хлѣбъ въ Ферганѣ, но они всегда предпочтутъ получить за барана 10 аршинъ маты (стоитъ 50 к.), чѣмъ десятирублевую бумажку.

Жители западныхъ Памировъ, Шугнана и Рушана, живутъ осѣдло, въ небольшихъ кишлакахъ (селеніяхъ), занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Они сѣютъ пшеницу, горохъ, бобы, ячмень и клеверъ. Продукты земледѣлія не только удовлетворяютъ

[1]) Всѣхъ жителей на Памирахъ 1055, лошадей 280, верблюдовъ 383, яковъ 1703, и барановъ 20,585.

Digitized by Google

ихъ потребности, но идутъ и въ продажу. Изъ фруктовъ здѣсь имѣются абрикосы, яблоки и шелковица. Изъ послѣдней приготовляется мука для хлѣба. Климатъ юго-западной части Памировъ довольно мягкій. По всей вѣроятности, здѣсь успѣшно произрасталъ бы даже и виноградъ. Русскій отрядъ, будучи расположенъ въ Шугнанѣ, напр., близъ Кала-и-баръ-Пянджа, свободно могъ бы довольствоваться мѣстными средствами и стоимость его содержанія была бы приблизительно та же, что̀ и въ Ферганской долинѣ.

По животному царству, на Памирахъ очень много архаровъ [1]), кіиковъ [2]), волковъ, шакаловъ и зайцевъ. Есть также барсы, рыси, медвѣди и лисицы; а изъ птицъ—драхвы, гуси, утки, куропатки и голуби.

II.

Изъ этого краткаго очерка видно, что Памиры принадлежатъ къ числу странъ совершенно безотрадныхъ. Можно даже сказать, что эта страна не жизни, а смерти. Интересоваться ей, самой по себѣ, совершенно не стоитъ, кромѣ, конечно, научныхъ цѣлей. Держать тамъ войска вполнѣ безцѣльно и крайне невыгодно. Устраивать тамъ народное управленіе изъ чиновнаго люда, для того только, чтобы, по установленному шаблону, владѣть двумя стами семействъ нищихъ первобытныхъ киргизовъ, тоже не стоитъ хлопотъ. Фактическое водвореніе на Памирахъ русской власти можетъ имѣть смыслъ только для совершенно иныхъ цѣлей. Вотъ почему до послѣдняго времени о Памирахъ не было и помину, кромѣ бумажныхъ отмѣтокъ въ канцеляріяхъ и дипломатическихъ документахъ. А такъ какъ добраться до дипломатическихъ и архивныхъ документовъ очень трудно, то большинство русскаго люда не имѣло никакого представленія о томъ, кому принадлежатъ эти сказочныя Памиры, интересныя только для научныхъ экспедицій, или же для ярыхъ охотниковъ, неспособныхъ заполнить чѣмъ либо другимъ свои безконечные досуги. Съ такой же точки зрѣнія смотрѣли на Памиры китайцы и афганцы. Первые вовсе не показывались туда, а вторые хотя и появлялись изрѣдка, но лишь въ видѣ шайки грабителей, на короткое время: ограбятъ скотъ, сорвутъ съ юртъ кошму, оскорбятъ цѣломудріе киргизскихъ женъ и дочерей, и уйдутъ восвояси.

Научныя изслѣдованія Памировъ производились преимущественно французскими учеными. Съ нашей стороны, туда снаряжались экспедиціи Громбчевскаго и Путяты, которые представили первыя точныя свѣдѣнія о Памирахъ. Англичане долго не совали носа въ это чужое болото, какъ бы понимая, что это непристойно, ибо ихъ рекогносцировки со стороны Индіи могли имѣть только фискальную цѣль. Но они всегда и вездѣ видятъ фантастическій дамокловъ мечъ, будто бы угрожающій съ нашей стороны ихъ владычеству въ Индіи. И вотъ они не утерпѣли. Офиціальные шпіоны

[1]) Горный баранъ.

[2]) Олень.

Digitized by Google

стали воровски появляться на нашихъ Памирахъ, не только для ихъ изслѣдованія, но и съ весьма коварными политическими цѣлями. Недаромъ мы называемъ Англію «коварнымъ Альбіономъ». Это коварство составляетъ такую же отличительную, неотъемлемую черту каждаго ихъ шага и каждаго слова, какъ прямодушіе и честность отличаютъ нашу политику. Они неспособны даже и понять, что другіе могутъ быть не коварны и что для этого коварства,— по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ,— нѣтъ даже никакихъ разумныхъ причинъ. Источникомъ всѣхъ подобныхъ недоразумѣній очевидно служитъ безсмысленное предположеніе, что мы имѣемъ виды на ихъ Индію. Они сознаютъ, что мы можемъ заварить тамъ такую кашу, которую имъ не расхлебать; но, рядомъ съ этимъ, никакъ не возьмутъ въ толкъ, что у насъ нѣтъ никакихъ личныхъ интересовъ заваривать эту кашу и что это можетъ явиться только какъ печальный, никому не желательный результатъ ихъ собственныхъ интригъ, ибо и нашему долготерпѣнію можетъ наступить конецъ.

Не можемъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, желать, чтобы въ Индіи рушилась та европейская культура, которая, хотя весьма медленно, но все же сотни лѣтъ водворяется тамъ Англіей; чтобы эта злополучная Индія снова погрузилась въ прежній мракъ; чтобы настоящая прочность политическаго строя смѣнилась безобразными формами той отжившей гражданственности, которая и прежде служила пугаломъ человѣчества. Если мы сами насаждаемъ цивилизацію въ средней Азіи, то, конечно, не можемъ желать, чтобы, по сосѣдству съ нами, взамѣнъ давно водворяющейся цивилизаціи, вновь возродились: грубый деспотизмъ, политическая неустойчивость, мертвящая власть фанатическихъ жрецовъ, прежній дикій разгулъ своеволія и вѣчныя, нескончаемыя войны. Мало того: мы не только не можемъ желать въ Индіи какой бы то ни было перемѣны, но не можемъ желать пріобрѣсти ее и для самихъ себя. Если предположить, что Индія желаетъ свергнуть иго англичанъ, то ужь, конечно, не для того, чтобы пріобрѣсти другихъ господъ. Всякій господинъ будетъ тамъ одинаково ненавистенъ, но къ настоящему она, по крайней мѣрѣ, привыкла. Хотя добраться до Индіи и пройти ее насквозь намъ, конечно, вполнѣ возможно, но это было бы насиліе, для насъ совершенно не нужное и даже вредное, идущее въ разрѣзъ съ исторіей цивилизаціи,—событіе, которое могло бы подкосить существенныя основы нашей исторической жизни, перенеся на слишкомъ дальній востокъ центръ тяжести нашей государственной жизнедѣятельности. Это была бы борьба на жизнь и смерть съ Англіей и ея союзниками.

Предположимъ блестящій успѣхъ нашего оружія. Предположимъ, что въ англійской Индіи не осталось ни одного англичанина. Что же дальше? Обращать Индію въ нашу новую провинцію не придется. Такая идея, по своей нелѣпости, черезчуръ сказочна даже и и для сказки. Наши сухопутные пути сообщенія съ Индіей такъ несовершенны, такъ непомѣрно длинны и такъ неблагопріятны для завоевателей, что могутъ годиться лишь для пересылки корреспонденцій; владычествовать же надъ Индіею съ этой стороны вполнѣ

Digitized by Google

невозможно, ни въ военномъ, ни въ промышленномъ отношеніи. Мы всегда будемъ зависѣть отъ случайно сложившихся обстоятельствъ. Чтобы нѣсколько улучшить это положеніе, надо уничтожить всѣ преграды, отдѣляющія насъ отъ Индіи, т. е. покорить Афганистанъ и обратить его также въ нашу провинцію. Эти богатырскія похожденія внесли бы въ военную исторію двѣ страницы доблестныхъ подвиговъ нашихъ войскъ, но въ результатѣ появилась бы еще третья страница, наполненная сказаніями о геройскомъ отступленіи этихъ войскъ, находившихся въ отчаянномъ, безвыходномъ положеніи. Какъ ни обворожительны великіе подвиги Александра Македонскаго, Аннибала и Наполеона, но результатъ ихъ—мыльный пузырь, въ который неминуемо обратились бы и наши похожденія, не отвѣчающія требованіямъ исторической жизни народа.

Владычествовать надъ Индіей при помощи морскихъ путей мы тоже не можемъ. Мы не морская держава и, какъ бы ни развивались наши морскія силы, Россія никогда не можетъ стать «владычицей морей». Но и этого мало. Предположимъ, что всѣ эти препятствія были бы устранены. Мы и тогда не сунемся въ Индію, такъ какъ для нашей недостаточно развившейся промышленности такой обширный рынокъ, какъ Индія, вовсе и не нуженъ: мы не въ силахъ удовлетворить его потребностямъ. Отсутствіе торговаго флота вполнѣ заканчиваетъ обстановку этого вопроса. Все это—понятная азбука, но англичане не могутъ спокойно заснуть:—такъ и грезится имъ, что мы пробираемся въ Индію! У насъ же объ этомъ походѣ мечтаетъ развѣ только ничтожная часть военныхъ людей, которые неспособны понять ничего, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ. Внѣ круга этихъ аферистовъ военнаго дѣла, походъ въ Индію никого не можетъ занимать, какъ нежелательное міровое бѣдствіе.

Времена безкорыстныхъ рыцарскихъ предпріятій и заботъ объ интересахъ нашихъ мнимыхъ друзей несомнѣнно погрузились въ Лету. Доброе старое время слишкомъ поучительно. Все это смѣнилось теперь національной политикой, при которой не можетъ возникнуть даже и мысли о добровольномъ походѣ нашемъ въ Индію. Насъ могутъ вынудить къ этому только печальныя обстоятельства, необходимость обезпечить себя отъ явныхъ и подпольныхъ интригъ съ этой стороны, возмущающихъ нашу покойную, честную цивилизаторскую дѣятельность въ средней Азіи, и положить предѣлъ дерзкому вторженію въ наши дѣла. Надо признаться, что Англія, руководимая консервативнымъ кабинетомъ, черезчуръ привыкла къ этому способу дѣйствій и, вѣчно враждуя противъ своихъ естественныхъ друзей, легко можетъ навлечь на себя большую бѣду. Чего бы, кажется, проще идти намъ рука объ руку для великихъ цѣлей цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что сферы культурной дѣятельности обѣихъ націй вполнѣ опредѣлились. Всякій русскій человѣкъ отлично знаетъ, что Англія всегда и вездѣ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, стремится стать намъ поперекъ горла и оказываетъ ожесточенное противодѣйствіе каждому нашему шагу. У насъ невольно развивается національная ненависть къ англичанамъ, хотя, по за-

Digitized by Google

дачамъ исторіи, мы должны бы быть большими друзьями и всегда идти рука объ руку. Появляется у насъ путешественникъ-французъ и мы относимся къ нему съ глубокимъ почтеніемъ, никогда не сомнѣваясь, что это дѣйствительно представитель науки; всякій, кто можетъ, старается увидѣть его, быть въ его обществѣ и почтетъ себя счастливымъ, если удастся оказать ему какое нибудь содѣйствіе; но лишь только появится англичанинъ, будь это даже высокопоставленный лордъ, его неизбѣжно будутъ считать шпіономъ и, не смотря на наружную любезность пріема, будутъ въ душѣ относиться весьма враждебно. Надо признаться, что для этого имѣется достаточно причинъ. Все сказанное повторилось и въ памирскомъ вопросѣ, который представляетъ довольно рельефный образчикъ нашихъ взаимныхъ отношеній.

Южныя и западныя границы Памировъ опредѣлены англо-русскимъ соглашеніемъ 1872—1873 гг., а въ нашу собственность онѣ поступили по наслѣдству отъ коканскаго ханства, которому принадлежали. Шугнанъ и Рушанъ, составляя часть Памировъ, были также подчинены коканскому хану и, по указанному соглашенію съ Англіей, всецѣло принадлежатъ теперь намъ. Историческія справки и памятники не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что никто другой не имѣетъ на эти земли никакихъ правъ. Точное опредѣленіе границъ, по указаніямъ туземныхъ жителей и по сохранившимся историческимъ памятникамъ, произведено извѣстнымъ путешественникомъ, начальникомъ омскаго уѣзда, подполковникомъ Громбчевскимъ, который представилъ вполнѣ ясныя данныя въ подтвержденіе своихъ выводовъ. Кстати упомянуть, что всѣ свѣдѣнія, которыя добываются этимъ путешественникомъ, отличаются полной точностью и несомнѣнной достовѣрностью. Не было случая, чтобы представленныя имъ свѣдѣнія, если онъ сообщилъ ихъ категорически, оказались бы невѣрными, а все, что провѣрялось или о чемъ получались позднѣйшія свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, всегда оказывалось вполнѣ согласнымъ съ показаніями г. Громбчевскаго. Даже астрономическія свѣдѣнія, вообще наиболѣе трудныя и часто весьма сомнительныя, по провѣркѣ въ картографическомъ отдѣленіи главнаго штаба, оказались настолько точными и заслуживающими довѣрія, что приняты за основаніе при составленіи картъ. Туркестанское начальство вполнѣ убѣдилось, что изъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній всегда надо останавливаться на томъ, что говоритъ подполковникъ Громбчевскій. Весьма жаль, что здоровье и служба оторвали его отъ дальнѣйшихъ научныхъ путешествій. Точнаго опредѣленія восточныхъ границъ Памировъ до сихъ поръ вовсе не производилось. По соглашенію съ пекинскимъ правительствомъ 1884 года [1]), граница между китайскими и русскими владѣніями въ средней Азіи доведена только до Памировъ, а далѣе она точно не опредѣлена. Этотъ вопросъ ждетъ своей очереди.

Не смотря на 15 лѣтнюю давность владѣнія, мы до 1891 года не только фактически не занимали Памировъ и не имѣли тамъ управленія, но даже не имѣли за ними наблюденія. Это объясняется

[1]) Русскимъ комисаромъ былъ генералъ-майоръ Мѣдинскій.

Digitized by Google

отсутствіемъ политическихъ интересовъ и угрюмой природой почти пустыхъ Памировъ, жители которыхъ неясно сознавали даже, кому они принадлежатъ. Не видя новаго хозяина, они въ тоже время знали, что ни англичане, ни афганцы, ни китайцы не имѣютъ на нихъ никакихъ правъ. Пользуясь такимъ положеніемъ дѣлъ на Памирахъ, стали появляться англійскія рекогносцировочныя партіи, сперва весьма осторожно, а потомъ все съ бо́льшей и бо́льшей дерзостью. Способъ дѣйствій англичанъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ одинаковъ,—они щедро сорятъ деньгами и подарками, покупая продажную администрацію. Не имѣя никакой возможности занять Памиры, они попытались раздѣлить ихъ между афганцами и китайцами. Афганцы, подъ ихъ руководствомъ, безцеремонно заняли самостоятельное ханство Ваханъ (южная часть Памировъ) и Бадахшанъ, бывшій во владѣніи Бухары; а китайцы, настолько же не интересовавшіеся Памирами, какъ и мы, перешли Сарыколъ и заняли своими постами долины озера Рангъ-Куль и р. Аличура, дойдя до озера Яшиль-Куля. Двинувшись почти одновременно съ разныхъ сторонъ, они не знали, гдѣ кому остановиться. Сошлись у Яшиль-Куля, который, видимо, всѣмъ понравился. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, китайцы отступили отсюда до Рангъ-Куля; афганцы оставили здѣсь свой постъ. Съ этого времени Шугнанъ и Рушанъ фактически стали какъ бы частью Афганистана. Жители Шугнана, т. е. наши подданные, привыкшіе къ значительной самостоятельности и не считавшіе себя подданными Афганистана, стали проявлять неудовольствіе, но жестоко поплатились за это. Афганцы распоряжались съ ними вполнѣ по монгольски, воскрешая картины давно минувшихъ вѣковъ. Явившись въ кишлакъ, они сгоняютъ всѣхъ жителей; мужчины привязываются къ деревьямъ, а женщины, обезчещенныя на ихъ глазахъ, подвергаются истязаніямъ и убиваются со всѣми дѣтьми. Послѣ этой кровавой расправы, мужское населеніе, перенеся самыя жестокія пытки, вырѣзывается поголовно. Все имущество и скотъ, какъ военные трофеи, дѣлится между грабителями. Китайцы тоже не очень нѣжничали, но они довольствовались грабежемъ скота и практиковали свою классическую порку бамбукомъ. Это продолжалось до самаго послѣдняго времени.

Наконецъ, получились достовѣрныя извѣстія, что капитанъ англійской службы Юнгесбандъ, весной 1891 года, прибудетъ на Памиры, чтобы, совмѣстно съ уполномоченными китайскаго и афганскаго правительствъ, произвести между ними разграниченіе нашихъ Памировъ. Такой дерзости трудно даже и повѣрить, но она проявлается уже не впервые и есть прямое слѣдствіе нашей непомѣрной терпѣливости и уступчивости. У воинственныхъ людей невольно напрашивается вопросъ: почему бы и намъ не поступить такимъ же образомъ, почему бы ни отправиться, напр., въ Индію и не раздѣлить ее между желающими? Будь англичане на нашемъ мѣстѣ, они, вѣроятно, поступили бы очень рѣшительно, чтобы разъ навсегда отбить охоту къ подобной безцеремонности. При всемъ миролюбіи, намъ не было возможности сидѣть сложа руки, — и, чтобы предупредить раздѣлъ нашего имущества, лѣтомъ 1891 года,

Digitized by Google

былъ отправленъ на Памиры отрядъ изъ пяти охотничьихъ командъ линейныхъ батальоновъ Ферганской области и команды казаковъ. Начальнику этого отряда, полковнику Іонову, вмѣнено было въ обязанность обойти всѣ Памиры, дабы показать англичанамъ, афганцамъ и китайцамъ, что Россія фактически занимаетъ эту территорію и не считаетъ возможнымъ уступить ее кому бы то ни было. Кромѣ того, необходимо было оградить мѣстныхъ жителей отъ своеволій и насилій афганцевъ и китайцевъ, о которыхъ упомянуто выше. Однако эта экспедиція не только не привела къ желательнымъ результатамъ, но еще усилила предпріимчивость англичанъ. Они немедленно двинулись на Сафдеръ-Али-хана и заняли Канджутъ, а афганцевъ и китайцевъ, не жалѣя денежныхъ средствъ, поощрили снова занять прежнія позиціи на Памирахъ, какъ только наши войска выступили оттуда обратно въ Фергану. Афганцы усилили свои войска въ Шугнанѣ и Рушанѣ, и выставили постъ къ востоку отъ озера Яшиль-Куль, а китайцы даже стали строить укрѣпленія за Сарыкольскимъ хребтомъ, въ Ташъ-Курганѣ и Акъ-Ташѣ.

Появленіе нашего отряда на Памирахъ значительно подняло духъ жителей, а слишкомъ рѣзкая разница между нашими гуманными къ нимъ отношеніями и звѣрствомъ афганцевъ и китайцевъ расположила ихъ въ нашу пользу. Однако радость ихъ была непродолжительна, такъ какъ русскій отрядъ пробылъ на Памирахъ только одинъ мѣсяцъ, а затѣмъ туземцы снова предоставлены произволу афганцевъ и китайцевъ, и, взамѣнъ мимолетной свободы, снова обратились въ рабовъ. Англійскій капитанъ Юнгесбандъ, увѣренный въ нашей «гуманности» и надѣясь, что ему всегда удастся уйти отъ нашего отряда, беззастѣнчиво остался на Памирахъ, продолжая сношенія съ китайцами и афганцами. Но уйти отъ нашихъ казачковъ не легко. Его изловили и представили начальству. Будучи на нашемъ мѣстѣ, англичане, вѣроятно, отправили бы его подъ конвоемъ, какъ арестанта, въ Фергану и предали суду, а въ лучшемъ случаѣ онъ просидѣлъ бы въ тюремномъ замкѣ хотя бы одинъ годъ и вернулся восвояси не черезъ Памиры, а черезъ всю Европу. У насъ рѣшено было поступить гуманно (думается, что съ великимъ пересоломъ!): англійскому капитану предложили немедленно оставить наши предѣлы, перейдя за границу по тому же пути, по которому онъ прибылъ, и взяли слово, что на Памиры онъ болѣе не явится. Юнгесбандъ, давши это слово, ушелъ; но, какъ только нашъ отрядъ отправился въ обратный путь, онъ тотчасъ же снова явился на Памиры и, при содѣйствіи денежныхъ средствъ, успѣлъ склонить афганцевъ и китайцевъ занять на Памирахъ прежнія позиціи. Эта непомѣрная деликатность и слишкомъ скорое возвращеніе нашего отряда въ долину Ферганы были причиною того, что экспедиція 1891 года привела лишь къ отрицательнымъ результатамъ, а англичане получили новое доказательство, что они безъ всякаго риска могутъ продолжать свою дѣятельность въ прежнемъ духѣ.

До сихъ поръ у насъ были только Памиры, а теперь появился на сцену и памирскій вопросъ, всецѣло изобрѣтенный англичанами.

Digitized by Google

Мы были поставлены въ необходимость принять болѣе серьезныя мѣры. Этого требовало уже наше достоинство. Прежде всего, надо было точно и безотлагательно выяснить положеніе дѣлъ, чтобы своевременно рѣшить вопросъ объ экспедиціи 1892 года и имѣть время на сформированіе отряда къ маю или началу іюня, а потому, въ февралѣ того же 1892 года, не смотря на суровость зимы, экстренно снаряженъ былъ разъѣздъ изъ 12 казаковъ, подъ начальствомъ поручика Бржезицкаго. При разъѣздѣ состояло 20 наемныхъ туземныхъ джигитовъ для устройства почтоваго сообщенія Памировъ съ Ферганой и для сбора свѣдѣній. Разъѣздъ выступилъ изъ г. Маргелана съ весьма малой надеждой на возможность пробраться на Памиры черезъ Алайскій и Заалайскій горные хребты, занесенные глубокимъ снѣгомъ; тѣмъ болѣе, что при разъѣздѣ пришлось имѣть вьючный обозъ, съ продовольствіемъ и фуражемъ на три мѣсяца. Военное общество Ферганы, хорошо знавшее невѣроятныя трудности подобнаго зимняго похода, съ большимъ интересомъ слѣдило за извѣстіями о движеніи разъѣзда. Пять дней протискивались лихіе оренбургцы 6-го полка черезъ цѣлыя горы снѣговъ Алайскаго хребта и, наконецъ, выбрались въ долину Алая [1]), чуть не грудью разметавши эти снѣжныя горы. Благополучно дойдя до Памировъ, разъѣздъ усердно занялся сборомъ свѣдѣній. Оказалось, что наши Памиры дѣйствительно заняты китайцами и афганцами; но, съ другой стороны, противъ нашего игрушечнаго разъѣзда никто не придпринималъ враждебныхъ дѣйствій. Никто не оставлялъ своихъ позицій, но и другихъ не трогалъ; точно тамъ сошлись друзья-пріятели. Это было очень характерно и вполнѣ выражало тѣ причины, по которымъ эти совсѣмъ не враждующіе три сосѣда появились другъ возлѣ друга. Ни китайцы, ни афганцы не допускали и мысли о военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскаго отряда, и очевидно были введены въ заблужденіе происками англо-индійскихъ властей, которыя предлагали подарить имъ чужую собственность. Такая наивная ошибка съ ихъ стороны вполнѣ объяснима, такъ какъ Афганистану не было извѣстно англо-русское соглашеніе 1873 года, а границы съ Китаемъ точно не опредѣлены. Тѣмъ не менѣе, они, вдохновляемые англичанами, не желали добровольно очистить Памиры, какъ бы не признавая ихъ нашей собственностью, и потому становилось неизбѣжнымъ послать туда отрядъ такой силы, чтобы наши предложенія были исполнены безпрекословно и чтобы положить конецъ происками англо-индійскаго правительства. Въ этихъ видахъ, изъ войскъ Ферганской области сформированъ былъ отрядъ изъ батальона пѣхоты, трехъ сотенъ казаковъ и двухъ взводовъ конно-горной батареи, который и выступилъ изъ Маргелана на Памиры 2-го іюня, двумя колоннами. Войска пошли черезъ Исфайрамскій перевалъ [2]), т. е. по тому же пути, по которому зимой прошелъ разъѣздъ поручика Бржезицкаго; а главный обозъ, подъ прикрытіемъ одной роты,—черезъ г. Ошъ,

[1]) Широкая, роскошная долина между Алайскимъ и Заалайскимъ хребтами, высотою 8—10 тыс. футовъ надъ поверхностью моря.

[2]) Онъ же называется «Тенгизъ-бай».

Digitized by Google

Гульчу и перевалъ Талдыкъ. Послѣдній путь длиннѣе перваго на 26 верстъ, но онъ имѣетъ громадное преимущество, такъ какъ здѣсь войска поднимаются все выше и выше, незамѣтно переходя въ болѣе разрѣженный воздухъ и исподволь привыкая къ нему, а потому горная болѣзнь проявляется здѣсь въ болѣе мягкой формѣ. По дорогѣ же на Исфайрамъ, переходъ этотъ—быстрый и рѣзкій. Неожиданно полученное распоряженіе отправиться по этому пути было для отряда неблагопріятно, тѣмъ болѣе, что послѣ снѣжной зимы съ 1891 на 1892 годъ перевалъ въ началѣ іюня еще былъ занесенъ непроходимымъ снѣгомъ. Пришлось карабкаться на вершину хребта безъ дорогъ; люди задыхались отъ рѣдкаго воздуха и на каждомъ шагу тонули въ глубокомъ снѣгу. Наступила ночь, а хвостъ колонны карабкался на верхъ. Пришлось провести всю ночь въ глубокомъ снѣгу, на вершинѣ Алайскаго хребта. Окоченѣвшихъ людей утромъ спустили съ горъ на лошадяхъ.

Никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что если войскамъ предстоитъ переваливать черезъ горы, то послѣдній ночлегъ обязательно дѣлать въ возможно близкомъ разстояніи, не доходя до перевала, дабы начать подъемъ съ ранняго утра и со свѣжими силами. Подниматься во вторую половину дня, да еще сдѣлавши до этого переходъ, нельзя. Отступленія отъ этого могутъ быть допущены только по требованію военныхъ обстоятельствъ. Начальнику не слѣдуетъ торопиться впередъ, къ бивачнымъ огнямъ, а быть до конца на трудныхъ мѣстахъ. Безъ этого, солдату будетъ слишкомъ видно, что о немъ мало думаютъ.

Тяжкій переходъ черезъ Алайскій хребетъ имѣлъ видъ форсированнаго марша; точно мы боялись упустить изъ виду уходящаго противника. Но вотъ ровная, роскошная, сравнительно теплая Алайская долина—и отрядъ подвигается медленно, съ кейфомъ, какъ бы желая отдышаться послѣ непосильныхъ тягостей. Распредѣленіе маршей было бы выгоднѣе сдѣлать совершенно обратное. Въ урочищѣ Боръ-Даба, гдѣ начинается дорога съ Алайской долины на Памиры, отрядъ соединился съ главнымъ обозомъ, благополучно прибывшимъ черезъ г. Ошъ и перевалъ Талдыкъ. Тронувшись въ дальнѣйшій путь, отрядъ неожиданно попалъ подъ снѣжный буранъ и число больныхъ стало значительно прибывать. Тутъ же былъ первый смертный случай.

Китайскій отрядъ, занимавшій долину озера Рангъ-Куль, узнавъ о движеніи нашего отряда, тотчасъ же отступилъ въ свои предѣлы, за Сарыкольскій хребетъ. Мы не сразу поняли наши отношенія къ китайцамъ, хотя инструкціи были въ высшей степени миролюбивыя. При рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, требовались мягкія мѣры, обоюдное соглашеніе и сохраненіе дружественныхъ отношеній. Китайцы, совершенно не понимая обстановки и не зная нашихъ цѣлей, очевидно растерялись, струсили и, находясь между двухъ огней, т. е. между нашимъ отрядомъ и подстрекательствами англичанъ, то поспѣшно уходили, то опять осторожно высовывали носъ изъ-за Сарыкольскаго хребта, пробуя занять тѣ пункты, куда ихъ гнали англичане, и опять уходили оттуда даже передъ нашими мелкими разъѣздами. Если отъ трехъ казаковъ уходитъ цѣлая сотня китай-

Digitized by Google

цевъ, то послѣдніе очевидно не склонны воевать. Зная, что весь вопросъ о Памирахъ возникъ по происканъ англичанъ, зная миролюбіе китайцевъ и наши вѣковыя мирныя отношенія съ ними, а также небольшую численность китайскихъ войскъ въ Кашгаріи, невозможно было допустить и мысли, что они желаютъ и будутъ воевать изъ-за пустой орѣховой скорлупы. Восточной окраины Памировъ они до сихъ поръ не занимали, потому что въ ней не было надобности. Въ настоящее время, этой надобности тоже нѣтъ и быть не можетъ, ибо Памиры имъ ни на что не годны. Вопросъ могъ бы заключаться лишь въ свободномъ проходѣ черезъ Памиры для торговли съ Афганистаномъ, но этой торговлѣ никогда и никто не мѣшалъ, не говоря уже о томъ, что размѣры торговли крайне ничтожны. Совершенно понятно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, вполнѣ достаточно было бы категорически и твердо выяснить, что мы, не преслѣдуя никакихъ завоевательныхъ цѣлей, разъ навсегда закрѣпляемъ за собою Памиры, вплоть до Сарыкольскаго хребта. Такъ какъ, помимо отряда, у насъ въ Кашгарѣ есть консульство, то освѣтить правильно этотъ вопросъ было бы нетрудно. Въ дѣйствительности, китайцы, не зная нашихъ намѣреній, предполагали даже, что мы думаемъ занять Кашгаръ. Хорошо зная, что сцѣпиться съ нами имъ не по зубамъ, китайцы прибѣгнули къ своему традиціонному способу запугиванія. Хотя на Сарыкольскомъ хребтѣ еще не были выставлены намалеванныя изображенія страшныхъ звѣрей съ разинутою пастью, что дѣлается въ ожиданіи боя, но имъ казалось необходимымъ обмануть насъ количествомъ своихъ войскъ. Тутъ и сказалась настоящая «китайщина». Вообразите, что въ какой нибудь крѣпостцѣ стоитъ одна лянза (отъ 100 до 150 человѣкъ). Распускается слухъ, что завтра прибудетъ еще одна лянза. Ночью старая лянза украдкой выступаетъ изъ своихъ помѣщеній, а утромъ торжественно вступаетъ туда же, подъ видомъ новой лянзы, принимая разныя мѣры, чтобы слухъ о прибытіи новыхъ войскъ возможно скорѣе дошелъ до русскаго консульства, до русскаго отряда и до всего окрестнаго населенія. Это продѣлывалось нѣсколько разъ въ каждомъ пунктѣ, и въ результатѣ, еслибы вѣрить донесеніямъ ложныхъ шпіоновъ, составъ китайскихъ войскъ въ Кашгаріи, въ теченіе 1892 года, пришлось бы считать удесятерившимся.

Слухи объ этихъ фантастическихъ новыхъ войскахъ и о мнимомъ ихъ наступленіи повторялись такъ часто, что этому была дана нѣкоторая вѣра, тѣмъ болѣе, что о нихъ понеслись вѣсти и изъ г. Кашгара. Сообщались разныя подробности: напр., точный составъ лянзъ, цвѣтъ знаменъ, откуда и куда идутъ, имена начальниковъ; на лафетахъ или на арбахъ везутся орудія, число снарядовъ; или что такая-то лянза, будучи недовольна своимъ начальникомъ, распорола ему животъ и т. д.

Ужь что таить грѣхъ,—надо признаться, что у иныхъ воителей нашихъ, вопреки обстановкѣ, вопреки разуму и инструкціямъ, промелькнуло было желаніе развернуть передъ врагомъ свою мощь удалую, показать свою силу богатырскую. И смѣло бросались они на станъ вражескій, но всюду была лишь тишь да гладь, да божья

Digitized by Google

благодать, ибо всѣ донесенія и сообщенія о несмѣтныхъ полчищахъ китайцевъ оказывались миѳомъ и воевать можно было только съ призракомъ. Китайцы были пропитаны миролюбіемъ и вступать въ борьбу изъ-за пустыннаго клочка Памировъ не желали, не могли и впредь несомнѣнно никогда не пожелаютъ. Для этого нѣтъ никакихъ причинъ, кромѣ англійскихъ науськиваній, и если въ самомъ Пекинѣ тоже какъ будто хотятъ уцѣпиться за наши Памиры, то, конечно, только подъ вліяніемъ той же англійской дипломатіи. Неподкупнаго китайца и днемъ съ огнемъ не сыщешь, особенно среди чиновниковъ дальнихъ окраинъ, куда они только и наѣзжаютъ затѣмъ, чтобы сколотить копѣечку на черный день. Англичане знаютъ это лучше насъ и прекрасно приспособляютъ сюда свою тактику: въ этомъ главный успѣхъ всей англо-индійской политики, начиная съ великаго дня вступленія ихъ въ Остъ-Индію и до памирскаго вопроса, блистающаго отсутствіемъ всякаго raison d'être. Разъ Китай убѣдится, что мы твердо стоимъ на Памирахъ, посредствомъ ли отряда, или рѣшительнаго слова дипломатіи, да еще увидитъ, что попытки англичанъ обращаются въ прахъ,—всѣ разговоры о Памирахъ не могутъ не прекратиться, ибо «изъ ничего никогда не выдетъ ничего».

Такимъ образомъ, въ теченіе всей лѣтней экспедиціи нашей на Памиры въ 1892 году, отношенія наши къ Китаю ежеминутно могли обостриться до крайности, еслибы только со стороны Китая былъ данъ хоть малѣйшій къ этому поводъ; но китайцы, какъ уже сказано, проявляли полное миролюбіе и можно было подумать, что они строго руководствуются нашими мирными инструкціями. Нелѣпыя выходки мелкихъ начальниковъ китайскихъ пограничныхъ войскъ, въ родѣ безцѣльнаго гулянья по нашимъ границамъ, носили явный характеръ подкупной услужливости англичанамъ и никогда не имѣли вида военныхъ эволюцій. Разобраться въ этомъ, конечно, было возможно, и если такое простое дѣло не скоро сдѣлалось яснымъ, то лишь потому, что забывалась азбука: организація развѣдокъ не отвѣчала цѣли. Ниже мы увидимъ, что какъ только къ дѣлу была приложена логика, замѣнившая «донкихотство», то положеніе дѣлъ сразу выяснилось.

Но, кромѣ неуловимыхъ китайцевъ, у насъ были еще другіе друзья-сосѣди, афганцы, которые, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, выставили постъ у Сулэ-Таша, близъ впаденія р. Аличура въ озеро Яшиль-Куль. Противъ нихъ отправился отрядъ изъ трехъ взводовъ казаковъ, въ составѣ около 10 офицеровъ и около 80 нижнихъ чиновъ; а въ одномъ переходѣ сзади шла сборная рота охотничьихъ командъ съ двумя конно-горными орудіями. Кромѣ того, полусотня казаковъ была отправлена въ обходъ съ востока, по рѣкамъ Акъ-су и Аличуру. Предполагалось, что всѣ казаки, около 150 чел., прибудутъ къ Сумэ-Ташу одновременно; но въ дѣйствительности обходный казачій разъѣздъ опоздалъ на сутки, такъ какъ первый обратилъ свой маршъ въ форсированный и появился передъ афганцами вполнѣ неожиданно, на разсвѣтѣ 12 іюля. Эта неожиданность была слѣдствіемъ нерасположенія къ афганцамъ мѣстныхъ киргизовъ, собственность которыхъ они считали также и своей собственностью.

Digitized by Google

При другихъ условіяхъ, афганцы давно были бы предупреждены, а теперь ихъ постъ изъ 18 чел. былъ застигнутъ врасплохъ отрядомъ въ 90 чел., во время безмятежнаго сна. Такъ какъ въ тактикѣ упоминается о выгодности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ и отрѣзать ему путь отступленія, то поступлено было слѣдующимъ образомъ: одинъ взводъ обошелъ съ запада и закрылъ путь черезъ Шугнанъ въ Афганистанъ; второй обошелъ съ востока, къ сторонѣ Китая, а третій, въ числѣ 19 чел. нижнихъ чиновъ, направился къ афганскому посту и, остановившись близь него, выслалъ переводчика къ начальнику поста, капитану Гулямъ-Хайдаръ-Хану, съ предложеніемъ немедленно явиться безъ оружія. Послѣдній вышелъ, но съ оружіемъ, объяснивъ, что разставаться съ нимъ не имѣетъ права. Вслѣдъ за своимъ капитаномъ выскочили изъ юртъ всѣ афганцы и подошли къ нашему спѣшенному разъѣзду на 4 шага, ставъ лицомъ къ лицу, въ равныхъ силахъ, не то передъ врагами, не то передъ соратниками дружественной націи. Положеніе было вопросительное, не только въ смыслѣ взаимныхъ отношеній, но и въ вопросѣ о вѣроятности успѣха, если придется сразиться, ибо обходныя части стояли далеко. Капитану Гулямъ-Хайдаръ-Хану предложено было сложить оружіе и немедленно уйти съ Памировъ. Послѣ неудачныхъ переговоровъ, казаки, по мановенію волшебнаго жезла, какъ тигрята, бросились обезоруживать афганцевъ; послѣдніе дали залпъ и одинъ казакъ упалъ тяжко раненый. Еще моментъ—и афганскаго поста, вмѣстѣ съ ихъ капитаномъ, не стало.

Не обсуждая всѣхъ перипетій этой кровавой драмы, я коснусь лишь того вопроса, что англо-русское соглашеніе 1873 г. офиціально неизвѣстно Афганистану. Хотя Англія обязана была принять мѣры, чтобы договоръ соблюдался также и Афганистаномъ, но нѣтъ никакихъ логическихъ причинъ предположить, чтобъ она оказала намъ подобную милость, ибо въ этомъ не было ея собственныхъ интересовъ. Судебныхъ доказательствъ противъ нея не было, а въ вопросѣ рыцарской правдивости мы другъ друга никогда не поймемъ. Афганцы пренаивно, но съ убѣжденіемъ утверждали, что Памиры принадлежатъ имъ, такъ какъ здѣсь берутъ начало всѣ рѣки, питающія ихъ страну. Необходимо было допустить, что они дѣйствительно ошибаются, а не злоумышляютъ противъ насъ; а потому казалось бы справедливымъ отнестись къ нимъ болѣе снисходительно, съ тѣмъ благородствомъ и рыцарскимъ великодушіемъ, которыя такъ свойственны намъ во всѣхъ актахъ нашей политической жизни и безъ которыхъ дѣйствительно-мощный организмъ не можетъ даже и обойтись. Всякія уклоненія отъ этого обидны для нашего собственнаго самосознанія, ибо своею мелочностью слишкомъ рѣзко нарушаютъ гармонію общей картины. Послѣ уничтоженія афганскаго поста у Суме-Таша, предполагалось идти въ Шугнанъ и очистить его отъ афганцевъ вплоть до р. Пянджа, дабы фактически занять все пространство принадлежащихъ намъ Памировъ; но телеграммой высшаго начальства движеніе это было пріостановлено, занятіе Шугнана воспрещено и отрядъ возвратился на р. Мургабъ, похоронивъ убитыхъ афганцевъ.

Digitized by Google

Подобный инцидентъ легко могъ, при другихъ обстоятельствахъ, до крайности усложнить взаимныя отношенія Россіи и Афганистана, а послѣднему могъ послужить вполнѣ достаточнымъ предлогомъ для болѣе энергичныхъ предпріятій на Памирахъ; это, въ свою очередь, неизбѣжно привело бы къ полному разрыву и къ вмѣшательству Англіи. Этого не случилось, потому что не могло случиться при данныхъ обстоятельствахъ; потому что инцидентъ былъ дѣломъ личныхъ ошибокъ и мелочныхъ предпріятій пограничныхъ начальниковъ и вполнѣ противорѣчилъ общегосударственнымъ интересамъ; потому, наконецъ, что необдуманное занятіе Памировъ афганцами было дѣломъ англо-индійскаго правительства и афганцы видимо сразу поняли, что были введены въ заблужденіе сомнительной дружбой, желавшей загребать жаръ чужими руками. Благополучный и мирный исходъ этого кроваваго эпизода ясно показалъ, что на Памирахъ у насъ не можетъ быть никакихъ осложненій съ Афганистаномъ. Это вполнѣ подтвердилось послѣдующими добрыми отношеніями и даетъ право сказать, что вопросъ исчерпанъ до конца, что прежнее недоразумѣніе повториться не можетъ и что принятіе противъ афганцевъ серьезныхъ военныхъ мѣръ настолько же излишне, какъ и относительно Китая. Весь вопросъ сводится къ необходимости точно опредѣлить границы и обезпечить неприкосновенность ихъ энергичнымъ словомъ дипломатіи.

Къ осени 1892 года, взаимныя отношенія наши съ Китаемъ и Афганистаномъ не только не удалось выяснить, но, повидимому, они усложнились. Недовѣріе другъ къ другу возросло. Всѣ подозрѣвали въ другомъ стремленіе захватить чужую собственность и казалось, — вотъ-вотъ грянетъ громъ изъ нависшихъ грозовыхъ тучъ. Положеніе такъ усложнилось, что перестали доискиваться коренныхъ причинъ и всѣ принимали мѣры не противъ нихъ, а противъ отдѣльныхъ эпизодовъ. Общегосударственныя идеи и интересы какъ будто отодвинулись на второй планъ, и начинало открываться обширное поле для достиженія мелочныхъ личныхъ интересовъ и созиданія своей военной карьеры. При такихъ обстоятельствахъ, неизбѣжны невѣрныя донесенія и даже полное извращеніе дѣйствительности. Мало того: подчиненные неизбѣжно бываютъ посвящены въ эту ложь и дѣлаются соучастниками, а отсюда—неуваженіе къ начальству, зависимость послѣдняго отъ подчиненныхъ, развитіе произвола среди младшихъ, которыхъ остановить никто не смѣетъ, и, наконецъ, превращеніе такихъ пограничныхъ войскъ въ какихъ-то авантюристовъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, руководящимъ сферамъ трудно, а иногда и вполнѣ невозможно, принимать вполнѣ соотвѣтственныя мѣры, ибо ихъ приходится основывать на свѣдѣніяхъ, малс достовѣрныхъ. Въ данномъ случаѣ, огромная масса свѣдѣній страдала именно этой неточностью, но, къ счастью, это продолжалось не долго.

Въ виду невыясненнаго положенія дѣлъ и сомнительности взаимныхъ отношеній, рѣшено было сформировать особый отрядъ, который и оставить на Памирахъ на всю зиму. Въ составъ отряда вошли: рота изъ отборныхъ людей охотничьихъ командъ, въ числѣ 160 чел., и команда казаковъ въ 40 человѣкъ. Это и былъ шад-

Digitized by Google

жанскій отрядъ, начальникомъ котораго столь удачно назначенъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Кузнецовъ.

Дѣло начато съ организаціи развѣдокъ въ широкихъ размѣрахъ. Умѣлая и серьезно обдуманная постановка этого труднаго дѣла привела въ самый короткій срокъ къ неожиданнымъ результатамъ. Какъ изъ рога изобилія, посыпалась въ отрядъ, изъ Китая, изъ Афганистана и со всѣхъ окраинъ Памира, масса совершенно новыхъ свѣдѣній. Новизна обстановки заставила относиться весьма осторожно къ каждому донесенію и провѣрять ихъ по два и по три раза. Картина сразу измѣнилась. Начальнику отряда стало очевиднымъ, что китайцы совершенно растерялись, увидавъ у своей границы наши отряды, и что, по малочисленности своихъ войскъ, они вполнѣ неспособны не только къ активнымъ, но даже и къ пассивнымъ дѣйствіямъ. Мало того: составъ этихъ малочисленныхъ войскъ оказался никуда негоднымъ, какъ по вооруженію, такъ и по обученію. Огромное большинство такъ называемыхъ солдатъ были даже не китайцы, а мирные киргизы и дунгане, недавно набранные и вооруженные пиками.

Если припомнимъ, что китайскія войска, за рѣдкими исключеніями, проходятъ курсъ стрѣльбы холостыми патронами, что они никогда не отличались воинственнымъ духомъ, дисциплиной и единеніемъ; что они, наконецъ, всегда голодны и полуодѣты, то станетъ понятно, что намъ нельзя было опасаться чего либо съ ихъ стороны. Приведу примѣръ того, съ какимъ пренебреженіемъ относятся къ этимъ войскамъ наши казаки. Китайская конная лянза, въ составѣ 60 чел., появившись на нашей территоріи, неожиданно наткнулась на нашъ разъѣздъ, состоящій изъ одного казака и двухъ джигитовъ, за которыми вдали было еще пять казаковъ. Передовой казакъ и не подумалъ пріостановиться, смѣло двигаясь на китайцевъ; но вдругъ изъ толпы этой ляизы раздается выстрѣлъ. Казакъ взмахнулъ нагайкой, прильнулъ къ лукѣ и вихремъ понесся на эту толпу, не ожидая поддержки своихъ товарищей. Китайская ляиза повернула и въ разсыпную унеслась въ горы; но казакъ, впившись своими рысьими глазами въ стрѣлявшаго китайца, настигъ его, обезоружилъ, обработалъ его своей нагайкой и взялъ въ плѣнъ. Высшее китайское начальство приносило большія извиненія по поводу этого случая, приводя въ оправданіе, что стрѣлявшій былъ помѣшанный. Подобныхъ случаевъ бѣгства китайскихъ отрядовъ отъ нашихъ мелкихъ разъѣздовъ было нѣсколько. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать все это «военными дѣйствіями» и принимать серьезныя военныя мѣры. Напротивъ, становится очевиднымъ, что воля нашихъ высшихъ руководящихъ властей, категорически воспретившихъ всякія военныя столкновенія, имѣетъ глубокое основаніе и что для нарушенія этой воли могутъ явиться къ услугамъ искателей приключеній только измышленныя причины. Лихой казакъ имѣлъ полное основаніе и возможность снести десятокъ китайскихъ головъ, но онъ, зная волю властей, оказался настоящимъ патріотомъ, а не рабомъ своихъ личныхъ страстей. Думается, что поступокъ этого казака заслуживаетъ большой похвалы, а главное— подражанія.

Digitized by Google

Начальникъ шаджанскаго отряда, вѣрно опредѣливъ положеніе дѣлъ, вошелъ съ китайскими начальниками не только въ мирныя, но даже въ дружескія отношенія; успокоилъ ихъ, разъяснивъ положеніе дѣлъ; радушно принималъ ихъ въ своей ставкѣ, какъ гостей дружественной націи, не скрывая отъ нихъ даже численнаго состава своего отряда. Китайцы успокоились и о дальнѣйшихъ инцидентахъ не могло быть и рѣчи. На китайцевъ произвело весьма пріятное впечатлѣніе то обстоятельство, что капитанъ Кузнецовъ заплатилъ имъ за тѣ войсковые запасы, которые предъидущимъ отрядомъ нашимъ, вслѣдствіе ошибочнаго пониманія взаимныхъ отношеній и всей обстановки, были взяты, какъ военная добыча. Послѣ такого доказательства справедливости и миролюбія, китайскіе начальники предлагали доставлять нашему отряду что потребуется и просили заявлять имъ о нашихъ нуждахъ. Благодаря этому, шаджанскій отрядъ посылалъ въ Кашгаръ за разными покупками и китайцы этому не препятствовали. Само собою понятно, что развѣдки производились съ прежней энергіей, хотя онѣ лишь подтверждали невозможность серьезнаго столкновенія. Внѣ отряда многократно получались сенсаціонныя извѣстія объ усиленіи китайскихъ войскъ и о совершающемся ихъ наступленіи, но начальникъ отряда всегда съ твердымъ убѣжденіемъ отвѣчалъ, что извѣстія эти ложны, что китайскія войска не усиливаются, что на Памирахъ все спокойно и впредь ничего случиться не можетъ.

Совершенно то же самое произошло и относительно Афганистана. О воинственныхъ приготовленіяхъ этихъ нашихъ сосѣдей получались, внѣ отряда, угрожающія донесенія, напр., будто въ городѣ А., гдѣ гарнизонъ состоялъ лишь изъ 50 человѣкъ, нынѣ сосредоточенъ отрядъ въ 12 тысячъ человѣкъ, при 14-ти орудіяхъ, а въ пунктѣ Б. сформированъ кавалерійскій отрядъ въ 4 тысячи коней. Подобныя свѣдѣнія невольно наводили на мысль, что вотъ-вотъ отъ шаджанскаго отряда останутся одни лишь воспоминанія; но начальникъ этого отряда съ непоколебимымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ, что въ афганскомъ городѣ А. по прежнему стоитъ только 50 человѣкъ, а въ пунктѣ Б. никого нѣтъ; что со стороны Афганистана все спокойно; никакихъ приготовленій нѣтъ и точныя свѣдѣнія даютъ право быть увѣреннымъ, что установившіяся мирныя отношенія вполнѣ надежны и никакихъ столкновеній на Памирахъ быть не можетъ.

Такимъ образомъ, по донесеніямъ начальника шаджанскаго отряда, впослѣдствіи вполнѣ оправдавшимся, ни китайцы, ни афганцы ничего противъ насъ не злоумышляли и не было ни малѣйшихъ причинъ ожидать усложненій. Въ неизмѣнномъ положеніи оставался лишь одинъ вопросъ:—англо-индійское правительство продолжало вести прежнія подпольныя интриги. Почта изъ-за Гиндукуша въ Кашгарію и Афганистанъ летала безостановочно. Почта эта, какъ достовѣрно выяснено, возила не только любезныя письма, но и цѣнные подарки и десятки длинныхъ ящиковъ съ оружіемъ. Теперь ужь не было и тѣни сомнѣнія, что весь памирскій вопросъ заключается всецѣло въ этихъ интригахъ изъ-за Гиндукуша, хотя настолько же видно было, что изъ этого ничего не выдетъ.

При всемъ томъ, невольно бросалось въ глаза рѣдкое противо-

Digitized by Google

рѣчіе между донесеніями начальника шаджанскаго отряда и прежними сообщеніями, въ которыхъ убѣжденнымъ тономъ доказывалось, что и китайцы, и афганцы во всеоружіи стоятъ у нашихъ границъ, ежеминутно готовы вторгнуться въ наши предѣлы и что, поэтому, необходимо предупредить ихъ, разбивши по частямъ. Хотя высшее начальство строго воспретило предупреждать, но, ради осторожности, рѣшено было послать въ слѣдующемъ 1893 году особый отрядъ въ долину Алая, который простоялъ тамъ все лѣто, въ готовности двинуться, куда потребуютъ обстоятельства. Въ составъ этого алайскаго резерва вошелъ одинъ батальонъ, одна сотня и четыре конно-горныхъ орудія. Одновременно съ этимъ былъ сформированъ новый памирскій отрядъ, подъ начальствомъ капитана Зайцева, который долженъ былъ смѣнить на Памирахъ шаджанскій отрядъ и остаться тамъ на зимовку. Такъ какъ донесенія начальника шаджанскаго отряда о полномъ миролюбіи китайцевъ и афганцевъ оказались вполнѣ вѣрными, то алайскій резервъ простоялъ на Алаѣ четыре мѣсяца въ полномъ бездѣйствіи. Скучающіе развлекались охотой, которая была тѣмъ болѣе кстати, что отряду пришлось все лѣто стоять на болотѣ и вернуться домой съ тифомъ и цынгой, какъ уже упомянуто выше.

Начальникъ смѣннаго памирскаго отряда, капитанъ Зайцевъ, умѣло воспользовавшись опытомъ шаджанцевъ, весьма внимательно обезпечилъ свой отрядъ предметами необходимости и возможной роскоши, и выказалъ такую заботливость о солдатѣ, что, безъ сомнѣнія, приведетъ свой отрядъ въ Фергану, послѣ зимовки на Памирахъ, въ такомъ же блестящемъ состояніи, въ какомъ сохранилъ свой отрядъ капитанъ Кузнецовъ. Внимательныя развѣдки памирскаго отряда окончательно удостовѣрили, что столкновеніе съ китайцами или афганцами можно вызвать только искусственно, вопреки ихъ желаніямъ. Это было видно въ Сарыколѣ, на Аличурѣ и на Бартангѣ.

III.

Сопоставляя все вышеизложенное съ тѣми цѣлями, которыя намъ приходится преслѣдовать на Памирахъ и въ памирскомъ вопросѣ, мы вполнѣ неизбѣжно приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Китай и Афганистанъ не имѣютъ на Памирахъ никакихъ существенныхъ интересовъ и потому, при нашихъ мирныхъ взаимныхъ отношеніяхъ съ этими государствами, вполнѣ возможно достигнуть улаженія всѣхъ вопросовъ дипломатическимъ путемъ, не возбуждая излишнихъ подозрѣній высылкой на границы сильныхъ отрядовъ. Высылка такихъ отрядовъ и расходованіе на это огромныхъ средствъ оправдывались до сихъ поръ невыясненными сторонами дѣла. Эти стороны теперь не могутъ возбуждать никакихъ сомнѣній, и потому представляется вполнѣ возможнымъ избѣжать прежнихъ тяжелыхъ жертвъ. Остается обезпечить спокойствіе мѣст-

Digitized by Google

ныхъ жителей Памировъ, предупредивъ возможность вторженія мелкихъ партій грабителей и пограничныхъ авантюристовъ. Для этой цѣли вполнѣ достаточно имѣть на Памирахъ 15 или 20 казаковъ. Уже одно присутствіе ихъ предупредитъ всякія подобныя случайности. Болѣе серьезное назначеніе этотъ постъ будетъ имѣть не относительно Китая или Афганистана, а относительно шпіоновъ и подстрекателей англо-индійскаго правительства. Въ этомъ отношеніи, служба поста должна быть очень внимательная и строгая. Надо же когда нибудь положить конецъ этимъ недостойнымъ проискамъ и разъ навсегда избавить себя отъ темныхъ личностей, такъ дерзко врывающихся въ чужія дѣла. Но надо помнить, что подобная цѣль только тогда можетъ быть достигнута, когда начальнику поста будутъ предоставлены достаточно широкія права, дабы онъ смѣло могъ ловить подобныхъ авантюристовъ и, какъ арестантовъ, немедленно отправлять ихъ въ долину Ферганы, подъ конвоемъ не казаковъ, а джигитовъ. Это единственная мѣра, пригодная противъ подобныхъ дерзкихъ предпріятій, и притомъ мѣра, болѣе дѣйствительная, чѣмъ ежегодная высылка на Алай дорого стоющихъ отрядовъ, не приносящихъ никакой пользы.

2) Къ концу текущаго 1894 года, прогулки на Памиры обойдутся намъ не менѣе милліона рублей. Всякій согласится, что платить такія деньги за каждую интригу, направленную противъ насъ, слишкомъ дорого. Надо искать средствъ болѣе дешевыхъ и болѣе вѣрныхъ. Весьма вѣроятно, что еслибы въ 1891 году капитану Юнгесбанду не предложили возвратиться въ свои предѣлы, а отправили бы его въ одну изъ ферганскихъ тюремъ, какъ арестанта, то памирскій вопросъ умеръ бы при своемъ рожденіи и намъ никогда не потребовалось бы отправлять на Памиры такіе крупные отряды и столько лѣтъ тревожиться изъ-за пустяковъ. Въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ деликатничать не слѣдуетъ. Еслибы намъ и пришлось на первыхъ порахъ держать на Памирахъ отрядъ, то, вѣроятно, не болѣе полусотни казаковъ, которая была бы на Памирахъ грозной силой. На слѣдующій годъ и этого не могло бы потребоваться. Содержаніе такого разъѣзда обошлось бы недорого. Его нетрудно было бы устроить какъ слѣдуетъ, строго примѣняясь къ климату и обстановкѣ; офицеровъ можно было бы обезпечить значительно лучше, а лошадей можно было бы кормить по общему положенію. Подобныхъ же результатовъ можно было бы достигнуть и на слѣдующій годъ, еслибы организаціей развѣдокъ, особенно заграничныхъ, занялись ранѣе, чѣмъ за это хватились въ дѣйствительности, и еслибы не пришлось волноваться искусственными инцидентами. Во всякомъ случаѣ, значительно уменьшить эти расходы настолько же возможно, насколько необходимо, но средствомъ для этого должно служить не уменьшеніе довольствія и содержанія, а уменьшеніе состава памирскаго поста настолько, чтобы онъ отвѣчалъ дѣйствительной потребности.

3) Для окончательнаго улаженія памирскаго вопроса, конечно, необходимо категорически выяснить границы нашихъ Памировъ, дабы сосѣди наши перестали у насъ хозяйничать. Въ принадлеж-

Digitized by Google

ности намъ Шугнана и Рушана нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія и намъ нѣтъ никакого дѣла до того, что Англіи было бы пріятнѣй, чтобы эти ханства, ни съ того ни съ сего, перешли бы во владѣніе Афганистана. При подобной уступкѣ съ нашей стороны, будетъ вполнѣ послѣдовательно и логично, если Англія заявитъ, что ея интересы требуютъ передачи Афганистану хотя бы всей Ферганской области. Если мы молчаливо отнеслись къ самовольному занятію афганцами Бадахшана, принадлежавшаго Бухарѣ, а также самостоятельнаго Вахана, то изъ этого не слѣдуетъ, что они, заодно, могутъ занять также Шугнанъ и Рушанъ, никогда имъ не принадлежавшіе,—особенно же Шугнанъ, имѣющій для памирскаго вопроса исключительное и серьезное значеніе. Помимо того, что Шугнанъ—единственное культурное мѣсто на Памирахъ, онъ лежитъ между Бадахшаномъ и Ваханомъ, т. е. на единственномъ хорошемъ пути изъ Афганистана къ Гиндукушу и на единственномъ же пути изъ Бадахшана на наши Памиры, открытомъ для движенія въ теченіе круглаго года. Уступка Шугнана будетъ имѣть слѣдующія послѣдствія: а) мы утратимъ единственное мѣсто на Памирахъ, гдѣ нашъ отрядъ можетъ довольствоваться мѣстными средствами; б) потеряемъ единственное мѣсто съ несуровымъ климатомъ; в) потерявъ мѣстный источникъ довольствія, мы будемъ тратить много лишнихъ денежныхъ средствъ на содержаніе отряда; г) лишимся весьма выгодной стратегической позиціи между Бадахшаномъ и англо-индійскими владѣніями, занятіе которой нами затруднитъ до крайняго предѣла не только ихъ совмѣстныя дѣйствія противъ насъ, но даже и ихъ сношенія; д) афганцы будутъ имѣть возможность во всякое время года, незамѣтно для насъ, сосредоточить здѣсь значительныя силы, и явиться на наши Памиры, тогда какъ сообщенія нашего отряда съ Ферганой, черезъ Акъ-Байталъ и Кизылъ-Артъ, могутъ быть закрыты; е) мы лишимся возможности закрыть сношенія афганцевъ съ китайцами, еслибы это потребовалось обстоятельствами, и ж) будучи заперты на сѣверныхъ Памирахъ, внѣ района взаимодѣйствія Англіи, Китая и Афганистана, мы навсегда лишимся возможности держать въ своихъ рукахъ иниціативу дѣйствій, добровольно предоставивъ ее нашимъ противникамъ, въ особенности англо-индійскому правительству, которое, конечно, не упуститъ воспользоваться и даже злоупотреблять этимъ.

Рушанъ, какъ страна малонаселенная, бѣдная и съ крайне плохими путями сообщеній, имѣетъ для насъ второстепенное значеніе, но и онъ не можетъ быть уступленъ, не только потому, что это наша давнишняя собственность, но тутъ лежитъ ближайшій путь въ Бадахшанъ, выходящій на сообщенія нашего памирскаго отряда съ Ферганой. Если же нашъ отрядъ будетъ расположенъ въ Шугнанѣ, то черезъ Рушанъ долженъ быть разработанъ ближайшій путь въ долину Ферганы.

Бадахшанъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, фактически занятъ афганцами. Это совершенно не согласуется съ нашими интересами и мы окажемъ весьма много снисходительности и уступчивости, если не затронемъ этого вопроса и не примемъ мѣръ къ передачѣ Ба-

Digitized by Google

дахшана—Бухарѣ. Въ случаѣ продолженія англо-индійскихъ интригъ, мѣра эта совершенно необходима.

Вопросъ о разграниченіи съ Китаемъ настолько очевиденъ, что всякіе коментаріи къ нему излишни. Единственная возможная граница—Сарыкольскій хребетъ. Это дѣло дипломатіи. Уступить китайцамъ долину озера Рангъ-Куль совершенно немыслимо, ибо здѣсь главная зимняя стоянка нашихъ киргизовъ; здѣсь обширнѣйшая площадь подножнаго корма, безъ котораго наши киргизы обойтись не могутъ; здѣсь единственная на Памирахъ ломка каменной соли и, наконецъ, эта долина лежитъ вблизи сообщеній нашего памирскаго отряда съ Ферганой. Отдать Рангъ-Куль китайцамъ значитъ поставить себя въ полную отъ нихъ зависимость. Провести границу между озерами Рангъ-Куль и Шоръ-Куль, т. е. раздѣлить эту долину между Россіей и Китаемъ, тоже немыслимо, такъ какъ вся цѣнность долины заключается въ той ея части, которая лежитъ восточнѣй Рангъ-Куля. Близь Шоръ-Куля травы не много и вода въ этомъ озерѣ замѣтно соленая, въ особенности въ западной его части. Если мы добровольно не покинемъ Памиры въ угоду англо-индійскимъ происканъ, то, кромѣ Сарыкольскаго хребта, другаго мѣста для восточной границы нѣтъ, ибо, какъ указано, мы иначе потеряемъ жителей, подножный кормъ, соль и свои сообщенія съ Ферганой.

4) Отрядъ нашъ въ настоящее время располагается на р. Мургабѣ, близь устья р. Акъ-Байтала. Совершенно несомнѣнно, что, въ стратегическомъ отношеніи, это—лучшее мѣсто въ сѣверной половинѣ Памировъ. Но съ этимъ мѣстомъ можно мириться только временно, пока мы не занимаемъ Шугнана. Лучшее мѣсто для отряда вблизи Кала-и-боръ-Пянджа, какъ по стратегическимъ, такъ равно по хозяйственнымъ и гигіеническимъ условіямъ. Отсюда намъ легко будетъ наблюдать и за Афганистаномъ, и за тѣмъ, что дѣлается за Гиндукушемъ. Здѣсь никакія событія не могутъ быть для насъ неожиданными, какъ это всегда возможно на Мургабѣ. Правда, мы здѣсь нѣсколько отдалимся отъ Кашгара, но это не существенно, тѣмъ болѣе, что у насъ есть тамъ консульство. О хозяйственныхъ и гигіеническихъ условіяхъ сказано выше.

5) Горькій опытъ указалъ, что мы никогда и ни въ чемъ не можемъ положиться на «владычицу морей». Ни дипломатическіе документы, ни слово чести не имѣютъ для англичанъ никакого значенія и никакой цѣны. Мы ежеминутно можемъ ожидать самыхъ невѣроятныхъ поползновеній изъ-за Гиндукуша, а потому, волей-неволей, должны всегда быть наготовѣ и принимать предупредительныя мѣры противъ всякихъ неожиданностей. Это приводитъ къ заключенію, что на Памирахъ намъ необходимо имѣть опытнаго администратора, который жилъ бы тамъ постоянно и хорошо былъ бы знакомъ съ мѣстными военными и политическими условіями. Начальники памирскихъ отрядовъ смѣняются ежегодно, вмѣстѣ со своими отрядами, и каждому приходится начинать съ начала. Едва онъ успѣетъ основательно ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, какъ ему на смѣну является новый начальникъ.

Этотъ временный порядокъ необходимо скорѣе замѣнить установ-

Digitized by Google

леніемъ на Памирахъ постояннаго управленія. Раздѣлять власть, конечно, невозможно и потому завѣдующему населеніемъ Памировъ должна быть подчинена, во всѣхъ отношеніяхъ, та команда казаковъ, которая будетъ тамъ находиться. Только при этомъ условіи команда всегда будетъ обезпечена всѣмъ необходимымъ и содержаніе ея не будетъ обходиться слишкомъ дорого. Можно быть увѣреннымъ, что, со времени назначенія на Памиры постояннаго военнаго администратора, памирскій вопросъ сойдетъ со сцены и мы, при незначительныхъ расходахъ, обрѣтемъ здѣсь прежнее спокойствіе.

6) Разъ мы водворимся на Памирахъ на *постоянное жительство, какъ дѣйствительные хозяева*, очевидно, намъ неотлагательно надо подумать о приведеніи въ порядокъ путей сообщенія. Слишкомъ понятно, что благоустройство дорогъ обезпечиваетъ владѣніе страною и, наоборотъ, — дурное состояніе путей сообщенія подвергаетъ такое владычество всякимъ случайностямъ.

Въ минувшемъ 1893-мъ году прекрасно разработана горная дорога отъ г. Ошъ, черезъ Гульчу и перевалъ Талдыкъ, до Алайской долины. Благодаря энергіи главнаго руководителя этой разработки, подполковника Громбчевскаго, по этой дорогѣ теперь можно проѣхать на Алай въ какомъ угодно экипажѣ, не выходя изъ него даже на перевалѣ, а полевая артиллерія пройдетъ туда безъ малѣйшихъ затрудненій. Путь черезъ Тенгизъ-Бай тоже прекрасно разработанъ для вьючнаго движенія, вплоть до Алайской долины. Но на этомъ остановиться нельзя. Необходимо продолжить неотлагательно разработку главнѣйшихъ дорогъ черезъ всѣ Памиры, дабы движеніе отрядовъ, съ артиллеріею и обозами, не встрѣтило затрудненій. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разработка очень трудна и потребуетъ много подрывныхъ работъ, напр., по рѣкамъ Пянджу, Бартангу и верхнему теченію Гунта, но передъ этимъ останавливаться нельзя. Надо имѣть въ виду, что произвести разработку быстро, въ два или три года, невозможно, такъ какъ на мѣстѣ рабочихъ достать нельзя. Ихъ придется приводить изъ долины Ферганы. Это также указываетъ на необходимость начать работы теперь же.

Въ заключеніе, коснусь вопроса о разграниченіи Памировъ съ той нашей сосѣдкой, которая заварила всю эту памирскую кашу и ввела насъ въ такое безпокойство и въ такіе расходы. Выше указано, что, узнавъ о нашей первой экспедиціи на Памиры въ 1891 году, Англія немедленно покорила, безъ всякихъ другихъ къ тому причинъ, самостоятельное ханство Канджутъ и, обративъ его въ свою провинцію, тотчасъ же приступила къ устройству дорогъ черезъ Гиндукушъ къ нашимъ Памирамъ. Этимъ она въ конецъ уничтожила тотъ нейтральный поясъ, который былъ между ея и нашими владѣніями. Нейтральный клочокъ теперь представляетъ только Ваханъ, лежащій между Большимъ Памиромъ и западной частью Гиндукуша, фактически, но совершенно произвольно занятый афганцами. Сколько извѣстно, Англія теперь воодушевлена мыслью устроить новый нейтральный поясъ изъ нашихъ памирскихъ владѣній. Думается, что это ужь черезчуръ безцеремонно и что намъ ничего не остается, какъ уничтожить послѣдній слѣдъ нейтральнаго пояса, т. е., удаливъ афганцевъ изъ Вахана, присоеди-

Digitized by Google

нить его къ нашимъ Памирамъ, или же возстановить самостоятельность ваханскаго ханства подъ нашимъ протекторатомъ. Уже слишкомъ много было доказательствъ, что Англія черезчуръ злоупотребляетъ нашимъ терпѣніемъ и нашими уступками и что она слишкомъ склонна «класть ноги на столъ»... Пора положить этому конецъ, ибо всякая подобная уступка неминуемо увеличитъ въ средней Азіи обаяніе англійской силы и наглости въ ущербъ нашему вліянію.

В. Острогоровъ.

Digitized by Google

БЛИЗЪ НАРОДА.

Очеркъ.

(Памяти А. Н. Энгельгардта).

Пассажирскій поѣздъ, кряхтя и громыхая, тронулся, послѣ пятиминутной остановки, со станціи, на которой я съ удовольствіемъ и надолго простился съ грязными вагонами, недовольными пассажирами и сердитыми кондукторами. Отъ этой станціи до цѣли моего путешествія оставалось только пятнадцать верстъ. Утро было чудесное. Апрѣльское солнце только всходило, когда нанятый мной паренекъ лѣтъ четырнадцати, въ бѣлой валяной шапкѣ и рваномъ полушубкѣ, тронулъ, тощую, проголодавшуюся за зиму, лошадь,—и телѣга, своротивъ со станціоннаго двора влѣво, въѣхала въ березовую рощу.

Особенно рѣзокъ и чувствителенъ былъ этотъ переходъ отъ чугуннаго шума къ лѣсной тишинѣ. Словно послѣ тяжелаго сна и мучительныхъ сновидѣній, вдругъ наступило здоровое пробужденіе и тяготѣвшій кошмаръ отлетѣлъ далеко,—туда, откуда въ послѣдній разъ донесся и замолкнулъ безтолковый грохотъ. Человѣкъ почувствовалъ себя въ собственной власти. Свободно и легко дышала грудь, силой и упругостью отвѣчали мускулы утренней свѣжести лѣснаго воздуха и, освободившись отъ несвязныхъ впечатлѣній, мысль постепенно входила въ таинственную связь съ окружающей природой. Тихо было совершенно. Ярко блестѣли на солнцѣ бѣлые стволы березъ, отъ сочныхъ почекъ которыхъ разливался въ воздухѣ тонкій ароматъ. Попадавшіяся на сѣромъ фонѣ неодѣтаго лѣса небольшія елки своею темною зеленью дополняли незатѣйливый ландшафтъ. Дорога была плохая и грязная. Саврасая кобыла, не безъ труда, лѣнивымъ шажкомъ тащила нашу телѣгу. Мальчикъ то и дѣло покрикивалъ на нее, угрожая кнутомъ, но лошадь не прибавляла шага и только усиленно мотала головой.

Digitized by Google

— Малый!.. лѣсомъ дорога-то будетъ?..

— Перелѣскомъ... вплоть до усадьбы,—отвѣчалъ, оборачиваясь ко мнѣ, паренекъ. Я посмотрѣлъ на его добродушное, еще дѣтское лицо. Сѣрые, живые глаза со спокойнымъ любопытствомъ глядѣли въ свою очередь на меня. Оригинальная шапка, бѣлыя кудри, не по плечу просторный, очевидно отцовскій полушубокъ, неторопливыя манеры, посадка и серьезное съ мелкими веснушками лицо,—все придавало дѣловитость этому маленькому крестьянину.

— Давно со станціи возишь?..—спросилъ я, улыбнувшись.

— Когда тятька пошлетъ,—отвѣчалъ онъ серьезно.—Таперя ему недосужно... соху ладитъ... пахать надыть...

— А ты пахать умѣешь?..

— Чаво не знать? — засмѣялся паренекъ, — только господа такихъ дѣловъ не знаютъ.

— Да ты малъ еще?..

— Нѣ, не малъ...—солидно и убѣдительно отвѣчалъ мальчикъ.

Мы замолчали. Я чувствовалъ неумѣстность своего игриваго тона, и понялъ, что бесѣда о такихъ хозяйственныхъ дѣлахъ съ такимъ обстоятельнымъ, не допускающимъ шутокъ, человѣкомъ должна быть проще и въ то же время дѣльнѣе. Но мнѣ было легко и хорошо съ мальчикомъ, оригинальность и дѣтская суровость котораго были также естественны, какъ темная зелень и суровая красота этой небольшой, но сильной елки, плотно прижавшей свои упругія вѣтви къ кормилицѣ-землѣ.

Поднявшись на высокій и крутой бугоръ, мальчикъ остановилъ для отдыха свою лошадь. Онъ слѣзъ съ телѣги, поправилъ шлею, взялъ въ руки кнутъ и медленно пошелъ въ лѣсъ. Сквозь безлистную чащу березняка я видѣлъ моего мальчика, который съ серьезнымъ видомъ остановился передъ деревьями и, нагибая ихъ вѣтки, что-то нюхалъ и бралъ въ ротъ.

— Гляди, скоро береза листъ покажетъ...—и онъ сунулъ мнѣ въ руку нѣсколько сочныхъ бутоновъ березовой почки.

— Не знаю, чаво мамка,—продолжалъ онъ, осматривая колесо,—чаво не сбираетъ почку?..

— А зачѣмъ мать собираетъ почки?

— Хворыхъ пользовать... По зимѣ, сколь народу по деревнямъ хвораетъ... а почка дюже помогаетъ. Мамка такое питье дѣлаетъ... съ виномъ тоже. Знаетъ она, въ каку пору собирать почку и какъ бальзанъ дѣлать...

— А ты не знаешь?..

Мальчуганъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Нѣ, не знаю,—отвѣчалъ онъ сердито,—да и тятька не знаетъ,—

Digitized by Google

прибавилъ онъ очевидно для полнаго убѣжденія въ моемъ легкомысліи.—Ну, трогай что ли, сиротливая!

Мы замолчали и снова тронулись въ путь, не сплошной рощей, а холмистыми перелѣсками, гдѣ группы елокъ смѣнялись березами, среди которыхъ виднѣлись сѣрые стволы осинъ. Эти перелѣски со своими котловинками, по которымъ струятся рѣчки или ручьи, очень живописны, хотя, можетъ быть, и однообразны; отъ нихъ такъ и вѣетъ тихой, сѣрой и унылой поэзіей бѣднаго бѣлорусскаго края. «Не одна во полѣ березынька стояла», вспомнилось мнѣ, когда мы ѣхали «частымъ ельничкомъ, да березничкомъ», и грустный мотивъ пѣсни только тогда пересталъ щемить мое сердце, когда передъ нами, сверкнувъ своей изумрудной зеленью, широко раскинулось озимое поле.

— Глянь, какіе всходы, ишь ровные, и къ лѣсу, и къ дорогѣ... Первые урожаи по округѣ, не нашимъ деревенскимъ чета,—прибавилъ грустно мальчикъ.

— Отчего же такъ?..

— Старанія много... ее, знашь, раздѣлать надо... землю-то... ко времени значитъ...—Мальчуганъ видимо затруднялся выразить свою мысль.

— Да развѣ у васъ въ деревняхъ не стараются надъ землей?.

— Какъ не стараться?!—вскричалъ мальчикъ,—кто старается, тому вѣстимо Богъ даетъ, да все жь не такъ, чтобы... земель у насъ мало, а тутъ, эво!..—И онъ съ любовью глянулъ на дѣйствительно ровное, густое поле озимыхъ всходовъ. Да, хороша была рожь; видимо, много умѣнья и труда приложилъ здѣсь человѣкъ, чтобы глина могла поспорить съ черноземомъ и родить такую богатую озимь.

— Эво, гляди: яровые пашутъ...

На горизонтѣ слѣва дороги два пахаря въ бѣлыхъ рубахахъ медленно шли за сильными, сытыми конями.

— Плугами пашутъ... важнецкіе плуги у Александра Миколаевича, дюже хорошо пашутъ, не можетъ соха такъ глыбко да ровно... Какіе хошь облоги дерутъ...—пояснялъ мальчикъ.— А на вашей сторонѣ плугами пашутъ, аль сохами?

— Плугами,—отвѣчалъ я, вглядываясь въ окрестность, гдѣ среди густой зелени показались постройки съ желѣзными крышами. — Усадьба что ль?—спросилъ я.

— Она самая и есть,—подтвердилъ мальчикъ, съ энергіей задергавъ возжами и замахавши отчаянно кнутомъ.

— А бороны у барина желѣзныя,—обернулся, погоняя лошадь, мальчикъ,—скородятъ знатно... чистая работа!..

Digitized by Google

Мы скоро въѣхали на широкій дворъ и остановились передъ крыльцомъ небольшой избы, гдѣ стояла окруженная ребятами баба.

— Александръ Миколаевичъ дома?

— Нѣту-ти... уѣхачи будутъ... барышня дома...

— Ну, веди меня къ барышнѣ,—обратился я къ женщинѣ, которая безцеремонно разспрашивала обо мнѣ мальчика.

— Эй, Гаврило,—крикнула она проходившему по двору пожилому крестьянину,—человѣкъ тутъ... ай, не видишь... проводи до барышни!.. Староста будетъ,—рекомендовала она подошедшаго къ намъ благообразнаго старика, который, взглянувъ на меня съ любопытствомъ, вѣжливо пригласилъ въ «хоромы».

II.

За большимъ письменнымъ столомъ въ просторной и заваленной книгами комнатѣ, окна которой выходили на дворъ, я встрѣтилъ лѣтъ двадцати дѣвушку, просто по русски одѣтую, которой и назвалъ свою фамилію.

Это была дочь извѣстнаго сельскаго хозяина, къ которому я пріѣхалъ на лѣтнюю практику или, говоря по простy, пріѣхалъ обучиться простому земледѣльческому труду и въ то же время приглядѣться къ организаціи одного изъ дѣйствительно выдающихся хозяйствъ въ Бѣлоруссіи.—Мы васъ поджидали... Отецъ, уѣзжая въ Петербургъ, предупредилъ меня о вашемъ пріѣздѣ. Условія вамъ, вѣроятно, извѣстны?—спросила, внимательно оглядѣвъ меня, молодая хозяйка. Я отвѣчалъ, что имѣю обстоятельное письмо, въ которомъ по пунктамъ, очень акуратно изложены условія моей дѣятельности и будущаго пребыванія въ хозяйствѣ.

— Вотъ и прекрасно,—отвѣчала дѣвушка,—значитъ толковать объ этомъ нечего... Надѣюсь, паспортъ съ вами? У насъ насчетъ этого строго,—прибавила она, улыбаясь...

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Позвольте вашъ документъ, его необходимо передать полиціи...

Я не замедлилъ исполнить это требованіе, и формальная сторона моего поступленія въ батраки кончилась. Затѣмъ послѣ общихъ фразъ я откланялся, чтобы устроиться въ отведенномъ мнѣ помѣщеніи и отдохнуть съ дороги, обѣщаясь вечеръ провести съ молодой хозяйкой.

— Завтра начнете знакомиться съ работой,—сказала она, провожая меня до дверей кабинета.

Digitized by Google

Ожидавшій меня на крыльцѣ староста отвелъ въ ту избу, у крыльца которой остановился мой возница. Это была очень чистая, еще новая изба, состоящая изъ двухъ раздѣленныхъ сѣнями половинъ, въ одной изъ которыхъ пекли хлѣбъ и заготовляли квасъ, а въ другой помѣщались нѣкоторые рабочіе. Я помѣстился въ послѣдней половинѣ, въ углу, на широкой лавкѣ, куда сложилъ свой чемоданъ и подушку. Было часовъ девять утра. Я прилегъ отдохнуть.

Меня разбудилъ громкій говоръ вернувшихся съ поля рабочихъ, которые, перешучиваясь, разувались и умывались передъ обѣдомъ.

— Эй, пора обѣдать!.. Вставай!.. Какъ звать-то?..—тихо тронулъ меня Ѳаддей.

Я назвалъ свое имя.

— По отчеству какъ?.

Я сказалъ отчество.

— Ну, вставай, Иванъ Семенычъ!.. Умыться хошь?!. Пётра, дай ковшикъ-то!.. будя баловаться!..

Петръ, здоровый малый, лѣтъ восемнадцати, далъ мнѣ ковшъ и неизвѣстно отчего разсмѣялся громко и заразительно.

— Чаво пасть-то дерешь?—со смѣхомъ закричали на него рабочіе.

Петръ скоро умолкнулъ, устремивъ свои взоры на мои сапоги, съ которыхъ онъ не спускалъ глазъ, пока я умывался.

— Много ли далъ?—не утерпѣлъ Петръ, щупая мои голенища.

— Восемь цѣлковыхъ...

— Ну, и деньги же, парень,—изумился Петръ и вытаращилъ на меня глаза.

— Обѣдать! обѣдать!..—раздался на дворѣ веселый и громкій голосъ.

Мы всѣ гурьбой отправились въ «хоромы», гдѣ находилась столовая для рабочихъ. Это была очень большая кухня, въ которой безъ труда могло помѣститься человѣкъ сорокъ. На первыхъ порахъ я чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко въ этомъ многочисленномъ и новомъ для меня обществѣ, невольно ожидая со стороны рабочихъ насмѣшки или вообще выраженія недоброжелательства къ чужому для нихъ интеллигентному человѣку. Признаюсь, я приготовился быть жертвой народнаго остроумія. Но мои предположенія оказались совершенно напрасными. Ко мнѣ отнеслись просто и даже предупредительно, безъ любопытства и недовѣрія.

— Садись къ намъ, Семенычъ,—приглашалъ Ѳаддей.—Матрена, дай ложки... не видишь, что ли, новаго человѣка!.. Эхъ, баба!.. Выбирай ложку, Семенычъ,—училъ меня Ѳаддей,—замѣтку на ней сдѣлай, а посля обѣда, твоя и будетъ, никто не тронетъ.

*

Digitized by Google

Я усѣлся рядомъ съ Ѳаддеемъ за простой и очень длинный столъ вмѣстѣ съ 30 рабочими, загорѣлыми, съ мозолистыми руками и здоровымъ апетитомъ, такимъ апетитомъ, который только больнаго или очень сытаго не заставилъ бы принять участіе.

Въ этомъ артельномъ обѣдѣ ѣли глубокими ложками жидкія щи, въ которыхъ изрѣдка попадались маленькіе куски сала, и яшневую кашу съ коноплянымъ масломъ. Большой ковшъ съ квасомъ постоянно переходилъ изъ рукъ въ руки. Шумно и весело пообѣдавъ, рабочіе, всѣ безъ исключенія, пошли спать и, оставшись одинъ, я пошелъ бродить около усадьбы. Окрестности были просты, но живописны.

Вдоль луговъ, сверкая на солнцѣ, причудливо извивалась рѣчка. Животрепещущій мостъ изъ березоваго лѣса, мельница на бугрѣ и разбросанная на высокомъ берегу деревня Радищево оживляли эту скромную природу. Далѣе, куда ни бросишь взоръ, чернѣли еще неодѣтые лѣса, затуманивая веселую рѣчку, которая среди лѣсныхъ береговъ текла тихо и задумчиво.

Было хорошо и спокойно на душѣ. Веселый говоръ вывелъ меня изъ задумчивости и я увидалъ спускавшихся къ мосту рабочихъ, съ лошадьми, которыхъ они вели на водопой передъ работой въ полѣ. Я пошелъ къ усадьбѣ, не доходя которой встрѣтилъ Петра, разговаривавшаго съ небольшаго роста женщиной, босой и одѣтой въ панёву. При моемъ приближеніи, Петръ, оборотясь ко мнѣ, весело закричалъ:

— Семенычъ, чаво гуляешь? пахать надо!..

— Завтра,—отвѣчалъ я.

Петръ громко засмѣялся.

Я мелькомъ взглянулъ на женщину и встрѣтилъ пристально устремленный на меня взглядъ.

Странное дѣло! Этотъ взглядъ произвелъ на меня неотразимое впечатлѣніе. Въ большихъ темносѣрыхъ глазахъ было столько глубокой грусти, грусти тихой, но упорной, гнѣздящейся далеко, въ самыхъ изгибахъ сердца. Я долго и напрасно припоминалъ, гдѣ и когда я видѣлъ такіе глаза. Что-то знакомое, близкое, но неуловимое было въ этомъ взглядѣ, который тронулъ меня за сердце, за его самыя тонкія нѣжныя струны... Что таилось въ глубинѣ души этой женщины? Цѣлый день предо мной, какъ живые, были эти сѣрые глаза, грустные и печальные, съ нѣмымъ и таинственнымъ вопросомъ.

Послѣ ужина, я спросилъ Петра, кто эта женщина, и получилъ категорическій отвѣтъ:

— Дарочка изъ Радищева!..

Digitized by Google

III.

Рано утромъ, едва забрежжила заря, меня разбудилъ староста Яковъ, не тотъ старикъ, котораго я встрѣтилъ по пріѣздѣ, а другой—молодой, сильный, лѣтъ 26 мужчина, завѣдующій работами въ полѣ. Вѣрнѣе это былъ старшій рабочій. Онъ не только распоряжался, но самъ во главѣ другихъ работалъ, и работалъ дѣйствительно хорошо. Онъ былъ лучшій пахарь и косецъ.

— Вставайте, вставайте,—тихо трогалъ меня за плечо Яковъ. Я открылъ глаза. Рабочіе молча одѣвались. Я сталъ торопиться.

Было холодно и жутко, когда мы вышли на дворъ. Туманъ еще не разошелся и, блѣдной пеленой окутывая луга, стелился по полямъ. Я не зналъ, что̀ дѣлать, и молча ожидалъ Якова, который, повидимому, не обращалъ на меня вниманія... Громкимъ голосомъ отдавалъ онъ распоряженія, каждому категорически указывалъ лошадь для работы и не принималъ никакихъ возраженій отъ рабочихъ. Потомъ я узналъ, что лучшія лошади доставались тѣмъ работникамъ, которые хорошо обращались съ ними, жалѣя скотину.

— Ѳаддей! бери «Бѣлоножку»... Иванъ Семенычъ съ тобой работать будетъ...

Ѳаддей съ довольной улыбкой пошелъ надѣвать хомутъ на дѣйствительно сытую и красивую лошадь.

— Ну, съ Богомъ, ребята!—крикнулъ Яковъ.

Рабочіе молча тронулись съ плугами въ поле. Мы съ Ѳаддеемъ вышли послѣдними. Скоро по дорогѣ насъ догналъ староста и вручилъ мнѣ обыкновенныя деревянныя грабли. Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на Якова.

— Чаво глядите?.. грабли-то на что?—засмѣялся онъ,—въ полѣ вотъ увидите...

Я, дѣйствительно, недоумѣвалъ. Скоро мы остановились у начатой пашни. Ѳаддей, снявъ поддевку, сталъ освобождать отъ салазокъ плугъ. Староста взялъ у меня изъ рукъ грабли. Когда плугъ былъ введенъ въ начатую борозду и Ѳаддей, благословясь, тронулъ лошадь, староста пошелъ за плугомъ, загребая въ борозду граблями навозъ, разбросанный равномѣрно по полю. Яковъ объяснилъ мнѣ, что̀ и ка̀къ нужно дѣлать, чтобы въ каждую борозду попало по возможности равное количество навоза. Одноконный шведскій плужокъ легко и плавно отваливалъ пласты, которые покрывали навозъ, реагирующій съ мягкой сырой землей до будущаго урожая.

Я пошелъ за плугомъ, загребая навозъ граблями въ свѣжую

Digitized by Google

борозду. Не смотря на кажущуюся легкость этой работы, съ которой прекрасно справляются малолѣтніе, я скоро почувствовалъ усталость и началъ отставать отъ пахаря. Смущенный этимъ обстоятельствомъ и желая догнать Ѳаддея, я спѣшилъ съ работой, которая отъ этого далеко не выигрывала въ правильности и акуратности. Усталость и непривычка брали свое. Недовѣріе къ своимъ силамъ, досада и вообще неловкость перваго моего дебюта на пашнѣ довели меня до такого волненія, которое замѣтилъ Ѳаддей, остановивъ свою лошадь.

— Усталъ, Семенычъ?—добродушно обратился онъ ко мнѣ, поправляя хомутъ у Бѣлоножки.

— Нѣтъ, ничего!..—не сознавался я,—вотъ покурить хочется!..

— Кури!.. чаво жь, можно!.. покури, да отдохни малость!..—продолжалъ Ѳаддей, очевидно не придавая вѣры моимъ словамъ или, вѣрнѣе, не обращая на нихъ вниманія...—Къ работѣ привычку надо имѣть... вотъ обломаешься на пашнѣ... за плугомъ походишь... тогда ничаво, слободно будя... а таперя, знамо, что съ непривычки чижало...

— Да, вѣдь, Ѳаддей, это самая легкая работа... за плугомъ, куда труднѣе,—выспрашивалъ я добродушно мужика.

— Знамо труднѣе... за плугомъ ходить сноровка нужна... Вотъ выходишься на пашнѣ, и за плугъ поставятъ... успѣешь наработаться!—улыбнулся Ѳаддей.

Послѣ этого разговора, мнѣ стало хорошо и я почувствовалъ, что здѣсь надо быть искреннимъ, даже въ мелочахъ, что на пашнѣ непонятно и неумѣстно то самолюбіе, во имя котораго я считалъ болѣе удобнымъ притворяться и скрывать свою неопытность и усталость въ самой легкой сравнительно работѣ. Ѳаддей недаромъ говоритъ: «выходишься... послѣ ладно будетъ». Вообще эти мысли облегчили мое довольно угнетенное состояніе; я внимательно посмотрѣлъ на Ѳаддея. Онъ молчалъ и взоры его были устремлены въ сѣрѣющую даль. О чемъ онъ думалъ? что соображалъ? Право, не знаю, но мнѣ казалось, что въ его головѣ не было опредѣленной думы. Онъ смотрѣлъ *такъ* и отдыхалъ. Отдыхъ ему былъ нуженъ для работы и онъ умѣлъ отдыхать. Тихая волна покоя охватила меня и я впервые почувствовалъ свою близость къ природѣ, къ этой сѣрой пашнѣ, къ сѣрому простому мужику и къ лохматой, крѣпкой лошаденкѣ, которая такъ потѣшно и добродушно покачивала своей умной головой.

— Ну, Семенычъ, вставай!.. пора, отдохнули!..

И мы снова принялись за работу. Къ вечеру я сталъ привыкать и почти уже не отставалъ отъ пахаря. На закатѣ солнца,

Digitized by Google

когда мы возвращались домой усталые, я чувствовалъ себя бодрымъ и съ наслажденіемъ думалъ объ ужинѣ и снѣ.

— Что, Семенычъ, усталъ?!. ничего... вотъ поужинаемъ и на отдыхъ... Ночь не лѣтняя... выспаться можно!.. Привыкай, привыкай къ мужицкой работѣ. Дѣло хорошее!

Я молчалъ, слушая Ѳаддея; мнѣ хотѣлось сказать ему что нибудь пріятное, но я не зналъ, что именно сказать.

— Ты хорошо, Ѳаддей пашешь!—наконецъ придумалъ я комплиментъ.

— Какъ надыть, пашемъ!.. Небось и ты скоро научишься. Работа вольная. Богъ милостивъ!..

Когда мы подошли къ усадьбѣ, всѣ рабочіе уже возвратились, распрягали лошадей, убирали хомуты, а нѣкоторые умывали передъ ужиномъ руки. Ѳаддей, какъ хорошій, степенный работникъ, почти всегда возвращался послѣднимъ.

Громкій говоръ, здоровый, хорошій смѣхъ сопровождалъ рабочихъ все время до ужина, за который сѣли съ обычнымъ апетитомъ. Какъ вкусны показались мнѣ эти щи съ саломъ и особливо черный хлѣбъ съ кислымъ квасомъ! Черезъ полчаса все въ усадьбѣ спало крѣпкимъ сномъ, только въ комнатѣ барышни горѣлъ огонь и сквозь незавѣшенное окно было видно, что Лизавета Александровна, склонивъ на бокъ голову, внимательно писала. Свѣтъ отъ лампы съ красивымъ абажуромъ падалъ на дворъ, освѣщая спящую на пригоркѣ, свернувшуюся въ комокъ, рыжую собаку.

IV.

Черезъ нѣсколько дней, меня поставили за плугъ. Мнѣ дали лошадь, которую я самъ впрёгъ въ плугъ и вмѣстѣ съ Ванькой, молодымъ, лѣтъ семнадцати малымъ, глуповатымъ и веселымъ, мы отправились въ поле пахать смежныя полосы. Мою прежнюю работу—загребать навозъ—теперь исполнялъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати.

Староста указалъ, какую мнѣ пахать десятину, взялъ въ руки плугъ, стегнулъ лошадь и ловко и легко провелъ небольшую борозду; затѣмъ, объяснивъ, какъ лучше пахать, и прибавивъ, что на дѣлѣ я самъ научусь, онъ скоро ушелъ, обѣщавъ побывать у меня до обѣда.

Этотъ первый день за плугомъ навсегда останется въ моей памяти. Было не только трудно, но мучительно тяжело. Черезъ десять минутъ, плечи, спину начало ломить до невозможности, ноги и руки дрожали, плугъ шелъ неровно, — то вырываясь изъ рукъ, то глубоко уходя въ землю; онъ поминутно заставлялъ останавли-

Digitized by Google

ваться терпѣливую лошадь. Это былъ шведскій одноконный легкій плужокъ безъ колеса, съ висячимъ передкомъ. Для обыкновенной крестьянской лошади этотъ плугъ какъ разъ въ пору: онъ не тяжелѣе сохи, хотя пашетъ превосходно, по сравненію съ послѣдней. Но, при всѣхъ этихъ удобствахъ, плугъ требуетъ самаго внимательнаго къ нему отношенія. Руки у пахаря всегда заняты и напряжены. Умѣнье править плугомъ дается далеко не скоро и мнѣ пришлось долго мучиться, пока наконецъ, дня черезъ три, я могъ сравнительно недурно, хотя и медленно, пахать подъ озимь. Не могу забыть,— повторяю,—что мнѣ пришлось вытерпѣть въ первый и отчасти во второй день за плугомъ. Работа не спорилась совершенно, заставляя меня страдать не только физически, но и нравственно. Отъ боли и раздраженія у меня выступали на глазахъ слезы, грудь давило, тяжелое чувство безсилія вызывало грустныя думы. По временамъ я думалъ, что никогда не буду умѣть пахать, что я, молодой и сильный человѣкъ, неспособенъ къ физической работѣ, неспособенъ дѣлать то, что такъ легко дается Ванькѣ, этому почти мальчику, который пашетъ со мной рядомъ, посмѣиваясь и насвистывая пѣсни.

— Ай не выходитъ?—кричитъ мнѣ этотъ Ванька, останавливая свою лошадь.—А я, глянь, сколь сработалъ...

Я молчу и не гляжу въ его сторону. Не смотря на свѣжее апрѣльское утро, съ меня льетъ потъ ручьями. Я усталъ, я задыхаюсь, а что я сдѣлалъ?!. пашу только третью борозду, и какъ пашу!.. Совѣстно посмотрѣть.

— Эхъ, парень! — говоритъ, подходя ко мнѣ, Ванька,—дайка-сь!..—И, взявъ у меня изъ рукъ плугъ, онъ легко и красиво окончилъ борозду.—Давай отдохнемъ... ишь наморился!—пожалѣлъ меня малый.

Я съ наслажденіемъ растянулся на пригоркѣ и закурилъ папиросу. Ванька взялъ въ руки мой портсигаръ и, внимательно разсматривая и щупая его, вслухъ выражалъ удивленіе красотѣ и прочности работы. Странный былъ парень этотъ Ванька! Дитя природы, простой, безхитростный, онъ постоянно, то передъ тѣмъ, то передъ другимъ, выражалъ свое удивленіе. Нужно прибавить, что, кромѣ окрестныхъ деревень, Ванька ничего не видалъ, онъ даже ни разу не былъ въ своемъ уѣздномъ городѣ. Никогда не забуду я случая съ очками. Я поставилъ веху, чтобы начать новую пашню. Нужно было вести борозду на веху, которую я по своей близорукости не видѣлъ съ другаго конца десятины. Я вынулъ изъ кармана очки, надѣлъ ихъ и повелъ плугъ на поставленную мной веху. Ванька, увидавъ это, бросилъ лошадь, подбѣжалъ ко мнѣ и,

Digitized by Google

съ открытымъ ртомъ и вытаращенными глазами, съ необыкновеннымъ любопытствомъ глядѣлъ на меня. Я разсмѣялся. Ванька, напротивъ, очень серьезно продолжая разсматривать меня, страннымъ, будто испуганнымъ голосомъ спросилъ меня: зачѣмъ я надѣлъ стёкла.

— Чтобы лучше видѣть.

— Какъ лучше видѣть?!.—развелъ руками Ванька.—Дай-ка-сь... я самъ погляжу!..—Я подалъ ему очки, которыя онъ подозрительно сталъ разсматривать и потомъ медленно и важно началъ подносить къ глазамъ. Но едва только онъ взглянулъ въ очки, какъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ и, швырнувъ ихъ далеко на вспаханную землю, закрылъ свое лицо руками и въ такомъ положеніи оставался нѣкоторое время. Я былъ удивленъ и думалъ, что онъ по нечаянности накололъ глазъ. Оказалось, я ошибался. Ванька просто испугался: отъ слишкомъ рѣзко очерченныхъ предметовъ у него закружилась голова, стало больно глазамъ, и онъ подумалъ, что все это произошло не безъ вмѣшательства волшебной силы.

Послѣ этого, онъ долго покачивалъ головой и съ недовѣріемъ глядѣлъ на меня, когда я старался ему объяснить значеніе оптическихъ стеколъ.

— Знаю я... не видалъ стеколъ, что ли?! мало ль ихъ въ окнахъ! А это-сь какѝ стекло, когда глаза чуть не лопнули. Ври, парень!!

— Надѣнь еще, погляди!—предложилъ я очки.

— Ну, нѣтъ,—съ испугомъ отстранился Ванька,—отчаливай подальше...

Вдали показался Сидоръ. Мы снова принялись за работу. Староста покачалъ головой, глядя на мою работу, взялъ плугъ и долго ходилъ за нимъ, мягко покрикивая на добрую лошадь.

— Что, не наладитесь?—обратился ко мнѣ Сидоръ, останавливаясь пахать.

— Не знаю... неловко что-то. Мнѣ кажется, низокъ для меня плугъ: очень спина болитъ.

— Это съ непривычки—плугъ по росту. Я нарочно выбиралъ.

Потомъ, посмотрѣвъ на часы, подарокъ барина, староста проговорилъ: «ну, берите лошадь, скоро обѣдать... Когда пріѣдете домой, зададите ей овса... Ванька покажетъ, а передъ работой напоить надыть!..

Оставивъ плуги въ полѣ, мы верхами отправились къ дому. Ванька молчалъ, вѣроятно, находясь подъ впечатлѣніемъ очковъ; не хотѣлось говорить и мнѣ, страшно ныла спина и болѣли ноги, особенно теперь, когда я сидѣлъ верхомъ на костистой спинѣ лошади.

Digitized by Google

Не легче было пахать и послѣ обѣда. Плугъ рѣшительно не поддавался моей волѣ; лошадь, повидимому, потерявъ терпѣніе и постоянно чувствуя неравномѣрную силу тяжести, перестала слушаться, лѣзла въ сторону, останавливалась, когда у меня налаживалась работа. Мои нервы отъ неудачи, а, главное, отъ боли во всемъ тѣлѣ, развинтились вовсе, и я не на шутку сталъ думать о бѣгствѣ отсюда въ свое первобытное состояніе, въ столицу, къ культурнымъ занятіямъ. Въ то же время я живо представлялъ себѣ, при моемъ позорномъ возвращеніи, насмѣшливыя лица моихъ друзей, тѣхъ самыхъ, которые провожали меня на вокзалѣ и желали мнѣ успѣха. «Нечего сказать, хорошъ успѣхъ»!—думалъ я съ горечью, направляя плугъ, и со злобой прибавилъ: «пошли бы, поработали, такъ узнали бы кузькину мать... вамъ хорошо смѣяться, а тутъ»...

Снова неловкое движеніе, срывается плугъ и слезы досады виснутъ на моихъ, дрожащихъ отъ волненія, рѣсницахъ. А Ванька весело пашетъ, покрикивая на своего коня. Солнце ярко блеститъ на голубомъ небосклонѣ. Тихо совершенно. Прозраченъ воздухъ, вдали плавно тянется на сѣверъ трехъугольникъ журавлей; по временамъ рѣзко раздаются ихъ крики. Видно, какъ на бугрѣ пашетъ Ѳаддей. Вытянувъ шею, ровно тянетъ плугъ Бѣлоножка, красиво и свободно шагаетъ Ѳаддей. «Воображаю мою фигуру»!—улыбнулся я и сѣлъ отдохнуть. Ванька скоро пришелъ и молча глядѣлъ на меня, слегка помахивая своимъ кнутомъ.

— Зачѣмъ ты къ намъ пріѣхалъ работать?! нешто въ Москвѣ плохо жить?!—спросилъ меня парень.

— Хочу хозяйствомъ заняться... землю купить... вотъ и учусь работать.

— Во́ что... — протянулъ Ванька.—А допрежь что дѣлалъ?—продолжалъ онъ допрашивать меня.

— Служилъ въ Москвѣ, писалъ бумаги!..

— Писалъ! знать, хорошо писать умѣешь...

— Да, пишу хорошо.

— Сколь тебѣ за писанье давали?—любопытствовалъ Ванька, осматривая меня чуть ли не въ сотый разъ отъ ногъ до головы.

— Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

— Пятьдесятъ? — разинулъ ротъ Ванька; затѣмъ, усмѣхнувшись, прибавилъ:—ну, и здоровъ же врать ты, парень!

— Ей Богу, правда, — удивился я въ свою очередь, глядя на Ваньку.

— Може въ годъ пятьдесятъ цалковыхъ, а то инъ въ мѣсяцъ — сказалъ!...

Ванька продолжалъ добродушно смѣяться, вполнѣ увѣренный

Digitized by Google

въ моемъ лганьѣ. Я не сталъ его разубѣждать, да повидимому и не было возможности: слишкомъ велика для него была сумма, которую онъ не зарабатывалъ и тяжелымъ трудомъ, получая въ годъ только 36 руб.

Мы снова принялись пахать. Къ вечеру работа у меня пошла спорѣе; я сталъ относиться къ ней хладнокровнѣе, и когда мой плугъ саженей пять ровно, по настоящему, прошелъ по пашнѣ, красиво отваливая пласты сырой, усѣянной червями, земли, я думалъ: «къ черту малодушіе, потерплю и вѣрно привыкну».

Въ эту ночь я спалъ, какъ убитый.

V.

Наконецъ, я привыкъ къ работѣ и обстановкѣ, и сталъ недурно пахать. Сидоръ сказалъ, «что теперь дѣло пошло по настоящему». Я и самъ чувствовалъ и видѣлъ, что плугъ мнѣ повиновался, лошадь слушалась и знала меня. Довольнымъ взглядомъ я смотрѣлъ на свою работу и удивлялся, какъ не могъ этого дѣлать прежде: вѣдь ничего нѣтъ труднаго, только надо умѣть держать плугъ. Я долго мучился, хотѣлъ бѣжать и вдругъ совершенно неожиданно, —не знаю, когда именно и почему,—сталъ пахать хорошо.

Странно, но ни теперь, ни тогда я не могъ опредѣлить момента, когда сталъ владѣть плугомъ. Это случилось вдругъ, нечаянно, но съ того времени эта сноровка осталась при мнѣ навсегда. Это *мое* умѣнье, лично мнѣ принадлежащее, добытое мной, моимъ потомъ и моими муками. Меня никто не училъ, мнѣ показывали и при этомъ говорили, что научить этому нельзя,—долженъ самъ добиться своей силой и терпѣніемъ. Я добился и былъ счастливъ. Первый опыть удался, Я «обломался» на пашнѣ и теперь несомнѣнно гожусь въ работники, потому что могу пахать,—а не портить пашню,—цѣлый день съ утра до ночи. Съ тѣхъ поръ, раздраженія какъ не бывало: я сталъ ровнымъ, спокойнымъ человѣкомъ, началъ любить и уважать работу, пересталъ копаться въ своей душѣ и относиться просто и искренно къ окружающимъ меня людямъ. Тамъ, въ Москвѣ, у меня были «нервы», а здѣсь въ полѣ —сила и душевный покой....

Было воскресенье,—первый праздничный день моего пребыванія въ батракахъ. Обѣдъ былъ ранній, гречневая каша замѣняла яшневую, а пирогъ съ капустой и стаканъ водки передъ обѣдомъ усиливали въ достаточной степени праздничное настроеніе. Было весело. День былъ теплый, ясный. Рабочіе—въ чистыхъ рубахахъ,

Digitized by Google

вымытые, причесанные, и въ густо смазанныхъ дегтемъ сапогахъ. Кухня была убрана, кухарка одѣта по праздничному.

Послѣ обѣда, мы пошли съ Петромъ въ деревню Радищево, гдѣ у него жила замужемъ родная сестра. Деревня, до которой было не болѣе версты, расположилась живописно по крутому берегу небольшой, но глубокой рѣчки. Когда мы поднимались въ гору, мнѣ живо вспомнилось лицо той женщины, которую я увидѣлъ въ первый день моего пріѣзда.

Я спросилъ Петра.

— А, Дарочка!... Вонъ ейная изба... гляди: нарядное крыльцо!...

Изба, на которую указалъ мнѣ Петръ, была крѣпкая, просторная, съ хорошо крытою крышей, съ цѣлыми стеклами въ окнахъ; дворъ чистый, во всемъ порядокъ и хозяйливость. На крыльцѣ сидѣлъ мальчикъ, году по пятому, въ чистой рубашонкѣ, и жевалъ кусокъ ситнаго хлѣба.

— Вонъ сынокъ Дарьинъ!... Ванятка, ты чаво?! — крикнулъ Петръ.

Ванятка поглядѣлъ на насъ, пропищалъ что-то непонятное и показалъ засусоленный кулакъ съ коркой хлѣба.

— Развѣ Дарочка замужемъ?—удивился я. По первому впечатлѣнію мнѣ казалось, что она дѣвушка.

— Эво! годовъ съ пятокъ, какъ за Иваномъ живетъ, — продолжалъ Петръ. — Мужикъ хорошій, слабоватъ только; семья добрая, хозяйная, живетъ ладно!... А знаешь, допрежь, когда Дарья въ дѣвкахъ была,—такъ она руки на себя накладывала. Чудно право!... въ колодецъ брякнулась, да Богъ не попустилъ, видно... Съ праздникомъ, Дарочка! — привѣтствовалъ Петръ вышедшую на крыльцо женщину.

— Здравствуйте, съ праздникомъ и васъ! — отвѣчала Дарья, заслоняя глаза отъ солнца и улыбаясь.

Нѣжный грудной голосъ, застѣнчивая улыбка снова вызвали въ моей душѣ далекое воспоминаніе... О комъ оно было? какой образъ потревожилъ мое сердце?—право, не знаю, но знакомая, дорогая тѣнь, появившись предо мной, скрылась, какъ блеснувшая на темномъ небѣ зарница.

Мы съ Петромъ подошли ближе. Небольшаго роста, худощавая женщина съ густыми темнорусыми волосами, которые толстыми прядями вюбивались изъ-подъ платка, стояла, облокотясь о перила крыльца. Она была крестьянка, родилась и выросла здѣсь, среди сѣрой природы, посреди простоты полей и березовыхъ перелѣсковъ. Природа, надѣливъ ее своей граціей, вмѣстѣ съ тѣмъ положила печать своей грустной поэзіи. Въ каждомъ ея движеніи, взглядѣ,

Digitized by Google

улыбкѣ, нѣжныя тѣни, переливаясь съ кроткой печалью, заставляли вспоминать то тихую рѣчку, когда легкій вѣтеръ колышетъ склонившіяся къ ней, облитыя заревомъ заката, березы, то перелѣски, манящіе къ себѣ на отдыхъ усталое сердце. Дарочка знала и могла разсказать, о чемъ шумятъ ея родныя березы и что шепчетъ печальная рѣчка; знала, но не понимала своей простой граціи, не понимала того обаянія, которое вложила въ нее природа, создавъ поэтическій образъ крестьянки. Однако, наивную родную красоту понимали всѣ, старые и малые, женщины и мужчины. У Дарочки не было недруговъ даже среди женщинъ. Дѣти любили ее всѣ безъ исключенія; грубые мужчины дѣлались при ней мягче; болтливыя женщины—менѣе разговорчивы. Дарочка относилась ко всѣмъ одинаково мягко, слегка конфузясь, и всегда задумчиво. Повторяю, это была особаго рода задумчивость, когда человѣкъ постоянно живетъ въ самомъ себѣ, храня далеко въ своемъ сердцѣ дорогое ему и завѣтное. Все существо Дарочки дышало мечтой и прощеніемъ—чувству эгоизма не было мѣста въ душѣ этой женщины.

Я долго находился во власти произведеннаго на меня крестьянкой впечатлѣнія. Я не повѣрилъ и потому не спросилъ Петра о причинѣ покушенія Дарочки на свою жизнь. Мнѣ казалось, что это нелѣпость. Пелагея, сестра Петра, угощая насъ чаемъ и разсказывая о своихъ деревенскихъ и о семьѣ Дарочки, выразилась такъ:

— Они лучше всѣхъ живутъ въ деревнѣ. Такого согласнаго житья не сыскать!... Кто бы подумалъ? А вотъ Богъ-то, знать, сиротъ не забываетъ, хранитъ!...

— Это ты про Дарочку? — перебилъ я Пелагею, которая, не отрываясь отъ блюдечка съ чаемъ, мотнула мнѣ головой.

— А рано она осиротѣла?...

— Какъ сказать! — отвѣчала, подумавъ, Пелагея, — хорошо не упомню, давно вѣдь... Отецъ и мать померли у нея, почесть, въ одну недѣлю. Такая болѣзнь у насъ проявилась, многіе въ тѣ поры померли. Дарья совсѣмъ махонькой была!... Съ бабушкой одна, сиротой, осталась. Богъ вѣсть, чѣмъ со старухой по зимамъ жили... лѣтомъ грибы, ягоды сбирали, на станцію носили. Зимой-то плохо было!... Знамо, помогали имъ... не безъ этого. Допрежь народъ добрѣе былъ, да и достатку болѣе. Говоритъ нечего; натерпѣлась нужды Дарья въ дѣвкахъ... да вотъ таперь живетъ хорошо. Взыскалъ, знать, Господь!...

Чаепитіе подходило къ концу. Пелагея ушла по хозяйству во дворъ. Скоро и мы съ Петромъ, поблагодаривъ за угощеніе, вышли на деревню. Съ запада надвигались тучи. Холодный и сырой вѣтеръ предвѣщалъ непогоду. На деревнѣ было пусто, только собаки съ громкимъ лаемъ проводили насъ до околицы.

Digitized by Google

VI.

Время шло. Близился покосъ. Я привыкъ къ работѣ, къ своему положенію, познакомился короче съ рабочими, съ нѣкоторыми сблизился и полюбилъ ихъ за душевность и искреннюю простоту. Особенно по сердцу пришелся мнѣ Ѳаддей. Въ немъ были сосредоточены всѣ качества русскаго человѣка, за исключеніемъ талантливости и разгула. Ѳаддей былъ неглупъ, разсудителенъ, но не талантливъ, любилъ выпить въ мѣру, но не напиваться. Добродушіе его не знало предѣловъ; отъ его шутокъ вѣяло дѣтскимъ оттѣнкомъ: онѣ всѣмъ нравились, и хотя не отличались особеннымъ остроуміемъ, но всегда вызывали смѣхъ, добродушный и веселый. Ѳаддей тогда бывалъ очень доволенъ, и въ его глазахъ свѣтились ласка и привѣтъ. Онъ былъ очень силенъ,—я не говорю о выносливости,—и работалъ положительно съ наслажденіемъ. Я помню, какъ нерѣдко онъ любовался своей работой, которой многіе завидовали, да и было чему: словно искусный парикмахеръ гигантской бритвой срѣзалъ лужокъ, по которому прошла коса Ѳаддея. Онъ былъ хорошій семьянинъ и имѣлъ свое хозяйство, но пошелъ въ работники,— впрочемъ, въ первый разъ, — вслѣдствіе неурожая и желанія немного поправиться. Характерно то, что Ѳаддей пошелъ туда, гдѣ очень трудно работать, и, не смотря на обыкновенную неповышенную плату, говорилъ, что «лучше быть въ *настоящемъ* хозяйствѣ, нежели *баловаться* въ батракахъ незнамо гдѣ»... Баловствомъ Ѳаддей называлъ также нѣкоторые отхожіе промыслы и особенно порицалъ уходъ въ Москву, гдѣ простой человѣкъ *ослабѣвалъ* и переставалъ выносить коренную деревенскую работу. Ѳаддей былъ типичный крестьянинъ-земледѣлецъ. Я не могу представить его инымъ, какъ только въ деревенской обстановкѣ: въ полѣ за плугомъ, съ косой въ лугахъ или около дома съ топоромъ. Тѣмъ не менѣе, Ѳаддей многимъ интересовался, любилъ послушать о другой жизни, о другихъ людяхъ, подвергая все новое для него своему анализу, съ чисто земледѣльческой точки зрѣнія. Да, любилъ я проводить время съ этимъ *простымъ* человѣкомъ, которому я многимъ обязанъ и въ работѣ, и въ постоянно бодрящемъ спокойномъ чувствѣ, которое я ощущалъ всегда въ его присутствіи и послѣ нашихъ бесѣдъ. Это—чувство спокойной силы, вѣры и всепрощенія русскаго человѣка, могучаго въ терпѣніи, но слабаго волей...

Digitized by Google

Въ косьбѣ Ѳаддей помогъ мнѣ очень. При первомъ опытѣ, со мной случилось то же, что и на пашнѣ: коса не повиновалась моимъ окрѣпшимъ и привыкнувшимъ къ работѣ рукамъ, взмахъ былъ не ровенъ, напряженіе неравномѣрно и не соотвѣтствовало размаху; коса или уходила концомъ въ землю, или оставляла такіе «огрѣхи», къ которымъ русскій народъ примѣняетъ несовсѣмъ удобную и даже злую пословицу... Косили обыкновенно рядами, человѣкъ по десяти въ артели. Впереди шелъ лучшій косецъ, за нимъ такой же, обыкновенно его соперникъ, далѣе хорошіе косцы, а наконецъ мы грѣшные,—я и подростки-пареньки. Косьба — одна изъ самыхъ труднѣйшихъ работъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ самыхъ поэтичныхъ. Нѣтъ болѣе чистой, здоровой работы, какъ косьба. Косецъ дышетъ нѣжнымъ ароматомъ полевыхъ травъ и цвѣтовъ. Этотъ воздухъ—лучшіе ароматные духи, до которыхъ не дойти лабораторіи Брокара! Грудь косца дышетъ часто, глубоко, воздуху нужно много и этотъ чистый душистый воздухъ, наполняя легкія, обновляетъ организмъ быстрымъ притокомъ здоровой крови.

Работа эта, сама по себѣ трудная, становится «отрадной», потому что на ея долю выпадаютъ короткія ночи. Мы вставали на работу, какъ я хорошо помню, около трехъ часовъ утра, еще до восхода солнца, и въ три часа уже косили по росѣ, когда особенно спорится работа: коса послушна, свѣжій воздухъ бодритъ тѣло, еще не успѣвшее отдохнуть отъ вчерашней работы.

Въ семь часовъ привозили завтракъ: творогъ, молоко и особенный полупшеничный хлѣбъ. Надо прибавить, что на косьбѣ кормятъ хорошо, что особенно замѣтно послѣ поста, да, кромѣ того, какъ говорятъ, косецъ долженъ быть сытъ и ѣсть плотно, чтобы твердо стоять на ногахъ, безъ чего немыслима хорошая, сильная косьба. Опытный хозяинъ по слѣдамъ косца на росистой травѣ опредѣлитъ хорошаго, выносливаго работника. Послѣ завтрака, отдыха не полагалось до обѣда, въ одиннадцать часовъ. Послѣ обѣда, два съ половиной часа отдыхали и снова работали до 6 или 7-ми, когда привозили полдникъ, и снова послѣ этого косили до половины десятаго,—однимъ словомъ, кончали тоже по росѣ, послѣ девяти часовъ вечера.

Трудно себѣ представить мучительную боль въ груди, спинѣ и правомъ плечѣ послѣ цѣлаго дня работы на покосѣ. Я не говорю о моихъ первыхъ дняхъ на лугахъ: въ то время мученія нравственныя заставляли забывать боль физическую. Я работалъ и работа мнѣ не давалась; я шелъ съ косой впередъ, но за мной оставалась такая полоса, на которую совѣстно было глядѣть. Мнѣ было трудно, на глазахъ выступали слезы, сердце усиленно билось, дро-

Digitized by Google

жали ноги; я работалъ косою лихорадочно-поспѣшно, и мучительныя, тяжелыя думы, вмѣстѣ съ нервнымъ настроеніемъ, овладѣвали мной тогда, въ борьбѣ съ клевероиъ, тимофеевкой и своей собственной неумѣлостью. Опять со страхомъ приходилъ я къ мысли, что я не работникъ, что эта лучшая и поэтичная работа, воспѣтая въ народныхъ пѣсняхъ, мнѣ не подъ силу, что мнѣ надо съ позоромъ бѣжать съ этихъ изумрудныхъ луговъ, отъ этихъ людей, съ которыми я свыкся и которые на моихъ глазахъ владѣли косой, какъ игрушкой, и послушная трава ложилась красивыми, ровными рядами послѣ каждаго ихъ свободнаго прохода.

Съ грустью повѣдалъ я о своемъ горѣ и неумѣньѣ Ѳаддею, который, къ моему удивленію, засмѣялся и сказалъ:

— Больно скоро ты хочешь обломаться на покосѣ, Семенычъ!.. Потерпи малость, будешь косить хорошо. У тебя старанія много. Говорю, потерпи!

— Какъ хорошо?!. Мнѣ бы хоть какъ нибудь!—обрадовался я.

— Ну,—добродушно усмѣхнулся Ѳаддей:—можетъ, хлеще мово косой владѣть будешь... Потерпи, братъ!

Послѣ этого разговора, я успокоился и «терпѣлъ». Лилъ потъ съ меня ручьями, ныли грудь и спина, но я все терпѣлъ. Кружилась отъ жары и напряженія голова, красные круги мелькали передъ глазами—я терпѣлъ... Терпѣлъ утромъ, терпѣлъ днемъ, едва выносилъ работу вечеромъ. Отъ неимовѣрнаго напряженія, передовые косцы въ бѣлыхъ рубахахъ казались мнѣ кровавыми призраками, идущими не по зеленому лугу, но по кровавому озеру, которое однообразно волновалось отъ ихъ красныхъ веселъ.

Было почти невозможно косить дальше и вотъ, когда я въ отчаяніи шелъ, махая косой, и слышалъ сзади знакомое: «берегись! ожгу пятки»!—мнѣ вдругъ стало легко. Словно по волшебству, отъ меня отлетѣло тяжелое давящее чувство, грудь вздохнула свободно; я выпрямился и моя коса плавно и ровно, правильными рядами, легко откидывала душистую траву. Опять таки, я не знаю, не понимаю, какъ и когда научился косить. Произошелъ тотъ же процессъ, который я пережилъ на пашнѣ, только умѣть и привыкнуть косить гораздо труднѣе, чѣмъ пахать.

Въ этотъ вечеръ, усталости словно не бывало. На душѣ было свѣтло и радостно, когда мы возвращались съ покоса, съ которымъ теперь мнѣ было жаль разставаться. Я сообщилъ о своемъ торжествѣ Ѳаддею и какъ теперь помню его улыбку и слова: «ну, вотъ»! Ложась послѣ ужина спать, я не боялся грядущаго утра, но ждалъ его съ удовольствіемъ, потому что умѣлъ косить и уже любилъ эту тяжелую, но увлекательную работу.

Digitized by Google

VII.

Покосъ былъ въ разгарѣ; работали, не покладая рукъ; но образъ грустной крестьянки не выходилъ у меня изъ головы. Часто во время отдыха, смотря на пестрѣющее вдали Радищево, я вспоминалъ Дарочку, съ которой, впрочемъ, мелькомъ продолжалъ видѣться по праздникамъ.

— Зачѣмъ пріѣхали сюда къ намъ надрываться надъ мужицкой работой?—спросила она меня однажды.—Вѣдь въ городахъ лучше жить? легче!..

— Какъ сказать?—отвѣчалъ я, слегка удивленный прямымъ вопросомъ этой деликатной женщины:—и лучше, и хуже... Лучше, потому что въ городѣ много удобствъ, много разныхъ людей, а хуже, потому что нѣтъ природы, нѣтъ лѣса, простора...

— Да, правда,—задумчиво молвила Дарья,—нѣтъ лѣса, простора. Я не могла бы жить безъ лѣса, безъ зеленой травы... Говорятъ, что по городамъ дома все каменные, большущіе; люди, что̀ живутъ въ нихъ, никогда не видятъ, какъ заходитъ да восходитъ сѳлнышко. Знать, оттого и народъ сердитый и недушевный!—И Дарочка пристально посмотрѣла на меня долгимъ, задумчивымъ взоромъ.

— И въ каменныхъ домахъ живутъ хорошіе люди,—возразилъ я.

— Должно, живутъ... безъ этого нельзя! Да трудно имъ, спокоя мало!—Опять на лицѣ ея грустная дума, въ невѣдомую даль смотрятъ глаза,—быть можетъ, туда, гдѣ каменные дома, шпицы и кресты церквей златоглавыхъ.

— Отчего ты, Дарочка, такая печальная? Все думаешь, да грустишь?

— Чаво думаю?! такъ это!—отвѣчала она серьезно и, какъ мнѣ показалось, сухо.—Прошла пора веселиться... по бабьи живу... не въ дѣвкахъ. Не пойдутъ на умъ игра да пѣсни, когда работать надо.—При послѣднихъ словахъ, вдали прогремѣлъ громъ, сверкнула молнія, и темная туча съ запада быстро надвигалась на яркое солнце.

Дарочка, посмотрѣвъ въ ту сторону, видимо поблѣднѣла и стала торопиться домой.

— Чего ты? развѣ грозы боишься, Дарочка?—удивился я.

— Боюсь, Семенычъ, дюже боюсь, прощай!—прошептала Дарья и быстро, оглядываясь, пошла по деревнѣ.

Странная женщина!.. Наконецъ, я узналъ ея исторію. Это была грустная, но вмѣстѣ съ тѣмъ трогательная исторія... Еще свѣжѣе,

Digitized by Google

моложе и кудрявѣе былъ, шесть лѣтъ назадъ, березнякъ за рѣчкой. Словно веселѣе, громче пѣли въ немъ пташки и ярче пестрѣли на опушкахъ цвѣты. Спокойная, ровная, кроткая росла, распускалась дѣвушка.

Было начало лѣта, когда Дарочкѣ минулъ девятнадцатый годъ. Умерла въ эту весну ея бабка. Свезли на погостъ старушку; сиротку народъ пожалѣлъ. Врожденная мечтательность и любовь къ природѣ, со смертью старухи, совсѣмъ овладѣли дарочкинымъ сердцемъ и воображеніемъ. Сосредоточенность и мягкость натуры способствовали тому, что Дарочка любила все, что̀ жило и дышало. Сердце могло только любить и умъ не спрашивалъ: зачѣмъ? Лѣсныя дубравы, луга и поля, яркое небо, погода, гроза—все въ сердцѣ ея отражалось, словно ветлы и берегъ въ рѣкѣ. Дѣвушка не была одинока. Часто она мѣняла шумныя игры подругъ и парней на цѣлые часы созерцанія какого нибудь облачка или слушала пѣніе лѣсной чечотки. Ей было хорошо, не скучно; сердце билось ровно, сладостно, прислушиваясь къ окружающимъ ее тонкимъ нѣжнымъ звукамъ; взоры ласкали зелень луговъ, лѣса и небесный сводъ.

Но разскажу печальную исторію проще, какъ слышалъ ее отъ мѣстныхъ крестьянъ. Поступила Дарочка на сосѣднюю съ Радищевымъ молочную ферму, въ работницы къ молодому, нивѣсть откуда пріѣхавшему, арендатору. Странно объ немъ отзывались крестьяне и я не могъ добиться: былъ ли этотъ арендаторъ хорошій, или такъ себѣ, дрянь-человѣкъ. Неохотно и очевидно безъ всякаго удовольствія говорили и вспоминали о немъ крестьяне. Но какъ бы то ни было, полюбила Дарочка Михаила Ивановича со всей силой своего нетронутаго горячаго сердца, полюбила и отдала ему всю нѣжность и красоту души, все, чѣмъ такъ щедро надѣлила дѣвушку мать-природа. Время ли пришло, или обворожилъ ее арендаторъ, но дѣвушка отдалась ему беззавѣтно. Всѣ ея внутреннія силы ушли на развитіе этого перваго чувства; изъ кроткой, сосредоточенной дѣвушки, Дарочка стала подвижной, нервной и рѣшительной женщиной. Дивились крестьяне такой перемѣнѣ, словно пугались, когда объ этомъ разсказывали мнѣ, вспоминая, что въ ту пору глаза у Дарочки стали большущіе, а сама худѣть и сохнуть начала. Правда, и работы было на фермѣ немало. Да что ей работа? Чего бы не сдѣлала Дарочка для любимаго человѣка!

Бывало, темной ночью, подъ вѣтромъ и дождемъ, шла послѣ работы Дарочка съ письмами Михаила Ивановича за восемь верстъ на ближайшій полустанокъ желѣзной дороги. Нерѣдко крестьяне встрѣчали Дарочку, торопливой походкой пробирающуюся по болотинамъ и лѣснымъ тропинкамъ на станцію. А утромъ, чуть свѣтъ,

Digitized by Google

опять на работѣ—веселая и бодрая, работаетъ такъ, что бабы-сосѣдки только качаютъ въ удивленьѣ головой.

Время летѣло быстро. Прошло лѣто и наступилъ конецъ августа. Пустѣли поля и луга. Рано садилось солнце, ночи стали длиннѣй. Вмѣстѣ съ опавшими листьями и улетѣвшими въ теплые края птицами, улеглась страсть и любовь принимала другую, болѣе глубокую форму. Въ полѣ кончались работы, свозили картофель, молотили по овинамъ рожь. Сталъ задумываться арендаторъ, дѣла котораго вообще шли худо; стали ходить слухи объ его отъѣздѣ, о сдачѣ фермы въ аренду мѣстному еврею.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Дѣло шло къ развязкѣ. Въ сердце Дарочки мало по малу закрадывалось сомнѣніе; неясное сначала предчувствіе грозящей бѣды рѣдко, но потомъ чаще и чаще стало тревожить сердце дѣвушки. Михаилъ Ивановичъ день ото дня становился раздражительнѣе, мало обращая вниманія на дѣвушку.

Говорили, что между ними произошла ссора. Слышали крики, видѣли Дарочку, бѣгущую, какъ сумашедшая, въ свое Радищево. Въ тотъ же вечеръ, чужой для деревни человѣкъ навсегда покинулъ ферму и, конечно, Дарочку. Забрежжило утро и блѣдные лучи освѣтили истомленную, истерзанную за ночь дѣвушку. Нельзя было узнать тогда прежней Дарочки. Потускнѣли и ввалились чудные глаза, опустились плечи, согнулась и стала словно ниже ростомъ Дарочка. Онъ уѣхалъ... Разсказывали, что бродила дѣвушка, какъ тѣнь, стало ей, вѣрно, не въ моготу и хотѣла она вовсе покончить съ собой. При разсказахъ объ этомъ, мое воображеніе нарисовало цѣлую картину. Дарочка ходила словно во снѣ; въ лѣсу вѣтеръ рвалъ и крутилъ желтые листья; скрипѣли и гнулись деревья; сурово гудѣлъ лѣсъ: «засохли листья, трава; гибель повсюду, погибнешь и ты»! Съ ужасомъ бѣжала Дарочка изъ лѣсу на берегъ рѣки. Волны неслись чередой, злобно ворчала рѣка.

Стонали тихо ветлы. Низко плыли надъ лугами сѣрыя тучи, темнѣлъ горизонтъ. Безмолвно стояла Дарочка у рѣчки. Надъ темной водой заигралъ, прорвавшись сквозь мглу, слабый лучъ солнца. Дарочка вздрогнула, не спуская глазъ съ луча, который блестѣлъ на волнахъ. Но вотъ губы ея конвульсивно сжались, зрачки расширились; она сдѣлала два шага назадъ и остановилась, какъ вкопаная.

Изъ воды, освѣщенной лучемъ солнца, глянула и скрылась физіономія Михаила Ивановича. Еще и еще. Вотъ опять... Онъ смѣялся, оскаливъ длинные зубы. Голова тряслась, принимая причудливыя формы, закрывая и тараща глаза. Это было невозможно. Какъ безумная, бѣжала Дарочка. За ней вслѣдъ гнался, не умолкая,

Digitized by Google

этотъ смѣхъ, наглый, зловѣщій. Страшный хохотъ стучался ей въ уши, колотилъ въ грудь, грохоталъ подъ ногами. Справа, слѣва и сзади раздавались его дикіе перекаты.

Быстрѣе бѣжала Дарочка; хохотъ не переставалъ. Дѣвушка направила путь къ деревнѣ, безсознательно желая скрыться, спрятаться отъ этого ужаснаго смѣха. Почти потерявъ сознаніе, Дарочка, добѣжавъ до колодца, бросилась въ его темную бездну. Это видѣли проходившіе мимо крестьяне и разбитую, безъ чувствъ, но еще живую, вытащили Дарью. Прошло два мѣсяца и выздоровѣла Дарочка, но уже не походила на прежнюю, цвѣтущую, полную жизни и любви, дѣвушку. Это была женщина, на лицѣ которой рѣдко кто видѣлъ улыбку и радость.

VIII.

Дарочку спасъ отъ смерти Иванъ, парень, который давно былъ къ ней неравнодушенъ. Иванъ былъ необыкновенно смирный и добродушный человѣкъ, единственный сынъ старика Прохора, «характернаго» и умнаго мужика.

Сначала Прохоръ и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ сына на Дарочкѣ, но когда Иванъ, поклявшись передъ образами, твердо сказалъ, что другой жены, кромѣ Дарочки, не возьметъ, старикъ задумался и потомъ согласился. Много слезъ пролила мать Ивана, добрая старуха Ѳедосья, души не чаявшая въ своемъ сынѣ. Дарочка наотрѣзъ отказалась выйти за Ивана, сказавъ, что она недостойна и не можетъ принести ему счастія.

Иванъ запилъ и загулялъ, чего съ нимъ прежде никогда не было. Старики не на шутку испугались и слезно просили Дарочку не губить Ивана. Дарочка согласилась и стала примѣрной женой и хозяйкой. Ея отношенія къ семьѣ и къ мужу опредѣлились скоро и навсегда. Она ничего не требовала и не желала; всѣ работы, какъ въ полѣ, такъ и въ домѣ, она знала и исполняла безпрекословно. Ни возраженія, ни косаго взгляда не видали у этой постоянно грустной женщины. Иванъ не зналъ, чѣмъ порадовать и какъ приласкать свою жену. Бывая иногда въ городѣ или сосѣднемъ селѣ, Иванъ привозилъ ей подарокъ, платокъ или четверку чаю. Дарочка, принимая это, конфузилась и всегда повторяла: «Зачѣмъ... не надо мнѣ. Я и такъ довольна!»

Добрые люди своимъ немудренымъ сердцемъ понимали скрытыя въ глубинѣ души страданія невѣстки. Ни разу не было произнесено имени того, кто былъ причиной этихъ страданій.

Digitized by Google

Старики вѣрили во время, этого лучшаго исцѣлителя всякихъ невзгодъ, и въ Бога, который проститъ и просвѣтитъ Дарочку радостью и любовью. Не то думалъ, вѣрнѣе чувствовалъ Иванъ, безъ ума любившій свою жену.

Когда родился сынъ и Дарочку не оставила ея тихая печаль, Иванъ пересталъ надѣяться, но сталъ еще съ бо́льшею нѣжностью и деликатностью относиться къ женѣ. Старики жалѣли Ивана, жалѣли Дарочку и страстно привязались къ внуку Ваняткѣ. Этотъ ребенокъ помирилъ ихъ съ неизмѣнно-грустнымъ настроеніемъ невѣстки. Звонкій смѣхъ и крикъ малютки властно нарушалъ грустную тишину въ ихъ домѣ. Бывало, старикъ подолгу сиживалъ, играючи съ внукомъ; старуха, подперши рукой щеку, смотрѣли слезящимися глазами на эту странную пару, а Дарочка, сидя за работой, вскидывала по временамъ своими большими сѣрыми глазами на сына и стариковъ. Иванъ работалъ, какъ волъ, и семья сравнительно жила безъ нужды. Хлѣба хотя не хватало до пасхи, но Иванъ хорошо зарабатывалъ возкой лѣса и держалъ въ порядкѣ скотину. Недоимокъ не было. Я познакомился съ этой семьей и особенно подружился со старикомъ Прохоромъ, который не разъ приходилъ ко мнѣ по праздникамъ чайничать. Старикъ не пилъ водки, а чаемъ побаловаться любилъ изрѣдка.

— Дивлюсь, братецъ,—говаривалъ, бывало, за десятой чашкой дѣдъ, — какія нонѣ времена! Мужики, что̀ побогаче, въ баре глядятъ, а вотъ ты, на-ка-сь, простымъ мужичьимъ дѣломъ займаешься. Живешь съ мужиками по душѣ... Чудно, братъ!—смѣялся довольнымъ смѣхомъ старикъ.

— Отчего же, дѣдушка, съ хорошими людьми не жить по душѣ. Вѣдь по душѣ-то лучше?!

— Знамо лучше. Чаво еще! По душѣ спокойнѣе... вѣрно, парень!

И лицо дѣда Прохора, потное отъ выпитаго во множествѣ чаю, свѣтилось радостью и довольствомъ.—Вотъ бѣда, что не со всякимъ по душѣ проживешь. Ты съ нимъ по душѣ, а онъ норовитъ тебя въ самую, что ни на есть, жилу... Вонъ въ Пригорахъ недавненько богатый мужикъ Ѳедоръ своево роднаго брательника загубилъ было... а за что?!. не слыхалъ?.. Совсѣмъ по пустому. Евойный братъ, ледащій гулевой мужичонка, може, съ пьяну, али съ дуру ѳедоровой земли малость запахалъ... Съ эстого озвѣрѣлъ Ѳедоръ, да дубиной рѣзанулъ по головѣ брата-то, тутъ же на пашнѣ, такъ что думали: Митрій Богу душу отдастъ. А запахалъ-то что̀? самую малость!.. Вотъ, парень хорошій, вотъ тебѣ и братья единоутробные, а душа-то гдѣ?!.

Digitized by Google

Я налилъ еще чашку совершенно свѣтлаго чаю.

— Будя, Семенычъ,—отказывался дѣдъ.

— Пей, пей, дѣдушка, хорошо горяченькаго-то...

Дѣдушка вышилъ, посмотрѣлъ на столъ и, взявъ два кусочка сахару, сказалъ:

— Возьму внучку, Семенычъ; можетъ, и невѣстка попьетъ чайку... сахару-то у ней нема...

— Возьми, возьми еще,—предлагалъ я; но дѣдушка отказался.—Хорошая у васъ баба, Дарочка,—прибавилъ я,—да больно серьезная.

— Чаво говорить?—оживился при этомъ дѣдъ.—Баба золотая... грѣхъ вотъ случился съ ней допрежде; Богъ, знать, не простилъ—душу на радость не просвѣтилъ... Слышалъ? руки на себя наложить хотѣла.

— Слышалъ я это! Жалко ее очень...

— Ошшо бы... какъ не жалко. Человѣкъ-то какой! Курицы не тронетъ, слова неласковаго не скажетъ. Только и норовитъ добро да ласку оказать... Поискать—не сыщешь такихъ бабъ... а вотъ за грѣхи терпитъ!..

«За грѣхи терпитъ», думалъ я: что это значитъ? Развѣ грѣхъ полюбить человѣка, полюбить такъ, чтобы забыть себя, свою родину, свои поля и небо?.. И вотъ случай не далъ развиться чудной, полной душевной красоты, дѣвушкѣ—въ величавый типъ русской женщины, выразительницы правды и здороваго народнаго чувства. Или ужь такъ сѣра и неприглядна русская жизнь, что только страданье, да невыразимая печаль составляютъ ея постоянный и неизмѣнный фонъ?

Когда передъ отъѣздомъ я прощался съ семьей Прохора и съ Дарочкой, то, шутя, сказалъ:—Да улыбнись же, Дарочка, нельзя вѣчно смотрѣть темной ночью!

Дарья улыбнулась. О, какъ свѣтло стало въ избѣ отъ этой улыбки. Просвѣтлѣли лица стариковъ и мужа. Ванятка крѣпко прижался къ матери своей бѣлокурой головой.

Всѣмъ стало хорошо отъ этой ясной, благодатной улыбки, которая не покидала меня всю дорогу въ туманное осеннее утро, когда я ѣхалъ въ тряской телѣгѣ на знакомую станцію.

Прошло немало времени. Словно въ калейдоскопѣ, смѣшались впечатлѣнія и люди. Но, бродя по захолустнымъ селамъ и деревнямъ, я все искалъ женщинъ, которыя тѣмъ или другимъ напомнили бы мнѣ грустный и поэтическій образъ Дарочки.

С. Васюковъ.

Digitized by Google

Послѣ боя.

Оконченъ бой... Солдатамъ—роздыхъ.
Кровавый день уходитъ прочь,
И трупы жертвъ хоронитъ ночь,
Насытивъ кровью свѣжій воздухъ.
Непримиримая вражда
Разсвѣта ждетъ и чутко дремлетъ,
И стонамъ смерть злорадно внемлетъ,
Неумолима, какъ всегда!
Безмолвно прячетъ мгла ночная
Въ поляхъ, гдѣ шелъ на брата братъ,
Убитыхъ жертвъ несчетный рядъ,
Собой живыхъ оберегая.
И лишь порой, какъ звонъ шмеля,
Нарушитъ тишь жужжанье пули...
Два вражьихъ лагеря уснули,
И стынутъ сонныя поля.
Кой-гдѣ, какъ искры звѣздъ во мракѣ,
Горятъ костровъ ночныхъ огни...
Предъ битвой молятся одни,
Другіе спятъ ужь на бивакѣ.
Недологъ отдыхъ ихъ ночной!
Слетятъ толпой воздушной тѣни...
Часы бѣгутъ быстрѣй мгновеній,
А на разсвѣтѣ грянетъ бой!
И духъ вражды и разрушенья
Взмахнетъ губительнымъ крыломъ
И сотни жертвъ смететъ кругомъ...
За чьи вины и прегрѣшенья?
И вотъ отточенную сталь,
Вонзенную рукой усталой,
Кровь обагритъ струею алой...
Ужели, ночь, тебѣ не жаль,

Digitized by Google

Не жаль людей, уснувшихъ сладко,
Смирившихъ вопль своихъ сердецъ:
«Чѣмъ разрѣшится, наконецъ,
Жизнь—эта странная загадка»?
Останови полетъ часовъ!
Заря близка... Ужь за горою
Слегка румянится зарею
Гряда волнистыхъ облаковъ...
Уходитъ ночь—напрасенъ зовъ!

Мих. Гербановскій.

Digitized by Google

УМИРАЮЩАЯ ТЕОРІЯ.

I.

Франція по прежнему продолжаетъ снабжать міръ,—вмѣстѣ съ кокетливымъ вздоромъ, составляющимъ главный предметъ ея промышленности,—модными теоріями литературы и искусствъ. Не всѣ онѣ, конечно, находятъ откликъ, но почти всѣ быстро пріобрѣтаютъ извѣстность. Изъ числа послѣднихъ литературныхъ доктринъ, самою замѣчательною является безспорно доктрина реализма, не сама по себѣ, а въ силу блестящаго таланта ея проповѣдника, автора безпримѣрнаго цикла романовъ подъ общимъ названіемъ: «Ругонъ-Маккаръ». Теорія реализма въ первоначальномъ видѣ собственно уже не существуетъ и ее можно было бы назвать не только умирающей, но и умершей. Трудно согласиться съ критиками, думающими, что отъ реализма не останется слѣда, что онъ—минутная вспышка, поддержанная силою единоличнаго таланта, и что здѣсь нѣтъ ничего опредѣленнаго и новаго. Понятіе о новомъ, вообще, понятіе крайне растяжимое, но вѣдь претензіи реализма и сущность его—не одно и то же. Максъ Нордау, о парадоксальной, но въ высшей степени интересной книгѣ котораго я буду еще имѣть случай поговорить, считаетъ самое слово: «реализмъ» безсмысленнымъ словомъ. Со взглядами этого оригинальнаго и умнаго критика не мѣшаетъ познакомиться подробнѣе. «Въ философіи,—говоритъ онъ,—подъ именемъ реализма извѣстна система, строющая свои положенія на основаніи дѣйствительности. Въ искусствѣ же и литературѣ понятіе это просто безсмысленно. Кабацкіе эстетики (Нордау не любитъ утруждать себя придумываніемъ пристойныхъ эпитетовъ) различающіе реализмъ и идеализмъ, говорятъ, что первый обнимаетъ собою стремленіе художника наблюдать жизнь и вѣрно ее воспроизводить. Но на худой конецъ такія задачи ставитъ себѣ всякій писатель. Сознательно никто не отступаетъ отъ истины; да еслибы кто и хотѣлъ это сдѣлать, то не могъ бы, такъ какъ послѣднее противорѣчило бы законамъ человѣческой мысли. Всякое представленіе

Digitized by Google

наше покоится на извѣстномъ наблюденіи, сдѣланномъ теперь или раньше, и если даже мы даемъ свободный полетъ фантазіи, въ основаніи ея все же будутъ лежать воспоминанія о прежнихъ наблюденіяхъ. Произведеніе оставляетъ въ насъ впечатлѣніе большей или меньшей правдивости не въ зависимости отъ эстетическаго наблюденія, но исключительно въ зависимости отъ своей талантливости. Настоящій поэтъ будетъ всегда правдивѣе, бездарный подражатель—никогда. Первый будетъ близокъ къ истинѣ даже тогда, когда, пренебрегая мелочами, онъ набрасываетъ общую картину; второй будетъ на фальшивомъ и ложномъ пути даже въ томъ случаѣ, если тщательно и заботливо занесетъ на свои страницы мелкія выраженія и микроскопическія подробности».

Такъ какъ источникомъ истинно художественнаго произведенія является эмоція, вызываемая фактами внѣшняго или внутренняго происхожденія, то совершенно ясно, что процессъ творчества будетъ оставаться одинаковымъ и тогда, когда писатель создаетъ «реалистическое» произведеніе, и когда онъ занятъ произведеніемъ «идеалистическимъ». Это сторона, касающаяся творческаго процесса. Что же касается самаго произведенія, то оно, по справедливому мнѣнію Нордау, «знакомитъ насъ только съ субъективнымъ міромъ его творца. Авторъ, сознательно или безсознательно, выдаетъ въ немъ свои мысли и чувства, раскрываетъ личныя впечатлѣнія, указываетъ, какія представленія наполняютъ его сознаніе».

Говорить о точномъ воспроизведеніи жизни врядъ ли возможно, да врядъ ли и нужно, чтобы искусство воспроизводило жизнь, какъ она есть. Ниже я остановлюсь на этой сторонѣ вопроса; теперь же прослѣдимъ воззрѣніе Нордау на реализмъ.

«Нѣкоторые возразятъ намъ,—продолжаетъ Нордау,—что такія чисто подражательныя искусства, какъ живопись и скульптура, будутъ уже безспорно точнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, собственно, реалистическимъ. Но это точно такое же глупое заблужденіе. Образованный художникъ никогда не будетъ покорно подчиняться явленію, но всегда выберетъ между многими одно и отразитъ въ немъ свои впечатлѣнія. Иначе оно и быть не можетъ. Если онъ что либо воспроизводитъ, значитъ это что-то въ настоящій моментъ заинтересовало его и нравится ему,—игра ли свѣта, извѣстное сочетаніе линій и пр. Онъ будетъ творить всегда согласно влеченію и выдѣлять все, что его поражаетъ; его произведеніе не будетъ, слѣдовательно, дѣйствительностью таковой, какъ она есть, а таковой, какъ она ему представляется: оно будетъ выразителемъ его эмоціи, а не стереотипомъ явленій. Только ремесленникъ можетъ работать, какъ фотографическая пластинка, подчиняясь зако-

Digitized by Google

намъ сочетанія свѣта и тѣней, относясь нечувствительно къ явленіямъ міра, не обнаруживая симпатій или антипатій. Такое жалкое существо никогда не проявило бы желанія стать художникомъ и только съ трудомъ могло бы преодолѣть даже чисто техническія трудности призванія. Но если слѣпое подражаніе дѣйствительности не имѣетъ силы въ примѣненіи къ живописи и скульптурѣ, тѣмъ дальше отстоитъ отъ требованій грубаго реализма литература. Въ концѣ концовъ, художникъ, рѣшившійся принизить себя и свое искусство, можетъ сокращать воздѣйствіе своей личности на художественное твореніе или, скорѣе, работу (такъ какъ объ искусствѣ здѣсь врядъ ли можетъ быть рѣчь) до минимума, едва замѣтнаго для глаза; въ состояніи превратить себя въ камеръ-обскуру, а свои впечатлѣнія въ механическія движенія, упразднить въ своей работѣ всякую мысль, всякое чувство. Его образы даны ему природой, это извѣстный оптическій кругъ. Если онъ не дѣлаетъ выбора, если онъ ничего своего не выражаетъ, не творитъ, ему все таки не закрыты пути къ воспроизведенію явленій, кидающихся въ глаза. Это будетъ, конечно, безсмысленнымъ и нелѣпымъ копированіемъ природы, гдѣ личность художника отражается только въ рамкахъ, содержаніе же картины находитъ свои границы не потому, что вдохновеніе художника изсякаетъ, но потому, что дальше его взоръ ничего не видитъ; но, не смотря на приниженную и жалкую роль художника, въ техническомъ смыслѣ передъ нами остается все таки картина; иначе говоря, на нее можно смотрѣть, ее можно прибить къ стѣнѣ. Писатель поставленъ совершенно въ другія условія. Природа не даетъ ему ничего въ готовомъ видѣ. Его матеріалы развиваются во времени, а не въ пространствѣ. Они не лежатъ въ опредѣленномъ порядкѣ, рядомъ, такъ, какъ ихъ видитъ глазъ и какъ онъ можетъ воспроизвести ихъ; напротивъ, явленія смѣняютъ одно другое, и самъ авторъ долженъ отмежевать имъ предѣльныя границы, рѣшить, гдѣ событія могутъ развиваться естественнымъ путемъ, гдѣ они начинаютъ пріобрѣтать интересъ для цѣлей его воспроизведенія и гдѣ они такой интересъ теряютъ. Онъ не можетъ начать разговора съ середины или оборвать его на серединѣ, какъ это сдѣлалъ Жанъ Беро на одной картинѣ: рама у него была заказана такого сорта, что колеса экипажа были перерѣзаны по самой серединѣ. Онъ не можетъ явиться фотографической пластинкой, безразличной къ законамъ и событіямъ міроздания. Онъ долженъ задержать русло жизни и направить ея теченіе. Но, при такихъ условіяхъ, онъ самъ и его личность выступаютъ на первый планъ: онъ ярко выдѣляется и знакомитъ насъ съ своими взглядами, съ своими воззрѣніями, съ своими чувствами. Если изъ

Digitized by Google

милліоновъ человѣческихъ существъ онъ останавливаетъ наше вниманіе на судьбѣ одного, значитъ этотъ одинъ, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, интересуетъ его больше, чѣмъ милліонъ другихъ. Если въ избранныхъ имъ лицахъ онъ сосредоточиваетъ силу творчества на отдѣльныхъ чертахъ, мысляхъ, рѣчахъ или поступкахъ, на одной милліонной части жизни того же существа, значитъ эти явленія показались ему болѣе значительными, заслуживающими болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ другія, такъ какъ, по его мнѣнію, они что-то доказываютъ, выражаютъ мысль не въ зависимости отъ дѣйствительности, а отъ того, что авторъ прочелъ или хотѣлъ бы прочесть въ ней. Его «реалистическое» произведеніе отражаетъ, такимъ образомъ, его идеи, его представленія о дѣйствительности, его интересъ къ ней, а не дѣйствительность саму по себѣ. Еслибы писатель хотѣлъ воспроизвести жизнь, какъ фонографъ, или съ фотографической вѣрностью, его произведеніе не было бы созданіемъ искусства,—даже съ чисто технической стороны,—настолько, насколько остается картиной простое фотографированіе природы; его созданіе не было бы книгой, а чѣмъ-то, не имѣющимъ никакой формы, никакого смысла, никакого имени; потому что жизнь одного человѣка въ теченіе одного дня можетъ послужить матеріаломъ для тысячи томовъ, если мы будемъ воспроизводить всякое его чувство, мысль, слово, дѣйствіе, безотносительно къ ихъ значенію, если мы не будемъ дѣлать никакой выборки. Между тѣмъ, послѣдняя говоритъ о «субъективности» писателя и противорѣчитъ, такимъ образомъ, законамъ чистаго «реализма».

«Реализму,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же критикъ,—приписываютъ еще особое качество: онъ знакомитъ насъ съ жизнью низшихъ общественныхъ слоевъ, съ будничной обстановкой, съ будничными заботами. Такимъ образомъ, произведенія, гдѣ фигурируютъ рабочіе, крестьяне, мѣщане и т. д., реалистичны; боги, герои и короли—опредѣляютъ характеръ идеалистическихъ художественныхъ созданій. О Людовикѣ XIV разсказываютъ, что, при видѣ крестьянской группы Теньера, которую тотъ позволилъ себѣ ему поднести, онъ не могъ сдержаться и у него вырвались презрительныя слова: «бросьте этихъ шутовъ». Онъ осуждалъ не методу искусства, но его олимпійскій взоръ былъ оскорбленъ низкимъ замысломъ художника, и такое опредѣленіе реализма отчасти понятно. Но я думаю, что нѣтъ надобности доказывать, какъ грубо такое опредѣленіе, какъ ничтожно оно съ философской и эстетической точки зрѣнія. Мы видѣли выше, что боговъ, героевъ и королей можно надѣлять самыми примитивными крестьянскими мыслями и чувствами (въ народныхъ сказкахъ); и, наоборотъ, есть множество произведеній, гдѣ

Digitized by Google

надъ героями изъ низшихъ классовъ царитъ сіяніе и рѣетъ незримый королевскій вѣнецъ. У Грегора Самарова дѣйствуютъ всегда императоры, короли, говорящіе при этомъ, какъ прикащики и винные комисіонеры. Въ разсказахъ изъ народной жизни Ауэрбаха мы видимъ крестьянъ съ благороднѣйшей душой и возвышеннѣйшими мыслями; по временамъ, это не крестьяне, а полубоги. Какъ тѣ, такъ и другіе одинаково далеки отъ истины, но въ одномъ случаѣ мы видимъ ремесленника, дѣлателя сенсаціонныхъ романовъ, въ другомъ—искренняго и сильно чувствующаго художника. Въ джорджъ-элліотовской «Мельницѣ на Флоссѣ» мы знакомимся съ работникомъ, крестьяниномъ Лукой, и дочерью мельника, Маргаритой. По величію характера и высокой нравственности, они украсили бы своими особами любой пантеонъ; въ теккереевской «Ярмаркѣ тщеславія» авторъ рекомендуетъ намъ родовитаго маркиза Стайна и графа Барекра, которымъ никакой порядочный человѣкъ никогда не подастъ руки; и тѣ, и другіе—одинаково точныя копіи жизни; только въ одномъ случаѣ художникъ исполненъ любви и состраданія къ ближнимъ, въ другомъ—виденъ холодный и озлобленный умъ. Кто же стоитъ на высшихъ ступеняхъ лѣстницы? Императоры и короли Самарова, или шварцвальдскіе крестьяне Ауэрбаха? Кто помѣстился у подножія лѣстницы, и какое изъ этихъ произведеній будетъ реалистическимъ и какое идеалистическимъ, если реалистъ долженъ исключительно заниматься низшими классами, идеалистъ же—избранниками и ихъ отношеніями? Такимъ образомъ, отыскать точный смыслъ словъ: «идеализмъ» и «реализмъ» нѣтъ возможности».

Нордау былъ бы правъ, еслибы можно было разсматривать вопросъ съ совершенно отвлеченной точки зрѣнія. Но такъ его разсматривать нельзя. Реализмъ, провозвѣстникомъ котораго явился Золя, прежде всего имѣлъ цѣлью создать противовѣсъ романтическому направленію, полному условностей и одряхлѣвшему не хуже лже-классицизма, съ которымъ онъ еще сравнительно недавно велъ борьбу. Здѣсь тезисы, выставленные Золя, имѣютъ опредѣленный смыслъ. Эдуардъ Родъ, — критикъ менѣе блестящій, чѣмъ Нордау,—вполнѣ вѣрно, однако, указываетъ обстоятельства, сопровождавшія нарожденіе реализма и въ значительной мѣрѣ вызвавшія его къ жизни. Въ то время увлекались наукою и фактами — натурализмъ давалъ факты и дѣлалъ видъ, что подъ нимъ—научная почва. Но это, конечно, не главное; главное то, что реализмъ основывалъ свое существованіе на заманчивыхъ и далеко не безразличныхъ для культурнаго общества обѣтахъ. Онъ не хотѣлъ считаться съ условностями, хотѣлъ брать жизнь такъ, какъ она есть. Въ произведеніяхъ романтиковъ (о лже-

Digitized by Google

классикахъ и говорить нечего) люди являлись разряженными въ парадные мундиры. Даже злодѣи и вообще отрицательные типы показывали себя, какъ надлежитъ показывать въ свѣтѣ. Интимная жизнь прибиралась и подчищалась, для того чтобы посторонній глазъ могъ разсматривать ее, не шокируя и не шокируясь. Реализмъ отвергъ ненужную застѣнчивость и покончилъ съ лицемѣріемъ. Другой вопросъ, конечно, *какъ* онъ это сдѣлалъ.

Основателемъ реалистической школы считается Золя. Поэтому дальнѣйшее развитіе теоріи мы будемъ слѣдить уже въ связи съ дѣятельностью названнаго романиста.

Французская литература никогда не страдала излишней щепетильностью и любовная интрига уже давно разработывается въ ней болѣе или менѣе откровеннымъ образомъ. Въ романахъ Жоржъ-Зандъ мало пищи для смиренномудрія; Бальзакъ и Флоберъ достаточно реалистичны въ изложеніи любовныхъ отношеній между женщиной и мужчиной. Если Золя ухитрился возмутить своимъ цинизмомъ даже французскую публику, то, стало быть, тутъ нужно искать особыхъ причинъ, лежащихъ гораздо глубже, чѣмъ стыдливость читающей толпы.

Съ этого пункта мы и начнемъ.

II.

Я напомню читателю нѣсколько сценъ изъ нѣсколькихъ романовъ Золя.

Молодая дѣвушка купается вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ; она въ него влюблена... На ней разорвался костюмъ. Стыдъ и страсть смѣшиваются въ мучительное чувство, которое еще усиливается наивною заботливостью юноши, не понимающаго, въ чемъ дѣло... Золя подробно останавливается на эпизодѣ, который исключилъ бы всякую возможность долгихъ разговоровъ, еслибы юноша былъ сообразительнѣе.

Вторую сцену достаточно намѣтить пунктиромъ. Молодой человѣкъ, пылая страстью къ молодой дѣвушкѣ, даетъ волю охватившему его порыву. Дѣвушка сопротивляется... Въ разгарѣ борьбы, на порогѣ комнаты показывается другая молодая дѣвушка, также влюбленная въ молодаго человѣка.

Вы понимаете, какія овладѣваютъ ею чувства.

Третья сцена изъ романа L'Assommoir. Жена, брезгливо подбирая юбку, проходитъ мимо «шумно переваривающаго хмѣль», окруженнаго изверженіями, мужа, въ комнату человѣка, который сейчасъ станетъ ея любовникомъ.

Digitized by Google

Четвертая сцена или вовсе неизвѣстна русскому читателю, или извѣстна въ самыхъ общихъ чертахъ. Содержатель накрываетъ на мѣстѣ преступленія содержанку, въ то время какъ она предается противоестественному наслажденію съ любовникомъ. Подробности, сопровождающія сцену «накрытія», изумительны, безпримѣрны. Въ міровой литературѣ не существуетъ страницы, основанной на болѣе грязной, болѣе скотской психологіи!

Пятую сцену я взялъ бы изъ первой главы «La Terre». Романъ открывается любовной сценой между животными...

Нордау попросту считаетъ Золя половымъ психопатомъ, страдающимъ, вдобавокъ, манією сквернословія и «навозной рѣчью». Брюнетьеръ видитъ въ немъ «сознательную грязь мыслей». Родъ поясняетъ, что Золя преднамѣренно эксплуатируетъ низменнѣйшіе инстинкты толпы. Всѣ вмѣстѣ—отказываютъ ему въ искренности, которая, на мой взглядъ, несомнѣнно есть въ произведеніяхъ этого романиста. Вопросъ долженъ сводиться вотъ къ чему. Во-первыхъ, изъ какихъ источниковъ проистекаетъ порнографія Золя, и во-вторыхъ—есть ли надобность въ тѣхъ реалистическихъ подробностяхъ, которымъ онъ придаетъ первенствующее значеніе?

Первый вопросъ разрѣшается самимъ Золя, называющимъ свои романы то «экспериментальными», то «человѣческими документами». Онъ смотритъ на нихъ, какъ на матеріалы опредѣленнаго научнаго значенія. Въ этомъ, конечно, большая ошибка. Ученому позволительно касаться самыхъ сокровенныхъ предметовъ, называть по имени вещи, о которыхъ неприлично говорить ни въ одномъ культурномъ обществѣ. Цѣль ученаго ясна, его аудиторія также заранѣе извѣстна и ограничена. Правда, грязное любопытство забирается даже въ научный отдѣлъ библіотеки, но тамъ его ждетъ чаще всего разочарованіе. Или оно не знаетъ, за что именно взяться, или изложеніе слишкомъ сухо и спеціально, или, наконецъ, слишкомъ отвратителенъ, на взглядъ профана, предметъ изслѣдованія.

Съ романами дѣло обстоитъ иначе. Романы разсчитаны на большую публику и чѣмъ они *спеціальнѣе* касаются извѣстнаго предмета, тѣмъ ярче вспыхиваетъ и глубже насыщается любопытство. Самая манера излагать предметъ не имѣетъ ничего общаго съ научными пріемами, не говоря уже о цѣли, которую преслѣдуетъ ученый. Порнографическія сцены Золя ничего, въ научномъ смыслѣ, не разъясняютъ. Онѣ или разжигаютъ дурно направленное воображеніе, или оскорбляютъ чувство опрятности въ нравственно-дисциплинированномъ читателѣ. Совершенно понятно также, что ни одинъ ученый не признаетъ научнаго значенія за романомъ, будь онъ хоть трижды натуралистическій. Ученому нужны подлинные факты,

Digitized by Google

а не придуманные или записанные романистомъ. Воображаю, какими насмѣшками встрѣтили бы сами натуралисты профессора физіологіи, который пришелъ бы поучиться у нихъ!

Второй вопросъ нѣсколько сложнѣе. Золя не видитъ ничего зазорнаго въ изображеніи отталкивающихъ насъ сценъ, потому что онѣ жизненны, потому что любовныя отношенія и сношенія занимаютъ видное мѣсто въ жизни человѣка и, пожалуй, лучше всего характеризуютъ его озвѣрѣлую или культурную натуру. Но здѣсь, мнѣ кажется, онъ и впадаетъ въ ошибку. Важенъ не финалъ, слишкомъ извѣстный и слишкомъ интимный по своему существу,— важенъ путь къ финалу, важны перипетіи чувства, а не его физіологическое разрѣшеніе. Допустимъ, что чувство низменно, что перипетіи его отвратительны. Романистъ имѣетъ всѣ права касаться ихъ, ибо романы пишутся не для подростковъ и малолѣтнихъ. Но ничѣмъ, кромѣ страннаго заблужденія или психической ненормальности, нельзя объяснить склонность романиста къ изображенію грязныхъ подробностей во всемъ ихъ отвратительномъ разнообразіи. Кому онѣ нужны, чему онѣ могутъ научить, если не имѣть въ виду практики разврата?

Неудержимое влеченіе Золя къ порнографіи отмѣчено многими критиками. Нордау считаетъ его «вырождающимся» высшаго порядка. «Спутанность мысли,—говоритъ онъ,—сказывающаяся во всѣхъ теоретическихъ произведеніяхъ Золя, въ придуманномъ имъ словѣ «натурализмъ», въ его представленіяхъ объ экспериментальномъ романѣ, въ его инстинктивной склонности къ изображенію душевно-ненормальныхъ людей,—продажныхъ, павшихъ женщинъ, преступниковъ и идіотовъ;—его антропоморфизмъ и символизмъ, его пессимизмъ и любовь къ омерзительнымъ словамъ и воровскому жаргону краснорѣчиво говоритъ намъ, что Золя—вырождающійся высшаго порядка. Кромѣ того, имѣются и другія характерныя особенности, окончательно дополняющія діагнозъ. Что онъ половой психопатъ, объ этомъ говоритъ каждая страница его романовъ. Онъ купается въ низменныхъ половыхъ чувствахъ и вплетаетъ ихъ безъ всякой надобности во всѣ эпизоды своихъ романовъ. Грязные, противоестественные образы, животные инстинкты наполняютъ его мозгъ; онъ не довольствуется людьми, онъ спариваетъ даже животныхъ. Особенно возбуждаетъ его женское бѣлье. Онъ не можетъ говорить о немъ безъ того, чтобы не выдать своей похоти. Возьмемъ для примѣра нѣсколько отрывковъ. Ихъ число можно было бы, конечно, удвоить и утроить: «все это раскинутое измятое бѣлье напоминало о цѣломъ племени женщинъ, вытянувшихся въ порывѣ сладострастнаго возбужденія». «Это былъ рядъ безголо-

Digitized by Google

выхъ куколъ безъ костей, съ одними туловищами и бюстами, завернутыми въ шолковую матерію; тутъ лежали матинэ, шлафроки, полотна, кружева, бѣлье, тонкія и гладкія сукна. Здѣсь чувствовалось утреннее дыханіе ночной истомы. Среди подвѣнечныхъ нарядовъ былъ цѣлый ассортиментъ спальни, съ таинственной роскошью, складками, вышивками, кружевами и чувственными покрывалами». Дѣйствіе женскаго бѣлья на вырождающихся неизмѣнно связано съ половою психопатіей.

Любопытно также изслѣдованіе какого-то учителя гимназіи, давшаго себѣ трудъ собрать и сгруппировать всѣ отрывки изъ романовъ Золя, гдѣ говорится о запахѣ. Авторъ изслѣдованія доказываетъ, что «люди и дѣйствія ихъ представляются Золя не какъ нормальныя явленія, подчиненныя законамъ акустики и оптики, а исключительно какъ воспріятія обонянія. Въ «La faute de l'abbé Mouret», «Сержъ былъ лиліей, и его ароматъ приводилъ въ восторгъ учителей», отъ Нана «исходилъ запахъ жизни и женскаго могущества», отъ г-жи Кампардонъ («Pot bouille») «пахнетъ землей, сѣномъ, свѣжимъ воздухомъ и синимъ небомъ». Цитаты въ этомъ направленіи завели бы насъ слишкомъ далеко. Если мнѣніе автора книги: «Вырожденіе» можетъ казаться преувеличеннымъ и парадоксальнымъ, то во всякомъ случаѣ мнѣніе сторонниковъ Золя, оправдывающихъ его порнографію или обходящихъ эту сторону вопроса умышленнымъ молчаніемъ, уже окончательно далеко отъ истины.

Грязи безконечно много въ романахъ Золя. Грязью залиты не только цѣлыя главы; она составляетъ сущность большинства произведеній знаменитаго реалиста. Онъ считаетъ себя въ этомъ выше толпы и, дѣйствительно, порою схватываетъ физіономію массы мастерски. Но нельзя только издали любоваться этою толпою. Надо войти въ нее, познакомиться съ нею въ подробностяхъ, слѣдовательно, выдѣлить такъ называемыхъ героевъ. У Золя, конечно, нѣтъ героевъ въ буквальномъ смыслѣ слова, но безъ первостепенныхъ персонажей и онъ ничего не можетъ подѣлать. Отсюда начинаются серьезныя злоключенія Золя, приведшія къ краху проповѣдуемую имъ теорію. Чтобы писать романы спеціально изъ жизни толпы, надо имѣть массу фактическаго матеріала. Счастливая случайность ставитъ иногда романиста въ положеніе, которое даетъ ему возможность непосредственно ознакомиться съ жизнью низшихъ и среднихъ классовъ во всемъ ихъ разнообразіи. Если же этой случайности нѣтъ, тогда романисту приходится наверстывать нехватающій фактическій матеріалъ спеціальными наблюденіями, спеціальнымъ изученіемъ.

«Натуралистъ» думаетъ, что подобнаго рода изученія и наблю-

Digitized by Google

денія въ порядкѣ вещей. Надо ему, положимъ, ознакомиться съ бытомъ горнорабочихъ. Онъ пріѣдетъ на заводъ, поселится тамъ, станетъ каждый день ходить вмѣстѣ съ рабочими на работу, посмотритъ, какъ они дѣйствуютъ и какими инструментами; послушаетъ ихъ разговоры, узнаетъ, нѣтъ ли между ними какого нибудь спеціальнаго горнозаводскаго броженія, какъ они любятъ и ненавидятъ, сколько заработываютъ въ день или недѣлю, какъ живутъ, какъ пьютъ и ѣдятъ, какъ справляютъ свадьбы и обряжаютъ покойниковъ и т. д. Если присоединить къ этому внимательное штудированіе соотвѣтствующихъ книгъ, то задача можетъ быть признана выполненной удовлетворительно и даже превосходно.

Собравъ указаннымъ образомъ матеріалъ, «натуралистъ» приступаетъ къ работѣ. Получается романъ, приводящій въ восторгъ присяжныхъ почитателей и оставляющій равнодушной нелицепріятную публику. Въ чемъ же секретъ этого равнодушія? Не вѣрны подробности, не правдоподобны типы, не естественны отношенія? Да вѣдь все почти цѣликомъ списано съ натуры; откуда же неправдоподобность и неестественность?

Недоумѣніе автора никогда не разрѣшится, если онъ не подвергнетъ сомнѣнію усвоеннаго имъ метода. Методъ невѣренъ, оттого и работа производитъ впечатлѣніе чего-то дѣланнаго, ненормальнаго.

Въ романахъ Золя ненормальнымъ кажется обиліе грязи. Я убѣжденъ, что каждую грязную сцену Золя можетъ «доказать», что грязь-то именно прежде всего и бросилась ему въ глаза и каждому прежде всего въ глаза бросится. Но это нисколько не спасаетъ дѣла. Въ качествѣ натуралиста, Золя долженъ знать, что грязное и уродливое скорѣе всего бросается въ глаза наблюдателю. Возьмите супружескую пару, которая живетъ среди ежедневныхъ скандаловъ и безобразій. Отвратительная видимость такого сожительства будетъ черезъ два дня очевидной каждому дворнику и каждой кухаркѣ. И каждый дворникъ, и каждая кухарка станутъ говорить, что супружеская пара—пара безобразная, что ея жизнь не представляетъ ничего привлекательнаго. Подите, докапывайтесь, не скрывается ли за безобразною внѣшностью болѣе или менѣе доброкачественное содержаніе.

Теперь возьмите супружескую пару, живущую мирно и тихо. О ней никто не говоритъ и никто ничего не знаетъ. Какую тайну скрываетъ семья? Тайну счастливаго супружества или безпрерывно развивающуюся, но искусно маскируемую драму? Чтобы составить вѣрное понятіе о той и другой семьѣ, необходимо имѣть съ ними болѣе или менѣе близкія сношенія. Только подобныя сношенія и открываютъ сущность человѣка. Изучающій толпу Золя находится

Digitized by Google

по отношенію къ ней въ положеніи сторонняго наблюдателя, который знаетъ въ тысячу разъ менѣе, чѣмъ не знаетъ. Просидѣвъ, напримѣръ, два-три мѣсяца на маленькой желѣзнодорожной станціи, онъ могъ, конечно, раздобыть свѣдѣнія о тѣхъ, кѣмъ интересовался. Но что это за свѣдѣнія? Или собственныя чисто внѣшнія наблюденія, или сплетни—обидный матеріалъ для творчества «ученаго» натуралиста.

Л. Толстой располагалъ не меньшимъ матеріаломъ, чѣмъ имѣвшійся и имѣющійся въ распоряженіи Золя. Но посмотрите, какимъ путемъ достался этотъ матеріалъ нашему великому романисту. Чтобы узнать русскаго солдата, Толстой не забирался, по протекціи, въ казармы и не сидѣлъ контробандой подъ солдатскими нарами. Онъ былъ на военной службѣ въ качествѣ офицера и сталкивался съ солдатами не потому, что ему надо было узнать ихъ для будущихъ беллетристическихъ произведеній, а потому что офицеръ находится въ непрерывномъ общеніи съ солдатами, и если онъ ихъ не знаетъ, то никуда не годится. Для изученія особенностей русскаго мужика, Толстой также не ѣздилъ на три, на четыре недѣли въ ближайшую подгородную деревню. Съ мужикомъ у него имѣлись «дѣла»; и раньше, чѣмъ Толстой спросилъ себя: «а что, знаю ли я мужика»? онъ уже зналъ его вдоль и поперекъ, зналъ до самой «подоплеки». Объ изученіи свѣта и людей болѣе или менѣе культурныхъ слоевъ общества нечего и говорить. Ихъ-то, пожалуй, и Золя изучаетъ непосредственно.

Изъ этой параллели, кажется, ясно видна выгода положенія Толстаго по сравненію съ положеніемъ Золя. Оттого и романы Толстаго оказываютъ на читателя иное дѣйствіе, чѣмъ романы Золя. Въ нихъ чувствуется біеніе настоящей жизни, а не придуманной на основаніи «теоріи» и воспроизведенной по матеріаламъ, собраннымъ репортерскимъ способомъ.

Выше я сказалъ, что ни Золя, ни одинъ изъ его послѣдователей не поймутъ, въ чемъ дѣло, если не коснутся именно самой теоріи. У художника не должно существовать предвзятости. Между тѣмъ, Золя полонъ самой мертвящей предвзятости. Я понимаю, отчего онъ копается въ грязи и заливаетъ ею страницы цѣлыхъ романовъ. Грязь—единственный надежный цементъ, которымъ онъ можетъ связывать свои унылыя, искусственныя наблюденія. Откажись Золя отъ пристрастія къ грязи, и его завтра же многіе перестанутъ читать: до такой степени скученъ и безцвѣтенъ покажется имъ этотъ «натуралистъ», оторванный отъ сорной кучи.

Попытка «очиститься» была сдѣлана Золя въ романѣ «Le Rêve», и даже друзья его признали этотъ романъ наиболѣе скучнымъ и

Digitized by Google

наименѣе удачнымъ. Положить перо и отказаться отъ удовольствія шумѣть разъ или два въ годъ—такая жертва, которой мы не имѣемъ права требовать отъ человѣка. А Золя именно долженъ былъ бы принести ее, еслибы послушался критиковъ, возстающихъ противъ порнографіи.

III.

Въ качествѣ «научнаго» романиста, Золя рѣшилъ, что лучшаго ничего и придумать нельзя, какъ прослѣдить въ рядѣ романовъ дѣйствіе законовъ наслѣдственности, указывая преемственность передачи преступныхъ и порочныхъ наклонностей и наблюдая вліяніе на человѣка окружающей его среды. Этотъ замыселъ онъ и осуществилъ въ циклѣ романовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Ругонъ-Маккаръ».

Идею Золя никакъ нельзя назвать счастливой. Законы наслѣдственности не являются непреложными законами, за которые наука могла бы ручаться категорически. Они также далеко еще не выясненные законы и руководствоваться ими вообще нужно съ большою осторожностью. Этого общаго положенія, извѣстнаго каждому образованному человѣку, совершенно достаточно для того, чтобы удержать беллетриста отъ нелѣпой затѣи, основанной на теоріи, недостаточно извѣстной самимъ ученымъ, вызывающей тысячи сомнѣній и возраженій.

Золя, однако, съ изумительной самонадѣянностью, отвергъ доводы здраваго смысла и принялся осуществлять грандіозное, но мало осмысленное предпріятіе.

Дѣло не ограничилось нелѣпостью основной идеи. Золя своимъ цикломъ прибѣгъ къ фокусу, который во всякомъ случаѣ наводитъ на невыгодныя для него размышленія. Въ этомъ фортелѣ его безпощадно уличаетъ Нордау, коснувшись предварительно намѣреній, преслѣдуемыхъ романистомъ. «Золя, — пишетъ онъ, — называетъ свои романы соціальной и естественной исторіей одной семьи во время второй имперіи. Такимъ образомъ, онъ желаетъ убѣдить насъ, что Ругонъ-Маккаръ — типичная картина французской городской жизни и что исторія этой семьи есть, въ то же время, и соціальная исторія Франціи эпохи Наполеона III. Онъ постоянно говоритъ о значеніи художественнаго произведенія; по его мнѣнію, романистъ «долженъ разсказывать только ежедневно наблюдаемую имъ жизнь». «Тринадцать лѣтъ назадъ—пишетъ авторъ «Вырожденія»—я былъ самъ введенъ въ заблужденіе его болтовней и довѣрчиво принялъ его романы за матеріалъ для знакомства съ фран-

Digitized by Google

цузской жизнью. Теперь я понимаю лучше, въ чемъ суть. Исторія семьи и ея судьба, разсказанныя Золя на протяженіи двадцати объемистыхъ томовъ, стоятъ внѣ всякой нормальной ежедневной жизни и не имѣютъ никакого отношенія къ Франціи второй имперіи. Эта семья могла бы также свободно обитать въ Патагоніи и во времена тридцатилѣтней войны. Онъ, такъ зло издѣвающійся надъ «идеалистами», какъ надъ творцами исключеній и фантазій, избралъ для своихъ произведеній невѣроятный случай, группу вырождающихся и помѣшанныхъ преступниковъ, проститутокъ и маттоидовъ, стоящихъ, какъ больные, внѣ обычныхъ нормъ жизни, не принадлежащихъ къ здоровымъ общественнымъ слоямъ, находящихся въ вѣчной борьбѣ съ обществомъ, извергнутыхъ изъ его рядовъ, чуждыхъ всему міру и всѣмъ людямъ; его герои не члены культурнаго современнаго общества, а орда дикихъ первобытныхъ людей отдаленныхъ вѣковъ. Золя утверждаетъ, что даетъ намъ точное представленіе о жизни, на основаніи наблюденій. Въ дѣйствительности, онъ ничего не видалъ, не наблюдалъ, и всѣ мысли, всѣ черты, всѣ сюжеты и образы почерпнуты имъ изъ литературнаго документа, совершенно упущеннаго изъ виду критиками, не имѣющими понятія о трудахъ психіатріи. Есть во Франціи семья Керонгаль, ведущая свой родъ изъ С.-Бріена въ Бретани, и ея исторію разсказываютъ намъ подробно, на протяженіи шестидесяти лѣтъ, скорбные листки лѣчебницъ для умалишенныхъ и обвинительные акты слѣдственныхъ камеръ. Въ двухъ поколѣніяхъ она дала семерыхъ убійцъ, девять представителей ея были осуждены за оскорбленіе нравственности (одна была содержательницей веселаго дома, другая проституткой, третья кровосмѣсительницей и поджигательницей и т. д.); были въ семьѣ также: одинъ художникъ, одинъ писатель, архитекторъ, артистка и одинъ композиторъ. Исторія семьи Керонгаль послужила для Золя сюжетомъ. То, чего не давала ему жизнь, онъ почерпнулъ въ полицейской и больничной хроникѣ; семья Керонгаль обезпечила ему богатый выборъ отвратительныхъ преступленій, паденій, влеченія къ искусству и безумія. Еслибы какой нибудь другой романистъ, закройщикъ низшаго разбора, напалъ на такой предметъ, онъ бы, вѣроятно, размѣнялъ его на мелочи. Золя же, съ его мощнымъ талантомъ и жестокою впечатлительностью, съумѣлъ придать ему особенно яркую и колоритную форму. Но сюжетъ онъ все таки заимствовалъ, какъ и романтики, изъ хроники исключительной семьи; только фантазія его разыгрывается не во дворцахъ, а въ тюрьмахъ, въ сумашедшихъ домахъ и клоакахъ; онъ также далеко ушелъ отъ дѣйствительности, но только внизъ, а не вверхъ. Если въ концѣ концовъ онъ даровитѣе авторовъ «Ринальдо-Ринальдини» или «Кровавыхъ

Digitized by Google

монахинь» и т. д., зато онъ не такъ честенъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, заявляютъ заранѣе, что будутъ разсказывать одни ужасы и удивительныя исторіи; онъ же выставляетъ всѣхъ своихъ больныхъ и преступниковъ плодами наблюденія, какъ нормальный, средній типъ французскаго общества».

Нордау, вообще любящій выражаться категорически, изложилъ первоначальное намѣреніе Золя нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Въ предисловіи къ «Ругонъ-Маккаръ» романистъ, дѣйствительно, ставитъ въ тѣсную связь исторію этой семьи и всего французскаго общества эпохи Наполеона III. Онъ даже намекаетъ, что исторія Ругонъ-Маккаръ будетъ одновременно и исторіею всего французскаго общества названной эпохи, но тутъ же дѣлаетъ двѣ оговорки—первую по отношенію къ Ругонамъ, отмѣченнымъ несовсѣмъ здоровыми страстями и обладающимъ невполнѣ нормальными темпераментами; вторую по отношенію къ эпохѣ, которая представляется ему странной и позорной.

Отъ внимательнаго читателя, конечно, не ускользаетъ сбивчивость предисловія. Для романиста безъ «научныхъ» претензій оно, пожалуй, еще удовлетворительно; но для творца экспериментальнаго романа неумѣніе или невозможность объяснить намѣченную задачу просто, ясно и безспорно, конечно, признакъ зловѣщій. Нордау толкуетъ эту задачу въ значительной степени произвольно; однако, съ подлиннымъ текстомъ предисловія въ рукахъ, вы его не опровергнете. Вы будете доказывать, что здѣсь что-то не такъ, что критикъ невполнѣ вѣрно понимаетъ автора, что Золя не обѣщалъ картины быта средняго, нормальнаго французскаго общества. Тогда отъ предисловія придется перейти къ самымъ романамъ и въ нихъ искать разрѣшенія сомнѣній. Врядъ ли новые, обширные документы, которые теперь окажутся въ распоряженіи защитника Золя, выяснятъ дѣло въ пользу послѣдняго. Намѣреніе охватить жизнь всего французскаго общества, а не одной только семьи Ругоновъ, у романиста безспорно было. Какъ онъ съ нимъ справился, мы отчасти знаемъ. Каждый романъ запечатлѣнъ новымъ ужасомъ, новымъ разоблаченіемъ отвратительныхъ сторонъ человѣческаго существованія. Герои Золя, подобно громадному большинству героевъ Достоевскаго, возбуждаютъ сомнѣніе въ нормальности ихъ психической дѣятельности. Банкиры и желѣзнодорожники, рабочіе и ученые, кокотки и честныя женщины переплетены между собою грязной интригой, и тутъ снова Золя пытается убѣдить читателя, что грязь жизни—единственное звено, связующее разнородные элементы общества. Нордау называетъ Золя антропоморфистомъ и видитъ подтвержденіе своей мысли въ склонности автора «Ругоновъ» страшно преувеличивать представ-

Digitized by Google

ленія о предметахъ, одухотворять ихъ вопреки представленію здоровому. Желѣзнодорожный поѣздъ кажется ему безумнымъ звѣремъ, полнымъ злой воли и губительныхъ намѣреній; модный магазинъ—сверхъестественнымъ чудовищемъ; дистилляторный апаратъ—символомъ дѣйствій героевъ; улицы Парижа—пѣснью Молоха и т. д., и т. д. Къ этимъ примѣрамъ, приведеннымъ Нордау, можно было бы присоединить еще десятокъ не менѣе яркихъ и характерныхъ. Въ нихъ нельзя видѣть проявленія здороваго художественнаго творчества, потому что такое одухотвореніе предметовъ, такой ужасъ передъ магазинами, дистилляторными аппаратами и паровозами поражаетъ не всѣхъ даже слабонервныхъ людей, а только людей съ исключительною, болѣзненно-развитою впечатлительностью. Странно чувствовать безсиліе и страхъ, разглядывая машину, созданную руками человѣка. Она можетъ внушать чувство осторожности и осмотрительности, но ужасъ способенъ возникнуть только въ некультурномъ или поврежденномъ умѣ. Изобрѣтатель пароваго двигателя былъ такой же человѣкъ, какъ и мы. Его изобрѣтеніе свидѣтельствуетъ о побѣдѣ человѣка, а не о пораженіи.

Еще болѣе страннымъ кажется олицетвореніе столичныхъ улицъ въ образѣ Молоха. Атмосфера улицъ, если позволительно такъ выразиться, чисто призрачная. Она находится въ зависимости отъ настроенія человѣка и, конечно, нашъ Невскій проспектъ, напримѣръ, иначе вліяетъ на впечатлительность спѣшащаго по дѣламъ, чѣмъ на впечатлительность совершающаго прогулку или вышедшаго на улицу «подъ вечеръ осенью ненастной»—съ очень опредѣленными цѣлями. Опустить въ безсиліи руки и затрепетать отъ ужаса можно передъ каждымъ грандіознымъ сооруженіемъ—не только передъ «страшнымъ» паровозомъ. Но римскій Колизей или Страсбургскій соборъ прежде приводятъ сотни тысячъ и милліоны зрителей въ восторгъ, и уже потомъ одного разслабленнаго—въ ужасъ.

Я не психіатръ и критика «діагноза» Нордау въ отношеніи Золя мнѣ недоступна, но, кажется, на этотъ разъ онъ не ошибается, видя въ антропоморфизмѣ Золя явленіе ненормальное. Но не слѣдуетъ ли видѣть здѣсь также и прирожденной грубости фантазіи, которая во всемъ и всегда спекулируетъ на ужасъ—самый лубочный и аляповатый.

Я помню глубокое разочарованіе, которое испыталъ по прочтеніи «La bête humaine». Человѣкъ-звѣрь мнѣ представлялся въ иныхъ, болѣе тонкихъ и осмысленныхъ, очертаніяхъ. Золя желаетъ показать въ человѣкѣ подлиннаго звѣря, такого звѣря, который легко доходитъ до варварскаго преступленія, который отвратителенъ въ чувствѣ ревности и безстыденъ въ желаніяхъ. Мало того, онъ хочетъ

Digitized by Google

показать въ человѣкѣ прямую жажду убійства и сладострастіе, испытываемое имъ при этомъ. Исключительность задачи романиста ясна каждому. Борьба добрыхъ и злыхъ началъ, послужившая темой безчисленныхъ художественныхъ произведеній, могла бы въ «человѣкѣ-звѣрѣ» пріобрѣсти новую окраску, выясниться новою стороною. Но для этого было необходимо, чтобы авторъ не имѣлъ въ виду исключительныхъ типовъ и исключительныхъ проявленій звѣрства. Не надо доказывать, кого больше—убійцъ или людей, доживающихъ вѣкъ безъ всякихъ кровопролитій, одержимыхъ ли маніей убійства, или случайныхъ преступниковъ, дѣйствующихъ ножемъ не въ силу безотчетнаго влеченія къ нему. Софизмъ героя «La bête humaine» скорѣе способенъ интересовать клинициста, нежели большую публику, и ближе относится къ вѣдѣнію психіатра, нежели романиста.

IV.

Мы подходимъ здѣсь къ вопросу, важному не только для французскихъ «натуралистовъ», но и для художественной литературы вообще. Смѣшиваются, повидимому, два понятія: понятіе о широтѣ творческаго замысла и о широтѣ круга явленій, доступныхъ художнику. Говорятъ: отчего художникъ не долженъ касаться такихъ-то и такихъ-то явленій, отчего не уничтожить запретъ, наложенный лицемѣріемъ и стыдливостью дурнаго тона. Отчего, подобно врачу, романисту не влагать персты свои въ самыя гнойныя и ужасныя раны человѣчества?

Разницу между цѣлями и пріемами ученыхъ и между цѣлями и пріемами романистовъ мы уже видѣли. Стало быть, эта часть вопроса не нуждается во вторичномъ выясненіи, хотя изъ нея, въ значительной мѣрѣ, вытекаетъ разрѣшеніе остальныхъ частей.

Припомните дѣтскіе годы, когда вы возились съ латинской грамматикой—вначалѣ сокращенной, потомъ дополненной, потомъ еще дополненной и т. д., и т. д. Латинская грамматика изобилуетъ массою исключеній, которыя не только нужно добросовѣстно вызубрить, но такъ помѣстить въ сознаніи, чтобы они не затемняли общихъ правилъ, не мѣшали постигнуть нормальное строеніе языка. Можетъ быть, лично вамъ и удалась эта операція, но для громаднаго большинства исключенія были препятствіями, брать которыя приходилось съ колоссальнымъ трудомъ, за которыми все таки исчезала опредѣленность основныхъ грамматическихъ законовъ. Тутъ не безъ вины и составители учебниковъ: имъ въ голову не приходитъ, что обиліе неправильностей—явленіе ненормальное и

Digitized by Google

что безчисленныя исключенія весьма вѣроятно группируются въ особыя правила, такія ясныя и простыя, какъ и признанныя уже филологическимъ кодексомъ. Но даже отбросимъ эту подробность, такъ какъ она во всякомъ случаѣ касается учителей, а не учениковъ, составляетъ работу первыхъ, а не послѣднихъ.

Возиться съ исключеніями—не дѣло романистовъ. Когда они возятся съ исключеніями, путешествуютъ по терапевтическимъ больницамъ и домамъ для умалишенныхъ, они совершаютъ экскурсіи, результаты которыхъ сплошь и рядомъ отражаются самымъ тяжелымъ образомъ на сознаніи учениковъ-читателей. Я не говорю, что реалистъ не долженъ интересоваться исключеніями и заглядывать въ клиники. Наоборотъ, это можетъ быть даже необходимымъ, только въ другихъ цѣляхъ, чѣмъ, напримѣръ, указанныя Золя. Изучивъ типъ ненормальныхъ людей, романистъ не введетъ въ заблужденіе ни себя, ни читателя, когда ему придется встрѣтить такой типъ въ жизни. Онъ не станетъ выдавать его за типъ нормальный, а читатель и невѣжественная критика не будутъ дѣлать, на основаніи поступковъ сумашедшихъ, выводовъ, якобы полезныхъ и важныхъ для здоровыхъ людей. Исторія популярности Достоевскаго и его идей—самая замѣчательная, въ данномъ отношеніи, исторія. Я увѣренъ, что каждый, кто придалъ бы *должное* значеніе отзыву д-ра Чижа о большинствѣ героевъ автора «Братьевъ Карамазовыхъ», неминуемо отказался бы «учиться у него уму-разуму». Ранѣе онъ думалъ, что учится уму-разуму на примѣрѣ хотя нѣсколько (!) странныхъ, но нормальныхъ людей, и что самая странность ихъ объясняется своеобразностью пріемовъ, употребляемыхъ романистомъ-*психологомъ*. Имѣя въ рукахъ иное объясненіе «странности» героевъ Достоевскаго—нравственно помѣшанныхъ, идіотовъ, врожденныхъ преступниковъ, эпилептиковъ и алкоголиковъ—тотъ же читатель уму-разуму учиться у нихъ не станетъ, дастъ имъ аттестацію хоть и не научную, грубую, но зато безусловновѣрную.

Писатель, останавливающійся на исключеніяхъ, отходящій въ сторону отъ обыденной, нормальной жизни общества, только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ не нанести вреда этому обществу, читающему его. Полезнымъ же онъ никогда не будетъ. Такимъ образомъ, ограниченіе круга явленій, доступныхъ для романиста, должно быть признано вполнѣ желательнымъ, и на обязанности критика лежитъ неуклонно напоминать писателю, что онъ забрался въ неподлежащую сферу и что ему тамъ дѣлать нечего. Вопросъ здѣсь сводится въ сущности къ тому же, къ чему сводится вопросъ о тенденціозной беллетристикѣ. Только окончательно безнадежная голова не въ

Digitized by Google

состояніи понять, что придавать художественному произведенію публицистическій оттѣнокъ, когда тутъ же рядомъ дѣйствуетъ публицистика, нѣтъ ни малѣйшей надобности, что это значитъ погнаться за двумя зайцами и не настичь ни одного. Человѣческій трудъ, а въ томъ числѣ и трудъ художника, все болѣе и болѣе спеціализируется. Эклектики теперь смѣшны. Стремясь охватить *все*, искусство неминуемо теряетъ внутреннюю силу, заключающуюся не во всеобъемлющемъ внѣшнемъ захватѣ, а въ детальной разработкѣ избраннаго предмета (избраннаго, повторяю, изъ извѣстнаго ограниченнаго, а не безграничнаго круга явленій). Тутъ художнику предоставляется полный просторъ. Его произведеніе будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ глубже и подробнѣе оно исчерпываетъ предметъ. Это настолько просто и элементарно, что не нуждается въ доказательствахъ.

Исключительность Золя привела созданную имъ теорію къ полному банкротству. Онъ самъ уже начинаетъ открещиваться отъ нея, желая имѣть видъ сдавшагося, а не насильно взятаго въ плѣнъ. Нельзя спокойно относиться къ факту, что романистъ, начертавшій на своемъ знамени «дѣйствительность, какъ она есть», впалъ въ самую грубую исключительность и дальше, чѣмъ кто либо изъ его сверстниковъ, писателей другаго направленія, отошелъ отъ дѣйствительности. Черпать матеріалъ для изображенія болѣе или менѣе нормальныхъ людей и болѣе или менѣе нормальной среды изъ психіатрическихъ архивовъ и обвинительныхъ актовъ—по меньшей мѣрѣ странно. Какое бы объясненіе ни придумывали мы, оно все же будетъ клониться не въ пользу автора. Даже если предположить, что онъ самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ переработалъ эти необычные беллетристическіе матеріалы, воспользовавшись лишь «канвою наслѣдственности», то и тогда его работа должна быть признана—не говорю уже: дикой съ научной точки зрѣнія—но совершенно безполезной для искусства. Какъ обманулъ Золя читающую публику—объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ самого Нордау. Критикъ кается, что нѣсколько лѣтъ назадъ онъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе знаменитымъ «натуралистомъ» и серьезно вообразилъ, будто его уроды—настоящіе представители средняго, нормальнаго французскаго общества. Только прусскимъ равнодушіемъ къ судьбѣ «великаго народа» и можно объяснить этотъ курьезъ. На русскихъ читателей романы Золя всегда производили несовсѣмъ ладное впечатлѣніе и, конечно, мало кто думалъ, что герои автора «Ругонъ-Маккаровъ»,—типичные представители нормальнаго французскаго общества.

Было бы неестественно, еслибы, сосредоточивъ вниманіе на са-

Digitized by Google

мыхъ отталкивающихъ сторонахъ жизни, Золя сохранилъ свѣтлый взглядъ на міръ и не былъ проникнутъ самымъ мрачнымъ пессимизмомъ.

Указанія на пессимизмъ Золя и на характеръ этого пессимизма мы находимъ у Брюнетьера, въ его брошюрѣ объ источникахъ пессимизма. «По общему правилу и по природѣ вещей, — говоритъ почтенный критикъ,—если мы страдаемъ, то потому, что мы больны или, по крайней мѣрѣ, недомогаемъ, а если мы больны или недомогаемъ, то это просто значитъ, что къ намъ подкрадывается смерть... Я знаю, что бояться смерти — не казисто, но насъ интересуетъ дѣйствительность, а не казистость. Древніе, какъ извѣстно, боялись ее въ очень сильной степени,—мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что единственнымъ объектомъ ихъ нравственной философіи, какъ въ Индіи, такъ и въ Греціи, было освобожденіе человѣка отъ страха смерти. Таковъ, по крайней мѣрѣ, если я не ошибаюсь, смыслъ поэмы Лукреція; таковъ смыслъ похвалъ его тому греку, который первый—по его словамъ—осмѣлился поднять голову къ небу. Тотъ же Лукрецій очень ясно указываетъ намъ, какъ этотъ страхъ отравляетъ жизнь:

Omnia suffunaens mortis nigrore, neque ullam
Esse voluptatem liquidam puramque reliquit.

«Я вдумывался въ механизмъ этого процесса и вотъ что я нашелъ: замѣтили ли вы, что во время эпидеміи чумы или холеры, опустошающей городъ или мѣстность болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, непремѣнно кто нибудь стрѣляется или выбрасывается изъ окна, чтобы избавиться отъ опасности заразы? Нѣтъ, съ перваго взгляда, ничего глупѣе этого; но, подумавъ, вы согласитесь, что нѣтъ ничего и болѣе естественнаго. По той или другой причинѣ, эта смерть, которая грозитъ самоубійцѣ и которой онъ самъ ждетъ, внушаетъ ему непреодолимый ужасъ; онъ соглашается умереть, но только другимъ образомъ; до тѣхъ же поръ, пока у него хватитъ на это храбрости или рѣшимости, другая смерть, которой онъ боится, кладетъ свой отпечатокъ на всѣ его движенія. Просыпаясь, онъ говоритъ себѣ, что это, быть можетъ, его послѣдній день; обѣдая—боится, что это его послѣдній обѣдъ; работая надъ чѣмъ нибудь, думаетъ, что завтра же смерть сдѣлаетъ его трудъ совершенно безполезнымъ; предпринимая что нибудь—страшится не увидѣть исхода предпріятія; наконецъ, когда онъ засыпаетъ, тѣ же мысли примѣшиваются къ его снамъ. Подобнымъ же образомъ иные изъ нашихъ пессимистовъ не могутъ позабыться даже среди удовольствій, не могутъ не чувствовать кратковременности ихъ; призракъ смерти становится, такъ сказать, между ними

Digitized by Google

и наслажденіями; самыя живѣйшія наслажденія отравлены у нихъ мыслью о томъ, что они не вѣчны. Такое пагубное направленіе ума замѣтно уже отчасти во «Fleurs du Mal» Бодлера; а если вамъ желательно поискать его въ степени столь же интересной, какъ мало научной и философской, то прочтите романъ «Милый другъ»—Мопассана или «Радости бытія»—Золя».

Животный пессимизмъ Золя, проистекающій изъ страха смерти, ненасытнаго желанія наслаждаться благами жизни и ужаса передъ каждымъ сколько нибудь значительнымъ явленіемъ или предметомъ,—совершеннѣйшее выраженіе тѣхъ результатовъ, къ которымъ долженъ былъ привести «натурализмъ». Возвратившись немного назадъ, мы увидимъ, что въ моментъ объявленія войны романтизму Золя былъ не одинокъ. Вокругъ него группировались писатели далеко не ничтожные. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ Родъ. «Вначалѣ послѣдователей Золя было пятеро, все близкіе его пріятели. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ поставить Мопассана, который напечаталъ тогда лишь нѣсколько стихотвореній и которому впослѣдствіи суждено было сдѣлать такую блестящую, независимую литературную карьеру. Затѣмъ идетъ Гюисмансъ, написавшій два-три романа по натуралистическому рецепту и впавшій затѣмъ въ болѣзненный мистицизмъ. Далѣе—Генникъ, романтикъ до мозга костей, оставшійся романтикомъ и по формѣ, и по содержанію, не смотря на страстное желаніе не быть таковымъ. Далѣе—Сеардъ, отъ котораго ожидали многаго и который до сихъ поръ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Наконецъ, Поль Алексисъ, родомъ изъ Э (какъ и Золя), казавшійся уменьшеннымъ отраженіемъ своего знаменитаго земляка и, на мой взглядъ, единственный непоколебимый сторонникъ Золя».

Но уже вскорѣ начали обнаруживаться симптомы реакціи. «Инціатива ея,—продолжаетъ Родъ,—исходила отъ группы писателей, впослѣдствіи получившихъ названіе «психологовъ». Новый путь этимъ писателямъ указали недостатки все той же натуралистической школы. Замѣтивъ, что въ произведеніяхъ Золя характеры изображаются настолько же несовершенно, насколько совершенно изображаются нравы, бытъ,—«психологи» рѣшили заполнить пробѣлъ и, такъ сказать, реабилитировать романъ характеровъ. Первыя попытки въ новомъ направленіи (П. Буржэ и А. Пинара) успѣха не имѣли, но примѣръ уже былъ данъ». «Въ то время какъ «психологи» завладѣли романомъ, другіе писатели, порвавшіе связь съ натурализмомъ, проповѣдывали другую эстетику, впрочемъ, не весьма опредѣленнаго характера. Это были декаденты и символисты».

Золя быстро растерялъ послѣдователей и потокомъ реакціи ока-

Digitized by Google

зались охвачены всѣ болѣе или менѣе замѣтныя литературныя группы. Чтобы яснѣе понять смыслъ новаго движенія и его отношеніе къ реализму, обратимся къ свидѣтельству Рода, который, разумѣется, смотритъ на современную Францію иными глазами, нежели Нордау.

Родъ указываетъ на пробужденіе во французскомъ обществѣ интереса къ вопросамъ нравственности. «Романъ», — пишетъ критикъ «Revue bleue»,—до сихъ поръ остающійся кумиромъ толпы, измѣнилъ свои традиціи: вмѣсто того чтобы изображать порочную, дрянную посредственность, онъ изображаетъ героевъ выдающихся, внутренняя жизнь которыхъ интересна и глубока. Авторы, подобно ихъ героямъ, какъ будто живутъ въ другой атмосферѣ. Они отказались отъ принципа: искусства для искусства, они не проявляютъ болѣе «нечеловѣческой объективности», провозглашавшейся натуралистами. Ихъ сочиненія обнаруживаютъ постоянную заботу о добрыхъ чувствахъ, нѣжности, состраданіи. Прочтите, напримѣръ, П. Маргерита, нѣкогда дебютировавшаго сочиненіемъ объ уклоненіи отъ чувствительности, которое такъ обезцѣнивало литературу. Но развѣ учителя предшествовавшей школы не заплатили дани школѣ нарождающейся? Альфонсъ Додэ занятъ послѣдствіями развода. Что касается Золя, то со времени «Germinal» въ немъ обнаруживается чувство состраданія, пробивающееся сквозь преднамѣренный индиферентизмъ. Еще болѣе замѣтно присутствіе названнаго чувства въ романѣ «Débâcle». Французская критика старательно отмѣчаетъ и изслѣдуетъ новый переворотъ; не говоря уже о г. Брюнетьерѣ и Леметрѣ, даже вновь выступающая критика, какъ напримѣръ, критика газеты «Moniteur universel» и «Journal des débats», почти открыто примыкаетъ къ новому движенію. Правда, многіе дѣлаютъ это съ оговорками, съ снисходительною улыбкой, но тѣмъ не менѣе всѣ направляются по одному пути. Чтобы точно опредѣлить общій характеръ новаго движенія, я употребляю слово «идеализмъ». Противъ этого можно не безъ основанія спорить, но все таки я полагаю, что въ общемъ оно ближе всего характиризуетъ современную эпоху. Дѣло не въ словѣ, и еслибы предложили болѣе точное опредѣленіе, я бы охотно принялъ его. Несомнѣнно, что вслѣдъ за литературой, интересовавшейся исключительно фактами, явилась литература, интересующаяся и чувствами, и идеями, а вмѣсто того чтобы безучастно относиться къ прогрессу человѣчества, писатели стараются теперь содѣйствовать ему. Несомнѣнно также, что вслѣдъ за скептицизмомъ, такъ быстро пустившимъ корни въ предшествовавшемъ поколѣніи, является если не настоящая вѣра, то, по крайней мѣрѣ, жажда вѣры и добра. Все это симптомы, свидѣтельствую-

Digitized by Google

щіе о несомнѣнной реакціи. Они тѣмъ важнѣе, что соотвѣтствуютъ движенію въ массахъ, какъ нѣкогда соотвѣтствовало ему движеніе натурализма и позитивизма. Въ школѣ, въ обществѣ, въ войскѣ, говорятъ о національномъ возрожденіи. Національное возрожденіе— уже не слово, но фактъ. Страшный урокъ семидесятаго года приноситъ плоды. Франція поняла, что ее погубило сорокалѣтнее благополучіе іюльской монархіи и второй имперіи, — благополучіе, которое ослабляетъ волю и усыпляетъ душу. Франція отвергла отрицательную философію; она создала себѣ идеалъ (приходится употребить это старое слово, ибо оно означаетъ то, что должно означать въ данномъ случаѣ) и стремится къ нему по всѣмъ направленіямъ. Литература выражаетъ извѣстную часть этихъ стремленій. Трудно сказать въ настоящую минуту, насколько она ушла впередъ, но во всякомъ случаѣ литература находится въ полномъ согласіи со стремленіями общества. Эти стремленія она старается не только выразить, но и укрѣпить».

Что же осталось отъ «школы» Золя, когда всѣ болѣе или менѣе значительные писатели отступились отъ него? На это, со свойственной ему рѣзкостью, но далеко не безосновательно, отвѣчаетъ Нордау. При такомъ удобномъ случаѣ, онъ повторяетъ характеристику творческихъ пріемовъ романиста. «Эстетика Золя — говоритъ онъ—доступна каждому мошеннику, безчестящему своимъ грязнымъ прикосновеніемъ литературу. Ничего не говорящій уму и сердцу, чисто механическій разсказъ ни для кого не затруднителенъ. Грязнымъ распутствомъ и безстыдными ругательствами можетъ щеголять прислуга любаго публичнаго дома и даже дать Золя нѣсколько очковъ впередъ. Единственно, что можетъ затруднить подражателей, это фабула, содержанія. Но у Золя нѣтъ ни того, ни другаго. Онъ даже вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу отсутствіе художественной выдумки; онъ открываетъ новые эстетическіе горизонты: писатель не долженъ разсказывать. Правило превосходное съ точки зрѣнія пивныхъ завсегдатаевъ и для нихъ вполнѣ доступное. Такимъ путемъ всякій недостатокъ легко обратить въ достоинство. Они ничего не знаютъ, ничего не понимаютъ и, слѣдовательно, совершенно созрѣли для «обновленной лучшей литературы». Въ ихъ такъ называемыхъ «романахъ» нѣтъ ни людей, ни характеровъ, ни интриги, ни сюжета, но это-то и придаетъ имъ громадное значеніе и только жалкій филистеръ ничего этого не понимаетъ. Справедливость требуетъ сказать, что ученики Золя распадаются на двѣ группы. Одна культивируетъ главнымъ образомъ его пессимизмъ и получаетъ въ придатокъ, безъ всякаго энтузіазма и даже съ неудовольствіемъ, въ общемъ сверткѣ, и его грязь. Этотъ разрядъ подражателей состоитъ

Digitized by Google

изъ истеричныхъ и вырождающихся, по большей части людей искреннихъ, но, въ силу органическаго своего строенія, чувствующихъ только пессимистически; у Золя они открыли формулу искусства, вполнѣ отвѣчающую ихъ собственнымъ чувствамъ. Къ нимъ я причисляю драматурговъ парижскаго «Свободнаго театра» [1]) и итальянскихъ вергистовъ [2]). Натуралистическій театръ—самый неправдоподобный изъ видѣнныхъ до послѣдняго времени, болѣе неправдоподобный, чѣмъ оперетка и феерія. Онъ усердно насаждаетъ такъ называемыя «жалкія слова», выраженія, гдѣ дѣйствующія лица выкладываютъ всѣ свои чувства и мысли, не обращая вниманія на сущность, на первостепенное. Вергисты, насчитывающіе нѣсколько крупныхъ именъ, являются удивительнѣйшимъ и прискорбнѣйшимъ явленіемъ литературы. Можно понять пессимизмъ во Франціи, пережившей тяжелыя испытанія; можно понять его подъ сѣрымъ свинцовымъ небомъ Норвегіи, среди страдающихъ алкоголизмомъ и погруженныхъ въ мелочныя дрязги жителей маленькихъ сѣверныхъ городковъ. Эготизмъ при истощенности и пресыщенности парижанъ или на скандинавскомъ сѣверѣ является, въ свою очередь, протестомъ противъ, хотя и оправдываемыхъ цѣлью, но все таки желѣзныхъ путъ мрачной и убивающей всякую радость тѣла вѣковой моральной дисциплины. Но какъ могли увлечься этимъ теченіемъ подъ вѣчно голубымъ небомъ Италіи, подъ ея яркимъ солнцемъ, среди прекраснаго, жизнерадостнаго, вѣчно поющаго народа? какъ могъ возникнуть здѣсь систематическій пессимизмъ, какъ могли прійти итальянцы къ душевной болѣзни (мы не говоримъ объ отдѣльныхъ больныхъ, какъ Леопарди)? Въ ихъ странѣ еще не умерли воспоминанія о классическомъ мірѣ; у нихъ чернѣютъ храмы и площади древности и здоровое поколѣніе вынесло черезъ цѣлое столѣтіе право свободно высказываться въ искусствѣ и въ литературѣ. Если вергизмъ не заразительный примѣръ душевныхъ заболѣваній путемъ подражанія, то на итальянскую критику падаетъ обязанность объяснить такой парадоксъ въ исторіи цивилизаціи.

«Вторая группа послѣдователей состоитъ не изъ вырождающихся

---

[1]) Здѣсь Нордау, пожалуй, несовсѣмъ правъ. «Théâtre libre» — пробное поле для начинающихъ драматурговъ и артистовъ, которые расходятся отсюда по всѣмъ направленіямъ и примыкаютъ къ самымъ различнымъ литературнымъ и эстетическимъ школамъ. «Свободный театръ»—лишь до извѣстной степени гнѣздо «натуралистовъ». *Авт.*

[2]) Вергисты—реалистическая итальянская школа, имѣющая во главѣ Дж. Верга. Русскимъ читателямъ, изъ послѣдователей этой школы, наиболѣе извѣстны: Матильда Серао, Амичисъ, Франкони. До крайностей «золизма» они доходятъ не во всѣхъ произведеніяхъ и врядъ ли Нордау основательно мечетъ въ нихъ критическія молніи. *Авт.*

Digitized by Google

высшаго порядка, не изъ больныхъ, высказывающихся въ своихъ произведеніяхъ съ поразительнымъ иногда талантомъ, но изъ людей, напоминающихъ нравственно и умственно сутенеровъ; только вмѣсто профессіи ночныхъ птицъ они выбрали болѣе безопасную. до сихъ поръ пользовавшуюся особымъ уваженіемъ, сферу романа и драмы, сдѣлавшуюся доступной для нихъ. Благодаря теоріи натурализма, къ этой группѣ принадлежатъ парижскіе порнографы,— ихъ разсказы и театральныя пьесы, газеты, еженедѣльныя изданія могли бы дать постоянную работу полиціи нравовъ, — норвежскіе авторы грязныхъ романовъ и часть реалистовъ «молодой Германіи». Гнусная клика стоитъ собственно внѣ литературы. Это отбросы большихъ городовъ, бѣгущіе отъ труда, жаждущіе только легкаго заработка. Для нихъ нужны не больницы, а уложеніе о наказаніяхъ».

Приведенный отрывокъ требуетъ нѣкотораго поясненія. Во-первыхъ, изъ него нужно выдѣлить вергистовъ. Нордау напрасно рисуетъ бытъ Италіи радостными красками, представляетъ себѣ эту страну залитой довольствомъ, какъ солнцемъ, и наполненную веселыми пѣснями. Италія переживаетъ мучительную эпоху. Скверная и многочисленная администрація высасываетъ изъ населенія послѣдніе соки. Народъ обремененъ налогами, невѣжество его можетъ сравниться лишь съ невѣжествомъ нашего народа, который, однако, гораздо увѣреннѣе и быстрѣе идетъ «къ свѣту». Даже тѣмъ, кто слѣдитъ за жизнью Италіи по газетамъ, а не по произведеніямъ итальянскихъ романистовъ, вполнѣ ясно, что эта страна представляетъ благодатную почву для развитія пессимизма. Беззаботность Нордау, по отношенію тѣхъ фактовъ, которые или противорѣчатъ его теоріи, или безразличны съ его точки зрѣнія, порою изумительна. Такъ, онъ *забываетъ* упомянуть, что первая группа послѣдователей Золя принадлежитъ недавнему прошлому, а не настоящему. Нельзя не пожалѣть о подобной забывчивости, ибо очень важно, и для уясненія судьбы «реализма» во Франціи, и для характеристики современнаго направленія французской литературы, опредѣлить: *кто* остался вѣренъ знамени натурализма, на кого можетъ опереться Золя.

Что авторъ «Ругонъ-Маккаръ» не находитъ надежной опоры. видно изъ поворота, сдѣланнаго имъ два года назадъ. Еслибы ряды натуралистической дружины не порѣдѣли, еслибъ въ нихъ не остались одни калѣки, Золя попытался бы еще разъ поднять знамя возстанія. Хотя Родъ съ большою любезностью указываетъ на пробужденіе въ Золя чувства состраданія, однако это указаніе—одна любезность, не болѣе. Трудно переродиться, трудно перемѣнить первоначально избранный и почти до конца пройденный путь. Золя нѣтъ возврата и изъ его «рекогносцировокъ» ничего не выдетъ.

Digitized by Google

Итакъ, теорія натурализма умираетъ. Уцѣлѣетъ ли что нибудь отъ выработанныхъ ею пріемовъ? Не думаю, потому что главнѣйшіе пріемы, употребляемые Золя, успѣли достаточно зарекомендовать свою несостоятельность. Если ихъ не сразу поняли и осудили, то это нужно отнести на счетъ громаднаго таланта Золя, а не на счетъ вѣрности и оригинальности его пріемовъ.

Во всякомъ случаѣ, авторъ «Ругонъ-Маккаръ» сдѣлалъ поучительную попытку отбросить въ сторону всякіе идеалы, изгнать все значительное и «возвышенное» изъ искусства, и обратить романиста во фланера, странствующаго по улицамъ и вертепамъ съ якобы научной цѣлью. «Возвышенность»,—идеализмъ, какъ называетъ это Родъ,—стремленіе къ повышающимъ человѣка обобщеніямъ, какъ выразился бы я—присуще нашей натурѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ полагалъ Золя.

Главная его бѣда заключалась въ томъ, что, провозглашая первой и важнѣйшей задачей искусства изображеніе дѣйствительности, какъ она есть, онъ принялъ во вниманіе только внѣшность дѣйствительности. Это все равно,—позволю себѣ нѣсколько невѣроятный примѣръ,—еслибы устраивающій акваріумъ позаботился о водяныхъ растеніяхъ, раковинахъ, камешкахъ, туфѣ и т. д., и т. д., и, пустивъ въ акваріумъ рыбу, забылъ бы налить воды, «проглядѣлъ бы воду». Конечно, намъ оставалось бы смѣяться въ отвѣтъ на его жалобы. что рыба, пущенная въ акваріумъ безъ воды, издохла.

Теорія натурализма проглядѣла живую воду, которая изъ вѣка въ вѣкъ поила и будетъ поить человѣчество. Внѣшними условіями не исчерпывается жизнь человѣка; натурализмъ же останавливается лишь на внѣшнихъ условіяхъ.

Нужно ли удивляться, что онъ увялъ, давъ распуститься лишь своеобразному таланту Золя?

К. Медвѣдскій.

Digitized by Google

СВѢТЪ КЛИНОМЪ СОШЕЛСЯ.

повѣсть.

VI.

Проѣзжая большою дорогою въ степной мѣстности, путникъ встрѣчаетъ лишь изрѣдка сиротливо стоящее молодое деревцо и невольно задаетъ себѣ вопросъ, какъ устояло оно здѣсь, какъ уцѣлѣло и выросло, какъ не сломила его, зацѣпивъ колесомъ, проѣзжая телѣга пьянаго мужика, возвращающагося съ базара; какъ не срубилъ ее баринъ на замѣну оглобли тарантаса, случайно сломившейся въ дорогѣ; какъ не уничтожилъ его, скуки ради, какой нибудь бродяга-бездѣльникъ, шляющійся по свѣту... Дивится путникъ, и есть чему подивиться:—и впрямь, рѣдки они, эти не поломанныя среди большой дороги деревца!..

Всякій, кто барахтается въ жизненномъ омутѣ съ открытыми глазами и хочетъ видѣть, что вокругъ него творится, видѣлъ и знаетъ тѣхъ швеекъ, прачекъ, нянекъ, горничныхъ и продавщицъ изъ магазиновъ, что ведутъ честную трудовую жизнь лишь до пятнадцати, до шестнадцатилѣтняго возраста, затѣмъ превращаются въ несчастныя жертвы людской разнузданности, а въ то же время—и въ отвратительныя существа, позорящія имя женщины... Какъ бы скромна ни была такая дѣвушка, какъ бы ни былъ строгъ за ней надзоръ роднаго или близкаго глаза—она неминуемо гибнетъ: таково велѣніе судьбы... Нужда, ничтожное вознагражденіе за тяжелый трудъ, тягота безпросвѣтнаго существованія, жажда хотя кратковременной, но праздной и болѣе достаточной жизни и легкихъ наслажденій, дурной примѣръ и слабость воли:—все это, конечно, причины, толкающія ее на «дорогу обычную», но причины второстепенныя. Главная причина—это все таки *онъ*: шляющійся по свѣту бездѣльникъ-бродяга, безнаказанно творящій свои мерзости, это—отсутствіе въ законахъ узды на этого бродягу, это—равнодушіе, съ которымъ даже само общество смотритъ на бродягу и на дѣла его. А имя бродягамъ—легіонъ!.. Они вездѣ и всюду—среди дворянъ,

Digitized by Google

мѣщанъ, купцовъ, среди офицеровъ и чиновниковъ, сапожниковъ, актеровъ и писателей, среди великовозрастныхъ гимназистовъ, юнкеровъ и кадетъ. Какъ хищные коршуны, какъ хитрыя лисицы, они стерегутъ этихъ молодыхъ, неопытныхъ индюшекъ и, чуть тѣ оперятся,—какъ уже нападаютъ на нихъ или съ налета, или съ подходцами, и выхватываютъ изъ семьи честныхъ труженицъ.

Шесть лѣтъ назадъ, Сеня Легіоновъ разстался съ наивной и честной дѣвочкой:—всѣ знали ее тогда подъ именемъ швеи Оли; пять лѣтъ назадъ она была уже падшей женщиной, и всѣ стали звать ее: «голеновской Ольгой». Это унизительное прозвище она получила по фамиліи купца Голенова, состоятельнаго пожилаго вдовца, расположеніемъ котораго стала пользоваться съ тѣхъ поръ, какъ онъ воспользовался ея индюшечьею неопытностью. Какъ это случилось?.. Да какъ и все случается на свѣтѣ:—просто!.. Страшно, отвратительно, но просто.

Каждаго изъ насъ, въ извѣстный возрастъ, судьба беретъ въ свои руки—для однихъ мягкія и ласковыя; для другихъ—страшныя, и жестокія. И никто не угадаетъ впередъ:—будетъ ли ему судьба матерью, или мачихой. Вырваться изъ объятій судьбы невозможно, немыслимо. Такъ подошло и ольгино время. Судьба взялась за нее, но оказалась ей мачихой; она сдавила ее въ своихъ страшныхъ объятіяхъ, измяла, изуродовала,—словомъ, распорядилась ею такъ, какъ она можетъ распорядиться только нелюбимой падчерицей.

Голеновъ замѣтилъ Ольгу впервые все тамъ же,—на этомъ злосчастномъ ипатьевскомъ бульварѣ. Ему приглянулась ея свѣжесть и румяная, смазливая мордочка; онъ познакомился съ ней при посредствѣ болѣе опытныхъ подругъ ея—индюшекъ, ранѣе погубленныхъ уже другими ястребами,—и сталъ за нею ухаживать. Годъ въ модной мастерской для дѣвушки въ возрастѣ Ольги—дѣло не шуточное; теперь, на шестнадцатомъ году, Ольга была уже не тѣмъ, чѣмъ была на пятнадцатомъ, когда только что познакомилась съ Сеней Легіоновымъ. Тогда ее возмущало всякое заигрываніе со стороны мужчинъ; теперь ей уже льстило это ухаживаніе «именитаго» купца: она уже гордилась этимъ, была весела, довольна, даже кокетничала. Впрочемъ, все еще предполагая, что она «не изъ таковскихъ»,—какъ говорила когда-то Сенѣ,—она не сдавалась Голенову и на всѣ его упорныя приставанія отвѣчала постоянно все одной и тою же фразой: «а коли любите—женитесь». Обѣщаніе, данное Сенѣ—ждать его пять лѣтъ—черезъ полгода она уже забыла... Безъ сомнѣнія, Голеновъ и не воображалъ жениться на ней когда либо, но, раздраженный ея упорствомъ, онъ пошелъ на обманъ Онъ пообѣщалъ ей обвѣнчаться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ

Digitized by Google

того какъ выдастъ замужъ свою дочь-невѣсту, а пока, до поры до времени, упросилъ ее хранить въ безусловной тайнѣ рѣшенную между ними помолвку. Но съ этого времени онъ сталъ задаривать ее туалетными принадлежностями и дешевенькими золотыми вещицами. А гдѣ та дѣвушка, которой не любо глядѣть на себя, одѣтую во франтовскія обновки, не любо показать себя въ нихъ и людямъ?!. И Ольга рядилась и не видѣла худаго въ томъ, что щеголяетъ въ подаркахъ жениха, что принимаетъ отъ него эти подарки. Такъ прошло полгода. Дочь Голенова вышла замужъ, и развязка приближалась. Кстати подошелъ и тотъ отвратительный, разгульный и развратный праздникъ, когда пьяный угаръ будто виситъ надъ городами и деревнями матушки-Руси, а потому число преступленій, и тайныхъ и явныхъ, возрастаетъ до чудовищныхъ размѣровъ:—кстати наступила масляница. Въ воскресенье Голеновъ прислалъ Ольгѣ дешевый, но хорошенькій цыганскій костюмъ, маску и билетъ для входа въ маскарадъ общественнаго клуба; при этомъ онъ просилъ ее убѣдительно пріѣхать туда. Ольга сначала не рѣшалась. Она смутно чего-то побаивалась, хотя и не знала, чего именно. Но тѣ подруги-мастерицы, которыя познакомили ее съ Голеновымъ, ѣхали тоже въ маскарадъ; онѣ уговаривали ѣхать и ее, разсказывая такъ увлекательно о томъ весельѣ, что̀ ждетъ ихъ въ клубѣ; онѣ сами собирались туда съ такими оживленными счастливыми лицами, онѣ такъ тщательно причесывались и наряжались, что Ольга не выдержала. «Я только попробую нарядиться», подумала она, чуть ли не въ сотый разъ разглядывая во всѣхъ подробностяхъ свой костюмъ, и наконецъ—вырядилась. Но затѣмъ, разъ-другой повернувшись передъ зеркаломъ, она такъ понравилась самой себѣ, что теперь сразу рѣшила ѣхать въ маскарадъ, ѣхать во что бы то ни стало. Теперь, кажется, никакія силы не заставили бы ее отказаться отъ возможности пощеголять въ этомъ костюмѣ. Подруги завидовали ей и восхищались ея костюмомъ,—что же будетъ тамъ, въ клубѣ? И она поѣхала... Правда, лихорадочная дрожь трясла ее, пока она ѣхала до клуба; правда, ее не покидало новое жуткое ощущеніе, порою испытываемое одновременно съ захватывающею радостью и знакомое и актеру, впервые выходящему на сцену, и ребенку, отправляющемуся въ школу на первый экзаменъ, и юношѣ, ждущему милую на первомъ любовномъ свиданіи,—но все таки она ѣхала и пріѣхала въ ловушку, разставленную ей бродягой. Ни за что, ни за что не вернулась бы она теперь обратно, не сорвала бы съ себя и не бросила бы въ печку предательскія тряпки и не сѣла бы за иглу и за честную работу!..

Голеновъ, конечно, встрѣтилъ ее въ клубѣ, и теперь ему оста-

Digitized by Google

валось додѣлать немного. За ужиномъ она выпила шампанскаго больше, чѣмъ ея натура, совсѣмъ не привыкшая къ вину, могла вынести, а послѣ ужина онъ предложилъ ей выпить еще и ликеру, увѣряя, что это сладенькій, душистый сиропъ... Она чувствовала уже опьяненіе и отказывалась, онъ приводилъ ей въ примѣръ ея подругъ, ужинавшихъ за тѣмъ же столомъ и пившихъ ликеры безъ счету—рюмку за рюмкою; онъ поддразнивалъ ее, нашептывая, что, стало быть, она еще ребенокъ, что, значитъ, имъ еще рано вѣнчаться... И потому именно, что на самомъ дѣлѣ она была ребенкомъ, она желала доказать противное и, чтобы доказать, пила и этотъ сладенькій, душистый сиропъ... Опоенную, временно-отравленную и почти безчувственную Голеновъ отвезъ ее изъ клуба въ гостинницу.

Бульваръ, общественный клубъ и нумеръ скверной гостиницы:—вотъ неизмѣнныя декораціи, подъ прикрытіемъ которыхъ разыгрываются эти русскія драмы; вотъ канва, по которой сама жизнь рисуетъ свои надрывающія душу картины; вотъ паутина кровожадныхъ пауковъ, въ однообразную сѣтку которыхъ такъ и летятъ, такъ и летятъ эти глупыя ночныя бабочки!..

И какъ кончился маскарадъ въ общественномъ клубѣ, такъ кончился маскарадъ и въ ольгиной жизни... Наступила дѣйствительность... Хмѣль прошелъ,—наступило похмѣлье... «Сеня, Сеня, что я пережила на другой день!—воскликнула Ольга, разсказывая теперь свою повѣсть Легіонову. Она была блѣдна, губы ея дрожали, въ глазахъ стояли слезы, и она сидѣла уже, а не лежала на кровати. Положительно она переживала опять все однажды пережитое.—«Утромъ, вставъ и очнувшись, я бросилась на него, какъ раненый звѣрь! Я душила его своими слабыми руками, я била его, бранила всѣми обидными словами, которыя знала, проклинала его самого, его дѣтей, его покойную жену!.. Я была, какъ сумашедшая... Наскоро одѣлась я въ этотъ проклятый цыганскій костюмъ и накинула шубку. Онъ задумалъ остановить меня, уговорить, и взялъ за руку; но я укусила ему руку, вырвалась и убѣжала... Я побѣжала въ мастерскую къ Абрамовой... Помню, это былъ чистый понедѣльникъ—первый день великаго поста—и подруги, мастерицы, бывшія вчера со мною въ маскарадѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало, сидѣли уже за работой. Онѣ уже давно пережили то, что я переживала въ тотъ день, и давно успокоились. А я продолжала бѣсноваться и тутъ, въ мастерской. Я ругала и ихъ, и этихъ подругъ, продавшихъ меня Голенову;. при всѣхъ, при хозяйкѣ и при другихъ дѣвушкахъ, я плевала имъ въ лицо, рвала съ себя эти подлыя цыганскія тряпки, разрывала ихъ на мелкіе куски. Потомъ, одѣвшись въ свое обык-

Digitized by Google

новенное платье, я побѣжала къ отцу и разсказала ему все. Я бросилась ему въ ноги, молила простить меня и заступиться, просила жаловаться на Голенова... «Жаловаться?!.—крикнулъ онъ:—дура!.. На такого именитаго купца жаловаться?!. Онъ тебя безъ суда испортилъ, такъ хочешь, чтобы меня еще по суду въ бараній рогъ согнули»!.. И онъ назвалъ меня позорнымъ именемъ, оттолкнулъ ногою и выгналъ вонъ... Я побѣжала къ матери, кинулась ей въ ноги, но и мать отшвырнула меня!.. Она запретила мнѣ показываться ей на глаза до тѣхъ поръ, пока Голеновъ не женится на мнѣ или *хоть такъ* возьметъ меня къ себѣ! Тогда я бросилась къ рѣкѣ... Помню, пасха была тогда ранняя, и въ посту ѣздили еще по льду. Я нашла прорубь, стала на колѣни и молилась такъ, какъ ни прежде, ни послѣ, никогда уже не молилась... Я прочла сначала всѣ молитвы, которыя знала, но мнѣ хотѣлось молиться еще и еще... Я стала читать какія-то такія молитвы, которымъ меня никто не училъ, которыхъ я никогда не слыхала и въ церкви... Теперь я уже не могла бы вспомнить и сказать тѣ молитвы. Наконецъ, я перекрестилась и заглянула въ прорубь... Сеня! Вдругъ мнѣ стало до того холодно, и эта вода — темная-темная, студеная, гладкая и скользкая—показалась мнѣ до того страшной, что я убѣжала... Я не знала, куда бѣгу, даже не думала объ этомъ, я убѣгала только подальше отъ этой холодной, ужасной ямы!.. И прибѣжала я опять въ мастерскую, къ Абрамовой. Но теперь сама хозяйка встрѣтила меня на порогѣ и не впустила даже въ комнаты... Она тоже выгнала меня, тоже кинула мнѣ позорную кличку и объявила, что не желаетъ держать меня въ мастерской, потому что я—скандалистка!.. Я вышла опять на улицу. Хотѣла идти жаловаться на Голенова, но не знала, куда идти, не знала кому на это жалуются: губернатору, судьямъ или полиціи?.. А кромѣ того, мнѣ было стыдно разсказывать обо всемъ чужимъ людямъ. Вы, Сеня, первый, да, конечно, и послѣдній человѣкъ, которому я разсказываю все подробно. Вы поймете меня, не оттолкнете, какъ не оттолкнули бы меня и тогда. Да, еслибы вы были со мною тогда, ничего бы этого и не случилось! Охъ, Сеня,—глубоко вздохнувъ, продолжала она:—и хорошо, что я никуда не пошла! Отовсюду меня гнали теперь, отовсюду бы и выгнали. Не помню, поняла ли я это тогда же, только я не пошла жаловаться... Но мнѣ, положительно, некуда было дѣваться. На смерть... въ прорубь побоялась идти... И я пошла къ Голенову!..»

Она закрыла руками лицо и тихо заплакала. Слезы давно уже струились и по сенину лицу; но, видимо, онъ не замѣчалъ ихъ, не осушалъ и, сидя все на томъ же мѣстѣ, безъ движенія, какъ истуканъ, слушалъ эту повѣсть. Однако Ольга замолкла ненадолго:

Digitized by Google

напротивъ, она будто торопилась окончить скорѣе разсказъ. Вернувшись къ Голенову, она понемногу смирилась, а онъ, вѣроятно, и самъ того не ожидая, такъ увлекся ею, что и въ самомъ дѣлѣ взялъ ее къ себѣ... Онъ пристрастился къ ней такъ, какъ можетъ пристраститься къ хорошенькой, молоденькой женщинѣ сластолюбивый безнравственный старикъ:—онъ холилъ ее, баловалъ, задаривалъ платьями, вещами и деньгами; но зато ревновалъ, ревновалъ не только къ людямъ, но чуть ли не къ тѣмъ самымъ вещамъ, которыя дарилъ... Такъ прожили они около трехъ лѣтъ. Съ каждымъ днемъ онъ привязывался къ ней все сильнѣе и сильнѣе, и теперь, уже не шутя, собирался жениться на ней, заговаривалъ объ этомъ и съ нею. Но она знала и безъ того, что онъ молитъ Бога только о томъ, чтобы Господь закрѣпилъ за нимъ навсегда теперешнее счастье...

Итакъ, было время, когда судьба чрезъ Голенова жестоко обидѣла Ольгу; теперь, все еще не выпуская ее изъ своихъ ежевыхъ рукавицъ, она, въ то же время, будто желая отмстить за нее Голенову, посылала для того третьяго человѣка. Именно въ то время, когда и Голеновъ блаженствовалъ, да и Ольга покорилась обстоятельствамъ и жила сравнительно недурно, если не счастливо,—именно въ это время, въ концѣ третьяго года ихъ совмѣстной жизни, въ ипатьевскій театръ на роли первыхъ любовниковъ пріѣхалъ актеръ Налетовъ. Ольга и теперь еще увлекалась театромъ вообще и актерами—«настоящими», извѣстными актерами—въ особенности; но, съ тѣхъ поръ какъ она жила у Голенова и не стѣснялась въ средствахъ, она бывала въ театрѣ, конечно, не разъ въ годъ, а когда вздумается. Съ появленіемъ же Налетова, она стала бывать особенно часто. Налетовъ очень понравился ей съ перваго раза и нравился все сильнѣе и сильнѣе. Дѣйствительно, онъ былъ молодой, красивый и, если не особенно талантливый, то ловкій актеръ; по мнѣнію Ольги, онъ игралъ очень хорошо, во всякомъ случаѣ, игралъ лучше всѣхъ тѣхъ актеровъ, игру которыхъ ей, не выѣзжавшей никогда изъ Ипатьевска, приходилось видѣть до сихъ поръ. Наконецъ, она влюбилась въ него. Онъ узналъ объ этомъ черезъ одну добродѣтельную пожилую женщину, заплатилъ этой женщинѣ, и та познакомила его съ Ольгой въ церкви, во время всенощной. Во второй разъ они видѣлись тоже вечеромъ, но уже на бульварѣ, а въ третій разъ—на квартирѣ Налетова... Тутъ же, до конца театральнаго сезона этого года, происходили и ихъ дальнѣйшія тайныя свиданія. За это время Налетовъ уговорилъ ее бѣжать съ нимъ изъ Ипатьевска и, по окончаніи сезона, въ день его отъѣзда въ Москву, Ольга захватила съ собою всѣ драгоцѣнности,

Digitized by Google

подаренныя ей Голеновымъ, и шесть-семь тысячъ рублей, накопленныхъ ею за трехлѣтнюю жизнь, и бѣжала. Налетовъ положительно настаивалъ на томъ, чтобы она бѣжала изъ дома купца «не съ пустыми руками»; онъ доказывалъ и доказалъ ей, что глупо оставлять все это старому дураку, что, по пословицѣ: «съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ»,—надо хоть что нибудь взять съ него за его *подлость*... И она взяла, отдала все это тому человѣку, которому отнынѣ ввѣрила и свою судьбу. На утро, когда изъ ея записки Голеновъ узналъ о бѣгствѣ, — онъ умеръ внезапно отъ удара... Ольга не горевала о немъ. Въ сущности она его никогда не любила, а новая жизнь съ любимымъ человѣкомъ, жизнь въ новой обстановкѣ, настолько развлекала и занимала ее, особенно въ первое время, что она даже не вдумалась хорошенько въ то, что собственно она и ея поступокъ были причиною смерти человѣка, и человѣка, все таки, ей близкаго...

Играя то тутъ, то тамъ, Налетовъ возилъ ее съ собою изъ города въ городъ, всюду выдавалъ за свою жену, твердилъ и ей постоянно, что вотъ-вотъ и въ самомъ дѣлѣ женится на ней, начнетъ учить ее сценическому искусству, сдѣлаетъ изъ нея актрису. Ольга вѣрила ему безгранично: мало, что она любила его—она его обожала. А онъ, лаская ее, тѣмъ временемъ и обиралъ понемногу. Сначала спустилъ ея деньги, затѣмъ—брилліанты и золотыя вещи, наконецъ, даже лучшія и мало-мальски цѣнныя платья... И въ два года у нея уже ничего не осталось. Зато самъ онъ жилъ бариномъ въ это время:—какія брилліантовыя запонки, булавки и кольца завелись у него, какимъ франтомъ онъ одѣвался, какія пирушки устраивалъ товарищамъ, рецензентамъ и «почитателямъ» своего таланта. И какъ везло ему теперь на сценѣ, какъ хорошо его принимали, какъ много вызывали и какъ хорошо писали о его игрѣ эти самые рецензенты въ мѣстныхъ губернскихъ листкахъ!..

Только черезъ два года, когда все ольгино добро было продано, заложено и перезаложено, Налетовъ круто и грубо перемѣнился къ ней. Онъ сразу превратился въ другаго человѣка. Мягкія пушистыя лапы влюбленнаго кота, до сихъ поръ лишь ласкавшія кошечку, выпустили сразу, скрытые до того времени, острые когти. Но это могло удивить только Ольгу. Только она, довѣрчивая, сама въ сущности честная и глубоко любящая, не знала, что была далеко не первою подобною жертвой Налетова, не первой ласково-обобранной имъ женщиной. Видя, какъ она его любитъ, всѣ окружавшіе ихъ люди не рѣшались до сихъ поръ открывать ей глаза на Налетова, и только теперь кое-кто изъ его товарищей сталъ намеками разочаровывать въ немъ Ольгу. Но она никому не вѣрила, возму-

Digitized by Google

щалась за своего Валю и требовала отъ товарищей и знакомыхъ, чтобы при ней они не смѣли клеветать на него... Однако, по окончаніи зимняго сезона въ В—ѣ, гдѣ они прожили вмѣстѣ этотъ послѣдній сезонъ, когда Налетовъ объявилъ Ольгѣ, что теперь онъ поѣдетъ въ Москву одинъ—искать ангажемента, а затѣмъ или самъ вернется за нею, или, получивъ авансъ отъ антрепренера, вышлетъ ей денегъ на проѣздъ, — ей и самой закралось въ душу первое подозрѣніе... Но все таки, не увѣренная еще, боясь оскорбить Налетова, она намекнула ему трусливо, осторожно, издали... Онъ возмутился, затѣмъ упрекнулъ ее; потомъ увѣрялъ, ласкалъ, ломался, игралъ комедію, сознавая, что это необходимо, зная впередъ, что играетъ въ послѣдній разъ. И онъ увѣрилъ ее; она же устыдилась своего подозрѣнія. Онъ оставилъ ей свой московскій адресъ, обѣщалъ писать каждый день и, нѣжно прощаясь, сказалъ ей: «до свиданья». Ольга ждала его писемъ, но онъ ничего не писалъ изъ Москвы; она написала ему сама, стала ждать отвѣта, но тщетно. Она рѣшилась, наконецъ, написать вопросъ антрепренеру, и тотъ вскорѣ отвѣтилъ ей, что Налетовъ у него не служитъ и даже не договаривался съ нимъ. Очевидно Налетовъ скрывалъ свой слѣдъ. Подозрѣніе, закравшееся въ душу Ольги передъ отъѣздомъ Налетова въ Москву, стало мучить ее сильнѣе, и теперь отдѣлаться отъ него было нелегко:—фактъ говорилъ самъ за себя. Да, она была обобранная и брошенная любовница! Онъ дорожилъ ею, пока съ нея было что взять, а затѣмъ бросилъ, какъ обглоданную кость, какъ выжатый лимонъ, какъ бутылку изъ подъ дорогаго, но уже выпитаго вина... «Но неужели же все, все было только изъ-за выгоды, изъ-за денегъ»?—тоскуя, спрашивала она себя. «Неужели онъ *никогда* не любилъ? Нѣтъ, нѣтъ!.. Онъ любилъ меня и разлюбилъ только теперь»! увѣряла она себя. Ей казалось такъ, потому что сама она все еще любила его, потому что и до сихъ поръ считала его, какъ человѣка, гораздо выше, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ. И эта увѣренность въ томъ, что онъ не обиралъ ея, что онъ ласкалъ ее безкорыстно, не ради денегъ, что *тогда* онъ любилъ ее и разлюбилъ только *теперь*,—за неимѣніемъ лучшей увѣренности, служила ей пока утѣшеніемъ... Кстати, теперь ужъ и некому было разувѣрить ее въ этомъ:—всѣ товарищи Налетова разъѣхались изъ В—а, по окончаніи сезона... Остальные знакомые? Тѣ, которыхъ Налетовъ кормилъ за ея счетъ и которыхъ она угощала на этихъ пирушкахъ, какъ хозяйка?.. Но развѣ они остались ея знакомыми теперь, когда матеріальное положеніе ея измѣнилось, когда, брошенная любимымъ человѣкомъ, она очутилась въ чужомъ городѣ безъ копѣйки денегъ, когда изъ жены перваго любовника труппы и

Digitized by Google

милѣйшаго радушнаго человѣка она превратилась вдругъ въ голодную и брошенную любовницу уѣхавшаго актера? Нѣтъ, теперь уже всѣ эти люди не были ея знакомыми.

— Я не знала, что предпринять, куда кинуться, куда дѣваться,— кончала Ольга свой разсказъ.—Я заложила все, и мнѣ ужь такъ-таки прямо нечѣмъ было кормиться. Но тутъ судьба столкнула меня съ Сестричкинымъ, съ Петромъ Осиповичемъ. Это вышло совершенно случайно... Какъ-то вечеромъ, отъ нечего дѣлать, я вышла пройтись, пришла на вокзалъ и сѣла на скамеечкѣ, на платформѣ. А въ это время подошелъ поѣздъ; въ В—ѣ онъ стоитъ долго: больше часа; между прочими пассажирами по платформѣ прогуливался и Петръ Осиповичъ; онъ ѣхалъ сюда—въ Хмыровъ. Я сразу обратила на него вниманіе; у него такая актерская внѣшность:— весь выбритый и въ пестромъ клѣтчатомъ костюмѣ... А онъ, вѣроятно, скучая въ ожиданіи отхода поѣзда, сѣлъ рядомъ со мною и заговорилъ... О томъ, о семъ, дальше да дальше. Я разсказала, кто я и въ какомъ положеніи нахожусь; онъ назвалъ себя, сказалъ, что слышалъ обо мнѣ и знаетъ немного Налетова, а въ концѣ концовъ предложилъ мнѣ пріѣхать въ Хмыровъ и занять у него мѣсто выходной актрисы на пятнадцать рублей жалованья... Я согласилась, конечно! Онъ ничего не сказалъ мнѣ о томъ, что Налетовъ будетъ у него служить, что я съ нимъ встрѣчусь, и я до сихъ поръ не могу понять—почему онъ не сказалъ?.. Еслибы я знала объ этомъ, то, не смотря даже на голодовку, я ни за что, ни за какія деньги не поѣхала бы сюда!—добавила Ольга и, передохнувъ, продолжала:—Онъ взялъ съ меня слово, что я пріѣду въ Хмыровъ черезъ двѣ недѣли, и уѣхалъ. Я очень обрадовалась. Теперь я видѣла впереди хоть что нибудь... Но когда онъ уѣхалъ, я вспомнила, что мнѣ не на что ѣхать, не на что взять билетъ. Я начала было письмо Петру Осиповичу, но вдругъ мнѣ стало такъ стыдно просить денегъ у незнакомаго человѣка, что, не кончивъ, я изорвала письмо. Однако, больше не къ кому было обратиться, а время шло. Я и такъ просрочила уже нѣсколько дней и боялась, что если промедлю еще,—лишусь мѣста. Тогда я заложила свою единственную, не тронутую Налетовымъ, драгоцѣнность:—серебряный образъ,—тоже подарокъ покойнаго Голенова. И вотъ изъ этихъ денегъ я уплатила долги въ В—ѣ, на эти деньги пріѣхала сюда и теперь отъ этихъ денегъ у меня остался одинъ пятьалтынный. Да, теперь это все мое богатство, Сеня!—повторила она съ грустной улыбкой, но тотчасъ заговорила опять тоскливымъ и будто надорваннымъ голосомъ:—образъ заложила! Бога продала въ концѣ концовъ. Да, тутъ добра не жди!.. Богъ еще не такъ накажетъ! А сегодня Налетовъ вдругъ

Digitized by Google

крикнулъ мнѣ: «Между нами все кончено! Мнѣ нечего вамъ объяснять, а вашихъ объясненій я выслушивать не желаю»!—воскликнула, опять оживляясь и волнуясь, Ольга, очевидно, желая разсказать Сенѣ и подробности нынѣшней встрѣчи съ нимъ...

Но продолжать ей не пришлось...

— Оля, Оля!.. Несчастная! Я... я одинъ любилъ тебя. Олюшка!—воскликнулъ вдругъ Легіоновъ, и въ то же время маленькая комнатка Ольги огласилась его прерывистыми, но громкими рыданіями...

Онъ стоялъ уже на колѣняхъ передъ ея кроватью, голова его лежала на ея постели, онъ ловилъ ея руки и покрывалъ ихъ поцѣлуями...

— Сеня, Сеничка, успокойся. Милый, родной, дорогой! Прости меня, прости,—шептала тронутая и испуганная Ольга. И она обняла его шею, гладила желтоватые волосы, подняла его голову и цѣловала это некрасивое и мокрое отъ слезъ лицо... Она отвѣчала на его ласки, въ благодарность за его любовь и участіе; она ласкала его сама. Въ эту минуту она готова была для него на всякую жертву, была способна поклясться, что тоже любитъ и всегда любила его; но въ то же время, и именно теперь, она чувствовала особенно сильно, что тою любовью, какою онъ любилъ ее въ юности, любилъ неизмѣнно шесть лѣтъ и любитъ теперь,—тою любовью, какой сама она любила Налетова,—она не любитъ Сеню...

А оголившійся фитилекъ догорѣвшей свѣчи безпомощно свалился на бокъ, затрещалъ, вспыхнулъ разъ, другой и потухъ. И въ комнатѣ воцарился мракъ.

VII.

На утро Дарья Андреевна, сенина квартирная хозяйка, удивилась тому, что ея жилецъ не ночевалъ дома:—за шесть лѣтъ, что онъ жилъ у нея, это случилось съ нимъ впервые... А Сеня пилъ утренній чай у Ольги.

— Не ходи къ *ней*, Оля!.. Пожалуйста, не ходи! — просилъ онъ ее.

— Нѣтъ, я пойду! — рѣшительно объявила Ольга, и гнѣвная искра блеснула въ ея карихъ глазахъ:—Я пойду непремѣнно!.. За всю мою любовь, за все, за все такъ посмѣяться надо мною?! Нѣтъ, я отомщу ему!—повторила она, уже завязывая ленты ватерпруфа.

— Оля, милая... вѣдь только непріятности выдутъ изъ этого!..

— Пусть!—воскликнула она.—И не проси. Я рѣшила, и пойду.

Digitized by Google

И она взяла свой яркій зонтикъ и ушла къ Солиной. Раиса Петровна Солина — дочь музыканта одного изъ провинціальныхъ театральныхъ оркестровъ—какъ говорится, выросла при театрѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ она торчала около театральныхъ подмостковъ, училась, присматривалась и прислушивалась ко всему, что дѣлается и говорится на сценѣ и за кулисами, а семнадцатилѣтней дѣвушкой была уже актрисой и сама. Но въ раннемъ возрастѣ она замѣтила также, что актрисы, свободно ведущія себя за кулисами, не нуждаются, живутъ съ комфортомъ, а иногда и въ роскоши, и что онѣ же, а вовсе не бѣдствующіе и нуждающіеся, но скромные таланты, пользуются и бо́льшимъ успѣхомъ собственно на сценѣ. Другими словами, Солина видѣла, что сцена сама по себѣ,—одна только сцена,—даже при большомъ дарованіи, не дастъ ей того, чего хотѣлось... А она была молода, и ей хотѣлось «жить, а не прозябать», какъ тоже еще въ ранней юности она научилась выражаться. Матери она лишилась еще въ дѣтствѣ, отецъ же не только не препятствовалъ ей идти по намѣченному пути, не только не отговаривалъ ея, но, напротивъ, ради собственной выгоды, самъ былъ готовъ указать ей этотъ путь, направить по немъ ея первые шаги... «Лишь бы пришла благодать, а откуда и какъ—кому какое дѣло, когда мнѣ и самой это совершенно безразлично»!—думала объ этомъ вопросѣ сама Раиса Петровна. На восемнадцатомъ году она пользовалась уже расположеніемъ и кошелькомъ какого-то богатаго армянина. Связь эта продолжалась года два-три, словомъ, столько времени, сколько Солина прослужила въ театрѣ роднаго города, въ которомъ начала и театральную, и побочную дѣятельность, а затѣмъ, какъ и всегда бываетъ у актрисъ подобнаго сорта, съ перемѣною городовъ у нея мѣнялись одновременно и покровители... Такую жизнь она вела лѣтъ двадцать, и вотъ теперь, когда ея молодость прошла и ей довелось по неволѣ ограничиться одной, менѣе доходной стороной театральной дѣятельности—«служеніемъ искусству»—она не только не нуждалась, какъ нуждались ея товарки по сценѣ, но, напротивъ, жила съ комфортомъ, да и про черный день имѣла кое-какія сбереженія... И она считала себя практичной женщиной, говорила, что поняла еще въ юности «положеніе вещей»; ни прежде, ни теперь не раскаивалась въ своихъ поступкахъ и считала глупыми всѣхъ, кто не распорядился смолоду такъ, какъ распорядилась она...

Теперь она отцвѣтала, доживая послѣднюю молодость женщины и актрисы. Какъ и всякая женщина, она шла на встрѣчу своей старости съ отвращеніемъ; какъ актриса, она встрѣтила ее съ двойнымъ отвращеніемъ и даже со страхомъ. Она все еще играла тѣ роли, которыя исполняла двадцать лѣтъ тому назадъ, но чувство-

Digitized by Google

вала уже, что съ трудомъ продержится на этихъ роляхъ еще годъ, самое большое—два, а затѣмъ... Солина содрогалась при одной мысли о томъ, что будетъ затѣмъ! Въ своихъ жестокихъ отзывахъ объ ея игрѣ безсердечные рецензенты насмѣшливо обзывали уже ее и «бабушкой», и «почтенной старушкой», и увѣряли публику, что даже подъ густымъ слоемъ румянъ и бѣлилъ легко разсмотрѣть ея многочисленныя морщины... Раиса Петровна спѣшила къ зеркалу, разсматривала въ тысячный разъ свое исхудалое, истасканное лицо, столько разъ крашенное и для сцены, и для жизни, видѣла и сама его зеленоватую желтизну, когда-то красивые, но теперь потухающіе глаза и эти отвратительныя морщины, дѣйствительно, все больше и больше стягивавшія ея старѣющее—да! да!—старѣющее лицо... И она торопливо, съ какимъ-то ожесточеніемъ, красила его опять и опять, подводила брови и рѣсницы, пудрилась и наряжалась:—словомъ, всѣми средствами и способами старалась обмануть и антрепренеровъ, и товарищей, и публику, и своихъ «корыстныхъ» любовниковъ, и «проклятыхъ» рецензентовъ, и «отвратительныхъ» товарокъ... И только себя она не могла обмануть. Съ тоской, со щемящей болью, вспоминала она теперь то время, когда ея лицо сіяло свѣжестью и миловидностью. Всѣ говорили даже, что оно было красиво... А теперь? Стара!... Ужасное, отвратительное слово! Онѣ молоды и потому—только потому—она должна уступить имъ свое мѣсто... Зависть, злоба и ожесточеніе портили съ каждымъ днемъ ея характеръ—и безъ того несимпатичный,—и люди, въ средѣ которыхъ она жила и съ которыми сталкивалась, не любили ея... Какъ актриса средняго дарованія, она завидовала всему, что по сценѣ было выше ея; какъ женщина, сама порочная и притомъ злая отъ природы, она не только не прощала пороковъ другихъ, но старалась отыскать ихъ даже тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, клеветала, сплетничала, злословила. Какъ много видѣвшая и испытавшая содержанка, она была вдобавокъ дерзка, цинична и безсердечна... Къ тому же, она прославилась еще и тѣмъ, что, проведя всю свою жизнь въ довольствѣ и роскоши среди голодавшихъ товарищей, никогда никому не оказала помощи. Именно на сценѣ, гдѣ товарищество такъ развито, гдѣ люди такъ охотно помогаютъ другъ другу и зачастую дѣлятся послѣднимъ—Солина являлась рѣдкимъ исключеніемъ...

Къ этой-то женщинѣ пришла теперь Ольгина. Вертлявая и франтовато одѣтая горничная впустила ее изъ передней въ уютную хорошенькую гостинную, гдѣ Раиса Петровна пила въ это время утренній кофе и одновременно проходила какую-то роль. Она стояла, обернувшись къ дверямъ, передъ большимъ зеркаломъ, отра-

Digitized by Google

жавшимъ ее во весь ростъ, и, пробѣгая роль по тетрадкѣ, репетировала жесты и мимику. На ней былъ пестрый капотъ съ широкими ярко-красными рукавами, обнажавшими до локтей ея красивыя руки, а волосы ея, рыжеватые и не особенно эффектные, были тѣмъ не менѣе распущены и свисали на плечи и на спину. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по мягкому ковру, сплошь застилавшему гостинную, Ольга остановилась среди комнаты.

— Здравствуйте,—сказала она.

Солина обернулась, не торопясь. Еще черезъ зеркало взглянувъ на Ольгу, она узнала ее, и ее раздосадовало уже самое появленіе этой женщины, о которой вчера, до глубокой ночи, Налетовъ разсказывалъ ей разныя разности... Она обернулась, и Ольга увидѣла передъ собой очень несимпатичное выраженіе ея лица: ея брови, уже съ утра подведенныя, наморщились; между ними образовалась едва замѣтная поперечная морщинка, а тонкія и тоже подкрашенныя губы она язвительно подобрала. Видимо, она хотѣла показать Ольгѣ свое полное презрѣніе. Не отвѣчая на привѣтствіе Ольги, не подавая ей руки, не предлагая сѣсть и сама не трогаясь съ мѣста, театральнымъ движеніемъ, она протянула руку къ колокольчику, стоявшему на маленькомъ столикѣ около трюмо, и позвонила.

Горничная появилась въ дверяхъ.

— Который разъ я должна вамъ повторять, чтобы безъ доклада вы не пускали ко мнѣ всѣхъ и каждаго?—строго спросила она служанку, взглянувъ на нее сверху внизъ.

— Сударыня, онѣ сказали, что изъ театра,—стала оправдываться горничная.

Но Солина тотчасъ перебила ее.

— Тѣмъ болѣе—изъ театра! Теперь идите, а если это повторится еще разъ, вы получите разсчетъ,—проговорила она съ такимъ величіемъ, съ какимъ, играя на сценѣ королеву, произнесла бы, обращаясь къ провинившемуся подданному: «берегись, ты подвергнешься смертной казни»!.. И горничная не успѣла еще скрыться за портьерой, когда, будто продолжая играть, Раиса Петровна спросила и Ольгу все тѣмъ же ледянымъ и величественнымъ тономъ:— Что вамъ отъ меня угодно?

Не взирая на этотъ нахально-дерзкій пріемъ, Ольга все таки рѣшила высказать Солиной все то, что обдумала, собираясь къ ней, безъ всякихъ предисловій.

— Я узнала, что Налетовъ обираетъ теперь васъ и пришла предупредить, Раиса Петровна... Горькимъ опытомъ пришлось мнѣ убѣдиться въ томъ, что это за человѣкъ, и, желая вамъ...

Digitized by Google

Но съ первыхъ словъ Солина перебила и ее, какъ сейчасъ перебила свою служанку.

— Напрасно побезпокоились,—сказала она, презрительно улыбнувшись.—*Меня*—она сдѣлала сильное удареніе на этомъ словѣ и повторила его:—*меня* онъ обобрать не можетъ. Обобрать можно только дуру!..

— Позвольте, я объясню вамъ,—начала опять Ольга.

— Извините, вы собираетесь, кажется, разсказывать мнѣ всю грязь вашихъ отношеній?!—быстро спросила Раиса Петровна, опять не дослушавъ фразу Ольги до конца:—такъ увольте, пожалуйста, увольте!.. И вообще я попрошу васъ оставить меня...

Ольга была, конечно, оскорблена, но она не только не отвѣтила Солиной дерзостью, а, напротивъ, въ душѣ еще пожалѣла ее. Всю несомнѣнную «грязь отношеній» самой Раисы Петровны и Налетова она еще не знала хорошенько—Сеня не успѣлъ да и не хотѣлъ разсказывать ей объ этомъ—и ей казалось, что своими рѣзкими отвѣтами Раиса Петровна намѣрена только предупредить ее о своемъ нежеланіи выслушивать отъ кого бы то ни было обвиненія любимому человѣку. Сама она такъ недавно пережила это чувство, сама не вѣрила долго словамъ товарищей, предупреждавшихъ ее противъ того же Налетова, и теперь она поняла раздраженіе Солиной именно въ этомъ смыслѣ. Но, заподозривъ въ то же время, что Налетовъ, объясняя своей любовницѣ вчерашнюю скандальную встрѣчу съ нею,—съ прежнею брошенной любовницей,—лживо выставилъ ее, какъ во всемъ виноватую,—она тѣмъ болѣе захотѣла досказать невысказанное и, не смотря на приглашеніе хозяйки, не только не ушла тотчасъ же, но заговорила снова.

— Напрасно вы относитесь ко мнѣ такъ недружелюбно,—мягко замѣтила она. — Повторяю, что, желая вамъ лично добра и хорошо зная этого господина, я намѣрена только во-время предупредить васъ. Вы увлечены имъ, какъ въ свое время и я была увлечена, и потому...

Но на этотъ разъ ея слова были прерваны смѣхомъ Солиной,—злымъ и язвительнымъ...

— Валеріанъ!—въ ту же секунду позвала она, нѣсколько возвысивъ голосъ: — выди, пожалуйста. Попроси свою знакомую оставить меня и мою квартиру... Быть можетъ, по старой дружбѣ, она послушаетъ тебя!.. А меня она не слушаетъ,—добавила она и захохотала сдержанно, неестественно и почти беззвучно.

Задернутая портьера въ дверяхъ смежной комнаты тотчасъ раздвинулась и на порогѣ показалась изящная фигура Налетова; онъ былъ въ элегантномъ костюмѣ изъ легкой свѣтлосѣрой матеріи.

Digitized by Google

Насмѣшливая и наглая улыбка играла на его красивомъ лицѣ; это была улыбка ничтожества, но ничтожества самонадѣяннаго, самодовольнаго и нахальнаго, торжествующаго свою гнусную побѣду надъ слабымъ и не нахальнымъ существомъ... Ольга поблѣднѣла и, въ упоръ глядя на него, стояла, не двигаясь съ мѣста. А онъ, все также улыбаясь, рисуясь и играя, обошелъ ее, подошелъ къ двери, ведущей изъ гостинной въ прихожую, и остановился тутъ.

— Въ силу нашей минувшей дхужбы:—пхошу васъ, судахыня!— проговорилъ онъ, театральнымъ жестомъ указывая Ольгѣ на выходную дверь.

Въ то же время Солина позвонила... Ни слова не вымолвивъ, Ольга повернулась и пошла къ двери.

— Подлецъ! — громко и отчетливо проговорила она теперь, и одновременно звонкая, ловкая пощечина раздалась въ дверяхъ изъ гостинной въ прихожую...

Насмѣшливая и наглая улыбка мигомъ сбѣжала съ лица Налетова, и онъ схватился за щеку. Горничная выбѣжала на звонокъ. Ольга выходила изъ подъѣзда на улицу. Солина стояла, опираясь на спинку хорошенькаго кресла, и хохотала уже весело, отъ души, не играя и не сдерживаясь... Промелькнула очень неловкая минута... Горничная, стараясь показать господамъ, что она ничего не замѣтила и не поняла, запирала за Ольгою входную дверь и, уже не возвращаясь въ гостинную, прошла въ заднія комнаты кругомъ—коридоромъ... Ошеломленный Налетовъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, въ дверяхъ, и боялся поднять на Солину смущенные глаза... Ѣдкій стыдъ, правда, ненадолго, лишь на нѣсколько мгновеній, вернулся даже къ этому человѣку, который самъ не разъ хвастался своимъ пріятелямъ, что давнымъ-давно, еще юношей, онъ положилъ свою совѣсть въ карманъ, нарочно прорѣзалъ его и, гуляя по свѣту, потерялъ ее навсегда. «Иначе жить нельзя въ наше время», добавлялъ онъ при этомъ въ свое оправданіе...

— И вы... вы, наряду со всѣми, осмѣливаетесь бранить продажныхъ женщинъ! — воскликнула Солина безъ всякаго гнѣва, но съ невѣроятнымъ презрѣніемъ.—Что же?—спросила она вслѣдъ затѣмъ:—неужели вы думаете, что послѣ этой сцены, послѣ того какъ я видѣла, что васъ побила женщина, женщина, которую вы обобрали, — да, обобрали! я ничему не вѣрю изъ того, что вы вчера мнѣ о ней разсказывали, — наши отношенія могутъ сохраниться?! Идите же отсюда, идите скорѣе. Мнѣ противно видѣть васъ, и притомъ я никогда не участвовала въ такихъ грязныхъ скандалахъ!.. Идите!

Digitized by Google

— Хаиса,—воскликнулъ Налетовъ:—вѣдь это бѣшеная собака... Никто не гахантихованъ!.. Это можетъ случиться со всякимъ...

— Нѣтъ, *со всякимъ* этого не можетъ случиться!—подхватила она язвительно.—Это случается только съ такими людишками, какъ вы!.. Ступайте же!.. За свои деньги я могу купить и не битаго мужчину, — бросила она циничную фразу, будто наслаждаясь тоже купленнымъ правомъ оскорблять его.

— Но позволь же, Хаиса.. Такъ нельзя! Намъ надо объясниться,— заговорилъ было снова Налетовъ.

— Помните, какъ вы отвѣтили ей вчера?—внезапно перебила его Солина.—Я отвѣчу вамъ сегодня также: «между нами все кончено. Мнѣ нечего объяснять вамъ, а вашихъ объясненій я выслушивать не желаю!».. Уходите же, я прошу васъ объ этомъ въ послѣдній разъ!—повторила она и съ этими словами, ступая опять таки гордою, величавою поступью театральной королевы, прошла въ ту комнату, изъ которой онъ только что вышелъ...

Черезъ минуту горничная вынесла оттуда шляпу, трость и пальто, безмолвно подала эти пожитки Налетову, и онъ, стараясь не встрѣчаться взглядомъ со служанкой, торопливо одѣлся и вышелъ на улицу... А въ тотъ же день, съ курьерскимъ поѣздомъ, онъ выѣхалъ изъ Хмырова въ Москву... Налетовъ пришелъ къ справедливому заключенію, что послѣ этого скандала онъ не можетъ оставаться въ Хмыровѣ. Если онъ былъ увѣренъ, что Ольга не станетъ разсказывать кому либо о томъ оскорбленіи, которое она ему нанесла, не станетъ этимъ хвастать, то онъ не только не разсчитывалъ на скромность и пощаду Солиной, но зналъ достовѣрно, что Раиса Петровна, напротивъ, со злорадствомъ разскажетъ и товарищамъ, и всѣмъ знакомымъ о томъ, чему она была свидѣтельницей.

Однако онъ нисколько не предавался отчаянію. Напротивъ, сидя подъ вечеръ въ вагонѣ перваго класса, онъ съ удовольствіемъ потягивался передъ сномъ и, глядя разсѣянно на темно-синюю задернутую занавѣску вагоннаго фонаря, разсуждалъ по своему:

«Конечно, сегодняшній случай — исключеніе!—думалъ онъ.— Но, Господи!.. Великіе актеры сцены и жизни, и тѣ проваливаются! У всѣхъ бываютъ промахи и неудачи... Вообще, все таки люди глупы, и умный человѣкъ, способный весь вѣкъ играть съ ними комедію, все таки никогда не проиграетъ въ жизни... Сколько бы онъ ни обманывалъ, все же на его вѣкъ хватитъ довѣрчивыхъ дураковъ. Съ перваго знакомства только рѣдкіе люди начинаютъ изучать человѣка; большинство же долго смотритъ на него бѣглымъ, поверхностнымъ взглядомъ, какъ на мебель, и, какъ къ мебели люди

Digitized by Google

привыкаютъ, только обсидѣвшись на ней, такъ и къ человѣку начинаютъ приглядываться только тогда, когда «ловкачъ» уже опутаетъ ихъ по рукамъ и по ногамъ... А это все, что̀ нужно для успѣха».

Изложивъ про себя эту житейскую философію, Налетовъ зѣвнулъ разъ, другой, растянулся на мягкомъ и длинномъ диванѣ вагона, поправилъ положенную въ головахъ дорожную подушку въ изящной синей шолковой наволочкѣ, спряталъ въ этомъ шелку нынче побитую щеку и, натянувъ на себя пестрый, дорогой пледъ, вскорѣ уснулъ безмятежнымъ, сладкимъ сномъ...

VIII.

Сеня Легіоновъ очень обрадовался, узнавъ, что «премьеръ» уѣхалъ. Онъ предвидѣлъ, конечно, что еслибы Налетовъ остался, совмѣстная служба съ нимъ была бы для Ольги сплошнымъ скандаломъ, въ которомъ и самъ Сеня да, пожалуй, и Солина должны были бы принять участіе... Дѣйствительно, только онъ одинъ узналъ отъ Ольги о полученной Налетовымъ пощечинѣ; какъ и предполагалъ самъ «оскорбленный дѣйствіемъ», она не только не хвастала этимъ, но отказалась даже и разсказывать подробности этой исторіи, когда, по обыкновенію, не стѣсняясь совать свой носъ въ чужія дѣла, Петръ Осиповичъ и товарищи пристали къ ней съ разспросами. Всѣ они узнали исторію отъ Солиной. И тутъ Налетовъ не ошибся. Раиса Петровна охотно и подробно повѣствовала всѣмъ и каждому о разыгравшемся въ ея квартирѣ скандалѣ, и уже въ день отъѣзда премьера прогуливалась подъ руку съ какимъ-то красивымъ и бравымъ солдатикомъ изъ вольноопредѣляющихся. Съ этого дня уже онъ сталъ провожать ее въ театръ на репетиціи и на спектакли, торчалъ постоянно за кулисами или въ ея уборной, пока она играла или репетировала, а вечеромъ провожалъ ее изъ театра домой... И, очевидно, она также не жалѣла объ уѣхавшемъ премьерѣ...

Но больше всѣхъ радовался его отъѣзду самъ антрепренеръ. Когда на утро, во время репетиціи, онъ узналъ о бѣгствѣ Налетова, онъ даже улыбался и, весело потирая руки, говорилъ собравшимся актерамъ:

— Что дѣлать, миленькіе, что дѣлать!.. Конечно, даже и не порядочному человѣку какъ-то неловко оставаться съ битой физіономіей въ томъ городѣ, гдѣ ее били. Согласенъ, голубчики, неловко, неловко... Ну, а мы отъ этого не въ убыткѣ, миленькіе, — продолжалъ онъ, будто утѣшая ихъ:—актерикъ онъ не важный, премьер-

Digitized by Google

чикъ не изъ завидныхъ: сборовъ, какъ сами видѣли, не дѣлалъ. Больше хвасталъ да величался, нежели изъ себя что либо представлялъ... Сегодня пошлемъ въ Москву телеграмку, а на послѣ завтра объявимъ «Семью преступника», да не просто «Семью преступника», а съ гастролёромъ; да не съ какимъ нибудь захудалымъ гастролёришкой, а съ гастролёромъ Шумихинымъ. Шумихина знаете, миленькіе? слыхали про него?—спросилъ онъ тутъ же, лукаво подмигивая.

Еще бы не знать! Всѣ знали прославившагося на всю Россію гастролёра Шумихина, и Сестричкинъ ликовалъ, что поразилъ этой новостью актеровъ. Многіе изъ нихъ даже не повѣрили ему.

— Да поѣдетъ ли онъ? Согласится ли?—спросилъ робко и тоже недовѣрчиво второй любовникъ труппы—Наташинъ, игравшій плоховато роли своего амплуа, но тѣмъ не менѣе мечтавшій уже, за отсутствіемъ премьера, играть первыя роли.

— У меня, миленькій, его согласіе уже имѣется. Озаботился я. Давно озаботился! Я вѣдь предвидѣлъ, что случится что нибудь подобное,—отвѣтилъ, увлекаясь, Сестричкинъ, но, торопливо оглянувшись направо и налѣво, замѣтилъ невдалекѣ Ольгу, щелкнулъ пальцами въ воздухѣ и быстро, какъ обезьяна, почесалъ затылокъ. Этотъ жестъ означалъ, что Петръ Осиповичъ проговорился:—сказалъ что-то такое, чего не слѣдовало бы говорить.—Поѣдетъ, миленькіе, поѣдетъ!—повторилъ онъ:—на *своихъ условіяхъ* Шумихинъ куда угодно поѣдетъ: хоть въ Криворожье, въ Пошехонье, въ Чухлому!.. Правда, кусаются его-то условія, да что жь тутъ подѣлаешь? Вѣдь погибать нужно безъ него, съ вами-то одними, мои соколики; а онъ, посмотрите-ка, какъ сборы подниметъ... Вотъ послѣ репетиціи Сеничка снесетъ телеграмку, а послѣ завтра утречкомъ и увидимъ мы шумихинскія ясныя очи...

Легіоновъ, задумчиво стоявшій около Ольги, покраснѣлъ. Сцена съ Налетовымъ въ уборной, когда премьеръ назвалъ его лакеемъ и насмѣхался надъ нимъ за его нескончаемыя услуги, воскресла въ въ его памяти. Онъ взглянулъ на товарищей, тоже смѣявшихся надъ нимъ третьяго дня, и ему показалось, что теперь всѣ они смотрятъ на него и ждутъ только, чтобы онъ согласился исполнить просьбу Сестричкина, и опять засмѣются, опять назовутъ его лакеемъ...

«Такъ нѣтъ же! Не будетъ этого!.. Довольно»! — рѣшилъ про себя Сеня.

— Я не понесу телеграммы,—отвѣтилъ онъ какъ-то неловко: и робко, какъ человѣкъ, не привыкшій отказывать въ просьбѣ, и въ то же время рѣшительно, какъ имѣющій серьезныя основа-

Digitized by Google

нія отказать. Сестричкинъ не зналъ еще о столкновеніи Сени съ Налетовымъ и взглянулъ на него теперь, какъ взглянулъ на него третьяго дня и уѣхавшій премьеръ.

— Сеничка, какая жь тебя муха за печень укусила? — спросилъ антрепренеръ съ гримасой соболѣзнованія.

Актеры и актрисы засмѣялись. Сеня покраснѣлъ сильнѣе прежняго. Ему вспомнился опять ихъ смѣхъ въ уборной. Сердце у него забилось усиленно, часто; онъ загорячился, заволновался и расхрабрился.

— Никакая муха меня не кусала,—отвѣтилъ онъ.—А только довольно съ васъ! Попользовались всѣ достаточно и отблагодарили же всѣ... разомъ. Посмѣялись!.. Только теперь довольно дуракомъ меня считать! Посылайте кого нибудь изъ своихъ служащихъ.

— А ты, Сеничка, развѣ не служишь больше у Сестричкина?— спросилъ, фиглярничая, Петръ Осиповичъ.

— Не въ лакеяхъ служу, а въ артистахъ.

— Въ ар-ти-стахъ?!—растягивая это слово, подхватилъ при общемъ хохотѣ антрепренеръ.—Не зналъ, голубчикъ! Вогъ, ей богу, не зналъ, что ты тоже артистъ!—продолжалъ онъ насмѣхаться.—Я думалъ, ты такъ себѣ, актерикъ маленькій—брѳсовый, на лакейскія безсловесныя роли. А ты артистъ?!. Скажи, сдѣлай милость!..

Сеня молчалъ и мысленно проклиналъ себя за этотъ нечаянно вырвавшійся отпоръ. Самъ онъ давно уже не мнилъ себя артистомъ; но и Сестричкинъ зналъ, конечно, что Сеня вовсе не мечтаетъ о себѣ чрезъ мѣру; однако, раздраженный уже, онъ продолжалъ его вышучивать.

— И впрямь, глупая же у меня башка:—артиста, и вдругъ, какъ какого нибудь посыльнаго, отправляю на станцію съ телеграмкой! А?!. Прости, прости, больше не осмѣлюсь. Соколовъ! Если ты еще не папа Пій Девятый, не герцогъ Монпансье, не королева Викторія,—снеси, миленькій, телеграмку-то,—приказалъ онъ театральному рабочему.

— Слушаю, Петръ Осиповичъ!—отозвался тотъ.

— Да, господа!—потянулъ опять антрепренеръ, обращаясь уже къ актерамъ.—Сами помните, какой это былъ пріятный въ обращеніи молодой человѣкъ! А теперь:—изволили слышать? Я, говоритъ, артистъ, а не лакей! Убирайся, говоритъ, къ чорту, паршивый антрепренеришко!..

— Этого я не говорилъ!—замѣтилъ угрюмо Легіоновъ.

— А все, миленькіе, удача, успѣхъ портитъ человѣка,—продолжалъ Петръ Осиповичъ, не обращая вниманія на его замѣчанія.—

Digitized by Google

Въ нѣкоторомъ смыслѣ замѣнилъ нашъ Сеня удравшаго премьера и возвеличился въ собственныхъ глазахъ... Знаете, какъ глупый турокъ: отъѣхалъ послѣ паши на его лошади до конюшни и возмечталъ, что и самъ онъ паша. Охъ, охъ, охъ!.. Все удача, все успѣхъ!

Актерамъ и актрисамъ очень понравились и намекъ, и это сравненіе антрепренера, и они весело засмѣялись. Ольга смутилась и покраснѣла. Она, напротивъ, не ждала отъ Сестричкина такой злой выходки. Помня, какъ ласково онъ обошелся и разговаривалъ съ нею на вокзалѣ въ В—ѣ и какъ вò-время выручилъ, пригласивъ сюда, она скорѣе предполагала въ немъ вообще добраго человѣка. И теперь ей стало обидно и досадно. Досадовала она и на Сеню. Зачѣмъ онъ не отвѣтитъ хорошенько Сестричкину, не оборветъ его, какъ слѣдуетъ?! Валеріанъ, каковъ бы онъ ни былъ, не спустилъ бы этого; онъ бы отдѣлалъ за это!—подумала она, и въ эту минуту Легіоновъ показался ей особенно жалкимъ и ничтожнымъ. «Колбасникъ»!—мысленно назвала она его и невольно взглянула на Сеню.

Онъ былъ блѣденъ и безкровныя губы его дрожали.

— Что вы гадости-то говорите? Это свинство!.. Вы не смѣете!—заикаясь, проговорилъ онъ наконецъ.

— Видите, видите, миленькіе, какъ окрысился!—отскакивая отъ Сени, будто испугавшись его, воскликнулъ Сестричкинъ. — Самъ паша—блаженной памяти «гхафъ» Налетовъ—и тотъ на меня этакъ не налеталъ!.. Эхъ, *господинъ* Легіоновъ! Вотъ что я вамъ скажу,—добавилъ онъ, подходя опять къ Сенѣ, и уже не шутовскимъ, а холоднымъ и желчнымъ тономъ, въ которомъ слышалась только злость:—если вы хотите служить, такъ служите по прежнему. Понимаете,—какъ прежде служили:—безъ фокусовъ. Собака, и та не лаетъ на хозяина, на того, чей хлѣбъ кушаетъ. Запомните это: князь Легіоновъ-Колбасниковъ!.. Этакъ, направо да налѣво, въ усъ да въ рыло, можетъ только тотъ, у кого вотъ тутъ отдувается!—Онъ указалъ на боковой карманъ.—А у вашей милости, какъ мы знаемъ, въ одномъ карманѣ—блоха на арканѣ, а въ другомъ...

— Да кому жь и знать объ этомъ, какъ не вамъ!—перебилъ его Сеня.—Вторую недѣлю прошу хоть рубль выдать на ѣду изъ заработанныхъ денегъ, вы же только попрекаете хлѣбомъ, а давать-то его не больно охочи.

Актеры засмѣялись опять. Но на этотъ разъ они засмѣялись сдержанно, и Сестричкинъ чувствовалъ, что теперь они смѣются уже не надъ Сеней, а надъ нимъ. Всѣ они могли ему замѣтить то же, что замѣтилъ Сеня, потому что большинство ихъ страшно

Digitized by Google

нуждалось, но тоже, не смотря на постоянныя приставанія, ни копѣйки не получило еще отъ антрепренера...

Петръ Осиповичъ щелкнулъ пальцами въ воздухѣ, почесалъ затылокъ и захлопалъ въ ладоши.

— Начнемте-ка репетицію, миленькіе!—громко сказалъ онъ, уходя съ авансцены.

— Или, во всякомъ случаѣ, перемѣнимте этотъ непріятный разговоръ, голубчики!—съ глубокимъ и комическимъ вздохомъ проговорила ему въ тонъ комическая старуха Пушкарева.

Всѣ засмѣялись громче прежняго, но сошли съ авансцены; суфлёръ взялъ книгу и сѣлъ около будки «подавать»; Сестричкинъ сѣлъ рядомъ съ нимъ «режиссировать», и репетиція началась...

Послѣ репетиціи, Соколовъ отнесъ телеграмму на станцію и черезъ день, дѣйствительно, извѣстный актеръ Шумихинъ пріѣхалъ на гастроли въ Хмыровъ. Для перваго спектакля съ его участіемъ была поставлена, какъ и предполагалъ Сестричкинъ, «Семья преступника». И въ этой же пьесѣ, въ роли дочери преступника, Эммы, въ первый разъ выступила на сцену новая выходная—Ольга Ольгина. Она играла плохо. Даже съ этой маленькой, незначительной ролью она не справилась. Сеня стоялъ за кулисами, смотрѣлъ на ея неумѣлую боязливую игру, на ея неловкія, дѣланныя и робкія движенія, и тутъ невольно вспомнились ему собственныя ея слова, сказанныя еще въ Ипатьевскѣ, когда онъ совѣтовалъ ей поступить на сцену: «Ишь вы! Мнѣ тамъ прикажутъ какую нибудь королевну играть, или хоть бы просто барышню, а я швея и поварова дочка. Какъ же я буду ее играть?! Какая жь я актриса, когда я швея»!—возразила она ему тогда.

«Дѣйствительно, какая она актриса! — думалъ теперь Сеня. — Такая же горе-актриса, какъ я горе-актеръ»!—грустно добавилъ онъ.

И всѣ товарищи, и публика, глядя на игру новой выходной, думали тоже: «какая жь это актриса»!

Конечно, и опытный глазъ Сестричкина видѣлъ, что Ольгина не актриса и никогда актрисою не будетъ. Впрочемъ, это нисколько не опечалило антрепренера, потому что онъ предвидѣлъ это и раньше... Всего лишь полчаса поговоривъ съ нею на вокзалѣ въ В—ѣ, онъ видѣлъ уже это и, приглашая ее пріѣхать въ Хмыровъ, имѣлъ на то совершенно особую причину. Это былъ выгодный для него и притомъ чисто антрепренерскій фортель—не больше. Все дѣло было въ томъ, что Петръ Осиповичъ запоздалъ нѣсколько съ ангажементами и, когда собиралъ труппу для лѣтняго сезона въ Хмыровъ, то всѣ лучшіе провинціальные премьеры были уже разобраны и по неволѣ ему пришлось остановиться на Налетовѣ; а въ немъ Петръ

Digitized by Google

Осиповичъ не признавалъ таланта, не любилъ его, какъ человѣка, и, хотя предвидѣлъ, что не уживется съ нимъ и что сборовъ Налетовъ не сдѣлаетъ, однако, за неимѣніемъ лучшаго, заключилъ съ нимъ контрактъ. Но, какъ нарочно, тотчасъ вслѣдъ затѣмъ, артисты Шумихинъ и Лапинъ пообѣщали Сестричкину пріѣхать въ Хмыровъ на гастроли:—первый на двѣ недѣли, а второй—на три. Антрепренеръ сообразилъ, конечно, что дѣло съ извѣстными, хотя и дорогими гастролёрами будетъ для него все таки прибыльнѣе, нежели сезонъ при посредственномъ, но тоже дорогомъ постоянномъ премьерѣ. Однако, теперь было уже поздно. Отказать Налетову не представлялось возможнымъ, такъ какъ, согласно контракту, ему пришлось бы уплатить пятисотенную неустойку. Стало быть, чтобы избавиться отъ премьера, слѣдовало подстроить какъ нибудь такъ, чтобы Налетовъ уѣхалъ самъ, по собственному желанію, чтобы не только не платить ему неустойки, но, напротивъ, получить съ него.

Подстроить это было, однако, нелегко... И вдругъ, совершенно случайно, проѣздомъ въ Хмыровъ, на вокзалѣ въ В—ѣ, Петръ Осиповичъ встрѣчаетъ Ольгу и изъ разговора съ ней узнаётъ, что она есть именно та Ольга, обобранная и брошенная Налетовымъ любовница, которую онъ видѣлъ, правда, впервые, но о которой слышалъ не разъ. Тутъ же, отъ нея онъ узналъ, въ какомъ безвыходномъ положеніи она находится, и тутъ же счастливая мысль воспользоваться ею для своей цѣли осѣнила его... Онъ, конечно, не думалъ лично о ней. Напротивъ, ни словомъ, ни намекомъ не обмолвившись о томъ, что въ Хмыровѣ она встрѣтится съ оскорбившимъ ее человѣкомъ, онъ пригласилъ ее туда, впередъ увѣренный, что между ними обязательно произойдетъ какой нибудь скандалъ и уѣдетъ изъ Хмырова именно Налетовъ, а не Ольга. Разсчетъ его былъ вѣренъ:—Ольга нищая, ей не съ чѣмъ будетъ двинуться съ мѣста и она по неволѣ останется. Сестричкинъ не предложилъ ей и денегъ на дорогу отъ В—а до Хмырова, сообразивъ, что на этотъ проѣздъ она истратитъ теперь самые послѣдніе гроши и уже изъ Хмырова ей положительно не съ чѣмъ будетъ двинуться... Опытный антрепренеръ и ловкій, бывалый человѣкъ вообще, Сестричкинъ предугадалъ вполнѣ грядущія событія: скандалъ произошелъ, Налетовъ уѣхалъ; Петръ Осиповичъ считалъ за нимъ неустойку и выписалъ Шумихина...

Но Ольга, послѣ этой услуги, оставалась у него на рукахъ только лишь въ качествѣ выходной актрисы и, какъ совершенно неспособная, казалось бы, теперь могла доставить Петру Осиповичу лишь одни убытки. Но это только казалось! Еще тогда, посылая Сеню Легіонова встрѣтить Ольгу на вокзалѣ, Сестричкинъ, между

Digitized by Google

прочимъ, говорилъ уже ему, что она нисколько не хуже другихъ женщинъ и предсказывалъ, что полицмейстеру и господамъ офицерамъ она непремѣнно понравится. И теперь, не безкорыстно желая, чтобы предсказаніе его оправдалось, онъ принялся хлопотать о томъ... Онъ зналъ, что̀ именно нравится въ актрисахъ полицмейстерамъ и господамъ офицерамъ, и для перваго дебюта выпустилъ Ольгу—видную женщину — въ роли Эммы, подростка, почти дѣвочки, по смыслу роли принужденной выйти на сцену въ короткой юбкѣ и съ оголенными выше локтей руками. Онъ выпустилъ именно ее, не смотря на то, что въ трупѣ имѣлась другая выходная актриса—миньятюрная, молоденькая дѣвица съ совершенно дѣтскимъ лицомъ, актриса, какъ нельзя болѣе подходящая къ этой роли... И предсказаніе его, дѣйствительно, опять оправдалось:—новая выходная актриса сразу пришлась по вкусу намѣченнымъ лицамъ и, благодаря ей, они стали посѣщать театръ чаще прежняго. Положимъ, полицмейстеръ, бывая въ театрѣ на «собственномъ» креслѣ, не платилъ, по обыкновенію, за входъ; но зато господа офицеры, представляя изъ себя на безрыбьѣ рыбу и на безлюдьѣ—дворянина, т. е. мѣстный beau-monde, стали ходить въ театръ, и не иначе, какъ въ первый рядъ, въ тѣ дни, когда фамилія Ольгиной стояла на афишѣ; приходили они компаніями человѣкъ въ пять-шесть и, такимъ образомъ, внося каждый разъ въ кассу рублей по десяти по двѣнадцати, окупали Петру Осиповичу въ какой нибудь одинъ вечеръ все мѣсячное содержаніе Ольги...

Опытный, чрезвычайно опытный антрепренеръ былъ этотъ Петръ Осиповичъ!.. Передъ каждымъ выходомъ Ольги на сцену, онъ тщательно осматривалъ ея костюмъ и гримировку, никогда не выпускалъ ее въ роляхъ пожилыхъ, больше назначалъ роли малорѣчивыхъ горничныхъ, «чтобы она не оскандалилась въ разговорахъ», а лишь «показывала» себя, и только изрѣдка поручалъ ей маленькія и пустенькія роли водевильныхъ барышень. «Тутъ оскандалиться невозможно:—роли сами по себѣ довольно скандальныя»,—думалъ онъ.

Правда, иногда Петръ Осиповичъ досадовалъ нѣсколько на господъ офицеровъ, когда, пощелкивая зубами и облизываясь, они бродили толпою около дамской уборной, по сценѣ и за кулисами — словомъ тамъ, гдѣ красовалась надпись: «посторонним лицамъ входъ строго воспрещается», предлагавшая не проникать имъ,—и мѣшали всѣмъ, кто дѣлалъ на сценѣ дѣло:—актерамъ, помощнику режиссера, театральнымъ рабочимъ и плотникамъ. Но, всегда памятуя свою выгоду, онъ досадовалъ только про себя, а въ то же время любезно улыбался этимъ непрошеннымъ гостямъ...

Digitized by Google

Двухъ изъ нихъ: Гладыша, совершенно облысѣвшаго капитана, и Завиша—чрезвычайно завитаго самой природой подпоручика, онъ вскорѣ даже познакомилъ съ Ольгой. Они его очень просили объ этомъ, а онъ, опять таки, не только ничего не терялъ, но лишь выигрывалъ:—послѣ знакомства съ Ольгой, капитанъ Гладышъ и подпоручикъ Завишъ не пропустили уже ни единаго представленія съ ея участіемъ... Сестричкинъ же, знай себѣ, назначалъ ей роли на каждый день...

Сама Ольга относилась къ офицерамъ и къ ихъ наступательному ухаживанію совершенно равнодушно; ея дѣтская страсть къ военнымъ и къ ихъ блестящему костюму, очевидно, прошла безъ слѣда; прожитые годы унесли съ собою и это увлеченіе; теперь она была уже не прежняя пятнадцатилѣтняя швея, которой офицеръ казался чѣмъ-то недосягаемо-прекраснымъ; теперь даже не всякая конфетка соблазняла ее, тѣмъ менѣе могла ее увлечь и прельстить цвѣтная красивая обертка этой конфетки... Выслушивая тяжелые комплименты Гладыша и Завиша, она слабо улыбалась, когда они старались разсмѣшить ее шаблонными остротами, краснѣла и смущалась, когда, благодаря тому, что она актриса, они позволяли себѣ говорить ей нецензурныя сальности, за которыя женщина изъ общества, быть можетъ и болѣе порочная, но «съ правами на уваженіе», указала бы имъ на дверь:—словомъ, она подчинялась необходимости выслушивать этихъ театральныхъ ухаживателей, покорно выносила ихъ присутствіе, но и только... Она даже не возмущалась. Актрисой она сдѣлалась только теперь, но за три года жизни съ Налетовымъ она достаточно изучила нравы провинціальныхъ кулисъ и давно перестала возмущаться тѣмъ, что̀ поражало и приводило ее въ негодованіе въ первые полгода знакомства со сценой... Зато Сеня смотрѣлъ на офицеровъ настоящимъ волкомъ. Ревнуя, онъ злился на нихъ, не знакомился съ ними, но не выпускалъ ихъ изъ виду и, по окончаніи спектакля, тотчасъ уводилъ Ольгу домой. Гладышъ и Завишъ замѣтили, конечно, ревнивца, но только посмѣивались надъ нимъ между собой и безпрестанно вышучивали его въ разговорѣ съ Ольгой. А она, даже передъ ними, не вступалась за него. Сеня былъ для нея не то, что̀ Налетовъ, за котораго въ оно время она была способна, что называется, «выцарапать» глаза всякому. Она не любила Сеню тою любовью, какой любила того, прежняго, Налетова. Правда, послѣ той памятной ночи, въ день ея пріѣзда въ Хмыровъ, когда она разсказала Сенѣ свою повѣсть, они сблизилась; но и до сихъ поръ она не могла объяснить себѣ, какъ это произошло, что̀ нашло на нее въ ту минуту... Ей казалось теперь, что Легіоновъ выпросилъ, выплакалъ ея взаимность; ей были

Digitized by Google

тяжелы эти случайно установившіяся между ними отношенія; но, видя его неподдѣльную любовь, его страсть и эту чисто собачью преданность, она не рѣшилась теперь сразу отдалить его отъ себя, да и не знала, не могла придумать, какъ прекратить эти отношенія и какъ вести себя съ нимъ дальше...

Условія Шумихина, на тяжесть которыхъ жаловался Сестричкинъ и при обязательномъ исполненіи которыхъ только и соглашался пріѣхать этотъ извѣстный гастролёръ, состояли въ томъ, что до начала каждаго спектакля, передъ поднятіемъ занавѣса, антрепренеръ долженъ былъ принести ему въ уборную одну треть валоваго сбора. Только тогда Шумихинъ выходилъ на сцену и игралъ. На этихъ условіяхъ онъ явился и въ Хмыровъ. Первые три спектакля:—«Семья преступника», «Гамлетъ» и «Кинъ»—онъ сыгралъ при полномъ театрѣ и при полномъ сборѣ; на первомъ спектаклѣ въ партерѣ виднѣлись даже приставные стулья. Но эти три спектакля, какъ воду изъ губки, высосали изъ публики всѣ денежные соки; четвертый—прошелъ уже при половинномъ сборѣ, а пятый шелъ прямо въ убытокъ антрепренеру: двѣ трети сбора, остававшіяся на его долю, не окупали даже вечеровыхъ расходовъ... Наконецъ, высохла ли окончательно губка, надоѣлъ ли просто на просто «извѣстный артистъ» Шумихинъ апатичнымъ и равнодушнымъ хмыровцамъ, но лягушки забились опять въ свое грязноватое болотце, и въ тотъ вечеръ, когда былъ назначенъ шестой спектакль—Уріель Акоста—сборъ былъ уже такъ ничтоженъ, что Шумихинъ вовсе отказался даже играть, а на утро, не смотря на то, что игралъ меньше недѣли, а обѣщалъ играть двѣ,—уѣхалъ обратно въ Москву. Лично онъ былъ, впрочемъ, не въ убыткѣ:—онъ получилъ отъ Сестричкина выговоренныя деньги на проѣздъ изъ Москвы и обратно, да къ тому же увозилъ съ собою еще рублей пятьсотъ или шестьсотъ заработанныхъ денегъ... Но дѣла самого Сестричкина, а также обстоятельства большинства членовъ труппы, не поправились и отъ гастролей Шумихина. Масса разныхъ поставщиковъ и кредиторовъ Петра Осиповича по театру незамѣтно, въ нѣсколько дней, разнесла доставшуюся на антрепренерскую долю часть сборовъ во время спектаклей Шумихина, а изъ актеровъ, какъ это всегда бываетъ, попользовались лишь тѣ, кто былъ понахальнѣе; тѣ же, что были поскромнѣе, потише и поделикатнѣе, остались, по обыкновенію, «на бобахъ»... Такая мелочь, какъ Сеня Легіоновъ, Ольга Ольгина и трусливый «второй любовникъ» Наташинъ, втайнѣ мечтавшіе послѣ гастролей Шумихина хоть разокъ пообѣдать по людски, съ «горячимъ блюдомъ»,—ничего не получили и остались при однѣхъ мечтахъ. Зато Раиса Петровна Солина получила полностью все, что

Digitized by Google

ей причиталось за прослуженное въ Хмыровѣ время. Еще въ первый день пріѣзда Шумихина, очевидно воспользовавшись его благимъ примѣромъ, она чрезъ свою горничную объявила Сестричкину, что не выдетъ сегодня изъ уборной, пока не получитъ полностью заработанныя деньги. Отказать ей было немыслимо:—замѣнить ее въ отвѣтственной роли жены преступника, Розы, было некѣмъ; къ тому же и дальнѣйшіе спектакли съ участіемъ гастролёра:—Гамлетъ, Кинъ, Женитьба Бѣлугина, Уріель Акоста,—тоже не могли состояться безъ опытной актрисы на сильно-драматическія роли, и Сестричкинъ, бѣснуясь и ругаясь, былъ все таки вынужденъ уступить и со злостью, съ ожесточеніемъ швырнулъ въ уборную премьерши только что полученныя отъ кассира кредитныя бумажки, изъ числа которыхъ львиная часть только что перешла въ руки Шумихина. Въ слѣдующій вечеръ получилъ все заработанное и «наглый простакъ» труппы—Гамовъ. Онъ игралъ Горація въ Гамлетѣ и передъ началомъ спектакля поклялся Петру Осиповичу въ томъ, что если сію же минуту Сестричкинъ не заплатитъ ему денегъ, то онъ устроитъ ему «презанимательный скандальчикъ».

— Высокоуважаемый Петръ Осиповичъ,—предупреждалъ онъ:—увѣряю васъ, что вмѣсто рѣчей, придуманныхъ для благороднаго Горація господиномъ Шекспиромъ, я разскажу господину Гамлету такую «отсебятину», отъ которой вамъ станетъ тошно... Увѣряю васъ,—продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ:—что я разскажу Гамлету о томъ, что вы не платите актерамъ денегъ; объясню, что и я, Горацio, и король, и королева, и поджарый Лаэртъ, и Розенкранцъ, и Гильденстернъ, — всѣ мы хотимъ кушать и давно не обѣдали; разскажу, что одна только восхитительная Офелія получила съ васъ вчера деньги, и то—нахрапомъ!.. Все разскажу, и буду просить гуманнаго, добраго и высоко-справедливаго принца приказать Полонію, что ли, чтобы тотъ принялъ понудительныя и строгія мѣры... Въ послѣдній разъ предупреждаю васъ объ этомъ, высокоуважаемый Петръ Осиповичъ!..

Сестричкинъ, зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, зная, что Гамовъ способенъ еще и не на такую гадость, хотя снова ругался и чертыхался, но въ концѣ-концовъ отдалъ деньги и ему. Старый воробей, комическая старуха Пушкарева, болѣе сорока лѣтъ прослужившая на сценѣ и видавшая всякіе виды и всякихъ антрепренеровъ; дерзкій и вѣчно пьяный резонеръ Дубининъ и суфлеръ Геліотроповъ—довольно ловкій и развязный молодой человѣкъ — тоже урвали у Сестричкина если и не всѣ причитавшіяся имъ деньги, то хоть частичку. Они терпѣливо выжидали его у дверей кассы и чуть ли не силою вырывали изъ рукъ его кто бумажку, кто двѣ, а кто и три...

Digitized by Google

Когда Шумихинъ уѣхалъ, Петръ Осиповичъ щелкнулъ пальцами въ воздухѣ, почесалъ по обезьяньи затылокъ и раздражительно плюнулъ. Онъ ждалъ бо́льшихъ барышей и разсчитывалъ поправить дѣлишки, а на повѣрку дѣло выходило дрянь! Гастролеръ Лапинъ долженъ былъ явиться въ Хмыровъ только еще черезъ недѣлю, и въ недѣлю, наступавшую теперь, предстояла уже настоящая голодовка. Сестричкинъ зналъ, что выжатая Шумихинымъ губка-публика не скоро вберетъ опять въ себя влагу—деньги, а, сидя безъ денегъ, не пойдетъ, конечно, въ театръ.

«Да и кого смотрѣть»?—грустно спрашивалъ онъ себя:—«Раису, драную кошку? Морщины-то безъ бинокля даже изъ галёрки видно. Слюняваго Наташина въ роляхъ героевъ и первыхъ любовниковъ? Гимназисты, и тѣ ему шикаютъ. Гладышъ съ Завишемъ только и поддержатъ! Эти придутъ аплодировать Ольгиной за безсловесную роль горничной да за красивыя ноги, да за голыя руки. О, Господи, Господи! Вотъ и веди дѣло, и разсчитывайся честно. Затрещитъ тутъ антрепренерская спина, когда по цѣлымъ недѣлямъ приходится довольствоваться четырехрублевымъ сборомъ съ господъ офицеровъ»!—сѣтовалъ онъ.

И дѣйствительно, послѣ гастролей Шумихина, публика будто совсѣмъ забыла, что въ городѣ существуетъ театръ; но и то правда, что смотрѣть было рѣшительно некого и нечего. Солина и однообразные комики надоѣли; второй любовникъ, за отсутствіемъ перваго, игралъ героевъ и игралъ очень плохо; вторыхъ любовниковъ изображалъ вмѣсто него совершенно бездарный, но очень красивый актеръ Голушкинъ, подвизавшійся подъ громкимъ псевдонимомъ Гамлетова... Къ тому же, какъ и всегда это бываетъ среди любителей и посредственныхъ актеровъ, въ пустомъ театрѣ они играли кое-какъ, спустя рукава...

А между тѣмъ, они все также голодали и также приставали къ Сестричкину съ уплатою денегъ; онъ имъ все также отказывалъ, а они говорили ему дерзости. На репетиціяхъ и передъ спектаклями, на сценѣ, и за кулисами и въ уборныхъ, слышались постоянно колкости, брань, упреки. Петръ Осиповичъ сначала, по обыкновенію, отшучивался; затѣмъ, выведенный изъ себя, злился, кричалъ, что онъ приглашалъ артистовъ, а не нищихъ, что мѣсяцъ еще не кончился, а впередъ никто не смѣетъ требовать съ него уплаты жалованья. По окончаніи мѣсяца, онъ обѣщалъ расплатиться со всѣми. Конечно, никто этому не вѣрилъ, конечно, и самъ онъ совершенно не могъ себѣ представить, чѣмъ собственно расплатится, и обѣщалъ только потому, что надо же было что нибудь обѣщать... Кассиръ сдавалъ Сестричкину какихъ нибудь двадцать рублей, тогда

Digitized by Google

какъ вечеровой расходъ съ уплатою жалованья актерамъ,—еслибы Сестричкинъ имъ платилъ,—обходился бы ему рублей въ двѣсти!..

Наконецъ, какъ-то во время спектакля, дня за три, за четыре до окончанія этого злополучнаго мѣсяца, въ зрительной залѣ были заняты лишь два кресла перваго ряда: одно капитаномъ Гладышемъ, другое—подпоручикомъ Завишемъ, да одна ложа бенуара—какимъ-то купцомъ, который былъ въ этотъ день именинникъ и поэтому вздумалъ повеселить театральнымъ представленіемъ свою семью и домашнихъ. Кассиръ собралъ двѣнадцать рублей. Сквозь слезы насмѣхаясь надъ собою, актеры высчитали, что еслибы купецъ праздновалъ день своего ангела не въ этотъ день и еслибы въ пьесѣ, назначенной на этотъ спектакль, не участвовала Ольга — театръ былъ бы совершенно пустъ... Передъ поднятіемъ занавѣса, Солина, заглянувъ въ прорѣзанное въ немъ отверстіе, объявила, возмущенная и оскорбленная, что играть не станетъ и ушла было въ уборную; но скоро она была вынуждена вернуться и играть: во-первыхъ, Сестричкинъ припугнулъ ее неустойкой, а, во-вторыхъ, доказалъ и ей и другимъ бунтовавшимъ актерамъ, что если сегодня онъ отмѣнитъ спектакль по причинѣ малаго сбора, то завтра уже никто не пойдетъ къ нимъ въ театръ, предполагая, что спектакль будетъ снова отмѣненъ...

И спектакль состоялся. Офицеры сидѣли больше въ буфетѣ и, не смущаясь, являлись на свои мѣста только къ короткимъ выходамъ Ольги, о которыхъ заблаговременно докладывалъ имъ скучавшій около пустыхъ вѣшалокъ служитель, такъ что въ сущности вся труппа играла для именинника-купца и для его благодушнаго семейства.

IX.

Собравшись на репетицію на другой день послѣ этого спектакля съ трагикомическимъ сборомъ, злосчастные хмыровскіе актеры узнали пренепріятную новость. Ихъ послѣдняя надежда рухнула,—гастролёръ Лапинъ прислалъ телеграмму о томъ, что не пріѣдетъ въ Хмыровъ. Это короткое увѣдомленіе не объясняло причины его измѣны, но, въ сущности, ее и незачѣмъ было объяснять: всякому было ясно, что, встрѣтившись въ Москвѣ съ Шумихинымъ, Лапинъ узналъ отъ него, каковы дѣла въ Хмыровѣ, и, конечно, раздумалъ ѣхать...

Рухнула также и послѣдняя надежда Сестричкина. Теперь нечего было и думать о поправленіи дѣлъ вообще, объ уплатѣ актерамъ мѣсячнаго жалованія, объ удовлетвореніи прочихъ кредиторовъ.

Digitized by Google

по дѣламъ театра, о возможности вести дальше дѣло и хоть какъ нибудь кончить сезонъ. И какъ только Петръ Осиповичъ прочелъ эту телеграмму, въ головѣ его тотчасъ мелькнула мысль,—исходная мысль современнаго антрепренера. Онъ рѣшилъ бѣжать немедленно изъ города, бѣжать тайно, какъ преступникъ, какъ воръ,—если успѣетъ, днемъ по желѣзной дорогѣ, если нѣтъ, то хоть ночью, хоть пѣшкомъ до какой нибудь станціи... Не задумываясь, онъ рѣшилъ бросить на произволъ судьбы всѣхъ этихъ маленькихъ людей, довѣрившихся ему, его опытности, повѣрившихъ его честному слову, а, быть можетъ, поступившихъ къ нему только потому, что больше некуда было дѣваться, но тѣмъ не менѣе—людей, цѣлый мѣсяцъ голодавшихъ и даромъ работавшихъ на него. Однако, чтобы они не заподозрили его въ этомъ намѣреніи и не помѣшали его бѣгству, одновременно онъ рѣшилъ обманывать ихъ до послѣдней минуты, обманывать въ послѣдній разъ, а потому—еще нахальнѣе, чѣмъ обманывалъ ихъ до сихъ поръ... По обыкновенію, онъ явился на репетицію и въ этотъ день раньше всѣхъ, придалъ своему лицу по возможности покойное выраженіе, шутилъ, даже смѣялся...

Но актеры, собравшись на репетицію, были далеко не спокойны. Имъ некого было обманывать,—обманывать самихъ себя не приходилось,—и они окончательно потерялись. Содержаніе телеграммы Лапина было имъ сообщено, конечно, не Сестричкинымъ; они узнали о немъ чрезъ одного изъ многочисленныхъ пріятелей Сени, мелкаго телеграфнаго чиновника, сообщившаго это извѣстіе Легіонову.

— Ну, что жь, и теперь станете увѣрять, что разочтетесь со всѣми по окончаніи мѣсяца? — со злобной усмѣшкой, глядя въ упоръ на антрепренера, спросилъ его «резонеръ» Дубининъ, какъ только, придя на репетицію, узналъ о телеграммѣ Лапина.

— Мѣсяцъ-то послѣ завтра! Вѣдь тогда мы *будемъ имѣть право* требовать заработанныя деньги, — добавилъ суфлеръ Геліотроповъ.

— Испугали, миленькіе, испугали! — воскликнулъ Сестричкинъ, по своему обыкновенію, сначала шутливо. — Сейчасъ упаду на колѣни, «покаюсь предъ народомъ» и буду просить о пощадѣ. Только, голубчики, — добавилъ онъ, — объ одномъ прошу: сдѣлайте вы Сестричкину одолженіе, а себѣ удовольствіе,—не орите всѣ разомъ, да еще и во все горло!... У меня барабанныя перепонки лопнутъ!...

— Да ну тебя къ чорту съ твоими перепонками и шуточками! Не до нихъ теперь. Намъ жрать нечего!—оборвалъ его «комикъ» Побрыкинъ.

— Ѳедя, Ѳедя! Ты по таланту комикъ, а такія трагическія фразы произносишь,—воскликнулъ, качая головой, Петръ Осиповичъ.— Знайте, мои рыцари!—обратился онъ тутъ же ко всѣмъ:—антрепренеръ

Digitized by Google

Сестричкинъ всегда разсчитывался честно и благородно, и теперь намѣренъ разсчитаться также...

— Слышали мы это, слышали!—закричали актеры, дѣйствительно уже сразу въ нѣсколько голосовъ.

— И тогда не вѣрили, когда была хоть какая нибудь надежда на Шумихина да на Лапина,— подхватилъ Дубининъ.—А теперь, когда осталась надежда только на ваше честное слово, такъ ужь врете:—дуракъ, и тотъ вамъ не повѣритъ!...

— Не обижайся, Петя. Не обижайся, миленькій. Я тебѣ повѣрю!—воскликнула «комическая старуха» Пушкарева. Она чуть ли не больше всѣхъ ненавидѣла Сестричкина, но всегда, какъ и онъ ее, называла его уменьшительнымъ именемъ и была съ нимъ на «ты».— Я всю жизнь вѣрила антрепренерскому честному слову,— продолжала она.—Я и тебѣ такъ вѣрю, такъ вѣрю, что вотъ сегодня же заберу себѣ товару на пропитаніе и въ булочной, и въ колбасной, и вмѣсто денегъ твое честное слово предложу... Вѣдь, я думаю, и тамъ ему дадутъ какую нибудь цѣну?.... А?... Петя, ты какъ думаешь:—дадутъ мнѣ за твое честное слово полфунта колбасы и хоть черствую, хоть вчерашнюю трехкопѣечную булку?! Дадутъ, Петя?— приставала она къ Сестричкину, поощряемая общими насмѣшливыми возгласами товарищей.

— Дашенька, сохрани ты свои остроумныя отсебятины къ вечеру! а то этакъ-то растеряешь на репетиціи свои заряды, а къ спектаклю и выдохнешься,—острилъ и отшучивался «сквозь незримыя слезы» антрепренеръ. Онъ слушалъ всѣ эти колкости и начиналъ уже злиться. Но онъ рѣшилъ сдерживаться до послѣдней возможности, боясь какого нибудь скандала, потому что скандалъ этотъ могъ бы помѣшать его бѣгству.

Между тѣмъ, молчавшая до сихъ поръ и глядѣвшая съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и на отшучивавшагося антрепренера, и на бунтующихся товарищей, премьерша Раиса Солина вставила наконецъ и свое угрожающее слово.

— А я подожду еще эти два дня, до конца мѣсяца, а тамъ, чтобъ избавить себя отъ неустойки, заявлю обо всемъ полицмейстеру и уѣду,—объявила она.

— Да вѣдь у кого понакоплено, тому можно такъ разговаривать,—замѣтила Пушкарева.

Брови Солиной сдвинулись и поперечная морщинка образовалась на лбу, повыше переносья.

— Только безмозглыя дуры подъ старость нищими остаются!— рѣзко проговорила она, ни къ кому, впрочемъ, не обращаясь.

Digitized by Google

— Ахъ, рóдненькія, про честныхъ-то она и позабыла,— вздохнувъ, замѣтила опятъ Пушкарева, но также будто про себя.

И товарищи какъ бы забыли объ общемъ дѣлѣ, о сути его, объ антрепренерѣ, и принялись говорить уже другъ другу тѣ колкости, которыми—и не только на сценѣ—всѣ недалекіе и мало-развитые люди, въ сущности ничего другъ противъ друга не имѣющіе, охотно обмѣниваются, когда, связанные неразрывною веревочкой семейнаго родства или общаго дѣла, претерпѣваютъ нужду или неудачу. Люди эти будто не понимаютъ, что этой рознью, этими колкими намеками и мелкой злобной перебранкой, они ничуть не помогаютъ дѣлу, а лишь устраиваютъ новый перезвонъ своимъ и безъ того разстроеннымъ нервамъ и только усугубляютъ отвратительность своего существованія...

— Что жь: донесете, а сами удерете?—спросилъ Солину Дубининъ.

— А вы что же думали: мариноваться буду я здѣсь въ вашемъ соку?—отвѣтила она.

— Ну, что жъ, по товарищески поступите...—огрызнулся резонеръ.—Правда, инаго отъ васъ и ждать трудно—откровенно замѣтилъ онъ.—А, впрочемъ, убытка большаго не будетъ, если и уѣдете:—все равно, и при васъ въ театрѣ хоть шаромъ покати!...

Дубининъ умышленно задѣлъ самое больное мѣсто премьерши.

— А кто со мной играетъ? — дѣйствительно крикнула она въ полномъ азартѣ. — Гдѣ любовникъ? Съ кѣмъ я играю?!... Вы бы меня еще съ выходнымъ заставили играть драматическія роли: съ этимъ Гамлетомъ Галушкинымъ, или съ тѣмъ колбасникомъ! Развѣ это актеръ?!—указала она на скромно и молчаливо стоявшаго тутъ же Наташина. — Это актеръ, я васъ спрашиваю? Это слизнякъ, а не актеръ!—горячилась она, задѣвая безъ стѣсненія товарищей.

Артистическое самолюбіе Наташина было очень оскорблено.— «Сама ты мокрица, если я слизнякъ! Ну, возьми въ герои своего вольноопредѣляющагося солдатика, если я не гожусь»,—ворчалъ онъ озлобленно про себя; но вслухъ, по обыкновенію, ничего не отвѣтилъ.

— Ничего, ничего, поѣзжайте себѣ! Мы тогда Ольгину премьершей сдѣлаемъ... Дѣла не хуже пойдутъ!—поддразнивая Солину и задѣвая совсѣмъ непричастнаго къ ихъ спору человѣка, продолжалъ между тѣмъ Дубининъ.

Солина презрительно улыбнулась.

— Да, два офицера по прежнему придутъ на свои кресла!— уязвила она.

Ольга вспыхнула. Вспыхнулъ и Сеня Легіоновъ.

— Эти два офицера хоть платятъ за свои кресла, а вотъ отъ вашего солдатика, который торчитъ постоянно за кулисами да въ

Digitized by Google

вашей уборной, никому, кромѣ васъ, нѣтъ, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока!—отпарировала Ольга.

Съ гордостью и величіемъ королевы, Солина повернулась къ антрепренеру.

— Уймите ее!... Я не привыкла вести рыночную перебранку со всякими торговками и швейками.

— Сами задѣли, сами вы, значитъ, торговка!—вставила Ольга.

— Слышите, если она осмѣлится сказать мнѣ еще слово, я и конца мѣсяца не стану дожидаться. Я сегодня же заявлю полицмейстеру и уѣду!—повторила свою угрозу Раиса Петровна и, высоко поднявъ голову, ушла въ свою уборную.

Сестричкинъ струсилъ уже, когда Солина еще намекнула только о жалобѣ полицмейстеру. «Только сегодня-то обожди, а тамъ—какъ удеру—жалуйся, кому хочешь, миленькая—хоть китайскому императору», думалъ онъ. По просьбѣ актеровъ, начальство могло обязать его подпиской о невыѣздѣ; онъ боялся угрозы Солиной и тревожно прислушивался къ тому, какъ сначала Пушкарева, а затѣмъ и Дубининъ переругивались съ премьершей. «Разозлится и, пожалуй, теперь же донесетъ!»—шепталъ онъ боязливо. Но онъ зналъ, что ни комическую старуху, ни резонера ему не удастся остановить: они и сами были «персоны» въ труппѣ, да къ тому же люди не изъ уступчивыхъ; а потому, чувствуя себя между двухъ огней, онъ молчалъ. Зато теперь съ двойною злостью онъ набросился на выходную актрису...

— Да что жь это будетъ, въ самомъ дѣлѣ, если еще и вся мелочь станетъ тутъ орать и браниться!—крикнулъ онъ Ольгиной.

Она хотѣла ему повторить, что Солина первая задѣла ее, но Сеня Легіоновъ предупредилъ ее,

— Чего тутъ: мелочь да мелочь!... И мелочь оскорблять нельзя. И мелочь ѣсть хочетъ, какъ и другіе,—сказалъ онъ.

— А мнѣ какое дѣло, что ты хочешь ѣсть!—съ той же злобой накинулся Сестричкинъ и на него. Съ того дня, когда Сеня отказался снести телеграмму Шумихину, антрепренеръ точилъ на него зубы и придирался къ нему за каждый пустякъ; злился онъ на него и за то, что своею ревностью онъ мѣшаетъ офицерамъ ухаживать за Ольгой.—Мнѣ какое дѣло?!—повторилъ онъ.—Нищенскій комитетъ у меня, что ли, чортъ тебя возьми! Сказано, пройдетъ мѣсяцъ, и все получите! А теперь, хоть ты подохни съ голоду—я въ этомъ не буду виноватъ...

— И мѣсяцъ пройдетъ—ничего не получимъ! Только попрекать умѣете тѣмъ, чего не давали,—повторилъ Сеня, вспомнивъ недавнюю обиду.—Извѣрились въ ваши обѣщанія,—добавилъ онъ.

Digitized by Google

— Не безпокойся, миленькій! За этотъ мѣсяцъ я тебѣ заплачу, какъ и всѣмъ,—оговорился Сестричкинъ.—Только служить ты у меня больше не будешь. Это вѣрно!

— И никому не заплатите, и никто служить не будетъ... Это тоже вѣрно... Врете вы все!—забасилъ опять Дубининъ.—Ну, чѣмъ, ну, скажите, чѣмъ вы заплатите, откуда ждете кораблей съ золотомъ? Вѣдь не государственная это тайна, коли не вранье? — приставалъ онъ снова.

Онъ поставилъ вопросъ ребромъ; но Сестричкинъ зналъ, что кто нибудь предложитъ ему этотъ вопросъ, и приготовился къ нему еще поутру. Однако, раньше нежели отвѣтить, онъ не забылъ щелкнуть пальцами по воздуху и почесалъ затылокъ.

— Ну, ладно же. Слушайте!—сказалъ онъ, будто рѣшаясь наконецъ сказать то, о чемъ хотѣлъ было помолчать до поры, до времени.—Купчиху Сивохину знаете?

— Ну?—послышалось нѣсколько голосовъ.

— Въ какой она со мной дружбѣ, слышали?

— Охъ, слышали, слышали, родименькій. Ты вѣдь тоже не дуракъ, какъ наша премьерша говоритъ!— воскликнула Пушкарева.— Тоже, какъ и она, какъ и прочіе умники, поди, о старости своей помышляешь.

— Завтра къ вечеру обѣщала она перечислить заимообразно три тысячи рублей изъ своего кармана вотъ въ этотъ!—торжественно объявилъ Сестричкинъ, ударяя себя по боковому карману.— Поняли теперь, соколики, чѣмъ заплатитъ вамъ антрепренеръ, на что онъ разсчитываетъ и какихъ ждетъ кораблей?! Я не хотѣлъ только говорить объ этомъ до послѣдней минуты, потому что болтовней все дѣло можно испортить... Но вы меня принудили, и я теперь объ одномъ прошу васъ...

— Петинька, да что жь ты думаешь: мы такъ уши развѣсили да тебѣ и повѣрили?—прервала его рѣчь Пушкарева.—Вѣдь я, Петинька, старый воробей:—сорокъ лѣтъ за кулисами порхаю. Слава богу, всякихъ гусей видала и на такихъ лапчатыхъ, какъ ты, насмотрѣлась!... Да меня ты, Петрушенька, даже своимъ драматическимъ голосомъ не надуешь. Вѣдь ты все это врешь, душечка. И о Сивохиной врешь...

— А чортъ съ тобой!—окрысился антрепренеръ—Я тебя и увѣрять не стану. Тебѣ же завтра стыдно станетъ, что считаешь меня подлецомъ! А теперь,—обратился онъ опять ко всѣмъ актерамъ:—сдѣлайте вы Сестричкину одолженіе, а себѣ удовольствіе. Хоть до завтра не благовѣстите объ этомъ направо и налѣво!...

Актеры угрюмо молчали. Они еще не знали хорошенько, вѣрить

Digitized by Google

ли, или не вѣрить новому обѣщанію антрепренера. «А чѣмъ чортъ не шутитъ!» хватаясь за новую надежду, думалъ кое-кто изъ нихъ.

Легіоновъ не ушелъ еще изъ театра.

— А ты, по злости, начнешь, конечно, славить, — задѣлъ его снова Сестричкинъ. — Такъ славь: ты не страшенъ. Мелко плаваешь: кромѣ колбасницы своей, тебѣ и разсказать-то некому!

Сеня молчалъ и смотрѣлъ на Сестричкина все съ тѣмъ же глубокимъ презрѣніемъ.

— Или теперь, узнавши о корабляхъ, прощенія просить станешь да остаться пожелаешь?—подсмѣивался тотъ.

— Да хоть у васъ двадцать Сивохиныхъ найдись, и дутыхъ, и не дутыхъ — я у васъ служить не стану, а прощенья-то просить и подавно!—отвѣтилъ Сеня.

— Я жь говорю: князь Легіоновъ-Колбасниковъ, да и все тутъ!— воскликнулъ уже нѣсколько смущенный этимъ отвѣтомъ антрепренеръ.—Чего жь ты не уходишь-то?—спросилъ онъ затѣмъ Сеню.

— А вотъ, уйду,—отвѣтилъ со вздохомъ Сеня и подошелъ къ Ольгѣ.—Ты вѣдь скоро отдѣлаешься?—спросилъ онъ ее вполголоса.

— Скоро; только въ первомъ и въ началѣ втораго дѣйствія выхожу,—отвѣтила она.

— Такъ приходи потомъ домой. Давай мнѣ ключи отъ номера; я буду ждать тебя тамъ съ самоваромъ,—сказалъ онъ.

— Что жь, думаешь, однимъ кипяткомъ сыты будемъ, что ли?— замѣтила нѣсколько раздраженно Ольга.

— Сахару у тебя осталось еще нѣсколько кусковъ и чаю хватитъ на двѣ заварки. Я смотрѣлъ поутру,—успокоилъ ее Сеня.—А перекусить я опять попрошу чего нибудь у Дарьи Андреевны,— добавилъ онъ и, ни съ кѣмъ не простившись, ушелъ изъ театра въ колбасную...

Дарья Андреевна отрѣзала ему кусокъ колбасы съ чеснокомъ, чуть-чуть побольше полуфунта, но отрѣзала совсѣмъ неохотно... Вообще, за послѣднее время и она, всегда милая и любезная, замѣтно перемѣнилась къ Сенѣ. Впрочемъ, самъ онъ былъ въ этомъ виноватъ. За послѣднія двѣ недѣли, какъ и со всѣми, онъ съ ней сталъ менѣе любезенъ, и не потому, чтобы разочаровался въ ней, какъ разочаровался въ Налетовѣ, въ Сестричкинѣ, въ товарищахъ, а просто потому, что былъ постоянно занятъ мыслью объ Ольгѣ, о томъ, чтобы ей было хорошо, или, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы она не голодала; старался всячески услужить ей, проводилъ съ нею и у нея все свободное время и уже на услуги другимъ людямъ,— тѣмъ людямъ, которымъ онъ услуживалъ раньше, а въ томъ числѣ и Дарьѣ Андреевнѣ,—у него не оставалось времени. Ему было уже

Digitized by Google

некогда постоять вмѣсто нея за прилавкомъ, не было времени разнести продукты ея лавочки товарищамъ, которые—кстати сказать—тоже охладѣли къ нему съ тѣхъ поръ, какъ, познавъ ихъ, онъ сталъ уклоняться отъ ихъ порученій. Ему было уже не до того, чтобы позаняться прежними забавами и съ сожителями своими, сыновьями Дарьи Андреевны... А она, видя такое отчужденіе, такую перемѣну съ его стороны, заподозрила, что Сеня разлюбилъ почему либо ея мальчиковъ, и естественно сама стала уже иначе относиться къ нему. Кромѣ того, всегда акуратный Сеня запуталъ теперь и денежные разсчеты свои съ не менѣе акуратной въ этомъ отношеніи Дарьей Андреевной, а это, какъ извѣстно, служитъ всегда главной причиной перемѣны отношеній, какъ между большими, такъ и между маленькими людьми.. «Изъ-за убѣжденій» у насъ вѣдь расходятся только на словахъ, да и то очень рѣдко!.. Самъ ничего не получая за послѣднее время, Легіоновъ прекратилъ уплату за столъ и за квартиру, и такимъ образомъ задолжалъ уже Дарьѣ Андреевнѣ рублей пятнадцать; затѣмъ, съ пріѣзда Ольги въ Хмыровъ, онъ пересталъ и вовсе «столоваться» у колбасницы:—ему было какъ-то неловко обѣдать каждый день, когда онъ зналъ, что Ольгѣ не только негдѣ пообѣдать, но нечего и перекусить, хотя бы въ сухомятку. Вмѣсто того чтобы по прежнему пользоваться обѣдомъ, онъ сталъ забирать—и опять таки въ долгъ—изъ лавки Дарьи Андреевны то колбасу, то ветчину, то сосиски,—носилъ все это къ Ольгѣ и тамъ, вмѣстѣ съ нею, питался этими продуктами, вмѣстѣ съ чаемъ и булками. Но теперь за эти заборы онъ задолжалъ колбасницѣ еще около пяти рублей и замѣчалъ уже, что, отпуская ему товаръ все въ долгъ да въ долгъ, она съ каждымъ разомъ дѣлаетъ это все неохотнѣе, вообще становится все суровѣе и суровѣе. Сначала Сенѣ казалось, что за шесть лѣтъ знакомства Дарья Андреевна достаточно узнала его и могла убѣдиться, что онъ не жуликъ какой нибудь, дѣлающій долги безъ отдачи; что она, зная его временно плохія дѣла, войдетъ въ его положеніе, какъ не разъ и онъ входилъ въ ея положеніе и помогалъ ей чѣмъ могъ и какъ умѣлъ,—и потому должалъ, не смущаясь. Но, замѣтивъ ея недовольство, онъ уже конфузился и, должая, смущенно бормоталъ всякій разъ, что вотъ-вотъ получитъ отъ Сестричкина деньги и тогда все цѣликомъ отдастъ ей, расплатится за все... Дарья Андреевна выслушивала молча его объясненія и обѣщанія, а лицо ея было угрюмо. Собственно денежный кредитъ она давно закрыла Сенѣ, такъ что на всѣ неприхотливыя потребности свои и ольгины—на чай, сахаръ, хлѣбъ и булки—онъ занималъ по мелочамъ у всѣхъ своихъ пріятелей, кромѣ, конечно, товарищей-актеровъ и всѣхъ служив-

Digitized by Google

шихъ при театрѣ, которые сами были готовы перехватить двугривенный у всякаго встрѣчнаго и поперечнаго... Но и парикмахерскимъ подмастерьямъ, и наборщикамъ типографіи, и прикащикамъ сосѣднихъ магазиновъ, и даже дѣвицѣ иностраннаго происхожденія, у которой женихъ служилъ въ солдатахъ:—словомъ, всѣмъ своимъ друзьямъ и пріятелямъ Сеня былъ уже долженъ теперь: кому сорокъ, кому тридцать, кому двадцать копѣекъ, и никому не отдавалъ. Теперь именно дошелъ онъ до того, что еслибы и впрямь ему вмѣстѣ съ Ольгой пришлось умирать съ голоду, то ему не у кого было бы попросить взаймы не только рубля, но и гривенника...

— Семенъ Васильевичъ,—заговорила сегодня Дарья Андреевна, отрѣзая ему кусокъ колбасы съ чеснокомъ и стараясь отрѣзать поменьше:—я давно собиралась вамъ сказать, а ужь нынче, какъ хотите, выскажу!.. Я вамъ нынче въ послѣдній разъ товаръ отпускаю. Вѣдь больше двадцати двухъ рублей за вами накопилось. А вы сами знаете: это для меня деньги, да еще какія! Я вѣдь не купчиха какая первогильдейная, у меня въ кубышкѣ деньги не лежатъ. Той все равно, а я трудами живу, горбомъ себѣ и ребятишкамъ пропитаніе выколачиваю!.. Одолжала васъ, правду сказать, сверхъ силъ, а больше, видитъ Богъ...

— Да я чувствую, Дарья Андреевна... Спасибо вамъ. Я вѣдь отдамъ... все отдамъ,—забормоталъ, по обыкновенію, смутившійся Сеня.

— Ну, вотъ то-то, то-то!—подхватила колбасница:—одолжала, ждала, а ужь дальше—не взыщите, не могу! Трудомъ живу, а помощи ни откуда не вижу. Все одна да одна управляйся... Оболтусы мои зимою въ школѣ, а лѣтомъ нивѣсть гдѣ болтаются: ну, извѣстно, малолѣтніе, съ нихъ и не спросишь! Прежде, нѣтъ-нѣтъ, хоть вы, бывало, замѣните меня: и лавку откроете, и постоите за выручкой, и поторгуете, покуда я на рынкѣ, либо по другимъ дѣламъ отлучусь; а теперь: уйдешь, когда ужь какое совсѣмъ неотложное дѣло встрѣтится,—и лавку, значитъ, на запоръ! А тѣмъ временемъ, можетъ, и навернулся бы покупатель, другой и третій, анъ, глядишь, рубль, а то и два изъ кармана вонъ!..—Такъ, не смущаясь, попрекнула она Сеню за то, что онъ пересталъ ей по прежнему услуживать, и продолжала въ томъ же духѣ.

— Опять же и съ театральныхъ съ вашихъ тоже дохода лишилась съ тѣхъ поръ, какъ вы перессорились тамъ и перестали имъ колбасу да ветчину доставлять... Который, правда, зайдетъ самъ, ну а который и въ другую лавку идетъ:—не всѣ по близости живутъ!.. И выходитъ по пословицѣ:—«паны дерутся, а у хлопцевъ чубы трясутся»! Вы перессорились, а мнѣ оттого убытокъ,—добавила она плаксивымъ голосомъ.

Digitized by Google

Сеня молчалъ: онъ чувствовалъ, что она права.

— И съ чего вы обѣдать перестали ходить,—продолжала Дарья Андреевна, завертывая колбасу:—ужь этимъ бы вы меня не столько разорили, хотя бы и въ долгъ обѣдали. Съ этимъ все бы еще недѣльку-другую подождала, потому что ужь гдѣ трое за столъ садятся, тамъ четвертый, извѣстно, не объѣстъ... А за товаръ—сами знаете—вѣдь я деньги плачу...

— Да нельзя мнѣ, Дарья Андреевна! Я жь вамъ говорилъ: сестра двоюродная пріѣхала,—объяснилъ Легіоновъ.

— Ну, не могу жь я и сестру вашу къ себѣ въ нахлѣбницы принять!—воскликнула раздраженно Дарья Андреевна.

— Да я не къ тому и говорю. А только надо жь мнѣ и ее чѣмъ нибудь накормить... Несчастная она, бѣдная...

Колбасница кивнула головой съ такимъ выраженіемъ, какъ бы желая сказать: «знаемъ мы тоже, слыхали кое-что»!

— Ужь вы простите меня, Семенъ Васильевичъ,—заговорила она въ то же время:—не разсердитесь на мои слова, потому что по лѣтамъ вѣдь я вамъ въ матери гожусь, да и знаю васъ давно. Только скажу я вамъ по совѣсти, что сестра-то эта двоюродная и жизнь вамъ испортила, и характеръ. Ну, развѣ такой-то вы были до ея пріѣзда? Со всѣми были ласковый да обходительный, да услужливый; а теперь вы посмотрите, что̀ изъ васъ сталося? И въ театрѣ—объ закладъ побьюсь!—опять таки, изъ-за нея же вы со всѣми переругались. Да чего? Ребятишки мои, и тѣ спрашиваютъ: «что это, маменька, съ Семеномъ Васильевичемъ сдѣлалось? Такой былъ къ намъ завсегда милостивый: и почитаетъ что нибудь, и изъ театральнаго представитъ, и разскажетъ, и урокъ растолкуетъ, а то и змѣя смастеритъ, и все, что̀ ни попросишь, сдѣлаетъ, а теперь и не подступись. Хмурый такой ходитъ»... Это вы-то!.. Да вы сами взгляните на себя: вы даже на лицо перемѣнились, исхудали, будто больны чѣмъ нибудь... Я старый человѣкъ, Семенъ Васильевичъ, повѣрьте вы мнѣ: изсушитъ она васъ, эта сестра-то ваша двоюродная,—продолжала колбасница.—Я вѣдь сейчасъ все замѣчу! Ужь отъ людей бѣгать стали,—это не къ добру! Потому не можетъ человѣкъ прожить одинъ, безъ другихъ людей... Песъ, и тотъ къ другимъ псамъ бѣжитъ, всякая козявка, тараканъ послѣдній тоже около таракановъ трется... Да чего:—былинка, и та къ другимъ былинкамъ клонится. Ну, какъ же послѣ этого живому-то человѣку вѣкъ свѣковать безъ другихъ людей? А все она, все она, сестра эта, васъ отъ людей отвадила!—воскликнула Дарья Андреевна...

Легіоновъ стоялъ, слушалъ, что̀ говорила ему эта старая, давно знакомая женщина, но мало думалъ объ ея словахъ. Совсѣмъ дру-

Digitized by Google

гія мысли буравили его голову... Въ булочной и въ мелочной лавкѣ, гдѣ онъ забиралъ булки, хлѣбъ, сахаръ и чай, ему отказали въ кредитѣ еще раньше Дарьи Андреевны. Направляясь сегодня къ колбасницѣ, онъ набрался храбрости и вознамѣрился было занять у нея еще послѣдній гривенникъ, чтобы купить нынче хлѣба на наличныя деньги; теперь же, послѣ ея нотацій и резонерства, нечего было и думать о займѣ. Между тѣмъ, онъ положительно не зналъ, какъ извернуться. Его «лѣтній оборотный капиталъ»,—какъ онъ называлъ свое зимнее пальто и войлочную шапчонку,—былъ уже въ оборотѣ: и то, и другое давно уже было заложено въ ссудной кассѣ; и даже необходимая для сцены фрачная пара была въ закладѣ за рубль съ четвертью, но въ частныхъ рукахъ, у пріятеля-городоваго, который стоялъ на посту противъ зданія театра и съ которымъ Сеня былъ на «ты»... Пріятель выдавалъ ему фракъ, когда надо было выходить въ немъ во время спектаклей, но, по окончаніи спектакля, Сеня долженъ былъ возвращать его кредитору... У Ольги тоже было заложено все, что она не успѣла еще заложить въ В—ѣ. Словомъ, Сенѣ было о чемъ задуматься: хлѣба не было! Что жь мудренаго, что онъ слушалъ не особенно внимательно поученія своей квартирной хозяйки?..

X.

Съ густою краской стыда и смущеніемъ на лицѣ, Сеня зашелъ все таки попытать счастья и въ булочную, и въ мелочную лавку; въ первой онъ просилъ въ долгъ булокъ, во второй — хлѣба. Но и тутъ, и тамъ ему отказали...

— Да что жь это будетъ, если Сивохина и въ самомъ дѣлѣ окажется «дутою», и Сестричкинъ не отдастъ денегъ?! — думалъ онъ, выходя изъ мелочной лавочки.—Вѣдь это жь и въ самомъ дѣлѣ—петлю на шею! Вѣдь намъ съ Ольгой завтра и совсѣмъ нечѣмъ будетъ червяка заморить!..

Онъ пришелъ въ нумера Крылова и попросилъ Акулинушку поставить самоваръ. Пройдя въ ольгину комнату и приготовивъ чайную посуду, онъ сиротливо положилъ на тарелку только небольшой кусокъ принесенной колбасы. Занятый своими невеселыми думами, онъ сталъ поджидать и Акулину съ самоваромъ, и Ольгу изъ театра. Послѣдняя явилась вскорѣ, и явилась возмущенная, оскорбленная и взбѣшенная.

— Оля, голубушка!.. Что съ тобой?—бросился къ ней на встрѣчу Сеня.—Кто тебя обидѣлъ?!.

Digitized by Google

— Ахъ, поди... оставь!—уклонилась она отъ его ласковаго порыва, нетерпѣливо и раздражительно отстраняя его рукою. И, снимая съ себя пальто и шляпу, она заговорила взволнованно и рѣзко, будто торопясь высказать поскорѣе все то, что̀ привело ее въ такое настроеніе.

— Этому имени нѣтъ... Это чортъ знаетъ что! — воскликнула она.—Ты знаешь, зачѣмъ эта лисица, этотъ проклятый Сестричкинъ, пригласилъ меня сюда? Только ты одинъ ничего не видишь и не знаешь. А вонъ Гамовъ объяснилъ мнѣ сейчасъ все. Милѣйшій Петръ Осиповичъ разсказывалъ и ему, и всѣмъ, что уговорилъ меня пріѣхать только для того, чтобы устроить Налетову скандалъ и выжить его! А я-то, дура, воображала, что онъ все это по добротѣ дѣлаетъ. Господи, да за что же это?!. Всю жизнь, всю жизнь, всякій играетъ тобой, какъ игрушкой, какъ мячикомъ!.. Захотѣлось — поигралъ, надоѣло—бросилъ! Ахъ, будь она проклята, ваша окаянная сцена! И вы... фигляры отвратительные—будьте вы всѣ прокляты... А теперь, ты знаешь, почему онъ меня еще не прогналъ, почему терпитъ, для чего держитъ? Ты и этого не знаешь? «Колбасникъ»!—чуть не бросила она ему въ лицо, но, однако, вò-время спохватилась.—Для приманки господъ офицеровъ! — воскликнула она и нервно захохотала.

— Оля, онъ вретъ много, этотъ Гамовъ. Дрянной онъ человѣкъ,—замѣтилъ Сеня.

— Знаю, что такой же мерзавецъ, какъ и всѣ.

— То-то, не вѣрь ты ему, голубушка!..

— Не вѣрь!—желчно перебила его Ольга.—Ты не вѣрь, если хочешь себя обманывать. А я всему повѣрю, послѣ того какъ антрепренеръ накинулся на меня, когда Солина была кругомъ виновата. И никто, никто изъ всей этой волчьей стаи даже не вступился за меня.

— Оля, такъ вѣдь онъ боялся, что она...

— Что ты мнѣ растолковываешь?—опять, и по прежнему злобно, перебила его она:—Я сама знаю, что замѣтить ей и вступиться за меня ему было невыгодно, а оскорбить меня—это ему наплевать!.. Я знаю это безъ тебя; объ этомъ тебѣ и говорю. Ему было выгодно отдѣлаться отъ Налетова, и онъ пригласилъ меня; выгодно теперь, что офицеры бываютъ въ театрѣ, и онъ держитъ меня, самъ подводитъ мнѣ глаза, учитъ, какъ ими играть, выпускаетъ на подмостки въ короткихъ юбкахъ и съ голыми руками. Мерзавецъ онъ, понимаешь ты. Почему онъ выгналъ сегодня тебя, а не Дубинина?.. А?.. Ну, отвѣчай! Тотъ его бранилъ; ты не сказалъ и половины того, что̀ наговорилъ Дубининъ. Ахъ, да что ты заступаешься, зачѣмъ ты лжешь?.. Самъ знаешь, что это за...—Она не договорила фразы

Digitized by Google

и махнула рукой. — Ѣсть хочется, — добавила она, подойдя къ столу.—А хлѣбъ гдѣ же?—спросила она Сеню. Онъ покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Не дали, Оля... Никто больше не вѣритъ,—проговорилъ онъ, запинаясь.

— Что жь, такъ мы и будемъ пить чай съ чесночной колбасой?..

— Никто ни копѣйки не вѣритъ... и Дарья Андреевна предупредила, что отпускаетъ въ послѣдній разъ,—добавилъ Сеня.

— И хорошо, что не вѣрятъ!—внезапно оборвала она его.— Чѣмъ бы мы отдавали, еслибы намъ вѣрили?!. И такъ ужь кругомъ должны, передъ всѣми подле...

Она оборвала опять рѣчь на бранномъ словѣ и оглянулась по сторонамъ. Ей хотѣлось ѣсть, хотѣлось хлѣба, и она будто искала глазами по комнатѣ какую нибудь вещь, чтобы заложить ее или продать и купить хлѣба на вырученныя деньги. Но она знала, что больше закладывать нечего. У нея оставался лишь дешевенькій серебряный браслетъ обручикомъ, но, на дняхъ, она отдала его Гамову; онъ харкалъ кровью, ему надо было идти къ доктору... Одну изъ трехъ своихъ подушекъ она сама снесла вчера и навязала для залога женѣ актера Наташина:—не сегодня-завтра та должна была родить, а у нихъ не было ни пеленки, ни рубашонки, тряпки не было, завернуть было не во что этого будущаго нищаго актеришку въ ту минуту, когда онъ появится на свѣтъ божій...

«Ахъ, будь онъ проклятъ тотъ день, въ который я близко подошла къ театру!—думала она теперь.—Надо жь что нибудь тащить!.. Нельзя жь безъ хлѣба жить!.. А что тащить?.. Остальныя подушки?.. Одѣяло? Постель?.. Вѣдь это значитъ уже и отъ сна отказаться?!. Нѣтъ, не отдамъ постели»! рѣшила она и перевела глаза на стѣну, гдѣ на гвоздяхъ, покрытыя ветхой и полинявшей коленкоровой тряпицей, висѣли три платья, составлявшія ея театральный гардеробъ. За грошевую ссуду ростовщикъ принялъ бы эти платья; но она не могла рѣшиться заложить и ихъ, какъ мастеровой человѣкъ, какъ бы туго ему ни пришлось, до послѣдней минуты, даже ради насущнаго хлѣба, не сбываетъ инструментовъ, которыми работаетъ. Все это были «короткія юбки», благодаря которымъ она только и служила, и, разстанься она съ ними сегодня, одновременно ей пришлось бы разстаться даже съ надеждой на будущій хлѣбъ... Пальто, валявшееся на стулѣ, тоже невозможно было снести въ закладъ:—въ дождливый день ей не въ чемъ будетъ дойти до театра да и вообще нечѣмъ будетъ прикрыть отъ уличной публики полунеприличный костюмъ, предназначенный для публики театральной...

Digitized by Google

Случайно ея взглядъ упалъ опять на кровать:—въ ногахъ ея валялся шолковый головной платочекъ, голубой съ бѣлой каемкой; она съ ожесточеніемъ схватила его и сунула Сенѣ.

— На, тащи это!.. Я ѣсть хочу... и ты хочешь,—сказала она и съ утомленнымъ, измученнымъ видомъ опустилась на кровать, склонивъ голову на руки.

Сеня молча надѣлъ фуражку, захватилъ платокъ и вышелъ. Но когда, минутъ черезъ десять, онъ вернулся, Ольга сидѣла въ той же позѣ. Она будто застыла въ этомъ положеніи и не перемѣнила его, когда онъ вошелъ. Въ рукахъ у него не было, однако, ни хлѣба, ни булокъ; онъ вынулъ изъ кармана тотъ же шолковый платочекъ и положилъ его на кровать, возлѣ Ольги.

— Не взялъ жидъ... Двѣ дырочки нашелъ и ничего не далъ,—робко проговорилъ онъ.

— А, все равно. И не надо,—рѣзко отвѣтила Ольга.—Ну, сегодня бы поѣли, а завтра что? Налей мнѣ чаю,—добавила она и принялась ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

Сеня налилъ чаю и себѣ, и ей. Она не дотрогивалась до колбасы и, продолжая ходить, прихлебывала только горячій чай. Легіонову очень хотѣлось ѣсть; въ послѣдній разъ онъ ѣлъ—и тоже кое-какъ—вчера вечеромъ, и теперь, хоть и стѣснялся тѣмъ, что она отказывается отъ пищи, все таки ѣлъ колбасу и запивалъ ее чаемъ.

— Что жь ты, Оля?—спросилъ онъ наконецъ, указывая глазами на тарелку, когда отъ колбасы осталось уже меньше половины.

— Я не буду ѣсть,—коротко и сердито отвѣтила она.

«Можетъ быть, вечеромъ съѣстъ», подумалъ Сеня и, не смотря на то, что былъ голоденъ, не сталъ больше ѣсть и отставилъ тарелку съ колбасой на окно... Съ четверть часа длилось глубокое и тягостное молчаніе. Сеня сидѣлъ, понуривъ голову; его грызла и мучила мысль, что онъ одинъ виноватъ въ томъ, что они голодаютъ; ему казалось, что онъ, какъ мужчина, долженъ былъ придумать что либо, чтобы выбиться изъ этого положенія и вывести изъ него Ольгу, а въ то же время онъ чувствовалъ, что еслибы въ данную минуту ему грозили настоящими пытками, заставляя придумать исходъ, — онъ и тогда не нашелъ бы его... Ольга тоже молчала. Скрестивъ на высокой груди руки, она по прежнему ходила твердыми шагами изъ угла въ уголъ и по строгому лицу ея было замѣтно, что она обдумываетъ что-то рѣшительное. Было нѣчто зловѣщее въ этомъ тоскливомъ молчаніи; оно было такъ тяжело и неестественно, что должно было разразиться грозой. И въ воздухѣ именно передъ грозой бываетъ всегда такъ душно и жутко, какъ было душно и жутко теперь, въ этой маленькой комнаткѣ...

Digitized by Google

— Только бы эти-то два дня пережить какъ нибудь!—робко промолвилъ, наконецъ, Сеня. Это былъ первый, отдаленный, едва слышный ударъ молніи.

— Ну, а потомъ... потомъ что же будетъ?—со злобной насмѣшкой спросила Ольга, останавливаясь передъ Легіоновымъ съ такимъ видомъ, будто рѣшилась быть терпѣливой. Это былъ второй ударъ—уже ближе и громче:—гроза приближалась...

— Потомъ, Оля, Сестричкинъ отдастъ... Будутъ деньги—будемъ хоть сыты...

— Отдастъ!—перебила она его.—Зачѣмъ ты это говоришь? Вѣдь ты самъ въ это не вѣришь. Дубининъ правду сказалъ, что только дуракъ можетъ этому повѣрить! Что жь ты, дуракъ, что ли?!..

Это былъ уже сильный ударъ надъ самой головой, и гроза началась.

— Слушай!—продолжала Ольга и сѣла опять на кровать.—Помнишь, на другой день послѣ моего пріѣзда сюда, ты предлагалъ мнѣ выйти за тебя замужъ, и я просила дать мнѣ время обдумать?.. Мы голодали все это время, такъ что намъ было, конечно, не до разговоровъ о женитьбѣ; но я все таки надумала... Вотъ сейчасъ надумала, пока ты ходилъ къ жиду,—добавила она.—И знай: то, что̀ я надумала,—я *ни въ какомъ случаѣ* не передумаю!..

Сеня трусливо взглянулъ на нее, стараясь по ея лицу угадать поскорѣе, что̀ именно она рѣшила; онъ положительно не могъ и представить себѣ, что̀ она скажетъ сейчасъ, а между тѣмъ, каждая секунда неизвѣстности мучила его...

Но Ольга томила его недолго.

— Если мы оба уйдемъ со сцены совсѣмъ и навсегда—я выду за тебя въ тотъ же день; если же ты не захочешь уйти, я никогда за тебя не выду,—выговорила она.

Этого условія Сеня уже никакъ не ожидалъ услышать. «Вѣдь она сама первая направила меня на сцену. Вѣдь раньше я и не задумывался о ней», мелькнуло у него въ головѣ прежде всего. Сгоряча онъ хотѣлъ было высказать это и Ольгѣ, но тутъ же воздержался, боясь, что она приметъ это за упрекъ, и не желая еще больше волновать ее. Кромѣ того, провинціальная сцена, — эта театральная тина, въ грязи которой люди служатъ собственно всему, но только не искусству, — превратила уже его за эти шесть лѣтъ въ голоднаго, оборваннаго, жалкаго, но рабски преданнаго ей служителя, который внѣ театра не могъ уже и представить себѣ никакого труда; который увѣренъ — несчастный!—что искусство создано для него, а онъ брошенъ судьбою на землю для искусства; который весь свой вѣкъ будетъ нуждаться и вести бродячую, голодную жизнь

Digitized by Google

плохой собаки у суроваго и взыскательнаго хозяина, но къ другому хозяину не пойдетъ. Не только самъ онъ не сталъ бы искать себѣ другаго, менѣе «возвышеннаго», но болѣе сытнаго и покойнаго мѣста, но не взялъ бы его, еслибы кто нибудь другой нашелъ и предложилъ ему. Выражаясь театральнымъ языкомъ, онъ «втянулся» въ закулисное прозябаніе, влѣзъ въ театральную тину по уши и такъ привыкъ дышать блестящею, красивою издали, но въ сущности вредною и отвратительною пылью подмостковъ, что она стала ему настолько же необходима, насколько всякому живому существу необходимъ свѣжій, здоровый воздухъ, рыбѣ—вода, а птицѣ—просторъ!..

— Какъ? не быть актеромъ?—воскликнулъ онъ теперь, отвѣчая Ольгѣ.

— Актеромъ?! — подхватила она. —Актеромъ?—повторяла она, возмущаясь. — Лакеемъ, а не актеромъ! Гдѣ у тебя глаза? Развѣ ты самъ не видишь, что ты лакей, а не актеръ, и всегда, всегда будешь только лакеемъ? Кто тебѣ сказалъ, что мы съ тобой актеры? Шумихинъ—актеръ... Лапинъ... Налетовъ и Солина, пожалуй, тоже актеры, а мы... мы... Да гдѣ жь у тебя глаза?!.—Ну, прежде, мальчикомъ, ты могъ воображать, что будешь знаменитостью, извѣстностью, могъ утѣшаться тѣмъ, что всѣ начинаютъ съ маленькаго... А теперь?!. Вѣдь за шесть лѣтъ ты не пошелъ дальше лакеевъ... И я дальше горничныхъ не пойду,—продолжала она также горячо.—Пока я молода—еще лѣтъ десять—пока у меня нѣтъ морщинъ, пока у меня красивы ноги, которыя заставляютъ показывать публикѣ, пока бѣлы руки, которыя вынуждаютъ оголять выше локтя,—мерзавцы Сестричкины будутъ нанимать меня за пятнадцатирублевое жалованіе, но не будутъ платить и его, вынуждая или голодать, или развлекать офицеровъ послѣ спектакля! Лѣтъ десять еще меня будутъ держать на сценѣ, будутъ потѣшаться надо мною, попрекать тѣмъ, что я хамка, поварова дочь, бывшая швейка и брошенная любовница актера, а потомъ, подъ старость, когда я втянусь, какъ ты, въ эту грязь—меня даже изъ нея вытащутъ, выкинутъ за негодностью!.. Что, не правда?—спросила она, перебивая себя.—Такъ гдѣ же, гдѣ старыя *выходныя актрисы*?.. А?.. Видалъ ты ихъ?.. Нѣтъ, нѣтъ... Я и такъ пала! Если ты не видишь, что тебя ждетъ, то я вижу, что ждетъ меня, и не хочу—слышишь ли, я не хочу—вести [эту вашу собачью жизнь и заслужить себѣ постыдную, безобразную, отвратительную старость... Я теперь же, не медля, черезъ два дня, брошу сцену, и—брошу навсегда! Слышишь ты?—повторила она.

— Оля, но чѣмъ же мы будемъ жить тогда? Что же мы будемъ дѣлать, если бросимъ сцену?—спросилъ Сеня.

Digitized by Google

— Что будемъ дѣлать?.. Чѣмъ будемъ жить? — переспросила Ольга.—Иди за прилавокъ въ колбасную лавку, въ булочную, прикащикомъ въ какой нибудь магазинъ... Ты грамотный—иди въ наборщики, въ писцы, въ почтальоны: — иди, куда возьмутъ! А я пойду опять въ модистки, въ швейки... Я скорѣе въ настоящія горничныя пойду, чѣмъ останусь служить въ вашихъ размалеванныхъ театральныхъ «служанкахъ»!.. Мы будемъ сыты, одѣты, обуты,— продолжала она, все сильнѣе и сильнѣе, доказывая ему свою правоту:—никто не будетъ оскорблять насъ такъ, какъ сегодня, — насмѣхаться надъ нами не будутъ, никто не заставитъ меня показывать людямъ голыя руки и полуголыя ноги!.. Мы будемъ работать, и тогда не будемъ сидѣть безъ хлѣба! Вы, вы—актеры—и такъ чортъ знаетъ до чего довели меня!..

Сеня молчалъ.

— Ну, что жь ты?—спросила она.—Теперь ты долженъ мнѣ отвѣтить. Хочешь ли ты жениться на мнѣ, или нѣтъ?

— Оля... Вѣдь теперь я не могу уже разстаться съ тобой, — проговорилъ Сеня.—Я люблю тебя шесть лѣтъ, а эти двѣ недѣли сблизили насъ настолько, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!.. Я и представить себѣ не могу жизни безъ тебя... Это все равно, что вовсе не жить...

— Ну, такъ ты бросишь этотъ проклятый театръ?

— Нѣтъ, Оля... Нѣтъ!.. Со сценой я тоже не въ силахъ разстаться...

— Фу, ты, Боже мой! Да развѣ тебѣ со сценой придется разстаться?! Развѣ ты былъ когда нибудь на сценѣ? Вѣдь ты выходилъ на сцену докладывать. Пойми ты это, наконецъ! Ну, скажи: за эти шесть лѣтъ, что ты служишь, пришло ли кому нибудь въ голову сравнять тебя съ актерами, поощрить тебя, вызвать, признать въ тебѣ талантъ?—заспорила она опять, но уже уставшимъ, утомленнымъ голосомъ.

— Я не могу, Оля!—повторилъ Легіоновъ.

— Ну, вотъ теперь Сестричкинъ прогналъ тебя. Скажи, пожалуйста, что ты думаешь дѣлать?—спросила она.

— Свѣтъ не клиномъ сошелся, Олюшка...

— Нѣтъ, клиномъ!—подхватила она.—Для тебя—клиномъ сошелся! И упрешься ты въ него, непремѣнно упрешься, потому что не хочешь во-время свернуть ни направо, ни налѣво!.. Ну, куда ты дѣнешься теперь?!

— Подожду здѣсь зимняго сезона или поѣду куда нибудь въ другой городъ,—отвѣтилъ Сеня.—Въ Москву поѣдемъ искать мѣста...

— *Мы* не поѣдемъ!—воскликнула она, ударяя на первомъ словѣ

Digitized by Google

и опять раздражаясь.—*Я* не поѣду искать актерскаго мѣста... Съ меня довольно!.. Я тебѣ это не на вѣтеръ сказала!.. Да и ты никуда не поѣдешь!

— Я не могу, Оля... Бросить сцену—я не могу.

— А если не можешь, такъ какъ хочешь! — проговорила она, вздохнувъ:—Иди своею дорогой, голодай, гибни, но пропадай одинъ, а меня съ собой не тащи.

Сеня поблѣднѣлъ. Страшная мысль, что она уѣдетъ и броситъ его, представилась ему во всемъ своемъ ужасѣ только теперь. Если онъ могъ разстаться съ нею въ Ипатьевскѣ, то изъ этого не слѣдовало, что и теперь онъ можетъ вынести разлуку съ нею. И тогда онъ разстался только потому, что не ждалъ, что разлука будетъ такъ тягостна и, кромѣ того, жилъ надеждой на радостную жизнь съ нею черезъ нѣсколько лѣтъ; теперешнее же чувство его къ Ольгѣ не было уже первымъ увлеченіемъ семнадцатилѣтняго юноши. Это была глубокая страсть взрослаго человѣка, и къ тому же человѣка, никого, кромѣ Ольги, не любившаго, но способнаго любить не шутя:—и нѣжно, и дико въ одно и то же время. Сердце у него забилось чаще обыкновеннаго, кровь будто похолодѣла...

— Оля... голубка... не бросай меня! — взмолился онъ, направляясь къ ней.—Что ты рѣшила? Скажи!..

— Не знаю... Я тебѣ говорила, что пока я рѣшила только—пробыть на сценѣ еще два дня. Чѣмъ нибудь должна кончиться эта исторія съ Сестричкинымъ. А тамъ: — за́ версту буду обходить театръ. Вотъ что я рѣшила!..

Сеня хотѣлъ обнять ее, приласкать, обнадежить.

— Оставь меня!—сказала она, отстраняясь.—Ты меня тоже не любишь... Ты промѣнялъ меня на свое лакейство... Оставь!—И она отошла отъ него въ противоположный уголъ комнаты.

Сеня дико и испуганно взглянулъ на нее.

— Что это, Оля?!. Зачѣмъ ты такъ?!. Я въ жизни своей никого такъ не любилъ, какъ тебя... Я мать меньше любилъ!—сказалъ онъ и опять двинулся къ ней.

— Не подходи ко мнѣ... Уйди! Я устала... Я лягу спать... Хоть сномъ пересилить этотъ невыносимый голодъ!.. Меня тошнитъ...

Сеня взялъ фуражку и вышелъ молча, торопливыми шагами, изъ комнаты... Этотъ слабый человѣкъ далъ себѣ слово, что къ вечеру Ольга будетъ сыта.

XI.

И въ этотъ день спектакль прошелъ при плачевномъ сборѣ:—въ зрительной залѣ было занято всего лишь три-четыре ложи бель-

Digitized by Google

этажа, нѣсколько мѣстъ въ райкѣ, а въ партерѣ виднѣлись опять только двѣ головы: совершенно лысая голова капитана Гладыша и завитая—подпоручика Завиша. Ольга выходила въ какой-то пустой роли въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ пьесы, и—вѣрные себѣ и ей—офицеры сидѣли на своихъ мѣстахъ...

Въ первомъ антрактѣ они прошли, по обыкновенію, за кулисы и тутъ, къ великому своему удивленію и къ неменьшей радости, замѣтили, что Сени—Сени, который слѣдилъ постоянно за ними и за Ольгой, который по окончаніи спектакля сопровождалъ ее всегда изъ театра домой и мѣшалъ имъ до сихъ поръ пригласить ее поужинать—не было сегодня около нея.

— А гдѣ же вашъ менторъ?—спросилъ ее Гладышъ.

— Легіоновъ?—переспросила она, догадываясь, безъ сомнѣнія, о комъ идетъ рѣчь.

— Ну, конечно,—подтвердилъ капитанъ.

— Не знаю, — отвѣтила Ольга. Она не хотѣла объяснять—почему Сени нѣтъ въ театрѣ.

Гладышъ подмигнулъ младшему Аяксу—Завишу, и тотъ убѣжалъ.

Онъ заглянулъ на сцену и въ уборную, но, не встрѣтивъ и тамъ Легіонова, побѣжалъ за справкой къ Сестричкину.

— Прогналъ я его, батенька. Нынче утромъ совсѣмъ прогналъ со службы,—объяснилъ ему Петръ Осиповичъ.—Безпокойный человѣкъ, совсѣмъ безпокойный! Ну, да вѣдь и вамъ онъ мѣшалъ.—лукаво прищуривая свои подслѣповатые глаза и дружески обнимая Завиша вокругъ тонкой таліи,—добавилъ онъ.—Вѣдь я давно замѣтилъ:—не отходя, торчалъ около ея юбки, колбасникъ!..

— Чисто что колбасникъ! — повторилъ съ веселымъ смѣхомъ Завишъ. — А вы, дружище, вы—геніальный антрепренеръ. Мерси, мерси! — воскликнулъ онъ затѣмъ, радостно потрясая руку Сестричкина.

— Не хвастая, скажу: первое мое правило—чтобы публика была мною довольна. На томъ стоимъ!—похвалилъ себя и антрепренеръ.—Дѣйствуйте, дѣйствуйте, батенька,—добавилъ онъ, фамильярно похлопывая Завиша по плечу.—Ловите моментъ!.. Къ тому же актрисочка кушать хочетъ, а голодъ... голодъ—великій двигатель.

Подпоручикъ пожалъ еще разъ и крѣпче прежняго руку антрепренера и побѣжалъ къ капитану и къ Ольгѣ.

Антрактъ кончился. Началось второе дѣйствіе, и когда Ольга ушла на сцену, Завишъ передалъ Гладышу содержаніе своего разговора съ Сестричкинымъ. Они не пошли даже на свои мѣста, сѣли въ саду на скамеечкѣ, противъ актерскаго подъѣзда, закурили па-

Digitized by Google

пиросы и рѣшили ждать тутъ выхода Ольги. Они уговорились пригласить ее поужинать, а затѣмъ... Затѣмъ они впередъ условились и обо всемъ остальномъ. Между тѣмъ, Ольга доиграла свою роль, прошла въ уборную, переодѣлась, разгримировалась и пошла изъ театра... Она была очень голодна; съ тѣхъ поръ какъ днемъ, въ обществѣ Легіонова, она пила у себя пустой чай, она все таки еще ничего не ѣла и теперь торопилась домой. Тотъ кусочекъ колбасы, который—она помнила—остался на тарелкѣ и отъ котораго она отказалась днемъ, казался ей теперь необыкновенно вкуснымъ и заманчивымъ, и теперь она мечтала о томъ, какъ—съ чаемъ или безъ чая, съ хлѣбомъ или безъ хлѣба—съѣстъ его во всякомъ случаѣ... Въ сущности, отчаянная голодовка послѣдняго времени была еще и потому особенно тягостна для нея, что за предыдущія шесть лѣтъ она вообще привыкла ѣсть сытно, хорошо и вкусно. У Голенова она пользовалась жирнымъ купеческимъ столомъ; а за три года бродячей жизни съ Налетовымъ привыкла къ разнообразному столу первоклассныхъ ресторановъ. Валеріанъ любилъ вкусно и дорого поѣсть, кутнуть и задать форсу по трактирамъ и, располагая въ это время деньгами Ольги, пріучилъ и ее къ ресторанамъ.

Какъ только она вышла изъ театральнаго подъѣзда, Гладышъ и Завишъ подскочили къ ней съ двухъ сторонъ.

— Ольга Степановна, сегодня за вами не слѣдитъ ревнивое око: — согласитесь наконецъ поужинать съ нами. Пожалуйста! — сталъ просить ее сладенькимъ умоляющимъ голосомъ подпоручикъ.

— Мы такъ давно знакомы съ вами, а между тѣмъ...—началъ было и капитанъ. Но, къ удивленію офицеровъ, Ольга не заставила себя долго просить.

— Я съ удовольствіемъ!—сразу и не задумываясь, согласилась она, чувствуя при одной лишь мысли объ ужинѣ особенно сильный приступъ голода.

Петръ Осиповичъ былъ, конечно, правъ: «голодъ—великій двигатель»!.. И еслибы никогда не голодавшіе капитанъ и подпоручикъ имѣли хоть смутное представленіе о томъ, какъ можетъ иногда голодать человѣкъ и до чего въ данную минуту была голодна Ольга, они, конечно, не удивились бы такъ быстро данному ею согласію.

Заслышавъ это неожиданно скорое «съ удовольствіемъ», рѣзвый подпоручикъ заржалъ въ какомъ-то дикомъ восторгѣ и тотчасъ же предложилъ Ольгѣ согнутую кренделемъ руку; но и болѣе сдержанный, положительный капитанъ не могъ скрыть своей радости:— онъ съ блаженствомъ причмокнулъ, бросилъ окурокъ и закурилъ новую папиросу.

— Вотъ мерси, мерси... Вотъ это мило съ вашей стороны! — говорилъ онъ.

Digitized by Google

И вся компанія отправилась къ домику, въ которомъ помѣщался буфетъ. Они усѣлись на террасѣ, за маленькимъ столикомъ. Лакей въ засаленномъ фракѣ смахнулъ со скатерти крошки хлѣба и пепелъ, насыпанный на ней предыдущими посѣтителями, зажегъ двѣ свѣчи, вставленныя въ садовые подсвѣчники съ неуклюжими стеклянными колпаками, и, предложивъ Гладышу карточки вина и порціонную, остановился въ выжидательной позѣ, съ засунутой подъ мышку и безъ того уже грязной салфеткой. Капитанъ считалъ себя знатокомъ насчетъ ѣды и выпивки, а потому и теперь, справляясь съ желаніями Ольги и рекомендуя ей то то, то другое, принялся заказывать ужинъ. Отъ вина Ольга положительно отказалась. Съ памятнаго маскарада въ Ипатьевскѣ, она чувствовала отвращеніе ко всякому вину вообще, никогда не пила его, и даже самъ Налетовъ не съумѣлъ пріохотить ее къ нему. И теперь, сколько ни упрашивали ее кавалеры, она отказалась наотрѣзъ выпить хотя бы одну рюмочку.

Гладышъ прочелъ по прейсъ-куранту два раза подъ рядъ всѣ названія винъ, имѣвшихся въ буфетѣ, но Ольга настойчиво твердила все то же, что пить она не будетъ... Они, конечно, не понимали другъ друга:—эта голодная женщина хотѣла только *псть*, а совсѣмъ не «ужинать», въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣли это слово кавалеры.

Вскорѣ лакей принесъ первое блюдо, затѣмъ—вторую смѣну и, наконецъ, третью—мороженое. Ольга ѣла все это съ большимъ апетитомъ; Гладышъ и Завишъ ѣли не такъ усердно, но зато много пили, много курили и все время развлекали свою даму свойственнымъ имъ разговоромъ. Занимая ее, они щеголяли другъ передъ другомъ остротами, по обыкновенію не остроумными, анекдотами, по привычкѣ сальными, и изощрялись въ двусмысленныхъ и грязныхъ намекахъ... Между прочимъ, они «продергивали» и отсутствующаго Сеню, насмѣхались надъ нимъ за глаза—что называется, «били лежачаго»—и на замѣчаніе Ольги, что во всемъ свѣтѣ Сеня—ея единственный другъ, оба разомъ подхватили это слово «другъ», издѣвались надъ нимъ, и повторяли на всѣ лады пошлое и избитое убѣжденіе людей, въ сущности не понимающихъ этого слова:—убѣжденіе о невозможности чистой дружбы между мужчиной и женщиной, о подозрительности подобной дружбы, о томъ, на какія предположенія она наводитъ... Словомъ, офицеры были крайне веселы, оживлены и довольны своимъ времяпровожденіемъ...

Ольга, ужиная на ихъ счетъ, чувствовала себя обязанной имъ и, стараясь чѣмъ можетъ отплатить за ихъ любезность, на первый взглядъ раздѣляла ихъ веселье, тоже смѣялась, отвѣчала на ихъ шутки

Digitized by Google

шутками и, чтобы не оскорбляться, дѣлала видъ, что не замѣчаетъ ихъ пошлыхъ намековъ и не понимаетъ грязной сути неприличныхъ анекдотовъ. Въ сущности же она, по обыкновенію, скучала въ ихъ обществѣ. И ей захотѣлось уйти какъ можно скорѣе домой, въ свою комнатку, заснуть, забыться; но въ то же время ей казалось неловкимъ оставить компанію тотчасъ послѣ ужина и она все таки заставила себя просидѣть еще съ четверть часа.

— Ну, а теперь, спасибо вамъ, господа, и—до свиданья!—сказала она, протягивая руку Гладышу.

Офицеры всполошились. Видимо, этого они ужь никакъ не ожидали, получивъ согласіе Ольги «поужинать» съ ними. Гладышъ держалъ ея руку въ своей.

— Минуточку, Ольга Степановна... Присядьте. Одну минуточку,—сказалъ онъ. Ольга сѣла, а онъ продолжалъ, указывая на Завиша:—Видите, мы съ этимъ подпоручикомъ друзья... закадычные друзья! Такъ дружны, что даже женщина не можетъ насъ поссорить... Потому, еще до ужина, мы и рѣшили съ нимъ такъ: тотъ изъ насъ, котораго вы сами выберете, поѣдетъ васъ провожать, а другой, хотя и пребудетъ съ носомъ, но, не завидуя, не бѣснуясь и не волнуясь, останется здѣсь—допивать... Знаете—жребій!—добавилъ онъ.—Назовите же фамилію того, который... И тогда каждый изъ насъ будетъ знать свое мѣсто: здѣсь или тамъ...

Смущенная Ольга слушала «театрала» и ей казалась еще невѣроятною мелькнувшая догадка. Если она и не была такой погибшей женщиной, какою считали ее эти офицеры, то не была уже и настолько наивною, чтобы не понять точнаго смысла сказанной фразы: «тотъ поѣдетъ васъ провожать». И онъ говоритъ, что еще до ужина они условились въ томъ, что который нибудь изъ нихъ непремѣнно поѣдетъ. Еще разъ она попрекнула себя за то, что приняла ихъ предложеніе, но все таки старалась отогнать отъ себя пришедшую въ голову догадку. Ей казалось невѣроятнымъ, чтобы сотрапезники заставили ее заплатить за ужинъ гораздо дороже, нежели сами они заплатятъ за него въ буфетѣ; казалось невѣроятнымъ, что эти люди, которымъ она ничего дурнаго не сдѣлала, пожелаютъ ее обидѣть такъ чувствительно. Желая разрѣшить свое сомнѣніе и, наконецъ, узнать, что̀ предстоитъ ей, она проговорила, отвѣчая Гладышу:

— Господа, я не только не намѣрена ссорить васъ, но не хочу и разстраивать вашу компанію. Я прошу даже, чтобы никто изъ васъ не провожалъ меня... Оставайтесь оба, а я пойду домой одна. Прошу васъ... Я ничего не боюсь,—добавила она.

— Э!.. Вы вотъ какъ это повернули. Ишь вы какая хитрая... Нѣтъ, такъ нельзя!—подхватилъ, лукаво подмигивая, Гладышъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя!—воскликнулъ и Завишъ...

Теперь Ольга поняла все. Они предложили ей хлѣба, а приготовили камень. Теперь она не сомнѣвалась уже въ томъ, что они требуютъ отъ нея уплаты за ужинъ, требуютъ грубо и грязно. Ей было теперь ясно и то, за кого они ее считаютъ. Въ сущности, она была поставлена въ положеніе человѣка, которому знакомый принесъ грошовый подарокъ и, едва выслушавъ его благодарность, сталъ настойчиво требовать взаймы нѣсколько рублей.

«Даромъ никто никого не кормитъ»! думала она и горячія слезы стыда, оскорбленія и поздняго раскаянія показались на ея длинныхъ рѣсницахъ... Но она тотчасъ смахнула ихъ. Она чувствовала, что плакать не стоитъ передъ этими господами, что они не поймутъ ея слезъ, что и надъ ними они засмѣются, пожалуй... Въ то же время, она видѣла, что исхода нѣтъ, что ей придется расплатиться. Она хотѣла уже какъ можно скорѣе сказать о своемъ согласіи, но не знала, какъ объ этомъ сказать. Ей было стыдно, невѣроятно стыдно!

— Нельзя... Такъ нельзя... Ну, что жь... ну, хорошо!—говорила она обрывками.—Только вина... Велите подать вина... Такъ, я не могу... Слышите, теперь я хочу вина!—крикнувъ, добавила она будто капризнымъ голосомъ, но въ сущности раздирающимъ душу стономъ.

— Вина?!—воскликнулъ и удивленно, и радостно Завишъ.—Вотъ, молодецъ! Это жизнь, с'кон'апель!..

— Какого? какое вы пьете, голубушка? какое?—спрашивалъ Гладышъ, схвативъ колокольчикъ, стоявшій на столѣ.

— Какое я пью?—переспросила Ольга. «Мнѣ ѣсть нечего, а они спрашиваютъ, какое я пью вино»! думала она въ то же время.— Всякое пью, всякое!

— Браво, браво, Олечка. Молодецъ Оля, молодецъ!—кричали театралы, переходя на уменьшительное имя.

— Полбутылки кремъ-де-ваниль!—приказалъ одинъ изъ нихъ лакею.

Лакей убѣжалъ, а Ольга сидѣла уже, глубоко задумавшись, и мысли ея были въ это время далеко-далеко... Ей вспомнился Ипатьевскъ, маскарадъ общественнаго клуба, цыганскій костюмъ. Она видѣла столовую клуба, длинный-длинный столъ, накрытый, какъ и этотъ, загрязненною и засыпанною пепломъ скатертью. Въ непринужденныхъ позахъ и, по бо̀льшей части, парами сидѣло за тѣмъ столомъ много мужчинъ во фракахъ, въ сюртукахъ и даже въ пиджакахъ, и также много женщинъ и дѣвушекъ въ разнообразныхъ пестрыхъ, дешевыхъ и безвкусныхъ костюмахъ или въ черныхъ

Digitized by Google

платьяхъ. Всѣ уже кончили ужинать; женщины давно сняли маски, валявшіяся тутъ же на столѣ, среди тарелокъ съ объѣдками, стакановъ и рюмокъ съ виномъ и среди пустыхъ или полуопорожненныхъ бутылокъ. Былъ уже третій часъ утра. Лица у всѣхъ были усталыя, утомленныя; но, возбужденные хмѣлемъ и игривыми мыслями, глаза горѣли, искрились. Всѣ мужчины смѣялись и разговаривали: большинство—низко наклонившись къ своимъ дамамъ, а кое-кто и вслухъ... Воздухъ былъ тяжелый, одурманивающій, отвратительный... А тутъ же, около себя, Ольга видѣла Голенова, чувствовала у своей щеки его старческое дыханіе, слышала его полупьяный, страстно-взволнованный шопотъ: «...Вѣдь это ничего... это сладенькій, душистый сиропъ»... Вспомнила она теперь, какъ, не зная, что̀ это за «сиропъ», она пила его тогда... «Будь онъ проклятъ—тотъ день»! послала она минувшему еще одно проклятье.

— Что жь вы, Оля?!. Давно налито. Берите жь рюмочку... чокнемся. Выпьемъ за нашу дружбу. Не все жь съ колбасниками дружить!—услыхала она голосъ Гладыша.

При словѣ «колбасникъ», предъ Ольгой мелькнулъ любящій и преданный, некрасивый образъ Сени. Ей стало опять стыдно, скверно. Но Гладышъ протянулъ уже къ ней свою рюмочку.

— Что это вы было развеселились, а теперь опять... Да полно!—говорилъ Завишъ и тянулся съ рюмочкой съ другой стороны.

— Нѣтъ, это я такъ... Вспомнила, какъ въ первый разъ пила эту кровь,—отвѣтила Ольга Завишу, торопливо чокнулась съ офицерами, выпила залпомъ ликеру и тотчасъ, не выпуская даже рюмки изъ рукъ, протянула ее опять Гладышу, около котораго стояла начатая полбутылка.

— Наливайте еще!—сказала она.

Тотъ даже присвистнулъ.

— А, каково?!... Вотъ это дѣло! — воскликнулъ онъ. — Это по нашему!—И, тряхнувъ своими кудрями, скаля бѣлые, красивые зубы, онъ сталъ весело и хвастливо разсказывать Ольгѣ о томъ, какъ лихо пьютъ они, и сколько могутъ выпить, не пьянѣя.

А Ольга, дѣлая видъ, что слушаетъ, выпила и вторую рюмку, и третью, и четвертую...

XII.

Выдя отъ Ольги съ твердымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало накормить ее къ вечеру, Сеня рѣшилъ украсть необходимое, такъ какъ инымъ путемъ—онъ убѣдился—не представлялось воз-

Digitized by Google

можнымъ достать гдѣ либо денегъ, хлѣба или иной пищи. Но «гдѣ, что̀ и у кого»? Это были тожѐ не маловажные вопросы для человѣка, не только никогда не воровавшаго, но и не воображавшаго, что когда нибудь придется надъ ними задуматься... Часа четыре подъ рядъ, Легіоновъ слонялся по улицамъ и по бульварамъ города, обдумывая эти вопросы, раздумывая о томъ, что̀ украсть и гдѣ украсть, но вечеръ приближался, а онъ все еще ничего не придумалъ. Мысль о томъ, что онъ рѣшился на скверное дѣло, что красть не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ, что лучше голодать, нежели пойти на воровство—ни на минуту не приходила ему въ голову и вовсе не смущала его. Напротивъ, онъ твердилъ все одно и то же: «у нея голова болитъ, ее тошнитъ отъ голода... Надо, непремѣнно надо»!...

Наконецъ, на бульварѣ, онъ случайно взглянулъ на скамеечку и, чувствуя сильную усталость, присѣлъ. Но въ ту же минуту, онъ вскочилъ съ нея опять; лицо его будто просіяло, и онъ пошелъ съ бульвара быстрыми и даже бодрыми шагами... Очевидно, счастливая мысль пришла ему, наконецъ, въ голову...

Да, голодъ великій двигатель! Такъ говоритъ Сестричкинъ, а думаютъ такъ многіе, многіе.... Ничего и никого не замѣчая по дорогѣ, Сеня спѣшилъ теперь домой и въ тѣ полчаса, что̀ онъ шелъ до колбасной лавки, онъ обдумалъ вполнѣ счастливую мысль, обдумалъ и планъ. Это было уже для него такъ легко, какъ писателю легко писать, когда тема придумана и герои стоятъ передъ нимъ, какъ живые, какъ знакомые... Онъ спустился въ подвалъ. Дарья Андреевна сидѣла по обыкновенію за прилавкомъ и, поджидая покупателей, вязала длинными спицами чулокъ.

— Дарья Андреевна, — сразу приступилъ онъ съ напускной храбростью и развязностью:—вотъ утромъ вы жаловались, а я какъ разъ сегодня весь вечеръ свободенъ и могу посидѣть за васъ въ лавкѣ... Можетъ, есть у васъ дѣло какое нибудь, такъ идите себѣ, а я посижу.

Когда Легіоновъ вошелъ, она взглянула на него не особенно привѣтливо: она заподозрила, конечно, что онъ явился опять просить въ долгъ денегъ или съѣстнаго; но теперь, послѣ его предложенія, лицо ея сразу прояснилось. «Это не изъ кармана, а въ карманъ!»—подумала она. Дѣйствительно, у нея было дѣло: давно уже ей необходимо было обойти неакуратныхъ плательщиковъ, забиравшихъ товаръ въ ея лавкѣ на книжку и пропустившихъ платежные сроки; слѣдовало попрекнуть однихъ, другихъ припугнуть судьей, третьихъ — отказомъ въ дальнѣйшемъ кредитѣ, а съ кого, быть можетъ, и получить если не весь долгъ, то хоть частицу. Лишенная помощниковъ и, такъ сказать, прикованная къ прилавку,

Digitized by Google

она не могла никакъ выбраться по этому дѣлу и съ особеннымъ удовольствіемъ схватилась теперь за сенино предложеніе.

— Посидите, Семенъ Васильевичъ... Пожалуйста, посидите! Спасибо вамъ. Есть таки дѣльце, есть! — сказала она и, собирая уже свою работу, заторопилась. Она снесла клубокъ, спицы и чулокъ въ свою комнату, вернулась опять и стала запирать выручку, чего прежде, поручая Сенѣ торговлю, никогда не дѣлала... «Лучше не вводить въ грѣхъ!... Не трогалъ, пока былъ сытъ, а теперь Богъ его знаетъ!... Человѣкъ голодный, ровно котъ или песъ: — извѣстно, на всякую низость пойдетъ!» думала она, а громко проговорила:— Что выручите, Семенъ Васильевичъ — вотъ сюда, подъ счеты положите.

Еслибы не рѣшеніе, которое предпринялъ Сеня, онъ и не замѣтилъ бы, пожалуй, что она заперла выручку; но теперь густая краска мигомъ покрыла его блѣдное лицо. «Боже, до чего дожилъ»! думалъ онъ: «нѣтъ, нѣтъ: не только денегъ не возьму, а и кусочка колбасы не трону!... Господи, Господи!... Умирать буду съ голоду, а ни для себя, ни даже для Ольги чужаго не возьму!» рѣшилъ онъ тутъ же. А Дарья Андреевна, будто угадывая, что онъ задумалъ было тронуть и товаръ, казалось, осматривала бѣглымъ взглядомъ все развѣшанное и разложенное въ лавкѣ, стараясь запомнить, сколько и какихъ окороковъ поручаетъ Сенѣ, въ какихъ именно мѣстахъ и по скольку развѣшано по стѣнамъ копченыхъ и вареныхъ колбасъ и связанныхъ полдюжинами сосисокъ.

— Такъ ужь я попозже приду, Семенъ Васильевичъ,—сказала между тѣмъ Дарья Андреевна, уходя опять изъ лавки въ свою комнату.

Минутъ черезъ десять, колбасница вышла изъ своей комнаты, нѣсколько прифрантившись, сказала Сенѣ: «до свиданья» и ушла... Сеня сидѣлъ и читалъ. Вскорѣ зашелъ покупатель. Легіоновъ отвѣсилъ и завернулъ ему товаръ, получилъ двугривенный, положилъ его на выручку подъ счеты, сѣлъ опять на прежнее мѣсто и взялся снова за книгу... Зашелъ второй покупатель, потомъ третій, и часа за два перебывало ихъ человѣкъ семь—восемь. Между дѣломъ, Сеня усердно читалъ пьесу и упорно отгонялъ отъ себя безпрестанно возвращавшуюся мысль о похищеніи добра или денегъ... Вотъ онъ кончилъ книгу и взглянулъ на часы. Они показывали половину одиннадцатаго,—время, когда уже рѣдко кто нибудь изъ покупателей заходилъ въ лавку; черезъ полчаса, въ одиннадцать, она обыкновенно запиралась... Сеня вспомнилъ теперь о своей глупой надеждѣ на разиню-покупателя и на его случайный гривенникъ, всталъ съ грустной улыбкой, но все таки подошелъ къ выручкѣ и

Digitized by Google

сосчиталъ деньги, лежавшія подъ счетами. Но и послѣ этой повѣрки, оказалось, что никто не передалъ ему лишняго гривенника: тамъ было рубль двадцать копѣекъ и на рубль двадцать онъ отпустилъ товару; онъ подробно помнилъ даже, какого именно, насколько и кому... «Пусть провѣряетъ, коли не вѣритъ!» подумалъ онъ. Минутъ черезъ пять онъ взглянулъ опять на часы. «Вѣдь Оля послѣ втораго дѣйствія свободна... Что жь она нейдетъ?» думалъ онъ. Онъ ждалъ, что Ольга, освободившись, зайдетъ къ нему изъ театра посовѣтоваться, что дѣлать, чего поѣсть,— ну, словомъ, придетъ за нимъ, потому что вѣдь со дня ея пріѣзда въ Хмыровъ они проводили вмѣстѣ всѣ вечера, вмѣстѣ возвращались изъ театра въ крыловскіе нумера, вмѣстѣ пили чай у нея въ комнаткѣ... «А, можетъ, спать пошла поскорѣе, голодная?!... Бѣдная... сердится на меня»!... Кровь прилила ему въ голову. «Что жь это будетъ? Еще утромъ была голодна. Воображаю теперь!.... Меня и самого тошнитъ»....

И въ эту минуту голодный Сеня почувствовалъ такой же сильный приступъ голода, какой почувствовала и Ольга, сразу, безъ размышленій, согласившись поужинать съ офицерами... Но ему было вдвойнѣ невыносимо: — онъ сидѣлъ, окруженный колбасами, сосисками и ветчиной, и вкусный запахъ этихъ припасовъ нестерпимо-соблазнительно дѣйствовалъ на его голодный желудокъ. Едва замѣтная судорога то и дѣло подергивала его челюсти, влага накоплялась во рту въ большомъ количествѣ и съ изумительной быстротой онъ едва успѣвалъ глотать эту слюну голода... А на прилавкѣ, около того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, лежалъ на дощечкѣ начатый окорокъ ветчины и большой ножъ, которымъ столько разъ, да и сегодня, ему приходилось отрѣзать покупателямъ ветчину. Сеня взглянулъ искоса на этотъ окорокъ, вздохнулъ и быстро отвернулся.. Но черезъ минуту онъ взглянулъ опять на жирную и сочную ветчину... Судорога въ его челюстяхъ мгновенно усилилась, губы задрожали, а въ глазахъ сверкнула какая-то дикая, отчаянная рѣшимость. Онъ схватилъ въ одну руку ножъ, въ другую окорокъ и быстро отрѣзалъ толстый ломоть ветчины... Затѣмъ онъ присѣлъ на корточки между прилавкомъ и стѣной и, поминутно выглядывая, не вошелъ ли кто въ открытую дверь колбасной, сталъ жадно рвать зубами отрѣзанный ломоть и проглатывать куски ветчины, почти не пережевывая ихъ... Но одинъ ломоть не насытилъ давно голодавшій желудокъ Сени; покончивъ съ первымъ, онъ отрѣзалъ второй, затѣмъ третій и быстро съѣлъ ихъ точно также, сидя на корточкахъ за прилавкомъ, трусливо выглядывая оттуда и разрывая ветчину зубами. Наконецъ, отрѣзавъ и четвертый ломоть, уже большой, вѣсомъ около фунта, онъ сунулъ его торопливо, не обер-

Digitized by Google

нувъ даже бумагой, въ карманъ своего пальто. «Олѣ... это—Олѣ... Ей отнесу... А это ей же на хлѣбъ!...» прошепталъ онъ, быстро подбѣгая къ выручкѣ, забирая оттуда гривенникъ и тоже опуская его въ карманъ. «Нельзя же умирать съ голоду»!...

— Ну, спасибо вамъ, Семенъ Васильевичъ, — услышалъ онъ въ это время голосъ вернувшейся Дарьи Андреевны:—всѣ дѣла обдѣлала и даже у Анны Кузьминишны побывала: и поболтали, и чайку напились!—добавила она, проходя въ свою комнату и на ходу снимая верхнее платье.

Сеня страшно смутился.

— На много жь вы наторговали, родной мой? — спрашивала между тѣмъ колбасница, возвращаясь въ лавку.

— На рубль двадцать!—отвѣтилъ Сеня и, забывая въ замѣшательствѣ, что слѣдовало скрыть и гривенникъ, лежавшій у него въ карманѣ, и товаръ, отпущенный на эту сумму, сталъ торопливо перечислять, чего и на сколько онъ продалъ; но тутъ же, вспомнивъ объ этомъ гривенникѣ, онъ спутался въ своемъ отчетѣ и смутился еще сильнѣе...

А Дарья Андреевна подошла тѣмъ временемъ къ выручкѣ и сосчитала деньги, лежавшія подъ счетами...

— Тутъ рубль десять, Семенъ Васильевичъ,—сказала она.

— Да, да... Рубль десять!... Такъ и должно быть—рубль десять. Это я ошибся. Такъ и должно быть!—бормоталъ Сеня, краснѣя.—Два фунта ветчины—сорокъ пять,—принялся онъ снова высчитывать:—да два фунта копченой—сорокъ, да сосиски трое покупали: одинъ пару, другой полдюжины... Нѣтъ, постойте, какъ же это?—перебилъ онъ себя, чувствуя опять, что сбивается, что опять въ итогѣ у него не выдетъ суммы въ рубль десять копѣекъ.

— Да все равно, Семенъ Васильевичъ! Ужь гдѣ тамъ все запомнить?—остановила его сама Дарья Андреевна. «Коли и утаилъ какой нибудь гривенникъ,—Богъ съ нимъ! Я больше чѣмъ на гривенникъ дѣловъ сдѣлала», сообразила она.

— Да нѣтъ, постойте, какъ же такъ?!—повторилъ Сеня.

— Эко дѣло большое!—возразила она.—Спасибо вамъ, что посидѣли. А теперь и запираться время: смотрите-ка, двѣнадцатый часъ!—добавила она, кивая на часы.

Сеня заторопился уходить.

— Вы что жь, ночевать не придете домой? — спросила его Дарья Андреевна.

— Не знаю. Можетъ, приду... Покойной ночи!—отвѣтилъ Сеня уходя.

Быстрыми шагами пошелъ онъ по улицѣ къ крыловскимъ ну-

Digitized by Google

мерамъ. И булочная, и пекарня были еще открыты. «Булокъ или хлѣба»?—задалъ себѣ Сеня вопросъ. «Хлѣба»!—рѣшилъ онъ тутъ же, вошелъ въ пекарню и купилъ три фунта хлѣба—на весь гривенникъ. Дневной городской шумъ стихъ уже, ѣзда прекратилась и даже прохожіе попадались только изрѣдка; большинство лавокъ было уже заперто; огни были погашены почти всюду въ домахъ. Вдругъ, позади себя, Сеня услыхалъ отдаленный стукъ колесъ по мостовой; кто-то быстро догонялъ его и вскорѣ нагналъ. Сеня шелъ по тротуару правой стороны, извощикъ летѣлъ по правой сторонѣ улицы и, когда поровнялся съ нимъ, то Легіоновъ оглянулся, чтобы взглянуть на торопившагося сѣдока. Но взглянувъ, онъ сразу остановился среди тротуара и стоялъ, какъ вкопанный. Въ пролеткѣ сидѣли подпоручикъ Завишъ и Ольга. Крѣпко обнявъ ее и прижавшись къ ней, онъ наклонился надъ ея ухомъ и что-то нашептывалъ...

— Оля!—крикнулъ Сеня будто надорваннымъ голосомъ.—Ольга!—повторилъ онъ отчаянно...

Но пролетка была уже далеко, его короткій крикъ былъ заглушенъ грохотомъ колесъ по булыжной мостовой, и Сеня не зналъ даже, слышала ли его зовъ Ольга, обернулась ли она на него.

— Да что же это?!. послѣднее... послѣднее отняли! — шепталъ онъ, все еще стоя на улицѣ съ хлѣбомъ въ рукахъ и съ ветчиной въ карманѣ. Онъ шатался, будто пьяный.—Куда жь теперь?.. Что теперь? — спрашивалъ онъ себя... На противоположной сторонѣ улицы, въ первомъ этажѣ большаго дома, окна были освѣщены и на каждомъ изъ нихъ стояло по пустому сосуду съ цвѣтной жидкостью:—на первомъ отъ подъѣзда — съ желтой, на второмъ — съ красной, на третьемъ—съ зеленой и такъ далѣе, а надъ зонтикомъ подъѣзда, будто привязанный къ нему за хвостъ, парилъ, растопыривъ крылья, двуглавый орелъ.

— Яду! — прошепталъ Сеня, перешелъ улицу и вошелъ въ аптеку.

Аптекарь—нѣмецъ среднихъ лѣтъ, въ клѣтчатомъ коротенькомъ пиджакѣ песочнаго цвѣта—встрѣтилъ было Сеню съ любезной улыбкой, но, разглядѣвъ разстроенное до послѣдней степени лицо посѣтителя, полуоткрылъ ротъ и глядѣлъ на него уже не то испуганно, не то удивленно.

— Што фамъ укотна?—спросилъ онъ.

Сеня отвѣтилъ не тотчасъ. Будто вбирая воздухъ въ ослабѣвшую грудь, онъ усиленно дышалъ.

— Дайте мнѣ чего нибудь силь... силь... сильнаго! — заикаясь, произнесъ онъ наконецъ. Онъ не съумѣлъ сразу назвать, чего ему

Digitized by Google

требуется. Онъ зналъ, что можно отравиться какой-то кислотой, но какой именно—положительно не могъ припомнить въ данную минуту. Не сообразилъ онъ и того, что безъ рецепта аптека не отпуститъ ему яду; забылъ даже, что, еслибы чудомъ и отпустили, ему нечѣмъ было бы заплатить за него...

— Каспатинъ стратаетъ отъ зуби, или отъ шелютки? — спросилъ между тѣмъ аптекарь:—въ перфій слючай я маку рекоментофать...

Но въ эту секунду Сеня вспомнилъ, что можно отравиться и нашатырнымъ спиртомъ; на дняхъ онъ прочелъ въ газетахъ о томъ, что какая-то дѣвушка отравилась имъ въ Москвѣ.

— Дайте нашатырнаго спирту,—сказалъ онъ.

Аптекарь взглянулъ на него еще подозрительнѣе.

— Насколько фамъ укотна нашатирный спиртъ?

— Не знаю... Побольше дайте!.. Большую бутылку...

— А для чифо каспатинъ шеляйтъ имѣть нашатирный спиртъ?— допрашивалъ нѣмецъ, присосавшись къ Легіонову, будто піявка.

— Отчистить... Стереть... Пятно стереть!—бормоталъ Сеня.

— Отно пятно, и—польшая путылька?!—воскликнулъ вопросительно аптекарь.

Сеня не зналъ уже, что ему сказать, что сдѣлать.

— Да не мучайте же меня!—простоналъ онъ.

Аптекарь перепугался. Но раньше всего, онъ подумалъ, конечно, о себѣ.

— Каспатинъ, прошу вамъ, оставляйте мой аптекъ. Я не имѣй шеляній возить себя съ полицай и протоколь!.. Прошу вамъ идить. Мой аптекъ для висторавленій, а не для отрафленій!—взволнованно проговорилъ онъ и, благо въ аптекѣ никого не было, свелъ подозрительнаго посѣтителя съ лѣстницы, вывелъ на улицу и заперъ за нимъ входную дверь...

Теперь Сеня бѣжалъ въ нумера Крылова и черезъ нѣсколько минутъ, взобравшись въ мезонинъ по крутой и совершенно темной лѣстницѣ, стоялъ уже у запертыхъ дверей ольгиной комнаты.

— Оля! — кричалъ онъ. — Впусти меня!.. Спаси!.. Олюшка... Оля!..

Тишина—мертвая, могильная тишина—царила въ коридорѣ и въ ея комнатѣ. Ольга не отвѣчала на сенинъ крикъ, хотя въ ея комнатѣ было свѣтло:—черезъ дверную щель у порога узенькая, но яркая полоска свѣта проникала въ совершенно темный коридоръ.

— Олюшка!—отчаяннымъ голосомъ позвалъ опять Сеня и снова прислушивался, затаивъ дыханіе.

Но теперь, осторожно ступая, кто-то шелъ за дверями по ком-

Digitized by Google

натѣ. Сеня узналъ ольгины шаги, а черезъ двѣ-три минуты услыхалъ около самой двери, съ той стороны, и ея сдержанный шопотъ.

— Уйди, Сеня!.. Ко мнѣ нельзя,—проговорила она умоляющимъ голосомъ.

— *Мнѣ* нельзя?!. Мнѣ?!.—воскликнулъ Легіоновъ.

— Уйди... Уйди, Сеня! Я не впущу тебя сегодня... Завтра... Завтра! А теперь уйди, если ты меня любишь, — торопливо прошептала она взволнованнымъ голосомъ, и Сеня услыхалъ опять уже обратные шаги ея, а въ то же время и полупьяный насмѣшливый хохотъ Завиша...

Сеня схватился за голову. Будто тяжелая гиря свалилась ему на темя откуда-то сверху. Очевидно, только теперь, только въ эту минуту, свѣтъ сошелся для него острымъ клиномъ, и онъ уперся въ него, какъ поутру ему предсказывала Ольга... Онъ не понималъ, что съ нимъ теперь дѣлается. Казалось, вмѣсто мозга, свинцовый слитокъ лежалъ у него теперь въ головѣ, и ему было тяжело держать ее на плечахъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, крикнуть во всю мочь, но не могъ:—нѣчто постороннее ощущалось и въ горлѣ. Онъ схватился за воротъ рубахи, оборвалъ тесемочку галстука, хотѣлъ зарыдать, но опять не могъ,—что-то заложило грудь и онъ задышалъ съ трудомъ...

Онъ отвернулся отъ двери ольгина нумера и вдругъ, будто на стѣнѣ коридора, а быть можетъ и прямо въ воздухѣ, въ темномъ пространствѣ, предъ нимъ блеснуло широкое лезвіе хорошо отточеннаго ножа... Сознаніе вернулось къ нему на мгновеніе. Онъ, вспомнилъ, что этотъ самый ножъ онъ видѣлъ много разъ видѣлъ еще сегодня, отрѣзая въ колбасной лавкѣ ветчину. А вспомнивъ о ветчинѣ, онъ выхватилъ изъ кармана и тотъ кусокъ, что отрѣзалъ для Ольги, и хлѣбъ, купленный на послѣдній гривенникъ, швырнулъ и то, и другое къ порогу ольгиной комнаты и затѣмъ быстро, уже свободный даже отъ мимолетныхъ мыслей, ничего не разбирая по пути, двинулся обратно по темному коридору, съ неустрашимостью, свойственной только помѣшаннымъ или лунатикамъ; выскочилъ по крутымъ ступенькамъ лѣстницы на улицу и побѣжалъ домой. Рѣдкіе прохожіе, попадавшіеся ему на встрѣчу, уже издали сторонились и давали ему дорогу. Пальто его было разстегнуто, галстукъ оборванъ, манишка растерзана; фуражку онъ потерялъ уже на улицѣ и длинные желтоватые волосы его развѣвались по вѣтру... Пробѣгая мимо аптеки, онъ пріостановился на мгновеніе и, глядя помѣшанными глазами на выставленный въ окнѣ пузатый сосудъ съ желтой жидкостью, показалъ этому сосуду языкъ, дико захохоталъ и побѣжалъ дальше еще быстрѣе, еще стреми-

Digitized by Google

тельнѣе. Наконецъ, онъ добѣжалъ до колбасной и забарабанилъ кулаками въ запертую дверь. И пока Дарья Андреевна услыхала этотъ стукъ и отперла дверь, Сеня стоялъ, лукаво подмигивалъ кому-то, безсмысленно улыбался и быстро-быстро твердилъ, не смолкая, одно только слово: «завтра... завтра... завтра»...

— Заприте же, Семенъ Васильевичъ, а то я ужь очень раздѣта,—зѣвая, проговорила колбасница, едва пріотворивъ дверь и торопливо уходя въ свою комнату.

Но Сеня даже не притворилъ за собою двери... Въ одинъ мигъ онъ былъ уже за прилавкомъ, около того мѣста, гдѣ лежалъ начатый окорокъ ветчины, и ощупью отыскалъ широкій ножъ... Прошло нѣсколько секундъ—и длинный Легіоновъ ударился полуотрѣзанной отъ туловища головою о деревянный прилавокъ, грохнулся на полъ и протянулся между этимъ прилавкомъ и стѣной, на которой были развѣшаны окорока, колбасы и сосиски...

Дарья Андреевна прибѣжала изъ своей комнаты.

— Семенъ Васильевичъ! Что съ вами?! Это вы упали?!. Семенъ Васильевичъ!—испуганно спрашивала она.

Отвѣта, конечно, не послѣдовало. Слышалось лишь слабое урчанье крови, да предсмертный хрипъ человѣка.

Дарья Андреевна вернулась въ свою комнату и черезъ минуту прибѣжала уже со свѣчею въ рукахъ; она держала ее высоко надъ головою, но, взглянувъ при свѣтѣ на полъ, вскрикнула, какъ ужаленная, выронила подсвѣчникъ и, не помня себя отъ страха, добралась до двери, выскочила на улицу и закричала: «караулъ»!..

А черезъ минуту, не смотря на ночное время, крикъ, шумъ, переполохъ поднялись уже не только въ лавкѣ, но во всемъ домѣ, и на улицѣ, и во всемъ околоткѣ... Спавшіе люди проснулись, цѣлая толпа ихъ сбѣжалась смотрѣть на мертваго Сеню...

Такъ и всегда. Когда слабый человѣкъ однимъ рѣшительнымъ движеніемъ кончаетъ съ собою, видя, что свѣтъ сошелся для него клиномъ, онъ вызываетъ этотъ переполохъ и будитъ спящихъ людей. Они сбѣгаются, окружаютъ его, жалѣютъ, сочувствуютъ ему, когда жалѣть уже безполезно и сочувствовать поздно...

В. Рышковъ.

Digitized by Google

Пробужденіе.

Загремѣли ручьи, запестрѣли кусты;
Расплелись виноградныя лозы
И тревожно на сердце малютки—цвѣты
Навѣваютъ волшебныя грезы:

Ты пришла, дорогая весна, и опять
Для всего стала любящимъ другомъ,
И вновь стало легко мнѣ терпѣть и страдать,
Непокорно бороться съ недугомъ!

Не хочу умирать я!... На ласки твои,
На улыбку привѣта, участья
Я хочу отвѣчать страстнымъ пыломъ любви,
Жгучей жаждой желаннаго счастья!...

И. Никулинъ.

Digitized by Google

ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ.

Историческій романъ **Фелинса Дана.**

VIII.

Вечеромъ, послѣ того какъ была рѣшена персидская война, Юліанъ сказалъ своимъ обоимъ друзьямъ:—Нашъ путь къ персидской границѣ ведетъ черезъ Антіохію, главный городъ Сиріи. Тамъ я намѣренъ пробыть долгое время, чтобы устроить дѣла во всей восточной части имперіи и сдѣлать приготовленія къ походу по близости нашихъ предѣловъ.

— Антіохія?—возразилъ Серапіонъ.—Я знаю этотъ городъ. Мнѣ привелось однажды пробыть тамъ три четверти года. Ну, предупреждаю: ты не сойдешься съ антіохійцами; это народецъ не изъ покладистыхъ. Выбери лучше другой пунктъ.

— Невозможно! Тамъ соединяются какъ всѣ дороги окрестныхъ странъ, такъ и всѣ нити управленія.

— Жители Антіохіи слывутъ любителями всякихъ удовольствій; они лѣнивы, легкомысленны, болтливы, изнѣжены, невоздержны, питаютъ пристрастіе ко всякимъ зрѣлищамъ и привыкли къ праздной жизни и роскоши.

— Очень можетъ быть, — согласился Юліанъ, — но тогда тѣмъ умѣстнѣе подать имъ примѣръ воздержанія и добродѣтели. Кромѣ того, я радуюсь заранѣе тому, что увижу тамъ своего любимца.

— Артемидора! — воскликнулъ Серапіонъ.—Да, это самый милый и красивый изо всѣхъ эллинскихъ юношей; онъ напоминаетъ мнѣ стройнаго праксителева Гермеса, которымъ я восхищался на дняхъ.

— А изъ числа художниковъ съ нимъ не сравняется ни одинъ, даже и Георгій милетскій, хотя онъ недавно изобразилъ Александра на лошади, убивающаго льва, на геммѣ не

Digitized by Google

больше ногтя моего большаго пальца. Я заплатилъ ему высокую цѣну за эту работу.

— Ну, по моему, это фокусъ, а не художественное произведеніе, и я не далъ бы за него милетійцу больше одной золотой монеты вѣсомъ въ ноготь большаго пальца. Что же касается Артемидора, то его давно не видно во дворцѣ. Гдѣ же онъ?

— Въ Дафнѣ, близь Антіохіи, и, какъ видно изъ его писемъ, усердно занятъ работой. Я рѣшилъ возстановить тамошнее старинное и знаменитое святилище Аполлона, пришедшее въ совершенный упадокъ, и поручилъ моему дорогому пріемному сыну также и въ Сиріи провозгласить побѣду божественнаго свѣта.

Послѣ того какъ Юліанъ предусмотрительно позаботился объ укрѣпленіи границъ Ѳракіи противъ готскихъ народовъ на Дунаѣ, онъ покинулъ въ майскія иды Византію и перенесъ свой дворъ въ Антіохію. Шесть мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ восточной столицѣ, были единственнымъ счастливымъ, безоблачнымъ временемъ его недолгаго царствованія. Съ того же самаго момента, какъ молодой императоръ отбылъ изъ дворца на берегахъ Босфора, его сталъ преслѣдовать по пятамъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ предзнаменованій, что̀ не могло не подѣйствовать на суевѣрный умъ Юліана. Когда онъ направился верхомъ въ гавань, его бѣлый жеребецъ споткнулся и упалъ на оба колѣна, такъ что ему пришлось пересѣсть на другую лошадь.

— Дурной знакъ! Императору не вернуться назадъ!—стали перешептываться вокругъ него, хотя и осторожно, потихоньку. но нехорошая склонность августа постоянно обращать вниманіе на сужденія толпы, на ея малѣйшія замѣчанія на его счетъ, изощрила слухъ Юліана; онъ ловилъ каждое слово. И ему вдругъ стало страшно.

Вѣдь толкованіе пророчества было совершенно правильно! При короткомъ переѣздѣ изъ византійской гавани въ Халкедонъ, на украшенную пурпуровымъ вымпеломъ мачту его быстроходнаго судна, съ громкимъ карканьемъ, усѣлся воронъ и его долго не могли спугнуть оттуда, не смотря на шумъ, поднятый множествомъ людей. Юліанъ поблѣднѣлъ, когда снова услышалъ перешептыванья гребцовъ: — Птица мертвыхъ! Императоръ

Digitized by Google

умретъ.—Серапіонъ замѣтилъ мрачное впечатлѣніе, которое эти слова произвели на его друга: — Суевѣрный философъ!—сказалъ онъ ему въ утѣшеніе,—у насъ, германцевъ, птица Водана считается вѣстникомъ благополучія. Представь себѣ, что это предзнаменованіе относилось ко мнѣ.

— Ни въ какомъ случаѣ! Оно всегда относится къ старшему на кораблѣ,—серьезно возразилъ Юліанъ.

Но еще сильнѣе поразило его нѣчто другое. Путь императора въ Антіохію лежалъ черезъ Никомидію и онъ искренно радовался случаю снова посѣтить родной городъ, богатый воспоминаніями, отеческій домъ, а главное—увидѣть своего любимаго учителя Максима. «Лизій»,—говаривалъ онъ,—«извлекъ меня изъ могилы на землю, а Максимъ вознесъ отъ земли на высочайшее небо, къ богамъ». Онъ отправилъ впередъ посланныхъ съ приказаніемъ приготовить для него квартиру въ родительскомъ домѣ и вручилъ имъ почетные дары Максиму, въ числѣ которыхъ находился кубокъ въ видѣ золотаго корабля. Къ этимъ подаркамъ Юліанъ присоединилъ просьбу, чтобы учитель пожилъ съ нимъ вмѣстѣ подъ одною кровлей и такимъ образомъ далъ ему возможность подольше насладиться его бесѣдой. Однако, еще на пути изъ Византіи въ Никомидію, получилъ онъ извѣстіе о подземныхъ ударахъ, причинившихъ небольшія поврежденія, какъ въ столицѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Малой Азіи, но это встревожило его, лишь какъ дурное предзнаменованіе для предстоящей войны.

Когда же поѣздъ августа приближался къ воротамъ Никомидіи, при аломъ свѣтѣ вечерней зари, его посланные и важнѣйшіе граждане поспѣшно выѣхали ему навстрѣчу верхами, а ихъ предводитель, жрецъ богини Аѳины, сказалъ:—О, государь, натяни поводья! Поверни обратно своего коня! Не въѣзжай въ опечаленный городъ, чтобы развалины и смерть не бросили темныхъ тѣней на твой путь.

— Что такое случилось?—спросилъ встревоженный Юліанъ.—Развѣ я не могу принести жертвы богамъ въ родительскомъ домѣ?

— Нѣтъ, о, государь! Этого дома... не существуетъ болѣе. Землетрясеніе сегодня поутру... Всѣ прочія зданія стоятъ невредимы, а только твой домъ... лежитъ въ развалинахъ, какъ и воздвигнутый тобою вновь домашній алтарь.

Digitized by Google

Блѣдное лицо Юліана болѣзненно передернулось.

— О, горе! Печальный знакъ! Тогда я остановлюсь у Максима. Какъ принялъ онъ мои дары?

— О, государь, не гнѣвайся на меня! Твои дары... вонъ тѣ невольники несутъ ихъ обратно. Максима постигло...

— Что случилось съ моимъ учителемъ?

— Онъ умеръ. Единственный между жителями. Его убило...

— Кто его убилъ?—гнѣвно воскликнулъ Юліанъ.—Навѣрно галилеяне? Они уже грозили ему однажды смертью. Горе имъ! Говори, кѣмъ онъ убитъ?

— Алтаремъ, недавно воздвигнутымъ въ твоемъ домѣ Аполлону. Максимъ подошелъ къ нему, чтобы украсить его вѣнками для твоего пріѣзда и принести на немъ первую жертву. Учителя окружали твои слуги. Вдругъ послѣдовалъ подземный ударъ. Высокій мраморный камень опрокинулся и задавилъ его одного.

— Онъ! Онъ самъ былъ первою жертвою? — простоналъ Юліанъ въ глубокомъ горѣ.—О, Максимъ! Изъ-за меня... Ради меня!

Императоръ сошелъ съ коня, бросился въ траву возлѣ дороги и громко зарыдалъ. Обоимъ друзьямъ и врачу Орибазію стоило большаго труда успокоить его и уговорить снова сѣсть въ сѣдло.

— Эвзебія, Елена, Филиппъ, Максимъ!—вздыхая, промолвилъ онъ.—Они какъ будто увлекаютъ меня за собою.

И Юліанъ приказалъ миновать городъ Никомидію. Вслѣдъ затѣмъ каждая остановка, особенно въ болѣе крупныхъ городахъ, какъ Никея, Ансира, Архелаисъ, Тіана, Фаустинополисъ, Пилэ, Тарсъ и Эгэ, приносили ему множество непріятностей. Еще здѣсь услыхалъ онъ о жалобахъ христіанъ на преслѣдованія, на жестокое примѣненіе его новыхъ законовъ.

Оказалось, что должностныя лица, на которыхъ было возложено исполненіе эдиктовъ императора—этихъ лицъ, разумѣется, нельзя было выбрать изъ среды христіанъ или хотя бы сторонниковъ христіанства—подстрекаемыя «эллинистскими» жрецами, прибѣгали къ жестокимъ насиліямъ и потворствовали мстительности языческаго духовенства. Юный повелитель убѣдился, что эти люди злоупотребляли самыми благонамѣренными распоряженіями и обратили его нелицепріятную справедливость ко

Digitized by Google

всѣмъ въ гоненіе противъ христіанъ. Это глубоко огорчило Юліана и онъ сдѣлался мраченъ. Однако врожденная доброта сердца, благородство характера и горячая любовь къ государству не давали ему ожесточиться среди начавшихся неудачъ. Да и свойственная грекамъ живость натуры подоспѣла на выручку молодому императору. Два-три пріятныхъ впечатлѣнія снова разогнали темное облако, омрачившее его горизонтъ, и вернули отчасти Юліану охоту къ игривымъ остротамъ, которыми онъ охотно тѣшился при всѣхъ превратностяхъ судьбы. Такъ, между прочимъ, въ Ансирѣ къ нему явился тамошній жрецъ Ареса, обвиняя въ государственной измѣнѣ префекта Галатіи, который въ смутные дни, послѣдовавшіе за кончиной Констанція, пока его войско не перешло на сторону Юліана, самъ посягалъ на римскій тронъ. Въ видѣ улики, обвинитель приводилъ то обстоятельство, что префектъ запасся даже императорской пурпурной мантіей.—А вѣдь тебѣ извѣстно—о, августъ!—заключилъ онъ,—что по закону, изданному Констанціемъ, такое преступленіе влечетъ за собою смертную казнь.

— Знаю, милѣйшій,—отвѣчалъ тотъ,—но я философъ и не завидую никакимъ нарядамъ. Жаль мнѣ префекта! Онъ только понапрасну истратился и навѣрно пріобрѣлъ себѣ даже не полное царское одѣяніе. Вонъ въ томъ ящикѣ, если не ошибаюсь, лежитъ пара пурпурныхъ сандалій. Потрудитесь передать ихъ префекту отъ меня съ извиненіемъ, что я перебилъ ему дорогу.

Въ Гіерополисѣ, къ императору привели въ цѣпяхъ бывшаго президіала; онъ обвинялся въ томъ, что, при первомъ извѣстіи о возмущеніи Юліана въ Парижѣ, обратился къ Констанцію съ просьбой пожаловать въ видѣ особенной милости вѣрному городу Гіерополису голову мятежника. Обвиненіе было подтверждено свидѣтельскими показаніями и собственноручнымъ письмомъ обвиняемаго. Весь дрожа, съ подгибающимися колѣнями, стоялъ передъ Юліаномъ этотъ человѣкъ.

— У него дурной вкусъ, — замѣтилъ августъ.—Я выпросилъ бы себѣ что нибудь покрасивѣе. Впрочемъ, я исполнилъ желаніе президіала и самъ принесъ въ этотъ городъ свою голову.

— Какого же удовлетворенія потребуешь ты, о, государь?..— спросили его.

Digitized by Google

— Такъ неужели мнѣ взять его голову? Она также не отличается красотой! Снимите съ него цѣпи.

Такъ поступалъ онъ и съ прочими личными врагами. Въ Антіохіи Юліанъ самъ акуратно являлся на судейскія засѣданія. Всѣ хвалили безпристрастіе его приговоровъ и говорили, что богиня справедливости Адрастейя, давно бѣжавшая отъ людскихъ преступленій съ земли на небо, вернулась обратно въ царство римлянъ подъ щитомъ Юліана. Народъ восхвалялъ также и стараніе императора склонять тяжущихся къ мирному соглашенію. Эта слава справедливаго судьи была единственной отрадой молодаго повелителя въ Антіохіи; пребываніе тамъ принесло ему только одни огорченія и непріятности, начиная съ первой встрѣчи. Когда его дорожный поѣздъ приближался къ сѣверозападному предмѣстью Антіохіи, до слуха путешественниковъ донеслось глухое жалобное пѣніе, прерываемое пронзительными воплями, тогда какъ въ прочихъ городахъ императора встрѣчали торжественной процессіей и все населеніе спѣшило радостно привѣтствовать высокаго гостя. Юліанъ встревожился и его лицо омрачилось, когда верховые, посланные имъ впередъ на развѣдки, вернулись съ извѣстіемъ, что въ городѣ происходитъ сегодня печальное торжество въ память смерти Адониса, юнаго любимца Афродиты.

— Да, да,—замѣтилъ тутъ Юліанъ, покачивая головою,— любимцы боговъ умираютъ рано.

IX.

Каждый часъ краткаго досуга, которымъ могъ воспользоваться императоръ, заваленный дѣлами и осажденный заботами, онъ проводилъ тамъ, гдѣ рѣшено было имъ создать поэтическій уголокъ, посвященный богамъ: въ храмѣ и рощѣ Дафны, менѣе чѣмъ въ двухъ часахъ пути къ востоку отъ Антіохіи. Въ самый день своего прибытія въ столицу Сиріи—въ срединѣ іюня—онъ поспѣшилъ туда, заключилъ въ объятія своего любимаго скульптора и пришелъ въ восторгъ ото всѣхъ художественныхъ работъ, произведенныхъ здѣсь его пріемнымъ сыномъ въ послѣдніе мѣсяцы.

— О, государь,—воскликнулъ юноша, просіявъ отъ радости, что угодилъ своему повелителю,—какое блаженство жить те-

Digitized by Google

перь, въ твое царствованіе, работать для тебя и для возстановленія красоты, веселой жизнерадостности, которую почитатели могилъ изгнали съ земли къ богамъ. Да и во многихъ другихъ городахъ твоего государства я дѣйствовалъ согласно твоему приказу. Повсюду, по всѣмъ дорогамъ, по рѣкамъ и морю, на колесницахъ и корабляхъ стекаются обратно въ осиротѣлые храмы и рощи изображенія боговъ изъ мрамора и металла, похищенныя или увезенныя втихомолку вѣрными почитателями. Повсюду воздвигаются снова разрушенные алтари, повсемѣстно горятъ жертвенные огни, совершаются священнодѣйствія, пестрѣютъ хороводы увѣнчанныхъ цвѣтами дѣвъ и юношей, которые подъ нѣжные звуки флейтъ, убѣгая въ священныя рощи, какъ будто ищутъ и наконецъ находятъ другъ друга для совмѣстнаго поклоненія божествамъ. Но здѣсь моя работа была не особенно легка и несовсѣмъ безопасна.

— Кто осмѣлился наложить на тебя руку?—съ гнѣвомъ воскликнулъ Юліанъ.—Но что я спрашиваю? Конечно, галилеяне. Ты подвергался нападеніямъ?

— Только два раза,—со смѣхомъ отвѣчалъ молодой художникъ,—и только разъ меня немножко поцарапали.

— Разсказывай, разсказывай мнѣ обо всемъ подробно, пока мы будемъ осматривать храмъ, сосѣднія зданія, садъ и рощу. Все это для меня ново, вѣдь я здѣсь никогда не бывалъ.

— Если позволишь, мы начнемъ съ рощи, потомъ обойдемъ обширные сады и заключимъ нашъ осмотръ храмомъ.

Благоразумно разсчитавъ постепенность впечатлѣній, начиная съ болѣе простаго и переходя все къ болѣе и болѣе красивому, Артемидоръ повелъ высокаго гостя по своимъ постройкамъ и дорогой разсказалъ ему слѣдующее:—Ты знаешь, что еще потомки Александра основали это святилище, которое болѣе шести столѣтій было посвящено почитанію Феба-Аполлона. Выборъ мѣста произошелъ не произвольно: по старинному сказанію, въ этомъ самомъ лѣсу прекрасная Дафна, преслѣдуемая пылкою любовью Аполлона, обратилась съ мольбою къ Вестѣ и была превращена ею въ лавровое дерево. Какъ прекрасно вѣровать въ это!

Юліанъ печально улыбнулся:—А еще прекраснѣе понимать значеніе мифа. Слушай! Вѣчно украшаетъ себя богъ листвою возлюбленной, потому что если счастіе любви потеряно, память

Digitized by Google

любви и сама любовь не умираютъ, продолжая вѣчно зеленѣть. Но это можетъ понять только тотъ, кто потерялъ Елену. Говори дальше. Впрочемъ, нѣтъ, погоди еще немного, посмотри, какъ дивно-прекрасно это изобиліе источниковъ, текущихъ кристальной водою. Вотъ отчего, не смотря на жестокую засуху нынѣшняго лѣта, эти лужайки покрыты сочной зеленой травой. А вонъ тамъ, какая великолѣпная группа кипарисовъ и платановъ! А что такое бѣлѣетъ вдали на темномъ фонѣ лавровыхъ деревьевъ?

— Подойди ближе. Это Дафна, которую я сработалъ здѣсь тебѣ сюрпризомъ. Видишь: этотъ вѣковой, могучій стволъ лавра, по преданію, былъ тѣмъ самымъ деревомъ, въ которое обратилась она; въ немъ давно уже образовалось дупло.

— Ахъ, понимаю, какъ хорошо задумано! Отъ подошвъ до бедръ нимфа какъ будто ужь превратилась въ дерево, но изъ дупла выступаетъ стройный дѣвственный торсъ, нѣжный бюстъ и прекрасное цѣломудренное лицо. Какая счастливая мысль! Благодарю тебя, мой любимецъ. Послушай, какое чарующее пѣніе птицъ въ томъ миртовомъ кустарникѣ!

— Да, это соловьи. Безчисленное множество ихъ поселилось въ здѣшней рощѣ, гдѣ такое обиліе кустовъ и свѣтлыхъ источниковъ.

— А здѣсь... Какой ароматъ доносится къ намъ съ тихимъ вечернимъ вѣтеркомъ? Какое сладкое благоуханіе?

— Это розовый лѣсъ Афродиты: имѣй терпѣніе, мы направляемся туда. Я нашелъ прекрасную бронзовую статую богини, спрятанную подъ старымъ хламомъ и уцѣлѣвшую, благодаря такой предосторожности. Взгляни, вотъ она стоитъ среди розъ въ своей божественной наготѣ.

— О, какъ великолѣпно! Нѣтъ, она не обнажена, цѣломудренная богиня, потому что красота служитъ ей прикрытіемъ. А тамъ подальше шумный каскадъ, съ пѣной низвергающійся съ темнозеленой мшистой скалы! И подъ нимъ прекрасная нимфа собираетъ всю струю въ серебряную амфору. Изъ нея укрощенная сила спокойно течетъ дальше многоводнымъ источникомъ.

— Это Кастальскій источникъ.

— О, дай мнѣ стать на колѣни и освѣжить горячіе виски священною влагой.

Digitized by Google

— Да, священной! Этотъ ручей вѣщаетъ пророчества: на лавровомъ листкѣ, опущенномъ въ него съ благоговѣйной молитвой, прочелъ Адріанъ свое будущее величіе. Но—ахъ!—и этотъ оракулъ умолкъ. Констанцій подъ угрозой смерти запретилъ вопрошать его.

— Но я снова заставлю его говорить! Онъ долженъ возвѣстить мнѣ побѣды надъ персами.

— Теперь я попрошу тебя подняться по мраморнымъ ступенямъ возлѣ каскада. Взгляни, отсюда на далекое разстояніе ты не видишь ничего, кромѣ лѣса. Онъ имѣетъ четыре часа пути въ окружности! Это прекрасное убѣжище въ часы лѣтняго зноя; здѣсь находятъ сладкій, безопасный пріютъ влюбленные, которые должны еще искать покрова тайны,—заключилъ прекрасный юноша, вспыхивая румянцемъ.

— А судьба Дафны,—улыбнулся Юліанъ,—пусть послужитъ предостереженіемъ для дѣвушекъ, чтобъ онѣ не слишкомъ строго отвергали жаркія моленія любви. О, какъ великолѣпно! Вокругъ, насколько можно окинуть взглядомъ, не видишь ничего, кромѣ колеблющихся темнозеленыхъ вершинъ.

— Прошу тебя, поверни голову. Въ этомъ густо разросшемся лѣсу, котораго, вотъ уже скоро тридцать лѣтъ, не касалась человѣческая рука, я приказалъ сдѣлать просѣку. Взгляни туда.

— Ахъ, что это такое? Какое блестящее зданіе! И какая великолѣпная дорога ведетъ къ нему! Высокія статуи боговъ украшаютъ ее по обѣимъ сторонамъ.

— Это стадіумъ, ристалище для колесницъ и коней со всѣми приспособленіями для олимпійскихъ игръ. Еще со временъ Августа право устраивать ихъ здѣсь было пріобрѣтено Антіохіей отъ священной Элиды на срокъ въ девяносто олимпіадъ: одинъ благодѣтель, богатый житель города, въ то время еще благоговѣйно чтившаго старыхъ боговъ, нѣкто Созибій пожертвовалъ пятнадцать талантовъ золота на устройство ежегоднаго праздника. Изъ суммъ, такъ щедро отпускаемыхъ тобою, я употребилъ нѣкоторую часть на пріобрѣтеніе колесницъ и дивныхъ, благородныхъ коней изъ Испаніи и Пареіи. Долгое время эти прекрасныя игры не возобновлялись здѣсь: епископъ запретилъ ихъ, а деньги употребилъ на церковь. Но мы возстановимъ ихъ въ этотъ годъ. Когда по осени наступитъ день

Digitized by Google

великаго праздника Аполлона, мы устроимъ олимпійскія игры въ твоемъ присутствіи съ прежнимъ блескомъ въ честь боговъ, совершенно какъ въ Элидѣ.

Юліанъ со слезами радостнаго умиленія обнялъ юношу.— Великолѣпно! О, какъ я люблю тебя! Ты вполнѣ понимаешь мои желанія.

— Ну, а теперь, государь, мы постепенно перейдемъ изъ лѣса, рощи и садовъ къ нашему храму. Сумерки уже недалеко, а намъ остается еще болѣе часа ходьбы до святилища.

— Какъ незамѣтно пролетѣло время! Но что я вижу тамъ: среди прекрасной зеленой лужайки... множество пятенъ черной земли.

— О, мой отецъ, пройди поскорѣе мимо, не останавливай тутъ своихъ свѣтлыхъ взоровъ. Повернемъ въ эту аллею оливъ. У меня не хватило времени привести все въ порядокъ: вѣдь еще недавно удалось мнѣ сломить послѣднее сопротивленіе епископа. Противникъ боговъ, Констанцій, сдѣлавшись императоромъ, тотчасъ напалъ и на это святилище. Игры, жертвы, процессіи, священнодѣйствія, оракулы были запрещены; воины охраняли запертый храмъ, предварительно опустошенный по приказу августа, а также и всѣ ходы къ Кастальскому источнику. Ни одинъ служитель боговъ не смѣлъ больше вступать сюда: священныя мѣста пришли въ запустѣніе, роща заросла, деньги, выдаваемыя государствомъ или городомъ на святилище Дафны, были употреблены на церковь, да и сами антіохійцы, принявъ галилейскую вѣру, не заглядывали больше въ заброшенное святилище до тѣхъ поръ, пока галилеяне не погребли здѣсь праха одного антіохійскаго епископа, умершаго въ тюрьмѣ за свою вѣру, въ царствованіе Деція. Эти останки въ торжественной процессіи были перенесены въ священный лѣсъ и погребены какъ разъ напротивъ входа въ главный храмъ. Послѣ того нынѣшній епископъ построилъ надъ прахомъ базилику и тогда жители города обратили это мѣсто въ кладбище.

Юліанъ въ ужасѣ передъ такимъ святотатствомъ закуталъ себѣ голову плащомъ.

— Многихъ трудовъ стоило мнѣ, не смотря на полученное отъ тебя неограниченное полномочіе, сломить сопротивленіе священниковъ,—продолжалъ Артемидоръ.—Наконецъ, я добился того, что они—на твой счетъ—срыли базилику и перенесли

Digitized by Google

кости мученика, а также и другихъ, здѣсь погребенныхъ, обратно въ городъ въ тамошнія базилики, причемъ была снова устроена торжественная процессія. Однако я не успѣлъ еще изгладить всѣхъ слѣдовъ этихъ раскопокъ. Ну, вотъ теперь мы стоимъ передъ самымъ храмомъ; взгляни, какъ лучезарный богъ въ видѣ прощальнаго привѣтствія щедро золотитъ своими лучами свой домъ и тебя, своего самаго любимаго жреца. Добро пожаловать, государь, въ жилище бога и твое собственное!

Съ этими словами скульпторъ повелъ императора вверхъ по мраморнымъ ступенямъ. Шестнадцать коринѳскихъ колоннъ перистиля изъ великолѣпнаго желтаго нумидійскаго мрамора были обвиты лентами изъ золота и серебра въ ладонь шириною—набожныя приношенія стариннаго и позднѣйшаго времени. На капителяхъ колоннъ также виднѣлась позолота. Двойныя бронзовыя двери были украшены художественными литыми рельефами. Когда юноша отворилъ ихъ, изъ внутренности храма хлынулъ такой потокъ свѣта на встрѣчу входящему повелителю, что тотъ съ возгласомъ благоговѣйнаго изумленія, ослѣпленный яркими лучами, закрылъ глаза и лишь спустя нѣкоторое время могъ двинуться дальше. Свѣтъ исходилъ изъ статуи Аполлона въ человѣческій ростъ, изваянной изъ блестящаго мрамора. Склонивъ немного прекрасную голову, лучезарный богъ какъ будто изливалъ изъ золотой чаши благословеніе на землю; именно изъ нея вырывался снопъ этихъ ослѣпительныхъ лучей. Крупная статуя занимала половину полукруглаго внутренняго пространства святилища, называемаго «целлою», стѣны котораго, составленныя изъ самыхъ рѣдкихъ каменныхъ породъ, пестрѣли живописнымъ сочетаніемъ всевозможныхъ красокъ. Сверкающіе драгоцѣнные камни и блестящій жемчугъ, вставленные въ нихъ, еще усиливали это необыкновенное сіяніе. Охваченный трепетомъ глубочайшаго благоговѣнія, Юліанъ преклонилъ колѣни, восклицая:—О, восхить къ себѣ всю мою душу, Фебъ-Аполлонъ!—И онъ долго молился своему богу, воздѣвая къ нему руки.

X.

Только здѣсь, въ Дафнѣ, а не въ Антіохіи, было суждено молодому августу переживать счастливые часы въ девять мѣ-

Digitized by Google

сяцевъ его пребыванія на Оронтѣ. Скорѣе можно сказать, что въ Антіохіи прошло самое горькое время его короткаго царствованія. Съ первыхъ же дней прибытія Юліана, его отношенія къ антіохійцамъ сложились неблагопріятно. Съ одной стороны, открытое служеніе императора языческимъ богамъ возстановило противъ него христіанъ, которые здѣсь преобладали; съ другой же стороны, его суровый образъ жизни служилъ живымъ упрекомъ легкомысленнымъ, веселымъ антіохійцамъ, любившимъ удовольствія и не отличавшимся особой строгостью нравовъ. Антіохія, между прочимъ, славилась красотою своихъ женщинъ, но молодой тридцатилѣтній государь оставался холоденъ ко всѣмъ ихъ заискиваніямъ; онъ велъ себя аскетомъ, точно какой нибудь христіанскій монахъ, и, не смотря на свое вдовство, не поддавался никакимъ соблазнамъ. Когда прекраснѣйшая гетера Антіохіи, Лаура, тайкомъ пробралась къ нему въ спальню, онъ прогналъ ее и приказалъ заточить въ отдаленный женскій монастырь. Юліана считали лицемѣромъ, и недовѣріе къ нему все возрастало. Наконецъ, дѣло дошло до открытой вражды, и когда однажды августъ принялъ участіе въ торжественной процессіи, направлявшейся въ открытый имъ храмъ Ареса, антіохійцы воспользовались тѣмъ, что онъ вышелъ изъ палаціума безъ конвоя тѣлохранителей, въ одеждѣ верховнаго жреца, и осыпали его насмѣшками и оскорбленіями.

Но гораздо серьезнѣе, чѣмъ подобныя мелочи, огорчали императора жалобы христіанъ во всѣхъ провинціяхъ его государства на несправедливости и преслѣдованія, которымъ они подвергались отъ его «эллинистскихъ» чиновниковъ и жрецовъ. Къ своему глубокому огорченію, Юліанъ долженъ былъ убѣдиться, что наиболѣе многочисленныя и частыя жалобы раздавались именно въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ онъ поручилъ исполненіе императорскихъ эдиктовъ своему ближайшему другу Лизію. Смѣло переступивъ границы своего полномочія, верховный жрецъ Аполлона поспѣшилъ прямо изъ Византіи въ Галлію.

Въ Парижѣ христіанскіе священники немедленно возмутились противъ его грубаго произвола. Оттуда онъ отправился въ Италію, а въ короткое время — въ Далмацію, Фракію, Понтъ, Галацію, Каппадокію, Сирію и, наконецъ, отбылъ въ

Digitized by Google

свою родную страну на Нилѣ, гдѣ требовалъ, чтобъ ему воздавали царскія почести. И повсюду его путь ознаменовывался новыми жестокостями и проявленіями самаго дикаго, необузданнаго произвола. Вскорѣ послѣ прибытія Лизія въ Египетъ, тамъ произошло возстаніе язычниковъ—сначала противъ аріанскаго епископа Григорія, котораго они подвергли жестокимъ мученіямъ и умертвили. Но вслѣдъ затѣмъ Лизій сталъ дерзко придираться и къ каѳолическому епископу Аѳанасію. Подавляющая масса накопившихся обвиненій принудила императора съ тяжелымъ сердцемъ начать слѣдствіе противъ его любимаго учителя. Юліанъ поручилъ разборъ бо́льшей части жалобъ Іовіану, именно потому, что тотъ въ послѣднее время болѣе и болѣе возставалъ противъ нерасположенія августа къ христіанамъ и не разъ выступалъ ихъ защитникомъ, хотя это было несовсѣмъ пріятно его царственному другу. Что же касалось до пререканій съ Аѳанасіемъ, то онъ предоставилъ разобрать это дѣло Серапіону, которому еще раньше было поручено составить донесеніе объ этомъ выдающемся борцѣ христіанства. Между тѣмъ молодой франкъ уже нѣсколько разъ просилъ отсрочки, отговариваясь тѣмъ, что не можетъ еще представить ожидаемаго отчета.

— Но почему?—допытывался императоръ.—Вѣдь всѣ грамоты, всѣ свѣдѣнія относительно этого александрійца находятся у тебя въ распоряженіи въ государственныхъ архивахъ.

— Правда, но личный характеръ этого мужа все выростаетъ и выростаетъ передо мною, чѣмъ болѣе я узнаю о немъ, такъ что я почти теряю мѣрку для такой величины. Нельзя же допустить, чтобъ онъ переросъ своего судью настолько, чтобъ сдѣлаться недоступнымъ его сужденію. Этотъ Аѳанасій—или ужаснѣйшій лицемѣръ и интриганъ, или одинъ изъ величайшихъ людей по силѣ духа и ума. Я готовъ пожелать для тебя, о другъ, чтобъ подтвердилось первое изъ моихъ предположеній, но день ото дня менѣе вѣрю этой возможности. Итакъ, подожди еще короткое время.

— Хорошо. Однако, прежде чѣмъ сюда пріѣдетъ вызванный мною Лизій, я долженъ въ точности знать обстоятельства дѣла.

И Юліанъ нетерпѣливо торопилъ обоихъ друзей, чтобъ они поскорѣе окончили возложенную на нихъ работу.

Digitized by Google

Нѣсколько дней спустя, передъ тѣмъ какъ было приступлено къ чтенію отчета объ этихъ спорныхъ дѣлахъ, императоръ съ живостью обратился къ Іовіану съ вопросомъ:—Скажи мнѣ наконецъ, другъ, что̀ такое происходитъ съ моей матерью и сестрой? Сколько разъ я настоятельно приглашалъ ихъ въ Византію—вѣдь мы такъ долго не видались!—и мнѣ постоянно отвѣчали, что мать слишкомъ слаба для путешествія. Скажи же мнѣ — вѣдь я диктовалъ тебѣ всѣ мои письма къ той и другой—когда ты получилъ послѣднее увѣдомленіе отъ нихъ?

— Какъ разъ сегодня. Я только что хотѣлъ передать тебѣ письмо твоей сестры. Она, согласно твоему желанію, которое наконецъ перешло въ приказаніе, выѣхала изъ Марселя и находится на пути въ Византію.

— Отлично. Тамъ она должна поступить въ основанное мною святилище, посвященное Юнонѣ Пронубѣ; жрицы богини ближе познакомятъ ее съ эллинизмомъ, такъ какъ эта душа принадлежитъ мнѣ. Я не уступлю ея галилеянамъ. А что же мать? Вѣдь она, конечно, сопутствуетъ дочери?

— Нѣтъ, Юліанъ, она...—Іовіанъ запнулся.

— Развѣ ее по прежнему удерживаетъ нездоровье? Пожалуй, ея глаза?..

— Нѣтъ, но...

— Въ чемъ же дѣло?

— Она уже уѣхала, но не въ Византію, а въ сопровожденіи Іоанна въ Римъ, чтобъ отправиться оттуда въ Іерусалимъ.

— Въ Римъ, въ Іерусалимъ! Что ей тамъ дѣлать?

— Ну, конечно, то, что̀ дѣлаютъ всѣ—молиться. Она... Я не хотѣлъ огорчать тебя преждевременно среди всѣхъ твоихъ тяжелыхъ испытаній... твоя мать недовольна твоими мѣрами и всѣмъ, что̀ ты сдѣлалъ... послѣ Страсбурга.

— Ну, разумѣется,—тяжело вздохнулъ Юліанъ.

— И вотъ она, ради спасенія твоей души, отправилась по обѣту на могилы первоверховныхъ апостоловъ и ко гробу... Искупителя.

— О, матушка, матушка! И ты также... Но я могъ предвидѣть это. Однако, отчего отъ меня до сихъ поръ скрывали, что̀ она дѣлаетъ?

— Я самъ только теперь узналъ обо всемъ.

Digitized by Google

— А этотъ вѣчно занятый Іоаннъ! Точно векша, снуетъ онъ съ мѣста на мѣсто. Зачѣмъ ему нужно шнырять по всѣмъ провинціямъ?

— Не будь неблагодарнымъ, Юліанъ; вѣдь ты знаешь, онъ постоянно странствуетъ между Римомъ и Іерусалимомъ. И я думаю, что ты обязанъ ему многимъ,—этому снующему туда и сюда монаху.

— Ахъ, матушка и сестра! и онѣ не на моей сторонѣ, точно также, какъ и друзья. Но Юліану я долженъ образумить. Мнѣ кажется, — тутъ онъ заглянулъ въ глаза своему другу, — что и ты не будешь особенно радоваться, если это прекрасное созданіе предастся галилеянамъ?

Іовіанъ опустилъ рѣсницы.—Надо слѣдовать своему убѣжденію, Юліанъ, а также, не мудрствуя лукаво, и убѣжденію сердца.

Съ удивленіемъ взглянулъ императоръ на своего друга, но подавилъ возгласъ досады и сказалъ, располагаясь на кушеткѣ:—Ну, хорошо, приступайте къ своему отчету. Сначала ты, Іовіанъ, сообщи о повсемѣстныхъ жалобахъ галилеянъ противъ моего «гоненія», а потомъ ты, Серапіонъ, разскажи про Аѳанасія, который, дѣйствительно, кажется «безсмертнымъ»: до того долго преслѣдуетъ онъ самъ Константина, Констанція и Юліана.

— О жалобахъ христіанъ можно сказать, что «имя имъ легіонъ»,—началъ Іовіанъ, показывая на высокую, объемистую урну, которую внесли по его знаку писцы-невольники и поставили передъ нимъ на полъ. — Сегодня я захватилъ съ собою только тѣ, которыя направлены противъ Лизія. Взгляни на эту кучу; повидимому, онъ поступалъ съ врагами своей вѣры хуже всѣхъ или потворствовалъ ихъ притѣсненію. Однако и другіе поставленные тобою чиновники и жрецы жестоко искажали твои распоряженія, явно злоупотребляя своей властью. Ихъ дѣйствія до того возмутительны, что христіане ожесточены до крайности во всѣхъ провинціяхъ, и меня нѣсколько не удивитъ, если тутъ и тамъ вспыхнетъ открытое возстаніе.

— Пускай они попробуютъ!—воскликнулъ императоръ.

— Признаюсь,—продолжалъ взволнованнымъ тономъ Іовіанъ, — ничто не могло сблизить меня такъ съ христіанами и ихъ вѣрой, какъ данное мнѣ тобою, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ,

Digitized by Google

порученіе и личное наблюденіе за ихъ дѣйствіями подъ тяжелымъ, жестокимъ гнетомъ. Ихъ твердость, незлобивость, любовь къ врагамъ просто изумительны.

— Вотъ какъ! — съ досадой перебилъ Юліанъ. — И, по твоему, я ихъ гонитель? Кончай скорѣе похвальное слово и приступай къ своему отчету.

— Болѣе всего злоупотребленій проистекаетъ отъ твоего приказа—возвращать назадъ земли, которыя во время царствованія Констанція часто отнимались отъ языческихъ храмовъ для постройки на нихъ церквей; въ особенности много вреда приноситъ твой эдиктъ о возмѣщеніи убытковъ въ пользу этихъ храмовъ и ихъ жрецовъ.

— Вотъ какъ! — вспылилъ Юліанъ,—значитъ, по твоему, этого не слѣдуетъ дѣлать? Съ топорами и сѣкирами, во главѣ своихъ вѣрующихъ, врывались галилеяне въ великолѣпные украшенные колоннами храмы, разбивали статуи боговъ, похищали сокровища. Неужели они должны пользоваться своею добычею и наслаждаться плодами своихъ насилій? Нѣтъ! клянусь Фебомъ-Аполлономъ.

— Ну, хорошо. Однако эллинисты точно также срываютъ до основанія базилики, построенныя на мѣстѣ разрушенныхъ храмовъ или на землѣ, принадлежавшей имъ. А какъ неистовствуютъ при этомъ твои жрецы!

— Развѣ они болѣе не *твои*?

Но Іовіанъ какъ будто не разслышалъ вопроса и продолжалъ:—По всѣмъ городамъ, которые посѣтилъ Лизій, онъ заставлялъ христіанъ удалять кости мертвецовъ, погребенныхъ десятилѣтія тому назадъ въ рощахъ при языческихъ святилищахъ.

— Такъ и слѣдуетъ, потому что это было осквернені̀емъ святыни, оскорбленіемъ прекрасныхъ боговъ!

— Однако, императоръ, вѣдь тамъ тысячи могилъ, а христіане хоронили въ тѣхъ мѣстахъ своихъ умершихъ не самовольно, а съ разрѣшенія Констанція. Но если притѣсняемые заявляли, что они не могутъ этого сдѣлать или, по крайней мѣрѣ, отказывались исполнить подобное требованіе немедленно,— какъ поступалъ твой намѣстникъ? Онъ самъ, съ заступомъ и тачкой, кидался во главѣ неистовыхъ шаекъ къ этимъ кладбищамъ, разрывалъ могилы, кидалъ кости въ тачки и приказы-

Digitized by Google

валъ выгружать ихъ въ воду или на мѣста свалки. Такъ происходило въ Газѣ и въ Аскалонѣ, въ Цезареѣ, въ Гіерополисѣ и многихъ другихъ городахъ. Если христіане оказывали сопротивленіе, тотчасъ начиналось избіеніе на улицахъ. Женщины своими веретенами, повара вертелами протыкали полумертвыхъ христіанъ. Языческіе жрецы влачили ихъ трупы по улицамъ, высасывали свѣжую кровь умерщвленныхъ дѣвъ въ своемъ безумномъ суевѣріи, а въ Газѣ они даже перемѣшивали изрубленные куски мяса своихъ жертвъ съ ячменемъ и кидали на кормъ свиньямъ. Въ Масумѣ жрецы Беллоны зарѣзали діакона на алтарѣ своей богини и смочили его кровью острія своихъ копій.

— А что же Лизій?—спросилъ въ негодованіи Юліанъ.

— Лизій повсюду подстрекалъ это бѣшенство и нигдѣ не принималъ мѣръ, чтобъ укротить его. Онъ находился тутъ же и допускалъ всякія звѣрства, хотя былъ уполномоченъ тобою повсюду требовать себѣ на помощь вооруженную силу. Воины сами отъ себя—часто наемные варвары, не бывшіе ни христіанами, ни эллинистами!—вмѣшивались въ дѣло и водворяли спокойствіе. Но слушай дальше: во многихъ случаяхъ епископы при всемъ желаніи не могли внести громадныхъ суммъ, которыхъ требовалъ Лизій въ возмѣщеніе убытковъ. Тогда, по приказу Лизія, должникъ присужденъ былъ расплачиваться своимъ собственнымъ тѣломъ.

— Такъ гласитъ законъ римлянъ,—замѣтилъ Юліанъ, пожимая плечами.

— Хорошо. Но что сдѣлалъ Лизій въ Аретузѣ—въ Сиріи?

— Ахъ, да! — гнѣвно воскликнулъ императоръ,—я вспомнилъ. Вѣдь это тамъ епископъ Маркъ собственноручно разбилъ заступомъ дивно-прекрасную мраморную статую Деметры и поджегъ ея храмъ и рощу. Живъ ли еще онъ?

— Благодаря только чуду. Такъ какъ онъ не могъ заплатить требуемаго съ него милліона, Лизій съ остервенѣлой шайкой бросился на старика, приказалъ нещадно бичевать его, вырвалъ ему бороду и подвѣсилъ его на воздухѣ въ сѣткѣ на высокихъ шестахъ, голаго и вымазаннаго медомъ, подвергая жгучимъ лучамъ сирійскаго солнца и ужаленію насѣкомыхъ.

— Ну, мой учитель навѣрно не сдѣлалъ этого!

— Нѣтъ, но приказалъ сдѣлать. Онъ опять присутство-

Digitized by Google

валъ при пыткѣ и распоряжался бичеваніемъ. Неужели ты допустишь, чтобы такая разнузданность страстей, такое безумное ожесточеніе порождало междоусобія въ твоемъ народѣ? Остановись, Юліанъ! Ты императоръ не однихъ «эллинистовъ», но всѣхъ римлянъ; христіане также вправѣ требовать отъ тебя защиты и справедливости.

— Размысли, Юліанъ, можетъ ли твой Лизій оставаться при своей должности?—спросилъ Серапіонъ.

— Нѣтъ,—серьезно отвѣчалъ Юліанъ, — конечно, нѣтъ. И такія вещи творятся подъ моимъ скипетромъ! Великіе боги, зачѣмъ допустили вы это?

— Я долго не дошелъ бы до конца,—заключилъ Іовіанъ, бросая свитки папируса обратно въ урну, — но, кажется, и этого довольно. Понимаешь ли ты, Юліанъ, что въ эти недѣли мое сердце отвратилось отъ твоего эллинизма и обратилось къ христіанамъ?—Юліанъ молчалъ; онъ мрачно смотрѣлъ передъ собою и наконецъ произнесъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Это ужасно, когда стремленіе къ высшей справедливости превращается въ величайшую несправедливость! Ну, Серапіонъ, приступи теперь къ отчету объ Аѳанасіи.

XI.

— Съ Аѳанасія начинаю я, — заговорилъ Серапіонъ,—а долженъ кончить также Лизіемъ. Ты приказалъ изложить тебѣ вкратцѣ все то, что выстрадалъ въ царствованіе твоихъ предшественниковъ этотъ великій мужъ.

— Много десятковъ лѣтъ тому назадъ, александрійскій епископъ Александръ шелъ по берегу моря. Онъ увидѣлъ нѣсколькихъ мальчиковъ, забавлявшихся игрою. Они играли въ особую тогдашнюю игру: одинъ изъ нихъ совершалъ надъ мальчикомъ, поменьше себя, обрядъ крещенія съ полною точностью, по всѣмъ правиламъ церковнаго устава; онъ осторожно погрузилъ ребенка въ воду, исполняя все это съ такимъ благоговѣйнымъ воодушевленіемъ, съ такою набожностью, изливавшеюся прямо изъ глубины сердца, и произнесъ при этомъ такую умную, полную содержанія рѣчь, что епископъ, съ удивленіемъ подошедшій ближе и узнавшій, что ребенокъ, надъ которымъ совершался обрядъ, не былъ до сихъ поръ

Digitized by Google

крещенъ, торжественно объявилъ, что его крещеніе, совершонное удивительнымъ мальчикомъ, вполнѣ дѣйствительно, такъ какъ для этого требуется прежде всего святое, набожное желаніе и вѣра. А молодой креститель въ высшей степени обладалъ тѣмъ и другимъ. Епископъ взялъ съ собою отрока, исполненнаго духомъ божіимъ; его звали Аѳанасіемъ. Вскорѣ Аѳанасія посвятили въ діаконы. На вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ юный діаконъ выступилъ представителемъ своего епископа и главнымъ противникомъ ереси Арія. Онъ былъ душою этого великаго и самаго важнаго церковнаго собора, составителемъ его символа вѣры. Вскорѣ послѣ того, Аѳанасій еще въ юношескихъ годахъ занялъ архіепископскій престолъ въ Александріи, какъ преемникъ Александра. И вотъ, въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ, среди непрерывной борьбы и самыхъ жестокихъ гоненій за каѳолическое исповѣданіе, страдалъ онъ и выступалъ противъ Констанція, противъ тебя, противъ аріанъ и многихъ другихъ. Дѣйствительно, каѳолическая вѣра воплотилась въ Аѳанасіѣ. Его обвинили въ томъ, будто бы онъ умертвилъ одного аріанскаго епископа; Аѳанасій впослѣдствіи представилъ того здравымъ и невредимымъ своимъ судьямъ. Соборъ въ Тирѣ лишилъ Аѳанасія архіепископскаго сана. Тогда онъ сѣлъ на барку, поплылъ въ Византію, встрѣтилъ на улицѣ могущественнаго Константина, передъ которымъ всѣ трепетали, схватилъ за поводья его лошадь и заставилъ императора выслушать себя. При этомъ конные латники августа отказались схватить безоружнаго: хотя они едва понимали его рѣчь, но его могучій взоръ приводилъ ихъ въ оцѣпенѣніе. Аѳанасія оправдали. Вслѣдъ затѣмъ Константинъ опять изгоняетъ его вслѣдствіе новыхъ обвиненій въ государственной измѣнѣ, на этотъ разъ въ Тріеръ. Вернувшись обратно въ Александрію, въ царствованіе Констанція, онъ чуть не былъ умерщвленъ по приказанію послѣдняго, такъ какъ императоръ былъ сторонникомъ аріанъ. На церковь св. Ѳіона, гдѣ архіепископъ совершалъ ночное богослуженіе, кидается Сиріанъ, правитель Египта, съ двумя когортами. Напрасно священники и прихожане умоляютъ своего пастыря бѣжать; безбоязненно продолжаетъ онъ пѣть передъ алтаремъ псалмы. Воины взламываютъ запертыя двери и съ дикимъ крикомъ врываются въ церковь; ихъ оружіе блеститъ при блескѣ свѣтильниковъ, украшающихъ

Digitized by Google

алтарь; молельщики кидаются имъ навстрѣчу; они жертвуютъ собою, защищая своего епископа, и позволяютъ изрубить себя. Аѳанасій, между тѣмъ, спасается какимъ-то чудомъ.

— Я знаю эти чудеса,—насмѣшливо замѣтилъ Юліанъ.

— Но такой вѣрности ты не знаешь, потому что не знаешь германцевъ; а епископъ и его паства съ твердостью поддерживали другъ друга. Онъ приговоренъ къ смерти, какъ и всякій, кто его скроетъ; но тѣмъ не менѣе смѣлый епископъ не боится никакой опасности. Онъ исчезаетъ порою въ пустынѣ между отшельниками Ѳиваиды, въ скалахъ и пещерахъ. Напрасно Констанцій обѣщалъ большія суммы за его голову, напрасно писалъ онъ даже предводителямъ эѳіоповъ, предлагая помочь ему изловить въ ихъ пустыняхъ одинокаго священника, противъ котораго было выставлено цѣлое войско чиновниковъ, шпіоновъ и воиновъ. Монахи давали убивать себя десятками, но не выдали, однако, его убѣжища въ сухой цистернѣ среди пустыни. Между тѣмъ онъ опять появляется въ Александріи, узнавъ, что церкви грозитъ новое гоненіе. Онъ ходитъ на глазахъ у палачей, но они не могутъ его схватить. Безчисленное число разъ шелъ онъ на встрѣчу смерти; двадцать лѣтъ провелъ въ различныхъ мѣстахъ изгнанія. Другихъ Констанцію удалось принудить на синодѣ въ Римини отречься отъ ихъ убѣжденій путемъ различныхъ жестокостей. Онъ заключалъ ихъ въ тюрьму, морилъ голодомъ, холодомъ, угрожалъ имъ смертью; даже римскій епископъ отпалъ наконецъ отъ каѳолической вѣры; самъ Либерій отъ страха передъ человѣческой властью соглашался съ аріанами. Но Аѳанасій остался непоколебимъ. Четыре раза изгонялъ его за это Констанцій, четыре раза возвращался онъ, какъ побѣдитель, обратно, встрѣчаемый съ торжествомъ своей вѣрной паствой. Словомъ, посланіями и дѣломъ поборолъ онъ — безоружный старецъ! — обагреннаго кровью Констанція, жестокаго повелителя столькихъ легіоновъ, перваго главу государства, побѣжденнаго церковью. Кто-то будетъ побѣжденъ вторымъ, кто послѣднимъ? Публично назвалъ онъ его антихристомъ, нравственно и духовно унизилъ со всѣми его епископами, отпавшими отъ истинной вѣры. Церковь имѣетъ болѣе ученыхъ, но ни одного болѣе великаго человѣка. Не его знаніе,—его воля, его характеръ дѣлаютъ Аѳанасія побѣдителемъ надо всѣми и въ сорокалѣтній періодъ

Digitized by Google

борьбы и трудовъ онъ пріобрѣлъ такое знаніе человѣческаго сердца, что можетъ предсказывать впередъ, какъ поступятъ его друзья или враги. Люди вѣрующіе называютъ это даромъ пророчества. Всегда пѣшкомъ, съ посохомъ странника въ рукѣ, а не въ раззолоченомъ экипажѣ, запряженномъ шестеркой, подобно другимъ епископамъ, странствуетъ маститый митрополитъ александрійскій изъ года въ годъ, производя предписанныя уставомъ ревизіи. Нѣтъ такого калѣки у большой дороги, котораго бы онъ не обласкалъ, не осыпалъ бы щедрой милостыней и не утѣшилъ; нѣтъ такого набожнаго отшельника въ пустынѣ, передъ которымъ бы этотъ величайшій князь церкви не склонилъ смиренно своей сѣдой головы до земли, хотя ее не могли склонить двое императоровъ. И съ такимъ человѣкомъ твой намѣстникъ Лизій вдругъ ни съ того, ни съ сего затѣваетъ распрю! Облеченный въ пурпуръ, съ золотымъ скипетромъ, входитъ этотъ честолюбецъ въ храмы, заставляя египтянъ дивиться себѣ и встрѣчать себя кликами ликованія, какъ ихъ наслѣдственный правитель. Я сильно подозрѣваю, что именно Лизій подстрекалъ эллинистовъ противъ аріанскаго епископа Григорія Каппадокійскаго.

— Пустяки!—съ гнѣвомъ прервалъ Юліанъ,—тутъ не понадобилось никакого подстрекательства. Этотъ человѣкъ всячески терзалъ почитателей древнихъ боговъ и пользовался своимъ епископскимъ саномъ,—какъ пишетъ мнѣ Амміанъ Марцеллинъ,—для самыхъ злобныхъ доносовъ въ царствованіе Констанція. Онъ льстиво совѣтовалъ этому ненасытно жадному чудовищу конфисковать всѣ дома въ городѣ, такъ какъ его «предшественникъ на царскомъ тронѣ»—Александръ Великій!—выстроилъ весь городъ на государственныя средства — шесть столѣтій тому назадъ. Любостяжаніе и произволъ всегда руководили твоимъ примѣрнымъ епископомъ.

— Пусть такъ, но развѣ это давало право эллинистамъ топтать несчастнаго и его двоихъ друзей ногами и влачить ихъ полумертвыми, привязанными къ верблюдамъ, на взморье, чтобы предать тамъ сожженію? А ты, вмѣсто того чтобъ наказать преступниковъ, ограничился тѣмъ, что въ одномъ изъ своихъ писемъ, на которыя ты не скупишься, напомнилъ эллинистамъ въ Александріи, что они происходятъ отъ эллиновъ, и потому должны придерживаться эллинскихъ нравовъ. Между тѣмъ, что

Digitized by Google

сдѣлалъ бы ты, еслибъ христіане убили жреца Аполлона? А совершенно недоказаннымъ обвиненіямъ злобнаго Лизія противъ Аѳанасія ты вѣришь слѣпо!

— Совершенно недоказаннымъ... вотъ какъ!—сердито возразилъ Юліанъ.—Такъ послушай, мой другъ, внезапно сдѣлавшійся такимъ рьянымъ защитникомъ галилеянъ...—И августъ вынулъ нѣсколько свитковъ изъ стоявшаго передъ нимъ ящика.—Эти донесенія я только сегодня получилъ изъ Александріи и сейчасъ прочту ихъ тебѣ. Твой Аѳанасій, по возвращеніи въ столицу Египта былъ встрѣченъ громкимъ ликованіемъ: молодыя дѣвушки, старцы оспаривали у юношей честь нести его золотыя носилки, украшенныя вѣнками. Вотъ какъ благодарятъ меня за мою справедливость! «Этотъ въѣздъ есть тріумфальное шествіе»,—ликовали вѣрующіе—«а тріумфаторъ—нашъ епископъ». А между тѣмъ, вѣдь торжествуютъ только надъ совершенно побѣжденнымъ врагомъ. Кто же этотъ врагъ? Государство.

— Безъ сомнѣнія,—согласился Серапіонъ. — Государство было неправо, замучивъ до смерти того аріанскаго епископа, и оно по справедливости потерпѣло пораженіе. По справедливости торжествуетъ и церковь. Зачѣмъ у васъ нужно поперемѣнно быть то каѳоликомъ, то аріаниномъ, то язычникомъ, чтобы пользоваться полнымъ правомъ гражданства? Подѣломъ вы и наказаны!

— Я возвѣстилъ всеобщую вѣротерпимость! — съ жаромъ воскликнулъ Юліанъ.—Но преступленіе, совершонное изъ-за религіи, стану преслѣдовать.

— Развѣ преступленіе—позволить юношамъ нести себя въ украшенныхъ вѣнками носилкахъ?

— Франкъ, не раздражай меня понапрасну! Твой Аѳанасій обвиняется, какъ сооучастникъ въ избіеніи аріанъ.

— Это ложь.

— Однако онъ не воспрепятствовалъ имъ.

— Какъ и ты самъ.

— Далѣе, онъ тотчасъ послѣ своего тріумфальнаго въѣзда созвалъ на церковный соборъ въ Александрію сто подвластныхъ ему епископовъ.

— Это его право.

— Да вѣдь онъ какъ будто дѣлаетъ всеобщій парадный смотръ своему духовному воинству!

Digitized by Google

— И ты производишь смотры своимъ войскамъ.

— Тамъ, какъ слышно, были приняты подозрительныя рѣшенія. Чтобы помѣшать ихъ исполненію, я снова изгоню Аѳанасія изъ Египта. Я уже написалъ тамошнему префекту,—тутъ Юліанъ схватилъ свитокъ папируса и прочиталъ:—«Клянусь великимъ Сераписомъ! Если этотъ злѣйшій противникъ боговъ не будетъ изгнанъ изъ Александріи и самаго Египта до декабрьскихъ календъ, ты, о, Эдиціусъ, заплатишь мнѣ сто фунтовъ золота». Архіепископъ своими происками отвращаетъ гражданъ отъ почитанія боговъ. Еще въ недавнее время своими рѣчами склонилъ онъ принять христіанство значительное число знатныхъ женщинъ, бывшихъ до тѣхъ поръ ревностными почитательницами богини Геры. Я требую повиновенія государственнымъ законамъ прежде всего и ото всѣхъ, не исключая и епископовъ. Аѳанасій же нарушилъ этотъ долгъ повиновенія, потому что, изгнанный Констанціемъ, самовольно вернулся изъ ссылки тотчасъ послѣ его смерти, не дождавшись моего соизволенія, которое между тѣмъ успѣло послѣдовать.

— Онъ, конечно, разсчиталъ,—вмѣшался Іовіанъ,—что если на тронъ вступилъ противникъ христіанской вѣры, то пастырю не подобаетъ оставаться вдали отъ своего стада.

Императоръ, однако, съ гнѣвомъ продолжалъ:—Но я напомнилъ александрійскимъ гражданамъ, что имъ стыдно быть приверженцами Аѳанасія и его ученія. «У вашихъ предковъ»,—писалъ я,—«служили рабами тѣ самые евреи, потомку которыхъ вы служите теперь, отвергая Геліоса и Селену, давшихъ вамъ все». О, я непремѣнно сотру съ лица земли этого Аѳанасія!

— Юліанъ! Развѣ ты второй Констанцій! — строго замѣтилъ ему Сераціонъ. — Неужели ты хочешь идти по стопамъ этого несправедливаго, безхарактернаго человѣка и потерпѣть въ свою очередь рядъ постыдныхъ пораженій отъ великаго святителя? Берегись, предупреждаю тебя. Опомнись, пока не поздно!

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Но Аѳанасія нужно выселить, по крайней мѣрѣ, изъ Александріи, этого главнаго оплота его могущества. Какъ удалить его оттуда, не нарушая права?.. Но погодите: я придумалъ! Я вызову его къ себѣ для личнаго оправданія во всѣхъ поступившихъ противъ него обвиненіяхъ.

Digitized by Google

Тогда онъ будетъ принужденъ пріѣхать! Между тѣмъ, этотъ вызовъ послѣдуетъ только послѣ моего выступленія въ походъ противъ персовъ. Ему волей-неволей придется слѣдовать за мною на крайній востокъ! Э, я заставлю проѣхаться этого новѣйшаго апостола дальше, чѣмъ странствовали его предшественники древнихъ временъ. Остроумно придумано, не такъ ли? Что же вы не смѣетесь со мною, друзья!

— Я не стану смѣяться надъ Аѳанасіемъ,—серьезно замѣтилъ Іовіанъ.

— Да и тебѣ скоро будетъ не до смѣху,—предостерегъ Серапіонъ.—Я просилъ тебя самымъ убѣдительнымъ образомъ: избѣгай распри съ этимъ человѣкомъ.

— Да съ какой стати ты самъ сталъ такимъ восторженнымъ почитателемъ этого египтянина? Откуда такое поклоненіе?

— Я преклоняюсь передъ всякимъ геройствомъ, гдѣ бы ни встрѣтилъ его,—подъ боевой ли броней, или подъ священнической одеждой. Не только тотъ, кто дерется въ бою, заслуживаетъ имени героя.

— Это первый, кого ты боишься, германецъ.

— Ошибаешься; страхъ мнѣ еще вовсе не знакомъ.

— Аѳанасій нападаетъ на меня въ рѣшеніяхъ того церковнаго собора. Я только защищаюсь!

— Такъ оправдывали себя всѣ угнетатели, отъ Юлія Цезаря, враждовавшаго съ Аріовистомъ, до Юліана, противника германцевъ и Аѳанасія.

— Ну, что жь германцы?.. Я ихъ покорилъ.

— О, нѣтъ, только разбилъ.

— И я покорю или погибну.

— Или погибнешь: ты самъ высказалъ это. Аѳанасій—само христіанство, сама церковь, но безъ ея недостатковъ и слабостей. Берегись, другъ мой Юліанъ!

Императоръ нетерпѣливо вскочилъ съ мѣста.

— Довольно, довольно! Теперь я горю желаніемъ духовно убить этого «безмертнаго». Я вытребую къ себѣ немедленно этого глубоко ненавистнаго человѣка. Весь вредъ галилейства скрывается въ немъ одномъ, и я уничтожу его!

Digitized by Google

XII.

На другой же день, прежде чѣмъ августъ успѣлъ потребовать его къ себѣ, въ Антіохію прибылъ Лизій. Пріѣздъ жреца являлся совершенной неожиданностью, и онъ объяснилъ его тѣмъ, что Аѳанасій своими поступками вызываетъ новыя, еще болѣе тяжкія обвиненія противъ себя. На самомъ же дѣлѣ, лукавый Лизій хотѣлъ предупредить жалобы императору, которыми грозили ему чиновники въ цѣломъ Египтѣ, потому что онъ не только старался повсемѣстно вызывать такія же возстанія язычниковъ противъ христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій, какія произошли въ Александріи противъ послѣдователей Арія, но явно злоупотреблялъ глубоко вкоренившимся уваженіемъ къ своему роду въ древней странѣ на берегахъ Нила, принимая поклоненіе и почести, какія подобаютъ только вѣнценосному правителю земли. «Онъ разыгрываетъ изъ себя фараона и вмѣстѣ съ тѣмъ верховнаго мага»,—писалъ августу префектъ Египта:—«онъ выступаетъ передъ народомъ, какъ царственный жрецъ». Напрасно старался Лизій оправдаться, полагаясь на свое краснорѣчіе и разсчитывая, что бывшій ученикъ сохранилъ по прежнему чувство горячей благодарности къ своему наставнику. Ему пришлось, наконецъ, замолчать передъ подавляющей массой обвиненій и уликъ, тщательно собранныхъ и такъ ясно изложенныхъ Іовіаномъ.

Когда Юліанъ съ досадой спросилъ его: съ какой стати онъ, безъ всякаго полномочія, первымъ долгомъ отправился въ отдаленную Галлію? Лизій поблѣднѣлъ и замолчалъ. Также и на прочія жалобы онъ не находилъ удовлетворительныхъ оправданій. Въ горькомъ волненіи, императоръ былъ вынужденъ высказать ему, что бывшій учитель жестоко обманулъ его довѣріе.

— Повсюду, гдѣ ты ни появлялся, ты создавалъ мнѣ новыхъ ненавистниковъ, и они совершенно справедливо называютъ меня гонителемъ. Я не могу наказать человѣка, которому столько обязанъ, но онъ не можетъ оставаться моимъ намѣстникомъ. Твоя мстительность не должна больше подстрекать галилеянъ къ возстаніямъ въ провинціяхъ. Оставайся съ этихъ поръ при дворѣ и научись исполнять только мою волю, вмѣсто

Digitized by Google

потворства собственнымъ страстямъ. Въ Египетъ ты никогда болѣе не вернешься.

Лизій ушелъ, бросивъ на него ядовитый взглядъ. «Погоди, отступникъ отъ боговъ»,—сказалъ онъ про себя, оставшись. «Ты еще узнаешь, что не одни христіане могутъ бороться за свои святыни».

Небольшое число язычниковъ въ Антіохіи значительно возросло за долгое время пребыванія тамъ защитника язычества. Они стали прибывать изъ сосѣднихъ мѣстностей и, говоря по правдѣ, не всегда являлись желанными гостями въ столицѣ Сиріи. Очень многіе изъ нихъ, въ качествѣ ревностныхъ эллинистовъ, домогались попасть ко двору, съ тѣхъ поръ какъ послѣдователи этого новаго ученія стали пользоваться тамъ благоволеніемъ и почетомъ, получая отъ императора важныя должности и денежныя награды. Великолѣпныя празднества, жертвоприношенія, пиры, устраиваемые Юліаномъ въ ближней Дафнѣ, также привлекали много народа не столько изъ набожности, сколько ради удовольствія. Въ скоромъ времени предстояло отпраздновать въ храмѣ Зевса, въ одномъ изъ пригородовъ, населенномъ не особенно почтенными людьми, тотъ день, когда, по древнему сказанію, Зевсъ подъ видомъ быка похитилъ прекрасную Европу и сочетался съ нею. Съ этимъ праздникомъ были соединены весьма нескромные обычаи, прямо подававшіе поводъ къ соблазну, по которымъ мужчины, наряженные быками, а—главное—почти раздѣтыя женщины устраивали процессіи въ предмѣстьѣ, исполняли сомнительныя пляски, и это дикое торжество завершалось въ полутемномъ храмѣ подъ опьяняющую музыку тимпановъ, при обильномъ возліяніи вина. Юліанъ узналъ о предстоящемъ черезъ Іовіана и запретилъ такое безчинство разъ навсегда. Его распоряженіе вызвало страшное неудовольствіе между язычниками въ той части города, пользовавшейся дурной славой; продавцы цвѣтовъ, вѣнковъ, гирляндъ, вина и съѣстныхъ припасовъ, музыканты, плясуны,—по большей части невольники и вольноотпущенники,—негодовали, обманувшись въ своихъ разсчетахъ на ожидаемые барыши, а разгульныя женщины подстрекали къ бунту остальныхъ мужчинъ. По совѣту Лизія, который всѣ эти дни сновалъ по улицамъ подозрительнаго квартала, жители пригорода выбрали депутацію, которая должна была испросить у

Digitized by Google

августа отмѣны запрещенія. Не особенно почтительно принесенная просьба—Лизій самъ ничего не говорилъ, а только сопровождалъ челобитниковъ—была немилостиво отвергнута. Когда ожидавшая на улицѣ передъ дворцомъ толпа узнала отъ своихъ выборныхъ объ отказѣ, среди нея поднялся громкій ропотъ; тутъ императоръ самъ вышелъ въ колоннаду передъ воротами палаціума и громко крикнулъ собравшимся:—Стыдитесь, граждане Антіохіи! Стыдитесь вашего требованія! Да и какъ можно вѣрить вообще подобнымъ баснямъ, несовмѣстнымъ съ достоинствомъ боговъ?

— Успокойтесь, вѣрующіе!—съ разсчитаннымъ лукавствомъ подхватилъ Лизій.—Августъ не думаетъ отрицать того, что Зевсъ сочетался съ Европой въ образѣ быка. Не правда ли, о, государь, вѣдь ты не сомнѣваешься въ этомъ?

Но тутъ Юліанъ съ досадой крикнулъ еще громче:—Нѣтъ, я не вѣрю въ такую безсмыслицу, и никакой разумный человѣкъ не вѣритъ въ нее.

Его слова были встрѣчены воплемъ бѣшенства и негодованія нѣсколькихъ сотенъ антіохійцевъ.

— Слышите ли вы?—Онъ отрицаетъ боговъ!—Понимаете ли вы, что онъ говоритъ?—Онъ называетъ безсмыслицей великаго Зевса-Тавруса!—Онъ не можетъ долѣе оставаться верховнымъ жрецомъ. Не можетъ долѣе оставаться императоромъ. Долой его... Долой хулителя боговъ!—Мщеніе!—Мы научимъ его вѣровать.

И они хоть разбѣжались,—такъ какъ пришли безоружные,—но съ яростными угрозами вернуться опять. Съ торжествующимъ видомъ послѣдовалъ Лизій за удивленнымъ императоромъ въ палаціумъ.

— Ты видишь, куда ведетъ сопротивленіе мнѣ?—сказалъ онъ ему.—Теперь ты возстановилъ противъ себя и почитателей боговъ. Скажи, кто тебя поддержитъ противъ ненависти христіанъ? На твоей сторонѣ нѣтъ больше никого, если тебѣ на выручку не явится духъ Максима, котораго поразилъ карающій богъ за то, что онъ хотѣлъ вѣровать по своему, отрицая народную вѣру.

— Прошу тебя, отложи твои выговоры до завтра, а сегодня вечеромъ дай мнѣ заняться дѣлами. Я только что получилъ донесеніе о двухъ возстаніяхъ.

Digitized by Google

— Гдѣ? Какія возстанія?—съ напряженнымъ любопытствомъ перебилъ Лизій.

— На этотъ разъ—для разнообразія—взбунтовались галилеяне: твои мѣропріятія въ Перинѳѣ довели тамошнихъ жителей до такого ожесточенія, что они вторично разрушили храмъ Цибелы, матери боговъ. А въ Цезареѣ, также озлобленные тобою, они подожгли святилище Фортуны. Вотъ плоды твоей... Постой, что тамъ такое?

Въ эту минуту, на улицѣ противъ воротъ дворца раздались дикіе крики, звонъ оружія, и въ атріумъ проникъ багровый свѣтъ факеловъ и пылающихъ полѣньевъ.

Юліанъ вскочилъ и бросился на крыльцо. Онъ увидѣлъ, какъ язычники, жители пригорода, подъ предводительствомъ своихъ выборныхъ, бросились по ступенямъ дворца съ топорами, заступами и горящими головнями въ рукахъ, яростно крича:—Долой Юліана, долой богоотступника! долой безбожника!

Горькая улыбка мелькнула у него на губахъ, когда онъ разобралъ ихъ слова:—Только этого недоставало! И такъ поступаютъ мои единовѣрцы.

— Ты видишь,—съ угрозой произнесъ Лизій,—куда ты стремишься вопреки моимъ ученіямъ, вопреки моему совѣту!

— Не проливайте крови! Оттѣсните ихъ только древками копій,—крикнулъ Юліанъ своимъ тѣлохранителямъ, которые, быстро собравшись, бросились на встрѣчу мятежникамъ изъ передняго двора палаціума.—Вѣдь это бѣдные, одураченные люди. Никакого кровопролитія, слышите?

И его приказъ былъ исполненъ. Безъ особеннаго труда и не прибѣгая къ холодному оружію, разогнали копьеносцы сбѣжавшійся народъ, но Юліанъ тяжело вздохнулъ съ глубокой горечью и прикрылъ глаза рукою. Лизій въ негодованіи покинулъ дворецъ. «Нѣтъ, такъ не годится,—проворчалъ онъ про себя,—мое вліяніе все ослабѣваетъ, вмѣсто того чтобъ возрастать. Надо прибѣгнуть къ послѣднему отчаянному средству».

XIII.

Однажды рано поутру Юліанъ постучался къ Серапіону. При входѣ императора, франкъ съ удивленіемъ вскочилъ, бро-

Digitized by Google

сивъ свою прилежную работу: онъ сравнивалъ на одной изъ лучшихъ картъ, добытой изъ государственныхъ архивовъ, переправы и военныя дороги, которыя вели съ нижняго Рейна во внутреннюю Галлію. Изъ рукъ его выпалъ циркуль, которымъ онъ измѣрялъ разстояніе отъ Рейна къ различнымъ путямъ сообщенія; Юліанъ замѣтилъ это и, улыбаясь, сказалъ:— Ахъ, заклятый врагъ римлянъ, ты ужь измѣряешь дороги на случай моей смерти! Въ силу нашего договора, я не имѣю права ни препятствовать тебѣ, ни сердиться на тебя. Но мнѣ хотѣлось бы еще немного пожить, чтобы помѣряться силами съ великимъ мужемъ, котораго ты такъ ревностно защищаешь. На вотъ, прочти! Сегодня въ полночь нарочный гонецъ привезъ мнѣ это письмо изъ Александріи; въ немъ заключается отвѣтъ Аѳанасія. Я полетѣлъ сюда и ужь готовъ былъ разбудить тебя; однако ты спишь также мало, какъ я, ты работаешь для...

— Для моего народа, какъ и ты для своего,—спокойно отвѣтилъ франкъ, взялъ изъ рукъ Юліана коротенькій свитокъ и прочелъ:

«Согласно твоему приглашенію, я явлюсь къ тебѣ. Со мною будетъ защитникъ. Но еще болѣе сильнаго защитника найду я у тебя, и онъ поможетъ мнѣ одержать побѣду надъ тобою. Аѳанасій, милостью божіей митрополитъ александрійскій».

— Ну, что ты скажешь на это письмо? Какова надменность? Какова краткость? Вмѣсто того чтобъ оправдываться, онъ задаетъ мнѣ загадки. Можешь ли ты ихъ разрѣшить?

— Нѣтъ, но я предчувствую разгадку, неблагопріятную для тебя.

— О, пусть онъ только пріѣдетъ, я такъ желаю теперь свиданія съ нимъ! Это будетъ поединокъ между Геліосомъ и галилеяниномъ.

— Борьба двухъ умовъ, а еще болѣе характеровъ,—заключилъ Серапіонъ.—Горе побѣжденному!

Тѣмъ временемъ, отношенія антіохійцевъ къ ихъ высокому гостю перешли въ открытую, непримиримую вражду, чему благопріятствовали нѣкоторыя очень важныя побочныя обстоятельства. Долго продолжавшаяся засуха, спалившая всходы на поляхъ, повлекла за собой сначала вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ, а потомъ голодъ и—какъ слѣдствіе лишеній—злока-

Digitized by Google

чественныя болѣзни. Въ пригородахъ, населенныхъ мелкимъ людомъ, торговцами и ремесленниками, появилась эпидемія, уносившая тысячи жертвъ: голодъ вызывалъ красныя пятна на кожѣ, бредъ, сильную лихорадку, быстрый упадокъ силъ, и болѣзнь оказывалась, вдобавокъ, необыкновенно прилипчивой. Эти новыя народныя бѣдствія, какъ и не прекращавшіяся землетрясенія, приписывали нечестію Юліана и язычники, и христіане. Онъ зналъ о томъ, но неутомимо старался помочь бѣдѣ. Къ немалой досадѣ своего квестора и своихъ полководцевъ, императоръ приказалъ раздавать голодающимъ большія количества хлѣба и другой провизіи изъ запасовъ, собранныхъ для персидской войны, склады которыхъ были устроены на всемъ протяженіи военныхъ дорогъ по городамъ и крѣпостямъ отъ Византіи до Евфрата. Бѣднымъ хлѣбъ раздавался безвозмездно, а болѣе достаточнымъ его уступали по значительно пониженной цѣнѣ. Однако эти мѣропріятія, за которыя Юліану предстояло впослѣдствіи выносить справедливые упреки отъ своего голодающаго войска, не произвели въ Антіохіи благопріятнаго дѣйствія. Богачи, набожность которыхъ не исключала ни жадности къ деньгамъ, ни чревоугодія, прибѣгали ко всякимъ ухищреніямъ, чтобы закупать гуртомъ съѣстные припасы, прежде чѣмъ они дойдутъ даже до воротъ предмѣстій. По вкоренившейся привычкѣ, они истребляли ихъ потомъ на роскошныхъ пирахъ, а жалкіе остатки продавали бѣднымъ по безбожно высокой цѣнѣ. Любители кутежей и застольныхъ возлежаній даже обвиняли императора въ томъ, что онъ позаботился запастись хлѣбомъ, мясомъ, виномъ и масломъ, но не заготовилъ для нихъ морскихъ харіусовъ и откормленныхъ овсянокъ.

Узнавъ объ ихъ неудовольствіи, Юліанъ воскликнулъ:— Право, я готовъ пожелать, чтобъ антіохійцевъ осадили персы и научили лакомиться крысами.

Онъ выписалъ изъ Халкиса, Гіерополиса и Египта четыреста тысячъ мѣръ пшеницы, затѣмъ пять тысячъ, потомъ семь тысячъ, наконецъ десять тысячъ четвериковъ и подарилъ все это городу. Онъ заставилъ спустить цѣну за мѣру хлѣбнаго зерна на цѣлую треть, такъ что пятнадцать мѣръ пшеницы стоили всего одинъ золотой солидъ. Три тысячи акровъ конфискованной правительствомъ пахотной земли было также безвозмездно уступлено Юліаномъ въ пользу антіохійцевъ. Когда же всѣ

Digitized by Google

его запреты и предостереженія не привели ни къ чему, разгнѣванный императоръ привлекъ городское управленіе, декуріоновъ, по большей части виновныхъ въ злоупотребленіяхъ—къ строгой отвѣтственности. Раздраженный ихъ упорствомъ, онъ отставилъ ихъ всѣхъ отъ должности и назначилъ другихъ, но и тѣ оказались не лучше своихъ предшественниковъ, потому что не хотѣли или не могли дѣйствовать добросовѣстно.

Одураченный такимъ образомъ недовольными гражданами—увольненіе сенаторовъ ожесточило самыхъ вліятельныхъ представителей городской знати, хозяйничавшей въ городѣ съ незапамятныхъ временъ—Юліанъ обратился къ старой, въ высшей степени пагубной финансовой системѣ римлянъ, введенной подъ конецъ еще Діоклетіаномъ, къ величайшему ущербу государства: онъ установилъ обязательныя крайнія цѣны на всѣ съѣстные припасы, причемъ продавцы не смѣли повышать ихъ подъ страхомъ тягчайшаго наказанія и даже смертной казни. Слѣдствіемъ этого, конечно, явилось прекращеніе всякаго подвоза; ни одинъ торговецъ не соглашался подвергнуться такому ограниченію, если могъ избѣжать его; громадные запасы, которые подвозились уже купцами къ голодающему городу по всѣмъ дорогамъ, на лошадяхъ, на корабляхъ, по морю и даже изъ Селевкіи по рѣкѣ Оронту—немедленно были возвращены назадъ, какъ только стали извѣстны принудительныя цѣны императора. Даже добросовѣстные торговцы, разсчитывавшіе на умѣренные барыши, не захотѣли производить своихъ торговыхъ операцій въ Антіохіи. Это извѣстіе привело жителей въ настоящую ярость противъ «безбожника», который, очевидно изъ мести, лишалъ ихъ необходимаго продовольствія и коварно обрекъ ненавистныхъ ему антіохійцевъ на голодную смерть за то, что они твердо держались своей вѣры и нерѣдко задѣвали его тщеславіе насмѣшливыми остротами. Много разъ доведенные до отчаянія, жители собирались толпами на улицахъ. Наконецъ, въ одну ночь они произвели нападеніе на дворецъ, причемъ германская стража, добровольно взявшаяся безсмѣнно караулить жилище Юліана, заставила ихъ жестоко поплатиться за дерзкое покушеніе. Проснувшись поутру, императоръ увидалъ изъ окна своей спальни громадныя лужи крови на площади противъ палаціума.—Кровь гражданъ! — со вздохомъ произнесъ онъ.—Первая, пролитая изъ-за меня!—Юліанъ

Digitized by Google

смѣнилъ преданныхъ ему германцевъ съ ихъ добровольнаго поста, поставилъ вмѣсто этихъ слишкомъ рьяныхъ охранителей своей безопасности караулъ изъ византійцевъ, и строго запретилъ прибѣгать къ оружію безъ крайней надобности.

Однажды вечеромъ Серапіонъ объѣзжалъ верхомъ городъ во главѣ отряда германскихъ тѣлохранителей, и когда вернулся домой, его лицо было особенно серьезно и озабочено.

— Что съ тобой?—спросилъ удивленный императоръ.

— У меня просьба къ тебѣ, другъ Юліанъ.

— Заранѣе обѣщаю исполнить ее, тѣмъ болѣе, что она первая. Говори!

— Эта просьба касается не меня лично. Я только что объѣхалъ городъ. Улицы кишатъ народомъ. Нужда возрастаетъ, а съ нею и отчаяніе, и смертельная ненависть къ тебѣ. Не одни взгляды антіохійцевъ, но самый ихъ шопотъ и преднамѣренно громкіе возгласы грозятъ тебѣ смертью. Твоя жизнь въ опасности, помни это.

— Мою жизнь охраняетъ Фебъ-Аполлонъ.

— Умоляю всѣми богами, которыхъ нѣтъ, не полагайся на него одного. Возьми вотъ этотъ панцырь изъ лучшей мѣди. Я тщательно выбралъ его для тебя изъ моихъ доспѣховъ. Носи его подъ туникой, пока ты находишься въ здѣшнемъ городѣ, гдѣ у тебя безчисленные ненавистники.

— Я ихъ не боюсь.

— Но я боюсь за тебя. Вотъ въ чемъ и заключалась моя просьба. Смотри, ты обѣщалъ ее исполнить.

— Да, и сдержу свое слово. Только разъ въ жизни нарушилъ я его,—со вздохомъ прибавилъ Юліанъ, — и до сихъ поръ не знаю, правильно ли я поступилъ тогда.

— Во всякомъ случаѣ, этого ужь нельзя поправить. А извлекать возможно бо́льшую пользу изъ случившагося—мудрое правило, которымъ я руководствовался постоянно. Дай мнѣ самому надѣть и застегнуть тебѣ панцырь.

XIV.

Наступили октябрьскія иды, когда, согласно древнему обычаю, съ незапамятныхъ временъ происходило чествованіе Аполлона въ Дафнѣ. Такъ какъ оно было запрещено Констанціемъ

Digitized by Google

болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, то его хотѣли возобновить теперь съ невиданнымъ до сихъ поръ великолѣпіемъ, въ честь побѣды боговъ, возвратившихся изъ долгаго изгнанія. Такое обстоятельство слѣдовало выставить на видъ и друзьямъ, и недругамъ, чтобы они почувствовали здѣсь торжество олимпійцевъ и Юліана. Жрецъ Аполлона отвергъ «служеніе могиламъ», какъ называлъ императоръ христіанское ученіе, и снова водворилъ блаженно смѣющихся боговъ въ ихъ храмахъ и рощахъ. Приготовленія къ празднику и вся его программа были предоставлены юному вдохновенному скульптору; ему ревностно помогали жрецы и жрицы. Набожные или преданные удовольствіямъ и любившіе пышность язычники, мужчины и женщины, стремились въ недовольный, ропщущій городъ, который однако по неволѣ обуздывалъ свой гнѣвъ въ виду ежедневно усиливавшагося войска.

Вступленіемъ къ празднику должны были послужить олимпійскія игры. По окончаніи ихъ и послѣ раздачи щедрыхъ наградъ побѣдителямъ изъ рукъ самого августа, Артемидоръ хотѣлъ устроить грандіозное торжество съ жертвоприношеніемъ, въ которомъ участвовали бы всѣ, начиная съ императора и кончая послѣднимъ изъ гостей, потому что всѣ почитатели бога солнца были приглашены почтить этотъ день безъ ограниченія числа. Увѣнчать же рядъ празднествъ предстояло блестящему представленію, сочиненному самимъ Юліаномъ. Фабулой ему послужило ухаживаніе Аполлона за Дафной и бѣгство цѣломудренной нимфы въ эту рощу, гдѣ она, настигнутая пылавшимъ страстью влюбленнымъ, была превращена по волѣ Весты въ лавровое дерево.

— Тебѣ,—сказалъ императоръ смущенному юношѣ,—назначилъ я роль прекраснѣйшаго изъ боговъ; онъ самъ послалъ мнѣ тебя съ этой цѣлью. Гдѣ нашелъ бы я болѣе подобнаго ему? А самая красивая дѣвушка въ Малой Азіи, превозносимая всѣми Эригона, уже нѣсколько недѣль тому назадъ, прибыла сюда къ этому празднику изъ Ансиры... Ну, не краснѣй же такъ, иначе ты совсѣмъ сгоришь! Вѣдь она хорошо знакома тебѣ, много разъ видалъ я тебя съ ея отцомъ и съ нею, когда вы приносили жертвы въ храмѣ! Итакъ, Эригона будетъ твоею Дафною. Впрочемъ, ты не безпокойся: отецъ твой Юліанъ принялъ уже мѣры къ тому, чтобы ухаживаніе этого

Digitized by Google

Аполлона не кончилось неудачей. Я выведу изъ-за лавроваго дерева не превращенную Дафну—Эригону—и передо всѣмъ народомъ приведу прекраснѣйшую дѣвушку въ объятія прекраснѣйшаго юноши въ моемъ государствѣ. Вашъ союзъ любви долженъ послужить мнѣ символомъ: это супружество запечатлѣетъ побѣду прекраснаго, побѣду наслажденія жизнью и счастія любви для всѣхъ почитателей боговъ. Не бойся ничего. Я уже успѣлъ переговорить съ ея отцомъ. Ни одинъ изъ приказовъ императора не исполнялся съ такою радостью, съ какою златокудрая Эригона готова подчиниться моему желанію—заключить между вами брачный союзъ.

— О, отецъ мой Юліанъ, какъ ты добръ и великъ! Въ самомъ дѣлѣ, если это божескій удѣлъ—посылать счастье людямъ и божеское свойство—желать и умѣть ихъ осчастливить, то ты несомнѣнно...

— Замолчи, не богохульствуй, чтобы эринніи не подслушали и не покарали насъ! Я не болѣе, какъ жалкій, изстрадавшійся человѣкъ съ доброжелательнымъ, но черезчуръ горячимъ сердцемъ.

Канунъ праздника наступилъ. То не былъ пасмурный октябрьскій день, къ какимъ мы привыкли въ нашемъ поясѣ: стояла теплая погода и яркіе солнечные лучи щедро золотили все окружающее. Геліосъ, въ день своего торжества, какъ будто дѣйствительно хотѣлъ явиться непобѣдимымъ божествомъ, передъ которымъ не устоитъ ни мракъ, ни холодъ.

Цѣлыми тысячами направились съѣхавшіеся гости въ большую деревню Дафну, которая въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій разрослась до размѣровъ цѣлаго города вокругъ священныхъ зданій, свыше двадцати. Люди расположились тамъ на ночлегъ, чтобы на слѣдующее утро заблаговременно занять лучшія мѣста. Всѣ жрецы, жрицы и прочіе участники процессій, церемоній, олимпійскихъ игръ, захватили съ собою праздничное одѣяніе, сосуды, различныя принадлежности, колесницы и коней для боговъ, прибыли уже на мѣсто и устроились, гдѣ было имъ указано. Красавица Эригона съ другими дѣвушками нашла себѣ пріютъ въ покояхъ храма, непосредственно примыкавшихъ къ целлѣ — внутреннему святилищу, такъ какъ на слѣдующее утро, при первыхъ лучахъ солнца, должно было послѣдовать открытіе празднества въ присутствіи самого императора.

Digitized by Google

Была глубокая ночь. Въ заснувшемъ дворцѣ бодрствовалъ одинъ Юліанъ. Онъ читалъ теперь недавно появившуюся книгу философа Приска, любимаго ученика Максима, только что отложивъ въ сторону составленное Курціемъ описаніе персидскихъ войнъ Александра. Въ обширномъ зданіи водворилась тишина; но около полуночи поднялся сильный западный вѣтеръ, стучавшій деревянными ставнями въ оконныхъ отверстіяхъ. Въ колоннадѣ противъ воротъ слышались гулкіе размѣренные шаги часовыхъ. Ничто не отвлекало Юліана отъ его размышленій. Спустя немного, онъ взялъ чистый свитокъ папируса, улыбнулся счастливой улыбкой и сталъ писать:

«Только вчера, о, юноша, истинный любимецъ музъ, удалось мнѣ наградить тебя достойнымъ образомъ. Дарить художнику золото, сокровища,—совсѣмъ излишне; это было бы грубо, послѣ того какъ я снялъ съ твоихъ плечъ всякую матерьяльную заботу, которая въ свою очередь некрасива и некрасиво тормозитъ свободный полетъ фантазіи. Но какъ порадовать тебя, не отягчая твоихъ крыльевъ неуклюжими денежными дарами? Долго размышлялъ я объ этомъ и наконецъ придумалъ. Въ Виѳиніи у меня есть порядочное имѣньице; оно принадлежало нѣкогда моимъ родителямъ, а потомъ было конфисковано и продано Констанціемъ. Вчера я пріобрѣлъ его обратно отъ покупщика за двойную цѣну. Проѣздомъ изъ Мацеллума въ Аѳины, мнѣ случайно довелось тамъ побывать. Это дивно-прекрасный уголокъ, настоящая рѣдкость, какъ будто нарочно созданная для поэта или ваятеля. Имѣнье лежитъ въ одномъ часѣ пути отъ моря. Такимъ образомъ, тишина уединенія не нарушается здѣсь ни докучливыми купцами, ни болтливыми мореходами, а при всемъ томъ у тебя не будетъ недостатка въ дарахъ бога моря: ни въ свѣжей, только что пойманной, рыбѣ, которую ты получаешь прямо изъ воды, ни въ восхитительномъ морскомъ вѣткѣ, напитанномъ соляными испареніями. Если ты направишься съ виллы по тѣнистымъ аллеямъ оливъ на вершину ближняго холма, то увидишь передъ собою лазурную гладь Пропонта и на ней прелестно улыбающіеся острова. Ты можешь отдохнуть тамъ въ травѣ, покрывающей холмъ, въ густомъ душистомъ тминѣ, подъ пчелиное жужжанье, любуясь, какъ благовонные вѣтерки колеблютъ чашечки цвѣтовъ вокругъ каждаго дерева. Если ты, утомленный чтеніемъ, поднимешь

Digitized by Google

глаза, то взоръ твой будетъ наслаждаться далекимъ видомъ на голубое море съ бѣлыми, сверкающими на солнцѣ, парусами. Вокругъ дома, обнесеннаго колоннадой, зеленѣетъ садикъ, орошаемый свѣтлыми источниками. Но у этого прелестнаго уголка есть еще особенное украшеніе, которому наше наслѣдственное помѣстье обязано своимъ названіемъ: «Розаріумъ». Только здѣсь произрастаетъ необыкновенный видъ виноградныхъ лозъ, называемыхъ «розовою лозою». Онѣ растутъ у насъ безъ ухода на каждой пяди земли, обвиваясь вокругъ перваго встрѣчнаго колышка. Какъ ихъ листва, такъ и едва показавшаяся завязь плодовъ уже великолѣпно пахнетъ розами. Еще душистѣе виноградный сокъ, выжатый въ точилѣ, и несравненно болѣе— крѣпкое молодое вино, не говоря уже о совершенно устоявшемся напиткѣ, налитомъ въ амфору. Нигдѣ не впивалъ я въ себя столько благоуханія розъ, путемъ обонянія и вкуса, какъ въ этомъ благословенномъ пріютѣ, и только тамъ, на этомъ клочкѣ земли, производится рѣдкостное «розовое» вино. Маленькій храмъ, посвященный Афродитѣ, стоитъ посрединѣ сада — настоящее святилище розоваго благоуханія! И вотъ, мой любимецъ, это имѣніе, мой Розаріумъ, я дарю тебѣ ко дню свадьбы. Тамъ, въ розовомъ храмѣ Афродиты, долженъ ты вмѣстѣ съ Эригоной переступить порогъ таламоса, чтобы...»

Вдругъ Юліанъ вздрогнулъ и въ испугѣ бросилъ писать: равномѣрные шаги часовыхъ въ колоннадѣ затихли и вслѣдъ затѣмъ до его настороженнаго слуха долетѣлъ пронзительно-громкій крикъ: — Пожаръ! Пожаръ! Помогите!—Юліанъ вскочилъ, распахнулъ деревянную ставню въ окнѣ своей спальни и въ ужасѣ попятился назадъ: все небо, казалось, было объято пламенемъ и страшное зарево виднѣлось какъ разъ напротивъ, за чертою города. Въ его багряномъ отблескѣ поднимались порою отдѣльные столбы огня съ болѣе яркой окраской.

— Это къ востоку, по близости отъ... Тамъ лежитъ Дафна!— проговорилъ Юліанъ, содрогаясь.

На обширной площади передъ дворцомъ поднялась уже страшная суматоха: крики стражи разбудили спящихъ жителей въ сосѣднихъ домахъ; люди выскакивали съ просонокъ изъ дверей, растерянные, съ безсвязными вопросами и возгласами испуга. Немного спустя, показался всадникъ; онъ ска-

Digitized by Google

калъ отъ мѣста пожара ко дворцу, крича: — Помогите, помогите! Разбудите августа. Гдѣ онъ?

— Здѣсь,—отозвался Юліанъ, выбѣжавшій къ нему на встрѣчу.—Что горитъ?

— Дафна! Вся Дафна объята пламенемъ! Пожаръ начался въ храмѣ; всѣ зданія уже охвачены огнемъ. Помогите, спасите!

— Это наказаніе, ниспосланное Христомъ!—загремѣли голоса изъ толпы.—Горе идолослужителямъ!

При первыхъ словахъ вѣстника, Юліанъ поблѣднѣлъ; сердце было готово у него остановиться, но этотъ возгласъ придалъ ему силу гнѣва.

— Горе поджигателямъ, горе галилеянамъ!—крикнулъ онъ въ отвѣтъ. — Моего коня... Скорѣе коня! Это ты, Серапіонъ? Что такое у тебя подъ плащемъ?

— Твой панцырь! Вернись скорѣе во дворецъ, пока тебѣ подадутъ лошадь. Ты долженъ надѣть мои доспѣхи въ эту ночь.

— Благодарю! Пусть тысяча всадниковъ садится на коней и спѣшитъ на помощь, а вслѣдъ за ними пошлите тысячу человѣкъ пѣхоты. Іовіанъ, ты останешься оберегать городъ и мой дворецъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, императоръ скакалъ уже во главѣ небольшаго отряда тѣлохранителей къ восточнымъ воротамъ города. Отсюда они выѣхали на широкую военную дорогу и помчались къ Дафнѣ. Яркое пламя, вздымавшееся высоко надъ верхушками деревьевъ, вскорѣ освѣтило имъ путь, какъ среди бѣлаго дня. Немного спустя, вслѣдъ за августомъ поскакалъ и эскадронъ кавалеріи.

XV.

Деревня Дафна была въ жестокомъ смятеніи. Многія тысячи народа: постоянные жители, съѣхавшіеся на праздникъ гости, жрецы, служители при храмѣ, участники олимпійскихъ игръ и бѣговъ, женщины, дѣти, — все это, потерявъ голову, безпомощно металось туда и сюда, потому что каждый сознавалъ тщету человѣческихъ усилій передъ разбушевавшейся стихіей.

Digitized by Google

— Что горитъ?—крикнулъ Юліанъ, спрыгивая съ сѣдла.

— Все, государь! — отвѣчалъ престарѣлый жрецъ, въ отчаяніи рвавшій на себѣ сѣдые волосы. — Все: храмъ, дома при немъ, деревня, садъ, роща, лѣсъ, ристалище, все рѣшительно! Западный вѣтеръ разнесъ огонь повсюду.

— Гдѣ Артемидоръ?

— Юношу видѣли въ послѣдній разъ тамъ, на возвышенности, противъ храма.

— Спасайте одинъ храмъ. Живѣе! Составьте цѣпь. Становитесь въ шеренгу. Женщины, назадъ! Тащите изъ домовъ сосуды, амфоры, ведра. Выстраивайтесь вы отсюда до ручья направо. А вы до пруда налѣво. Мои тѣлохранители, ближе къ пожару! Такъ. Теперь передавайте воду изъ рукъ въ руки.

— Стой, господинъ! Подайся въ сторону! — воскликнулъ Гиппокреникъ, отталкивая императора за плечо.

— Что тамъ такое?

— Лошади съ ристалища. Онѣ сорвались съ привязи и мчатся прямо въ огонь, къ горящему дому.

— О, великолѣпныя животныя! Помогите же имъ, — подхватилъ Эккардъ.

— Оставьте ихъ. Пусть все горитъ! Отстаивайте только храмъ. Слѣдуйте туда за мною.

— Государь, это невозможно. Жаръ слишкомъ великъ, а также и дымъ... И падающія бревна! Невозможно! — подхватило нѣсколько голосовъ.

— Это *должно быть* возможно. За мной, мои германцы! Мы спасемъ Аполлона.

Пока храбрая дружина съ трудомъ пробивалась сквозь толпу, безцѣльно и праздно метавшуюся во всѣ стороны между деревней и холмомъ, Юліанъ узналъ изъ говора окружающихъ, какъ начался пожаръ, или, по крайней мѣрѣ, какъ думали люди о его возникновеніи. Огонь, казалось, выходилъ изъ самой внутренности храма, гдѣ нашелъ себѣ обильную пищу въ занавѣсяхъ, стѣнныхъ коврахъ, украшавшихъ целлу, а также и снаружи—въ устроенныхъ для зрителей подмосткахъ изъ сухаго еловаго дерева. Эти подмостки, съ мѣстами для публики, обвѣшанные покрывалами, платками, разукрашенные матеріей, тянулись отъ внутренности храма внизъ по холму ко всѣмъ сосѣднимъ строеніямъ до деревни и черезъ садъ въ самое ри-

Digitized by Google

сталище— стадіонъ. Сильный западный вѣтеръ безпрерывно гналъ пламя, вырывавшееся изъ открытыхъ оконъ храма, по этому сплошному ряду тонкихъ досокъ, шерсти и планокъ къ востоку, въ дома при храмѣ, въ деревню, а оттуда—въ обнаженный лѣсъ. Воды здѣсь было въ изобиліи, но ощущался недостатокъ въ ведрахъ, въ ловкихъ рукахъ, а, главное, перепуганной массѣ мѣстныхъ жителей и чужестранцевъ не хватало порядка и распорядительности.

Артемидоръ, едва увидѣвъ зарево, немедленно исчезъ во внутренности храма и не показывался болѣе. Наконецъ, Юліанъ со своими помощниками поднялся на холмъ и добѣжалъ до отворенныхъ настежъ дверей святилища. Страшный жаръ и удушающій дымъ пахнули на нихъ оттуда. Самые смѣлые въ ужасѣ подались назадъ. Старый Боконій отшатнулся и воскликнулъ:

— Это огненная геенна христіанъ!

— Даже изъ самаго ада вынесу я моего бога. За мною!

И молодой императоръ безстрашно ринулся впередъ сквозь дымъ и пламя. Ни одинъ изъ его спутниковъ не остался назади. Всѣ бросились за нимъ. Съ величайшими усиліями удалось имъ проникнуть до целлы; здѣсь, гордо возвышаясь надъ клубами дыма, откуда пробивались огненные языки, взглянулъ на нихъ ликъ прекраснаго бога.

— Помогайте! Беритесь всѣ разомъ. Мы вынесемъ отсюда статую. Мы спасемъ Аполлона!

Съ этими словами Юліанъ подошелъ къ постаменту — и вдругъ наткнулся на распростертое человѣческое тѣло. Онъ наклонился и внезапно вскрикнулъ:—Артемидоръ!—Испуганный августъ приподнялъ полузадохшагося скульптора, который лежалъ, охвативъ обѣими руками ноги мраморнаго изваянія. Волосы юноши были опалены, лицо почернѣло отъ копоти.

— Вынесите его на воздухъ! Прислоните вонъ къ тому окну! А вы, остальные, беритесь всѣ разомъ за статую. Ахъ, что я вижу? Это сдѣлано не пожаромъ. Правая рука бога, державшая чашу, отбита ударомъ топора у самаго туловища! Вонъ она валяется на полу. Поднимите эту улику противъ галилеянъ. Беритесь за Аполлона всѣ со мною!

Тѣмъ временемъ скульпторъ очнулся отъ безпамятства, освѣженный прохладнымъ вѣтеркомъ; полубезсознательно огля-

Digitized by Google

дѣлся онъ вокругъ и увидалъ, какъ соединенными усиліями тридцати человѣкъ статуя была снята съ пьедестала, послѣ чего ее медленно, шагъ за шагомъ понесли къ выходу.

— Богъ спасенъ! — вымолвилъ про себя Артемидоръ. — Вонъ тамъ стоитъ Юліанъ... Теперь и мнѣ... можно выйти на воздухъ.

Но тутъ изъ жилыхъ комнатъ, непосредственно примыкавшихъ къ целлѣ, до его слуха донесся тихій плачъ.

— Что это значитъ? — воскликнулъ юноша. — О, ужасъ! Тамъ... тамъ спала Эригона. Горе мнѣ!

Онъ дернулъ задвижку боковой двери, распахнулъ ее и бросился въ комнату, гдѣ въ эту минуту высоко взвилось пламя, раздутое ворвавшимися потоками воздуха. Между тѣмъ Юліанъ со своими воинами успѣлъ уже донести тяжелую ношу въ нѣсколько центнеровъ вѣсу до нижнихъ ступеней наружной лѣстницы храма; тутъ жара настолько уменьшилась, что можно было сдѣлать остановку.

— Стойте!—хриплымъ голосомъ крикнулъ Юліанъ, поддерживавшій голову мраморной фигуры.—Я выбился изъ силъ. Кладите статую на землю. Здѣсь богъ въ безопасности.

Въ крайнемъ изнеможеніи люди опустили каменное изваяніе на землю у подножія лѣстницы. Вдали толпилась уже масса народа, съ любопытствомъ смотрѣвшая на это зрѣлище; прежній страхъ у этихъ людей успѣлъ смѣниться новымъ настроеніемъ; тамъ и сямъ раздавались злобные, угрожающіе возгласы:—Не пропускать его! Смотрите, онъ становится на колѣни передъ своимъ идоломъ. А идолъ-то изуродованъ, такъ ему и надо! Не выпускайте его отсюда. Пускай онъ сгоритъ вмѣстѣ со своимъ демономъ.

И толпа волновалась, наступая ближе. Серапіонъ выхватилъ мечъ; тогда противники Юліана немного подались назадъ. Тутъ изъ дверей храма раздался громкій крикъ:

— На помощь! Помоги, отецъ мой Юліанъ, я погибаю!

Въ дверяхъ, распахнутыхъ настежъ, показалась въ дыму и пламени фигура Артемидора, который несъ на правой рукѣ женщину въ бѣломъ, а лѣвой рукою нащупывалъ выходъ; его глаза были ослѣплены огнемъ, а густой дымъ мѣшалъ разсмотрѣть дорогу. Юліанъ обернулся: Сигибото, Эккардъ и молодой удалой германецъ Стибрандъ были готовы броситься на

Digitized by Google

лѣстницу, какъ вдругъ послышался оглушительный трескъ и грохотъ: исполинская поперечная балка надъ входными дверями, давно уже подточенная пламенемъ, рухнула внизъ и задавила скульптора съ его прекрасной ношей. Цѣлый фонтанъ искръ и огненныхъ языковъ брызнулъ во всѣ стороны, скрывъ отъ глазъ присутствующихъ всю внутренность храма.

— О, Артемидоръ, мой милый сынъ! — въ отчаяніи простоналъ Юліанъ.—И его невѣста! И моя волшебная мечта о торжествѣ прекраснаго. Все, все погибло!

Не отрывая взгляда отъ пылающихъ дверей, онъ поднялъ къ небу руки, сраженный горемъ. Въ эту минуту, изъ массы народа, опять наступавшей на защитниковъ Аполлона, вынырнула темная, закутанная фигура человѣка съ искаженнымъ ненавистью лицомъ. Въ багровомъ отблескѣ пожара онъ напоминалъ своимъ одичалымъ видомъ безумца или злаго духа. Съ пронзительнымъ крикомъ:—Вотъ это посылаетъ тебѣ монастырь Хагіонъ!—странный незнакомецъ ударилъ кинжаломъ прямо въ сердце Юліана; острый клинокъ прорѣзалъ сукно плаща и тунику, но сломился о крѣпкій панцырь. Въ то же мгновеніе убійца былъ поверженъ на землю однимъ взмахомъ меча Серапіона, который придавилъ ему колѣномъ грудь. Юліанъ подошелъ къ нимъ и наклонился надъ умирающимъ.

— Я его совсѣмъ не знаю,—вымолвилъ онъ.

— Но я... я знаю тебя, демонъ преисподней! Люциферъ... адскій духъ! Какъ ты хочешь сокрушить все святое на землѣ, такъ разорилъ ты и святой монастырь. Однако я бѣжалъ отъ рукъ твоихъ нечестивыхъ приспѣшниковъ. Святые являлись мнѣ, обѣщая прощеніе всѣхъ моихъ грѣховъ,—ахъ, ихъ было такъ много!—если я сожгу эту идольскую рощу и возвращу тебя въ геенну, откуда ты вышелъ. Проклятіе, проклятіе тебѣ, Люциферъ! Возьмите его вмѣсто меня, духи тьмы.

И, собравъ послѣднія силы, онъ въ безсильной злобѣ швырнулъ обломкомъ кинжала въ Юліана, послѣ чего захрипѣлъ и тутъ же умеръ.

— Кто онъ такой?—стали допытываться многіе голоса изъ толпы. Юліанъ сбросилъ капюшонъ съ головы убитаго и распахнулъ его плащъ; подъ плащемъ оказалась свѣтло-сѣрая монашеская одежда.

— Кто онъ такой?—повторилъ Серапіонъ.

Digitized by Google

— Я узнаю его, это монахъ Теодоретъ, бывшій нѣкогда вмѣстѣ со мною въ монастырѣ Хагіонѣ.

— Уберите отсюда трупъ, чтобъ онъ не осквернялъ священнаго мѣста!—воскликнулъ Сигибото, подходя и отталкивая ногою мертвое тѣло.

— Нѣтъ,—остановилъ его императоръ, — похороните несчастнаго съ честью. Онъ очевидно спрятался въ храмѣ и поджегъ его. Рука этого безумца изуродовала прекраснаго бога, но онъ не виноватъ въ своемъ заблужденіи.

Тутъ сквозь толпу тѣлохранителей съ дикими воплями сталъ проталкиваться какой-то человѣкъ въ одеждѣ жреца Аполлона. Онъ схватилъ Юліана за руку, не будучи въ состояніи вымолвить ни слова отъ волненія.

— Это ты, Лизій? Какой у тебя страшный видъ; что тебѣ надо?

— Что мнѣ надо? Мнѣ и поруганнымъ богамъ? Мщенія! Мщенія христіанамъ! Неужели ты и теперь намѣренъ ихъ пощадить? Накажи ихъ всѣхъ, потому что всѣ они виновны.

— Нѣтъ, Лизій, ненависть ослѣпляетъ тебя; ты бредишь. Виновна только церковь—и главная церковь въ Антіохіи будетъ мною закрыта.

Грозный ропотъ прокатился въ массѣ народа.

— И она останется закрытой до тѣхъ поръ, пока на счетъ городской общины галилеянъ не будутъ возстановлены и этотъ храмъ, и эта роща, и всѣ разбитыя статуи боговъ. Ахъ, но мертвеца, который создалъ здѣсь столько прекраснаго, никто не можетъ мнѣ возвратить! Достаньте изъ-подъ мусора тѣла двоихъ погибшихъ, какъ только можно будетъ безопасно приступить къ раскопкѣ пожарища. Я самъ позабочусь о торжественномъ сожженіи ихъ останковъ. Прощай, мой прекрасный сынъ, мой любимецъ; мы увидимся снова на небесной звѣздѣ, недоступной ничему дурному. А вы, мои германцы, попеременно стерегите, по крайней мѣрѣ, развалины святилища, оберегая ихъ отъ осквернѣнія и грабежа. Ты правъ, Серапіонъ. Чудовищное еще разъ побѣдило на землѣ. О, какъ было бы хорошо теперь же умчаться къ чистымъ звѣздамъ!

Приказъ Юліана возстановить разрушенное такъ и остался невыполненнымъ. Дафна не возрождалась болѣе изъ пепла послѣ страшнаго пожара той ночи. «Возобновитель боговъ»

Digitized by Google

недолго оставался въ озлобленномъ городѣ и вскорѣ ушелъ въ глубь Азіи, въ походъ противъ персовъ.

XVI.

Только по необходимости провелъ императоръ зимніе мѣсяцы на берегахъ Оронта. Время года не благопріятствовало выступленію войска. Кромѣ того, обширныя приготовленія къ войнѣ не были еще окончены, а между тѣмъ осторожный полководецъ считалъ невозможнымъ сократить ихъ. Чтобы скорѣе покончить съ ними, онъ неутомимо работалъ всю зиму. Еще до пожара въ Дафнѣ, Іовіанъ былъ посланъ на смотры полковъ, расположенныхъ къ западу и сѣверу отъ Антіохіи, послѣ чего имъ предстояло постепенно стянуться къ этому сборному пункту. На свои войска, приведенныя изъ Галліи, Юліанъ могъ вполнѣ положиться, но несравненно болѣе значительныя военныя силы Констанція, которыя постоянно терпѣли пораженіе отъ персовъ, не могли похвастаться особенной стойкостью; въ нихъ еще слѣдовало поднять воинственный духъ и самоувѣренность.

Въ свое девятимѣсячное пребываніе въ Антіохіи, Юліанъ неутомимо стремился къ этой цѣли; онъ также пріучалъ свои войска снова усердно молиться старымъ побѣдоноснымъ богамъ Рима, какъ молился и самъ Аресу, Энніо, Беллонѣ, Эрисъ, Дейносу и Фебу, совершая частыя жертвоприношенія. Но какъ ни ревностно исполнялъ этотъ долгъ воинственный полководецъ, отъ его друзей однако не укрылось, что душа Юліана, утратившаго много изъ своей природной веселости послѣ потери любимой жены, все болѣе и болѣе омрачалась унынiемъ. Ужасы ночнаго пожара, трагическая смерть любимаго художника, казалось, только рѣзче подчеркнули неудачу всѣхъ его стремленій, надеждъ и желаній. Онъ хотѣлъ ввести въ своемъ государствѣ всеобщую вѣротерпимость, стремился примирить всѣ вѣроисповѣданія; но вмѣсто того ему пришлось убѣдиться, что вражда между различными религіями все возрастаетъ, что его царствованіе не безъ основанія обвиняютъ въ гоненіи христіанской церкви, хотя онъ самъ никогда не думалъ быть ея гонителемъ. Такимъ образомъ вышло, что у него совсѣмъ не оказывалось сторонниковъ и ему не на кого было

Digitized by Google

опереться въ борьбѣ съ понятной ненавистью и сопротивленіемъ христіанъ. Язычники или совершенно равнодушно относились къ вопросамъ вѣры, или вѣровали согласно преданію отцовъ, ученію поэтовъ и верховныхъ жрецовъ, придерживаясь стариннаго, народнаго богопочитанія, которому императоръ-философъ сочувствовалъ также мало, какъ поклоненію Іеговѣ или Христу. Онъ стоялъ совершенно одинокимъ, въ сторонѣ отъ другихъ, со своимъ философскимъ, мистическимъ эллинизмомъ; развѣ какихъ нибудь пять-шесть человѣкъ—нѣсколько философовъ, учениковъ Максима—раздѣляли его воззрѣнія. Хитрый взглядъ Лизія зорко подмѣчалъ въ Юліанѣ это возраставшее чувство горькаго одиночества.

Когда однажды императоръ, въ поздній часъ ночи, съ глубокимъ вздохомъ поднялся съ мѣста въ своей читальнѣ, чтобъ отправиться къ одинокому ложу, старикъ заговорилъ:

— Ты такъ печаленъ, о, другъ. О чемъ размышлялъ ты эти послѣдніе полчаса? Твои глаза смотрѣли въ пространство, мимо карты дорогъ въ Персію, и ты не слышалъ моихъ вопросовъ. О чемъ или скорѣе о комъ задумался ты?

И жрецъ съ чувствомъ пожалъ руку Юліана.

— Ты угадалъ, о Лизій. Снова, какъ въ старые, т. е. молодые дни, ты заглянулъ мнѣ въ душу, проникнувъ взоромъ черезъ всѣ покровы. Помнишь, какъ тогда въ Мацелумѣ ты прочелъ у меня въ глазахъ думы о любви? О, мнѣ отрадно быть снова понятымъ тобою такъ глубоко. Забудемъ, о Лизій, то, что насъ разлучало, станемъ опять близкими друзьями. Я охотно довѣрюсь тебѣ,—прибавилъ августъ растроганнымъ, дрожащимъ голосомъ.—Ты угадалъ! Я думалъ о ней... о Еленѣ, потерянной мною. Со дня ея смерти опустѣло не только мое ложе, но и сердце.

— Тебѣ не слѣдуетъ оставаться одинокимъ, — замѣтилъ Лизій, пристально наблюдая за нимъ.

Но Юліанъ ничего не отвѣтилъ на это.

— О, еслибъ кто нибудь могъ воскресить для меня умершую!—произнесъ онъ, немного погодя.

— Что жь, — твердо и громко отвѣчалъ Лизій, — это не невозможно.

Слова жреца звучали такой увѣренностью, что Юліанъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

Digitized by Google

— Что ты говоришь?

— Правду, какъ всегда. Вѣдь ты самъ достаточно посвященъ въ древнюю египетскую мистику и магію, чтобы знать, что есть особая отрасль волшебства...

— Да, конечно, некромантика, знаю! Еще Гомеромъ засвидѣтельствовано, что тѣни черезъ кровавое заклинаніе являются живымъ и говорятъ съ ними; но Одиссей, подобно Геркулесу, спустился для этого въ адъ...

— Однако, передъ Адріаномъ въ Мемфисѣ поднялись изъ Оркуса тѣни и отвѣчали на его вопросы.

— И это я также знаю. Но искусство вызывать умершихъ, по словамъ Максима, теперь забыто; оно вымерло въ лицѣ его послѣднихъ представителей, египетскихъ жрецовъ въ Геліополисѣ.

— Онъ говорилъ тебѣ это? Максимъ бралъ на себя слишкомъ много. А что, если я скажу тебѣ: нѣтъ, искусство некромантики не исчезло, не вымерло? Оно еще живетъ въ одномъ человѣкѣ, къ которому перешло отъ послѣдняго изъ тѣхъ старинныхъ маговъ...

— Возможно ли это? Неужели? И кто, кто этотъ человѣкъ?

— Онъ передъ тобою.

— Лизій!—воскликнулъ глубоко потрясенный Юліанъ.— И это ты говоришь мнѣ только теперь? Столько мѣсяцевъ спустя! Неужели ты не хотѣлъ понять, какъ глубоко могъ бы осчастливить меня гораздо раньше? Однако я все не рѣшаюсь повѣрить... Почему ты не открылъ мнѣ этого давно, отчего отдалялся отъ меня?

— Ахъ, мой Юліанъ, ты самъ пересталъ питать ко мнѣ прежнее довѣріе. Неужели я долженъ былъ открывать свои священнѣйшія таинства передъ твоимъ невѣріемъ, твоимъ отрицаніемъ, рискуя подвергнуться даже насмѣшкамъ того богоотступника франка, для котораго нѣтъ ничего святаго, или твоего Іовіана, который на моихъ глазахъ недавно пробирался втихомолку въ одну изъ христіанскихъ церквей? Нѣтъ, такія глубочайшія тайны нельзя подвергать поруганію!

— О, прости, прости, прошу тебя! Не сердись, если я когда нибудь оскорбилъ твою гордость. Забудь обиду. Будь великодушенъ. Не отказывай мнѣ изъ-за этого...

— Конечно, нѣтъ, мой дорогой ученикъ,—отвѣчалъ Лизій.

Digitized by Google

— И ты могъ бы... ты въ самомъ дѣлѣ согласишься... вызвать ту любимую тѣнь,—мою Елену,—изъ ея дальней могилы въ Парижѣ, изъ высочайшаго святилища моего сердца? Ты можешь... ты согласенъ?

— Я могу и сдѣлаю это.

— Не причинивъ ей ни малѣйшаго мученія?

— О, нѣтъ,—возразилъ жрецъ, странно улыбнувшись.

— А мнѣ можно будетъ заговорить съ нею? Она станетъ отвѣчать?

— Разумѣется. Только на самое короткое время, на нѣсколько секундъ, иначе это свиданіе заставитъ страдать умершую.

— О Лизій, спаситель! Ты еще разъ освобождаешь мою душу изъ мрака скорби. Но когда, когда это осуществится?

— Не очень скоро. Надо выждать благопріятнаго стоянія звѣздъ. Будь терпѣливъ. Я своевременно сообщу, когда наступитъ часъ.

— О, меня съѣдаетъ нетерпѣніе! Но я повинуюсь тебѣ, довѣряя твоему искусству и мудрости. Такъ какъ ты догадался о томъ, что происходитъ со мною, то я сознаюсь откровенно, что тоска по умершей гложетъ мнѣ сердце. Печаль о ней омрачаетъ мою жизнь. Ахъ, хоть разъ бы увидѣть ее вновь! Если ты исполнишь самое завѣтное изъ моихъ желаній, то я сдѣлаю для тебя все, все, чего ты хочешь, мой величайшій благодѣтель!

Юліанъ обнялъ жреца, поцѣловалъ его въ лобъ и поспѣшно удалился. Лизій долго смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Я торжествую!—вымолвилъ онъ наконецъ.—Горько было долгое ожиданіе, разочарованіе, но сладка побѣда. И я широко воспользуюсь ею. Юліанъ долженъ уступить мнѣ за мою услугу цѣлый Египетъ!

XVII.

Съ нетерпѣніемъ, а подъ конецъ въ лихорадочномъ напряженіи, ожидалъ полководецъ къ исходу зимы извѣстій отъ посланныхъ имъ развѣдчиковъ насчетъ состоянія дорогъ. Наконецъ ему донесли, что ледъ и снѣгъ растаяли и что самая почва настолько просохла, что можетъ выдержать людей и лошадей, повозки и тяжелыя осадныя орудія—любимое средство Юліана при веденіи войны; все это, безъ особеннаго риска

Digitized by Google

застрять, могло подвигаться по сухому пути къ востоку. Юліанъ съ восторгомъ встрѣтилъ желанныя вѣсти, богато одарилъ вѣстниковъ и, нимало не медля, 4 марта 363 года, выступилъ изъ Антіохіи со своими тѣлохранителями и другими войсками, собранными здѣсь въ большомъ числѣ, тогда какъ болѣе легкія части арміи еще заранѣе переправились въ различныхъ пунктахъ черезъ Евфратъ—гдѣ по пловучимъ мостамъ, гдѣ на судахъ. Предложенія многочисленныхъ сосѣднихъ народовъ во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта выставить вспомогательное войско Юліанъ отклонилъ въ такихъ выраженіяхъ: «Римъ помогаетъ своимъ друзьямъ, но не нуждается въ ихъ помощи». Когда Серапіонъ прочиталъ эту фразу, которою авторъ очень гордился, отъ тщательно положилъ папирусъ обратно на столъ и спросилъ:—Знаешь ли ты, ученый императоръ, какъ надо назвать твое изреченіе?

— Какъ?—спросилъ въ свою очередь опѣшившій Юліанъ.—Развѣ въ оборотѣ моей рѣчи обнаруживается недостатокъ вкуса?

— Недостатокъ правды. Это не болѣе, какъ...

— Какъ что?

— Трехсотлѣтній анахронизмъ.

Только Тиранесу, арсакиду, царю Арменіи, даннику Рима—нѣкоторымъ образомъ римскому вассалу по средневѣковымъ понятіямъ—было приказано выставить сильное вспомогательное войско и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій императора насчетъ участія въ войнѣ. Содѣйствіе этого государства, при его положеніи въ тылу и съ лѣваго фланга у направлявшихся въ Персію римскихъ легіоновъ, было совершенно необходимо, и полководецъ считалъ наиболѣе безопаснымъ для себя воспользоваться военными силами армянъ, взявъ ихъ съ собою въ походъ. Изъ Кораны, столицы Арменіи, пришли въ отвѣтъ на это требованіе изъявленія полнѣйшей покорности.

Когда Серапіонъ, нѣсколько недѣль спустя, проходилъ по лагерю, осматривая новоприбывшихъ, приведенныхъ Іовіаномъ, онъ наткнулся на отрядъ наемныхъ воиновъ, очевидно германскаго происхожденія, судя по росту, цвѣту глазъ, волосъ и кожи, а также по вооруженію; между тѣмъ онъ не понималъ ихъ языка. Только черезъ переводчика узналъ королевичъ, какого они племени и какъ называются.

— Эге,—сказалъ онъ, обращаясь къ Юліану,—Римъ, по-

Digitized by Google

видимому, не можетъ стоять на собственныхъ ногахъ. Кромѣ прежнихъ наемныхъ солдатъ, ты навербовалъ еще другихъ германцевъ—готовъ.

— Ну, да,—надменно отвѣчалъ августъ.—Вѣдь нанялъ же я слоновъ, которые мнѣ нужны и которыхъ не можетъ доставить мнѣ Италія.

Помолчавъ съ минуту, франкъ замѣтилъ рѣзкимъ тономъ:—Мнѣ сдается, что эти готскіе слоны еще покажутъ вамъ зубы.

— Прости мнѣ, другъ Серапіонъ. Я не хотѣлъ тебя оскорбить. Ты знаешъ мою скверную привычку острить, но теперь я знаю уже настоящую цѣну вамъ, германцамъ.

— Пожалуйста, не стѣсняйся,— добродушно разсмѣялся тотъ. — Продолжайте только всѣ идти въ томъ же направленіи,—тѣмъ вѣрнѣе одолѣемъ мы васъ.

Передъ самымъ выступленіемъ въ походъ противъ персовъ, императоръ принесъ жертву Аполлону и Беллонѣ. Передъ его уходомъ изъ возобновленнаго имъ храма Ареса, старѣйшій изъ жрецовъ поднесъ ему чашу съ виномъ, которое, по обычаю, надо было выпить на прощанье, и сказалъ:—До свиданія, на четвертый годъ твоего консульства. (Юліанъ въ третій разъ былъ консуломъ).

При этихъ словахъ, старецъ внезапно упалъ мертвымъ, пораженный ударомъ, и красное вино обрызгало, точно кровью, грудь полководца. Внезапная смерть жреца потрясла Юліана болѣе всѣхъ присутствующихъ.

Прямо изъ Антіохіи онъ повелъ войско по направленію къ Евфрату. У «вратъ востока» августъ былъ встрѣченъ вновь назначеннымъ имъ сенатомъ города; сенаторы просили въ видѣ особой чести позволить имъ сопровождать его до границы городскихъ владѣній. Юліанъ кивнулъ въ знакъ согласія и молча поѣхалъ посреди разодѣтыхъ по праздничному декуріоновъ. Передъ своимъ отъѣздомъ, онъ назначилъ имъ префекта Александра, котораго они очень боялись, и при этомъ съ улыбкой замѣтилъ:—Хотя Александръ и не особенно заслужилъ здѣшнюю префектуру, зато антіохійцы вполнѣ заслужили такого префекта.

Военная дорога вела мимо Дафны. Когда вдали, на высотѣ холма, показались закопченныя развалины, рухнувшія крыши зданій и торчавшія посреди мраморныя колонны, Юліанъ

Digitized by Google

потянулъ поводья и сказалъ, указывая рукой на эту картину разрушенія:—Остановитесь, куріалы Антіохіи! Здѣсь мы распрощаемся съ вами. Вы увѣряете меня въ своей вѣрности, въ своемъ рвеніи; такъ вотъ когда вы вспомните обо мнѣ, то не забудьте того мѣста, гдѣ мы разстались. *Тамъ* докажите мнѣ свое усердіе.

Когда же куріалы съ несовсѣмъ искреннимъ радушіемъ стали просить его, чтобъ онъ, по возвращеніи изъ похода, опять на долгое время остановился въ ихъ городѣ, императоръ отвѣчалъ:—Нѣтъ, вернувшись изъ Персіи, я отдохну въ Тарсѣ.—Этимъ словамъ суждено было сбыться, но не въ томъ смыслѣ, какой придавалъ имъ августъ.

Войско, съ которымъ выступилъ смѣльчакъ на завоеваніе «Азіи», не было особенно сильно: въ немъ насчитывалось всего шестьдесятъ пять тысячъ шлемовъ. Однако, то были на подборъ надежные, испытанные и закаленные въ бою легіоны; основу всей военной силы составляли, наряду съ итальянцами и иллирійцами, германцы и галлы, частью навербованные вновь, но въ большинствѣ тѣ самые наемные солдаты и отбывшіе срокъ службы воины, которые предпочли взбунтоваться, вмѣсто того чтобъ идти въ Азію; за своимъ же любимымъ полководцемъ, котораго они насильно заставили сдѣлаться императоромъ, эти люди охотно послѣдовали на чужбину: они привели его въ Византію и съ радостью соглашались сопровождать на край свѣта.

Дороги все еще были очень плохи; однако развѣдчики Юліана знали, какъ нетерпѣливо жаждетъ онъ благопріятныхъ извѣстій, и потому высказались въ благопріятномъ смыслѣ объ ихъ состояніи. Первые три дневныхъ перехода изъ Антіохіи черезъ Литарбу въ области Халкиса до Береи, то по крутымъ подъемамъ, то по болотамъ, оказались уже въ высшей степени утомительными; камни на мощеной военной дорогѣ держались только пескомъ. Юліанъ громко жаловался на небрежность своихъ предшественниковъ, не заботившихся объ исправности самаго важнаго пути къ Евфрату. Въ Береѣ городской сенатъ, состоявшій изъ ревностныхъ христіанъ, ограничился только самымъ необходимымъ въ смыслѣ оказанія почести своему повелителю. Въ ледяномъ молчаніи выслушали декуріоны обращенную къ нимъ рѣчь императора. Лизій настаивалъ на при-

Digitized by Google

мѣрномъ наказаніи непокорныхъ подданныхъ. Но Юліанъ только разсмѣялся, говоря:—Нѣтъ, вмѣсто отвѣта, котораго я не получилъ отъ города, пускай онъ доставитъ каждому изъ моихъ легіонеровъ по секстарію вина. Это поправитъ излишнюю *сухость* оказанной мнѣ встрѣчи.

Напротивъ, изысканному вкусу «эллиниста» не понравился избытокъ почета и показнаго усердія въ богослуженіи, которыми вздумали польстить ему въ маленькомъ городѣ Батнѣ, часахъ въ четырехъ пути отъ Гіерополиса. Послѣ черезчуръ обильныхъ жертвоприношеній Зевсу и Аполлону, наемные риторы, приглашенные изъ болѣе крупныхъ сосѣднихъ городовъ, стали держать пространныя и черезчуръ льстивыя рѣчи «божественному Юліану». Выведенный изъ терпѣнія, онъ прервалъ третьяго оратора словами:—Я боюсь, какъ бы мнѣ не умереть, прежде чѣмъ ты окончишь перечень всѣхъ моихъ добродѣтелей. Куріалы Батны, въ наказаніе за такую долгую задержку въ вашемъ крошечномъ гнѣздѣ, вы должны выдать каждому изъ моихъ легіонеровъ по секстарію вина.

Гіерополисъ, на западномъ берегу Евфрата, былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ частей громаднаго войска. Къ своему величайшему огорченію, полководецъ, прибывшій туда раньше прочихъ, былъ принужденъ довольно долго поджидать здѣсь остальныхъ предводителей: ни одинъ изъ нихъ не поторопился такъ, какъ онъ.

— Ваши дороги были не хуже моихъ, но ваши шаги были медленнѣе,—возразилъ императоръ на ихъ извиненія.—Только то, что я нашелъ здѣсь одного философа, ученика Максима, моего товарища по ученію, Приска, спасаетъ васъ отъ заслуженнаго наказанія. Всѣ эти дни онъ читалъ мнѣ лекціи о добродѣтели терпѣнія. Прискъ, ты послѣдуешь за мною въ походъ; я предчувствую, что часто буду нуждаться въ твоихъ лекціяхъ.

Еще задолго до прибытія Юліана, былъ наведенъ по его приказанію понтонный мостъ черезъ громадную рѣку въ шести часахъ пути (въ четырехъ «паразангахъ») отъ города. Переправа войска обошлась благополучно. Августъ немедленно двинулся оттуда дальше къ Карреѣ, на востокъ отъ рѣки Сциртуса. Узнавъ о направленіи пути, выбраннаго имъ, состоявшіе при Юліанѣ верховные жрецы пришли въ ужасъ:—Ты хочешь

Digitized by Google

начать нападеніе изъ Карреи?—восклицали они въ испугѣ.—Ужъ одно это названіе напоминаетъ о жестокомъ пораженіи римлянъ парѳянами при Крассѣ!

— Вотъ именно потому-то я и выбралъ Каррею,—усмѣхнулся Юліанъ.—Съ этихъ поръ при ея имени пускай вспоминается кое-что иное.

Пока августъ совершалъ торжественное жертвоприношеніе въ древнемъ храмѣ, особенно почитаемой въ той мѣстности, богини луны Селены,—что̀ заняло нѣсколько дней, такъ какъ онъ послѣдовательно приносилъ жертвы Юпитеру, Фортунѣ, Деметрѣ, сирійскому Зевсу-Филіусу и Зевсу-Кассію,—въ его головѣ созрѣвали военные планы величайшей важности. Пышность религіозныхъ церемоній служила ему только средствомъ отвлечь всеобщее вниманіе отъ своихъ истинныхъ намѣреній. Какъ въ походахъ противъ германцевъ, такъ и здѣсь, императоръ придерживался тактики неожиданныхъ нападеній врасплохъ, тщательно скрывая до момента исполненія даже отъ ближайшихъ друзей, какимъ образомъ онъ рѣшилъ дѣйствовать. Никто въ цѣломъ войскѣ не зналъ, съ какой стороны собирается Юліанъ напасть на персидскія владѣнія: съ сѣвера ли на Тигрѣ, или съ юга по нижнему теченію Евфрата.—Удача персовъ въ войнѣ бо̀льшею частью основывается на томъ,—говаривалъ онъ,—что ихъ полководцы должны посвящать себя богу молчанія и только самъ царь знаетъ свои военные планы. Но онъ также молчитъ.

Однако, здѣсь въ Карреѣ предводители войска были увѣрены, что имъ удастся угадать намѣренія августа, такъ какъ именно у этого пункта начиналось развѣтвленіе двухъ большихъ дорогъ: на сѣверъ черезъ провинцію Адіабену къ Тигру и на югъ къ Ассиріи по Евфрату. Каково же было ихъ удивленіе, когда скрытный императоръ послалъ корпусъ въ тридцать тысячъ человѣкъ не къ сѣверу, не къ югу, а прямо къ востоку. Конечнымъ пунктомъ этого перехода онъ назначилъ предводителю Себастіану, бывшему прежде правителемъ Египта,—Низибисъ. Здѣсь Себастіанъ долженъ былъ оберегать и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывать границы, чтобы грозные парѳянскіе всадники не могли прорваться сквозь этотъ поясъ и слѣдить за движеніями Юліана; въ Низибисѣ командиру корпуса велѣно было ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Если на эту часть

Digitized by Google

войска слѣдовало смотрѣть, какъ на авангардъ, то избраннымъ путемъ для нападенія оказывалась линія по теченію Тигра, т. е. сѣверная окраина Персіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, истолковывали смыслъ императорскаго приказа и римскія войска, и непріятель. А врагъ между тѣмъ не дремалъ. Въ лагерь Юліана, разбитый противъ города, пробрались какъ разъ въ то время двое лазутчиковъ царя Сапора, переодѣтые купцами, и ушли оттуда, какъ имъ казалось, неузнанными. Однако случай, приписанный Юліаномъ особенной милости боговъ, открылъ ихъ хитрость Серапіону. При взглядѣ на бѣловолосаго королевича, никто не могъ предположить, чтобъ ему былъ знакомъ языкъ египтянъ, и оба шпіона безо всякаго опасенія стали перешептываться въ его присутствіи на этомъ языкѣ. Франкъ немедленно донесъ о слышанномъ полководцу и совѣтовалъ арестовать мнимыхъ купцовъ. Между тѣмъ Юліанъ, тонко улыбнувшись, возразилъ ему:—Значитъ, они допытались, въ чемъ дѣло, и знаютъ, что я угрожаю Тигру? Оставьте ихъ, пускай бѣгутъ предупредить Сапора.

«Слѣдовательно, мы повернемъ на Евфратъ», — подумалъ германецъ, но не сказалъ ничего. Онъ одинъ не былъ удивленъ, когда Юліанъ при выступленіи изъ Карреи, вмѣсто того чтобъ идти на востокъ и сѣверъ, уклонился къ югу. Два дня подвигалось войско по пустынной, безлѣсной равнинѣ между Карреей и Даванной; на третій день, 27 марта, оно достигло Каллини-Кума, на восточномъ берегу Евфрата. Безъ отдыха Юліанъ велъ свои полки впередъ по теченію извилистой рѣки, пока послѣ многихъ дневныхъ переходовъ достигъ въ началѣ апрѣля Цирцезіума,—крайняго римскаго укрѣпленія на этой границѣ; то было на тридцатый день по выступленіи изъ Антіохіи. Въ Цирцезіумѣ Юліанъ, между прочимъ, произвелъ смотръ сильному флоту, который тѣмъ временемъ спустился по теченію Евфрата; въ немъ насчитывалось пятьдесятъ хорошо вооруженныхъ военныхъ кораблей, пятьдесятъ паромовъ, которые могли служить при переправѣ, а также и для нападенія и для высадки на берегъ десантовъ съ глубоко сидящихъ въ водѣ тріеръ, и не менѣе тысячи грузовыхъ судовъ, на которыхъ слѣдовали за войскомъ неисчислимые запасы провизіи, оружія, боевыхъ снарядовъ всякаго рода и тяжелыхъ осадныхъ орудій. Юліанъ заготовилъ громадное количество су-

Digitized by Google

харей и ведѣлъ наполнить виннымъ уксусомъ тысячи мѣховъ для утоленія жажды въ знойныхъ равнинахъ Азіи; онъ самъ пилъ теперь только одну воду, смѣшанную съ этимъ уксусомъ, запретивъ брать съ собою въ походъ вино. «Если вы хотите вина,—сказалъ онъ воинамъ,—то возьмите его у царя Сапора и персовъ; а мой военный лагерь — не винный погребокъ». Строгость императора простиралась до того, что онъ приказывалъ силой отгонять громадные караваны купцовъ, которые хотѣли везти за войскомъ вино и другіе лакомые продукты.

Населенная и сильная крѣпость Цирцезіумъ съ многочисленными храмами боговъ и священными рощами, служившая также резиденціей христіанскаго епископа, была для римлянъ, отправлявшихся въ походъ противъ персовъ, послѣднимъ пунктомъ, гдѣ они видѣли слѣды римской цивилизаціи. По прибытіи сюда, Юліанъ засталъ однажды Серапіона въ оживленномъ разговорѣ съ незнакомыми людьми, которые, судя по цвѣту глазъ и волосъ, а также по ихъ вооруженію, были германцы.

— Кто эти люди?—спросилъ онъ.

— Посланные съ моей далекой родины. Они принесли важныя извѣстія. Нашъ другъ Мело скончался: его златокудрая дочь, единственное дитя умершаго короля, прекрасная Ригунтисъ, нуждается въ защитѣ...

— То есть, ей нуженъ мужъ?—улыбнулся Юліанъ.

— Ихъ подданные, сугамбры, избрали теперь королемъ моего отца, какъ и три нашихъ области; мой дорогой отецъ призываетъ меня обратно, съ тѣмъ чтобъ я взялъ королевскій посохъ изъ его усталыхъ рукъ.

— Да и прекрасная Ригунтисъ навѣрное присоединяется къ его просьбамъ? Нѣтъ, сперва окончи службу, а потомъ сватайся. Я еще не дамъ тебѣ отпуска. Ты, конечно, не покинешь полководца и друга въ тотъ день, когда начинаются опасности похода!

Преданный франкъ подалъ ему руку и сказалъ: — Я еще останусь, но недолго.

Въ Цирцезіумѣ Юліанъ вздумалъ исполнить одно завѣтное желаніе, которое прежде было недостижимо, но теперь могло сбыться; эту мечту онъ хотѣлъ осуществить, прежде чѣмъ пуститься навстрѣчу неизвѣстному, навстрѣчу всевозможнымъ опасностямъ въ непріятельской землѣ.

Digitized by Google

XVIII.

Не одни персы занимали въ послѣднее время мысли императора. Серапіонъ, умѣвшій читать въ душѣ своего друга едва ли не лучше всѣхъ окружающихъ, подмѣчалъ, что, не смотря на серьезную умственную работу и грустное настроеніе въ продолженіе этой зимы, слабая улыбка оживляла блѣдное лицо Юліана, когда его взглядъ незамѣтно останавливался на Іовіанѣ; въ такія минуты августъ слегка кивалъ про себя головою съ выраженіемъ затаеннаго удовольствія. Однажды франкъ позволилъ себѣ высказать свои наблюденія въ присутствіи обоихъ:—Берегись, Іовіанъ,—вымолвилъ онъ,—тебѣ предстоитъ что-то особенное, какая-то пріятная неожиданность. Съ такимъ блескомъ въ глазахъ тиранъ смотритъ только на людей, которыхъ онъ задумалъ осчастливить.

Августъ насторожилъ слухъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на преданнаго римлянина.

— Вѣроятно, онъ хочетъ дать мнѣ начальство надъ конницей авангарда,—спокойно отвѣчалъ Іовіанъ:—для меня это дѣйствительно было бы величайшей радостью.

— Ахъ ты, лицемѣръ!—улыбнулся Юліанъ, хлопнувъ его по плечу.—Значитъ, ты видишь передъ собою только персидскіе шлемы, когда лежишь съ закрытыми глазами, но не спишь, а вздыхаешь про себя по ночамъ на походной постели въ нашей палаткѣ? Не вѣрь ему, батавъ! Всевидящій Фебъ-Аполлонъ открываетъ мнѣ еще кое-что иное, кромѣ плановъ персидскаго царя.

И оба друга подмѣчали, что императоръ посылаетъ людей съ тайными порученіями на западъ, въ Европу; что оттуда къ нему приходятъ секретныя извѣстія, очевидно не имѣющія ничего общаго ни съ походомъ, ни съ государственнымъ управленіемъ. Остановка въ Цирцезіумѣ продолжалась довольно долго. По секретному приказу августа, въ рощѣ вокругъ дворца, замкнутой со всѣхъ сторонъ, уже нѣсколько дней производились какія-то поспѣшныя работы, причемъ туда не допускали никого изъ постороннихъ. Въ эту рощу на слѣдующее утро Юліанъ пригласилъ Іовіана, Серапіона, всѣхъ своихъ знатныхъ придворныхъ и лицъ, занимавшихъ важныя должности при

Digitized by Google

войскѣ, какъ и жрецовъ, служившихъ при алтаряхъ, воздвигнутыхъ здѣсь вновь въ большомъ числѣ. Когда всѣ приглашенные оказались въ сборѣ, изъ обширнаго грота въ рощѣ, посвященной Юнонѣ Пронубѣ, вышелъ августъ не въ одеждѣ философа, не въ воинскихъ доспѣхахъ, а въ пурпурѣ и императорскихъ регаліяхъ; онъ велѣ за руку стройную молодую дѣвушку, черты которой были совершенно скрыты подъ бѣлымъ вуалемъ невѣсты. Роскошная свита, состоявшая изъ знатныхъ женщинъ и дѣвушекъ города, но преимущественно изъ жрицъ, слѣдовала за ними; къ ихъ сладостному пѣнію примѣшивались нѣжные звуки флейтъ, доносившіеся изъ кустарниковъ, гдѣ были скрыты музыканты. Серапіонъ тѣмъ временемъ подвелъ Іовіана къ огню, пылавшему на алтарѣ богини; Юліанъ подошелъ туда же съ дѣвушкой подъ вуалемъ и заговорилъ, улыбаясь своей ласковой улыбкой:—Богъ Геліосъ, провидящій все, удостоиваетъ порою меня, своего жреца и самаго вѣрнаго изъ почитателей, откровеніемъ свыше. Такъ, между прочимъ, я давно уже съ радостью подмѣтилъ нѣжную тайну, которая стыдливо скрывалась въ глубинѣ двухъ юныхъ сердецъ, прежде чѣмъ боги возвели на тронъ своего избранника и, если мнѣ будетъ позволено такъ выразиться, своего покровителя Юліана, между нимъ и исполненіемъ завѣтнаго желанія стояли неодолимыя преграды. Теперь онѣ рушились съ помощью боговъ и новаго императора! Другъ Іовіанъ, я открылъ здѣсь, передъ этими свидѣтелями, тайну твоего сердца: — Юліана, моя прекрасная сестра, стоитъ передъ тобою. Возьми ее. Давно уже я отгадалъ вашу любовь: это было легче, чѣмъ одержать побѣду надъ аламанами. Вашъ союзъ не только доставитъ мнѣ глубокую сердечную радость, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ для меня священнымъ символомъ, какъ все, имѣющее важное значеніе въ моей жизни: моя дорогая сестра путемъ различныхъ вліяній, хотя и вполнѣ почтенныхъ, едва не увлеклась опять враждебнымъ міру ученіемъ галилеянъ, почитаніемъ могилъ, и чуть не отпала отъ свѣтлой вѣры въ боговъ; однако моимъ письмамъ и ея любви къ Іовіану удалось образумить ослѣпленную дѣвушку. Пускай же юная чета: женихъ, никогда не измѣнявшій богамъ, и возвращенная Афродитѣ невѣста символически возобновятъ союзъ между Зевсомъ и Герою. Съ этой цѣлью, здѣсь передъ вами, друзья мои, стоитъ

Digitized by Google

алтарь Зевса очага и Юноны Пронубы, торжественно украшенный вѣнками; возьмите оба золотыя чаши, наполненныя индійскимъ ладономъ; принесите жертву Гименею и всѣмъ великимъ богамъ, и такимъ образомъ сочетайтесь въ счастливую пару.

Эти слова императора были встрѣчены громкими кликами восторга со стороны жрецовъ, жрицъ и всего народа. Одинъ изъ жрецовъ Зевса и одна изъ жрицъ Геры подали жениху и невѣстѣ благоухающія чаши; однако молодые люди, независимо одинъ отъ другаго, одновременно оттолкнули отъ себя священные сосуды, такъ что драгоцѣнная пыль полетѣла на траву. Юліана заговорила первая:—Прости мнѣ, высокій братъ, я не могу принести жертвы,—сказала она.—Съ раскаяніемъ вернулась я ко Христу.

— Прости, о, императоръ!—воскликнулъ въ свою очередь Іовіанъ,—я не могу приносить жертвы чуждымъ богамъ, потому что я христіанинъ. Вчера совершонъ надо мною обрядъ крещенія.

Глухой, гнѣвный ропотъ удивленія пронесся въ толпѣ; у Юліана отъ горя и гнѣва поблѣднѣло не только лицо, но и губы.

— Тайно! у меня за спиною... оба! И такой позоръ мнѣ—впрочемъ, нѣтъ: богамъ—передъ цѣлымъ народомъ!

— Я высадилась съ корабля только сегодня ночью, какъ тебѣ извѣстно, братъ мой. Мнѣ не дали возможности переговорить съ тобою. Ты по своей добротѣ неожиданно подвелъ меня къ алтарю...

— Но кто обратилъ тебя въ христіанство?

— Мать, Іоаннъ и письма любимаго человѣка.

— Іоаннъ—проныра! Онъ вѣчно суется вездѣ, гдѣ его не спрашиваютъ. Ну, а ты, другъ мой Поллуксъ, зачѣмъ измѣнилъ своему Кастору? Кто отнялъ тебя у меня?

— Письма возлюбленной и много важнаго, пережитаго мною въ эти годы: отреченіе отъ Юліаны, отъ всякаго земнаго счастія, а также личный опытъ въ послѣдніе мѣсяцы; гоненіе на христіанъ, которое пришлось мнѣ разслѣдовать,—все это, вмѣсто взятое, сдѣлало меня христіаниномъ.

— Безумцы!—воскликнулъ Юліанъ въ глубокомъ горѣ, но также и въ сильномъ гнѣвѣ.—И вы не могли,—прибавилъ онъ шопотомъ, скрипя зубами,—избавить меня отъ такого публич—

Digitized by Google

наго посрамленія, посыпавъ на алтарь нѣсколько зернышекъ благовонной смолы?!

— Чтобы отречься отъ истины, отъ своего убѣжденія?— воскликнулъ Іовіанъ.

— Чтобъ осквернить себя ложью?—прибавила дѣвушка.

— Притворство въ угоду людямъ!—гнѣвно возразилъ римлянинъ.

— Нѣтъ, братъ мой, не такъ учитъ священное писаніе.

Юліанъ закусилъ губы. Немного спустя, онъ заговорилъ опять громкимъ голосомъ:

— Сенаторы Цирцезіума, полководцы, благородныя матроны и дѣвственницы, жрецы и жрицы жестоко оскорбленныхъ боговъ! Конечно, вы думаете, что мое глубоко пораженное сердце потребуетъ, чтобъ я въ наказаніе разлучилъ этихъ двоихъ ослѣпленныхъ, хотя,—съ громкимъ смѣхомъ прибавилъ августъ, — вѣра раздѣляетъ ихъ теперь также мало, какъ и прежде. Но нѣтъ! я не заставлю изнывать любящія сердца для побѣды моей вѣры. Сестра, возлюбленная, прекрасная, навсегда потерянная сестра, и ты, дорогой другъ Іовіанъ, вы такъ глубоко поразили меня въ самое сердце, какъ этого не удавалось никому прежде васъ, но я все еще питаю къ вамъ прежнюю любовь, несчастныя жертвы заблужденія! Итакъ—тутъ онъ тяжело вздохнулъ—хотя мнѣ это не легко, однако я позволяю вамъ отступить отъ отвергнутаго вами алтаря Гименея и направиться въ ближайшую базилику, гдѣ вы заключите брачный союзъ по уставу христіанской церкви. Пусть епископъ обвѣнчаетъ васъ. Для этого вы не нуждаетесь во мнѣ, т. е. въ моемъ присутствіи.

— Прости мнѣ, братъ, ты очень, очень добръ, однако я не могу...

— Развѣ ты не любишь меня болѣе, Юліана?—печально спросилъ Іовіанъ.

— Всей душой, но... я не могу...

— А почему же нѣтъ?—гнѣвно спросилъ въ свою очередь императоръ.

— Мать... Іоаннъ... они стали уговаривать меня. Твоя жестокость къ христіанамъ, твое гоненіе истинной вѣры...

— О, боги, слышите ли вы это?—перебилъ августъ.

— Твое нечестіе грозило страшной опасностью твоей душѣ;

Digitized by Google

ты погибъ навсегда, если тебя не спасетъ заступничество святыхъ, благочестивыя дѣянія, молитвы и обѣты людей! И вотъ—какъ моя мать отправилась на богомолье въ Римъ и Іерусалимъ, чтобъ избавить отъ вѣчной гибели твою душу, такъ и я... ради твоей души... произнесла обѣтъ безбрачія.

— Безумная!—внѣ себя воскликнулъ Юліанъ.

Іовіанъ также вздохнулъ:—О, Юліана, это очень... очень жестоко!

Императоръ старался овладѣть собою; онъ переживалъ тяжелую борьбу.

— Это,—съ трудомъ вымолвилъ онъ,—это ужь слишкомъ! Черезчуръ горитъ моя рана. Со смерти Елены ничто, даже самый пожаръ въ Дафнѣ, не огорчало меня такъ сильно. Ты, возлюбленная мать! Іовіанъ! Сестра-монахиня! Всѣ мои близкіе отпали отъ моей вѣры. Но нѣтъ, я не потерплю этого. Что касается твоего обѣта, Юліана, то я не признаю его; ты сама возьмешь его обратно!

— Не надѣйся на это,—отвѣчала Юліана, смѣло выпрямляясь,—никогда не нарушу я своего слова. Знай, я могла бы поддаться твоимъ обольщеніямъ—они очень соблазнительны, и я люблю тебя, великій братъ, а также и... его... Но Господь Богъ послалъ мнѣ сильнѣйшаго изъ своихъ пословъ; кто однажды послушалъ его проповѣди о Христѣ, тотъ никогда больше не отпадетъ отъ вѣры.

Императоръ нахмурилъ блѣдный лобъ и съ недобрымъ предчувствіемъ спросилъ сестру хриплымъ голосомъ:—А кто же это? кто новый апостолъ? Конечно, не... не *онъ?*

Августъ гнѣвно взглянулъ на Юліану; но та безстрашно подняла на него свои прекрасные, темные глаза и отвѣчала:—Ты вѣрно угадалъ: это Аѳанасій.

— Ахъ!—воскликнулъ Юліанъ, — клянусь всѣми ужасами преисподней, человѣкъ этотъ принесъ мнѣ величайшее зло; онъ отнимаетъ у меня мать, сестру, друга! Мать внезапно исчезаетъ изъ Іерусалима на долгое время. Наконецъ, мои посланные, которые ищутъ ее во всемъ государствѣ, доносятъ мнѣ, что, терзаемая опасеніями, она бѣжала изъ Іерусалима въ Египетъ къ Аѳанасію и скрывается тамъ ото всѣхъ.

— А оттуда великій, неутомимый святитель, желая успо-

Digitized by Google

коить нашу мать и спасти мою ничтожную душу, ѣдетъ ко мнѣ, въ окрестности Византіи, въ то ненавистное мѣсто...

— Онъ видѣлъ тебя тамъ? говорилъ съ тобою? Онъ осмѣлился проникнуть въ посвященный богамъ пріютъ, зная, что каждому священнику галилеянъ, который войдетъ въ одну изъ моихъ школъ для жрицъ, грозитъ тягчайшее наказаніе? И именно тамъ, на глазахъ богинь Афродиты и Геры, на глазахъ ихъ служительницъ, онъ посмѣлъ...

— Да, онъ отвоевалъ тамъ мою молодую душу для Господа Христа. Аѳанасій говорилъ, что онъ не побоялся нырнуть въ глубину мутнаго, грязнаго моря, чтобъ выловить жемчужину и спасти ее отъ осквернения. На меня наводятъ ужасъ эти торжества Афродиты...

— Вотъ какъ! Они наводятъ на тебя ужасъ? Погоди же, тебѣ придется...

— О, еслибъ ты могъ представить себѣ, мой непорочный братъ, что̀ происходитъ тамъ между жрецами и жрицами подъ видомъ священныхъ обрядовъ. Въ подземной пещерѣ—ночью—собираются они вмѣстѣ...

Юлінъ поблѣднѣлъ.—Молчи передъ народомъ. Горе, горе,—шепнулъ онъ потихоньку Серапіону.—Также и здѣсь творятся втайнѣ непотребныя вещи!.. И это подъ моимъ скипетромъ, великіе боги! Это ужь мое дѣло,—громко прибавилъ Юліанъ,—устранять злоупотребленія, а дерзкому священнику не слѣдовало вмѣшиваться въ то, что̀ его не касалось. И онъ не уйдетъ отъ законной кары, этотъ ослушникъ императорской воли, похитившій у меня сестру въ священномъ мѣстѣ. Я давно потребовалъ его къ отвѣту за другія преступленія; однако онъ не явился ко мнѣ, а между тѣмъ исчезъ изъ Александріи неизвѣстно куда. Нечистая совѣсть заставляетъ его бояться своего судіи.

— Ошибаешься. Завтра же я надѣюсь снова увидѣть Аѳанасія.

— Гдѣ?

— Здѣсь. Онъ давно уже выѣхалъ изъ Египта и слѣдуетъ за тобою. Митрополитъ писалъ послѣдній разъ изъ Ѳапсакуса, что время наступило и тучи собираются надъ твоей головою: въ апрѣльскія иды, т. е. завтра, онъ прибудетъ сюда. О, доро-

Digitized by Google

гой, дорогой братъ, отъ котораго до сихъ поръ не можетъ оторваться мое грѣшное сердце, не отвергай моей мольбы.

Юліана подошла ближе къ императору и прошептала:—Не вступай публично передъ народомъ въ споръ, не затѣвай состязанія умовъ съ этимъ человѣкомъ. Я знаю:—я часто думала о томъ, я читала твои письма, твои рѣчи—ты величайшій умъ нашего времени, ты умнѣе всѣхъ остальныхъ, но клянусь Богомъ, тебѣ далеко до этого человѣка, потому что онъ исполненъ Духомъ святымъ.

— Вотъ какъ! Ты думаешь? — въ душѣ Юліана закипѣла грозная буря гнѣва.

— Перестань! — тихонько увѣщевалъ возлюбленную Іовіанъ.

— Замолчи, высокая дѣвственница,—предостерегъ ее въ свою очередь и Серапіонъ. — Ты раздражаешь августа все больше и больше.

Но, воодушевленная глубокимъ почтеніемъ къ спасителю своей души, озабоченная участью брата, прекрасная Юліана продолжала съ возрастающимъ жаромъ и блестящими глазами:—Переговори съ нимъ наединѣ. Дай убѣдить себя! Но не дерзай, молю тебя, состязаться съ нимъ публично. Тогда ты безвозвратно погибъ передъ всѣмъ народомъ; онъ побѣдитъ тебя, какъ ты побѣждалъ аламановъ.

— Ха-ха-ха! Это ужь слишкомъ со стороны нѣкогда горячо любимой сестры,—съ дикимъ бѣшенствомъ воскликнулъ Юліанъ.—Это отвратительно! Нѣтъ, клянусь богомъ всепобѣждающаго свѣта, теперь наступаетъ самая благопріятная минута разрушить ковы Аѳанасія. Однако, — мрачно заключилъ августъ,—ты, которую я ожидалъ съ такимъ восторгомъ, ты не должна больше видѣть его, слышать голоса того, кто такъ ловко съумѣлъ тебя обойти и къ кому ты питаешь такое восторженное почтеніе. Сюда, матроны и жрицы Геры, бросьте вѣнки, бросьте брачные факелы; возьмите эту обольщенную и отведите ее немедленно въ школу для посвященія весталокъ, возобновленную мною въ Цирцезіумѣ. Я хорошо знаю это учрежденіе, потому что осматривалъ его не дальше, какъ вчера. Правила въ немъ строгія, нравы чистые. Тамъ должна она оставаться подъ строжайшимъ наблюденіемъ главной жрицы Весты, пока боги не смягчатъ ея заблудшагося сердца.

Digitized by Google

— Императоръ!—съ жаромъ воскликнулъ Іовіанъ, выступая впередъ, — Юліанъ, ты не сдѣлаешь этого! Ты не дерзнешь...

Съ быстротою молніи обернулся августъ и грозно крикнулъ на него:—Замолчи, галилеянинъ! Развѣ ты не помнишь, что̀ сказано въ вашемъ священномъ писаніи: «Каждый да повинуется властямъ предержащимъ»? Я — власть надъ моей моей сестрою, точно также какъ и надъ тобою, magister militum. Отведите прочь эту глупую дѣвушку. Скорѣе долой съ моихъ глазъ! А вы, дворцовые чиновники, пригласите на завтрашній день все войско и народъ, мужчинъ и женщинъ, всѣхъ знатныхъ при дворѣ и въ лагерѣ, а также галилейскихъ епископовъ и священниковъ, — слышите? Не забудьте ни одного изъ нихъ. А потомъ пригласите всѣхъ жрецовъ и жрицъ нашихъ боговъ въ часъ солнечнаго заката въ мой дворецъ, въ платановой рощѣ, противъ города: всѣ, насколько хватитъ мѣста, должны быть моими желанными гостями и свидѣтелями великой духовной битвы между Юліаномъ и Аѳанасіемъ. Эта битва важнѣе сраженій съ германцами и персами, потому что въ ней идетъ вопросъ не о земномъ владычествѣ, но о вѣнцѣ духовнаго міра! Фебъ-Геліосъ, который какъ разъ выглянулъ изъ облаковъ—я принимаю твое предзнаменованіе!—ты побѣдишь, разогнавъ тьму. Смотри, приходи и ты, галилянинъ Іовіанъ, и тебя хочу я отвоевать для себя обратно. Пойдемъ, Серапіонъ, поддержи меня, я чуть стою на ногахъ, потрясенный негодованіемъ и горькими сердечными обидами. Ты, германецъ, останешься мнѣ вѣренъ. Завтра предстоитъ величайшая побѣда боговъ и... Юліана.

XIX.

На слѣдующее утро, вся христіанская община Цирцезіума, со своимъ епископомъ во главѣ, хлынула къ гавани Евфрата, гдѣ ожидали прибытія великаго египтянина, плывшаго внизъ по теченію рѣки. Къ этому шествію примкнуло также много язычниковъ, частью изъ любопытства, частью изъ почтительнаго желанія привѣтствовать непобѣдимаго борца правовѣрныхъ, слава котораго гремѣла по всему востоку въ продолженіе многихъ десятилѣтій. Торжественной процессіей прово-

Digitized by Google

дили прибывшаго и его маленькую свиту въ жилище епископа, которое нѣсколько часовъ подъ рядъ осаждала густая толпа христіанъ, желавшихъ еще и еще взглянуть на благостныя черты мудраго пастыря душъ. И маститый митрополитъ не уставалъ раздавать направо и налѣво благословенія своей паствѣ.

Еще задолго до назначеннаго часа—передъ солнечнымъ закатомъ—народъ сталъ тѣсниться на обширной площадкѣ передъ палаціумомъ въ платановой рощѣ. Ни одного мѣста не осталось свободнымъ, откуда можно было бы хоть бросить взглядъ въ большую тронную залу мраморнаго зданія, которая, образуя громадный полукругъ, могла вмѣстить въ себѣ нѣсколько сотенъ народа на полукруглыхъ скамьяхъ, поставленныхъ противъ возвышавшагося посрединѣ, задрапированнаго пурпуромъ, трона въ глубинѣ комнаты, у задней стѣны. Эти скамьи были заняты лицами, приглашенными наканунѣ императоромъ, тогда какъ массы народа тѣснились сплошными рядами, начиная отъ деревьевъ рощи до верхнихъ ступеней наружной лѣстницы передъ открытою аркою и колоннами дворца. Когда заходящее солнце достигло края горизонта, въ глубинѣ залы распахнулись двери; изъ нихъ, привѣтствуемый трубными звуками, вышелъ августъ въ роскошномъ одѣяніи верховнаго жреца: золотой вѣнецъ окружалъ сверкающимъ ореоломъ его голову надъ императорской діадемой; доходившая до золотыхъ сандалій пышная одежда изъ бѣлаго шолка, отороченная пурпуромъ, какъ и золотой поясъ, въ ладонь шириною, были унизаны драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ. Тяжелый пурпурный плащъ спускался съ плечъ Юліана, а въ рукѣ онъ держалъ длинный золотой посохъ, увѣнчанный золотымъ шаромъ—символомъ обладанія землею. Позади императора шествовали самые знатные изъ его полководцевъ и сановниковъ, самые важные жрецы и жрицы, а также сенаторы города, которые вслѣдъ затѣмъ заняли предназначенныя для нихъ мѣста по указанію дворцовыхъ церемоніймейстеровъ.

Юліанъ поднялся по шести высокимъ ступенямъ къ своему трону и опустился на него. Онъ хотѣлъ тотчасъ приступить къ диспуту, какъ вдругъ изъ внутренней двери поспѣшно вышелъ придворный съ докладомъ:—Важныя извѣстія, государь. Къ тебѣ прибыли нарочные послы. Они говорятъ, что ты долженъ немедленно...

Digitized by Google

Императоръ одобрительно кивнулъ головою. Тогда изъ внутренности дворца были приведены трое мужчинъ съ длинными бородами, покрытые съ головы до ногъ дорожной пылью; пугливо, растерянно осматривались они вокругъ, смиренно скрестивъ на груди руки.

— Кто вы такіе? Кажется, іудеи! Откуда вы?

— Изъ Іерусалима, государь.

— Значитъ, съ моей постройки храма. Вѣроятно, она далеко подвинулась впередъ? Въ какомъ положеніи теперь храмъ?

— Ахъ, государь, горе! Семикратное горе! Храмъ, воздвигаемый тобою...

— Ну, что же съ нимъ?

— Все зданіе рухнуло.

— Нѣтъ, Фебъ не допуститъ этого!—съ испугомъ воскликнулъ Юліанъ.

— О, государь, землетрясеніе...

— Хорошо, а послѣ землетрясенія вы снова продолжали постройку?

— Нѣтъ, государь, мы не могли.

— Что? Ахъ, вы трусы!

— Нѣтъ, государь, мы не струсили и не сразу уступили! Ревностный къ вѣрѣ человѣкъ и твой вѣрный слуга былъ нашимъ зодчимъ,—Симонъ Алипій, левитъ: онъ снова и снова велъ оробѣвшихъ невольниковъ на дымившееся мѣсто постройки; онъ самъ помогалъ разбирать развалины, его плащъ и борода были опалены огнемъ, когда онъ въ четвертый разъ, уже одинъ, приступилъ къ дѣлу. Только Симонъ, воинъ, котораго ты далъ ему въ помощники, послѣдовалъ за нимъ, вѣрный своему долгу. Но тутъ земля разступилась у нихъ подъ ногами и бездна поглотила обоихъ живыми. Мы слышали только ихъ жалобные вопли. Тогда всѣ рабочіе въ ужасѣ разбѣжались оттуда. Ни за какія блага не приложитъ теперь руки ни единый человѣкъ къ твоей постройкѣ! Это—проклятіе галилеянъ; оно совершилось. Многія сотни нашихъ единовѣрцевъ, убѣжденные такимъ чудомъ, приняли крещеніе. Но также и всѣ прочіе, какъ мы, не измѣнившіе вѣрѣ отцовъ, цѣлыя тысячи іудеевъ, которыхъ ты собралъ въ Іерусалимѣ, чтобы мы снова поселились вокругъ храма, въ страхѣ и трепетѣ бѣжали оттуда во всѣ стороны и снова разсѣялись по разнымъ странамъ земли. И, разсѣянные

Digitized by Google

такимъ образомъ, не составляя болѣе народа, должны мы теперь оставаться, такъ—я опасаюсь—навсегда! Намъ пришлось поспѣшно извѣстить тебя о случившемся, извѣстить и предостеречь. Не возобновляй больше своей попытки! Многія сотни труповъ погребены подъ развалинами.

Страшная вѣсть глубоко потрясла и безъ того взволнованнаго императора. Многочисленные христіане, присутствовавшіе на собраніи, многозначительно кивали другъ другу головами. Глухой ропотъ ужаса понесся по рядамъ. Юліанъ, поникшій на тронѣ, неподвижно смотрѣлъ передъ собою; его лицо было мертвенно блѣдно; онъ нагнулся къ Серапіону и тихонько прошепталъ: — Предзнаменованіе!... Проклятіе галилеянъ исполнилось!

Однако Серапіонъ шепнулъ ему успокоительнымъ тономъ:— Ну, что жь изъ этого? Развѣ одновременно съ тѣмъ не было землетрясеній и въ другихъ мѣстахъ? Пускай земля дрожитъ. Ты не долженъ дрожать, а менѣе всего теперь! Аѳанасій ожидаетъ тебя.

Но Юліанъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія; оно такъ некстати нарушило его духовное равновѣсіе, и онъ совершенно потерялъ спокойное самообладаніе, котораго ему съ трудомъ удалось достичь послѣ безсонной, мучительной ночи. Мысли императора пришли въ разбродъ; Юліанъ былъ лихорадочно возбужденъ и рука его дрожала, когда онъ подалъ знакъ своимъ царскимъ жезломъ.

XX.

Многія тысячи глазъ устремились на узкую боковую дверь залы съ лѣвой стороны трона; тихо отворилась она и изъ нея выступила, среди глубокаго молчанія собравшихся, которые не смѣли дохнуть, высокая и величавая мужская фигура. Вошедшій былъ такъ великъ ростомъ, что темя его непокрытой головы приходилось на одномъ уровнѣ со шлемами стражи, поставленной на караулѣ у дверей. Длинная сѣдая борода благообразнаго старца, раздѣленная на двѣ широкихъ волны, достигала ему до пояса, состоявшаго изъ веревки, завязанной тремя узлами. Эта грубая опояска подхватывала на бедрахъ темнокоричневую власяницу—одѣяніе египетскихъ пустынни-

Digitized by Google

ковъ. Лицо святителя, съ крупными, но кроткими и благородными чертами, было обращено прямо къ блѣдному императору, а взглядъ его голубыхъ глазъ, казалось, проникалъ въ сокровеннѣйшіе тайники души. Такъ стоялъ могучій старецъ передъ тономъ, не склоняя обнаженной головы, босой, въ одеждѣ кающагося грѣшника. Тѣмъ не менѣе, передъ его духовной высотою императоръ съ его пурпурнымъ тономъ и все великолѣпіе знатныхъ сановниковъ точно потускнѣли и стушевались, обратившись въ ничто. Всѣ чувствовали внутренно и думали про себя: «этотъ человѣкъ недостижимо великъ».

Долго Юліанъ выдерживалъ его испытующій взглядъ, но потомъ внезапно вздрогнулъ и какъ будто въ замѣшательствѣ потупилъ глаза. Лишь немного спустя, онъ снова поднялъ ихъ и заговорилъ:

— Митрополитъ александрійскій, тебя обвиняютъ передо мною...

— Ты не судья мнѣ, Флавій-Клавдій-Юліанъ! — перебилъ Аѳанасій звучнымъ, громкимъ голосомъ, который ясно раздался по всей залѣ и достигъ до слуха тысячъ народа, столпившагося на площади; а между тѣмъ старецъ говорилъ безо всякаго усилія.—Судить меня можетъ только вселенскій соборъ. Не какъ обвиняемый,—какъ обвинитель, стою я здѣсь. Таинство крещенія подчинило тебя власти церкви и я говорю съ тобою, какъ духовный пастырь.

Юліанъ съ досадой сдѣлалъ отрицательный жестъ; онъ хотѣлъ вскочить, но удержался и отвѣчалъ:—Хорошо, я дамъ тебѣ высказаться, Аѳанасій; пускай не скажутъ, что тебя не захотѣли выслушать. Итакъ, говори, говори, сколько хочешь, а потомъ заговорю ужь... я самъ!

И Аѳанасій началъ съ подавляющей силой убѣжденія:—Не для словопреній явился я сюда; нашу распрю рѣшатъ не слова, а сама исторія. Мнѣ не страшна твоя искусная діалектика: я знаю ея ухищренія и презираю ихъ. Спрашиваю только: кто заставилъ тебя отпасть отъ истинной вѣры, когда ты былъ еще мальчикомъ? Священникъ, который, преступивъ клятву, цѣлые десятки лѣтъ выдавалъ себя за ревностнаго христіанина, стараясь въ то же время втайнѣ вредить церкви, гдѣ только могъ, и самымъ ядовитымъ образомъ. Нравственно ли это? Не было ли его поведеніе такимъ же возмутительнымъ лице-

Digitized by Google

мѣріемъ, какъ и поступки нѣкоторыхъ изъ нашихъ монаховъ, которые, какъ говорятъ, разоблачилъ онъ передъ тобою? Не сравнялся ли этотъ отступникъ въ своей душевной низости съ корыстолюбивымъ и властолюбивымъ папой, также отпавшимъ впослѣдствіи отъ истинной вѣры? Разумѣется, между нашими священниками есть и великіе грѣшники, но что церковь продолжаетъ твердо стоять, не смотря на испорченность нѣкоторыхъ своихъ членовъ, это именно и доказываетъ ея божественное основаніе и чудесное храненіе среди всѣхъ соблазновъ. Не разумъ твой, однако, хочу я убѣдить въ томъ, что̀ превыше всякаго разума. Нѣтъ, о, Юліанъ, не къ уму твоему, а къ совѣсти обращаюсь я.

— Мое предчувствіе оправдывается, — внезапно съ глубокой серьезностью сказалъ самъ себѣ Серапіонъ.—Ну, теперь, Юліанъ, держись крѣпче!

— Твоя совѣсть—мой защитникъ и ходатай, котораго я встрѣчаю здѣсь,—продолжалъ между тѣмъ Аѳанасій,—но вскорѣ я поставлю у тебя передъ глазами и другаго, привезеннаго мною. Твою совѣсть хочу я пробудить, а не опровергать твои доводы,—твою безсмертную душу хочу я спасти. Ради этого пустился я, удрученный годами старецъ, въ такой далекій путь, не боясь преслѣдованій моихъ исконныхъ враговъ—еретиковъ—и новыхъ—твоихъ льстецовъ. Я пришелъ спросить тебя: по какому праву ты,—именно ты, провинившійся такъ тяжко еще прежде, чѣмъ сталъ преслѣдовать Христа,—дерзаешь производить такое опустошеніе въ государствѣ римлянъ — распространяешь одну вѣру и гонишь другую? Какъ смѣешь ты распоряжаться такимъ образомъ, цезарь Юліанъ?

— «Императоръ августъ» называюсь я, какимъ и есть на самомъ дѣлѣ, дерзновенный!—воскликнулъ Юліанъ. Его лицо побагровѣло, а потомъ сдѣлалось смертельно блѣднымъ.

— Ты называешься такъ, но ты не императоръ: ты—отверженный Богомъ грѣшникъ, простершій клятвопреступную руку,—смотри, какъ ты блѣднѣешь при одномъ словѣ: «клятвопреступленіе!»—простершій руку къ діадемѣ твоего государя—дурнаго государя, но все же твоего владыки по божескому и человѣческому закону! Ты — измѣнникъ, человѣкъ, забывшій долгъ и честь, допустившій короновать себя панцырной цѣпью тамъ, въ Парижѣ, гдѣ тебя, измѣнившаго своему знамени и

Digitized by Google

присягѣ солдата, провозгласила императоромъ ничтожная горсть сумасбродныхъ варваровъ, У тебя и твоихъ сторонниковъ слетѣли бы головы съ плечъ, еслибъ все вышло по закону! Ты не императоръ и не можешь никогда имъ быть, разъ Констанцій умеръ, не назначивъ тебя своимъ наслѣднкомъ, и въ день страшнаго суда, Судія вселенной скажетъ тебѣ:—«Клятвопреступный цезарь Юліанъ, уже ради одной твоей чудовищной измѣны, иди въ геенну огненную!»

Во время этой грозной рѣчи, съ Юліаномъ происходили сильныя перемѣны: первоначальныя вспышки гнѣва онъ успѣлъ обуздать, но слово: «клятвопреступленіе» пронизало его до мозга костей, какъ раскаленная стрѣла. Императоръ вскочилъ съ трона съ намѣреніемъ перебить безстрашнаго митрополита, но, видя, что Серапіонъ старается унять опаснаго оратора, августъ кивнулъ ему, подавая знакъ, что хочетъ выслушать врага до конца. Высказавшись вполнѣ, Аѳанасій замолчалъ и впился блестящими, какъ брилліантъ, глазами въ глаза своего противника. Тотъ смутился, какъ при первомъ взглядѣ на святителя, и опустилъ длинныя темныя рѣсницы, — конечно, на одно мгновеніе. Однако холодный потъ выступилъ у него на лбу, когда онъ началъ хриплымъ, глухимъ голосомъ, съ трудомъ выговаривая слова:

— Другой (также и галилеянинъ!) сталъ бы, можетъ быть, оправдываться на моемъ мѣстѣ тѣмъ, что уступилъ необходимости, попавъ въ безвыходное положеніе, когда ему оставалось бы только умереть или нарушить клятву. Нужда не знаетъ запрещеній; однако въ моихъ устахъ такое оправданіе было бы...

— Ложью.

Юліанъ подскочилъ на тронѣ; другіе также удивились.

— Что... что это значитъ?

— А то, что ты дѣйствовалъ не подъ страхомъ смерти. Напротивъ, ты сказалъ «нѣтъ» въ третій разъ, когда оружіе дважды грозило уже твоей жизни.

— Какъ! — вскрикнулъ внѣ себя Юліанъ, невольно хватаясь рукою за опояску, на которой однако сегодня не было меча.—Ты знаешь это, священникъ? Тебѣ извѣстно, что я запечатлѣлъ свою вѣрность, жертвуя жизнью? Что я въ продолженіе получаса смотрѣлъ въ глаза смерти, повторяя «нѣтъ», и уступилъ настоянію воиновъ только тогда, когда вся опас-

Digitized by Google

ность миновала? Ты знаешь, что не страхъ смерти руководилъ моимъ рѣшеніемъ и все таки осмѣливаешься осуждать меня?

— Именно потому! Еслибъ ты уступилъ изъ страха смерти, это былъ бы простительный грѣхъ, вѣдь ты не христіанинъ. Тысячи христіанъ подъ щипцами палачей не выдерживали изъ страха смерти: слабая плоть уступала; не всѣ могутъ достаточно укрѣпиться для мученическаго подвига, и Господь Богъ не накажетъ строго такихъ малодушныхъ, какъ и я извинилъ бы тебя, еслибъ ты согрѣшилъ подъ страхомъ смерти, а потомъ искупилъ свою вину раскаяніемъ и исправился.

Теперь Юліанъ былъ увѣренъ, что одержалъ побѣду въ этомъ словесномъ поединкѣ, который стоилъ ему гораздо больше усилій, чѣмъ всякій другой до сихъ поръ. Онъ твердо выпрямился и, гордо взглянувъ на старца у подножія своего трона, воскликнулъ съ возвратившейся къ нему силой убѣжденія:

— Послушайте, друзья, послушайте всѣ римляне, какія вещи открываются передъ нами. Вотъ гдѣ высокая нравственность галилеянина! Итакъ, изъ трусости, изъ подлаго страха передъ смертью позволительно нарушить клятву, потому что это свойственно слабой природѣ человѣка, зараженной первороднымъ грѣхомъ? Это онъ понялъ бы и простилъ! Но что римлянинъ, полководецъ и, смѣю сказать, герой, не убоявшись смерти, рѣшается нарушить клятву по другимъ причинамъ, этого галилеянинъ не можетъ ни уразумѣть, ни простить. Да оно и понятно само собою. Вѣдь онъ не римлянинъ, а именно галилеянинъ. Итакъ, узнайте, если вы до сихъ поръ еще не знали: у римлянъ есть отечество и есть государство! И это— ихъ драгоцѣннѣйшее достояніе на землѣ, величайшее благо. Чтобы спасти римское государство,—которое совершенно погибало, по крайней мѣрѣ, на западѣ: вся Галлія снова отошла бы къ варварамъ, еслибъ я уступилъ Констанцію свои легіоны,— итакъ, чтобы спасти римское государство, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить старыхъ боговъ, я принесъ величайшую для мужчины жертву—поступился своей честью, нарушилъ клятву и сдѣлался императоромъ.

Юліанъ умолкъ въ изнеможеніи.

— И такой жалкой увертkой ты могъ успокоить свою совѣсть? Твои боги! Да развѣ они зависѣли отъ тебя, отъ

Digitized by Google

твоего клятвопреступленія? Неужели они нуждались въ твоей помощи, а не ты въ ихъ поддержкѣ? Развѣ они такъ слабы? Вѣдь ты самъ этому не вѣришь! Твой хваленый «долгъ» передъ богами былъ не болѣе, какъ жалкимъ самообольщеніемъ. А твоя измѣна? Развѣ она послужила имъ на пользу? Ни единой души не обратилъ ты въ измышленную тобою вѣру! И все, что было искусственно создано тобою въ эти годы, безслѣдно исчезнетъ въ короткое время, какъ исчезнешь ты самъ. Не хвалюсь я, недостойный, духомъ прорицанія, но скажу тебѣ, блѣдный человѣкъ въ пурпурѣ:—Истинно, истинно ты пройдешь и разсѣешься, какъ облако.

— Облако мечетъ порою громы и молніи. Берегись, епископъ!

— Ты разобьешься, со всѣми своими ничтожными дѣяніями, о твердую скалу церкви. «Врата адовы не одолѣютъ ея», сказалъ Господь, а не только глумящійся риторъ со своимъ мнимымъ остроуміемъ. Но государство—говоришь ты—призывало тебя. Я спрашиваю твою совѣсть: какъ, неужели таковы твои понятія о нравственности? Неужели для тебя цѣль освящаетъ средства и благо отечества оправдываетъ измѣну? Истинно, не только церковь, но и набожные язычники—такіе существуютъ, и я ихъ глубоко уважаю—съ отвращеніемъ отвертываются отъ подобнаго преступнаго ученія. Но ты, ты вовсе даже не набожный язычникъ. У тебя все сводится къ одному: что геній, т. е. Юліанъ, стоитъ выше законовъ нравственности, обязательныхъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Видишь, какъ ты содрогнулся!

— Меня задѣло слово: «клятвопреступленіе».

— Потому что оно справедливо; возвышать себя такимъ образомъ есть верхъ грѣховнаго себялюбія. Всякаго другаго ты осудилъ бы за нарушеніе вѣрности и самъ былъ намѣренъ честно соблюсти ее, не щадя жизни, пока тебѣ внезапно не пришло въ голову: «Э, что за бѣда! Вѣдь я—Юліанъ, умный, несравненный любимецъ боговъ, а не какой нибудь Магненцій или Сильванъ, которыхъ я осуждалъ, или мой родной братъ, поведенія котораго я также не одобрилъ. Самъ я могу дѣлать, что непозволительно никому иному». Между тѣмъ набожный язычникъ сказалъ бы: «Пусть государство спасаютъ боги; они могутъ сдѣлать это, если захотятъ; я же спасу свою вѣрность,

Digitized by Google

свою совѣсть: жизнь свою я готовъ отдать за государство, но не честь». Ты же прежде всего видѣлъ предъ собою вотъ этого человѣчка, этого Юліана въ діадемѣ и пурпурной мантіи; ты видѣлъ только свой образъ на самомъ днѣ своей души. Вотъ что было твоею первою мыслью.

Юліанъ вздрогнулъ; онъ пошатнулся и схватился за ручку трона.

— Простой долгъ мужчины недостаточно связывалъ тебя: для Юліана могло имѣть значеніе только что нибудь особенное. Въ тотъ роковой часъ смертельной опасности, ты какъ будто заглянулъ въ длинный, темный и узкій коридоръ, и вдругъ въ концѣ темнаго пространства передъ тобою внезапно явилось лучезарное видѣніе—твоя собственная фигура въ пурпурѣ,—и ты забылъ все и торопливо схватился за этотъ пурпуръ. Ты нарушилъ свою клятву,—безпощадно продолжалъ страшный обличитель, подходя ближе къ императору,—не изъ простительнаго въ человѣкѣ страха передъ смертью, но также и не изъ любви къ государству и своимъ богамъ, какъ ты старался себя увѣрить, а потому только, что тебѣ, великолѣпному Юліану, предстояло спасти ихъ. Еслибы въ то время взбунтовался противъ Констанція кто нибудь другой, ты сдержалъ бы свою клятву и сталъ бы воевать съ бунтовщикомъ. Но ты самъ—иное дѣло! Ты считаешь себя призваннымъ ко всему высочайшему и готовъ слѣдовать этому зову—трубному гласу славолюбія!—даже если онъ искушаетъ тебя совершить преступленіе. Ты нарушилъ вѣрность, измѣнилъ чести, клятвѣ, присягѣ,—о, Юліанъ!—не ради Рима и боговъ, а изъ-за того, что составляетъ главную суть твоего характера—изъ-за ненасытнаго тщеславія.

У императора невольно вырвался легкій стонъ. Онъ тщетно старался ободриться и все больше падалъ духомъ; его голова низко поникла на грудь, причемъ золотая діадема свалилась съ чела Юліана и, трижды ударившись о ступени трона, со звономъ упала на мраморный полъ. Іовіанъ поспѣшно поднялъ ее и подалъ августу, но тотъ отстранилъ рукою императорскій вѣнецъ.—Оставь его у себя, Іовіанъ!—прошепталъ онъ тихонько.—Это—предзнаменованіе.

— Опомнись, императоръ! — вполголоса произнесъ Серапіонъ, тронувъ Юліана за плечо,—ободрись и уличи священника во лжи.

Digitized by Google

— Не могу, другъ. Ахъ, онъ говоритъ правду! Дѣйствительно—согласно моему сновидѣнію—я прежде всего видѣлъ тогда передъ собою самого себя, свою собственную голову, увѣнчанную діадемой. Да, именно это... заставило меня рѣшиться.

Глухой ропотъ прошелъ по рядамъ присутствующихъ:

— Взгляните, онъ колеблется! Онъ молчитъ; ему нечего сказать; онъ сознаётъ свою вину.

Эти слова дошли до Іовіана и Серапіона, заставивъ ихъ обоихъ вмѣшаться въ происходившее.

— Вы ошибаетесь, римляне!—вступился за августа королевичъ.—Развѣ вы не видите, что императоръ внезапно почувствовалъ себя дурно.

— И не удивительно,—продолжалъ Іовіанъ,—если справедливый гнѣвъ взволновалъ его такъ сильно.

— Какъ можешь ты знать и какъ можешь опредѣлить, священникъ-сердцевѣдецъ, — заговорилъ опять Серапіонъ,—насколько повліяли на рѣшеніе императора забота о государствѣ и безпокойство о собственной славѣ, но не о жизни, въ ту роковую минуту? Вѣдь онъ не каялся тебѣ на исповѣди! Конечно, тутъ игралo роль не одно соображеніе, что, въ случаѣ уступки несправедливымъ требованіямъ Констанція, Галлія и вся западная часть имперіи будутъ потеряны для Рима. А это было именно такъ; ты, священникъ, и вы, римскіе мужи, можете повѣрить слову франка. Галлія досталась бы моему народу, еслибъ Юліанъ уступилъ. Но, кромѣ того, здѣсь у августа заговорило также самосознаніе: «я единственный человѣкъ, который можетъ все спасти». И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ и на этотъ разъ не явился спасителемъ отечества? Послѣдствія доказали, что Юліанъ былъ правъ.

— Разумѣется,—съ жаромъ прибавилъ Іовіанъ,—его вина,—если тутъ была какая нибудь вина,—объясняется лишь благороднымъ честолюбіемъ героя, и онъ вполнѣ загладилъ ее. Самъ Богъ судилъ такъ, иначе изъ этого не вышло бы никакого проку. Господь не вмѣнилъ ему въ преступленіе того, что случилось.

— Ты думаешь?—съ угрозой спросилъ Аѳанасій.—Нѣтъ, юный воинъ! Богъ рѣшилъ иначе; Богъ воспротивился клятвопреступнику. Вѣдь онъ поставилъ Бога въ свидѣтели своей

Digitized by Google

клятвы, поручился его великимъ и страшнымъ именемъ. И Господь принялъ это поручительство, но отсрочилъ пока наказаніе ему, главному виновнику,—на короткое, очень короткое время! Развѣ забылъ ты, злополучный сынъ, когда протянулъ руку за кровавымъ пурпуромъ, въ какой формѣ была принесена твоя присяга? Тщеславіе до того увлекло и ослѣпило тебя, что ты позабылъ обо всемъ остальномъ, даже о родной матери!

Юліанъ встрепенулся, на минуту поднявъ обѣ руки.

— Ты поклялся глазами своей матери, такъ что, при нарушеніи тобою клятвы, она должна была ослѣпнуть. И она, дѣйствительно, ослѣпла. Вотъ этого обличителя я и привезъ съ собою, какъ своего защитника.

При послѣднихъ словахъ митрополита, зашуршала занавѣсь на дверяхъ боковой комнаты и въ тронную залу вошла, опираясь на длинный черный посохъ, высокая, все еще прекрасная престарѣлая матрона въ сѣрой одеждѣ кающейся. Монахъ низенькаго роста служилъ ей проводникомъ.

— Матушка, матушка!—крикнулъ внѣ себя Юліанъ, поспѣшно сбѣжалъ со ступеней трона и бросился къ ней, простирая руки.

— Назадъ! Прочь отъ меня! Не прикасайся ко мнѣ, Юліанъ—отступникъ! Ты мнѣ больше не сынъ, отверженный Богомъ! За твое клятвопреступленіе Господь поразилъ мои глаза. И какую страшную вину навлекъ ты еще на свою голову, облекшись въ свой преступный пурпуръ! Ты отступилъ отъ Христа, твоего Господа, отступилъ отъ Бога и святыхъ его на небесахъ, нарушилъ клятву и долгъ вѣрности на землѣ, отрекся отъ святаго союза крещенія, отрекся отъ матери, сестры, сталъ преслѣдовать праведныхъ, потворствовать всякой языческой мерзости. И потому, Юліанъ—апостатъ [1]), прими отъ твоей ослѣпшей матери ея про...

— Остановись, женщина!—повелительнымъ тономъ воскликнулъ Аѳанасій, схвативъ и опуская къ низу поднятую съ гнѣвной угрозой руку матроны.—Не надо этого. Не проклинать его привелъ я тебя сюда. Съ великою горестью была принуждена отторгнуть отъ себя Юліана его духовная мать—святая церковь. Но тебѣ, женщинѣ, которая произвела на свѣтъ этого грѣшника, не подобаетъ проклинать его; ты должна его спасти,

[1]) Отступникъ.

Digitized by Google

вернуть изъ преддверія ада его бѣдную душу. Вотъ зачѣмъ привелъ я тебя сюда—изъ сожалѣнія къ его безсмертной душѣ, а не съ тѣмъ, чтобъ разыграть здѣсь потрясающую сцену. Испробуй, что можешь сдѣлать ты, престарѣлая, достойная жалости женщина, со своимъ сыномъ.

Тѣмъ временемъ, двое преданныхъ друзей отвели Юліана обратно на тронъ.

— Моя мать!—простоналъ онъ.—Ослѣпла! ослѣплена... но не Константіемъ. Потухли ея дивныя очи. Взгляните, какъ они потускнѣли, точно оловянныя. Какъ неподвижно устремлены они въ пространство! Меня, ахъ, меня ищутъ эти глаза!

— Хорошо!—заговорила несчастная. — Пусть будетъ по твоему. Я попытаюсь... ради него! Подведи меня ближе къ нему, Іоаннъ. Гдѣ... гдѣ возсѣдаетъ онъ на своемъ неправедно присвоенномъ тронѣ? Мой дорогой сынокъ, помнишь ли ты еще свои первые годы, годы дѣтства до ужасной ночи убійства? Ты былъ моимъ любимцемъ изо всѣхъ троихъ дѣтей и, бывало, не могъ уснуть по вечерамъ, покуда я не благословлю тебя. А на прощанье ты всегда цѣловалъ меня въ оба глаза. О, Юліанъ, повѣрь мнѣ: съ этого дня ты не найдешь спокойнаго сна, пока мать не благословитъ тебя снова. О, насколько отраднѣе было бы ей благословить, чѣмъ проклясть свое дѣтище! Сынъ мой, сынъ мой, спаси свою душу! Теперь еще не поздно. Этотъ святой человѣкъ говоритъ, что милосердіе божіе неистощимо, что Господь можетъ помиловать даже и тебя, великаго грѣшника, что тебѣ еще есть время покаяться. Я не требую, чтобы ты снялъ съ себя этотъ пурпуръ, который, повидимому, такъ дорогъ Юліану,—дороже, чѣмъ свѣтъ очей родной матери. Оставь его у себя, если только, занимая императорскій тронъ, ты можешь исправить то, что сдѣлалъ, присвоивъ себѣ верховную власть. Повтори лишь здѣсь за мною: «Господи Боже мой, сущій на небесахъ, прости мое великое прегрѣшеніе ради Іисуса Христа, единороднаго Сына твоего, принявшаго за меня крестную смерть».

— Матушка... матушка... все, что ты желаешь... только не требуй невозможнаго. Я не могу вѣровать въ христіанскаго бога.

— А, ты не можешь? Вотъ какъ!—воскликнула Ирена, впадая въ прежній гнѣвъ.—Ты все еще не можешь? Развѣ Го-

Digitized by Google

сподь не показалъ тебѣ своей чудодѣйственной силы надъ глазами твоей матери? Не отъ безпрерывныхъ слезъ угасли они, какъ предостерегалъ Филиппъ. Конечно, только твой грѣхъ, твое духовное растлѣніе оплакивала я дни и ночи все это время, и потому ты во всякомъ случаѣ могъ быть причиною моей слѣпоты. Но нѣтъ! Господь Богъ лишилъ меня зрѣнія за твою измѣну священной клятвѣ. Ты поклялся свѣтомъ моихъ глазъ и онъ померкъ, едва ты нарушилъ принесенную тобой присягу. Ну, что же, ты все еще не хочешь повѣрить?

— Я не могу, матушка!

— И послѣ такого явнаго чуда? О, значитъ, справедлива та страшная ужасающая молва, которая передается шопотомъ въ средѣ вѣрующихъ, но настолько ясно, что она достигла даже до меня, твоей злополучной матери!

Слѣпая внезапно вырвалась изъ рукъ Іоанна и сдѣлала шага два по тому направленію, откуда раздавался голосъ ея сына. Она остановилась у самаго трона и съ угрозой подняла свой черный посохъ. Ея черты страшно исказились, губы судорожно подергивались, такъ что у всѣхъ присутствующихъ морозъ пробѣжалъ по кожѣ. «Устами ея говоритъ Богъ»!— шептали многіе изъ нихъ.

— Что такое, матушка? Про какіе толки ты говоришь?

— Это не толки. О, теперь я чувствую, что это истинная правда, и отъ ужаса во мнѣ содрогается и переворачивается вся утроба, носившая тебя! О, я несчастная! Выслушай меня, благочестивый Аѳанасій, и всѣ вы, храбрые и мудрые мужи римскаго государства. Эта утроба несомнѣнно родила Юліана, но отцомъ его не былъ мой благородный супругъ Юлій.

Крикъ ужаса грянулъ въ залѣ. Юліанъ вскочилъ:—Матушка, матушка, не позорь саму себя!

Но та продолжала:—Нѣтъ, въ образѣ моего супруга... меня обнялъ... во мракѣ ночи... Сатана, царь преисподней, и отъ него зачала я этого демона. Не служи ему, римскій народъ: въ лицѣ его ты служишь аду!

Тутъ два пронзительныхъ дикихъ вопля огласили собраніе. Мать разразилась изступленнымъ хохотомъ, колотясь объ полъ руками и ногами. Пѣна выступила у нея на губахъ. Аѳанасій бросился къ несчастной:—Она одержима демонами. Врачи называютъ это бѣшенымъ умопомѣшательствомъ. Унесите ее прочь.

Digitized by Google

Въ то же время, Юліанъ вскочилъ съ мѣста, издавая страшные крики. Онъ закинулъ голову, сжалъ кулаки, упалъ у подножія трона и въ корчахъ покатился внизъ по ступенямъ съ исказившимся лицомъ. Друзья и придворные окружили его, врачъ Орибазій наклонился надъ нимъ:—Это припадокъ,—сказалъ онъ,—императоръ подверженъ такимъ приступамъ конвульсій; надо отнести его въ постель.

Между тѣмъ, обширная мраморная зала и широкая площадка передъ дворцомъ быстро опустѣли. Пораженные ужасомъ, свидѣтели этой потрясающей сцены бросились прочь оттуда съ крикомъ, плачемъ, ломая руки и громко толкуя между собою о происшедшемъ на ихъ глазахъ между матерью и сыномъ. Этотъ день значительно ослабилъ привязанность народа къ Юліану, да и самъ онъ въ глубинѣ души никогда уже не могъ вполнѣ оправиться отъ такого пораженія.

XXI.

Тяжелъ былъ ударъ или, точнѣе говоря, цѣлый рядъ ударовъ, послѣдовательно обрушившихся въ Цирцезіумѣ на «возстановителя боговъ».

Его ясный умъ временно омрачился подъ гнетомъ судьбы. Отчужденіе, проклятіе, жестокая участь близкихъ людей и строгій судъ сердцевѣдца-святителя тяготѣли надъ нимъ, глубоко подрывая былую вѣру Юліана въ свою счастливую звѣзду и особое покровительство боговъ. Однако юношеская сила тридцатидвухлѣтняго императора еще разъ восторжествовала надъ обстоятельствами. Среди мирнаго досуга въ Византіи, пожалуй, онъ не справился бы со своимъ горемъ о понесенныхъ утратахъ, съ невыносимой тревогой совѣсти и грызущими сомнѣніями; но здѣсь первое, что̀ вывело потрясеннаго Юліана изъ его апатіи, были звуки военной трубы, когда мимо его дворца проходилъ отрядъ конницы.

— Военный сигналъ!—воскликнулъ онъ, вскакивая съ ложа.—Труба зоветъ меня, какъ тогда въ Парижѣ. Войско требуетъ своего полководца. Я не могу не откликнуться на его призывъ!

И такимъ образомъ самое могущественное и въ то же время самое благородное побужденіе, одушевлявшее императора, взяло

Digitized by Google

въ немъ верхъ надо всѣмъ остальнымъ. Горячій патріотизмъ, восторженная любовь къ славѣ Рима, энтузіазмъ передъ геройствомъ римлянъ еще разъ воскресили упавшій духъ въ этомъ человѣкѣ, ошеломленномъ жестокимъ ударомъ. Предпринятая война требовала усиленныхъ трудовъ, налагала серьезныя обязанности, мѣшая Юліану предаваться своему горю, своему гнѣву, своимъ сомнѣніямъ, или задумываться надъ перенесеннымъ униженіемъ.

Аѳанасій былъ отпущенъ имъ обратно въ Александрію, слѣдствіе по его дѣлу прекращено, а предложеніе Лизія обвинить праведнаго старца въ «оскорбленіи величества» съ негодованіемъ отвергнуто августомъ. Разумѣется, отказъ священника признать Юліана императоромъ оправдалъ бы смертный приговоръ этому безстрашному обличителю, но вмѣсто того митрополитъ Египта получилъ отъ повелителя милостивое разрѣшеніе взять съ собою, согласно его желанію, больную мать Юліана, чтобы помѣстить ее въ лѣчебницу, основанную имъ въ Александріи. Несчастная женщина не узнавала никого, кромѣ Аѳанасія, и только подъ его вліяніемъ для нея оставалась нѣкоторая надежда на исцѣленіе. Юліана была помѣщена, по приказу разгнѣваннаго брата, въ одно изъ основанныхъ или возобновленныхъ имъ воспитательныхъ заведеній для жрицъ, при храмѣ Весты въ предмѣстьѣ Цирцезіума, гдѣ служеніе богинѣ, подъ руководствомъ почтенной матроны Калликсены, уже давно пользовалось громкою славою. Юліанъ назначилъ для сестры годовой искусъ. Еслибы и по истеченіи этого срока, не смотря на благодѣтельное воздѣйствіе «эллинизма», она осталась вѣрна новой вѣрѣ Іовіана, то императоръ заранѣе рѣшилъ соединить упрямую чету узами брака по христіанскому уставу, уничтоживъ своей верховной властью произнесенный Юліаной обѣта безбрачія. Немного понадобилось времени на то, чтобы сердечная доброта повелителя восторжествовала и здѣсь надъ его гнѣвомъ, а заступничество Серапіона—надъ злобными навѣтами Лизія. Но рана, полученная имъ, была еще слишкомъ глубока и онъ отказался отъ свиданія съ сестрою, о которомъ она просила. Также и просьба Іоанна дозволить ему сопровождать больную мать августа въ Александрію была рѣзко отвергнута имъ. Онъ сильно гнѣвался на юркаго монаха, котораго считалъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ своего теперешняго несчас-

Digitized by Google

тія. Вліянію этого неугомоннаго человѣка, постоянно шмыгавшаго то туда, то сюда, поддерживая дѣятельныя сношенія между могущественнымъ главою александрійской церкви, матерью Юліана, его сестрою и Іовіаномъ, императоръ приписывалъ бо́льшую часть горькихъ разочарованій, постигшихъ его за это время. Желая положить конецъ такому непрошенному вмѣшательству въ свои личныя дѣла, августъ приказалъ заточить Іоанна на всю жизнь въ монастырь, находившійся тутъ же, въ Цирцезіумѣ.

— Теперь онъ не станетъ больше сновать по всему свѣту,— этотъ апостолъ бѣдствія!—съ гнѣвомъ прибавилъ Юліанъ, сдѣлавъ такое распоряженіе.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Путевыя впечатлѣнія) [1]).

III.

Не будетъ большаго риска утверждать, что экономическій организмъ Соединенныхъ Штатовъ нуждается въ серьезной починкѣ. У кровати опасно больнаго перебывало множество докторовъ, но всѣ они махнули рукой и къ дѣлу начали притягивать разныхъ Кузьмичей, бароновъ Вревскихъ и другихъ, не менѣе сомнительныхъ благодѣтелей человѣчества. Необычайный экспериментъ проникъ во всѣ области жизни, больнаго скоро протянутъ сквозь хомутъ, а ему все не лучше: въ странѣ насчитываютъ нѣсколько милліоновъ безработныхъ рабочихъ, всѣ фермеры поголовно разорены и самый энергичный работникъ остается безъ куска хлѣба. Послѣдній цензъ обнаружилъ, что половина всего національнаго богатства находится во власти у 30,000 человѣкъ, которые такимъ образомъ держатъ въ своихъ рукахъ судьбу 65-милліоннаго народа.

Подобныхъ экспропріацій частной собственности не запомнитъ исторія; получается нѣчто въ родѣ военныхъ захватовъ давно прошедшихъ эпохъ. Три четверти всѣхъ капиталовъ и видовъ собственности сосредоточены въ рукахъ небольшой кучки монополистовъ, едва составляющихъ девять процентовъ всего населенія, и въ этой кучкѣ насчитываютъ 4,000 женщинъ, которыя обладаютъ одной пятой частью собственности всего американскаго народа. Другими словами, эта группа лицъ прекраснаго пола владѣетъ такимъ же капиталомъ, какъ и 91 процентъ всей націи! Дальше этого, конечно, не можетъ идти экономическій «прогрессъ», и подобный удивительный дренажъ, вытянувшій всѣ соки изъ общества въ пользу нѣсколькихъ лицъ, представляетъ явленіе, повторяемъ, небывалое въ исторіи. Въ старомъ свѣтѣ, пожалуй, лишь одна маленькая Швейцарія можетъ конкуррировать съ большой американской республикой. Здѣсь также пауперизмъ производитъ громадныя опустошенія

[1]) См. «Наблюдатель» 1894 г. №№ 2 и 4.

Digitized by Google

и на три милліона «равноправныхъ» швейцарскихъ гражданъ 200,000 человѣкъ содержится насчетъ коммунальной и частной благотворительности, а въ какомъ нибудь Базелѣ одинъ изъ семи обывателей города живетъ подаяніемъ. Но зато въ томъ же самомъ городѣ, имѣющемъ едва 75 тысячъ жителей, насчитывается 118 милліонеровъ, т. е. 1 на 665 обитателей. Это даже почище, чѣмъ въ Америкѣ, гдѣ Бруклинъ съ Нью-Іоркомъ (2.600,000 жителей) имѣютъ всего одного милліонера на каждую тысячу жителей! Американцы утѣшаются тѣмъ, что страна ихъ настолько велика и обильна, что она переработаетъ и пересоздастъ этотъ экономическій парадоксъ, но для маленькой Швейцаріи нѣтъ и этого утѣшенія. До чего, дѣйствительно, необъятны продукты національнаго труда въ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, видно, между прочимъ, изъ разсмотрѣнія ея внутренней торговли. Внутренняя торговля штатовъ въ 20 разъ превосходитъ операціи внѣшняго рынка и внутри страны комерція совершаетъ оборотъ на чудовищную сумму въ 50 милліардовъ металлическихъ рублей. Въ постороннемъ участіи внутренній рынокъ почти не нуждается и штаты производятъ сами все нужное не только изъ числа предметовъ первой необходимости (пища, платье) но и предметовъ роскоши. Высокій таможенный тарифъ оказывалъ самую радикальную протекцію всѣмъ національнымъ продуктамъ.

Какъ извѣстно, нашъ современный таможенный тарифъ еще выше сѣверо-американскаго, по крайней мѣрѣ, для такихъ предметовъ, какъ табакъ, выдѣланная кожа, чугунъ, жесть, мѣдь, олово, масло деревянное, краски и красильныя вещества, ртуть, каменный уголь, большинство издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ и пр. Нашъ тарифъ уступаетъ протекціи американскаго развѣ лишь для шерсти, нѣкоторыхъ химическихъ продуктовъ и нѣкоторыхъ полуфабрикатовъ. Партизаны свободной торговли увѣряютъ, что американскій рабочій, американская бѣднота задавлена тяжестью этой протекціи, которая подняла всѣ цѣны внутри страны и не дозволяетъ работнику даже при повышенной нормѣ заработной платы покупать все то, что онъ при меньшемъ тарифѣ покупалъ на меньшую сумму денегъ. Однако это, повидимому, несовсѣмъ такъ, и если къ числу предметовъ первой необходимости относить мясо, чай, хлѣбъ, кофе, то эти предметы въ штатахъ почти и не были обложены, а тарифъ на сахаръ давно значительно пониженъ.

За послѣднее столѣтіе, вывозъ продуктовъ всякаго рода увеличился въ Соединенныхъ Штатахъ въ 80 разъ (у насъ не болѣе какъ въ 10—12 разъ) тогда какъ населеніе возросло лишь въ шестнадцать. Однако вывозъ многихъ странъ, если исчислять его на одного

Digitized by Google

жителя, гораздо выше вывоза изъ С. Американскихъ Штатовъ. Такъ, маленькая Бельгія вывозитъ товаровъ на 200 мет. руб. на каждаго жителя, Англія на 125 руб., Франція на 60, Соединенные Штаты на 40, Россія не болѣе какъ на 5—6 рублей. Главными покупателями штатовъ являются: Англія, затѣмъ Франція и Германія. Почти весь избытокъ американскаго зерна, муки и хлопка идетъ въ Англію, которая даетъ взамѣнъ свои мануфактурные товары. Мексика, Канада, Куба, Бразилія ведутъ также обмѣнъ со штатами, хотя все же южная Америка, по странному капризу идей, охотнѣе сбываетъ свой кофе въ Европу, чѣмъ въ сѣверную Америку. Сношенія штатовъ съ Китаемъ и Японіей ничтожны, и изгнаніе сыновъ небесной имперіи изъ сѣверной Америки, конечно, не содѣйствуетъ упроченію дружескихъ отношеній между Китаемъ и штатами.

Всей воздѣланной земли въ Америкѣ считается 1.400,000 кв. километровъ, изъ которыхъ почти одна треть занята подъ маисъ, который такимъ образомъ составляетъ главный видъ американскаго хлѣба, но въ міровую торговлю идетъ не маисъ, а пшеница. Маисъ—любимая пища американцевъ и маисовую лепешку можно найти и на столѣ послѣдняго бѣдняка-негра, и въ столовой какого нибудь Вандербильта. Маисомъ откармливаютъ также свиней, рогатый скотъ и лошадей; изъ него гонятъ водку и добываютъ мальтозу. Прежнія поэтическія прэріи Америки нынѣ превратились въ прозаическія поля маиса. Въ 1889 году общій урожай маиса доставилъ 2 милліарда бушелей (съ 78 мил. акровъ) причемъ на акрѣ родилось среднимъ числомъ 27 бушелей (около 15—17 четвертей съ десятины). Такъ какъ урожай пшеницы скорѣе является результатомъ дѣйствія климата, погоды, а урожай маиса опредѣляется исключительно и прежде всего обработкою, то отсюда понятно, почему американцы отдаютъ замѣтное предпочтеніе культурѣ маиса передъ культурою пшеницы. Министерство земледѣлія въ Буда-Пештѣ опубликовало недавно слѣдующую статистику производства пшеницы въ различныхъ странахъ: Россія даетъ 195 милл. гектолитровъ, Соединенные Штаты почти столько же (191 мил.) и восточная Индія—96 милліоновъ.

Огромныя услуги внутренней торговлѣ Америки оказываютъ водяные пути сообщенія. Великія озера Америки отличаются поразительно оживленнымъ торговымъ движеніемъ и въ 1892 году здѣсь работало 2,025 судовъ (изъ нихъ 1,153 парохода) съ общею вмѣстимостью до милліона тоннъ. Въ теченіе 234 дней навигаціи указаннаго года, по озерамъ, въ одни только американскіе порты было передвинуто 27 милл. тоннъ разнаго товара. Внутри страны водой перевозятся главнымъ образомъ уголь, руда разнаго рода, лѣсъ и

Digitized by Google

земледѣльческіе продукты. Мануфактурныя издѣлія, какъ предметы меньшаго объема и бо̀льшей цѣнности, идутъ главнымъ образомъ по желѣзнодорожнымъ путямъ. На пяти великихъ озерахъ сѣверной Америки расположено больше ста (105) портовыхъ городовъ, изъ коихъ Чикаго въ дѣлѣ ввоза и вывоза играетъ первую роль; за нимъ идутъ Буфало, Дулутъ и др.

Естественныя условія Россіи всего ближе подходятъ къ американскимъ; у насъ зима хотя и длиннѣе, но не такъ сурова. Характеръ грузовъ на нашихъ водныхъ путяхъ вполнѣ аналогиченъ съ американскимъ, но зато какая разница въ портовыхъ приспособленіяхъ, гидротехническихъ сооруженіяхъ, пріемахъ перегрузки и проч.

Рѣчное судоходство въ штатахъ развито еще сильнѣе, чѣмъ озерный каботажъ, но здѣсь уже спеціально везутъ хлѣбъ всякаго сорта. По Огіо—одному изъ главнѣйшихъ притоковъ Миссисипи—везутъ исключительно уголь и соль; пассажирскаго движенія почти не существуетъ; то же явленіе наблюдается и на Миссисипи. Желѣзныя дороги отбираютъ отъ рѣкъ пассажировъ, но при всемъ желаніи не могутъ еще отобрать перевозки дешевыхъ товаровъ. Война ведется тѣмъ болѣе серьезная, что желѣзнодорожныя компаніи представляютъ громадную силу, пользующуюся не только правительственной субсидіей, но располагающей 90.000,000 гектаровъ самой дорогой земли. Земля эта уступлена правительствомъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, которыя такимъ образомъ получили въ руки власть надъ огромной территоріей, жизненная артерія которой въ образѣ рельсоваго пути находится въ ихъ исключительной зависимости.

Желѣзнодорожныя компанія—полные хозяева американской торговли; сенатъ и конгрессъ исполняютъ ихъ приказанія, и скандалъ, подобный панамскому во Франціи, не вызвалъ бы здѣсь такой бури.

Однако до сихъ поръ, къ счастію, всѣ эти многочисленныя компаніи не соединились въ одинъ грозный синдикатъ, и ожесточенная борьба,—борьба не на животъ, а на смерть, которую ведутъ эти конкуррирующія между собою общества,—иногда остается не безъ пользы для пассажировъ и грузоотправителей. Мелкія компаніи банкрутятся безпрестанно и въ 1889 году подъ секвестромъ считалось въ общей сложности 26,000 километровъ желѣзнодорожнаго пути, т. е. сѣть, немногимъ уступающая всей русской сѣти. Любопытно, что дивидендъ даютъ только немногія дороги штатовъ. Въ прошломъ году, вся американская сѣть принадлежала шестистамъ различнымъ компаніямъ, изъ которыхъ большинство образовывало

Digitized by Google

синдикаты, послушные волѣ одного лица. Есть синдикаты, которые распространяютъ свое вліяніе на сѣть въ 35 т. километровъ, т. е. на сѣть бо́льшую, чѣмъ всѣ германскія правительственныя дороги, и недавно еще образовалась группа капиталистовъ, которая владѣетъ еще гораздо бо́льшимъ участкомъ дорогъ и будетъ держать въ своихъ рукахъ всю торговлю между Чикаго и берегами Великаго океана.

Американскій торговый флотъ не великъ (3,514 парусныхъ судовъ и 761 паровыхъ, съ общей вмѣстимостью въ $2^1/_4$ милліона тоннъ) и со времени замѣны паруса паромъ онъ развивается крайне туго, не смотря на то, что союзное правительство даетъ цѣлый рядъ льготъ своимъ судамъ, ведущимъ заграничную торговлю, сбавляетъ имъ таможенныя пошлины, выдаетъ преміи и пр. Весьма вѣроятно, что это явленіе отчасти объясняется вліяніемъ высокаго тарифа, который лишаетъ грузовъ американскія суда. Для перевозки американскихъ грузовъ работаютъ главнымъ образомъ англичане и отчасти голландцы, которые, какъ извѣстно, прокармливаютъ мореходной дѣятельностью чуть ли не всю свою націю. Англія въ 1889 году перевезла на своихъ судахъ полтораста милліоновъ тоннъ товара, слѣдовательно, по примѣрному разсчету, заработала больше, чѣмъ всѣ страны, которыя доставляютъ хлѣбъ на рынки Европы (Россія, Америка, Австрія, Румынія и Австралія).

Развитію американской промышленности въ огромной мѣрѣ содѣйствуетъ громадное развитіе желѣзнодорожной сѣти. Большинство новыхъ фабрикъ строится и возникаетъ вблизи отъ мѣстъ добыванія своего сырья.

Еще не далеко то время, когда Америка отсылала въ Англію свой хлопокъ и получала въ обмѣнъ готовый товаръ. Въ 1790 году, въ штатахъ возникла первая хлопчатобумажная прядильня въ мѣстности недалеко отъ города Providence; въ настоящее время штаты могутъ уже не покупать чужихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій и довольствуются своими собственными. Американскіе города Lowell и Lawrence (въ штатѣ Массачусетсъ) давно затмили славу англійскаго Манчестера, индійскаго Бомбея и польской Лодзи. Когда-то Lowell описывали чуть не райскимъ жилищемъ для прядильщиковъ и ткачей, но обстоятельства эти давно измѣнились; американцевъ вовсе не осталось на этихъ фабрикахъ, мѣсто ихъ занято ирландцами и городъ въ шутку называютъ теперь «Потеряннымъ раемъ». На прядильняхъ въ Массачусетсѣ, въ 1885 году, было занято 22,000 мужчинъ, 31,000 женщинъ и $7^1/_2$ тысячъ дѣтей.

Мануфактуры сѣверной Америки производятъ уже нынѣ почти

Digitized by Google

треть того количества товара, которое вырабатываетъ вся Великобританія, и по числу своихъ веретенъ обогнали всѣ остальныя государства Европы.

По статистикѣ Гойфа, однихъ только тонкопрядильныхъ веретенъ для хлопка въ 1883 году считалось:

Въ Великобританіи	40.100,000.
» Сѣверной Америкѣ. . . .	11.875,000.
Во Франціи	5.000,000.
Въ Германіи	4.815,000.
» Швейцаріи	1.850,000.
(1% населенія занятъ на бумагопрядильняхъ).	
Въ Австріи	1.765,000.
Итого . . .	73.220,000.

По цензу 1890 года, въ Америкѣ уже было 15.500,000 веретенъ, а *Шерцеръ* считаетъ, что въ 1885 г. и въ Россіи уже было 4.400,000 веретенъ (въ Англіи 42.000,000). Южныя области Америки также конкуррируютъ съ сѣверомъ и воздвигаютъ прядильни прямо возлѣ полей, на которыхъ воздѣлывается хлопокъ. Та же тенденція, какъ извѣстно, замѣчена и въ металлургическомъ дѣлѣ и домны пылаютъ нынче во всѣхъ южныхъ и центральныхъ штатахъ,—словомъ, тамъ, гдѣ земля содержитъ въ себѣ одновременно слои угля и желѣзной руды. Такимъ образомъ, централизація капиталовъ ведетъ къ децентрализаціи работъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ, одну изъ которыхъ мнѣ удалось посѣтить во время моего пребыванія въ штатахъ. Хлопокъ, или хлопчатая бумага (по французски coton, по англійски—cotton), есть продуктъ плода растенія, называемаго хлопчатникомъ. Хлопчатникъ (gossipium, семейство malvaceа) растетъ въ видѣ травянистыхъ стеблей, кустовъ и деревьевъ. Видовъ этого растенія множество; его отечествомъ считаются Индія и Китай, и разводится оно нынѣ въ Америкѣ, Малой Азіи, Бухарѣ, Ташкентѣ, Персіи, Алжирѣ, Египтѣ, Греціи, Италіи, Испаніи, на югѣ Франціи и у насъ на Кавказѣ. Во всей технической промышленности,—говоритъ Дмитріевъ,—нѣтъ вещества, которое въ относительно короткое время вызвало бы такую обширную дѣятельность, какъ хлопокъ, и послужило бы поводомъ къ изобрѣтенію такихъ остроумнѣйшихъ механизмовъ, какими въ наше время умъ человѣческій имѣетъ право гордиться. Большія плантаціи хлопчатника съ промышленною цѣлью возникли въ Америкѣ, а начало машиннаго потребленія хлопка—въ Англіи, куда первый хлопокъ изъ Америки былъ привезенъ въ 1747 году, въ количествѣ семи кипъ; въ 1791 году это количество дошло до 6 ты-

Digitized by Google

сячъ пудовъ, а въ 1859 году Англія получила изъ Америки 36.000,000 пудовъ хлопка. Въ послѣднее время штаты производятъ до 100 мил. пудовъ хлопка (Россія—3 милл.), изъ которыхъ двѣ трети вывозится по средней цѣнѣ: 5¼ металлическихъ рублей за пудъ. Въ видѣ хлопчатобумажныхъ издѣлій Америка пока все еще вывозитъ крайне мало, что объясняется не столько дороговизной продукта вслѣдствіе высокихъ заработныхъ платъ рабочимъ, сколько величиною внутренняго потребленія, которое все еще не покрывается внутреннимъ производствомъ. Подъ хлопокъ штаты занимаютъ около 6—7 милліоновъ десятинъ земли, т. е. вдвое больше, чѣмъ отведено для этой цѣли въ Индіи. Считаютъ, что на всемъ земномъ шарѣ ежегодно производится и потребляется на фабрикахъ и въ домашнемъ быту до 140—150 милл. пудовъ хлопка, изъ котораго можно приготовить нѣсколько милліардовъ аршинъ миткаля. Одна только Европа переработываетъ половину всего собираемаго на земномъ шарѣ хлопка и такимъ образомъ выбрасываетъ ежегодно на рынокъ разныхъ бумажныхъ издѣлій на 1.470 милліоновъ рублей; треть этой суммы приходится на долю матеріала, а остальныя ²/₃, составляющія милліардъ рублей, приходятся на долю людей, занимающихся разнаго рода работами при хлопчатобумажной промышленности (заработная плата и проценты на затрачиваемый основный и оборотный капиталы). Однѣ только англійскія бумагопрядильни, пускающія въ ходъ свои 42.000,000 веретенъ, даютъ средства къ жизни 3.000,000 людей, такъ или иначе занятымъ при хлопчатобумажной промышленности.

Англія одна потребляетъ столько хлопка, сколько всѣ остальныя страны Европы, вмѣстѣ взятыя, такъ что еслибы пришлось переработывать весь этотъ хлопокъ руками, то всего населенія Англіи было бы недостаточно для этого (Дмитріевъ). Любопытенъ тотъ матеріальный прогрессъ, который сдѣланъ человѣчествомъ въ хлопчатобумажной промышленности за столѣтній періодъ времени. За этотъ сравнительно короткій промежутокъ, стоимость вырабатываемой пряжи возрасла въ 425 разъ, а стоимость одного фунта пряжи уменьшилась, т. е. подешевѣла, въ 15 разъ.

Русскій хлопокъ, какъ извѣстно, пошелъ въ ходъ въ періодъ американской войны за освобожденіе невольниковъ. Когда чернокожіе разбѣжались съ плантацій и портовые города прекратили вывозъ, въ Европѣ хлопокъ вздорожалъ и наши мануфактуристы вспомнили про существованіе своего средне-азіатскаго хлопка. Это и послужило толчкомъ для развитія нашихъ плантацій и вызвало у насъ настоящую хлопковую горячку. Снова повторилась та же исторія, что бѣда въ одномъ мѣстѣ привела и создала благополучіе

Digitized by Google

въ другомъ. Въ мануфактурномъ отдѣлѣ русской выставки въ Чикаго была скромная витрина, принадлежащая мануфактурѣ «В. Морозова и К.». Но зато всѣ выставленныя въ витринѣ издѣлія выработаны исключительно изъ собственнаго средне-азіатскаго хлопка. Американцы пожимали плечами и, кажется, плохо вѣрили этому факту.

Цѣлый рядъ отраслей промышленности, напр., производство стекла, бумаги, кожевенное дѣло, мебельное и особенно индустрія волокнистыхъ веществъ, развиваются въ штатахъ просто съ какою-то сказочною быстротою. Не говоря обо всей странѣ, мы, въ видахъ облегченія обзора, остановимся лишь на разсмотрѣніи поступательнаго хода промышленнаго прогресса въ одномъ штатѣ Иллинойсъ и въ томъ районѣ, для котораго этотъ штатъ является какъ бы центромъ притяженія. Этотъ районъ слагается не менѣе, какъ изъ дюжины штатовъ, имѣющихъ всѣ общія условія производства.

Штаты эти слѣдующіе: Индіана, Миссури, Мичиганъ, Іова, Висконсинъ, Минезото, Канзасъ, Небраска, Колорадо, Дакота, Монтана и Вуомингъ. Напомнимъ, что многіе изъ этихъ штатовъ возникли въ самое послѣднее время (Дакота, Монтана и Вуомингъ) и до 50-го года существовали лишь первые пять. (Всѣхъ штатовъ первоначально было 15, а нынѣ 44). При общемъ пространствѣ этихъ штатовъ въ 277 милліоновъ гектаровъ,—культивированной земли въ нихъ не болѣе одной четвертой части, и населеніе до послѣдняго времени еще такъ рѣдко, что на пространствѣ, гдѣ, напр., во Франціи проживаетъ 1,000 человѣкъ, здѣсь имѣется 1 (Вуомингъ) или 5 (Дакота) или 10 (Колорадо). Сорокъ лѣтъ тому назадъ, во всемъ указанномъ нами районѣ, при 3-милліонномъ населеніи (мы беремъ лишь круглыя цифры) считалось уже 14,000 крупныхъ и мелкихъ промышленныхъ заведеній, дававшихъ занятіе 58 тыс. рабочихъ. Черезъ десять лѣтъ, число жителей увеличилось до 7 милліоновъ, число заведеній дошло до 22 тыс., а рабочихъ въ нихъ до 113 тысячъ. Еще черезъ десять лѣтъ (1870 годъ) населеніе возросло до 10 милліоновъ, а число заведеній утроилось, также какъ и число рабочихъ. Наконецъ, въ послѣднее время, вышеназванный районъ при населеніи въ 15 милліоновъ содержалъ чуть не сто тысячъ промышленныхъ заведеній и давалъ занятіе полумилліону взрослыхъ и малолѣтнихъ рабочихъ, т. е. почти половинѣ того числа рабочихъ, которые заняты на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ россійской имперіи. Производительность означеннаго района возрасла за тотъ же періодъ времени болѣе чѣмъ въ 10 разъ и съ 428 милл. франковъ достигла слишкомъ 6 милліардовъ, т. е. стала почти равной фабричной промышленности всей Россіи. Любопытно

Digitized by Google

привести краткій перечень главнѣйшихъ отраслей индустріи, процвѣтающихъ въ одномъ лишь штатѣ Иллинойсъ, причемъ мы откидываемъ тѣ отрасли фабричнаго производства, производительность которыхъ не доходитъ до 2 милл. руб. въ годъ [1]). На первомъ мѣстѣ стоятъ заведенія, приготовляющія различнаго рода соленые мясные продукты (свинина по преимуществу). Такихъ заведеній въ штатѣ насчитываютъ 143 (10 т. рабоч.) съ громадной производительностью въ 489 милл. франковъ; затѣмъ идетъ мукомольное дѣло (1,024 мельницы) дающее работу 5000 человѣкъ и производящее муки на 237 милл. франковъ. За мукой и солониной идутъ: металлургическое дѣло (5,000 чел. и 102 милл. продукціи), производство готоваго платья (5,000 чел. и 96 милл. продукціи), водочные и винокуренные заводы (2,100 чел., 73 милл.), литейные заводы (7,377 чел., 67 милл.), заводы земледѣльческихъ орудій (7 т. чел., 67 милл.), табачныя фабрики (3 т. чел., 39 милл.), мебельныя заведенія (5 т. чел., 38 милл.), типографіи (243 съ 3,650 наборщиковъ и съ продукціей въ 35 милл.), пивоваренные заводы (29 милл.), кожевенные (27 милл.), лѣсопильни (25 милл.), салотопни (25 милл.), экипажныя фабрики (20 милл.), мыловаренные заводы (19 милл.), жестяные и мѣдные заводы (19 милл.), столярныя фабрики (17 милл.), фабрики готовой обуви (15 милл.), маслобойни (15 милл.), сѣдельныя фабрики (15 милл.), кирпичные заводы (15 милл.), шерстомойни (9 милл.), фабрики швейныхъ машинъ и часовыя (по 6 милл.). Такимъ образомъ, въ этомъ районѣ нѣтъ ни сахарнаго дѣла, ни заводовъ, обработывающихъ волокнистыя вещества (хлопокъ, шерсть, ленъ, и пр.).—Цифры эти говорятъ сами за себя и не нуждаются въ коментаріяхъ.

Вся мануфактурная промышленность штатовъ въ 1890 году представлена была слѣдующимъ внушительнымъ рядомъ цифръ: 350,000 фабрикъ, 3.650,000 рабочихъ, шесть милліардовъ металлическихъ рублей вложенныхъ въ дѣло капиталовъ и двѣнадцать милліардовъ металлическихъ рублей въ видѣ изготовленныхъ продуктовъ (каждый рабочій изготовилъ продукта на 12 тыс. франковъ). Любопытно при этомъ, что средній ежегодный заработокъ американскаго рабочаго въ штатѣ Иллинойсъ, за 20-ти-лѣтній промежутокъ времени, не измѣнился сколько нибудь существенно и колебался въ границахъ 400—600 долларовъ въ годъ для всѣхъ категорій производствъ.

Если попытаться резюмировать въ общихъ чертахъ географическое распредѣленіе промышленныхъ районовъ Соединенныхъ Шта-

[1]) Не забудемъ, что по пространству штатъ Иллинойсъ равняется нашей самарской губерніи.

Digitized by Google

товъ, то можно собственно намѣтить три главныхъ области. Первая изъ нихъ занимаетъ сѣверо-восточную часть штатовъ: здѣсь изобилуютъ каменный уголь, желѣзо и нефть, и здѣсь вполнѣ органическимъ путемъ возникли и развились главные центры металлургическаго дѣла и хлопчатобумажная индустрія. Второй промышленный районъ обнимаетъ собою штатъ Иллинойсъ, нѣкогда называвшійся «штатомъ прерій», и смежные съ нимъ штаты, перечисленные нами выше. Это—область земледѣльческой культуры по преимуществу и главные центры сельско-хозяйственной индустріи. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ: зерновой хлѣбъ, мука, мясо, свинина и пиво. Центромъ всего этого района безусловно является городъ Чикаго—этотъ Porcopolis всей страны. Наконецъ, по мѣрѣ того какъ мы подвигаемся къ югу и къ западу штатовъ, промышленность фабричная рѣзко уменьшается и новый ея центръ, третій промышленный районъ, складывается лишь въ Калифорніи. Это—область нѣкогда сказочной золотой лихорадки, когда рабочему за одинъ часъ труда платили не менѣе 2-хъ рублей, а дневной заработокъ простаго чернорабочаго доходилъ до 40 рублей (20 долларовъ). Извѣстно, что плотники въ С.-Франциско въ этотъ періодъ времени, когда every body made money (когда всякій дѣлалъ деньги) устроили стачку и объявили, что менѣе какъ за 85 франковъ въ день (21 металл. руб.) они не могутъ работать. Это было всего лишь тридцать лѣтъ тому назадъ; теперь же все въ этой области вошло въ норму; золота, правда, добывается все еще много, но лихорадка прошла и главными продуктами района считаются хлѣбъ и виноградное вино. И вотъ въ такой-то странѣ разразился крупнѣйшій экономическій кризисъ, личная иниціатива сведена на нѣтъ и для работника изсякли молочныя рѣки и исчезли кисельные берега. Американцы—вообще любители парадоксовъ и я не затруднюсь представить примѣры изъ любой области общественной жизни, гдѣ на сцену выдвигался самый невѣроятный парадоксъ, самый оригинальный экспериментъ. Возьмемъ любую область, ну хоть область рекламы. Иду я какъ-то по Бруклину. Смотрю: густая толпа народа. Спрашиваю, что такое? Отвѣчаютъ, что какой-то джентльменъ демонстрируетъ новое изобрѣтеніе, нѣчто въ родѣ снѣгоочистителя, примѣнительно къ уличнымъ электрическимъ трамваямъ. Только задача состоитъ не въ очисткѣ снѣга, а въ отбрасываніи всякихъ предметовъ, которые попадаютъ подъ колеса вагоновъ, и главное: въ недопущеніи несчастій съ пѣшеходами. Аппаратъ изобрѣтателя не дозволяетъ ни раздавить, ни подмять, ни даже сбить съ ногъ слабаго ребенка. Со введеніемъ въ Бруклинѣ электрической уличной конки, не проходило дня, чтобы кого нибудь не

Digitized by Google

раздавило и не изувѣчило; особенно сильно страдали дѣти. Газеты уже начали ворчать, подобно тому какъ у насъ ропщутъ на безобразія пароваго трамвая, связующаго Петербургъ съ Лѣснымъ. Продираюсь впередъ. Смотрю: какой-то ражій янки что-то съ жаромъ объясняетъ густой толпѣ любопытныхъ и придерживаетъ за руку небольшаго мальчугана лѣтъ 6 или 7. Мальчикъ весело улыбается публикѣ своими свѣтлыми голубыми глазами. Одѣтъ онъ довольно бѣдно, но опрятно: потертый пиджакъ и, по американской модѣ, голыя икры. Вдругъ все стихло, публика немного подалась въ стороны и мой янки началъ укладывать мальчугана на уличные рельсы, причемъ голова пришлась на одномъ рельсѣ, а голыя красныя икры—на другомъ. Мальчикъ продолжалъ мило улыбаться и кротко скрестилъ ручонки на груди. Шагахъ въ пятидесяти стоялъ вагонъ, снабженный «отбрасывателемъ». Я начиналъ понимать, въ чемъ дѣло. Не успѣлъ я хорошенько осмотрѣться, какъ вагонъ уже понесся прямо на мальчика. Въ толпѣ кто-то взвизгнулъ и въ тотъ же моментъ «отбрасыватель» мягко подхватилъ ребенка, приподнялъ его, отбросилъ въ сторону и самъ покатилъ дальше. Опытъ повторили нѣсколько разъ, пуская поѣздъ съ разными скоростями; дошли кажется до 15-ти верстъ въ часъ и аппаратъ все продолжалъ прекрасно дѣйствовать а мальчикъ все улыбался, только икры его изъ красныхъ сдѣлались какими-то синими. Я не выдержалъ и убѣжалъ, а говорятъ, что въ заключеніе изобрѣтатель улегся самъ на рельсы и положилъ съ собою рядомъ ребенка; толпа хотѣла ихъ стащить, но онъ настоялъ на своемъ и аппаратъ снова не ударилъ въ грязь лицомъ и оставилъ людей живыми. Спрашивается: гдѣ, кромѣ Америки, можно увидать что либо подобное и каково добывать хлѣбъ въ странѣ съ такими нравами? Съ психологической точки зрѣнія, извѣстный выстрѣлъ Вильгельма Теля, сбившаго яблоко съ головы своего сына, является жалкой прозой передъ смертоносной поэзіей американской рекламы! Позже изъ газетъ я узналъ, что въ одинъ изъ послѣдующихъ опытовъ «аппаратъ» заупрямился и убилъ таки мальчика. Для удовлетворенія любопытства читателя прибавлю, что мальчикъ былъ взятъ изобрѣтателемъ «на прокатъ» и не былъ его сыномъ.

Возьмемъ другую область—желѣзнодорожную. Посмотрите, какъ здѣсь ѣздятъ? Между Нью-Іоркомъ и Чикаго (1,000 миль разстоянія) ходитъ поѣздъ—молнія, въ которомъ мнѣ пришлось дважды проѣхаться. Разстояніе почти въ три раза бо́льшее, чѣмъ между Петербургомъ и Москвою; поѣздъ, считая всѣ девять остановокъ, дѣлаетъ весь путь въ 19 часовъ. Остановки минутныя, а скорость громадныхъ паровозовъ, передъ которыми наши локомотивы гля-

Digitized by Google

дять игрушечными,—просто отчаянная. Дальше въ скорости, конечно, идти *можно* (до 100 верстъ въ часъ), но, спрашивается, какіе *нужны нервы*, чтобы управлять движеніемъ такого чудовища нѣсколько часовъ подъ рядъ? Поэтому, при каждой остановкѣ, мѣняютъ и машину, и человѣка при ней. Я нарочно ходилъ смотрѣть на машиниста послѣ окончанія имъ своей «порціи». Краше въ гробъ кладутъ; Лице изможденное, блѣдное, весь въ поту, взглядъ дикій, блуждающій. Чтобы уяснить себѣ эту скорость, достаточно сказать, что огромныя колеса паровоза дѣлаютъ въ одну секунду пять оборотовъ и въ одну секунду поѣздъ подвигается на 100 футовъ, а въ десять—на 1,000 футовъ впередъ. Вотъ гдѣ могла бы создаться легенда о стучаніи шпагой по верстамъ, какъ по частоколу.

А сколько всякихъ неожиданностей и случайностей можетъ встрѣтить поѣздъ на всякой пройденной верстѣ? Какъ зорко нужно смотрѣть на путь и что можно вообще разглядѣть впереди при такой скорости, особливо при американской системѣ закругленій, когда вагоны становятся другъ къ другу чуть ли не прямымъ угломъ! Мысль еще можетъ работать съ такою быстротою, но мышцы уже не успѣваютъ и машинистъ движется, какъ автоматъ. Нужно успѣвать замѣчать сигналы, мосты, тунели, видѣть состояніе пути, уклоны, закругленія и въ то же время слѣдить за машиной. Въ два, три часа человѣку приходится здѣсь пережить и перечувствовать то, что иному не придется и во всю жизнь. Малѣйшій звѣкъ, малѣйшая оплошность можетъ стоить жизни сотнямъ пассажировъ, которые, ничесо же сумняшеся, дремлютъ на мягкихъ диванахъ роскошныхъ пульмановскихъ вагоновъ, попиваютъ винцо, подаваемое услужливымъ негромъ-лакеемъ, «флиртуютъ» съ дамами и даже не подозрѣваютъ, что въ это самое время человѣкъ изнашиваетъ свою жизнь, свои нервы, чтобы съ ними, съ пассажирами, чего либо не случилось...

До какой степени находчивы американскіе инженеры, показываетъ слѣдующій случай. Когда въ Нью-Іоркѣ начали буравить большой тунель подъ рѣкой Гудзономъ (нынѣ эта работа временно пріостановлена) и зашли довольно далеко, работая помощью сжатаго воздуха, то разыгралось такое происшествіе. Одинъ рабочій искалъ со свѣчей причину незначительной течи воды въ тунелѣ. По неосторожности онъ поджегъ деревянные столбы и полъ подводной галереи. Вспыхнулъ сильный пожаръ. Всѣ работающіе успѣли выскочить, отверстіе заткнули и, чтобы окончательно потушить огонь, залили галереи водой. Затѣмъ, когда пожаръ прекратился, воду откачали и снова пустили въ тунель сжатый воздухъ. Но тутъ обнаружилось, что огонь настолько повредилъ въ нѣсколькихъ

Digitized by Google

мѣстахъ деревянный полъ галереи и въ немъ подѣлались такія дыры, что черезъ нихъ выходилъ воздухъ. Невозможно было поддерживать нужное давленіе въ тунелѣ и нельзя было работать въ немъ безъ риска утонуть при малѣйшей остановкѣ нагнетательныхъ воздушныхъ машинъ. Тогда американцы придумали слѣдующее. Они притащили изъ Нью-Іорка дюжину огромныхъ крысъ, живущихъ въ докахъ. Рѣдкая кошка возьметъ подобную крысу одинъ на одинъ. Къ хвостамъ этихъ отвратительныхъ животныхъ привязали по толстой затычкѣ изъ пакли длиною въ 0,40 метровъ и толщиной больше самихъ крысъ, и затѣмъ погнали ихъ въ тунель. Испуганныя животныя, какъ бѣшеныя, полетѣли впередъ, моментально разыскали всѣ отверстія пола, полѣзли въ нихъ и въ агоніи ужаса заткнули своей импровизированной паклей всѣ дыры. Чѣмъ больше билось животное, тѣмъ плотнѣе входила затычка. Тогда люди спустились въ галерею и уже окончательно довершили конопаченіе каждой дыры. Только американцы и могутъ додуматься до такого по истинѣ омерзительно-оригинальнаго пріема работы!

Въ тюремномъ дѣлѣ новинкой служитъ слѣдующій экспериментъ, вызванный частымъ бѣгствомъ арестантовъ изъ тюремъ, какъ бы тщательно ихъ ни охраняли. Инженеръ Эмерсонъ Глафтеръ изъ штата Вуомингъ изобрѣлъ систему камеръ, названную имъ гидравлической. При этой системѣ, бѣгство изъ тюрьмы становится абсолютно невозможнымъ. Стѣнки такой тюрьмы состоятъ изъ желѣзныхъ полыхъ трубокъ, наполненныхъ водою подъ извѣстнымъ давленіемъ. Стоитъ пробуравить какую либо трубу, и вода изъ нея тотчасъ выльется, давленіе уменьшится и электрическій звонокъ всполошитъ всю тюрьму. Систему уже испытали и она даетъ превосходные результаты.

Рядомъ съ этимъ, американскіе новаторы не забываютъ и научныхъ, якобы, проблемъ. Такъ, въ печати неоднократно высказывалась мысль, что слѣдуетъ воспользоваться лицами, осужденными на смертную казнь, для выясненія на нихъ различныхъ вопросовъ физіологической науки. Извѣстно, что эта мысль уже была осуществлена на Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ на осужденныхъ къ повѣшенію предварительно, путемъ прививки, было доказано, что проказа есть болѣзнь заразительная, въ чемъ сомнѣвались господа врачи. Теперь въ Америкѣ, въ штатѣ Огіо, въ законодательную камеру внесенъ проэктъ подобнаго же закона. Проэктъ устанавливаетъ, что всякое лицо, осужденное на смерть въ штатѣ Огіо, должно служить объектомъ для научныхъ экспериментовъ. Эти эксперименты на пользу науки и общества сопровождаются употребленіемъ обезболивающихъ средствъ, во избѣжаніе, —какъ говоритъ

Digitized by Google

текстъ закона,—лишнихъ терзаній и нечеловѣческихъ страданій. Законъ требуетъ, чтобы эксперименты совершались подъ руководствомъ физіолога и нѣсколькихъ ассистентовъ, назначаемыхъ отъ союзнаго правительства. Равнымъ образомъ, правительство высылаетъ депутатовъ-врачей для наблюденія за правильнымъ ходомъ всѣхъ операцій. Спеціалисты составляютъ подробный протоколъ о всемъ видѣнномъ и такимъ образомъ обогащаютъ науку и человѣчество. Всего замѣчательнѣе въ этомъ чудовищно-безнравственномъ проэктѣ—это то, что осужденный на казнь не имѣетъ даже шансовъ спасти свою жизнь, если всемогущій случай оставитъ его въ живыхъ по окончаніи опытовъ, такъ какъ ученые физіологи снова усыпляютъ его и казнятъ во время сна.

Наконецъ, приведу еще новѣйшій экспериментъ изъ области высшей морали и справедливости. 26-го іюля я получилъ секретное извѣщеніе отъ репортера одной нью-іоркской газеты, что мнѣ разрѣшено вмѣстѣ съ нимъ присутствовать при исполненіи смертной казни черезъ электричество въ Аубурнской тюрьмѣ въ штатѣ Нью-Іоркъ. Казнь должна была происходить на слѣдующій день, 27-го іюля, въ 12 часовъ пополудни, въ зданіи самой тюрьмы. Отказаться отъ этого испытанія я не считалъ себя вправѣ, и для меня, какъ для врача, оно имѣло тѣмъ бо́льшее значеніе, что я давно уже слыхалъ отъ американскихъ врачей, что электрическій токъ самой большой динамо-машины не убиваетъ человѣка, а оглушаетъ, обжигаетъ его и какъ бы временно пріостанавливаетъ всѣ функціи организма. Увѣряютъ, что, послѣ казни электричествомъ, казненнаго можно оживить простымъ переливаніемъ крови и что нерѣдко при послѣдующемъ вскрытіи такихъ казненныхъ можно было убѣдиться, что смерть наступаетъ лишь на анатомическомъ столѣ Хотѣлось самому лично убѣдиться въ справедливости всѣхъ этихъ ужасныхъ толковъ и я рѣшилъ принять полученное приглашеніе. Ночь мы провели, не сомкнувъ глазъ, въ небольшой довольно неопрятной гостинницѣ въ городкѣ Аубурнѣ. Я все время увѣрялъ себя и успокоивалъ, что я лично здѣсь непричемъ, присутствую ради выясненія правды, и тѣмъ не менѣе сомкнуть глазъ не удалось до утра, и подъ конецъ я чувствовалъ себя какимъ-то участникомъ этого ужаснаго дѣла. Мой спутникъ сперва бодрился, но вскорѣ тоже затихъ и пріунылъ; онъ безпощадно дымилъ одну за другой сигары и исправно тянулъ виски. Со мною онъ мало разговаривалъ и какъ-то даже избѣгалъ глядѣть въ глаза. Признаюсь, и мнѣ было не до него и я безконечно былъ радъ, что онъ оставляетъ меня въ покоѣ. Съ вечера намъ принесли, въ отвѣтъ на посланныя нами визитныя карточки, билеты отъ начальника тюрьмы на

Digitized by Google

право присутствованія при электрической казни. Казнили негра Тайлора, который содержался въ тюрьмѣ уже больше 2-хъ лѣтъ, за убійство, соединенное съ грабежомъ. Здѣсь въ тюрьмѣ, поссорившись съ другимъ арестантомъ, онъ убилъ и его ножемъ, отрѣзавъ ему чуть ли не всю голову отъ туловища. Признаюсь, меня поддерживала мысль, что казнить будутъ, дѣйствительно, нравственное чудовище и что это чудовище — негръ, а не бѣлый человѣкъ. Присутствовать при казни чернаго казалось мнѣ легче, точно это все же не такой человѣкъ, какъ я, а изъ другаго міра, какъ бы нѣчто среднее между бѣлымъ человѣкомъ и безсловеснымъ животнымъ. Подобными парадоксами угощалъ я себя въ эту безсонную ночь, хотя не могъ отдѣлаться отъ ужасныхъ словъ, сказанныхъ Тайлоромъ и разнесенныхъ газетами по всей Америкѣ. Когда негра спросили: «зачѣмъ онъ убилъ своего товарища», то онъ отвѣтилъ на это: «я не могу больше выносить тюрьму и предпочитаю получить «порцію электричества», чѣмъ оставаться здѣсь». Невольно вставалъ передъ глазами другой образъ осужденнаго на казнь за убійство смотрителя тюрьмы, извѣстнаго Claude Gueux Виктора Гюго, образъ, который обрисованъ былъ такими симпатичными чертами знаменитымъ противникомъ смертной казни вообще. Негръ Тайлоръ былъ женатъ и, кромѣ вдовы, оставлялъ трехъ ребятишекъ. Что дѣлали они въ эту ужасную ночь? что передумалъ онъ самъ, прощаясь мысленно со своими близкими? Ночь передъ казнью Тайлоръ провелъ въ карцерѣ, изъ котораго его уже вывели, когда утромъ, 27 числа, мы, дрожа отъ волненія, вошли въ обширную комнату начальника тюрьмы. Насъ предупредили, что Тайлоръ теперь исповѣдуется и что у него въ комнатѣ два священника. Было безъ четверти двѣнадцать часовъ. Въ комнатѣ уже находилось нѣсколько джентльменовъ въ цилиндрахъ на головахъ и одна дама, которая оказалась женщиной-врачемъ Дженкинсъ, объявившей моему спутнику, что она—первая женщина-врачъ, присутствующая при исполненіи электрической казни. Тотъ безмолвно ей поклонился. Позже пришелъ и тюремный врачъ, маленькій худенькій человѣчекъ, фамиліи котораго я не разобралъ: такъ тихо и быстро онъ назвалъ себя, когда насъ представили другъ другу. Въ комнатѣ было тихо и какой-то господинъ, очень полный и небольшаго роста, также со шляпой на головѣ, суетливо осматривалъ всѣ приборы и что-то отвинчивалъ у знаменитаго кресла, въ которое должны были усадить Тайлора. Господинъ этотъ оказался казеннымъ электротехникомъ Дэвисомъ, т. е. въ данномъ случаѣ исполняющимъ роль палача, хотя собственно распорядителемъ казни являлся другой джентльменъ съ блѣднымъ лицомъ и въ черномъ ци-

Digitized by Google

линдрѣ на головѣ. Всѣ говорили шопотомъ, всѣ были очень блѣдны, особенно жалко глядѣла женщина-врачъ, у которой, какъ мнѣ показалось, нервно подергивалась вся правая половина лица, и она безпрестанно нюхала какой-то флакончикъ.

«Кресло» имѣло видъ обыкновеннаго кресла вѣнской работы съ довольно тонкими ножками и проволоками у спинки. Стояло оно на небольшомъ возвышеніи въ родѣ тѣхъ каѳедръ, на которыхъ, бывало, сидѣли у насъ въ гимназіи учителя. Репортеръ шепнулъ мнѣ, что негру дадутъ ударъ въ 1,800 вольтовъ и что при такой силѣ, которая почище натуральной молніи, онъ, конечно, умретъ тотчасъ же. Очевидно его заботила мысль поскорѣе покончить это страшное дѣло. Какъ послѣ выяснилось, никто изъ присутствовавшихъ не могъ завтракать въ этотъ день. Я не могъ и обѣдать, а мой репортеръ напился вдребезги и мычалъ всю обратную дорогу до Нью-Іорка.

Въ 12 часовъ 40 минутъ, Тайлора ввели въ комнату. На мое счастіе, на немъ уже была надѣта маска, и кромѣ алыхъ губъ и курчавой шапки волосъ, ничего не было видно. Я радъ былъ, что не вижу лица несчастнаго, и мнѣ казалось, что, будь онъ безъ маски, я не рѣшился бы взглянуть ему въ глаза. Въ комнатѣ царствовала мертвая тишина; слышно было, какъ гдѣ-то у стекла жужжала и билась муха; докторша схватилась за нижнюю челюсть, которая у нея сильно тряслась, да и я самъ чувствовалъ, что вся комната пошла у меня кругомъ. Когда я немного очнулся, негръ сидѣлъ уже въ креслѣ; въ связанныхъ рукахъ у него было распятіе; возлѣ стояли 2 пастора, а джентльмены въ шляпахъ возились возлѣ его ногъ, и крѣпко привязывали ихъ ремнями къ ножкамъ. Я взглянулъ на часы: было 12 часовъ 45 минутъ. Приговоръ суда былъ прочитанъ Тайлору въ 7 часовъ утра, послѣ чего, онъ, какъ говорили, попросилъ ѣсть и плотно позавтракалъ, выпивъ 2 стаканчика водки. Всѣ молчали и глядѣли не столько на кресло, сколько на полъ, въ пространство. Маленькій докторъ пощупалъ пульсъ у Тайлора, приглашая головой и меня сдѣлать то же самое. Я отказался. На негрѣ была чистая бѣлая рубашка, холщевая куртка и штаны. Ноги босыя и черныя. Грудь его часто дышала, но онъ держался и сидѣлъ бодро; распятіе не дрожало въ его крѣпкихъ, мускулистыхъ рукахъ, и онъ тихо кивалъ головой на слова утѣшенія, которыя шепталъ ему на ухо старичокъ-пасторъ, тоже съ распятіемъ въ рукахъ. Сложеніе Тайлора показалось мнѣ атлетическимъ, а кресло, когда онъ сѣлъ въ него—просто игрушечнымъ.

Толстенькій человѣчекъ посмотрѣлъ на блѣднаго джентльмена въ цилиндрѣ, очевидно давая ему понять, что у него все готово.

Digitized by Google

Джентльменъ кивнулъ головой—и токъ былъ пущенъ. Многіе бросились къ измѣрителю и кто-то довольно громко замѣтилъ, что онъ показываетъ 1,780 вольтовъ! Въ то же мгновеніе Тайлоръ сильно захрипѣлъ,—такъ хрипятъ умирающіе въ агоніи,—и все его колоссальное, мускулистое тѣло забили страшныя судороги. Произошло нѣчто ужасно-отвратительное, и мнѣ показалось, что негръ со страшной маской на лицѣ силится вскочить и убѣжать со своего адскаго кресла; въ комнатѣ запахло горѣлымъ мясомъ. Вдругъ негръ покачнулся, одна ножка кресла съ трескомъ подломилась, и онъ повалился бы со своего возвышенія, еслибы подскочившій распорядитель не подхватилъ его на руки. Хрипъ прекратился. «Пускайте токъ», закричалъ чей-то голосъ. «Машина испортилась», отвѣтилъ толстенькій человѣчекъ и выбѣжалъ изъ комнаты. Прошла безконечная минута страшнаго молчанія. Тайлоръ начиналъ не только хрипѣть, но явственно дышалъ и очевидно приходилъ въ себя. Ремни, спутывавшіе его, были отвязаны, сторожа внесли носилки и уложили въ нихъ огромное черное тѣло, которое поспѣшно было вынесено въ сосѣднюю комнату. Здѣсь несчастному тюремный врачъ впрыснулъ сильную дозу морфія; потомъ стали ему давать хлороформъ и рѣшили для этой цѣли снять маску. Распоряжался всѣмъ маленькій докторъ, а начальникъ тюрьмы, распорядитель казни и толстый электротехникъ куда-то скрылись—поправлять испортившійся электрическій приборъ. Подъ маской оказалось чудесное лицо великолѣпнаго африканскаго негра. Есть негры уродливые и есть настоящіе красавцы. Это былъ чудесный экземпляръ, съ хорошимъ лбомъ, правильнымъ носомъ и удивительно бѣлыми зубами. Онъ, повидимому, оставался безъ сознанія, но пульсъ, до котораго я наконецъ рѣшился дотронуться, очевидно крѣпчалъ, хотя все еще ощупывался съ трудомъ. Кожа рукъ потная и отъ всего тѣла распростертаго негра шелъ тотъ характерный запахъ, по которому собакъ пріучали на охоту за черными невольниками. Тайлору сдѣлали второе впрыскиваніе морфія и, въ виду того, что всасываніе изъ кожи могло прекратиться, ибо жидкость въ сосудахъ свернулась подъ вліяніемъ тока, продолжали давать хлороформъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что начни дѣлать попытки оживленія, а не анестезіи,—негръ оправился бы и заговорилъ. Раза два онъ сдѣлалъ какъ бы попытку встать, такъ что ноги ему снова связали. Глазъ онъ все время не открывалъ. Такъ прошелъ цѣлый часъ, и только въ 1 часъ 54 минуты все было готово къ вторичной казни. Связаннаго и еле дышащаго колосса перенесли снова на кресло и снова обвязали ремнями. Электричество было взято «взаймы» отъ городской компаніи уличнаго освѣщенія, и проволоки кресла были соеди-

Digitized by Google

нены съ уличными проводами. Наконецъ, снова пустили токъ. На этотъ разъ судороги не повторились и токъ въ 1,750 вольтовъ дѣйствовалъ на тѣло въ теченіе цѣлой минуты. До конца мы уже не оставались въ комнатѣ и, выходя, видѣли, что сторожа приготовляютъ въ коридорѣ простой деревянный гробъ.

Къ чести американцевъ нужно сказать, что исторія съ этой казнью переполошила всю страну и теперь здѣсь образовалась огромная партія, агитирующая въ пользу отмѣны казни черезъ электричество.

Извѣстно, что въ Америкѣ вотъ уже больше четверти вѣка борются двѣ главныхъ партіи, не считая множества мелкихъ, именно: республиканская и демократическая. На знамени первой написанъ, между прочимъ, крайній протекціонизмъ, охрана федеральныхъ выборовъ отъ вліянія мѣстной администраціи и воспрещеніе свободной чеканки серебра, которой такъ домогаются демократы. Теперь у власти стоятъ, какъ извѣстно, эти послѣдніе. Но спасенія многіе ждутъ отъ третьей партіи, которая на выборахъ 1892 года дала около милліона сплоченныхъ голосовъ, что, конечно, еще слишкомъ мало. Это—партія такъ называемыхъ «націоналистовъ», во главѣ которой фигурируетъ хорошо извѣстный у насъ въ Россіи, по своему фантастическому роману, Белами. Программа націоналистовъ, въ качествѣ образчика той же эксцентричности американцевъ, заслуживаетъ сугубаго вниманія. Недавно Белами опубликовалъ ее въ «Форумѣ» и она произвела въ штатахъ огромное впечатлѣніе. Все дѣло сводится, конечно, къ урегулированію экономическаго вопроса, и націоналисты остроумно замѣчаютъ, что въ то время какъ «политическіе дѣятели страны отвѣтственны передъ народомъ и своими избирателями за всѣ свои поступки, господа монополисты и капиталисты, играющіе въ странѣ роль настоящаго «экономическаго правительства», отъ котораго зависитъ жизнь и смерть американской націи, пользуются абсолютной безотвѣтственностью. Ихъ никто и никуда не избираетъ, и въ своихъ поступкахъ они не отдаютъ отчета никому». Программа предлагаетъ для уничтоженія олигархіи капиталистовъ *націонализировать* всю промышленность и всѣ богатства страны. Прежде всего націоналисты желаютъ, чтобы при новомъ порядкѣ вещей въ основу всѣхъ отношеній было положено экономическое равенство, такъ какъ политическое равенство не устраняетъ голодной смерти и нищеты. Всѣ отрасли промышленности переходятъ въ руки правительства, которое заботится объ удешевленіи производства и объ улучшеніи участи работниковъ. Начать нужно съ тѣхъ видовъ труда, которые уже и теперь отчасти экспропріированы правительствомъ, т. е. съ телеграфовъ, телефо-

Digitized by Google

новъ и желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь занято до милліона лицъ; слѣдовательно, взявъ ихъ подъ свое покровительство, государство устроитъ также и судьбу ихъ семей, т. е. по меньшей мѣрѣ обезпечитъ 4 мил. душъ. Отъ желѣзныхъ дорогъ, питающихъ всю металлургію, государство перейдетъ къ этой отрасли промышленности и также заберетъ ее въ свои руки. Здѣсь трудится также не менѣе полумилліона работниковъ. Далѣе идутъ каменноугольная промышленность, лѣсное дѣло, винокуренное, и такъ далѣе, вплоть до мастерскихъ готоваго платья. Націоналисты при этомъ весьма резонно указываютъ на примѣръ Англіи, гдѣ во время крымской войны, не желая давать наживаться подрядчикамъ, правительство заготовляло всю обмундировку для своихъ войскъ. Для безработныхъ будутъ созданы спеціальныя отрасли труда и такимъ путемъ въ корень будутъ подорваны всѣ маневры частныхъ монополистовъ. Тогда наступитъ на землѣ царство правды и всѣ будутъ счастливы...

Американцы носятся теперь съ этой программой, въ которой видна увлекающаяся личность талантливаго автора *Looking Backward*.

В. Святловскій.

Digitized by Google

Кавказскія минеральныя воды въ 1893 году.

(Изъ наблюденій пациента).

I.

Пятигорскъ.

Желѣзнодорожная станція въ Пятигорскѣ еще только начинаетъ строиться; мы сходимъ у наскоро сколоченнаго досчатаго блокгауза. Отъ станціи до города, въ виду будущаго его возрастанія, оставлено разстоянія цѣлая верста; но извощиковъ довольно, шоссе прекрасное, хотя пыльное,—оно почему-то не поливается, не смотря на обиліе здѣсь воды изъ недавно устроеннаго водопровода. Насъ встрѣчаетъ нѣсколько посыльныхъ отъ гостинницъ; нѣкоторые изъ нихъ въ форменныхъ фуражкахъ съ цвѣтными околышами и мѣдными значками на нихъ: ну, точь въ точь, какъ въ Ахенѣ, Карлсбадѣ или другомъ какомъ заграничномъ курортѣ. Къ сожалѣнію, мы не запаслись прекраснымъ «Путеводителемъ по кавказскимъ водамъ», составленнымъ при управленіи водъ и изданнымъ горнымъ департаментомъ, въ которомъ, между прочимъ, исчислены и охарактеризованы всѣ имѣющіяся въ Пятигорскѣ помѣщенія для пріѣзжающихъ,—не запаслись потому, что и не знали о его существованіи. Управленію водъ слѣдовало бы организовать продажу этого путеводителя если не въ поѣздахъ, то на станціяхъ—въ Ростовѣ и въ самомъ Пятигорскѣ—такъ чтобы при самомъ выходѣ изъ вагона каждый могъ видѣть продавца и его товаръ. Имѣя въ рукахъ этотъ «путеводитель» (2-е изданіе 1893 г.) каждый туристъ могъ бы сразу ориентироваться по пріѣздѣ, а не выбирать себѣ помѣщеніе наобумъ, какъ пришлось поступить и намъ. Зная дороговизну нумеровъ въ хорошихъ гостинницахъ («Казенная», «Центральная», «Европейская») мы избрали на первый разъ гостинницу поскромнѣе, въ которой нашли сносные нумера по 1 р. 25 к. въ сутки,—комнаты большія, все чисто и опрятно, свѣта много. Но... нѣтъ хорошихъ постелей—валяется простой мочальный тюфякъ, а не пружинный матрасъ съ волосянымъ тюфякомъ. По докладѣ о нашемъ неудовольствіи хозяйкѣ, г-жѣ Львицыной, немедленно явились однако легкія пуховыя перинки, на которыхъ мы и выспались отлично. Вотъ это отсутствіе пружинныхъ матрасовъ и волосяныхъ тюфяковъ—главное неудобство помѣщеній въ Пятигорскѣ, неудобство, какого вы не встрѣтите развѣ только въ трехъ названныхъ

Digitized by Google

выше гостинницахъ. Странное дѣло: гдѣ бы, казалось, и быть волосянымъ тюфякамъ, если не въ Пятигорскѣ: кубанская и терская области—вѣдь это само лошадиное царство, снабжающее конями если не цѣлую Россію, то все ея войско!

Дня черезъ два я сыскалъ себѣ отличное помѣщеніе за 35 руб. въ мѣсяцъ: цѣлыхъ три небольшихъ комнаты, окнами, правда, на дворъ и довольно далеко отъ ваннъ, но въ отличнѣйшей части города, только что отстроенной, на нижнемъ бульварѣ, гдѣ воздухъ совершенно свободенъ отъ ванныхъ испареній. Хотя мѣстные доктора и увѣряютъ, что дышать воздухомъ сѣрныхъ источниковъ — самое распрекрасное дѣло, но я не послушался этого совѣта, не смотря на то, что ходить въ ванны каждый день было далеконько—добрыхъ полверсты, а то и больше. Къ счастію, почти цѣлый мѣсяцъ, который я пробылъ въ Пятигорскѣ, стояла отличная погода, и пройтись по прекрасному бульвару отъ ваннъ до дома, хоть нѣсколько разъ въ день, было удовольствіемъ. Но вотъ черта мѣстныхъ нравовъ, на которую слѣдуетъ указать, какъ на одну изъ причинъ, отталкивающихъ посѣтителей отъ Пятигорска. Прелестный чистенькій домикъ въ шесть оконъ, въ которомъ я поселился, кромѣ трехъ комнатокъ, занятыхъ мною, имѣетъ еще двѣ большія комнаты съ хорошей меблировкой, выходящія окнами на бульваръ. Мнѣ хотѣлось получить и ихъ, чтобы имѣть входъ чрезъ «парадное» крыльцо, прямо съ бульвара, а не черезъ дворъ, въ дурную погоду грязный; но тщетно: хозяйка требуетъ за эти двѣ комнаты непремѣнно 60 рублей въ мѣсяцъ. Я давалъ ей, уже въ началѣ іюля, сначала 45, а потомъ и всѣ 50, но купчиха стоитъ на своемъ: пусть лучше цѣлое лѣто комнаты стоятъ пустыми, а цѣну сбивать не будемъ. Такъ и простояли эти комнаты все лѣто пустыми и для меня недоступными. Ну, не лучше ли ей было получить предложенную цѣну, чѣмъ остаться ни съ чѣмъ? А жалуются на бѣдность, распускаютъ нюни о «плохихъ временахъ».

Выдя на другой день по пріѣздѣ обозрѣть городъ, взять билеты на ванны, на право посѣщенія скверовъ, гдѣ играетъ музыка, и т. д., я просто не узналъ прелестнаго городка, котораго не видѣлъ ровно десять лѣтъ. Какъ разъ вблизи гостинницы я встрѣтилъ патріарха Пятигорска, достопочтеннаго протоіерея о. Василія Дмитріевича Эрастова, священствующаго здѣсь уже болѣе 50 лѣтъ, но доселѣ бодраго и крѣпкаго. Отъ него еще въ прежніе пріѣзды выслушивалъ я разсказы о Лермонтовѣ: — о. Василій совершалъ погребеніе убитаго поэта, и его воспоминаніе о Лермонтовѣ было напечатано въ свое время, кажется, въ «Русской Старинѣ». «Ну, что у васъ новаго»? — «Да вотъ посмотрите». И мы вышли на бульваръ, составляющій главную артерію города. На протяженіи около двухъ верстъ тянется онъ отъ самаго начала города до другаго его конца—Елизаветинской галереи, стоящей высоко надъ цѣлымъ городомъ, на скалѣ, составляющей одинъ изъ отроговъ Машука. Бульваръ прекрасный; деревья съ той и другой стороны разрослись и широко развѣтвились, такъ что на протяженіи почти всего бульвара можно всегда найти тѣнь даже въ полдень. На хорошихъ садовыхъ скамьяхъ (со спинками) сидятъ и болѣе или

Digitized by Google

менѣе оживленно бесѣдуютъ то нарядно одѣтыя дамы и барышни съ кавалерами,—больше офицерами, которыхъ здѣсь особенно много,—то мѣстные жители въ своихъ черкескахъ и папахахъ. «А сюда взгляните-ка»,—говоритъ о. Василій, указывая на большой скверъ, по правую сторону бульвара. О, чудо! фонтанъ, да еще какой: хоть самому Петергофу въ пору—на 15 сажень бьетъ вверхъ толстая струя, падая въ обширный резервуаръ, въ нѣсколько сажень въ діаметрѣ, и распространяя вокругъ себя прохладу и свѣжесть. Въ томъ же мѣстѣ бульвара по лѣвую сторону разбитъ недавно другой обширный скверъ, въ которомъ деревья еще не разрослись. Идемъ дальше. Слѣва, невдалекѣ отъ величественнаго собора, который, впрочемъ, не такъ вмѣстителенъ внутри, какъ можно было бы ожидать по его наружному виду, на пригоркѣ опять большой, затѣйливо разбитый скверъ, и въ немъ издалека видный большой памятникъ,—я безъ объясненія узналъ памятникъ Лермонтова. При входѣ въ скверъ, и тутъ небольшой фонтанъ, дающій много воды, которую охотно пьютъ проходящіе. Скверъ очень хорошъ; но памятникъ Лермонтова почти вовсе не похожъ на извѣстные его портреты.

Въ этой части бульвара, около сквера съ фонтаномъ, расположились съ своими ларями и столами неизбѣжные во всѣхъ русскихъ курортахъ итальянцы съ коралловыми вещами и вещицами, персіяне со связками бирюзовыхъ палочекъ и съ готовыми кольцами (бирюза, большею частію, плохаго достоинства); предъ ними большею частію толпы небогатыхъ пріѣзжихъ дамъ и дѣвушекъ. Далѣе—продавецъ кавказскихъ ковровъ, ларь кустарныхъ издѣлій изъ рога, привезенныхъ изъ вологодской губерніи (нѣкоторыя вещи удивляютъ искусствомъ отдѣлки рога, напримѣръ, громадные подсвѣчники изъ цѣльныхъ большихъ лосиныхъ роговъ), лавка чучелъ кавказскихъ птицъ (чучела большею частію сдѣланы превосходно, не хуже, чѣмъ въ петербургскихъ магазинахъ). Оканчивается эта часть бульвара булочной Колодяжнаго, со всевозможными хорошими, но дорогими (дороже, чѣмъ въ Петербургѣ) печеньями и пирожными. По одной сторонѣ слѣдующей, третьей, части бульвара расположены лучшіе здѣшніе магазины, большею частію принадлежащіе армянскимъ купцамъ—ковровъ, кавказскихъ костюмовъ, древняго оружія, кизлярскихъ винъ, и т. д.; по другую сторону бульвара здѣсь находятся соборъ, съ памятникомъ знаменитому герою Кавказа Н. И. Евдокимову, въ видѣ часовни, изъ мрамора; новый, еще не отстроенный, хорошій домъ, принадлежащій соборному причту, и лучшая здѣшняя гостинница—«Казенная» (она же и пятигорскій клубъ въ зимнее время) съ хорошей залой въ два свѣта, въ которой во время сезона танцуютъ два раза въ недѣлю, съ платою съ каждаго входящаго кавалера по 1 р. (для дамъ входъ безплатный), съ бильярдами и множествомъ ломберныхъ столовъ, которые, по вечерамъ особенно, никогда не остаются безъ употребленія. Перейдя въ слѣдующую часть бульвара, вы вступаете въ самый центръ Пятигорска. Налѣво здѣсь сгруппированы: гостинницы получше, бакалейная лавка, шашлычныя заведенія и рестораны для пріѣзжихъ попроще; два погреба кавказскихъ винъ, лучшія квартиры для

Digitized by Google

пріѣзжихъ. На самомъ бульварѣ стоятъ кіоски для продажи зельтерской воды и другихъ искуственныхъ водъ, книгъ и газетъ (отъ петербургскаго магазина Суворина) кавказскихъ видовъ двухъ здѣшнихъ фотографій. Направо, — по дорогѣ къ теплосѣрнымъ ваннамъ,—великолѣпная кондитерская со свѣжими, каждый день, конфектами и печеньями, парикмахерская, содержимая французомъ (въ которой съ меня взяли за стрижку головы съ причесаніемъ бороды 50 к.), на площади—извощичья биржа. Главная же притягательная сила, которая влечетъ всѣхъ на эту часть бульвара, это—находящійся вправо отъ него, большой, всегда тѣнистый цвѣтникъ, съ густо разросшимся кустарникомъ и превосходнымъ фонтаномъ, столь же большимъ, какъ и въ городскомъ сквэрѣ, съ обширнымъ рестораномъ г. Бетхера, около котораго, за разставленными столиками, завтракаетъ, обѣдаетъ, пьетъ кофе, чай и вино, а часто—и винтитъ бо́льшая часть пріѣзжихъ. Здѣсь же помѣщаются солнечные часы, съ которыми люди попроще свѣряютъ свои массивныя «луковицы». Здѣсь два раза въ день играетъ недурная музыка (духовая, квартирующаго въ Пятигорскѣ драгунскаго полка), которую стекаются слушать рѣшительно всѣ, такъ что, особенно вечеромъ, на скамьяхъ цвѣтника и двухъ аллей бульвара въ 6 часовъ нельзя уже найти свободнаго мѣста. Вообще въ этой части Пятигорска жизнь, такъ сказать, кипитъ ключемъ цѣлый день: кто «винтитъ» у ресторана, кто читаетъ газеты, кто — просто разговариваетъ, кто съ джутовымъ мѣшкомъ въ рукахъ (къ сожалѣнію, мѣшки эти не мѣстнаго издѣлія, а привозятся откуда-то издалека, чуть ли не изъ Австріи) ожидаетъ своей ванны. Здѣсь можно видѣть хромыхъ и всякаго рода недужныхъ, чающихъ движенія воды, можно видѣть во время музыки—и здоровыхъ, даже очень здоровыхъ, молодыхъ и хорошенькихъ барышень, пріѣхавшихъ по большей частіи изъ ближнихъ русскихъ губерній, а также красавицъ грузинокъ и армянокъ, за которыми ухаживаетъ на перебой военная молодежь. Здѣсь же можно встрѣчать иногда мѣстную аристократію—офицеровъ драгунскаго полка, между которыми есть нѣсколько лицъ съ громкими аристократическими фамиліями, а также эмигрировавшаго въ Россію изъ Франціи принца Наполеона, состоящаго въ драгунскомъ полку эскадроннымъ командиромъ. Онъ квартируетъ здѣсь же около бульвара, нанимая очень и очень скромный домикъ. Здѣсь по утрамъ и послѣ полдня пьютъ воды (главнымъ образомъ эссентукскія), продаваемыя въ николаевскомъ вокзалѣ; многіе заходятъ отсюда въ находящуюся недалеко нѣмецкую кофейню, въ которой вы чувствуете себя совершенно также, какъ гдѣ либо на Брюлевской террасѣ въ Дрезденѣ: молоденькая фрейлейнъ подаетъ вамъ чай или кофе, молоко или какао, и даже отличный шеколадъ, хотя совершенно на нѣмецкій манеръ. Въ этой части бульвара, почему-то главнымъ образомъ процвѣтаютъ продавцы двухъ единственныхъ видовъ кустарныхъ издѣлій Пятигорска—отличныхъ кнутовъ изъ ремней (верховая ѣзда входитъ въ мѣстную жизнь неизбѣжною составною частью—и какъ отправленіе обыденнаго дѣловаго быта, и какъ удовольствіе), и тростей, или изъ голаго лакированнаго кизиля, добываемаго у подножія Эльборуса (такихъ же, какъ въ

Digitized by Google

Крыму, только почему-то безъ желѣзныхъ наконечниковъ, хотя и здѣсь прогулка по горамъ, особенно восхожденіе на Машукъ, происходитъ неизбѣжно при содѣйствіи этихъ палокъ) или въ обдѣлкѣ изъ серебра съ чернью и инкрустаціями. Эти послѣднія трости—верхъ изящества: Кавказъ вообще славится выдѣлкой серебряныхъ издѣлій съ чернью. Удивительно, что эти палки и тросточки не достигаютъ Петербурга, куда всѣ издѣлія этого рода, продающіяся у токарей и въ лавкахъ гостиннаго двора, отнюдь не могущія равняться съ кавказскими ни по дешевизнѣ, ни по красотѣ, непремѣнно привозятся изъ-за границы, какъ всѣ кошельки и портмонэ, сдѣланныя изъ русской кожи за границей же. Здѣсь я не разъ встрѣчалъ продавца древнихъ кавказскихъ, персидскихъ и другихъ (напримѣръ, золотоордынскихъ) монетъ; но страшно дорогой цѣнѣ онъ предлагалъ и превосходные экземпляры большихъ серебряныхъ вещей, древность и національность которыхъ я, плохой нумизматъ, опредѣлить не могъ.

Къ цвѣтнику непосредственно примыкаютъ зданія ваннъ: Ермоловскихъ и Николаевскихъ, въ которыхъ натуральная температура воды доходитъ до 37° (такъ что для ваннъ ее обыкновенно разбавляютъ ранѣе охлажденною водою того же источника). Рядомъ съ этими ваннами находится Николаевскій вокзалъ, въ которомъ помѣщаются: консультація врачей, контора, гдѣ покупаютъ билеты на ванны, и на прочее; библіотека съ небольшою читальною залою, въ которой имѣется 28 газетъ и 36 журналовъ литературныхъ и спеціальныхъ (управленіе водъ не поскупилось на расходы въ этомъ отношеніи, за что всѣ скажутъ ему спасибо—едва ли въ какомъ другомъ курортѣ можно найти столько матеріала для чтенія). Позади Николаевскаго вокзала помѣщается павильонъ для питья кумыса, и здѣсь же начинается подъемъ по хорошей каменной лѣстницѣ на скалу («Горячая гора») ограждающую Пятигорскъ съ востока. Бульваръ за цвѣтникомъ круто подымается въ гору. Здѣсь (на такъ называемомъ верхнемъ бульварѣ) находятся лучшія помѣщенія курорта и большой четырехъэтажный домъ военнаго вѣдомства для пріѣзжающихъ сюда лѣчиться военныхъ; воздухъ здѣсь чудеснѣйшій, совершенно свободный отъ сѣрныхъ испареній, наполняющихъ цвѣтникъ: деревья здѣсь—все липы, продолжительное цвѣтеніе которыхъ въ іюлѣ наполняетъ воздухъ особеннымъ ароматомъ; здѣсь изобиліе тѣни и фонтанъ, дающій обильную прохладу. Изъ продавцевъ, здѣсь встрѣчаются разнощики кавказскихъ мѣховъ, у которыхъ вы можете купить превосходнѣйшіе экземпляры шкурокъ каракульскихъ барашковъ, обдѣланные на единственной въ Пятигорскѣ (и во всемъ Предкавказьѣ) фабрикѣ,—купить, поторговавшись, вдвое дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Далѣе бульваръ идетъ по совсѣмъ крутой горѣ чрезъ большой садъ, густо заросшій цвѣтущими кустарниками и пахучими растеніями; по двумъ крутымъ лѣстницамъ вы подымаетесь наконецъ на Елизаветинскую галерею, названную такъ въ честь княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, супруги покойнаго намѣстника кавказскаго, которому Пятигорскъ обязанъ своимъ первоначальнымъ устройствомъ и всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго. Это—самая высокая мѣстность въ чертѣ

Digitized by Google

собственно города. Изъ нея вы выходите уже на скалы Машука и на прекрасное шоссе, ведущее къ «провалу», — небольшому гроту въ нѣдрахъ самой горы, въ которомъ находится маленькое озерко горячей сѣрной воды, а вверху — отверстіе, ради котораго гротъ и носитъ названіе провала. Если вы пойдете посмотрѣть на это чудо природы, подлѣ котораго, кстати, имѣется ресторанъ,—гдѣ вы найдете молоко, чай, кофе, кавказское вино, простоквашу и варенецъ,—то отправляйтесь, мимо Михайловской галереи, гдѣ есть источникъ для питья, въ одну изъ бесѣдокъ, помѣщающихся на отрогахъ Машука, саженей на 30—40 выше Елизаветинской галереи. Видъ изъ этихъ бесѣдокъ, одна изъ которыхъ называется «Эоловой арфой» (ничего похожаго на эоловы звуки тамъ нѣтъ, хотя, можетъ быть, нѣкогда и было что нибудь въ этомъ родѣ)— видъ дивный. Горизонтъ ширится въ неизмѣримую даль; въ ясный день, чрезъ удивительно прозрачный горный воздухъ, влѣво отъ васъ виденъ, какъ на ладони, весь бѣлоснѣжный кавказскій хребетъ; прямо противъ, правѣе хребта, «во флангѣ» у него, — какъ выражаются здѣшніе военные,—какъ бы на аванпостѣ Азіи, одиноко высится необъятный и неизмѣримый великанъ — Эльборусъ, величавое, безмолвное спокойствіе котораго и неподвижность среди окружающихъ его низинъ производитъ какое-то особое впечатлѣніе на зрителя: смотришь и не насмотришься. Такъ и кажется, что онъ что-то говоритъ вамъ самымъ своимъ безмолвіемъ и неподвижностью. Для васъ здѣсь становятся вполнѣ понятными тѣ олицетворенія горъ, какія въ такомъ изобиліи встрѣчаются у Лермонтова; вамъ такъ и хочется спросить этого мощнаго великана, какъ Жуковскій вопрошалъ океанъ:

Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Ты живъ и ты дышешь; смятённой любовью,
Тревожною думой наполненъ весь ты...

Ничего не отвѣчаетъ вамъ эта бѣлая и блестящая громада, это истинно «великое въ природѣ», эта прекрасная эмблема неизмѣнной мощи и несокрушимаго величія, перенося вашу мысль и чувство къ аналогичнымъ явленіямъ міра нравственнаго въ прошломъ и настоящемъ...

Налюбовавшись на Эльборусъ съ «Эоловой арфы», я чрезъ Михайловскую галерею, мимо тропы, ведущей на Машукъ,—побывать на которомъ хоть разъ считаетъ своею обязанностью каждый пріѣзжій,—прошелъ въ заброшенный эммануэлевскій паркъ (который, въ непродолжительномъ времени, управленіе водъ намѣрено привести въ цвѣтущій видъ, для чего уже проведена вода изъ общаго водопровода) а оттуда вышелъ въ нагорную часть города, лучшую въ климатическомъ отношеніи. Зашелъ въ ворота, на которыхъ значилось объявленіе о свободныхъ комнатахъ, чтобы спросить о цѣнѣ ихъ. На домикѣ, стоящемъ во дворѣ, видна доска съ надписью: «здѣсь жилъ Лермонтовъ». Мѣсто прекрасное, но отъ времени Лермонтова въ домикѣ не осталось и слѣда. Цѣны за комнаты здѣсь оказались несообразныя и, помянувъ геніальнаго поэта, я пошелъ дальше, мимо кладбища, — самаго, кажется, безмолвнаго

Digitized by Google

и меланхолическаго изо всѣхъ кладбищъ въ мірѣ. Я вспомнилъ, что на немъ похороненъ Алексѣй Егоровичъ Викторовъ, занимавшій скромный постъ хранителя рукописей въ Румянцевскомъ музеѣ, но сдѣлавшій очень много хорошаго для древней русской исторіи, а особенно для древне-русской литературы. Онъ наѣзжалъ иногда въ Пятигорскъ для лѣченія, и въ одну изъ моихъ предыдущихъ поѣздокъ на Кавказъ я недѣли три проводилъ время въ его обществѣ. Окончивъ свой лѣчебный курсъ, я уѣхалъ тогда въ Кисловодскъ, а онъ остался въ Пятигорскѣ. Пробывъ въ Кисловодскѣ дней десять, на обратномъ пути я заѣхалъ къ нему попрощаться,—но уже не нашелъ почтеннаго археолога въ живыхъ. Одинокій, ни съ кѣмъ не знакомившійся, онъ, страдая какимъ-то острымъ разстройствомъ желудка или кишечника, въ жару выпилъ не въ мѣру холодной воды (тогда еще очень плохой въ Пятигорскѣ,—не нынѣшней, изъ Юцы), и въ какія нибудь сутки скончался на чужихъ рукахъ. Тяжелой болью въ сердцѣ и грустной думой о судьбѣ замѣчательныхъ русскихъ людей отзывается во мнѣ этотъ эпизодъ. Я пошелъ на кладбище, чтобы сыскать его могилу и поклониться его праху; но заглянувъ въ сторожку и обойдя все кладбище, не нашелъ ни одной живой души, которая помогла бы мнѣ найти его могилу.

Не менѣе любопытна вторая высокая скала («Горячая гора»), огибающая центръ Пятигорска со стороны восточной, съ которой открывается видъ на другую половину города, въ низинѣ, населенную преимущественно людьми менѣе достаточными изъ мѣстныхъ жителей и изъ пріѣзжихъ; а также на громадную Горячеводскую станицу, насчитывающую не одну тысячу жителей. Эта скала—совершенно голая, лишь отчасти заросшая травой, пахнущей цѣлебными ароматами. Травы здѣсь никто не коситъ, и цѣлебныхъ растеній никто не собираетъ. Воздухъ превосходный, дышется легко и пріятно, и сюда слѣдуетъ ходить какъ можно чаще тому, кто хочетъ укрѣпить свои легкія. Идя вдоль скалы по тропѣ, вы видите на всемъ ея протяженіи громадную по длинѣ, то расширяющуюся, то съуживающуюся щель, отчасти заросшую и засоренную. Это—памятникъ бывшаго здѣсь, лѣтъ тридцать или болѣе тому назадъ, землетрясенія, заставившаго скрыться въ нѣдра скалы одинъ изъ болѣе сильныхъ и горячихъ сѣрныхъ ключей, дававшій воду для ваннъ. Когда вечеромъ, часовъ въ десять, я вздумалъ еще разъ пройтись по бульвару—вечеръ былъ теплый и сухой,—съ этой скалы слышалось пѣніе, отличное пѣніе свѣжихъ мужскихъ голосовъ, повидимому малороссійское. Пѣли въ темнотѣ какой-то чрезвычайно оригинальный, никогда неслыханный мною, мотивъ; словъ пѣсни я не разобралъ; но эта оригинальная серенада, которую слушали изъ открытыхъ оконъ сосѣднихъ домовъ, признаюсь, мнѣ понравилась больше, чѣмъ та, которую задавали мнѣ пѣвцы въ Венеціи въ 1871 г., со двора отеля Бауера, въ самый день моего пріѣзда въ этотъ городъ. Впрочемъ, я держусь того убѣжденія, что русскіе народные мотивы, по красотѣ и разнообразію, далеко превосходятъ пѣсенные мотивы всѣхъ безъ исключенія другихъ европейскихъ народовъ. Это мнѣніе мнѣ приходилось слышать даже отъ нѣмцевъ, во время одного изъ концертовъ Славянскаго.

Digitized by Google

Къ числу хорошихъ мѣстъ въ Пятигорскѣ принадлежитъ городской садъ, находящійся за чертою города, право собственности на который принадлежитъ безспорно городу, но оспаривается у него управленіемъ водъ на томъ основаніи, что управленіе устроило въ немъ большой фонтанъ и вообще очень много сдѣлало для его улучшенія. Прекрасный хуторъ аптекаря Больдта, находящійся верстахъ въ семи, также привлекаетъ многихъ красотою мѣстоположенія и чистотою воздуха.

Главный контингентъ лѣтнихъ жителей Пятигорска составляютъ, конечно, лѣчащіеся пріѣзжіе: лѣчатся здѣсь главнымъ образомъ отъ тѣхъ болѣзней, ради которыхъ ѣздятъ въ Ахенъ—сифилиса, паралича, ревматизма, и всякихъ послѣдствій порчи крови. Лѣченіе здѣсь настолько серьезное, что цѣлыхъ двѣ аптеки едва успѣваютъ удовлетворять требованіямъ; да, кромѣ того, существуетъ аптекарскій магазинъ, въ которомъ происходитъ продажа оптовая. Главное же здѣсь лѣкарство—мѣстныя сѣрныя ванны различной крѣпости: Сабанѣевскія (самыя сильныя), Николаевскія и Ермоловскія (средней силы), теплосѣрныя и Товіевскія (слабыя). Удобство лѣченія здѣсь состоитъ въ томъ, что при ваннахъ пьютъ также воды мѣстныя (изъ Елизаветинскаго и Михайловскаго источниковъ), а больше—эссентукскія, преимущественно №№ 17, 18 и 4 (щелочныя и соленощелочныя) хорошо дѣйствующія въ болѣзняхъ желудка и кишечника. Иногда въ систему лѣченія входитъ питье воды изъ находящагося въ 12 верстахъ отъ Пятигорска источника—Маріи Терезіи, которая дѣйствуетъ на желудокъ совершенно тожественно съ заграничными водами Франца Іосифа и Гуніади, но менѣе быстро. Этой водѣ, какъ и эссентукскимъ лепешкамъ, замѣняющимъ Вичи, безспорно предстоитъ большая будущность. Лѣчатъ здѣсь и отъ всякихъ другихъ болѣзней; въ большомъ ходу электризація; были даже нынѣшнимъ лѣтомъ два врача-психіатра. Врачей здѣсь великое множество, между ними нѣсколько молодыхъ профессоровъ изъ Петербурга (Субботинъ, Трапезниковъ, Поповъ и др.) изъ Харькова (Ковалевскій и др.), изъ Москвы (В. П. Богословскій и др.). Методъ лѣченія поставленъ здѣсь вполнѣ раціонально: если больной привезъ съ собою окончательно поставленный діагнозъ болѣзни и рецептуру, онъ сразу же выбираетъ врача по своему желанію изъ наличнаго числа (всѣхъ мѣстныхъ и пріѣзжихъ—было при мнѣ свыше тридцати); если хочетъ—отправляется въ консультаціи (одна изъ нихъ устроена отъ управленія водъ, другая—организована по частной иниціативѣ) состоящія изъ четырехъ или пяти врачей, которые, изслѣдовавъ больнаго во всѣхъ отношеніяхъ, назначаютъ ему лѣченіе, ввѣряя руководство имъ одному изъ своихъ членовъ. Плата за совѣты консультацій не дорогая: въ одной изъ нихъ—5 р., въ другой 10 р. Насколько мнѣ случалось слышать, лѣченіе здѣсь идетъ успѣшно. Всѣ, здѣсь бывшіе, были свидѣтелями такого факта: одна молоденькая барышня въ началѣ показывалась на водахъ не иначе какъ въ катальномъ креслѣ, совершенно разслабленная, еле живая; дней черезъ пятнадцать-двадцать, она уже бодро расхаживала на костыляхъ; а въ день своего отъѣзда изъ Пятигорска, я видѣлъ, какъ она прыгала, словно козочка, по крутой лѣ-

Digitized by Google

стницѣ Елизаветинской галереи, черезъ ступень. Застарѣлые параличи, конечно, не такъ легко поддаются лѣченію; но все же, въ общемъ, по отзывамъ врачей, результаты лѣченія здѣсь болѣе чѣмъ удовлетворительны. Успѣхъ лѣченія много зависитъ отъ того, насколько строго и точно выполняютъ лѣчащіеся предписанный имъ режимъ: многіе и очень многіе часто нарушаютъ его, увлекаясь удовольствіями, какъ напр., прогулками по вечерамъ, строго запрещаемыми здѣсь всѣмъ «курсовымъ», или же, наоборотъ, предаваясь неумѣренному сидѣнью въ закрытой комнатѣ за виномъ, въ табачномъ дыму, а также не соблюдая должной діэты при питьѣ минеральныхъ водъ и т. п.

Главное благо Пятигорска, измѣнившее его до неузнаваемости, это—устроенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ громадный водопроводъ, дающій въ сутки 300,000 ведеръ превосходнѣйшей воды, проведенной изъ находящагося верстахъ въ восьми отъ Пятигорска источника горы Юцы,—воды, какая жителямъ Петербурга, и даже Москвы съ ея Мытищами, и во снѣ не снилась. Обширные фонтаны, о которыхъ говорено выше, распространяютъ во всѣхъ мѣстахъ прогулки—въ скверахъ, садахъ и на бульварѣ—свѣжесть и прохладу (температура воды у истока водопровода—11°, а въ фонтанахъ—13°), такъ что о прежнемъ удушьѣ и зноѣ нѣтъ болѣе и помину: даже въ знойный полдень въ тѣнистыхъ скверахъ дышется легко. Обильная регулярная поливка улицъ повсемѣстно уничтожаетъ пыль, которой совсѣмъ не видно въ городѣ; такая же поливка деревьевъ и кустарниковъ служитъ причиной, что даже въ концѣ іюля они не только не блекнутъ, но обильно разростаются, такъ что тѣнистость ихъ сохраняется во все лѣто. Чай, завариваемый на этой дивной водѣ, сохраняетъ весь свой вкусъ и ароматъ.

Однако мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобы ужь ничего болѣе не оставалось и пожелать для Пятигорска. Не смотря на небольшое число пріѣзжихъ въ 1893 году, слышались жалобы на недостатокъ ваннъ: значитъ нужно увеличить ихъ число (ваннъ Ермоловскихъ и теплосѣрныхъ). Нужно замостить улицы города, а особенно торговую площадь, на которой достаточно таки наслоилось навоза и мусора,—около нея ютятся пріѣзжіе побѣднѣе, и въ прошедшемъ году, когда здѣсь появилась было холера, заставившая въ нѣсколько дней убраться изъ Пятигорска всѣхъ пріѣзжихъ, за эту часть города опасались вполнѣ основательно. Городское управленіе (особенно почтенный городской голова Н. И. Архиповъ) выбивается изъ силъ, чтобы удовлетворить этой насущной потребности; но у города недостаетъ средствъ на тотъ крупный расходъ, какой требуется для того, чтобы очистить весь городъ отъ массы мусора, накапливавшагося десятками лѣтъ, вслѣдствіе того, что здѣсь, удобреніе полей навозомъ не производится, и весь онъ остается на дворахъ домовъ или выбрасывается куда попало, ad libitum. Казенная администрація водъ должна прійти въ этомъ дѣлѣ на помощь городскому управленію. Въ продолженіе лѣта, нынѣ едва успѣли замостить лишь одну сторону бульвара плитнякомъ, добываемымъ изъ отроговъ Бештау и обтесаннымъ въ несовсѣмъ правильные кубики. Кладка кусковъ плитняка дѣлается прямо по слою песку, при-

Digitized by Google

чемъ куски невполнѣ плотно прилегаютъ одинъ къ другому; затѣмъ эта кладка обильно посыпается мелкимъ щебнемъ и пескомъ, и утрамбовывается. Такая кладка, можетъ быть, не особенно прочна; но ея хорошая сторона состоитъ въ томъ, что она легко пропускаетъ воду въ самую почву, обыкновенно здѣсь сухую, и на такой дорогѣ даже послѣ сильнаго дождя нѣтъ ни лужъ, ни грязи. Необходимо далѣе—совершенно необходимо!—устроить для домовладѣльцевъ города хорошій и дешевый кредитъ, пользуясь которымъ они могли бы снабдить свои дома и гостинницы приличной и хорошей обстановкой, кроватями съ пружинными матрацами и волосяными тюфяками, мягкою мебелью, вообще всѣми необходимыми удобствами, напр., водопроводами и ватерклозетами (нынѣ на весь городъ имѣется лишь нѣсколько домовъ съ водопроводами; громадное же большинство домовъ получаетъ воду изъ водоразборныхъ будокъ, откуда прислуга носитъ ихъ ведрами на коромыслѣ). Для привлеченія въ курортъ людей богатыхъ, управленію водъ слѣдуетъ построить гостинницу пообширнѣе и получше тѣхъ, какія имѣются, гдѣ комнаты были бы больше и выше,—гостинницу въ родѣ ялтинской «Россіи» и эссентукской «Компанейской». Человѣкъ, привыкшій жить по барски въ своемъ домѣ или въ обширной квартирѣ, нелегко мирится даже съ лучшими помѣщеніями въ «Казенной» и «Центральной» гостинницахъ,—ему здѣсь тѣсно и душно, не смотря на мягкую мебель и другія относительныя удобства. Зданіе Николаевскаго вокзала слѣдовало бы оставить исключительно для питья водъ, устроивъ самую залу въ два свѣта, чтобы въ немъ было больше воздуха, который нынѣ удушливъ и тяжелъ отъ недостатка вентиляціи и отъ обилія всевозможныхъ запаховъ отъ разныхъ эссенцій, которыми полощатъ ротъ послѣ питья воды. Библіотеку и читальную комнату, а также контору и залу консультаціи, совершенно необходимо перемѣстить въ новое болѣе просторное зданіе—особенно библіотеку, въ которой всегда скопляется много посѣтителей, вносящихъ обыкновенно съ собою запахи разныхъ втираній и сѣрныхъ ваннъ. Для новой гостинницы имѣется и превосходное свободное мѣсто, въ нагорной части Пятигорска, по дорогѣ къ госпиталю. Здѣсь чудный горный воздухъ сдѣлаетъ Пятигорскъ удобнымъ для лѣчебнаго пребыванія даже слабогрудыхъ и чахоточныхъ, вынужденныхъ ѣхать въ Кисловодскъ, гдѣ цѣны на все, особенно на помѣщенія, значительно дороже. Очень полезно бы устроить также интернатъ съ дешевыми комнатами для пріѣзжихъ небогатыхъ людей (на подобіе существующаго здѣсь дома для военныхъ) съ общимъ столомъ. Устройство большой вполнѣ комфортабельной гостинницы для богатыхъ и интерната для бѣдныхъ заставило бы пятигорскихъ домовладѣльцевъ понизить цѣны на помѣщенія въ ихъ домахъ, и такимъ образомъ устранилось бы главное неудобство Пятигорска, какъ курорта,—относительная дороговизна помѣщеній, при недостаткѣ удобствъ,—и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, число посѣтителей его возросло бы вдвое—втрое.

Просматривая «Листокъ для пріѣзжающихъ», вы замѣтите, что, не смотря на относительно небольшое число пріѣзжихъ, здѣсь въ теченіе лѣта перебываютъ представители—по одному, по два—изъ

Digitized by Google

самыхъ разнообразныхъ слоевъ Россіи, преимущественно изъ средняго, торговаго и промышленнаго классовъ, пріѣзжающихъ сюда, конечно, не для удовольствія, а прямо для лѣченія. Сидя въ цвѣтникѣ во время музыки или прогуливаясь въ немъ передъ ванной, вы несомнѣнно убѣдитесь въ этомъ. Вотъ рядомъ со мною садятся два очень молодыхъ человѣка, словно товарищи по школѣ, и съ ними третій постарше, вѣроятно, сосѣдъ ихъ по квартирѣ, съ которымъ они познакомились за табльдотомъ. Юноши оба—ни дальше, ни ближе—изъ восточной Сибири. Они—сыновья двухъ богатыхъ купцовъ, торгующихъ чаемъ, и по окончаніи гимназіи отдались дѣлу своихъ родителей. Оба—франты; одинъ вертитъ въ рукахъ громоздкій серебряный портсигаръ съ богатыми инкрустаціями и эмальировкой: видно, что въ подобныхъ вещахъ онъ цѣнитъ не удѣльную легкость, соединенную съ изяществомъ, а тяжеловѣсную стоимость,—характеристическая черта собственно русскихъ капиталистовъ. Портсигаръ купленъ въ Нижнемъ, во время прошлогодней ярмарки, на которой солидный юноша велъ дѣла, въ качествѣ представителя своей фирмы,—купленъ собственно потому, что «надо же самому поторговать, да и другимъ дать нажиться». Ему не было даже надобности въ этомъ портсигарѣ: и курить онъ мало («курить—одно баловство и глупость») да есть у него и другой портсигаръ, подареный отцомъ, который, увидѣвъ у него разъ папиросу въ зубахъ, когда онъ былъ еще гимназистомъ, вмѣсто того чтобы выбранить его и надрать уши, какъ онъ боялся, сказалъ: «что это? кури, коли хочешь», а затѣмъ и портсигаръ подарилъ, и денегъ сталъ давать на папиросы. А онъ, немного погодя, и курить-то почти пересталъ,—и курить развѣ только для компаніи. Пока онъ думалъ, что отецъ запрещаетъ ему это,—онъ курилъ, а какъ увидѣлъ, что запрета нѣтъ, — сейчасъ же и пересталъ курить. Вѣдь только запретный плодъ сладокъ! Другой юноша, помоложе, вертѣлъ въ рукахъ тросточку,—изящнѣйшее кавказское издѣліе, сплошь почти украшенное серебромъ съ чернью. Оба они—еще юноши, а говорятъ, какъ старики, все больше о своемъ дѣлѣ, говорятъ серьезно, съ увѣренностью, съ хорошимъ знаніемъ своего дѣла. Мнѣ не пришлось дослушать ихъ разговора; но я увѣренъ, что мальчики сообщили своему собесѣднику такія подробныя и точныя свѣдѣнія о Кяхтѣ и ея торговлѣ, какихъ не найдешь и въ отчетѣ спеціальной комисіи. Недалеко отъ насъ сидѣлъ человѣкъ, очень скромно одѣтый, простаго и грубаго вида. Младшій изъ юношей, указывая на него, говоритъ: «Вотъ это тоже нашъ сибирякъ, прикащикъ лѣсоторговца N. N. Живетъ полгода одинъ въ лѣсу, среди дикарей, скупаетъ у нихъ звѣриныя шкуры и тысячами отправляетъ на пароходѣ хозяину. Совсѣмъ одичалъ и самъ. Прошлымъ лѣтомъ около него полъ-тайги выгорѣло. Подлецы эти дикари! Развелъ огонь на берегу рѣки сварить пищу, да и не погасилъ потомъ. Пахнулъ вѣтеръ, посыпались на лѣсъ искры, полетѣли головни. Пока ударялъ огонь въ листву — ничего, а попалъ на сухіе сучья — запылала тайга, да цѣлый мѣсяцъ и горѣла: пока сама не перестала, никто не тушилъ. Этакъ, пожалуй, дойдетъ до того, что и у насъ въ Сибири на дрова установятся московскія цѣны. Много у насъ лѣсу, да и огню

Digitized by Google

нѣтъ границы, коли запалитъ».—«А чего смотритъ начальство»?—возразилъ собесѣдникъ. — «Лѣсничій-то? Да онъ за 500 верстъ, по вечерамъ, у становихи дуется въ стуколку, а по утрамъ строчитъ отчеты для министерства о томъ, что имъ по своей части... не сдѣлано». Подобныхъ разговоровъ можно наслушаться вдоволь. Въ верхней бесѣдкѣ за Елизаветинской галереей сидятъ двѣ дамы: одна изъ мѣстныхъ жительницъ, другая пріѣзжая. «Гдѣ же у васъ тутъ черкесы-то»?—спрашиваетъ послѣдняя.—«Въ аулахъ, матушка, въ аулахъ. Верстъ 10, 15, 20 отсюда аулы эти. А сюда черкесовъ не пускаютъ, потому буйствуютъ. Только разъ въ недѣлю, утромъ, позволяется имъ пріѣзжать на базаръ для продажи и покупокъ. Продаютъ больше бараньи шкурки,—они все барановъ своихъ жарятъ и ѣдятъ. А хлѣбъ ѣдятъ прѣсный, лепешки такія—чуреки называются. Сдѣлаютъ ихъ изъ густаго раствора муки и спекутъ, облѣпивши ими свои печки, послѣ или во время топки. А печей у нихъ настоящихъ нѣтъ. Посреди сакли сдѣлана въ полу,—а полъ глиняный у нихъ,—яма; въ ней разведутъ огонь, а надъ нимъ повѣсятъ съ потолка котелъ. Въ котлѣ варятъ ту же баранину съ кореньями и овощами—выходитъ похлебка, да на вертелѣ зажарятъ баранину—шашлыкъ называется. Чуреки, похлебка изъ баранины, шашлыкъ,—вотъ ихъ обѣдъ. Ну, тамъ овощи и фрукты тоже. Чай пить тоже многіе изъ нихъ научились. Бузу свою—ихнее вино самодѣльное—очень любятъ и часто напиваются ею допьяна. Женщинамъ у нихъ хорошо. Ничего не работаютъ, такъ развѣ что около дома и на счетъ приготовленія пищи. А ничего у нихъ нѣтъ, матушка, такого, что было бы по нашему: домовъ нашихъ не строятъ, все сакли ихнія; ни шкафовъ, ни стульевъ, ни комодовъ нашихъ нѣтъ, и посуда все ихняя, — кувшины разные, а не наши. Рѣдко-рѣдко есть у кого наши чашки чайныя и стаканы... Одѣваются женщины нарядно, многія въ бархатѣ и шелку ходятъ — сама видѣла. А русскихъ не любятъ, матушка, и все ходятъ злющіе такіе... Съ русскими теперь драться нельзя, такъ межъ собою бывало дерутся. Одинъ черкесъ вздумалъ построить плетень вокругъ своей сакли, да на аршинъ прихватилъ землицы сосѣда. Сосѣдъ сейчасъ же за кинжалъ и началась потасовка, весь аулъ передрался. Дрались-дрались, пока не наѣхалъ русскій начальникъ, — атаманомъ отдѣла называется,—съ казаками. Двѣнадцать мертвецовъ собрали съ улицы, а что было раненыхъ, которые расползлись сами по саклямъ, того не сосчитано». — «Посмотрѣть бы на нихъ съѣздить»?—«Что жь, можно. Ласки большой не выкажутъ, а и зла не сдѣлаютъ. На этотъ предметъ отъ каждаго аула большой залогъ берется нашимъ атаманомъ. За всякую христіанскую душу аулъ отвѣчаетъ этимъ залогомъ, а старшина аула, кромѣ того, и головой. Поѣзжай, коли хочешь, можно колясочку нанять, — господа, коли ѣздятъ туда, то больше все верхомъ». Слушая подобные разсказы, я не разъ думалъ: вотъ бы всѣ эти разсказы записывать да печатать въ мѣстномъ «Листкѣ», что ли. Какой бы прекрасный этнографическій сборникъ составился!

«Вотъ, господа—говорю двумъ юношамъ-сибирякамъ:—вамъ бы написать, что разсказываете; теперь ваши разсказы слушаетъ вашъ

Digitized by Google

сосѣдъ, да еще я—любо ли те вамъ, не знаю,—а тогда бы вся Россія читала про Сибирь, да радовалась, что такая у васъ благодатная страна». —«Ну, пока благодати-то у насъ не ахти сколько. Народу, людей, у насъ ужь очень мало, некому и дѣла-то дѣлать, землю ли пахать, или стада разводить. Травы не обобраться, сколько хочешь. Скота много можно держать,—ничего бы не стоилъ прокормъ,—да сыры дѣлать. А по рѣкамъ лѣсъ строевой сплавлять, да и дрова можно, благо дороги они нынѣ въ европейской Россіи. Пушнаго звѣря сколько! Мѣховъ бы на всю Европу въ одинъ годъ предоставили. У насъ же и ружья-то порядочнаго нѣтъ, хоть и близко всякое желѣзо и самые заводы ружейные. А рыба-то, рыба-то какая! Большущая въ большихъ рѣкахъ; чуть не прямо руками можно брать ее, не то, что сѣтями. Вотъ ужо пройдетъ чугунка,—такъ не Нижній насъ, а мы Нижній будемъ всѣмъ снабжать, кромѣ развѣ бакалеи да мануфактурныхъ товаровъ. Впрочемъ, и теперь у насъ уже есть свое сукно и трико—втрое дешевле вашего, петербургскаго, а не хуже». Я замѣтилъ, что эти сукна и трико продаются уже въ Петербургѣ. Юноша помолчалъ немного. «Вотъ пройдетъ чугунка, тогда пріѣзжайте посмотрѣть, что и какъ у насъ. Иное за чудо вамъ покажется».—«Чугунка, чугунка—наладилъ одно!—замѣтилъ его товарищъ.—Хорошее, полезное дѣло, но еще когда-то окончатъ эту самую чугунку? До денегъ больно охочи наши подрядчики, а ужь какъ они строятъ, кто ихъ знаетъ. Вонъ, сказывали, одинъ подрядчикъ взялъ за кубъ насыпи, примѣрно, три рубля, да сдалъ тотъ же кубъ за два, а тотъ—третьему, и ужь за рубль. Хороша ли насыпь-то выдетъ,—ты разсуди! Дай Богъ, чтобъ такихъ подрядчиковъ ловили скорѣе съ поличнымъ, до перваго пробнаго поѣзда».—Юноша засмѣялся. Я спросилъ о значеніи для Сибири томскаго университета.—«Далеко очень отъ насъ,—съ краю! Мы ничего о немъ и не знаемъ. Вотъ, кабы въ Иркутскѣ, лучше бы было. Лѣкарей намъ готовятъ, — это хорошо. До сихъ поръ все больше бурятскіе знахари врачуютъ... А надо бы еще мало ли кого: и инженеровъ, и лѣсничихъ, и мастеровъ горнаго дѣла: руду-то, какая ни есть,—серебряная, али и сама золотая,—у насъ копаютъ, какъ при царѣ Горохѣ. Пароходовъ бы хорошихъ для большихъ рѣкъ, да машинъ бы всякихъ побольше»... О русскихъ переселенцахъ въ западную Сибирь—съ нею они познакомились проѣздомъ—юноши разсказывали такія вещи, что повторять страшно. «Мрутъ-де на пути, какъ мухи зимой, сотнями. Помощи почти никакой; ухода за больными нѣтъ, только въ Тюмени есть плохой лазаретъ. А и до мѣста доберутся — нечѣмъ взяться; никакого обзаведенья купить негдѣ: больно далеко жилыя-то мѣста, гдѣ продаются какія ни на есть сельско-хозяйственныя орудія. А съ однимъ топоромъ много ли дѣла надѣлаешь? Пока избу срубятъ, смотришь—кто замерзъ, кто съ худой пищи хвораетъ»... Любо было слушать этихъ умныхъ юношей, этихъ свѣжихъ людей, бодрыхъ духомъ и тѣломъ, все свое знающихъ и понимающихъ. Благо тому населенію, среди котораго зрѣетъ такое молодое поколѣніе,—не то, что наши дряблые духомъ и тѣломъ петербургскіе ребята, переутомленные и изнемогшіе уже при самомъ началѣ жизни. Но много ли такихъ юно-

Digitized by Google

шей въ Сибири? все ли юное поколѣніе тамъ такое же свѣжее и бодрое духомъ, какъ эти два юныхъ комерсанта?—для рѣшенія такого вопроса въ Пятигорскѣ, конечно, не нашлось данныхъ. Встрѣчались въ Пятигорскѣ и кіевляне, сообщавшіе, что квартиры въ Кіевѣ дороже петербургскихъ,—населеніе ольгина града растетъ сильно годъ отъ году и годъ отъ году размножается тамъ «гонимое» племя, никому не дающее житья. Ѣзда по Днѣпру на пароходахъ—и смѣхъ, и горе: ежемѣсячно разбивается по пароходу, и не на мели, а просто отъ ночной встрѣчи парохода съ пловучими гонками, на которыхъ ни за что не хотятъ зажигать по ночамъ огней. Тамбовцы жалуются на «перепроизводство» въ ихъ городѣ благотворительныхъ учрежденій и домовъ для душевно-больныхъ. «То и дѣло, то тотъ, то другой жертвуютъ десятки и сотни тысячъ на больницы и богадѣльни. А кого въ нихъ помѣщать? Развѣ изъ деревень за триста верстъ выписывать... На полъ Россіи хватитъ нашихъ богадѣленъ и больницъ».

Н. Щирскій.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Поблекшій листъ.

(Изъ **Альфреда Трегера**).

Ты—лучъ сіяющій и алый,
Я—листъ поблекшій и сухой;
Ты блещешь радужной игрой,
Я на землѣ лежу, усталый.
Лучъ солнца въ зелени скользитъ,
Любовно къ вѣткамъ припадетъ,
И съ состраданіемъ глядитъ,
Какъ желтый листъ у ногъ дрожитъ
И въ смертныхъ мукахъ умираетъ!

Л. Афанасьевъ.

Digitized by Google

РАБЪ СВѢТА.

Политическій романъ изъ англо-французской жизни,

Генри Сетона Мерримена.

V.

Опять вмѣстѣ.

Мягкая августовская ночь охладила пыльную и жаркую атмосферу. Все казалось прекраснымъ даже въ Лондонѣ. Спокойная Темза неслышно струилась къ морю, словно хотѣла украдкой перелить свои мутныя волны въ холодный океанъ.

Яркое утро привѣтствовало Христіана Веллакотта, когда онъ отворилъ дверь своего маленькаго дома въ Чельси и вышелъ на улицу свободнымъ гражданиномъ. Придя къ заключенію, что ему необходимо ѣхать, онъ побѣдилъ всѣ препятствія и теперь уже ничто не могло его заставить измѣнить свое рѣшеніе. Онъ не предчувствовалъ, что дѣлаетъ важный шагъ въ жизни—одинъ изъ тѣхъ шаговъ, громадное значеніе которыхъ мы сознаёмъ лишь впослѣдствіи, когда оглядываемся на свое прошлое. Христіанъ былъ практиченъ во всемъ, и умѣлъ путешествовать съ комфортомъ, отлично укладывая всѣ свои дорожныя вещи, такъ что онѣ нимало не стѣсняли его.

Дымныя предмѣстья Лондона скоро остались позади: передъ глазами развернулись улыбающіяся поля; воздухъ былъ напоенъ сладкимъ, нѣжнымъ благоуханіемъ, непривычнымъ для человѣка, нѣсколько лѣтъ прожившаго безвыѣздно въ душномъ городѣ. Христіанъ опустилъ окно, и теплый, свѣжій воздухъ повѣялъ на него опять, послѣ двухъ длинныхъ лѣтъ затворнической жизни. Вѣтеръ заигралъ его волосами и принесъ ему воспоминаніе о тѣхъ долгихъ, ясныхъ, счастливыхъ дняхъ, которые онъ провелъ съ отцомъ на берегу Средиземнаго моря,

Digitized by Google

когда они вели образъ жизни не то моряковъ, не то бродячихъ цыганъ, плавая на своей яхтѣ отъ одного порта къ другому, отъ селенія къ городу и обратно, свободные и безпечные, какъ вѣтеръ. Этотъ теплый вѣтерокъ, казалось, прилетѣлъ къ нему не отъ спокойнаго Букингэмпшира, но съ какихъ-то знойныхъ равнинъ Италіи. Потомъ его мысли перенеслись еще далѣе, къ школьной жизни въ Прагѣ, когда его отецъ и м-ръ Керью были коллегами въ блестящемъ, но несчастливомъ посольствѣ. Съ тѣхъ поръ миновало пять лѣтъ. Отцы теперь уже въ могилѣ, а ихъ дѣти разошлись, каждый своей дорогой, какъ всегда бываетъ съ людьми, когда личные интересы идутъ въ разрѣзъ съ юношеской дружбой. И вотъ опять, въ концѣ этого лѣта, имъ суждено встрѣтиться. Но не всѣмъ! Среди нихъ никогда уже не будутъ раздаваться звуки трехъ милыхъ родныхъ голосовъ. М-ръ Керью, Вальтеръ Веллакоттъ («дядя Вальтеръ», какъ называли его юные Керью) и маленькій Чарли Керью, юный голубоокій морякъ—всѣ они перешли въ страну, изъ которой не возвращаются. О двухъ первыхъ въ семействѣ говорили всегда тихимъ, почтительнымъ тономъ, но о маленькомъ Чарли никто не смѣлъ упоминать. Въ глубокомъ и величавомъ уединеніи, среди туманныхъ ледяныхъ равнинъ сѣвера, покоился онъ вѣчнымъ сномъ. Кумиръ всего экипажа, онъ умеръ съ улыбкой въ своихъ дѣтскихъ голубыхъ глазахъ, съ послѣдней шуткой на устахъ, чтобы развеселить суровыхъ матросовъ, закутанныхъ въ оленьи шубы и преклонившихъ колѣни вокругъ его смертнаго ложа. Время, не знающее милосердія, затянуло глубокую рану въ юныхъ сердцахъ. Но старое сердце осталось незажившимъ. Надъ нимъ не имѣло власти время. М-съ Керью, женщина съ терпѣливымъ лицомъ и привѣтливой улыбкой, была теперь главой семьи. Ея дочери, а, можетъ быть, даже и сыновья,—хотя мальчики не могутъ такъ нѣжно сочувствовать матери, какъ дѣвочки,—угадывали, что̀ означаютъ эти печальныя складки вокругъ ея улыбающихся губъ. Онѣ чутко улавливали дѣланность ея ласковаго смѣха.

Миновавъ Эксетеръ, Христіанъ прибылъ на станцію—конечную цѣль своей поѣздки. Это былъ глухой приморскій городокъ, по счастію, расположенный слишкомъ далеко отъ Лондона, Плимута и Бристоля, чтобы сдѣлаться пунктомъ морскихъ купаній. На платформѣ ожидалъ его Сидней Керью—муску-

Digitized by Google

листый типичный молодой англичанинъ съ той размѣренной медленностью движеній, которая передавалась ему цѣлымъ рядомъ англійскихъ предковъ. Молодые люди не видѣлись много лѣтъ, но разлука не ослабляетъ дружбы между мужчинами. Въ теченіе многихъ лѣтъ, они не только не встрѣчались, но даже рѣдко переписывались, а теперь, при встрѣчѣ, ограничились простымъ восклицаніемъ: «Здорово, старый товарищъ»! и теплымъ рукопожатіемъ, какъ будто они вовсе не разставались.

— Какъ поживаете, Сидней?

— Какъ ваши дѣла, Христіанъ?

Это было все, что они сказали другъ другу. Оба сильно измѣнились по наружности и замѣтили это, но не высказали вслухъ ничего.

— Молли ожидаетъ насъ въ одноколкѣ,—сказалъ Сидней.

— Вы уже получили багажъ?

— Да.

Миссъ Молли Керью съ женской дальновидностью осталась сидѣть въ одноколкѣ, пока ея братъ встрѣтитъ Христіана на платформѣ. Она боялась, что при встрѣчѣ старыхъ друзей дѣтства произойдетъ трогательное волненіе, и поэтому рѣшила оставить ихъ наединѣ. Ея опасенія были излишни, но она не видала Христіана много лѣтъ и не знала, какой у него сложился характеръ.

При видѣ Молли, Христіанъ быстро подошелъ къ ней, приподнялъ шляпу и пожалъ ей руку, какъ будто они видѣлись наканунѣ. Молли перестала тревожиться. Она увидѣла, что Христіанъ Веллакоттъ остался точно такимъ же, какимъ она его помнила. Она взглянула на него, когда онъ стоялъ, взявшись рукой за край одноколки, и онъ, улыбаясь, тоже посмотрѣлъ на нее.

— Знаете ли, Христіанъ,—проговорила она,—я съ трудомъ узнала васъ. Вы стали такой огромный и... смотрите настоящимъ привидѣніемъ!—докончила она съ легкимъ смѣхомъ, сгладившимъ рѣзкость ея сравненія.

— Привидѣніемъ?—отозвался онъ.—Благодарю! Не замѣчаю въ себѣ ничего призрачнаго—я голоденъ, какъ самый живой человѣкъ. Голоденъ и безумно радъ видѣть лицо, на которомъ нѣтъ слѣдовъ переутомленія.

— То есть мое?

Digitized by Google

— То есть ваше.

Она сдѣлала легкій саркастическій поклонъ и надула пунцовыя губки.

— И, однако, я единственная особа въ домѣ, которая хоть что нибудь да работаетъ. Гильда, напримѣръ...

Въ этотъ моментъ подошелъ Сидней и перебилъ ее.

— Садитесь на переднюю скамейку, Христіанъ,—сказалъ онъ,—Молли будетъ править, а я сяду позади. Вашъ багажъ перевезутъ за нами въ повозкѣ.

Они проѣхали очень весело шесть миль разстоянія отъ станціи. Маленькія сильныя руки Молли отлично умѣли править, а мужчины могли свободно разговаривать въ это время, и молодая дѣвушка успѣвала принимать участіе въ ихъ бесѣдѣ. Христіанъ и Молли украдкой поглядывали другъ на друга. Бойкая, насмѣшливая дѣвочка, которую помнилъ Христіанъ, превратилась теперь въ очаровательную, дѣловитую молодую леди. Неопредѣленный дѣтскій профиль сдѣлался яснымъ и правильнымъ. Непокорные волосы гладко зачесаны. Только глаза ея не измѣнились—тѣ же смѣющіеся безстрашные глаза, что и въ старину.

Она помнила Христіана застѣнчивымъ, довольно обыкновеннымъ мальчикомъ. Теперь же она видѣла мужественнаго, одареннаго самообладаніемъ, человѣка. Онъ былъ высокъ ростомъ и силенъ физически, но она угадывала въ немъ и другую скрытую силу—силу ума и воли, которые, однажды проявившись, способны покорять себѣ все и всѣхъ. Молли съ большимъ искусствомъ повернула одноколку на всемъ скаку въ узкія ворота, и только тогда показался домъ — низенькое зданіе, выстроенное изъ кирпича и камня. При взглядѣ на этотъ домъ, почему-то казалось, что внутри онъ очень уютенъ и комфортабеленъ. Окна выходили на плоскій берегъ, скудно поросшій деревьями и тянувшійся однообразно до самаго моря. Стѣны были толсты и прочны. Входная дверь была замѣчательно широка и, по нѣкоторымъ признакамъ, можно было замѣтить, что прежде она была еще шире. Въ былыя времена, этотъ домъ представлялъ изъ себя четырехъугольникъ, обнесенный стѣною, въ центрѣ котораго находился дворъ безъ навѣса, куда загоняли на ночь овецъ и домашній скотъ; тогда кругомъ бродили шайки французскихъ мародёровъ. Домъ былъ окруженъ со всѣхъ

Digitized by Google

сторонъ, и сключая морскаго берега, сучковатыми искривленными деревьями—шотландской елью, веймутской сосной, да кое-гдѣ узловатымъ карликовымъ дубомъ. Въ саду, впрочемъ, было много кустарниковъ и зелени, а за садомъ сверкала серебристая полоса тихаго и глубокаго пруда.

Мистрисъ Керью привѣтствовала Христіана у открытыхъ дверей. Она сказала ему очень немного, но ея встрѣча была такая теплая и дружеская, что не требовала лишнихъ словъ.

— Гдѣ Гильда?—спросила Молли, легко спрыгивая на землю съ одноколки.

— Не знаю, дорогая. Она вышла куда-то,—въ садъ, по всей вѣроятности. Вы пріѣхали раньше, чѣмъ васъ ждали; вѣроятно, поѣздъ прибылъ ранѣе обыкновеннаго. Еслибы Гильда знала это, она была бы здѣсь, чтобы встрѣтить васъ, Христіанъ, я въ этомъ увѣрена.

— Я думаю, что она у пруда,—сказала Молли.—Пойдемте, Христіанъ; отправимся ее разыскивать. Въ эту сторону!

Сидней въ это время повернулъ одноколку къ стойламъ.

Христіанъ, слѣдуя за своей прекрасной спутницей, по узенькой тропинкѣ, ведущей къ пруду, начиналъ приходить къ заключенію, что вовсе не такъ трудно сбросить съ своихъ плечъ скучное бремя житейскихъ заботъ, какъ онъ воображалъ. Въ концѣ концовъ, нѣтъ надобности сосредоточивать всѣ свои помышленія только на одномъ «Маякѣ». Безпокойство насчетъ его престарѣлыхъ тетокъ тоже ослаблялось разстояніемъ. Здоровый морской воздухъ, пріятное и ласковое общество уже начинали оказывать на него свое дѣйствіе. Вдругъ Молли остановилась и Христіанъ увидѣлъ, что она стоитъ на берегу узкаго и длиннаго пруда, у тяжелой каменной баллюстрады, мѣстами обвалившейся и заросшей кругомъ пышнымъ бархатнымъ мохомъ.

— Христіанъ, я думаю, Сидней уже сообщалъ вамъ кое-что о нашихъ домашнихъ новостяхъ,—проговорила Молли безпечно.—Я знаю, что мужчины въ своихъ письмахъ немногословны, но все таки онъ долженъ былъ вамъ сообщить нѣчто.

Христіанъ стоялъ возлѣ нея и смотрѣлъ въ глубокую и прозрачную воду.

— Да,—отвѣтилъ онъ медленно,—да, Молли; онъ сообщалъ мнѣ кое-что, но въ очень сжатой и неудовлетворительной формѣ.

Digitized by Google

Выраженіе тревоги мелькнуло на секунду въ ея глазахъ и потомъ она заговорила немного поспѣшнѣе обыкновеннаго, не возвышая голоса:

— Онъ ничего не писалъ вамъ насчетъ... Гильды?—спросила она.

Христіанъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на нее.

— Ничего.

Слѣдуя за направленіемъ ея взгляда, онъ увидѣлъ приближающихся къ нимъ молодаго человѣка и дѣвушку, шаги которыхъ были неслышны во мху, покрывавшемъ дорожку. Молодой человѣкъ былъ средняго роста съ открытымъ смуглымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ для верховой ѣзды и шелъ слегка покачиваясь, что̀ было слѣдствіемъ частаго упражненія въ верховой ѣздѣ. Дѣвушка была высокая и статная, и въ ней замѣчалась какая-то старосвѣтская грація движеній, удивительно гармонировавшая съ окружающей обстановкой. Она шла, опустивъ голову, и Христіанъ не могъ видѣть ея лица, но такъ какъ на ней не было шляпы, то Христіанъ сейчасъ же замѣтилъ и узналъ ея волосы. Они были золотистые—не рыжіе, не каштановые, не льняные, но чистаго золотаго цвѣта. Солнце, проникая сквозь чащу деревьевъ, сіяло и переливалось на нихъ, но эти волосы могли сіять и безъ солнечныхъ лучей.

VI.

Порванныя нити.

Они приближались, и дѣвушка неожиданно подняла голову. Одну минуту она, казалось, была въ недоумѣніи, но потомъ лицо ея озарилось самой милой улыбкой. Было что-то особенное въ улыбкѣ Гильды Керью, и эта особенность объяснялась тѣмъ, что рѣсницы дѣвушки были золотистыя, а глаза темносиніе. Въ нихъ было что-то обворожительно-кошачье. Въ спокойныя минуты ея лицо казалось почти строгимъ въ своей изящной красотѣ, а въ складѣ рта замѣчался оттѣнокъ самоувѣренности, который, въ зрѣлыхъ годахъ, могъ сдѣлаться болѣе рѣзкимъ.

— Христіанъ! —вскричала она. — Какъ жаль, что я васъ не сразу узнала.—Они пожали другъ другу руки, и Молли поспѣшила представить спутника своей сестры.

Digitized by Google

— М-ръ Фарраръ,—сказала она.

Послѣдовало рукопожатіе, и Христіанъ былъ разочарованъ. Пальцы Фаррара были слабы, почти безсильны, и совершенно не соотвѣтствовали его открытому лицу и хорошему сложенію.

— Чай готовъ,—съ нѣкоторой поспѣшностью заявила Молли,—пойдемте въ комнаты.

Гильда и ея спутникъ пошли впередъ, а Молли съ Христіаномъ слѣдовали за ними. Христіанъ съ умысломъ замедлилъ шагъ, и они отстали.

— Посмотрите, какъ эффектно освѣщаетъ солнце сквозь деревья эту воду,—заговорилъ онъ.—Вода совсѣмъ зеленая и прозрачная.

— Да,—отозвалась Молли, продолжая идти,—прудъ очень красивъ, и мы часто любуемся эффектами солнечнаго освѣщенія. Вода въ немъ тиха и глубока.

Спокойные глаза Христіана обратились на лицо дѣвушки, еще продолжавшее улыбаться. Встрѣтивъ его взглядъ, она подняла руку и откинула назадъ непокорные завитки волосъ, щекотавшіе ей щеку. Впослѣдствіи онъ узналъ смыслъ этого движенія.

— Да,—разсѣянно промолвилъ онъ. Онъ старался аналитически разрѣшить вопросъ: было ли подмѣченное имъ движеніе обычнымъ жестомъ дѣвушки, или выражало только ея замѣшательство въ данную минуту? Наконецъ, онъ повернулся и послѣдовалъ за Молли, которая не успѣла достигнуть своей цѣли и догнать сестру.

— Скажите мнѣ,—спросилъ Христіанъ, понизивъ голосъ,—кто онъ такой?

— Онъ сквайръ изъ Сенъ-Мери-Истернъ, шесть миль отсюда,—отвѣчала она,—съ хорошимъ положеніемъ, состоятельный, добрый сынъ по отношенію къ своей матери и, во всѣхъ отношеніяхъ, прекрасный человѣкъ.

Христіанъ сломалъ вѣтку, которая зацѣпила его лобъ. Онъ разломалъ ее въ куски и, продолжая идти, сталъ ихъ подбрасывать рукой въ воздухѣ, не давая падать на землю.

— И...—промолвилъ онъ многозначительно,—и...

— Да, Христіанъ,—отвѣтила дѣвушка значительнымъ тономъ,—они помолвлены. Идемъ скорѣе; мнѣ надо разливать чай. Помните, я вамъ говорила, если вы не забыли, что един-

Digitized by Google

ственная особа въ нашемъ домѣ, исполняющая хоть какую нибудь работу—это я.

Когда, на слѣдующее утро, Христіанъ открылъ глаза, онъ услышалъ, вмѣсто оглушительнаго лондонскаго шума, нѣжное жужжаніе насѣкомыхъ. Сквозь раскрытое окно, въ лицо ему вѣялъ мягкій южный вѣтеръ. Заглушая гудѣніе пчелъ, отдаленное море напѣвало свою меланхолическую звучную пѣснь. Пѣсня моря была постоянна, ее ничто не заглушало, а когда ее нельзя было слышать, она чувствовалась въ воздухѣ, вибрирующая и монотонная. Причиной этому были акустическія условія, особенная формація почвы; шумъ моря доносился ясно, не смотря на то, что оно лежало за восемь миль. Въ этомъ звукѣ былъ глубокій покой, ибо покой не есть полная тишина: та комната, въ которой постукиваетъ маятникъ часовъ, кажется болѣе тихой именно отъ этого звука. Тѣмъ не менѣе мысли, овладѣвшія Христіаномъ, когда онъ пробудился, не были спокойными. Имъ овладѣло чувство недовольства. Горожане слишкомъ много требуютъ отъ деревни. Они совершенно забываютъ, что тамъ, гдѣ есть люди, не можетъ быть абсолютнаго покоя. Внезапное ощущеніе какой-то тревоги раздражало его. Это чувство было ему такъ знакомо. Оно овладѣвало имъ каждое утро, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, и онъ надѣялся, что здѣсь, въ сердцѣ провинціи, онъ будетъ избавленъ отъ этого мучительнаго ощущенія. Многое — почти все — должно было сдѣлать его жизнь въ Сенъ-Мери-Истернъ счастливой и пріятной. Но сегодня, когда онъ пробудился, прелести деревенской жизни не находили мѣста въ его умѣ. Онъ былъ занятъ неотступно мыслью о чемъ-то досадномъ — о помолвкѣ Гильды съ Фредомъ Фарраромъ. Не потому, что онъ самъ любилъ Гильду Керью. Онъ едва помнилъ ее. Но и Фарраръ, и это обрученіе были какимъ-то рѣзкимъ диссонансомъ. Эта помолвка имѣла бо́льшее значеніе, чѣмъ простой фактъ, что подруга вашей юности готовится выйти замужъ. Судьба какъ бы старается доказать намъ такими внезапными ударами, что прошлое невозвратимо. Но изъ этого урока мы извлекаемъ нѣчто совсѣмъ противоположное, а именно,—что прошлое вовсе не такъ невозвратимо. Такъ полно могущества *сегодня*, что оно не только держитъ *завтра* въ своей желѣзной длани, но можетъ измѣнить и *вчера*.

Digitized by Google

Охваченный непривычной лѣнью, Христіанъ лежалъ въ постели и полусонно слѣдилъ за плывущими облаками. Окно было открыто, и пѣсня далекаго моря то подымалась, то падала съ тихимъ ритмомъ. Вѣроятно, онъ никогда не найдетъ полнаго спокойствія: слишкомъ сильно въ немъ честолюбіе. Онъ хотѣлъ сдѣлать столько, что не хватало времени. Подобно многимъ изъ насъ, онъ началъ съ убѣжденія, что жизнь безконечна. Но ея безконечность равнялась лишь «безконечнымъ мечтамъ» юности. Когда мечты остаются позади, мы принимаемся за дѣло, и конецъ нашей исторіи заключается въ трудѣ. Обрученіе Гильды Керью раздражало его, потому что фигура дѣвушки выходила теперь изъ панорамы его воспоминаній о счастливѣйшемъ времени жизни—его юности. Кромѣ того, онъ чувствовалъ въ будущемъ супружествѣ что-то фальшивое. Можетъ быть, это была просто жалость. Всегда жаль, если хорошенькая, очаровательная дѣвушка выходитъ замужъ. Онъ былъ отъ природы наблюдателенъ—его отецъ считался однимъ изъ проницательнѣйшихъ людей своего времени—и, кромѣ того, прошелъ реальную школу жизни. При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ невольно принимался изучать своихъ ближнихъ, классифицируя затѣмъ свои наблюденія въ извѣстномъ порядкѣ.

Относительно Фредерика Фаррара, Веллакоттъ сдѣлалъ только одно наблюденіе. Сквайръ изъ Сенъ-Мери-Истернъ, повидимому, ничѣмъ не выдавался изъ общаго уровня. Это былъ заурядный молодой британскій сквайръ, свѣдущій въ лошадяхъ и питающій слабость къ изящнымъ рейтузамъ для верховой ѣзды и высокимъ сапогамъ. Онъ, вѣроятно, получилъ прекрасное воспитаніе, которое окончилось въ тотъ день, какъ онъ закрылъ свою послѣднюю школьную книжку. Сѣмена знанія были посѣяны, но, благодаря отсутствію влаги, не взошли. Онъ добродушенъ, смѣлъ въ суровомъ британскомъ духѣ и вполнѣ джентльменъ. Во всемъ этомъ не было ничего исключительнаго, типичнаго—и Веллакоттъ запомнилъ лишь вялость пожатія руки Фредерика Фаррара. Веллакоттъ думалъ обо всемъ этомъ, одѣваясь, затѣмъ во время безпорядочнаго, шумнаго деревенскаго завтрака; и когда потомъ онъ прогуливался возлѣ пруда съ Гильдой, его мысли все еще были заняты этимъ неотвязнымъ вопросомъ.

Молодые люди еще не связали вновь нити дружбы, по-

Digitized by Google

рванныя разлукой. Они пробовали бесѣдовать на общественныя темы, но что-то неопредѣленное стѣсняло ихъ. Гильда была весела и жива, какъ всегда, съ мягкой кошачьей игривостью; но бесѣда часто прерывалась натянутымъ молчаніемъ, и молодые люди чувствовали неловкость. Веллакоттъ подумалъ, что необходимо преодолѣть какое-то препятствіе, и, вмѣсто того чтобы обойти его, какъ сдѣлала бы женщина, пошелъ прямо къ цѣли.

— Гильда, — сказалъ онъ внезапно, — я еще не поздравилъ васъ.

Она слегка наклонила голову, что̀ было несовсѣмъ англійскимъ жестомъ; но не сказала ничего.

— Я могу только пожелать вамъ всевозможнаго счастья,— продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

Опять она сдѣлала то же легкое непонятное движеніе головой, но не ободрила его и не вывела изъ затрудненія ни словомъ, ни улыбкой.

— Могу пожелать вамъ долгую, счастливую жизнь, жизнь, устроенную по вашему собственному вкусу, — прибавилъ онъ непринужденно и не отрывая глазъ отъ зеленой воды пруда.

— Благодарю васъ,—отвѣтила она спокойно.

Наступило тягостное молчаніе. Веллакоттъ почувствовалъ, что обязанъ первый нарушить это молчаніе, и сказалъ:

— Мнѣ нравится Фарраръ. Я увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ васъ счастливой. Онъ—славный малый.

Въ концѣ аллеи, тянувшейся по берегу пруда, Гильда сдѣлала движеніе, намѣреваясь повернуть къ дому. Но Веллакоттъ не допустилъ ея уйти. Онъ повернулся на каблукахъ и подождалъ ее. Гильдѣ ничего не оставалось болѣе, какъ покориться. Они снова пошли по той же тропинкѣ, задумчиво и медленно, какъ люди, прохаживающіеся взадъ и впередъ по одному и тому же мѣсту. Есть что-то чрезвычайно сближающее въ подобной прогулкѣ безъ цѣли взадъ и впередъ. Она дѣйствуетъ еще лучше на душу, чѣмъ спокойное кресло, трубка или вязанье. Веллакоттъ отсталъ на одинъ шагъ и, вѣроятно, съ намѣреніемъ, потому что онъ тотчасъ же поднялъ глаза и сталъ наблюдать за Гильдой. Онъ какъ будто медленно изучалъ дѣвушку, и при этомъ немного хмурился. Она была именно такова, какой обѣщала быть. Необыкновенные золотистые волосы,

Digitized by Google

которые онъ привыкъ видѣть развѣвающимися по ея тонкимъ, юнымъ плечамъ, теперь пріобрѣли красивые изгибы, хотя ихъ цвѣтъ не измѣнился. Плечи сохранили свой контуръ, только стали немного полнѣе; манера держать голову—эта особенная манера, полная какой-то деликатной настойчивости,—осталась та же самая. И, однако же, въ ней была перемѣна: та перемѣна, которая происходитъ съ дѣвушками внезапно, въ теченіе одной недѣли или даже одного дня. И Веллакоттъ, изучая эту перемѣну аналитическимъ взоромъ, старался рѣшить, въ чемъ именно она заключалась.

Онъ былъ книгоѣдомъ въ большей или меньшей степени, и думалъ, что это существо—миловидное и юное существо въ голубомъ холстинковомъ платьѣ, идущее рядомъ съ нимъ по берегу пруда,—можно очень легко разгадать: стоитъ только захотѣть. Онъ смотрѣлъ на нее, хмурился, старался разгадать ее и все же не могъ понять: слушаетъ ли она его поздравленія съ удовольствіемъ, или съ гнѣвомъ, или просто равнодушно. Положеніе немного унизительное для такого умнаго человѣка, какъ Христіанъ, для критика, способнаго улавливать всевозможныя тонкости и понимать мысли, даже неясно выраженныя. Онъ смутно чувствовалъ, что на этотъ разъ былъ разбитъ. Онъ былъ безсиленъ противъ этихъ нѣжныхъ, круглыхъ глазъ, похожихъ на глаза котенка, противъ этихъ алыхъ губъ, невозмутимыхъ и скромныхъ. И глаза эти, и губы, также какъ плечи и золотистые волосы, страннымъ образомъ казались ему, по временамъ, то знакомыми, то чужими. Онъ задумался и пересталъ разговаривать, а Гильда была довольна наступившимъ молчаніемъ. Такимъ образомъ, молча, они два раза прошлись мимо пруда и готовились пройти въ третій, когда къ нимъ подбѣжалъ маленькій Стэнли Керью и, съ живостью своихъ тринадцати лѣтъ, сталъ просить Христіана поиграть съ нимъ въ крокетъ.

VII.

Маріонетки.

— А! Дѣло налаживается. Начинается!

Говорившій это — гражданинъ Моро — медленно потиралъ свои бѣлыя руки одну о другую. Онъ стоялъ у окна малень-

Digitized by Google

каго домика, въ глухой улицѣ на южномъ берегу Сены. Былъ онъ замѣчательно хладнокровенъ—самый хладнокровный человѣкъ на цѣлую милю въ окружности, потому что въ данную минуту вся маленькая глухая улица была въ волненіи. Въ каждомъ концѣ ея возвышалось по баррикадѣ. Баррикады были во вкусѣ парижанъ. Онѣ состояли изъ нѣсколькихъ опрокинутыхъ омнибусовъ. Парижанинъ, въ сущности, циникъ. Онъ любитъ все перевертывать вверхъ дномъ; любитъ предметы мирнаго обихода дѣлать орудіемъ войны. Ему недостаточно того, что плугъ перековываютъ въ мечъ: онъ хочетъ сдѣлать оружіемъ даже рѣшетку алтаря. Итакъ, маленькая улица была забаррикадирована съ обоихъ концовъ опрокинутыми омнибусами, старыми корзинами, порожними ящиками, кучами плохаго кирпича и асфальтовыми плитами, вѣроятно, принесенными изъ ближайшаго переулка, гдѣ производились дренажныя работы. Маленькая улица между баррикадами была наполнена волнующейся, воющей, самой дикой и опасной толпой въ мірѣ—парижской чернью. Полдюжины ораторовъ кричало въ одно время, и никто ихъ не слушалъ. По временамъ, среди шумящей толпы, раздавался чей-то голосъ съ подозрительной настойчивостью.

— Да здравствуетъ король!—кричалъ этотъ голосъ.—Многія лѣта королю!

Нѣкоторые подхватывали этотъ крикъ, но большинство отзывалось на него отрицательно. Дѣло было не въ томъ, чтобы поддерживать кого нибудь, а въ томъ, чтобы свергнуть тѣхъ, которые уже были наверху.

— Долой республику!—былъ всеобщій крикъ.—Долой президента! Долой все!

И каждый кричалъ «долой»! своему заклятому врагу. Гражданинъ Моро слушалъ, и его презрительный ротъ сжала ѣдкая и тонкая усмѣшка.

— А! — пробормоталъ онъ.—Гласъ народа! Волчій вой! Продолжайте, продолжайте, мои храбрецы. Кричите: «Многія лѣта королю»! и скоро вы начнете вѣрить, что дѣйствительно желаете этого. Теперь они только лаютъ. Не мѣшайте имъ лаять. Потомъ мы научимъ ихъ кусаться и тогда... тогда кто знаетъ?..

Его голосъ понизился почти до шопота, и онъ стоялъ тамъ,

Digitized by Google

среди шума и гама—погруженный въ мечтанія. Наконецъ, онъ поднялъ руку къ выпуклому, рѣзко очерченному лбу.

— А!—воскликнулъ онъ съ легкимъ смѣхомъ и, вынувъ изъ боковаго кармана изящно раздушенный платокъ, отеръ имъ лобъ.—Если я волнуюсь уже теперь, что же будетъ, когда они начнутъ... кусаться?

Между тѣмъ ораторы продолжали кричать во все горло, и по временамъ въ толпѣ раздавались голоса, коротко и рѣзко провозглашавшіе:

— Многія лѣта королю!

А полиція? На весь околотокъ было только два полицейскихъ, и они мирно курили сигары и попивали абсентъ въ двухъ погребкахъ, двери которыхъ были замкнуты снаружи. Это были самые безобидные изъ военноплѣнныхъ. Комната, въ которой стоялъ гражданинъ Моро, была совершенно темна, что было очень благоразумной предосторожностью, потому что парижскіе уличные политики не преминули бы воспользоваться случаемъ и пустить въ зажженную лампу пустой бутылкой или обломкомъ кирпича. Ставни были открыты и окно распахнуто настежъ. Въ позѣ гражданина Моро сказывалось любопытство и нѣкоторое самодовольство. Онъ смотрѣлъ, какъ смотритъ изъ ложи театральный дирижеръ на безукоризненныхъ актеровъ и на публику, переполняющую зрительную залу. Въ то же время онъ не терялъ изъ виду баррикады, загромождающія оба конца улицы. Съ высоты своего наблюдательнаго пункта онъ могъ видѣть, что дѣлается за баррикадами, и съ крайнимъ интересомъ слѣдилъ за двумя женщинами (или, можетъ быть, мужчинами, переодѣтыми въ женское платье), которыя стояли по обоимъ концамъ улицы за баррикадами. Было что-то драматическое въ неподвижной позѣ этихъ двухъ женщинъ, стоявшихъ одиноко, каждая на своей позиціи въ пустынной улицѣ. По временамъ, гражданинъ Моро высовывался изъ окна и прислушивался. Потомъ опять выпрямлялся и начиналъ изучать толпу. Лица ораторовъ озаряло пламя нефтяныхъ факеловъ. Дрожащій свѣтъ, вспыхивая, бросалъ яркіе отблески на грубыя возбужденныя лица слушателей. Иногда, если какой нибудь ораторъ успѣвалъ возбудить смѣхъ своей аудиторіи или стоны ярости, толпа, слушавшая другихъ трибуновъ, вдругъ устремлялась къ нему, какъ напоръ могучихъ волнъ. Всѣ были въ непрерыв-

Digitized by Google

номъ движеніи. Это было то, что̀ газеты называютъ «трогательнымъ зрѣлищемъ» или «возмутительнымъ зрѣлищемъ»—смотря по тому, каковы политическія воззрѣнія данной газеты или журнала. Гражданинъ Моро не могъ разобрать, чему смѣялась толпа, или отъ чего она приходила въ ярость. Но онъ, казалось, и не интересовался этимъ. Смѣхъ былъ вызванъ, по всей вѣроятности, непринужденнымъ краснорѣчіемъ мясниковъ—грубымъ рыночнымъ юморомъ,

Вдругъ одна изъ женщинъ—та, что̀ стояла на южномъ концѣ улицы—подняла къ верху обѣ руки, и гражданинъ Моро высунулся изъ окна, сколько могъ. Онъ былъ очень возбужденъ, и его орлиные глаза искрились. Онъ поднесъ руку ко рту и свѣтъ факеловъ, упавшій на эту руку, освѣтилъ въ ней что-то сверкавшее, подобно серебру. Женщина держала свои руки поднятыми нѣсколько мгновеній, потомъ дважды скрестила ихъ и, тотчасъ же повернувшись, стала взбираться на баррикаду. Надъ толпой пронесся долгій, пронзительный свистъ и моментально погасли факелы. Темныя фигуры стали взбираться на уличные фонари и гасить лампы. Голоса ораторовъ смолкли. Мракъ и безмолвіе воцарились на маленькой глухой улицѣ южнаго берега Сены. Послышались звуки приближающейся кавалеріи—стукъ лошадиныхъ копытъ, зловѣщій лязгъ пустыхъ ноженъ. Раздалась команда. Потомъ снова наступило безмолвіе, прерываемое лишь тяжелыми шагами отряда посреди баррикадъ. Гражданинъ Моро отчаянно высунулся изъ окна и устремилъ глаза въ темноту. Онъ забылъ теперь про свой раздушенный платокъ и капли пота медленно струились по его лицу. Солдаты вновь сѣли на лошадей. Нѣкоторые изъ маленькихъ арабскихъ скакуновъ нетерпѣливо рыли землю. Одинъ конь гнѣвно заржалъ и въ заднихъ рядахъ произошло легкое смятеніе—лошади сочувствовали своему товарищу. Офицеры подъѣхали къ баррикадѣ и стали совѣщаться. Вопросъ заключался въ томъ—что̀ скрывалось за баррикадой? Можетъ быть—ничего, можетъ быть—все. Въ Парижѣ всего можно ожидать. Наконецъ, одинъ изъ офицеровъ рѣшился сдѣлать рекогносцировку. Онъ полѣзъ на баррикаду, опершись ногой объ окно омнибуса. Освѣщенная сзади тусклымъ свѣтомъ уличнаго фонаря, его тонкая, прямая фигура выдѣлялась смѣлымъ рельефомъ.

Digitized by Google

— А!—пробормоталъ гражданинъ Моро,—сегодня вы дешево отдѣлались, господинъ офицеръ. Они только начинаютъ лаять. Въ слѣдующій разъ дѣло пойдетъ совсѣмъ иначе.

Офицеръ спустился съ баррикады и исчезъ въ темнотѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, раздалась громкая команда и послышался рѣзкій звонъ—сабли упали въ ножны. Стало очевидно, что баррикады рѣшено разрушить. Повсюду замелькали огни. Кавалерія стройной колонной двинулась прочь. Улица опустѣла. Гражданинъ Моро отошелъ отъ окна и сѣлъ на ближайшій стулъ. Его изящно-выведенныя брови были подняты вопросительно и утомленно.

— Чистая работа!—вырвалось у него.—Чистая работа для сына... моего отца. Велико, смѣло, благородно!

Онъ переждалъ въ темнотѣ, пока удалилась кавалерія и баррикады сжигались спеціально для этого оставленными людьми. Когда порядокъ былъ возстановленъ, онъ вышелъ изъ дому и безопасно направился вдоль маленькой глухой улицы. Десять минутъ спустя, онъ вошелъ въ табачную лавку въ улицѣ св. Женгольфа. Жакетъ былъ на своемъ посту за прилавкомъ у окна, и передъ нимъ на конторкѣ стоялъ ящикъ съ почтовыми марками. Онъ отложилъ въ сторону «Petit Journal» и вѣжливо, не смотря на одышку, пожелалъ вошедшему добраго вечера. Привѣтствіе было возвращено степенно и пріятно. Гражданинъ Моро остановился на минуту и замѣтилъ, что вечеръ былъ теплый. Онъ никогда не выказывалъ торопливости. Затѣмъ онъ прошелъ въ маленькую комнатку позади лавки. Тамъ онъ нашелъ Лера. Мясникъ былъ блѣденъ отъ волненія. Его грубая одежда была изодрана; жосткіе черные волосы безпорядочно торчали на макушкѣ и прилипали къ вискамъ, смоченные потомъ и саломъ.

— Каково?—спросилъ онъ торжествующимъ тономъ.

— Хорошо,—отозвался Моро.—Очень хорошо. Начинается движеніе, мой другъ.

— А! Вы правы. Народъ, какъ видите—сила!

— Да!—съ жаромъ подтвердилъ Моро. (Какъ онъ ненавидѣлъ этого человѣка).

— А вы оставались до самаго конца?—спросилъ Лера, губы котораго были черезчуръ блѣдны для такого храбреца.

Digitized by Google

— До конца,—повторилъ Моро, принимаясь за письма, адресованныя къ нему, которыя лежали на столѣ.

— И улица была совершенно очищена, когда появился отрядъ?

— Совершенно—народъ не терялъ времени.

Гражданинъ Моро, казалось, былъ расположенъ побесѣдовать, потому что спряталъ письма въ карманъ и сѣлъ.

— Вамъ не было трудно заставить ихъ разойтись?—спросилъ онъ.

— О, нѣтъ!—напыщенно, и совершенно не подозрѣвая иронiи вопроса, отвѣчалъ Лера.—Конечно, проходы были узки, но мы имѣли это въ виду при организацiи. Организацiя и народъ, видите ли...

— Да,—отозвался Моро.—Организацiя и народъ...—И онъ оборвалъ свою фразу, какъ и Лера, словно погруженный въ размышленiя о тѣхъ великихъ результатахъ, къ какимъ можетъ привести эта комбинацiя, мелькнувшая передъ его умственнымъ взоромъ.

— Отлично!—воскликнулъ мясникъ съ энергiей.—Но мнѣ пора двигаться. У меня засѣданiе. Я только хотѣлъ услышать отъ васъ, что все благополучно—что никто не арестованъ.

Онъ захлебывался отъ возбужденiя и сознанiя собственнаго величiя. Гражданинъ Моро поднялъ свои мистическiе глаза.

— Доброй ночи!—проговорилъ онъ съ насмѣшкой, слишкомъ тонкой, чтобъ ее понялъ Лера.

— Хорошо,—доброй ночи. Я думаю, мы можемъ поздравить себя, гражданинъ!

— Поздравляю васъ,—сказалъ Моро.—Доброй ночи.

Весьма возможно, что еслибы Лера оглянулся, уходя,—въ маленькой комнаткѣ позади табачной лавки совершилось бы убiйство. Но презрительная улыбка скоро исчезла съ лица гражданина Моро. Это лицо не было создано для улыбокъ. Тогда онъ вынулъ свои письма. Ихъ было всего два: одно со штемпелемъ маленькаго городка въ Морбигенѣ, другое изъ Англiи. Первое онъ положилъ въ карманъ, не читая; второе распечаталъ. Оно было написано по французски.

«Есть препятствiя», читалъ онъ. «Можете вы пріѣхать ко мнѣ? Отправляйтесь изъ Шербурга въ Сутгемптонъ, отсюда по желѣзной дорогѣ прямо до мѣста, и спросите сеньора Бруно, итальянскаго эмигранта, живущаго въ домѣ м-съ Поттеръ».

Digitized by Google

Гражданинъ Моро задумчиво потеръ подбородокъ обратной стороной руки, отчего получился рѣзкій скребущій звукъ.

— Этотъ старикъ,—произнесъ онъ,—становится негоднымъ для работы. Онъ теряетъ нервъ; а нервъ—это такая вещь, которую намъ невозможно терять.

И онъ опять принялся за письмо.

— А!—вскричалъ онъ вдругъ.—Сенъ-Мери-Истернъ. Онъ тамъ—какъ это странно! Какое непостижимое совпаденіе!

Онъ задумался надъ письмомъ.

— Керью умеръ—но я все таки могу это устроить. Можетъ быть, даже лучше, что онъ умеръ. Я всегда боялся Керью.

Потомъ онъ написалъ письмо и адресовалъ его сеньору Бруно, жильцу м-съ Поттеръ, въ Сенъ-Мери-Истернъ, Дорсетъ.

«Я пріѣду», писалъ онъ, «но не тѣмъ путемъ, какъ вы совѣтуете. У меня лучшій планъ. При встрѣчѣ, не узнавайте меня».

Онъ купилъ у Жакето марку въ двадцать пять сантимовъ и собственноручно опустилъ письмо въ маленькій почтовый ящикъ на углу улицы св. Женгольфа.

VIII.

Фальшивый тонъ.

Въ это утро, однако же, Стэнли Керью не пришлось играть въ крокетъ. Едва молодые люди приблизились къ дому, какъ къ нимъ навстрѣчу вышла м-съ Керью, съ письмами въ рукахъ. Она шла медленно и дорогой читала письмо.

— Вообразите, милая Гильда,—проговорила она съ величайшимъ удивленіемъ,—я получила письмо отъ виконта д'Одіерна. Вы помните его?

— Да,—отвѣтила дѣвушка,—я помню его, конечно. Онъ не такой человѣкъ, чтобы его забыть.

— Мнѣ всегда нравился виконтъ,—замѣтила м-съ Керью, задумчиво глядя на письмо, которое держала въ рукѣ.—Онъ былъ когда-то нашимъ добрымъ другомъ. Я никогда не могла его понять вполнѣ, а мнѣ нравятся люди, которыхъ трудно понять.

Гильда засмѣялась.

Digitized by Google

— Конечно,—сказала она неопредѣленнымъ тономъ.

— Вашъ отецъ ужасно восхищался имъ,—продолжала м-съ Керью.—Онъ говорилъ, что это умнѣйшій человѣкъ во Франціи, но что онъ родился не во-время и не съумѣетъ найти себѣ дѣла. Будь во Франціи монархія, положеніе виконта д'Одіерна было бы совершенно инымъ.

Веллакоттъ не распечатывалъ своихъ писемъ. Его, повидимому, заинтересовалъ разговоръ м-съ Керью съ Гильдой. Онъ зналъ этого виконта д'Одіерна по слухамъ, и захотѣлъ узнать о немъ болѣе. И, сохраняя равнодушный видъ, онъ продолжалъ внимательно слушать.

— О чемъ онъ пишетъ?—спросила Гильда.

— Проситъ позволенія навѣстить васъ. Онъ, вѣроятно, хочетъ прогостить здѣсь нѣкоторое время.

На лицѣ Веллакотта показалось выраженіе недовольства.

— Когда онъ пріѣдетъ?—спросила дѣвушка.

— Въ понедѣльникъ.

И м-съ Керью снова обратилась къ своимъ письмамъ. Веллакоттъ взялъ пакеты, адресованные къ нему, и усѣлся подъ тѣнистымъ деревомъ, гдѣ стоялъ желѣзный столъ, окруженный стульями.

Черезъ нѣсколько минутъ, его лицо сдѣлалось еще болѣе разстроеннымъ. Онъ зналъ уже о безпорядкахъ въ Парижѣ, и теперь читалъ письмо встревоженнаго м-ра Бодри. Дѣло въ томъ, что въ редакціи «Маяка» никто не имѣлъ понятія о внутренней политической жизни Франціи, кромѣ Христіана Веллакотта. Продолжительность этихъ безпорядковъ доказывала, что въ политическомъ отношеніи они представляютъ огромную важность и могутъ даже повести къ кризису. Это означало, что Веллакоттъ долженъ немедленно возвратиться. Для «Маяка» было абсолютно необходимо присутствіе Веллакотта въ Лондонѣ или Парижѣ во время кризиса. Прошло едва ли болѣе двадцати четырехъ часовъ со времени его пріѣзда, и уже приходилось думать объ отъѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, за этотъ короткій срокъ, съ Веллакоттомъ произошла значительная перемѣна. Правильная деревенская жизнь и тихая меланхолическая пѣснь отдаленнаго моря уже начинали оказывать свое дѣйствіе. Онъ начиналъ ощущать желаніе сидѣть неподвижно, ничего не дѣлая—желаніе, до сихъ поръ ему неизвѣстное. Ему рѣшительно

Digitized by Google

не хотѣлось покидать Сенъ-Мери-Истернъ. Но есть на свѣтѣ деспотъ, не знающій милосердія и не дѣлающій уступокъ. И этотъ деспотъ—публика. Веллакоттъ былъ ея рабомъ и сознавалъ это.

Немного позднѣе, въ то же утро, Молли и Гильда нашли его все за тѣмъ же столомъ. Онъ писалъ съ той сосредоточенной быстротой, которая пріобрѣтается, благодаря постоянной практикѣ.

— Весьма сожалѣю,—произнесъ онъ, подымая голову,—но я долженъ отправить телеграмму. Я пойду на станцію пѣшкомъ.

— Я только что хотѣла просить васъ довезти меня туда,—сказала Гильда.—Мнѣ надо кое-что получить на почтѣ.

— И сдѣлать кое-какія хозяйственныя покупки, — прибавила Молли:—у мясника, булочника и т. д.

Веллакоттъ выразилъ полнѣйшую готовность сопутствовать Гильдѣ, и пока онъ доканчивалъ свое письмо, одноколка была готова и подъѣхала къ воротамъ. Вокругъ экипажа стояли домочадцы, перекидываясь отрывистыми замѣчаніями, изъ которыхъ Веллакоттъ впервые узналъ, что Фредерикъ Фарраръ уѣхалъ въ это утро на мѣстныя скачки. Былъ одинъ изъ тѣхъ яркихъ лѣтнихъ дней, когда невозможно быть пессимистомъ и и чрезвычайно трудно сохранять озабоченный видъ. Съ прибрежныхъ холмовъ приносился легкій вѣтерокъ и развѣвалъ тягостную паутину заботъ. И внезапно Христіаномъ Веллакоттомъ овладѣли чувства, которыя часто просыпаются въ нашей душѣ безъ всякой видимой причины. Настоящее казалось такимъ радостнымъ, такъ не хотѣлось загадывать о будущемъ, Веллакоттъ подумалъ, что безпорядки во Франціи и Фредерикъ Фарраръ еще не наполняютъ собой вселенной.

Гильда была, на этотъ разъ, разговорчивѣе обыкновеннаго. Въ ея обращеніи замѣчалась непринужденность, почти фамильярность, непонятныя для Веллакотта. Онъ замѣтилъ, что она все время говорила о постороннихъ вещахъ, избѣгая личныхъ вопросовъ. О себѣ самой она не сказала ни слова, хотя, повидимому, готова была искренно отвѣтить ему на всякій вопросъ. Она заставила его заговорить о себѣ самомъ и своей работѣ и сдѣлалась серьезна, слушая его описанія маленькаго дома въ Чельси. Онъ старался разсказывать интересно и даже

Digitized by Google

придалъ своему разсказу веселый тонъ. Но ея улыбка, хотя и непритворная, появлялась ненадолго и вмѣсто юмора она находила въ словахъ Христіана много патетическаго. Вдругъ, посреди особенно забавной исторіи про тетку Юдиѳь, она перебила его и стала говорить совершенно о другомъ. Послѣ этого она уже не заводила разговора о его домашней жизни. Возвращаясь со станціи, при полномъ блескѣ полуденнаго солнца, они замѣтили впереди, на дорогѣ, фигуру старика. Онъ подвигался медленно и съ трудомъ. На немъ было опрятное платье изъ тонкаго сукна и мягкая войлочная шляпа, довольно необычнаго для Англіи фасона.

— Кажется, это сеньоръ Бруно,—сказала Гильда, когда они подъѣхали ближе къ старику.—Ну, да, конечно, это онъ! Пожалуйста, придержите лошадь, Христіанъ. Мы подвеземъ его!

Христіанъ исполнилъ ея желаніе. Ему почудилось въ голосѣ дѣвушки нѣкоторое недовольство, которому онъ вполнѣ сочувствовалъ. Заслышавъ стукъ колесъ, старикъ поднялъ голову съ такимъ изумленіемъ, какъ будто онъ былъ глухой. И это движеніе позволило разглядѣть его лицо,—прелестнѣйшее лицо старика, въ ореолѣ бѣлоснѣжныхъ волосъ и бороды. Черты были почти идеальныя, и въ молодые годы могли казаться немного холодными, именно вслѣдствіе своей идеальной правильности. Но рука времени сгладила ихъ, и теперь сеньоръ Бруно былъ воплощеніемъ простодушія и благосклонности.

— Какъ поживаете, сеньоръ Бруно? — спросила Гильда громко и отчетливо.—Вы возвратились изъ Лондона скорѣе, чѣмъ предполагали, не правда ли?

— Ахъ, моя дорогая, юная леди!—проговорилъ онъ, вѣжливо снимая шляпу и стоя съ обнаженной головой.—Да, я возвращаюсь изъ Лондона—самаго ужаснаго мѣста во вселенной, ужаснаго... ужаснаго! Когда я шелъ сейчасъ по дорогѣ, я говорилъ себѣ: «Солнце жарко, небеса лазурны; вдали сіяетъ море, а ты, Бруно, все еще вздыхаешь по Италіи. Это Италія, миссъ Гильда, настоящая Италія, а вы—ея сѣверная дріада!

Гильда улыбнулась своей мимолетной, очаровательной улыбкой, и поспѣшила заговорить, пока старый джентльменъ переводилъ духъ:

— Позвольте представить вамъ, синьоръ Бруно, друга Сиднея—м-ра Веллакотта!

Digitized by Google

«Другъ Сиднея», м-ръ Веллакоттъ, стоялъ въ это время позади ея. Онъ слѣзъ съ одноколки и освобождалъ мѣсто на задней скамейкѣ экипажа. Когда синьоръ Бруно взглянулъ на него, онъ встрѣтилъ глаза Христіана, устремленные на него съ такой спокойной настойчивостью, что это могло смутить человѣка болѣе молодаго. Приподнявъ шляпу, Христіанъ пробормоталъ что-то невнятное въ отвѣтъ на церемонныя привѣтствія итальянца.

— Друзья Сиднея Керью, я увѣренъ, также и мои друзья!— сказалъ синьоръ Бруно, опять надѣвая свою живописную шляпу.

Христіанъ судорожно улыбнулся, и продолжалъ возиться у одноколки. Потомъ онъ подошелъ къ передней скамейкѣ и сдѣлалъ знакъ Гильдѣ, чтобъ она подвинулась направо и взяла возжи. Синьоръ Бруно замѣтилъ это и сказалъ учтиво:

— Будьте добры, садитесь на ваше прежнее мѣсто. Я могу сѣсть и позади!

— О, нѣтъ! Это я долженъ сѣсть позади, — возразилъ Христіанъ.

— Но зачѣмъ же, дорогой сэръ? Это будетъ несправедливо. Вы гость м-ра Керью, а я — я только бѣдный итальянскій изгнанникъ, привыкшій всегда занимать послѣднее мѣсто. Всю жизнь я занималъ послѣднее мѣсто, м-ръ Веллакоттъ. Къ чему же теперь мнѣ надѣяться на лучшее!

Въ голосѣ старика звучала странная смѣсь паѳоса и насмѣшки надъ самимъ собой.

— Еслибы мы опять сняли свои шляпы, то нетрудно было бы понять, почему вы, а не я, должны сѣсть на первомъ мѣстѣ!—возразилъ Христіанъ со смѣхомъ, который тотчасъ же прекратилъ споръ.

— Ахъ! — промолвилъ старый джентльменъ и развелъ руками.—Вы побѣдили меня. Я умолкаю и—покоряюсь.

Онъ взобрался на одноколку, подшучивая надъ своей старческой неповоротливостью. Онъ болталъ простодушно, по дѣтски, пока они не достигли деревни. Здѣсь онъ сошелъ съ одноколки на пыльную дорогу, у воротъ маленькаго желтаго коттэджа, гдѣ онъ нанималъ двѣ комнаты. Сидящіе въ одноколкѣ опять размѣстились по прежнему и, напутствуемые благодарностями и привѣтствіями старика, поѣхали дальше. Гильда тотчасъ же подняла голову и сказала:

Digitized by Google

— Не правда ли, какой прелестный старичокъ? Я вамъ еще ни разу не говорила о синьорѣ Бруно. Мы поговоримъ о немъ когда нибудь.

— Да,—спокойно отозвался Христіанъ.—Онъ кажется очень милымъ.

Что-то въ его тонѣ показалось Гильдѣ страннымъ. Она слегка обернулась къ нему, но онъ не сказалъ болѣе ничего. Тогда она подняла глаза на его лицо, но не замѣтила въ его выраженіи ничего особеннаго.

— Христіанъ, — проговорила она серьезно,—онъ вамъ не нравится?

Казалось, онъ не былъ нисколько удивленъ, что она такъ вѣрно угадала его мысль. Онъ обернулся и съ улыбкой посмотрѣлъ на ея серьезное лицо.

— Да,—отвѣчалъ онъ.—Не особенно нравится.

— Почему?

— Не знаю. Въ немъ есть что-то фальшивое!

Гильда засмѣялась и покачала головой.

— Что вы хотите сказать? Что можетъ быть въ немъ фальшиваго?

Христіанъ пожалъ плечами, все еще улыбаясь.

— Онъ называетъ себя итальянцемъ?

— Да.

— А я увѣренъ, что онъ французъ,—сказалъ Христіанъ, внезапно поворачиваясь къ Гильдѣ. — Итальянцы не говорятъ по англійски такъ, какъ онъ.

Она была озадачена.

— Вы знаете его?

— Нѣтъ, еще не знаю. Мнѣ знакомо его лицо. Я гдѣ-то видѣлъ это лицо или фотографію съ него. Не могу сказать, когда и гдѣ это было, но я припомню.

— И когда вы припомните,—замѣтила Гильда съ улыбкой,—то окажется, что это было совсѣмъ другое лицо. Увѣряю васъ, что синьоръ Бруно итальянецъ и, кромѣ того, самый прелестный старикъ, котораго только можно себѣ представить.

— Хорошо. А теперь прекратимъ разговоръ о синьорѣ Бруно.

Они не возвращались болѣе къ этой темѣ, и только по пріѣздѣ домой Гильда сообщила матери, что синьоръ Бруно возвратился.

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ? Я очень рада. Мы пригласимъ его завтра обѣдать. Не правда ли, Христіанъ, какой милый старикъ?

— Очень!—отозвался Христіанъ, едва м-съ Керью успѣла предложить ему этотъ вопросъ.—Да, очень милый. — И онъ, черезъ столъ, посмотрѣлъ на Гильду, самымъ невозмутимымъ и ничего не выражавшимъ взглядомъ.

Весь слѣдующій день Христіанъ, вмѣстѣ съ Сиднеемъ и Стэнли, провелъ на морѣ, въ маленькомъ катерѣ, принадлежавшемъ Керью, и безъ труда успѣлъ узнать все, что̀ синьоръ Бруно считалъ нужнымъ сообщать о своей личности. Исторія была короткая и давно знакомая. Жизнь, состояніе, энергія—все было отдано въ жертву дѣлу, которое не принесло ни награды, ни успѣха. Затѣмъ слѣдовали неудачи, изгнаніе, одинокая старость въ чуждой странѣ, гдѣ голубыя небеса Италіи извѣстны только по книгамъ, гдѣ мараскино составляетъ рѣдкость, гдѣ почти невозможно купить длинную черную сигару.

Гильда была приглашена завтракать и провести весь день съ м-съ Фарраръ въ Фарраръ-Куртѣ. Христіанъ и Молли должны были вечеромъ поѣхать за нею. Эта программа была выполнена, но молодые люди засидѣлись въ Фарраръ-Куртѣ, слушая интересныя воспоминанія о старинѣ почтенной сѣдовласой хозяйки дома. Поэтому они запоздали и, подъѣзжая къ дому, услышали первый обѣденный звонокъ. Всѣ бросились на верхъ и поспѣшно занялись своимъ туалетомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Христіанъ и Молли столкнулись на лѣстницѣ. Христіанъ былъ уже готовъ, но Молли никакъ не могла застегнуть серебрянаго ожерелья. Христіанъ вызвался помочь ей и, пока онъ старался привести въ порядокъ сложную застежку стариннаго серебра, Молли сказала:

— Ахъ, Христіанъ, вамъ еще надо посмотрѣть одно интересное мѣсто. И совсѣмъ близко отъ насъ.

— Да-а-а,—отозвался онъ разсѣянно, и наконецъ успѣлъ застегнуть ожерелье.—Ну, вотъ и готово!

И, уже отворивъ дверь въ столовую, онъ спросилъ:

— Какое мѣсто надо мнѣ посмотрѣть?

Синьоръ Бруно, сидѣвшій съ м-съ Керью въ дальнемъ концѣ комнаты, всталъ при звукѣ открывшейся двери и пошелъ на встрѣчу Молли.

Digitized by Google

— Портонское аббатство,—отвѣтила Молли черезъ плечо, и вошла въ столовую.—Вамъ надо видѣть это аббатство.

Итальянецъ встрѣтилъ ихъ рукопожатіемъ и, кстати, смѣясь, разсказалъ, какъ Христіанъ вѣжливо уступилъ ему свое мѣсто наканунѣ. Въ этотъ моментъ вошла Гильда и едва она успѣла размѣняться привѣтствіями съ синьоромъ Бруно, какъ Молли обратилась къ сестрѣ:

— Гильда, мы еще не показывали Христіану Портонскаго аббатства.

— Да,—отозвалась Гильда.—Я сохраняла его, какъ резервъ для какого нибудь особенно скучнаго дня. Но, къ сожалѣнію, теперь нельзя осматривать аббатство внутри.

— Почему?—спросилъ Христіанъ, не глядя на Гильду. Онъ замѣтилъ, что синьоръ Бруно, поддерживая бесѣду съ хозяйкой дома, въ то же время слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ на другомъ концѣ комнаты. Старикъ сидѣлъ, и лицо его было освѣщено лампой. Христіанъ еще стоялъ и былъ въ тѣни.

— Потому что это французскій монастырь,—отвѣчала Молли.—Вотъ вамъ цвѣтокъ,—прибавила она,—я продѣну его въ петлицу вашего сюртука.

Христіанъ наклонился немного, чтобы Молли могла прикрѣпить цвѣтокъ. Она стояла теперь между нимъ и синьоромъ Бруно, но онъ могъ наблюдать за итальянцемъ поверхъ ея головы.

— Какого сорта этотъ монастырь?—спросилъ онъ, возвращаясь къ прерванному разговору.—Я не зналъ, что въ Англіи существуютъ учрежденія подобнаго рода.

Гильда немного рѣзко подняла голову отъ иллюстрированнаго журнала, который въ это время разсматривала. Въ словахъ Христіана ей послышалась неискренность. Подъ прикрытіемъ журнала, она продолжала слѣдить за Христіаномъ, и впервые, съ тѣхъ поръ какъ возобновилось ея знакомство съ другомъ дѣтства, она ясно поняла, что передъ нею, дѣйствительно, тотъ блестящій, молодой журналистъ, о которомъ говорилъ ей Фарраръ, какъ о восходящемъ свѣтилѣ лондонской прессы.

— Вотъ какъ! — съ живостью отвѣтила Молли.—Мы изъ всѣхъ силъ стараемся заинтересовать его окрестностями, а его высочество изволитъ просто не довѣрять намъ!

Digitized by Google

— Совсѣмъ нѣтъ,—поспѣшилъ возразить Христіанъ со смѣхомъ.—Я только былъ немного удивленъ. Но объясните мнѣ, что это за монастырь? доминиканскій? францискапскій, кармелитскій?..

— О, Боже мой! не знаю.

— Можетъ быть,—продолжалъ Христіанъ, дѣлая шагъ къ итальянцу,—можетъ быть, синьоръ Бруно знаетъ это.

— Что такое, м-ръ Веллакоттъ? — спросилъ старый джентльменъ, и сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто собирался приставить руку къ уху, но раздумалъ.

Гильда замѣтила, что Христіанъ, вмѣсто того чтобы повысить голосъ, проговорилъ еще тише:

— Намъ желательно знать подробности о Портонскомъ аббатствѣ, синьоръ Бруно.

Старый джентльменъ сдѣлалъ легкую гримасу презрѣнія и протянулъ руки, какъ бы отстраняя что-то гнусное и ужасное.

— Ахъ,—проговорилъ онъ,—не спрашивайте меня. Я ничего не знаю объ этихъ людяхъ и не желаю знать. Это имъ обязана моя бѣдная родина своимъ паденіемъ. Нѣтъ, нѣтъ! не трогайте ихъ. Я всегда стараюсь держаться подальше отъ... отъ... *ces gens là*!

Христіанъ выслушалъ отвѣтъ съ учтивымъ безмолвіемъ и когда синьоръ Бруно опять обратился къ м-съ Керью, онъ бросилъ черезъ комнату взглядъ на Гильду, какъ и прежде, не выражавшій ничего, кромѣ невозмутимаго спокойствія. Акцентъ, съ которымъ произнесъ синьоръ Бруно французское выраженіе, былъ чисто парижскій, безъ малѣйшей примѣси той рѣзкости, какая свойственна итальянской рѣчи.

Послѣ обѣда, Гильда вышла черезъ открытое низкое окно въ садъ. Христіанъ остался сидѣть за маленькимъ столомъ въ гостинной. Сидней и м-съ Керью разговаривали съ итальянцемъ. Молодой журналистъ сидѣлъ, склонившись надъ книгой; ваза съ цвѣтами, стоявшая на столѣ, скрывала его лицо, но по движенію руки можно было подумать, что онъ не читаетъ, а рисуетъ. Вдругъ изъ сада послышался тихій, слабый свистъ. Свистъ былъ явственный, хотя и очень тихій. Онъ напоминалъ припѣвъ какой-то пѣсни, но внезапно оборвался и затѣмъ повторился. Синьоръ Бруно слегка вздрогнулъ и быстро вскинулъ глазами.

Digitized by Google

— Что это?—спросилъ онъ и смущенно засмѣялся, какъ бы извиняясь за чувствительность своихъ нервъ.

— Ахъ, вы спрашиваете про свистъ! — отвѣчала м-съ Керью.—Это нашъ фамильный сигналъ. Дѣти, когда еще они были маленькими, взяли себѣ привычку вызывать такимъ образомъ другъ друга. Они теперь, вѣроятно, въ саду и хотятъ, чтобы мы присоединились къ нимъ.

М-съ Керью знала, что Молли не было въ саду, но, сдѣлавъ эту умышленную ошибку, она показывала большую мудрость.

— Мнѣ кажется,—замѣтилъ синьоръ Бруно,—что эту пѣсенку, или скорѣе припѣвъ, я гдѣ-то слышалъ.

Христіанъ Веллакоттъ улыбнулся позади своихъ ширмъ изъ цвѣтовъ, но не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія и не поднялъ головы.

— Должно быть, вы слышали, какъ эту пѣсню игралъ горнистъ,—проговорилъ Сидней.—Это французская вечерняя заря, которую играютъ патрули въ казармахъ по вечерамъ.

Между тѣмъ Христіанъ вырѣзалъ изъ книги, лежавшей передъ нимъ, заглавный листъ и, тщательно сложивъ его, спряталъ въ боковой карманъ. Потомъ онъ всталъ и вышелъ въ садъ черезъ открытое окно. Въ ту же секунду синьоръ Бруно предложилъ своей собесѣдницѣ нѣсколько вѣжливыхъ вопросовъ относительно ея гостя: чѣмъ онъ занимается, надолго ли пріѣхалъ, и согласна ли она, что у этого молодаго человѣка чрезвычайно интересное лицо. Говоря все это, старый джентльменъ всталъ и перешелъ къ тому столу, гдѣ прежде сидѣлъ Христіанъ. Въ вазѣ онъ замѣтилъ цвѣтокъ, котораго никогда не видалъ въ Англіи. Разсѣянно взялъ онъ книгу, которую только что читалъ Христіанъ, и, конечно, прежде всего взглянулъ на заглавный листъ. Заглавный листъ исчезъ! Кладя снова книгу на столъ, онъ постарался положить ее на то же самое мѣсто, съ котораго взялъ.

IX.

Найденная нить.

Выдя въ садъ, Христіанъ быстро направился по мшистой тропинкѣ къ пруду. Гильда стояла на берегу и, когда Хри-

Digitized by Google

стіанъ подошелъ, она повернулась и медленно пошла рядомъ съ нимъ.

— Вы самый недовольный изъ всѣхъ людей,—проговорила она серьезно черезъ нѣсколько минутъ.

Онъ молча взглянулъ на нее. Его глаза на минуту освѣтились улыбкой, но губы оставались сжатыми.

— Вы поставили себѣ за правило,—продолжала она,—разрушать иллюзіи одну за другой, безъ всякаго сожалѣнія. Вы заставили меня состариться за одинъ сегодняшій вечеръ, и хуже всего то, что вы всегда неизмѣнно правы. Это ужасно досадно.

Въ ея голосѣ не было и половины обычной живости. Онъ звучалъ оттѣнкомъ грусти. Христіанъ, должно быть, понялъ ее, потому что сказалъ:

— Не будемъ ссориться изъ-за синьора Бруно. Я готовъ сказать, что во всемъ ошибался.

Она медленно осмотрѣлась вокругъ. Ея глаза остановились на темной поверхности воды, гдѣ лежали глубокія и недвижныя тѣни, потомъ она подняла ихъ на деревья, ясно выдѣлявшіяся на вечернемъ небѣ.

— Я думаю, что такіе практики и матеріалисты, какъ вы, неспособны поддаваться внѣшнимъ вліяніямъ.

— Такъ думалъ прежде и я, но теперь начинаю приходить къ заключенію, что и внѣшнія вліянія бываютъ очень важны. Въ Лондонѣ кажется совершенно естественнымъ, что каждый человѣкъ живетъ въ вѣчной суетѣ, не имѣя времени для размышленій, вѣчно стремясь впередъ и стараясь обогнать своихъ сосѣдей; но въ провинціи жизнь идетъ совсѣмъ иначе. Здѣсь интеллигенція живетъ спокойной, созерцательной, даже мечтательной жизнью. Люди живутъ здѣсь, не чувствуя потребности дѣлать какое нибудь дѣло—возвыситься чѣмъ нибудь надъ окружающей средой—и, безъ сомнѣнія, они счастливы такимъ отсутствіемъ честолюбія. Я представляю себѣ, какъ они, годъ за годомъ, влачатъ свое безоблачное существованіе, которое постепенно и мирно переходитъ въ вѣчный сонъ.

— Но вы сами, Христіанъ, никогда не достигнете такого равновѣсія.

— Нѣтъ, Гильда, не достигну. Я понимаю его въ другихъ, а для меня оно невозможно. Я слишкомъ глубоко извѣдалъ иную жизнь и сталъ бы волноваться...

Digitized by Google

— Вы ужь волнуетесь,—перебила она серьезно,—а еще не прожили здѣсь и двухъ дней!

Послышался рѣзкій свистъ Сиднея и, минуту спустя, на дорожкѣ появилась Молли.

— Идите домой!—крикнула она,—синьоръ Бруно уходитъ. Я только что успѣла пробраться къ вамъ, когда Сидней подалъ сигналъ.

Синьоръ Бруно, возвратившись домой въ этотъ вечеръ, сердито бросилъ свою шляпу на столъ. Его престарѣлая хозяйка уже легла въ постель, оставивъ ему зажженную лампу. Онъ опустился въ кресло и нѣсколько минутъ созерцалъ носки своихъ сапогъ. Потомъ задумчиво почесалъ голову.

— Sacré nom d'un chien!—пробормоталъ онъ.—Гдѣ я видѣлъ это лицо?

Синьоръ Бруно, бесѣдуя съ самимъ собой, всегда говорилъ по французски, что̀ было, пожалуй, немного странно для итальянца. Какъ бы хорошо ни зналъ человѣкъ иностранные языки, но во снѣ и бесѣдуя съ самимъ собой, онъ всегда говоритъ на языкѣ своей родины. Продолжая что-то бормотать про себя, синьоръ Бруно улегся въ постель, но воспоминанія о юношескомъ лицѣ, чрезвычайно и непріятно мужественномъ, не покидало его даже и во снѣ.

Вскорѣ послѣ ухода синьора Бруно, Христіанъ остался съ Гильдой наединѣ въ гостинной. Онъ быстро досталъ изъ кармана листъ, вырванный имъ изъ книги. Развернувъ бумагу, онъ протянулъ ее дѣвушкѣ и спросилъ:

— Узнаёте?

Она посмотрѣла и отвѣтила безъ колебанія:

— Синьоръ Бруно!

Рисунокъ былъ небреженъ, но сходство поразительное. Лицо было набросано въ профиль, и даже самый законченный портретъ не могъ бы придать столько жизни этимъ чертамъ. Христіанъ опять спряталъ рисунокъ въ карманъ.

— Помните вы Карла Тревеца, въ Парижѣ? — спросилъ онъ.—Его отецъ служилъ при австрійскомъ посольствѣ?

— Да, я помню его.

— Завтра я пошлю къ нему рисунокъ и спрошу, кто на немъ изображенъ.

— Хорошо—а затѣмъ?

Digitized by Google

— Когда получится отвѣтъ, Гильда, я, не распечатывая конверта, напишу на немъ то самое имя, которое потомъ вы увидите написаннымъ рукою самого Тревеца!

Съ минуту она глядѣла на него удивленно.

— Но если вы даже окажетесь правы,—сказала она наконецъ,—что же изъ этого? Развѣ мы перестанемъ тогда считать его своимъ другомъ?

— Я думаю, что да.

— Если такъ,—медленно проговорила она,—то вамъ нечего ждать отвѣта. Вы припомнили?

— Да, я припомнилъ, но все же могу ошибиться. Я хочу, чтобы Тревецъ подтвердилъ мое подозрѣніе, и тогда лишь сообщу вамъ то, что̀ знаю или что̀ припоминаю — насчетъ Бруно.

Гильда хотѣла предложить ему новый вопросъ, но вошла Молли и разговоръ пришлось перемѣнить.

На слѣдующее утро Христіанъ получилъ письмо отъ м-ра Бодри. Оно было коротко и не особенно пріятно.

«Любезный Веллакоттъ. Весьма сожалѣю, что принужденъ безпокоить васъ дѣлами въ самомъ началѣ вашего отпуска, но въ Парижѣ были новые серьезные безпорядки, что̀ вы можете видѣть изъ газетъ, которыя при семъ посылаю. Носятся слухи, что народъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ вліятельныхъ лицъ, но хуже всего то, что бунтовщики были вооружены англійскими карабинами и ружьями новѣйшей системы. Какъ они попали въ руки французовъ, никому еще не извѣстно, но вы тотчасъ же поймете все значеніе этого факта при настоящемъ нѣсколько натянутомъ положеніи политическихъ дѣлъ. Многія газеты, какъ вы увидите сами, обращаются къ намъ и выражаютъ надежду, что наше «основательное знаніе французской политики» поможетъ намъ пролить нѣкоторый свѣтъ на это обстоятельство. Тревецъ сообщаетъ намъ всѣ имѣющіяся у него свѣдѣнія; но, конечно, онъ не можетъ удѣлять много времени нашимъ интересамъ. Онъ намекаетъ, что бунтовщики пользуются громадной денежной помощью, и что во главѣ дѣла стоитъ сильная партія—можетъ быть, сама церковь. Въ виду всего этого, я долженъ просить васъ быть готовымъ отправиться въ Парижъ тотчасъ же по полученіи телеграммы или письма отъ меня.

Вашъ *Ч. Ч. Бодри*».

Digitized by Google

Христіанъ сложилъ письмо и спряталъ его въ конвертъ. Вдругъ его взглядъ остановился на конвертѣ. На оборотной сторонѣ, возлѣ краевъ, онъ замѣтилъ тусклую полосу. Конвертъ былъ вскрытъ опытной рукой.

Христіанъ опустилъ письмо въ карманъ.

— Есть что нибудь новое?—спросилъ Сидней съ другаго конца стола.

— Есть. Безпорядки въ Парижѣ. Я долженъ ѣхать на мѣсто дѣйствія, по полученіи телеграммы изъ редакціи.—Онъ остановился и обвелъ взглядомъ вокругъ: вниманіе Гильды было сосредоточено на ея тарелкѣ, хотя эта послѣдняя была совершенно пуста. Онъ пододвинулъ ей жареный хлѣбъ. Гильда взяла хлѣбъ, но забыла поблагодарить Христіана.—Мнѣ жаль,—продолжалъ онъ искренно,—очень жаль, что безпорядки произошли именно теперь.

Въ его тонѣ слышалось непритворное сожалѣніе, но казалось, что эти безпорядки вовсе не были для него неожиданностью. Молли съ живостью и любопытствомъ подняла голову.

— Вы, кажется, совсѣмъ не поражены,—сказала она.

— Нимало,—отвѣчалъ онъ.—Я привыкъ къ подобнымъ вещамъ. Я все время зналъ, что меня могутъ потребовать обратно. Письмо м-ра Бодри не сказало ничего новаго.

— Это ужасно нехорошо съ ихъ стороны, — объявила Молли, надувъ губки.—Я увѣрена, что у нихъ довольно людей въ редакціи, и дѣло обошлось бы безъ васъ.

Христіанъ отъ души засмѣялся.

— Именно по этой причинѣ я и долженъ пользоваться случаемъ, который посылаетъ мнѣ судьба.

Гильда бросила на него взглядъ черезъ столъ и замѣтила его оживленную улыбку и вспыхнувшіе энергіею глаза. Лихорадка творческой дѣятельности вновь охватила его и не оставила мѣста въ умѣ для постороннихъ мыслей.

— Я думаю,—проговорила Гильда,—что для вашей карьеры, дѣйствительно, будетъ полезно присутствіе въ Парижѣ.

— Да,—отвѣтилъ онъ, избѣгая ея взгляда, — это будетъ полезно для меня.

— И такой утѣшительный взглядъ на дѣло продиктовала вамъ философія или добродѣтель? — насмѣшливо спросила Молли.

Digitized by Google

— Добродѣтель,—серьезно отвѣтилъ Христіанъ, и затѣмъ перемѣнилъ разговоръ.

Послѣ завтрака, онъ посвятилъ нѣкоторое время на просмотръ газетныхъ вырѣзокъ, присланныхъ м-ромъ Бодри, потомъ объявилъ, что отправляется пѣшкомъ на почтовую станцію.

— Мнѣ необходимо отправить телеграмму,—пояснилъ онъ,—и получить газеты, которыя должны прибыть со второй почтой. А затѣмъ я васъ не буду тревожить болѣе своими дѣлами...

— Пока не получу телеграммы, — спокойно прибавила Гильда, не подымая глазъ отъ письма, которое держала въ рукѣ. Ей каждый день писалъ Фарраръ.

Христіанъ взглянулъ на нее и слегка улыбнулся.

— О, я вовсе не ожидаю телеграммы,—сказалъ онъ.—Это не такъ серьезно. Въ сущности, не стоитъ и думать о такихъ пустякахъ.

— Вы обладаете завидной способностью избѣгать непріятныхъ вопросовъ,—настойчиво продолжала Гильда, — и предоставлять ихъ разрѣшеніе туманному будущему.

Но Христіанъ былъ въ это утро невозмутимо веселъ и благоразуменъ.

— Эта способность,—отвѣтилъ онъ, — произошла не отъ добродѣтели, но отъ философіи. Не пойдете ли вы и Стэнли, вмѣстѣ со мной, на почту? Кажется, въ это время дня вы свободны отъ всякихъ домашнихъ обязанностей?

Они отправились втроемъ. Стэнли постоянно убѣгалъ въ сторону или впередъ. Христіанъ невольно замѣтилъ, какъ измѣнилось настроеніе Гильды, едва только они остались наединѣ. Полусаркастическій тонъ, которымъ она говорила съ нимъ недавно, совершенно исчезъ. Но она все еще оставалась для него тайной. Онъ былъ тонкій наблюдатель, но ея измѣнчивое настроеніе казалось ему необъяснимымъ. По временамъ она дѣлала невпопадъ замѣчанія, которымъ явно противорѣчило выраженіе ея глазъ, или подолгу молчала, когда простая вѣжливость требовала хоть какого нибудь замѣчанія. Но кто знаетъ? Можетъ быть, они понимали другъ друга инстинктомъ. Можетъ быть, въ то время какъ ихъ уста обмѣнивались пустыми, ничего не значущими фразами, когда они взаимно отвращали свои взоры и казались такими равнодушными, ихъ

Digitized by Google

души сливались въ той молчаливой симпатіи, которая сильнѣе добра и зла, которая проникаетъ сквозь смѣхъ и слезы, и вмѣстѣ съ жизнью переходитъ за предѣлы вѣчности.

Христіанъ не любилъ предаваться долгимъ размышленіямъ, какъ бы глубоки они ни были. Его умъ былъ приспособленъ къ иной работѣ. Онъ привыкъ овладѣвать предметомъ быстро и поверхностно. Газетная пресса всегда поверхностна и не можетъ быть иной; она должна быть универсальной и непосредственной, а потому ея полетъ и не проникаетъ въ глубину. Въ ней нѣтъ ничего постояннаго, кромѣ вѣчнаго стука типографской машины и теплаго аромата чернилъ. То, что сегодня писалъ газетчикъ, можетъ оказаться безполезнымъ и недостойнымъ завтра, не вслѣдствіе его легкомыслія, но благодаря явленіямъ текущей жизни. Онъ долженъ съ усиліемъ взять снова перо и писать противъ самого себя. Газетчику нѣтъ времени для глубокихъ размышленій. Тотъ, кто пишетъ для поверхностнаго чтенія, долженъ и самъ быть поверхностнымъ.

Письмо м-ра Бодри нимало не встревожило Христіана. Онъ охотно сталъ бы разговаривать и смѣяться съ Гильдой, когда они шли въ это утро вмѣстѣ черезъ поля, но она была странно молчалива. Они почти не разговаривали до самой почты. Тамъ Христіанъ былъ офиціально представленъ бойкой, маленькой почтмейстершѣ, которая проницательно посмотрѣла на него поверхъ своихъ очковъ.

— Желалъ бы я, м-съ Чельдеръ,—весело заговорилъ Христіанъ, принимаясь писать телеграмму къ м-ру Бодри,—желалъ бы я, чтобы вы не такъ акуратно присылали мнѣ непріятныя письма. Сегодня, напримѣръ, я получилъ одно такого сорта, что вы отлично сдѣлали бы, задержавъ его на нѣсколько часовъ. Но вы, какъ нарочно, поторопились и прислали его даже ранѣе обыкновеннаго, чѣмъ испортили мнѣ завтракъ.

Онъ говорилъ, слѣдя за движеніемъ своего карандаша. Было очевидно, что онъ заговорилъ изъ любезности и старается занять старую леди. Она отвѣчала съ пріятнымъ смѣхомъ и покачивая сѣдыми буклями:

— Ахъ, я отъ души рада вамъ услужить, сэръ. Я хотѣла бы сжигать всѣ дурныя письма и отсылать только хорошія—но они всѣ такъ похожи по внѣшности. Нельзя угадать по

Digitized by Google

конверту, что̀ заключается въ письмѣ, какъ нельзя узнать человѣка, посмотрѣвъ на его лицо.

— Да!—отвѣчалъ Христіанъ, перечитывая написанное.— Да, м-съ Чельдеръ, вы правы.

— Но вы получили свое письмо такъ рано вотъ почему: синьоръ Бруно взялся доставить вамъ письма, потому что ему было по пути.

— А, конечно, это разъясняетъ все дѣло,—пробормоталъ Христіанъ, не поднимая головы. Онъ былъ занятъ исправленіемъ телеграммы. Онъ чувствовалъ, что Гильда смотритъ на него, и какой-то инстинктъ подсказывалъ ему, что она угадала мотивъ его разговора съ почтмейстершей, но онъ продолжалъ играть свою роль и сохранять беззаботный видъ, какъ всегда дѣлаютъ мужчины въ присутствіи женщинъ, хотя и сознаютъ безполезность своего притворства.

Гильда не обращала вниманія на его бесѣду съ м-съ Чельдеръ, пока не услышала имя синьора Бруно. До сихъ поръ этотъ старикъ занималъ самое незначительное мѣсто въ ея умѣ. Въ немъ не было ничего интереснаго, за исключеніемъ факта, что онъ пережилъ много неудачъ и былъ политическимъ изгнанникомъ. Но теперь онъ, сверхъ ожиданія, занялъ болѣе важное мѣсто. Упоминаніе его имени имѣло особый смыслъ. И все изъ-за того, что Христіану показалось, будто онъ видалъ гдѣ-то это благодушное старческое лицо. Она начинала преувеличивать значеніе мотивовъ и намѣреній Веллакотта. Дважды удалось ей заглянуть ему въ душу, и каждый разъ она выносила убѣжденіе, что между нимъ и синьоромъ Бруно происходитъ какая-то борьба, глухая, таинственная борьба двухъ враждебныхъ силъ. Помня это, она начинала видѣть въ каждомъ словѣ и поступкѣ Христіана особый смыслъ, котораго, быть можетъ, въ дѣйствительности и не было. Она уже знала спокойную и настойчивую манеру Христіана добиваться намѣченной цѣли, и безсознательно начинала поддаваться его нравственной силѣ, которая такъ обаятельно дѣйствуетъ на женщинъ съ сильной душой. Сила женщины такъ различна отъ силы мужчины, что между ними не можетъ быть настоящей борьбы—женская духовная сила жаждетъ паденія и въ немъ торжествуетъ побѣду.

Digitized by Google

Уплативъ за телеграмму, Христіанъ получилъ большую пачку газетъ, адресованную къ нему, и вмѣстѣ съ Гильдой отправился домой.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

II.

Когда французскій романистъ оставляетъ въ сторонѣ свои теоріи и умозрѣнія, и пишетъ просто бытовой или историческій романъ, онъ создаетъ произведенія, которыя читаются съ интересомъ и удовольствіемъ,—и мы закончимъ нашъ обзоръ моральныхъ романовъ краткою оцѣнкою двухъ историческихъ произведеній, написанныхъ безъ всякихъ претензій на моральныя цѣли. Это романы—«Вокругъ тіары» и «Кольцо Цезаря». Первый написанъ профессоромъ нарѣчій южной Европы Эмилемъ Гебгардтомъ, авторомъ замѣчательной «Исторіи возрожденія», этюдовъ о Рабле, греческомъ искусствѣ и др. Авторъ рисуетъ мастерскую картину жизни Рима и церкви въ XI вѣкѣ. Въ центрѣ выдѣляется фигура Григорія VII съ его желѣзною волею, непреклоннымъ упорствомъ, властолюбіемъ правителя и главы церкви, добродушіемъ въ частной жизни, привязанностью къ своимъ ближнимъ и усыновленнымъ дѣтямъ. Вокругъ него группируются всѣ типы эпохи: дерзкіе бунтовщики-бароны, похищающіе, запирающіе въ тюрьму папу, обходящіеся съ нимъ самымъ грубымъ образомъ, потомъ, изъ боязни вѣчныхъ мученій въ аду, испрашивающіе прощенія своихъ грѣховъ у человѣка, котораго они жестоко оскорбили. Лучше всего обрисованы авторомъ типы священниковъ, то суровыхъ и мрачныхъ фанатиковъ, угрожающихъ страшными, безпощадными карами, то эпикурейцевъ, въ родѣ Іоахима, епископа Умбріи, едва вѣрящихъ въ адъ и вѣчныя муки. Немало между тогдашнимъ духовенствомъ и такихъ лицъ, которыя вѣрили въ колдовство и вызывали сатану волшебными заклинаніями, хотя сами были приближенными папы въ Латеранскомъ дворцѣ. Народъ играетъ въ романѣ менѣе видную роль, какую игралъ и въ исторіи: его ни за что считаютъ бароны, грабятъ норманны, жгутъ на кострахъ монахи. Рельефно изображена знаменитая сцена въ замкѣ Каноссы, когда въ суровую зиму 1077 года германскій императоръ три дня и три ночи вымаливалъ прощенія и разрѣшенія снова вступить на престолъ у папы,

Digitized by Google

только что освобожденнаго народомъ изъ темницы, куда его заключили возмутившіеся бароны. Какую страшную моральную силу имѣлъ надъ всею Европою этотъ старикъ, котораго далеко не всѣ изъ двухъ милліоновъ его подданныхъ признавали за главу церкви и государства! Героиня романа—племянница папы, герой—молодой патрицій Викторіанъ, и бракъ ихъ благословляетъ Григорій VII, умирающій въ изгнаніи въ Солерно, далеко отъ Рима. Другой романъ написанъ Альфредомъ Рамбо, извѣстнымъ знатокомъ русской исторіи и литературы. Содержаніе книги составляютъ воспоминанія одного изъ сподвижниковъ знаменитаго героя Галліи, Верцингеторикса. Старый израненный ветеранъ разсказываетъ жизнь галловъ и завоеваніе ихъ страны Цезаремъ,—десять лѣтъ упорныхъ битвъ, рѣдко прерываемыхъ ненадежнымъ миромъ и всегда возобновляемыхъ съ ожесточеніемъ. Ветеранъ былъ во всѣхъ историческихъ сраженіяхъ при Аварикумѣ, Герговіи, Алезіи, въ Арморикѣ, среди ея прибрежныхъ скалъ и таинственныхъ лѣсовъ. Эти сцены, перемѣшанныя съ изображеніемъ домашняго быта полудикаго племени, полны жизненной правды и интереса. Удалившись подъ старость на берега Бобровой рѣки въ Сѣрыя скалы (нынѣшній Бисетръ) ветеранъ съ горестью вспоминаетъ двѣ годовщины, выдающіяся изъ всей этой печальной исторіи—день, когда побѣжденный Верцингеторикъ положилъ свой мечъ къ ногамъ Цезаря, и день, когда завоеватель Галліи палъ подъ кинжалами римлянъ. Эта послѣдняя глава романа, въ которой старый воинъ оплакиваетъ своего погибшаго врага, называется «Реваншъ Галліи».

Французская академія приняла въ число своихъ «безсмертныхъ» двухъ новыхъ членовъ: критика Брюнетьера и публициста Шальмель-Лакура. Первый занялъ кресло Лемуана, также критика, въ свою очередь наслѣдовавшаго Сентъ-Беву и Жюль Жанену. Несомнѣнно, что въ академіи приличнѣе засѣдать критикамъ, чѣмъ такимъ плохимъ романистамъ, какъ Лоти, или сомнительнымъ историкамъ, какъ Тюро д'Анженъ, но критическія заслуги Брюнетьера сильно оспариваются его собратьями по профессурѣ и журналистикѣ. Нашъ собратъ по «Наблюдателю», г. Ефимъ Простосердовъ остался доволенъ вступительною академическою рѣчью, въ которой новый безсмертный доказывалъ, какой вредъ принесло литературѣ распространеніе и усиленіе газетной печати. Вредъ этотъ не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію, но Брюнетьеръ, къ сожалѣнію, возстаетъ не только противъ газетъ, но и противъ журналовъ, а между тѣмъ появленіе въ извѣстные сроки книгъ, обнимающихъ всѣ отрасли знаній, всѣ виды творчества, всѣ явленія жизни, приноситъ гораздо больше пользы культурному развитію, чѣмъ выходъ въ свѣтъ отдѣльныхъ сочиненій по спеціальнымъ предметамъ. Эти выходки Брюнетьера противъ журналистики вообще произвели такое непріятное впечатлѣніе въ публикѣ, что молодежь, слушавшая его лекціи, какъ профессора, не дала ему кончить чтенія и заставила удалиться съ каѳедры.

Digitized by Google

Это, конечно, грубо и недостойно студентовъ, но ихъ нѣсколько извиняетъ заносчивый тонъ публициста и самодовольная непогрѣшимость лектора. Брюнетьера выбрали въ академію за его лекціи въ Сорбоннѣ: «Объ эволюціи французской лирической поэзіи въ XIX вѣкѣ». Слѣдуя модной философской теоріи, онъ представилъ различные роды литературы живыми органическими созданіями, которыя развиваются по извѣстнымъ незыблемымъ правиламъ. Это неудачное примѣненіе естественно-научной гипотезы «эволюціи» къ исторіи литературы заставляетъ его прибѣгать къ самымъ неестественнымъ натяжкамъ и искажать значеніе многихъ писателей и произведеній. Хорошо еще, что эти искаженія проведены только въ исторіи одной лирики, но и тутъ личные взгляды его до того парадоксальны и односторонни, что противорѣчатъ всѣмъ общепринятымъ и утвердившимся мнѣніямъ о писателяхъ. Онъ не признаётъ въ исторіи литературы прогресса, потому что прогрессъ означаетъ всегда перемѣну только къ лучшему. Съ этою цѣлью Брюнетьеръ не порицаетъ и не одобряетъ поэтовъ, даже не изъявляетъ сожалѣнія при видѣ уродливыхъ явленій, какъ символизмъ и декадентство—ибо эволюція означаетъ только измѣненіе отношеній между частями одного и того же цѣлаго, и въ ней допускаются также явленія вырожденія и регресса, какъ усовершенствованія и развитія. Поэтъ, какъ всякій человѣкъ, прогрессируетъ отъ юности къ зрѣлому возрасту, а потомъ къ старости совершается эволюція, то есть отступленіе. Такова теорія Брюнетьера, утверждающая, что французская лирическая поэзія совершила эволюцію отъ индивидуальнаго и субъективнаго романтизма къ безличной и объективной поэзіи нашего времени. Онъ не рискнулъ провести своего мнѣнія по всѣмъ родамъ литературы, но доказываетъ однако,—что̀ совершенно неосновательно,—будто писатели XVII и XVIII вѣка не субъективны, и подтверждаетъ это, цитируя Паскаля, возмущающагося противъ «ненавистнаго ему—я», или Боссюэта, говорившаго: «еретикъ тотъ, у кого есть свое личное мнѣніе». Слѣдовало писать только по указаніямъ «высшаго разума». Но неужели у энциклопедистовъ не было личнаго мнѣнія и эти еретики принесли меньше пользы литературѣ и культурѣ, чѣмъ такіе фанатики, какъ Боссюэтъ или болѣзненно настроенный Паскаль? Но критикъ долженъ былъ допустить субъективность, начиная съ Жанъ-Жака Руссо, и находитъ ее не только у такихъ лириковъ, какъ Гюго и Мюссэ, но и въ романахъ Жоржъ-Зандъ, въ исторіи Мишлэ, въ политическихъ рѣчахъ Ламартина, даже въ критикѣ Сентъ-Бёва. Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, Шатобріанъ были такими же субъективными лириками въ своихъ описаніяхъ природы. Но полнымъ представителемъ индивидуализма является Викторъ Гюго, побѣдитель школьнаго педантизма. Его сила воли, упорство борьбы равносильны его генію. Онъ не хотѣлъ, какъ Ламартинъ, парить надъ дѣйствительнымъ міромъ и, не покидая земли, вникалъ въ человѣческія страданія.

Digitized by Google

Онъ жилъ дѣйствительностью, исторіею, текущими интересами политики, искусства, науки. Только подъ старость онъ погрузился въ непомѣрную предвзятость, въ безграничное самомнѣніе.

Только послѣ Гюго, Мюссэ, Виньи, Готье, съ Леконта де-Лилль начинается господство безличной поэзіи, которую Брюнетьеръ считаетъ болѣе плодотворнымъ искусствомъ. Но гдѣ же плоды этой всеобобщающей поэзіи? Сюлли Прюдомъ, Коппэ, Гередіа—весьма слабые ученики Леконта де-Лилль, а современные декаденты-символисты—очень печальное ихъ вырожденіе, хотя Брюнетьеръ относится къ нимъ весьма снисходительно. Онъ изучилъ основательно XVII вѣкъ, и его пристрастіе къ писателямъ той эпохи, въ соединеніи съ антипатіей къ Дидро и энциклопедистамъ, дѣлаетъ его критику чрезвычайно одностороннею. Къ современнымъ авторамъ онъ относится вообще сурово и отрицательно. Недаромъ, стоящій выше его, критикъ Жюль Леметръ говоритъ: «какъ только въ какой нибудь книгѣ Брюнетьеру покажется что нибудь несоотвѣтствующее его «поэтикѣ», онъ уже не придаетъ ни малѣйшаго значенія ни книгѣ, ни автору». Диккенса онъ называетъ писателемъ низшаго жанра. Возводя въ систему свои личныя симпатіи и антипатіи, онъ началъ свое критическое поприще въ 1875 году грубыми нападками на Золя, затѣмъ на Гонкуровъ, Стендаля, Боделера, назвалъ Беранжэ плоскимъ и вульгарнымъ, наконецъ обрушился на Вольтера, доказывая, что этому «апостолу терпимости и гуманности» молодое поколѣніе обязано очень немногимъ, а за это немногое поплатилось очень дорого. Онъ поднялся и на Гюго, и даже на Мольера, обвинивъ автора Тартюфа въ томъ, что, какъ «лучшій представитель распутства своего времени», этотъ писатель, «свободный отъ всякаго вѣрованія», старался сдѣлать языческимъ (déchristianiser) духъ XVII вѣка. Нерѣдко въ своихъ сужденіяхъ Брюнетьеръ впадаетъ въ прямое ханжество и, высказывая презрѣніе къ общественному мнѣнію, говоритъ обо всемъ докторальнымъ, профессорскимъ тономъ непогрѣшимаго авторитета; зачастую распространяется о «диференцированіи» и «модификаторахъ», о Дарвинѣ, Ламаркѣ, Геккелѣ, подчеркиваетъ свое знакомство съ психіатріей, химіей, хочетъ быть философомъ, судьею. Не смотря на дидактическіе пріемы, онъ выражается тяжелымъ языкомъ, далекимъ отъ плавнаго стиля Сентъ-Бёва, яркихъ метафоръ Тэна, живаго и солиднаго изложенія Эмиля Фагэ, красивыхъ оборотовъ Жюля Леметра, даже отъ стройныхъ фразъ второстепеннаго критика Анатолія Франса. Крайне вычурный и изысканный слогъ Брюнетьера очень далекъ отъ простоты и естественности французскихъ классиковъ, которымъ критикъ поклоняется, и польза его доктринерскихъ и педантскихъ приговоровъ весьма сомнительна. Вотъ что говоритъ объ нихъ Ж. Леметръ: «критика, которая только порицаетъ—очень дешева и безплодна; критика, выставляющая прежде всего общіе эстетическіе вопросы, не даетъ точнаго понятія о книгахъ, послужившихъ

Digitized by Google

предлогомъ ея разсужденій. Брюнетьеровскому способу постановлять доктринерскіе приговоры по однимъ и тѣмъ же условнымъ догматамъ, слѣдуетъ напомнить, что современная критика не должна быть условной и рутинной. Въ настоящемъ фазисѣ своей «эволюціи», ей бы не мѣшало избавиться и отъ педантизма, пытающагося ввести своего рода іерархію въ область эстетики».

Послѣ выходокъ противъ Мольера, Вольтера, Беранжэ, Гюго, Брюнетьеру ничего больше не оставалось, какъ сдѣлаться академикомъ, и онъ достигнулъ этого, но именно это избраніе въ безсмертные пристрастнаго, хотя и талантливаго критика и возстановило противъ него университетскую молодежь, давно уже недовольную его лекціями. Французская публика и прежде не была расположена къ нему и предпочитала ему двухъ другихъ критиковъ, прямыхъ наслѣдниковъ Тэна—Леметра и Фагэ. Первому изъ нихъ всего 40 лѣтъ, но онъ съумѣлъ обратить на себя вниманіе еще въ 1884 году, оставивъ профессуру въ университетѣ и отдавшись исключительно литературнымъ работамъ. Онъ былъ редакторомъ Revue bleue, критикомъ въ Temps и Débats; изданные имъ отъ 1886 по 1889 годъ четыре тома біографій современныхъ писателей имѣли большой успѣхъ; особенную сенсацію произвела его литературная оцѣнка Гюго и Золя. Отъ 1880 по 1890 г. онъ написалъ пять томовъ «театральныхъ впечатлѣній». Въ то же время онъ писалъ повѣсти, пьесы, романы; изъ послѣднихъ выдаются: «Révoltée» и «Короли». Литература ждетъ отъ него многаго въ будущемъ. Другой критикъ—Эмиль Фагэ—еще даровитѣе и солиднѣе. Онъ написалъ шесть томовъ литературныхъ этюдовъ XVI, XVII, XVIII и XIX вѣка, достигнувшихъ уже 11-го изданія, и три тома «замѣтокъ о современномъ театрѣ». Его оцѣнка писателей четырехъ вѣковъ вполнѣ безпристрастна и симпатична. Онъ не задается никакими «эволюціями», но рисуетъ вѣрные и живые портреты авторовъ прошлыхъ вѣковъ и нашего времени. Фагэ не писалъ никогда ничего, кромѣ критическихъ статей, онъ избѣгаетъ всякой догматической критики, не пускается въ философію литературы, а старается опредѣлить значеніе писателя изъ его произведеній. Онъ не высказываетъ никакихъ теорій, не произноситъ приговоровъ. Онъ не желаетъ блеснуть ученостью, не выдаетъ себя за кропотливаго изслѣдователя: у него очень мало библіографіи, примѣчаній, цитатъ изъ другихъ писателей о разбираемомъ имъ авторѣ. Онъ не охотникъ до анекдотовъ и не приводитъ сомнительныхъ, хотя и любопытныхъ фактовъ. Съ нѣкоторыми изъ его сужденій нельзя согласиться, хотя онъ обставляетъ ихъ документально. Такъ, онъ не признаётъ глубокаго знанія Раблэ и не понимаетъ, какъ умный разсказчикъ могъ доходить до грубаго шутовства. Онъ не признаётъ вліянія христіанства на Монтэня и говоритъ, что древній міръ внушилъ ему отвращеніе отъ метафизики. Онъ отдѣляетъ возникновеніе гуманизма отъ эпохи возрожденія и говоритъ объ ней: «Въ это

Digitized by Google

время міръ увеличился открытіями на землѣ и въ небѣ. Открыли новый свѣтъ, узнали, что земля кругла, но очень мала, а небо безконечно. Это измѣнило всѣ идеи. Маленькій міръ среднихъ вѣковъ, съ небомъ, висѣвшимъ надъ нимъ очень низко, съ божествомъ, наблюдавшимъ за нами очень близко, вдругъ расширился до безпредѣльности. Мы сдѣлались обитателями крошечнаго уголка, потеряннаго въ безграничности вселенной»... Фагэ находитъ, что философы нашего времени хотятъ стать выше общепринятыхъ вѣрованій, какъ древніе мудрецы стояли выше политеизма. Много у него вообще меткихъ наблюденій и вѣрныхъ мыслей, и его можно считать самымъ выдающимся представителемъ современной критики во Франціи.

Другой избранникъ академіи, Шальмель-Лакуръ, попалъ въ нее не какъ писатель, а какъ президентъ сената, то есть третье правящее лицо въ республикѣ, послѣ ея президента и перваго министра. Это выборъ политическій, къ какому не разъ прибѣгала академія, и почти всегда довольно неудачно. Стоитъ вспомнить только принятіе въ академію такихъ министровъ, какъ Эмиль Оливье, клеврета Наполеона III, реакціонеръ Брольи или панамистъ Фрейсинэ. Литературный багажъ Шальмеля не великъ: въ молодости онъ перевелъ достаточно безцвѣтную «Исторію современной философіи» Риттера, написалъ этюдъ о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ и философіи индивидуализма, потомъ печаталъ монографіи въ «Revue des deux Mondes» и въ одной изъ нихъ, опровергая нападки Зибеля на французскую революцію, представилъ довольно вѣрную картину этого событія. Въ политикѣ онъ заявилъ себя, какъ приверженецъ и ближайшій сотрудникъ Гамбетты. Въ философіи онъ возсталъ противъ эклектизма съ его туманною отвлеченностью, шаткими обобщеніями и эмпиризмомъ. Онъ не присоединился къ ученію позитивизма, видящаго причины современнаго упадка общества въ недостаткахъ матеріальной цивилизаціи, но остался идеалистомъ и въ области отвлеченныхъ наукъ, какъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Политическая карьера его была очень бурная: изгнанный второю имперіею профессоръ философіи, онъ читалъ лекціи въ Брюсселѣ, Антверпенѣ, Цюрихѣ, Италіи, и вернулся въ Парижъ только въ 1859 году. Сотрудничая въ разныхъ журналахъ, онъ пробовалъ издавать «Политическое обозрѣніе», открылъ публичный курсъ объ искусствѣ, но наполеоновская полиція сильно преслѣдовала его. Зато республика 1870 года назначила его ронскимъ префектомъ. Ему пришлось укрощать возстаніе коммуны въ Ліонѣ и онъ дѣйствовалъ съ такой энергіей, что возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе и черезъ пять мѣсяцевъ управленія долженъ былъ подать въ отставку. Выбранный въ члены національнаго собранія, онъ былъ замѣшанъ въ дѣло о неправильныхъ подрядахъ въ Ліонѣ, и депутатъ этого города Карайонъ-Латуръ обвинилъ его въ томъ, что онъ, бывши префектомъ, отдалъ приказаніе разстрѣлять

Digitized by Google

его, депутата. Шальмель потребовалъ официальныхъ документовъ приказанія, но Карайонъ не могъ предъявить ихъ. Возставая противъ реакціонныхъ мѣръ министерства Брольи, онъ былъ выбранъ въ 1876 году сенаторомъ, но вслѣдъ затѣмъ проигралъ процессъ, поднятый противъ него двумя ліонскими конгрегаціями, которыя онъ приказалъ занять войсками во время волненій. Судъ приговорилъ его къ уплатѣ этимъ религіознымъ учрежденіямъ до 200,000 франковъ, но казна приняла эту уплату на себя, такъ какъ префектъ дѣйствовалъ именемъ правительства. Въ томъ же 1879 году онъ выигралъ процессъ противъ газеты «La France nouvelle», открыто обвинявшей его въ шулерствѣ, во время игры въ клубѣ. Онъ получилъ съ редактора и автора статьи 14,000 фр. пени. Затѣмъ онъ былъ посланникомъ въ Швейцаріи и Лондонѣ, но въ этомъ городѣ палата общинъ подняла вопросъ о его поступкахъ въ Ліонѣ и онъ оставилъ свой постъ въ 1882 г. Жюль Ферри далъ ему портфель министра иностранныхъ дѣлъ, но и въ этомъ званіи онъ не пробылъ девяти мѣсяцевъ, защищая очень слабо неудачную тонкинскую экспедицію. Выбранный снова сенаторомъ, онъ въ 1888 году отрекся публично отъ политики оппортюнизма, принесшаго столько вреда Франціи, и послѣ смерти Ферри выбранъ былъ президентомъ сената. Въ академію онъ попалъ на 67 году, на мѣсто Ренана, и ограничилъ оцѣнку этого глубокаго мыслителя общими мѣстами и банальными похвалами, перемѣшанными со шпильками и ироническими выходками. «Подъ старость любимымъ предметомъ его этюдовъ былъ онъ самъ», говоритъ Шальмель о Ренанѣ, называя его идеалистомъ, заботящимся только о вѣчности и не обращающимъ вниманія на земные интересы. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обвиняетъ философа, зачѣмъ онъ не былъ религіозенъ и не вѣрилъ въ «доктрину неизвѣданнаго». Изъ осторожности Шальмель не прибавляетъ только, въ какую доктрину: католическую, лютеранскую, мормонскую, тибетскую? Ренанъ отзывался съ пренебреженіемъ о французской революціи, дѣлалъ ошибки въ хронологіи... Далеко не на всѣ подобныя вылазки возражалъ академикъ Буасье, обязанность котораго, впрочемъ, состояла по уставу только въ томъ, чтобы восхвалять новаго сочлена.

Правда, и принимавшій Брюнетьера графъ д'Оссонвиль также не очень выхвалялъ новаго безсмертнаго, и больше защищалъ журналистику, но и критикъ, возставшій противъ нея, не подшпиливалъ такъ колко своего предмѣстника, добродушнаго публициста Джона Лемуана, проработавшаго въ газетахъ до 79-ти лѣтъ. Брюнетьеръ просто игнорировалъ своего предшественника и не сообщилъ, какъ принято, никакихъ свѣдѣній о его біографіи и литературныхъ трудахъ. Правда, литературный багажъ Лемуана не великъ: кромѣ политической хроники въ «Journal des Débats», онъ писалъ въ «Revue des deux Mondes» статьи: объ афганцахъ, друзахъ и маронитахъ; объ англичанахъ и русскихъ въ Кабулѣ (хотя они никогда не были въ этомъ

Digitized by Google

городѣ) объ англійскихъ законахъ, избирательныхъ правахъ, фабрикахъ; о парламентѣ Ирландіи и Бруммелѣ, о Каролинѣ Брауншвейгской, даже о дворахъ петербургскомъ и берлинскомъ. Но все таки онъ болѣе 20 лѣтъ былъ академикомъ и въ его трудахъ было не меньше правъ на безсмертіе, чѣмъ въ критикѣ Брюнетьера. Д'Оссонвиль приглашалъ новаго сочлена разшевелить своими критическими выходками академію, которая, въ 33 года, довела составленіе своего словаря до половины буквы *А*, въ то время какъ академія надписей въ 78 лѣтъ подвинула «Исторію литературы во Франціи» до Жуанвиля, то есть до начала XIV вѣка. Но напрасны надежды на академическую дѣятельность, особенно если будутъ выбирать въ безсмертные такихъ лицъ, какъ Шальмель-Лакуръ или избранный передъ нимъ монархистъ и ретроградъ Тюро д'Анженъ, авторъ семитомной исторіи іюльской монархіи, написанной въ защиту орлеанской династіи, и разныхъ памфлетовъ противъ революціи и республиканцевъ. Не велики были заслуги и его предмѣстника на академическомъ креслѣ, профессора и историка Камиля Руссе, написавшаго плохую «Исторію крымской войны», но недурную исторію: Лувуа, войны 1813 года, завоеванія Алжира. И этого недалекаго, но честнаго труженика-орлеаниста академикъ публично упрекнулъ за то, что въ своей книгѣ: «Волонтеры 1792—94 года» историкъ съ почетомъ отзывался объ этихъ герояхъ, отстоявшихъ родину отъ иноземнаго вторженія. Упрекъ былъ сдѣланъ для того, чтобы уколоть Руссе, который, не смотря на то, что ему шелъ уже шестой десятокъ, участвовалъ въ 1870 году, какъ волонтеръ, при осадѣ парка въ Бюзанвалѣ. Правда, орлеанисты не считали нужнымъ принимать участіе въ защитѣ Парижа, въ то время, когда даже такой имперіалистъ, какъ Дюрюи, стоялъ на часахъ съ ружьемъ у дома министерства, гдѣ еще такъ недавно онъ былъ министромъ,—но развѣ подобная черта заслуживаетъ глумленія? Приходится сознаться, что новые безсмертные, явившіеся на смѣну старымъ, нисколько не выше ихъ ни по литературнымъ, ни по нравственнымъ качествамъ.

Сошло со сцены, въ послѣднее время, немало выдающихся писателей. Умеръ далеко не всѣми позабытый, на семидесятомъ году, въ Римѣ, англійскій романистъ Баллантинъ, разсказами котораго,—плодомъ его далекихъ странствованій,—зачитывались не только его соотечественники, но и французы, переводившіе взапуски его «Коралловый островъ», «Унгова», «Охотникъ за гориллами», «Собака Крузо», «Спасительная лодка». Романистъ былъ въ то же время очень недурнымъ живописцемъ—рѣдкое сочетаніе двухъ занятій въ одномъ лицѣ—и картины его, изображавшія мало извѣданныя и тропическія страны, останавливали на выставкѣ вниманіе публики.—Въ Бальтиморѣ, умеръ американскій писатель Чайльдсъ, 65 лѣтъ. Въ молодости онъ былъ юнгой, подъ старость обладалъ значительнымъ книжнымъ магазиномъ. Онъ написалъ любопытныя «воспоминанія» о самомъ

Digitized by Google

себѣ и о книжномъ дѣлѣ въ Америкѣ, издалъ сборникъ старинныхъ балладъ и мемуары генерала Гранта. Поклоненіе Шекспиру онъ простиралъ до такой степени, что въ мѣстѣ его рожденія, въ Стратфордѣ на Авонѣ, воздвигнулъ поэту монументальный фонтанъ. Нельзя также не отмѣтить смерти 65-лѣтняго музыканта Ганса Бюлова, бывшаго въ то же время докторомъ философіи въ іенскомъ университетѣ и рѣзкимъ публицистомъ въ газетахъ, говорившимъ горькія истины императору Вильгельму II и восхвалявшимъ Бисмарка. Какъ композиторъ, онъ былъ не замѣчателенъ, но, какъ капельмейстеръ, велъ мастерски оркестръ, изумляя своею колоссальною памятью, позволявшей ему безъ нотъ дирижировать огромными партитурами классическихъ и современныхъ музыкантовъ. Эта была несомнѣнно даровитая, своеобразная личность, могущая увлечь массы вдохновеннымъ исполненіемъ великихъ произведеній, но сама увлекающаяся за предѣлы благоразумія. Саксонскій уроженецъ, онъ изучалъ правовѣдѣніе въ Штутгардтѣ и Берлинѣ, но бросилъ все для музыки и отправился въ Цюрихъ—учиться у Вагнера управленію оркестромъ. Поклоненіе этому главѣ «музыки будущаго» доходило у Бюлова до обожанія, но онъ отправился въ Веймаръ учиться у Листа игрѣ на фортепьяно. Тамъ онъ женился въ 1851 г. на дочери Листа, Козимѣ, но черезъ годъ переселился въ Берлинъ, гдѣ сдѣлался профессоромъ консерваторіи и піанистомъ наслѣднаго принца, давая въ то же время концерты въ нѣмецкихъ городахъ. Въ 1864 г. Вагнеръ пригласилъ его въ Мюнхенъ, на мѣсто капельмейстера королевскаго театра и директора музыкальной школы, но черезъ четыре года Бюловъ бросилъ и Баварію, и свою должность, потому что Вагнеръ отбилъ у него жену, заставилъ ихъ развестись и самъ женился на ней. Съ тѣхъ поръ Бюловъ велъ бродячую жизнь: былъ во Франціи, Италіи, Англіи, Америкѣ, и два раза въ Россіи. Умеръ онъ въ Каирѣ.

Въ Парижѣ умерла Марія Деремъ, «президентъ ассоціаціи для улучшенія положенія женщины». Она писала сначала комедіи, потомъ читала лекціи о правахъ женщины и издавала брошюры по этому вопросу, отдѣлывая въ нихъ Дюма-сына, Сарду и другихъ мизогиновъ. Республиканка по убѣжденію, она основала масонскую школу для женщинъ, открыла антиклерикальный конгрессъ свободномыслящихъ и, умирая, завѣщала, чтобы ей устроили гражданскія похороны, безъ участія духовенства. Главныя произведенія ея: «Права дѣтей», «Эпидемія натурализма», «Ева въ человѣчествѣ» (1891).—Умеръ всѣми забытый послѣдній представитель фаланстеріанскаго ученія, Консидеранъ, 85-ти лѣтъ. Чтобы распространять дѣятельно идеи своего учителя Фурье, онъ вышелъ въ отставку изъ капитановъ и сталъ издавать фаланстеріанскія газеты. Онъ пробовалъ основать фаланстерію сначала въ Кондэ, потомъ, съ помощью американца Брисбана, въ Техасѣ, но опыты не удались. Вернувшись въ Парижъ въ 1869 году, онъ жилъ въ скромной обстановкѣ и отказался отъ пенсіи, предложенной ему Полемъ Беромъ,

Digitized by Google

когда тотъ былъ министромъ. Онъ оставилъ много сочиненій о соціализмѣ, правѣ на трудъ, войнѣ, рабочемъ вопросѣ, но въ послѣднія 25 лѣтъ жизни ничего уже не писалъ. На 89 году умеръ Викторъ Шельхеръ, прозванный «апостоломъ свободы и демократіи», поклонникъ Робеспьера и противникъ смертной казни, еще въ 1829 году проповѣдывавшій уничтоженіе невольничества. Сынъ богатаго эльзаскаго купца, онъ много путешествовалъ, былъ членомъ палаты въ 1851 году, дрался на баррикадахъ 2 декабря, и, какъ В. Гюго, оставивъ Францію, не хотѣлъ вернуться въ нее во время второй имперіи. Это была честная, великодушная натура, но съ ограниченными политическими идеями и неглубокимъ образованіемъ. Онъ писалъ много о соціальныхъ вопросахъ, о «преступленіи 2 декабря», о рабствѣ, колоніальной политикѣ, объ искусствѣ, о Туссенъ-Лувертюрѣ, Генделѣ и пр. Національной библіотекѣ онъ завѣщалъ богатое собраніе своихъ книгъ и рѣдкія коллекціи.

Вл. Зотовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Антисемитическое движеніе во Франціи.—Дѣянія анархистовъ.—Культуртрегеры въ Африкѣ.—Панцырь Дове.—«Кладдерадачъ» и обличенныя превосходительства. — Народные учителя. — Международный конгрессъ углекоповъ.—Итальянскій кризисъ.—Парламентскія и общественныя неурядицы въ Австріи.—Процессъ венгерскихъ румынъ.—Французская палата въ подчиненіи у перваго министра.—Столкновеніе съ Ватиканомъ.—Англія, опасающаяся за Индію. — Шаткость кабинета Розбери.—Революція въ Сербіи.—Армія безработныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Землетрясеніе въ Греціи.

Послѣ антианархистскаго движенія, охватившаго всѣ европейскія общества, но—къ сожалѣнію—не правительства, сильнѣе всего обнаруживается въ средней и западной Европы движеніе антисемитическое. По временамъ отголоски его проявляются и у насъ. Но, въ Россіи, въ столкновеніе съ хищными и наглыми жидами приходитъ темная народная масса на почвѣ экономическихъ сношеній,—какъ это было, мѣстами, и въ нынѣшнюю пасху,—тогда какъ въ Европѣ антиеврейское движеніе охватываетъ и интеллигенцію, возстающую на защиту нравственныхъ началъ. На югѣ Франціи, въ антисемитскихъ ассоціаціяхъ принимаетъ участіе преимущественно молодежь разныхъ учебныхъ заведеній. Такая же ассоціація образовалась въ концѣ прошлаго года и въ Парижѣ, въ латинскомъ кварталѣ. Ея офиціальное засѣданіе, на которое сошлось до 1,200 членовъ, открылось въ половинѣ мая рѣчью Дрюмона. Онъ началъ съ защиты

Digitized by Google

антисемитовъ, которыхъ обвиняютъ въ средневѣковомъ анахроническомъ озлобленіи противъ евреевъ, въ религіозномъ фанатизмѣ. «Все это—завѣдомая ложь, особенно по отношенію къ религіи, о которой тутъ нѣтъ и помина. Антисемиты никогда не нападаютъ на раввиновъ, между тѣмъ какъ евреи постоянно осыпаютъ насмѣшками христіанское духовенство. На прямыя обвиненія, обращенныя къ нимъ, они никогда не отвѣчаютъ, а когда имъ говорятъ объ ихъ мошенничествахъ, вымогательствахъ, всевозможныхъ продѣлкахъ, они воздымаютъ руки къ небу и вопіютъ: «фанатики хотятъ запретить намъ наши религіозные обряды, нашу пасху и субботу!» Да пусть бы они справляли свои праздники хоть круглый годъ—тогда они, можетъ быть, меньше посягали бы на чужое добро. Не разъ въ печати требовали они закрытія нашихъ церквей, тогда какъ мы требуемъ закрытія только одного еврейскаго храма—биржи. Въ 1789-мъ году евреи, получивъ гражданскія права, поступили съ французами хуже, чѣмъ Іаковъ съ Исавомъ, утѣшая насъ тѣмъ, что у насъ есть свобода, равенство и братство. Но свободенъ только тотъ, у кого есть средства къ жизни, а равенство состоитъ въ томъ, что на одного жида, владѣющаго милліардами, приходятся тысячи французовъ, умирающихъ съ голоду. Братство у насъ—просто каиново братство... Еврей лишилъ насъ всего и взамѣнъ далъ только оперетки Офенбаха. Франція стала все сводить на деньги, видѣть въ деньгахъ универсальный двигатель. Результаты этого на лицо: въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ, грязная еврейская душа, какъ говоритъ Викторъ Гюго, проникла всюду. Два жида, Рейнахъ и Корнелій Герцъ, держали въ своихъ рукахъ парламентъ и управленіе страною, а политическіе дѣятели повиновались имъ, какъ маріонетки. Настоящій государь Франціи—это Ротшильдъ. Двѣ буквы на гербахъ государства R. F. значатъ: Rothchild frères. Это простая вывѣска банкирской фирмы. Жиды владѣютъ всѣмъ, народъ доведенъ до отчаянія, въ немъ изсякъ всякій источникъ идеала и энтузіазма. Анархія наверху порождаетъ анархію внизу, гдѣ двадцатилѣтній юноша свирѣпо высказываетъ желаніе убить какъ можно больше братьевъ и потомъ умереть. Кризисъ, переживаемый нами—не политическій, а соціальный. Зараженъ весь организмъ страны, и она совсѣмъ сгніетъ, если единственнымъ богомъ во Франціи будутъ только деньги».

Рѣчь Дрюмона произвела сильное впечатлѣніе. Редакторъ «Libre parole» указалъ на то, что, рядомъ съ огромными богатствами, пауперизмъ во Франціи принимаетъ ужасающіе размѣры. Въ годъ умираетъ въ городахъ отъ голода 90,000, а изъ деревень всѣ бѣгутъ, потому что тамъ жить нечѣмъ. Наживаются только одни евреи: въ «Общемъ кредитѣ» командуетъ баронъ Эрлангеръ; Дрейфусъ ставитъ въ Россію фальсифицированный хлѣбъ; Эфрусси, Артонъ, Рейнахъ процвѣтаютъ. У Ротшильда во Франціи 200 тысячъ гектаровъ земли, тогда какъ у всѣхъ церков-

Digitized by Google

ныхъ учрежденій только 80. Во Франціи 200 тысячъ духовныхъ лицъ и ихъ состоянія въ совокупности доходятъ до 500 милліоновъ, что составитъ на каждаго по 2,500 франковъ, а у одного Ротшильда больше трехъ милліардовъ. Собраніе вотировало слѣдующую резолюцію: «принимая во вниманіе, что виновниками большей части финансовыхъ кризисовъ и другихъ современныхъ пакостей (malfaiteurs) являются евреи и, выражая неудовольствіе, что во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоитъ еврей, предлагается правительству зорко слѣдить за евреями и преслѣдовать ихъ мошенничества». По окончаніи сходки, нѣсколько сотенъ студентовъ двинулись по бульварамъ, съ криками: á bas les juifs! Передъ редакціями жидовскихъ газетъ произошли антиеврейскія манифестаціи. Передъ редакціей газеты Дрюмона, сдѣлали овацію, но полиція все таки вздумала помѣшать ей и арестовала нѣсколько студентовъ. На бульварѣ завязалась даже драка, вскорѣ, впрочемъ, окончившаяся.

Подвиги анархистовъ не прекращаются. Въ Парижѣ, въ улицѣ Клеберъ, къ дверямъ небольшаго ресторана была подброшена бомба, взрывъ которой повредилъ фасадъ зданія и нанесъ большой матеріальный ущербъ, но, по счастью, никто не былъ раненъ. Схватили какого-то Фурнемира, гарсона, прогнаннаго изъ трактира, но онъ не сознаётся въ преступленіи, хотя однажды былъ уже взятъ за анархистскія продѣлки и потомъ благополучно выпущенъ на свободу. Но въ другихъ странахъ начинаютъ смотрѣть нѣсколько серьезнѣе на подобные подвиги. Даже въ Англіи двухъ итальянскихъ динамитчиковъ осудили довольно строго: одного на 20, другаго на 10 лѣтъ каторжной работы и выдали Франціи анархиста Менье. Эти три разбойника протестовали противъ строгости англійскихъ судовъ, а товарищи ихъ открыто произносятъ угрозы противъ Англіи. Въ Барселонѣ, анархистовъ, бросившихъ бомбу въ театръ «Liceo», пришлось судить военнымъ судомъ, такъ какъ на гражданское мужество присяжныхъ правительство не могло разсчитывать. Изъ десяти обвиненныхъ, шестеро приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, а остальные четверо—въ каторгу безъ срока. Въ Римѣ, у подъѣзда дворца князя Одескальки, взорвало бомбу. Ранены, хотя и не опасно, швейцаръ, его жена и помощникъ. Въ Люттихѣ захвачены виновники послѣднихъ взрывовъ.

Въ нѣмецкой колоніи Камерунѣ прусскіе культуртрегеры, посланные туда для распространенія благъ цивилизаціи между дикарями, производятъ неслыханныя звѣрства. Губернаторъ Камеруна, Велау, и помощникъ его, Лейстъ, такъ свирѣпствуютъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ Маршаль долженъ былъ заявить парламенту о принятіи строгихъ мѣръ противъ виновныхъ. Велау приказываетъ жечь деревни дикарей, даже съ оставшимися въ домахъ старухами, если мужчины успѣютъ заблаговременно убѣжать. Захваченные дикари должны работать надъ сооруженіемъ порта

Digitized by Google

и отъ дурнаго обращенія съ ними мрутъ, какъ мухи. За попытку къ бѣгству ихъ разстрѣливаютъ и рубятъ имъ головы. Менѣе виновныхъ наказываютъ 80-ю ударами кнута. Лейстъ распоряжается негритянками, какъ своею собственностью; это вызвало въ населеніи бунтъ, завершившійся разгромомъ губернаторскаго дома. Бунтъ былъ, конечно, подавленъ, но порядки остались тѣ же, до тѣхъ поръ пока ихъ не разоблачили газеты и въ рейхстагѣ не былъ сдѣланъ формальный запросъ объ этихъ звѣрствахъ.

Военный совѣтъ призналъ непрактичнымъ изобрѣтеніе непроницаемаго панцыря для пуль, портнаго Дове. Это, конечно, еще не доказательство, что изобрѣтеніе плохо: мало ли ихъ отвергалось не въ одной Пруссіи, а потомъ принималось въ другихъ странахъ. Изобрѣтатель дѣлалъ въ Берлинѣ въ зимнемъ саду публичные опыты со своимъ панцыремъ, но полиція не позволила Дове доказать публикѣ, на своей груди, превосходство своего изобрѣтенія, а разрѣшили стрѣлять только въ гипсовую куклу да въ живую лошадь, окутанную панцыремъ. Она даже ухомъ не шевельнула, получивъ четыре пули въ ребра, и спокойно жевала свой овесъ. Понятно, что такіе опыты не могли быть доказательными. Но вѣдь если изобрѣтаютъ поминутно новыя орудія разрушенія, отчего же не изобрѣсти и орудія защиты? А ужь какъ было бы оно нужно противъ вводимыхъ во всѣхъ арміяхъ малокалиберныхъ ружей, производящихъ такія страшныя раны въ тѣлѣ! Вѣдь даже Бисмаркъ, въ рѣчи своей представлявшимся ему депутатамъ отъ національ-либераловъ, говорилъ: «если миръ не нарушается, это зависитъ не столько отъ миролюбія правительствъ, сколько отъ успѣшности научной дѣятельности химиковъ, по части изобрѣтенія новаго пороха, и техниковъ въ области усовершенствованія стрѣльбы, и въ этомъ отношеніи я потому не вѣрю въ возможность войны, что ни одна изъ великихъ державъ не окончила еще своихъ приготовленій».—Обнародованъ слѣдующій циркуляръ: «Саксонская армія болѣе заражена соціалистическими элементами, чѣмъ можно полагать. Вѣрноподданническія чувства заставляютъ желать многаго. Напали на слѣдъ тайной агитаціи». О распространеніи соціализма въ нѣмецкой арміи давно уже толкуютъ газеты.

Въ Германіи печать сильно взволнована исторіею съ юмористическимъ журналомъ «Кладдерадачъ». Онъ уже давно обличалъ злоупотребленія, особенно трехъ высокопоставленныхъ сановниковъ. Всѣ знали въ Берлинѣ, о комъ говоритъ журналъ, и только обличаемые дѣлали видъ, что не понимаютъ этого. Тогда журналъ прямо назвалъ ихъ по именамъ. Три эти «превосходительства»,—люди весьма вліятельные: Гольштейнъ, одинъ изъ послушнѣйшихъ слугъ Бисмарка, еще усерднѣе служитъ его преемнику и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидитъ Россію, вслѣдствіе своего родства съ балтійскими баронами. Другой обличаемый—Киндерленъ—началь-

Digitized by Google

никъ отдѣла печати въ министерствѣ. Третій—графъ Филиппъ Эйленбургъ, личный пріятель императора, забавляющій весь дворъ своей веселостью, фокусами, чревовѣщаніемъ, пѣніемъ куплетовъ и т. п. талантами. Что поступки этихъ превосходительствъ далеко не безукоризненны, доказываетъ ихъ молчаніе: они не рѣшились подать жалобу въ судъ на газету, утверждавшую, что эти чиновники низкими интригами сжили съ мѣста нѣсколькихъ пословъ, ради своихъ личныхъ выгодъ; что они подсовывали императору враждебныя ему статьи собственной фабрикаціи, выдавая ихъ за написанныя Бисмаркомъ, и этимъ раздували разладъ между молодымъ императоромъ и старымъ канцлеромъ. Вмѣсто оправданія обвиняемыхъ, официальныя газеты стали ругать чуть не площадными словами честныхъ редакторовъ, мужественно высказавшихъ свое мнѣніе.— Сильно заботятся нѣмцы о томъ, чтобы улучшить матерьяльное положеніе народныхъ учителей, особенно въ городскихъ школахъ. Поступающіе въ нихъ изъ учительскихъ семинарій преподаватели получаютъ прямо 1600 марокъ жалованья и каждые три года по 300 марокъ прибавки, такъ что послѣ 24-хъ лѣтъ службы содержаніе ихъ доходитъ до 3400, а черезъ 27 лѣтъ до 3,800 марокъ. Настаивали и на максимумѣ въ 4,000 м., но пока отложили. Повышено жалованье и учительницамъ, хотя и въ меньшей степени,—до 2,200 мар. за 20 лѣтъ. На 853 берлинскихъ учительницъ, прибавка составила только 60,000 мар., тогда какъ 1,615 городскихъ учителей получили прибавку въ 412,000 мар. Не мѣшало бы и нашимъ «отцамъ города» обратить вниманіе на эти цифры: не все же имъ заботиться о панамскихъ доходахъ по частнымъ ломбардамъ, подрядамъ и поставкамъ!

Въ Берлинѣ открылся международный конгрессъ углекоповъ. Корпоративная организація этихъ рабочихъ далеко опередила всѣ другіе союзы своею сплоченностью и федераціею. Примѣру своихъ англійскихъ собратій слѣдуютъ и нѣмцы, придавая своимъ синдикатамъ такое развитіе, что они могутъ, черезъ своихъ делегатовъ, періодически обсуждать свои общіе интересы на международныхъ съѣздахъ. Члены этого парламента рабочихъ не обнаруживаютъ никакого фанатизма противъ буржуазіи; они выбрали своимъ казначеемъ товарища министра торговли. Это уже пятый подобный съѣздъ, на который съѣхалось 96 делегатовъ. Изъ нихъ бельгіецъ Дефюнсо самъ сообщилъ полиціи, что онъ на родинѣ приговоренъ въ совокупности къ 33-мъ годамъ тюремнаго заключенія. Его тотчасъ же выслали изъ Берлина. Вопросы обсуждались на съѣздѣ весьма серьезно: англичане включили въ нихъ—установленіе законодательнымъ порядкомъ восьмичасоваго рабочаго дня, отвѣтственность хозяевъ фабрикъ за несчастные случаи, работу женщинъ, минимальную заработную плата, перепроизводство, надзоръ за копями со стороны инспекторовъ изъ рабочихъ. Французы прибавили къ этой программѣ вопросъ объ учрежденіи пенсіонныхъ кассъ,

Digitized by Google

гарантированныхъ правительствомъ, такъ чтобы послѣ 25-ти лѣтъ труда каждый рабочій получалъ по два франка въ сутки. Это очень умѣренное требованіе.

Италія все еще продолжаетъ поправлять свои финансы разговорами и парламентскими преніями. Криспи произнесъ въ парламентѣ двѣ рѣчи: одну—совершенно пустую, другую — нѣсколько серезнѣе. Въ первой — поблагодаривъ Францію за то, что она помогла Италіи овладѣть западными Альпами, онъ пожалѣлъ о томъ, что, разбитые при Кустоццѣ и Лиссѣ нынѣшними друзьями ихъ, австрійцами, итальянцы не могли пріобрѣсти и восточныхъ Альпъ. Потомъ онъ счелъ долгомъ прихвастнуть, что когда Европа не соглашалась пустить Кобурга въ Болгарію, онъ одинъ настоялъ на этомъ. Во второй рѣчи своей онъ пространно доказывалъ, что Италія не можетъ тратить меньше 246 милліоновъ на свои военныя силы и что ей необходимы 12 корпусовъ для поддержанія мира въ Европѣ. Часть этихъ расходовъ можно перенести и на другія вѣдомства, но для этого министру необходимы полномочія, которыхъ онъ уже давно добивается. Въ Миланѣ, на промышленной выставкѣ, Криспи встрѣтили оглушительными свистками и дѣло дошло даже до свалки, повторившейся при отъѣздѣ его, причемъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Волнуетъ общественное мнѣніе и процессъ римскаго банка, выпустившаго противозаконно въ обращеніе своихъ билетовъ на 60 милліоновъ, да растратившаго около 30 милліоновъ. Обвиненныхъ семеро. Директоръ Танлонго оправдывается тѣмъ, что часто получалъ отъ правительства приказы о выпускѣ излишнихъ ассигнацій. Президентъ суда спрашивалъ, почему же онъ рѣшился заговорить только теперь о томъ, что правительство приказывало выпускать излишнія бумажныя деньги. «Потому,—отвѣчалъ подсудимый,—что когда меня арестовали, то обратились съ просьбой не говорить ничего объ этихъ операціяхъ». Понятно, что если банку правительство разрѣшало или приказывало въ теченіе столькихъ лѣтъ, безъ всякаго контроля, выпускать банковые билеты, то онъ не можетъ отвѣчать за это. Но въ такомъ случаѣ къ чему же всѣ эти процессы и громы въ офиціальной печати о мошенничествѣ банкировъ и объ упадкѣ общественной честности, о страсти къ наживѣ? Да и какъ поправить финансы страны, если государственнымъ банкамъ разрѣшается печатать бумажекъ сколько угодно при каждомъ оскуденіи ихъ въ кассахъ? Вѣдь съ такими негласными выпусками ассигнацій нельзя удивляться, что въ Италіи за бумажную лиру не даютъ и половины ея цѣны. А тутъ еще это ничѣмъ непреодолимое упрямство въ сохраненіи двѣнадцати корпусовъ и всѣхъ военныхъ расходовъ. Какъ же тутъ обойтись безъ кризиса и банкротства? Но король Гумбертъ не унываетъ и думаетъ теперь не о поправленіи дѣлъ, а о предстоящемъ бракѣ наслѣдника своего престола съ австрійской эрцгерцогинею. Только одинъ папа Левъ XIII занимается дѣлами не отъ міра сего и издаетъ

Digitized by Google

энциклики съ увѣщаніями живущимъ на землѣ думать больше о небѣ. Послѣдняя грамота его къ польскимъ епископамъ, въ которой онъ чуть ли не въ сотый разъ совѣтуетъ имъ не смѣшивать религіозныхъ вопросовъ съ политическими, встрѣчена однако польскою печатью такъ враждебно, что врядъ ли старикъ скоро обратится съ новыми поученіями къ своей славянской паствѣ. «Энциклика поразила поляковъ, какъ громомъ,—говорятъ львовскія газеты:—неимовѣрнымъ холодомъ вѣетъ отъ папскихъ замѣчаній касательно русско-ватиканской конвенціи; они звучатъ издѣвательствомъ надъ страданіями милліоновъ угнетаемыхъ въ Россіи католиковъ (?). Врядъ ли энциклика была бы написана иначе, еслибы ее составилъ русскій сановникъ. Немыслимо, чтобы до главы церкви не доходили вопли избиваемыхъ въ Россіи католиковъ». Какая, подумаешь, кровожадная страна, гдѣ жалуются на избіеніе то жиды, то католики!..

Австрійское правительство сильно озабочено не только парламентскимъ, но и общественнымъ положеніемъ дѣлъ. Мадьяры, для доказательства своей культурности, давно уже вздумали ввести въ Венгріи гражданскій бракъ. Ревностный католикъ Францъ-Іосифъ сильно противился этому законопроэкту, принятому однако нижнею палатою, но палата магнатовъ отвергла этотъ законъ, и народъ въ Пештѣ принялъ это рѣшеніе съ восторгомъ. Но эти же либеральные потомки Аттилы такъ обращаются съ другими національностями, населяющими Венгрію, что двухмилліонный румынскій народъ подалъ Францу-Іосифу жалобу на невыносимыя притѣсненія мадьярскихъ властей. За это 25 представителей венгерскихъ румынъ, избранныхъ народомъ для представленія петиціи императору, обвинены въ измѣнѣ отечеству и отданы подъ судъ въ Ключѣ (Клаузенбургѣ) въ Семиградіи. Еще два года назадъ депутація семиградскихъ румынъ, въ числѣ около трехсотъ человѣкъ, явилась въ Вѣну, прося аудіенціи, но императору некогда было выслушать жалобы своего народа и депутаты напечатали свой меморандумъ. За это преступленіе слѣдуетъ наказаніе по закону—пятилѣтнее тюремное заключеніе. Между тѣмъ, въ депутаціи находятся профессора, врачи, журналисты и 5 католическихъ и православныхъ священниковъ. Эти притѣсненія одной національности другою возможны только въ Австріи. Присяжные выбраны только изъ мадьяръ. Городъ Ключъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Президентъ суда не позволяетъ обвиняемымъ защищаться на румынскомъ языкѣ. Въ румынскомъ королевствѣ поднялись сильные митинги негодованія. Студенты напечатали воззванія, объясняя, что Румыніи грозитъ серьезная опасность, если три милліона ея сыновъ, живущихъ въ Венгріи, будутъ порабощены и обращены въ мадьяръ. Воззваніе обращается къ европейскимъ державамъ съ просьбою о защитѣ угнетаемыхъ. Въ Бухарестѣ и Яссахъ было уже до 50 такихъ митинговъ, хотя въ Венгріи арестуютъ всѣхъ румынъ, отправляющихся въ Бухарестъ. Король Карлъ румынскій, нѣмецъ, нисколько не интересуется

Digitized by Google

ни своими подданными, ни венгерскими румынами; поэтому противъ него выходятъ въ Румыніи рѣзкіе памфлеты. Не лучше въ Венгріи и положеніе угорской Руси, а въ городѣ Островѣ произведено властями такое побоище, что общественное мнѣніе сильно взволновалось. Въ Островѣ есть угольныя копи и, какъ почти вездѣ, рабочіе устроили стачку: забастовало до 2 тысячъ рабочихъ въ шахтахъ Ротшильда. Въ городѣ вся вооруженная сила состояла изъ 8 жандармовъ съ вахмистромъ. Стачники хотѣли помѣшать товарищамъ работать въ шахтѣ. «Я вѣдь буду вынужденъ стрѣлять въ васъ», сказалъ вахмистръ. Тогда выступилъ изъ рядовъ рабочій Коляръ, разорвалъ на себѣ рубаху и вскричалъ: «Стрѣляйте! убейте меня, лучше смерть, чѣмъ такое ужасное существованіе». Жандармы дали три залпа. Убито и тяжело ранено болѣе тридцати рабочихъ.

Во французской палатѣ депутатовъ, Казиміръ Перье продолжаетъ разыгрывать роль правителя и требуетъ, безо всякой необходимости, выраженія довѣрія къ своимъ мѣрамъ. Въ Тринькѣ депутатъ, соціалистъ Туссенъ, вмѣшавшись въ стачку рабочихъ, рѣзко отозвался о жандармахъ. Префектъ, не остановившій расходившагося депутата, былъ за это уволенъ, но Перье рѣшилъ все таки отдать Туссена подъ судъ, хотя комисія изъ депутатовъ не нашла за нимъ особенной вины. Со стороны премьера это было прямымъ доказательствомъ, что онъ желаетъ показать только свою власть и принудить палату дѣйствовать, какъ ему угодно. Перье несомнѣнно—человѣкъ честный, преданный республикѣ, но тогда къ чему же всѣ эти автократическія замашки? Кабинетъ его далеко еще не получилъ прочной устойчивости и палата не относится къ нему съ особеннымъ дружелюбіемъ. Недавно она рѣзко высказала это въ дѣлѣ Корнелія Герца, бросающемъ тѣнь на правительство. Въ то время какъ у Англіи все еще требуютъ его выдачи, а онъ угрожаетъ министерству обвиненіемъ во взяточничествѣ, въ Парижѣ вдругъ прекратилось гражданское дѣло объ немъ, затѣянное наслѣдниками отравившагося жида Рейнаха, утверждавшими, что Герцъ обобралъ ихъ; теперь нашелся другой проходимецъ—Артонъ, взявшійся уплатить наслѣдникамъ до полутора милліона. На запросъ въ палатѣ министръ юстиціи сообщилъ, что противъ Герца пріостановленъ только гражданскій искъ, но отъ уголовнаго преслѣдованія министерство не отказалось. Министру замѣтили, что эту же сказку повторяли и всѣ прежніе кабинеты, а прежняя палата прикрывала виновныхъ. «200 новыхъ членовъ ея,—говорилъ Гранмезонъ,—должны доказать, что не имѣютъ ничего общаго съ прежней палатой». Депутаты при этихъ словахъ начали шумѣть и переругиваться. Имъ кричали, что большинство должно было исключить всѣхъ панамистовъ, но Перье опять потребовалъ выраженія довѣрія и оно было ему дано. Даже серьезный вопросъ о смертной казни, поднятый въ палатѣ, доказалъ всю ея несостоятельность въ обсужденіи политическихъ вопросовъ. Вопросъ этотъ возбудилъ жидъ Рей-

Digitized by Google

нахъ, потребовавшій отмѣны публичности смертной казни и предлагавшій гильотинировать въ стѣнахъ тюрьмы. Приводились старыя доказательства юридическихъ ошибокъ: казнь ни въ чемъ неповинныхъ Каласа, Лезюрка, Сирвена и др. Палата отклонила требованія о признаніи этого вопроса неотложнымъ и завершила пренія комическимъ эпизодомъ: одинъ изъ депутатовъ назвалъ дѣйствительно некрасиваго Рейнаха горилломъ и палата разразилась гомерическимъ смѣхомъ, но президентъ ея строго замѣтилъ: «прошу васъ, милостивый государь, не называть такъ своихъ коллегъ». Хохотъ, конечно, увеличился. До какой степени министерство съ пренебреженіемъ относится къ палатѣ, доказываетъ дознаніе о положеніи французскаго флота. Палатская комисія, избранная спеціально для производства слѣдствія о безпорядкахъ, констатированныхъ въ Тулонѣ, потребовала у морскаго министра чертежи броненосца Маджента, о плохомъ устройствѣ котораго говорилось такъ много. Министръ прислалъ въ комисію чертежи совсѣмъ другихъ броненосцевъ и она стала кричать, что надъ нею издѣваются. Локруа обвиняетъ морское вѣдомство и адмирала Жерве, что они не хотятъ сообщать никакихъ свѣдѣній.

Кабинетъ Перье вошелъ въ новое столкновеніе въ Ватиканомъ. Папскій нунцій въ Парижѣ сообщилъ французскимъ епископамъ желаніе папы, чтобы они, не вступая въ открытую борьбу съ правительствомъ по дѣлу о контролѣ государства надъ церковно-приходскими кассами, употребляли однако всѣ усилія добиться отмѣны этого контроля. Печать и палата увидѣли въ этомъ циркулярѣ нунція вмѣшательство куріи во внутреннія дѣла Франціи. Радикалы стали заодно упрекать въ слабости правительство, допустившее офицеровъ принимать участіе въ религіозныхъ празднествахъ по случаю канонизаціи Жанны Даркъ. Перье отвѣчалъ, что на религіозномъ чествованіи въ память дѣвственницы военнымъ было разрѣшено присутствовать въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, но не коллективно. О циркулярѣ онъ сообщилъ, что нунцій отрицаетъ всякое участіе въ распространеніи документа и сожалѣетъ, что онъ попалъ въ печать. Перье прибавилъ, что онъ «отправилъ французскому агенту при Ватиканѣ инструкціи, предписывающія сообщить папѣ, что никакихъ уступокъ относительно примѣненія правительственнаго контроля надъ церковными кассами не будетъ сдѣлано до тѣхъ поръ, пока духовенство не покорится безусловно этому закону». И по этому вопросу, какъ въ дѣлѣ преданія суду Туссена, палата одобрила мѣры правительства большинствомъ почти въ 200 голосовъ. За Туссена вздумали было вступиться соціалистскіе депутаты палаты и, обнародовавъ торжественную прокламацію, приглашавшую къ сопротивленію насиліямъ правительства, отправились всею компаніею въ Триньякъ, сбираясь возобновить тамъ сцены, происходившія при стачкѣ въ Кармо. Но подпрефектъ тотчасъ же увѣдомилъ Мильерана, Бодена, Вальяна и Семба, вожаковъ демонстраціи, что они могутъ гово-

Digitized by Google

рить все, что̀ имъ угодно, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, но если будутъ хозяйничать на улицахъ, то жандармамъ приказано схватить ихъ. Депутаты, несолоно хлѣбавши, вернулись въ Парижъ, а въ Триньякѣ остался одинъ Туссенъ подстрекать забастовавшихъ углекоповъ продолжать стачку и вести войну съ капиталомъ.—21 мая Анри наконецъ гильотинировали на площади Ларокетъ, не дождавшись рѣшенія палаты депутатовъ, отвергнувшей сначала уничтоженіе смертной казни, а затѣмъ публичное приведеніе ея въ исполненіе. Въ послѣднемъ случаѣ большинство отвергнувшихъ публичность казни было очень не велико—голосовъ въ 30. Анархистъ умеръ съ такимъ же крикомъ, съ какимъ выходилъ изъ суда: «Мужайтесь, товарищи»! И товарищи, еще не дожидаясь его казни, доказали взрывомъ у ресторана улицы Клеберъ, что ихъ немало въ одномъ Парижѣ. Теперь, по принятому порядку, надо ждать новыхъ взрывовъ, и они не прекратятся до тѣхъ поръ, пока не измѣнится вся система отношеній правительства къ этимъ разбойникамъ.

Англія начала, въ послѣднее время, что-то очень сильно тревожиться за свою индійскую имперію. Самые серьезные органы печати начали съ нескрываемымъ безпокойствомъ передавать слухи о готовящемся возстаніи огромной страны съ двухсотмилліоннымъ населеніемъ. Появились тревожныя извѣстія объ обширномъ заговорѣ въ сѣверныхъ провинціяхъ имперіи, о какихъ-то таинственныхъ знакахъ, очевидно условныхъ и состоящихъ въ появленіи на всѣхъ фруктовыхъ деревьяхъ налѣпленныхъ на нихъ комочковъ глины, съ волосами посрединѣ. Число этихъ отмѣтокъ громадно, и, не смотря на то, что полиція зорко слѣдила за ними, она никакъ не могла найти виновниковъ. Что индусы съ трудомъ переносятъ свое положеніе, это уже давно извѣстно и 50 милліоновъ жителей постоянно живутъ впроголодь, а въ каждое десятилѣтіе милліоны туземцевъ буквально умираютъ голодною смертью. Климатическія условія не допускаютъ постоянной колонизаціи края англичанами, а смѣшеніе туземныхъ расъ съ англійскою и совершенно невозможно. Не смотря на значительно уже истощенныя естественныя богатства страны, Англія ежегодно извлекаетъ изъ нея доходъ, на 3 милліона превышающій общую сумму доходовъ, получаемыхъ съ 11-ти британскихъ колоній въ Австраліи, Америкѣ и Африкѣ. Изъ общей суммы доходовъ Индіи, доходящихъ до 500 милліоновъ рублей, 185 посылается въ Англію. До сихъ поръ Индія смиренно переноситъ, чтобы изъ нея высасывались всѣ соки въ пользу англійскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Но вѣдь даже англійскія газеты сознаются, что это должно когда нибудь кончиться. Возстаніе массы слабыхъ и голодныхъ индусовъ въ настоящее время, однако, немыслимо уже и потому, что въ странѣ живутъ двѣ національности, враждующія между собою больше, чѣмъ съ англичанами. Вѣрнѣе всего, что индусы и мусульмане готовы опять сцѣпиться между собою, но общаго возстанія края нельзя ожидать.

Digitized by Google

Общественное вниманіе въ Англіи привлекла отставка министра торговли Мунделлы—человѣка всѣми уважаемаго, но не нашедшаго возможности оставаться на своемъ посту послѣ судебнаго приговора о злоупотребленіяхъ въ новозеландскомъ банкѣ, гдѣ Мунделла былъ членомъ правленія. Хотя судья сдѣлалъ различіе между виновностью правленія и личной невинностью отдѣльныхъ членовъ его, но печать нашла, что такое различіе если и допускается съ точки зрѣнія комерческой морали, но никакъ не съ точки зрѣнія общественной совѣсти. Вообще и кабинетъ лорда Розберри, и большинство либераловъ въ палатѣ сильно колеблятся, и премьеру необходимо распустить парламентъ, гдѣ члены палаты общинъ видимо отступаютъ отъ политическаго направленія, которому слѣдовалъ Гладстонъ.

Сербія прямо и открыто совершила революцію. Злой духъ страны, Миланъ, рѣшился уничтожить въ ней не только законы и конституцію, но и всякую правильную администрацію. Онъ не только не желаетъ покинуть Шумадію, но заставляетъ короля ея Александра, неразвитаго мальчика, ничего не понимающаго въ системѣ правленія, совершить государственный переворотъ. Чтобы задобрить сколько нибудь народъ, Миланъ началъ съ своихъ собственныхъ дѣлъ. По его приказанію, сербскій синодъ призналъ постановленіе о разводѣ съ королевой Наталіей незаконнымъ и далъ снова родителямъ короля свое благословеніе на совмѣстную жизнь. Возстановленіе этого брака было торжественно объявлено населенію по всѣмъ церквямъ королевства. Постановленіемъ синода Миланъ ловко вздумалъ воспользоваться, чтобы сдѣлаться опять членомъ королевскаго дома, въ качествѣ мужа сербской королевы, и получить въ этомъ новомъ званіи право для пребыванія въ Сербіи и совмѣстной жизни съ супругой. Но Наталія не поддается на эту ловушку и, давно раскусивъ своего супруга, отказывается вернуться въ Бѣлградъ и путешествуетъ въ Пиринеяхъ. Зато сынъ ея вдругъ издалъ указъ, которымъ Милану возвращаются всѣ его гражданскія права, проданныя имъ за два мильона франковъ. Это уже было явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ страны и конституціи, такъ какъ Миланъ отказался отъ всѣхъ правъ сербскаго гражданина, члена королевской династіи, и далъ обѣщаніе никогда не возвращаться въ Сербію—а скупщина утвердила эти условія. Короля-мальчика папенька его убѣдилъ, что глава дома Обреновичей можетъ своей властью уничтожить всѣ постановленія скупщины, такъ какъ это «дѣло семейное». И братъ мильоны за продажу своихъ правъ, не возвращая денегъ, значитъ тоже семейное дѣло? Но вѣдь эта продажа была облечена въ законъ, для отмѣны котораго нужно новое законодательное постановленіе скупщины, а не самовольный указъ несовершеннолѣтняго мальчика. Послѣдствія такаго явнаго произвола обнаружились тотчасъ же: газеты обрушились на Милана сильнѣйшею бранью. Онъ обратился съ жалобою въ судъ, но тотъ

Digitized by Google

отвѣчалъ, что, не принадлежа къ сербскимъ гражданамъ, проходимецъ не можетъ пользоваться покровительствомъ суда. Тогда мальчикъ, подпавшій совершенно подъ власть своего освирѣпѣвшаго родителя, рѣшился еще на болѣе крайнія мѣры: другимъ указомъ онъ уничтожилъ несмѣняемость судей въ Сербіи, прогналъ ихъ и посадилъ въ суды чиновниковъ изъ напредняковъ, рѣшившись управлять королевствомъ не въ силу государственныхъ учрежденій, а по своей личной волѣ. Министры и солдаты, конечно, на его сторонѣ, но, кромѣ нихъ, въ Сербіи есть еще и народъ, и онъ въ негодованіи отъ такихъ поступковъ, нарушающихъ всякій законный и обычный порядокъ въ странѣ. Главный органъ радикальной партіи «Одъекъ» захваченъ за чрезвычайно рѣзкую статью противъ Милана. Газета грозитъ прямо междоусобною войною и говоритъ, что если король нарушаетъ присягу конституціи, то и народъ, въ свою очередь, не признаётъ себя болѣе связаннымъ присягою королю, перестающему послѣ этого быть неотвѣтственнымъ и неприкосновеннымъ. Александръ завершилъ свои подвиги тѣмъ, что 21 мая королевскимъ указомъ уничтожилъ конституцію, сочиненную Миланомъ и проданную имъ странѣ за нѣсколько мильоновъ, которые онъ теперь еще разъ желаетъ заполучить, уничтоживъ эту конституцію и увѣряя, что этимъ онъ спасаетъ свою династію отъ заговора Карагеоргіевичей, покушавшихся арестовать его съ сыномъ. Междоусобія неминуемо должны возникнуть въ Сербіи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ правительство сильно озабочиваетъ такъ называемый «походъ безработныхъ». Съ начала нынѣшняго года число безработныхъ возрасло до такой степени, что какому-то Коксею, когда-то богатому человѣку, а теперь живущему на очень скромныя средства, пришла мысль образовать изъ нихъ армію и во главѣ ея двинуться въ походъ на Вашингтонъ. Проэктъ Коксея стали приводить въ исполненіе. Изъ многихъ городовъ безработные двинулись отдѣльными отрядами къ столицѣ. Съ востока и запада отряды эти сосредоточиваются близъ Вашингтона. Армія эта, назвавшаяся «христовымъ войскомъ общаго блага», на пути не производила насилій и вела себя спокойно. Только изъ мѣстностей между Миссисипи и Тихимъ океаномъ, изъ областей далекаго запада приходятъ извѣстія тревожнаго характера, что̀ и понятно, такъ какъ западъ—пріютъ бродягъ и авантюристовъ. Но авангардъ этой арміи остановили на границѣ штатовъ Небраски и Іовы, такъ какъ желѣзныя дороги отказались перевозить «войска». Противъ наступательнаго движенія безработныхъ не принимается никакихъ общихъ мѣръ и каждая община дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію. И движеніе получаетъ подспорье отъ самого населенія. Восточная «армія» объявляетъ, что она намѣрена подвергнуть осадѣ конгрессъ и расположиться передъ Капитоліемъ, до тѣхъ поръ пока не будетъ обѣщано удовлетвореніе всѣхъ ихъ требованій. Опасаются, что безработные не будутъ такъ терпѣливы и спокойны, если къ нимъ присоеди-

Digitized by Google

нятся углекопы, составляющіе повсюду стачки. Безработныхъ сильно побуждаетъ къ сопротивленію то обстоятельство, что и въ Англіи, наконецъ, палата общинъ большинствомъ почти сотни голосовъ приняла законъ объ установленіи 8-часоваго рабочаго дня. Теперь для англійскаго рабочаго сутки дѣлятся на три равныя части: 8 часовъ работы, 8 отдыха и 8 сна. Только вотъ еще 8-ми шиллинговъ за работу они не могутъ добиться, хотя давно уже доказано опытомъ, что если работать меньше и получать хорошую плату, то работодатель остается въ барышѣ. Это засвидѣтельствовалъ Мазеръ—владѣлецъ желѣзнаго завода въ Сальфордѣ. 1200 рабочихъ его фабрики, трудясь 8 часовъ, производили работу лучше, чѣмъ всѣ сосѣдніе заводы. Послѣ «генерала» Коксея, главное лицо въ арміи—товарищъ его Браунъ изъ Калифорніи, мистикъ и теософъ, утверждающій, что въ него вселилась частица духовной личности Христа, а въ генерала Коксея другая, и вслѣдствіе этого оба они сродни божеству. Передъ арміей несутъ ярко разрисованныя хоругви, на которыхъ изображенъ съ одной стороны Христосъ съ лицомъ самого Брауна, а съ другой три дамы: жена и мать Брауна и мать Коксея; портрета жены Коксея нельзя было помѣстить, потому что у него оказывается въ наличности двѣ жены, и онъ былъ уже подъ судомъ за незаконное сожительство.

Маленькую Грецію постигло большое несчастіе: въ прошломъ году сильное землетрясеніе разрушило цвѣтущій островъ Занте почти со всѣми его городами и деревнями. Нынче этотъ губительный феноменъ повторился еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ на островѣ Эвбеѣ и на материкѣ королевства. Пострадала особенно провинція Локрида—и главный городъ ея, Аталанта, исчезъ совершенно съ лица земли. Нѣсколько сотенъ бѣдняковъ погибло подъ развалинами своихъ домовъ, и болѣе 20,000 человѣкъ остались безъ крова и пристанища. Пострадали даже Аѳины, сѣверная часть Пелопонеза, Ѳивы, Аѳикисъ, Патрасъ, Навплія, Ламія, Коринѳъ и Эгина. Общественная помощь пришла на помощь несчастнымъ. Въ первый же день въ Лондонѣ греческая колонія собрала 10,000 рублей. Подписка въ пользу пострадавшихъ открыта въ Петербургѣ и другихъ европейскихъ столицахъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Михаилъ Юрьевъ. Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. Часть первая. 1894. Москва.

Странныя книги появляются иногда на русскомъ книжномъ рынкѣ, не говоримъ: въ литературѣ, но именно на рынкѣ, гдѣ каждое новое произведеніе должно бы, повидимому, отвѣчать если не спросу на него, то, по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ, какой нибудь злобѣ дня или современнымъ вопросамъ Какое отношеніе, напримѣръ, можетъ быть между этими вопросами и временемъ, когда жилъ далеко не геніальный австрійскій императоръ и король испанскій, не сдѣлавшій ничего выдающагося для благосостоянія обширныхъ странъ, находившихся подъ его властью, не оставившій никакихъ существенныхъ слѣдовъ послѣ своихъ побѣдъ надъ Франциской I? Конечно, новое изслѣдованіе политики и характера этого императора, умершаго монахомъ въ монастырѣ св. Юста, будетъ интересно для историковъ, но для этого необходимо, чтобы въ изслѣдованіи сообщалось дѣйствительно что нибудь новое, о чемъ не упоминалось бы въ сотнѣ сочиненій, написанныхъ объ эпохѣ Карла V. Но вдругъ является никому невѣдомый московскій писатель, даже «не мечтающій о томъ, что̀ можетъ представить твердую характеристику императора», но въ то же время «полагающій, что нѣкоторыя его мысли, хоть даже сами по себѣ и невѣрныя, могутъ представить извѣстный интересъ для читателей». Но для кого же интересно знакомиться съ невѣрными мыслями послѣ всего, что̀ написано о Карлѣ V? Кому и для чего нуженъ «робкій и незрѣлый этюдъ», какъ его называетъ самъ авторъ? Онъ сознаётся также, что его «изложеніе несвязно и спутанно, и въ него вплетаются интересы дня». Все это совершенно вѣрно, но, вмѣсто того чтобы «виниться въ этомъ, прося снисхожденія у благосклоннаго читателя», легче было бы вовсе не писать незрѣлыхъ мыслей. И, потомъ, къ чему это вплетеніе интересовъ дня въ исторію Карла V? Все введеніе въ книгѣ г. Юрьева совершенно лишнее и наполнено праздной болтовней, нисколько не идущей къ дѣлу. Авторъ говоритъ о «великомъ русскомъ ученомъ Карлѣ Берѣ, создавшемъ эмбріологію», который не былъ ни русскимъ, ни великимъ, и эмбріологіи не создавалъ; о гг. Ивановѣ, Аѳанасьевѣ, Виноградовѣ и другихъ московскихъ писателяхъ, извѣстныхъ только въ своемъ муравейникѣ, и подробно разбираетъ ихъ «небрежности», какъ будто это можетъ кого нибудь интересовать или относиться къ Карлу V. Мнѣнія автора объ иностранныхъ писателяхъ также странны и произвольны, какъ и о русскихъ: Момзена «съ сухими, нервными мозгами» онъ ставитъ ниже Ранке, и тутъ же говоритъ, что «взятіе Рима дикими войсками Карла V, запачкавшее (?) это царствованіе, Ранке старается подвести подъ взрывъ (?) національнаго нѣмецкаго чувства ненависти къ Риму». Зато авторъ разсказываетъ самъ о событіяхъ въ Сербіи при генералѣ Черняевѣ: что «всѣ русскіе были пьяны сербской водкой и были всѣ сплошь искатели приключеній». Ранке мѣшало-де все понимать то обстоятельство, что онъ протестантъ, «но вѣдь, въ сущности, все понимать не такъ уже особенно похвально»,—прибавляетъ авторъ,—и подобныхъ наивныхъ сужденій у него немало. Тьера онъ называетъ знаменитымъ и гордымъ, хотя тотъ не былъ ни гордымъ, ни особенно знаменитымъ. О Герценѣ г. Юрьевъ отзывается съ пренебреженіемъ;

Digitized by Google

Кудрявцевъ пишетъ «отвратительнѣйшимъ языкомъ»; Бѣлинскій—«тягучимъ и неточнымъ», а между тѣмъ, у самого г. Юрьева слогъ какой-то разухабисто-диктаторскій и онъ очень любитъ, какъ самъ говоритъ: «гулкія, пѣнящіяся выраженія». И всѣмъ этимъ вздоромъ занято болѣе трети книги, не сообщающей о Карлѣ ничего интереснаго и новаго. Зато въ исторіи Карла V цѣлыя страницы заняты разборомъ полемики гг. Бобрыкина и Михайловскаго о морали въ критикѣ. Развязность автора доходитъ до того, что онъ выражается такъ: «всѣ учебники, говорящіе о пребываніи Лютера въ Римѣ—врутъ, врутъ и врутъ». Не вретъ только одинъ г. Юрьевъ, заодно ужь объявляющій, что и всѣ ученые ошибаются, изслѣдуя причины избранія Карла императоромъ: одинъ только авторъ русскаго этюда постигъ всю суть дѣла. Книга его не кончена и вторая и третья части должны были появиться еще въ январѣ, но если онѣ написаны съ тѣми же взглядами и тѣмъ же языкомъ, какъ первая часть, то торопиться, пожалуй, и незачѣмъ. Все это если не «брикабракизмъ» (слово, сочиненное г. Юрьевымъ), то абракадабра исторіи.

Пятьдесятъ лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи. *Генриха Паркса*. Переводъ съ англійскаго В. Невѣдомскаго. Изданіе К. Солдатенкова. Москва. 1894.

Европейская печать, занятая своими злобами дня, почти совсѣмъ не обращаетъ вниманія на то, что дѣлается въ колоніяхъ стараго свѣта. Мы очень рѣдко получаемъ оттуда извѣстія, какъ онѣ управляются и чѣмъ занимаются. А между тѣмъ, во многихъ изъ нихъ кипитъ та же общественная и правительственная жизнь, какъ въ ихъ метрополіяхъ. Колоніальные интересы во многихъ пунктахъ вовсе не такъ мелки, какъ это можетъ казаться дипломатамъ Европы. Развѣ, напримѣръ, не заслуживаетъ вниманія фактъ, обнаруживающійся давно уже въ англійскихъ колоніяхъ—кромѣ Индіи—и клонящійся къ совершенному отдѣленію ихъ отъ метрополіи, какъ отдѣлились въ концѣ прошлаго вѣка Сѣверо-Американскіе Штаты. Возстаніе ихъ было проявленіемъ насилія, междоусобной войною, тогда какъ нынѣшнимъ колоніямъ Англіи будетъ гораздо легче достигнуть полной независимости: почти во всѣхъ нихъ существуютъ отдѣльные парламенты, министерства, финансы, даже армія и, при стремленіи этихъ колоній къ заключенію между ними федеративнаго союза, подчиненіе ихъ англійской коронѣ остается почти номинальнымъ. Въ этомъ отношеніи книга Паркса, появившаяся въ подлинникѣ въ Сиднеѣ, главномъ городѣ Новаго Южнаго Валлиса, заслуживаетъ большаго вниманія. Она доказываетъ, какъ въ сравнительно короткое время, съ терпѣніемъ и умѣньемъ, можно добыть себѣ самыя широкія права даже отъ такого правительства, какъ англійское, поступающее весьма нецеремонно съ захваченными имъ странами и народами. Книга Паркса разсказываетъ: его жизнь въ Австраліи, въ теченіе 53-хъ лѣтъ, которыя онъ тамъ прожилъ,

Digitized by Google

и что онъ сдѣлалъ для страны, гдѣ пять разъ былъ министромъ и постоянно членомъ парламента, участвуя въ первыхъ попыткахъ ея — устроить свое самостоятельное существованіе и оканчивая послѣдними усиліями къ «подготовленію будущности, которая ожидаетъ эту новую республику». О монархіи, составляющей въ сущности только одну фикцію и въ самой Англіи, новые валлійцы и не думаютъ, да между ними и другими колоніями возможна только федерація, основанная на полной равноправности входящихъ въ нее членовъ, безъ всякаго преобладанія отдѣльныхъ лицъ и сословій. А съ какими затрудненіями приходилось бороться самостоятельному парламенту, открытому только въ 1856 году, въ средѣ, гдѣ на 115,000 жителей было 24½ тысячи каторжниковъ, не пользовавшихся свободой, и болѣе 18,000 сосланныхъ въ колонію за разныя преступленія! Не легко было управляться съ такою необузданною массою и еще труднѣе—съ правительствомъ Англіи, долгое время не соглашавшимся ни на парламентскія льготы, ни на прекращеніе пересылки преступниковъ въ колонію. Но—какъ всегда бываетъ во всѣхъ столкновеніяхъ съ Англіей—твердый отпоръ всѣмъ ея притязаніямъ и деспотическимъ требованіямъ всегда одерживаетъ верхъ, и Новый Валлисъ не только получилъ все, чего хотѣлъ, но и достигнулъ въ послѣднія 40 лѣтъ такого развитія, до котораго далеко не дошла сама метрополія. Главнымъ источникомъ богатства страны было скотоводство: изъ 6-ти мильоновъ головъ овецъ, рогатаго скота и лошадей въ пятидесятыхъ годахъ—въ 1891 было уже 62½ мильона головъ. Золота, металловъ, угля, добывается болѣе чѣмъ на 600 мильоновъ рублей. На каждаго изъ 1.132,000 жителей приходится болѣе 3,600 рублей изъ общей цифры народнаго богатства. Но нематеріальное развитіе колоніи еще замѣчательнѣе и въ этомъ отношеніи страна болѣе всего обязана автору книги. Во время почти двѣнадцатилѣтняго управленія краемъ въ званіи перваго министра, онъ заботился особенно о народномъ образованіи и достигъ того, что теперь почти всѣ дѣти школьнаго возраста отъ 6 до 14 лѣтъ получаютъ образованіе. Послѣ Лондона, Сидней—самый богатый городъ въ британскихъ колоніяхъ; въ немъ до 400,000 жителей. Личность Паркса является весьма симпатичною въ его книгѣ, хотя онъ парламентаристъ и консерваторъ. Переводъ г. Невѣдомскаго хорошъ и литературенъ, но, сокращая рѣчи автора, относящіяся къ слишкомъ спеціальнымъ мѣстнымъ интересамъ, переводчику слѣдовало бы исключить излишнія подробности о разныхъ австралійцахъ, въ родѣ Пима, Гемпдена, Вена, совершенно незнакомыхъ русскимъ читателямъ. Составленіе примѣчаній въ подобныхъ случаяхъ необходимо, а ихъ вовсе нѣтъ въ книгѣ.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1892—1893 года. Изданіе дирекціи театровъ. 1894.

Уже третій годъ выходитъ это роскошное офиціальное изданіе, поло-

Digitized by Google

жительно необходимое и для того, кто интересуется современнымъ положеніемъ нашей сцены, и для историка театра, которому этотъ добросовѣстно составленный сборникъ даетъ цѣнныя свѣдѣнія, какихъ напрасно стали бы мы искать въ другихъ источникахъ. Огромный томъ въ 575 страницъ, съ 345 рисунками, портретами, сценами изъ пьесъ, снимками съ декорацій, костюмовъ, аксесуаровъ, бутафорскихъ вещей и пр., роскошно напечатанный, удовлетворитъ вполнѣ всякаго любителя изящныхъ изданій, а внутреннее содержаніе книги доставитъ такой богатый матеріалъ для знакомства съ настоящимъ и прошлымъ нашихъ театровъ, какого не найдешь ни въ текущей печати, ни въ старыхъ сборникахъ. И что всего пріятнѣе—«Ежегодникъ» совершенствуется съ каждымъ годомъ, дѣлается полнѣе, разнообразнѣе, занимательнѣе. Уже и теперь многіе отдѣлы его отличаются такимъ богатствомъ данныхъ, какія можетъ дать, конечно, только офиціальное вѣдомство и, въ этомъ отношеніи, третій выпускъ сборника, обративъ на себя вниманіе періодической печати, пополняетъ во многомъ собранныя имъ свѣдѣнія новыми, болѣе подробными фактами. Сборникъ начинается репертуаромъ нашихъ казенныхъ театровъ въ обѣихъ столицахъ за прошлый сезонъ. При каждомъ спектаклѣ показано и количество сбора. Жаль только, что не подведены общіе годовые итоги прихода всѣхъ пяти театровъ—трехъ петербургскихъ и двухъ московскихъ. Русскихъ драматическихъ спектаклей было въ сезонъ—255 здѣсь и 198 въ Москвѣ; оперныхъ и балетныхъ одинаковое число здѣсь и тамъ: 120 и 120. Затѣмъ слѣдуютъ: списокъ пьесъ, исполненныхъ на обѣихъ сценахъ, съ показаніемъ, сколько разъ каждая была сыграна; списокъ артистовъ, съ указаніемъ, когда они поступили на сцену и какія роли исполняли, но безъ указанія—сколько получаютъ содержанія; списки чиновниковъ театральнаго управленія. Далѣе передается содержаніе всѣхъ новыхъ пьесъ, игранныхъ здѣсь и въ Москвѣ, иллюстрированное снимками сценъ, декорацій и такимъ множествомъ портретовъ, что хоть отбавляй, — одни супруги Фигнеръ изображены чуть не въ десяти позахъ, хотя ихъ физіономіями и въ сценической, и въ домашней жизни, въ своихъ дачахъ и помѣстьяхъ, даже со своимъ потомствомъ, заставлены всѣ витрины фотографій. А вотъ портрета г-жи Андерсонъ, чуть не сгорѣвшей на сценѣ, въ сборникѣ нѣтъ. Послѣ обзора французскихъ и нѣмецкихъ спектаклей, помѣщена обстоятельная біографія И. А. Мельникова, по поводу двадцати пяти лѣтія его артистической дѣятельности. Затѣмъ двѣ странички въ 20 строкъ посвящены такому же юбилею никому невѣдомаго танцора. О театральныхъ училищахъ сообщаются подробныя свѣдѣнія, хотя и не очень утѣшительныя: 62 лица въ московскихъ драматическихъ классахъ, и 33 въ петербургскихъ—цифра, не поражающая ни величиною, ни результатами обученія, особенно въ виду расходовъ на образованіе, которые, конечно, не показаны. Біографія Сумарокова, какъ драматурга, по поводу 175-лѣт-

Digitized by Google

ней годовщины его рожденія, могла бы быть болѣе фактическою: матеріаловъ для нея въ исторіи литературы немало. Авторъ говоритъ больше всего о передѣлкѣ Гамлета, но обзоръ русскихъ трагедій и комедій Сумарокова могъ бы быть интереснѣе. Біографія Сосницкаго, по поводу столѣтней годовщины его рожденія, составлена старательно, хотя авторъ статьи пользовался далеко не всѣми источниками для составленія полной характеристики этого замѣчательнаго сценическаго дѣятеля, у котораго былъ только одинъ предшественникъ—Дмитревскій и одинъ наслѣдникъ—Мартыновъ. Отрывокъ изъ записокъ Л. И. Шестаковой о своемъ великомъ братѣ, М. И. Глинкѣ, и его семьѣ читается съ интересомъ, хотя новыхъ свѣдѣній авторъ не сообщаетъ и, очевидно, многаго не досказываетъ. Такъ, оставшись послѣ смерти брата, по его завѣщанію, полною и единственною наслѣдницею его состоянія и родоваго ихъ имѣнія, г-жа Шестакова тотчасъ же передала Новоспасское своей сестрѣ, вышедшей за Н. А. Из—ова (къ чему эти псевдонимы и недомолвки въ официальныхъ свѣдѣніяхъ?) а тотъ, женившись на другой женѣ послѣ смерти первой, скончавшейся черезъ два года отъ дифтерита, спустилъ какому-то мужику сначала лѣсъ и другія угодья, а потомъ и самое имѣніе, принадлежавшее нѣсколько сотъ лѣтъ семьѣ Глинокъ, которые всѣ тамъ и похоронены. Въ дополненіе къ этимъ обрывкамъ изъ мемуаровъ, г. Стасовъ въ ходульной и напыщенной статьѣ прибавляетъ нѣсколько мало содержательныхъ свѣдѣній объ авторѣ мемуаровъ и уже вовсе никому не нужныхъ изображеній креселъ, кушетокъ, вѣнскихъ стульевъ и другой обстановки кабинетовъ Л. И. Шестаковой. Не лишены интереса слѣдующія за тѣмъ два письма кн. В. Ѳ. Одоевскаго объ операхъ Глинки. Четыре странички, посвященныя памяти Чайковскаго, очень коротки, но полтораста строкъ, отведенныхъ Кюи, длинны и неизвѣстный авторъ ихъ совершенно напрасно примазываетъ свой очеркъ къ двадцатипятилѣтію постановки оперы г. Кюи «Ратклифъ», не имѣвшей нигдѣ и никогда успѣха, какъ и всѣ послѣдующія произведенія композитора. Идея справить юбилей провалившейся оперы могла прійти въ голову только членамъ «могучей»,—хотя, по счастью, весьма малочисленной—кучки, но вѣдь, кромѣ нея, существуетъ и русская публика, не признававшая никогда ни малѣйшаго дарованія въ музыкально-фортификаціонной работѣ г. Кюи. «Ежегодникъ» оканчивается некрологами и свѣдѣніями о зданіяхъ казенныхъ театровъ. Въ «Смѣси» помѣщены извѣстія о музеѣ Глинки, библіографическій указатель критическихъ статей Чайковскаго, перечень оперъ г. Кюи, поставленныхъ на казенныхъ сценахъ, перечень никому не нужный:—три оперы сыграны 25 разъ въ 25 лѣтъ,—успѣхъ не особенный!

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ V и томъ VI. 1894.

Изданіемъ этихъ двухъ томовъ еще не завершается литературная, ученая и адвокатская дѣятельность нашего даровитаго писателя. Въ собраніе

Digitized by Google

его сочиненій не вошли его капитальные юридическіе труды и профессорскія лекціи, но онъ и не предполагалъ ихъ включить въ шесть томовъ, разсчитывая закончить свои литературныя, ученыя, критическія статьи, путевыя замѣтки и пр. двумя томами судебныхъ рѣчей. Оказалось, однако, что въ эти томы вмѣстилось всего 25 рѣчей, а остальныя, послѣ 1883 года, войдутъ въ добавочный VII томъ, да, сверхъ того, писатель обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ еще дополнительный VIII томъ со статьями, написанными послѣ 1889 года. Нельзя не порадоваться неутомимой дѣятельности автора, еще въ концѣ прошлаго года выдержавшаго борьбу съ тяжелою болѣзнью. Изданныя нынѣ рѣчи переносятъ насъ за четверть вѣка назадъ, къ эпохѣ новыхъ судовъ, когда дѣятельность ихъ не являлась еще въ стройныхъ, вполнѣ установившихся, формахъ. Рѣчи г. Спасовича, рисующія недавнее, но уже во многихъ отношеніяхъ забытое прошлое, относятся къ литературнымъ, политическимъ и бытовымъ процессамъ, и мы разсмотримъ ихъ въ этомъ порядкѣ, а не въ хронологическомъ, въ какомъ онѣ являются въ сборникѣ.

Первое же дѣло, въ которомъ присяжнымъ повѣреннымъ явился г. Спасовичъ, возникло въ 1867 году по обвиненію П. А. Гайдебурова въ томъ, что онъ издалъ переводъ сочиненія Вундта: «Душа человѣка и животныхъ» безъ разсмотрѣнія духовной цензуры. Дѣло это со всѣми апелляціями и кассаціями длилось семь мѣсяцевъ и съ перваго же разу доказало, что наши юридическія понятія вовсе не отличаются такими крайностями, въ стремленіи къ которымъ ретрограды тотчасъ же заподозрили новые суды. Почти въ то же время была высказана мысль, что «мы не дозрѣли». Она очень оскорбила нашихъ передовыхъ дѣятелей, но и до сихъ поръ не опровергнута категорически во многихъ отношеніяхъ. Казалось бы, что новые юридическіе чиновники имѣли случай, въ дѣлѣ Гайдебурова, блеснуть новыми, либеральными тенденціями, но что же вышло? Окружный судъ нашелъ, что въ книгѣ Вундта четыре главы, отдѣльно отъ прочихъ, подлежали представленію въ духовную цензуру, а Гайдебурова рѣшилъ подвергнуть аресту на недѣлю съ уплатою 25 рублей штрафа. Судебная палата, по апелляціи, утвердила приговоръ, но постановила, сверхъ того, всю книгу Вундта, въ полномъ составѣ, препроводить въ духовную цензуру. Двѣ новыя инстанціи, руководящія идеями правды и справедливости, сошлись въ мнѣніи о преступности Гайдебурова, и только нашъ сенатъ, о которомъ распространяли сплетни, что тамъ засѣдаютъ лица съ устарѣлыми взглядами и понятіями, отмѣнилъ рѣшеніе палаты на томъ основаніи, что «почти нѣтъ научнаго сочиненія, которое не имѣло бы прямаго или косвеннаго отношенія къ предметамъ духовнымъ, что для научныхъ сочиненій вездѣ, гдѣ существуетъ цензура, свобода мысли подвергается наименьшимъ ограниченіямъ, что законъ нашъ не указываетъ на то, чтобы въ духовную цензуру по-

Digitized by Google

сылались сужденія и усмотрѣнія, касающіяся косвенно предметовъ вѣдомства духовной цензуры». Гайдебуровъ былъ оправданъ и книга Вундта выпущена въ обращеніе. Такое свѣтлое рѣшеніе сената не подѣйствовало, однако, на прокуратуру низшихъ инстанцій. Черезъ полтора года, судебная палата судила Щапова по обвиненію въ подобномъ же преступленіи противъ церковной цензуры, обнаруживавшемся въ «Письмахъ Луи Блана» и г. Спасовичъ говоритъ въ своей рѣчи: «Конечно, эта цензура забракуетъ мнѣнія Луи Блана, несогласныя съ православіемъ, но вѣдь тогда слѣдуетъ забраковать и всѣ свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ церквяхъ протестантской и католической, свѣдѣнія изъ учебниковъ географіи, что есть мормоны и разные сектанты, а если все это будетъ выброшено и забраковано—изъ этого выдетъ все что угодно, но только не торжество религіи». Палата оправдала Щапова по всѣмъ пунктамъ обвиненія, но прокуроръ протестовалъ въ сенатъ и сенаторы нашли, что мнѣніе Луи Блана объ искупленіи должно быть передано въ духовную цензуру. Еще опредѣлительнѣе выразились и другія судебныя инстанціи по поводу «Исторіи раціонализма» Лекки, въ переводѣ А. Н. Пыпина. Издатель Поляковъ признанъ былъ не подлежащимъ наказанію, но книга все таки отправлена въ духовную цензуру. VI томъ «Сочиненій» оканчивается процессомъ 1882 года, оставляющимъ непріятное впечатлѣніе вслѣдствіе обвиненія ни въ чемъ неповиннаго, фиктивнаго редактора «Новаго Времени» г. Ѳедорова въ завѣдомо лживыхъ извѣстіяхъ о газетѣ «Порядокъ» и его редакторѣ. Судъ приговорилъ г. Ѳедорова къ трехмѣсячному тюремному заключенію, а автора статей противъ Стасюлевича, г. Буренина, призналъ оправданнымъ. Но вѣдь если въ статьяхъ не усмотрѣна клевета—за что же наказывался мнимый редакторъ? Были привлечены къ суду, въ это время, еще два литератора, по частнымъ дѣламъ. Поручикъ Крестовскій нанесъ оскорбленія дѣйствіемъ присяжному повѣренному Соколовскому, разбиравшему жалобу г-жи Крестовской на мужа по семейнымъ дѣламъ. Дѣло это такъ и не выяснилось на судѣ, хотя касалось добраго имени обвиняемаго не какъ писателя, а какъ члена семьи. Къ другому дѣлу, оставляющему тяжелое впечатлѣніе, привлеченъ былъ писатель Пальмъ, чиновникъ 50-ти лѣтъ, съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ. Управляя полтавскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка, онъ растратилъ четырнадцать тысячъ казенныхъ денегъ и, чтобы скрыть это, прибѣгнулъ къ разнымъ подлогамъ. Проворовавшійся литераторъ подвергнутъ былъ очень легкому наказанію: сосланъ изъ полтавской губерніи въ самарскую на три года, по истеченіи которыхъ явился въ Петербургъ ставить свои пьесы и писать повѣсти. Не всегда г. Спасовичъ являлся защитникомъ литераторовъ и нельзя не быть довольнымъ, что въ числѣ своихъ рѣчей онъ не помѣстилъ натянутой и неудачной рѣчи противъ г. Крылова, автора книги «Столбы».

Digitized by Google

Изъ судебно-политическихъ рѣчей блестящаго адвоката помѣщены только три: по дѣлу о заговорѣ съ цѣлью ниспроверженія существующаго правленія въ Россіи (Нечаевское) по дѣлу Долгушина, Дмоховскаго и др., обвиняемыхъ въ распространеніи прокламацій, и по дѣлу 50-ти государственныхъ преступниковъ. Рѣчь по заговору Нечаева самая важная и содержательная; она занимаетъ болѣе 60-ти страницъ. Г. Спасовичъ защищаетъ Кузнецова, одного изъ главныхъ виновниковъ, кандидата правъ П. Н. Ткачева и жену полковника, Томилову. Надо припомнить настроеніе нашего общества въ этомъ дѣлѣ, 23 года назадъ, чтобы оцѣнить вполнѣ аргументацію даровитаго юриста, по которой Кузнецовъ былъ приговоренъ только къ десятилѣтней каторгѣ, Ткачевъ къ 16-мѣсячному тюремному заключенію, а Томилова оправдана. Газеты того времени плохо сознавали значеніе процесса и занимались больше полемикой, чѣмъ изслѣдованіемъ дѣла. Въ рѣчи г. Спасовича есть, впрочемъ, одно странное мѣсто, точно будто говоритъ и не русскій человѣкъ. Характеризуя Нечаева, онъ приводитъ его слова, будто русская исторія имѣла только двѣ эпохи, когда жилъ русскій народъ—это эпохи Стеньки Разина да Пугачева; опровергая этотъ парадоксъ, адвокатъ находитъ, что у насъ нѣтъ ни прошлаго, ни культуры. «Петербургскія Вѣдомости» возразили на это, что «хотъ мы и не богаты культурой, но въ нашемъ прошломъ есть страницы высокія, хотя бы исторія Новгорода, смутнаго времени и Петра», и замѣтили г. Спасовичу, что, сопоставляя съ нашей исторіей прошлое Польши, которое и теперь «заставляетъ биться сердца современниковъ», адвокатъ забываетъ, что дѣло народа, смердовъ, было въ Польшѣ въ худшемъ положеніи, чѣмъ у насъ, да и самъ защитникъ сознаётъ, что въ насъ есть «чувство любви, чувство демократическаго желанія—идти въ этотъ народъ, сжиться съ нимъ». «Голосъ» признаётъ за этимъ сознаніемъ г. Спасовича извѣстную долю мужества, а «Петербургскія Вѣдомости» обозвали за это «Голосъ» «хожалымъ патріотомъ, колоноѣдомъ (?) и зайцемъ». Очень милые полемическіе пріемы. Газета Корша отдаетъ справедливость даровитости г. Спасовича, называя его ораторскіе пріемы художественными, тогда какъ у г. Арсеньева они—философскіе; та же газета отзывается съ похвалою и о третьемъ защитникѣ подсудимыхъ въ этомъ процессѣ—кн. Урусовѣ. Но нельзя не сознаться, что эта рѣчь г. Спасовича подѣйствовала непріятнымъ образомъ на русскихъ людей именно тѣмъ, что въ ней русскій, православный адвокатъ духовнаго происхожденія явился открыто восторженнымъ поклонникомъ Польши, ея «прошлаго, возникающаго въ пурпурѣ и златѣ, въ дивномъ величіи, и полякъ кидается въ это національное прошлое, чтобы осуществить свои демократическія стремленія». Но когда же исторія Польши являлась въ дивномъ, пурпурномъ, золотомъ величіи и еще съ «демократическими стремленіями» буйной, аристократической шляхты, часто олигархической и обращавшейся съ народомъ, какъ съ рабочимъ скотомъ, «быдломъ, псиною кровью»? Г. Спа-

Digitized by Google

совичъ называетъ «однимъ изъ величайшихъ государей» Сигизмунда I за то только, что этотъ безхарактерный монархъ, находившійся подъ вліяніемъ своей второй жены, Боны Сфорцы миланской, выказалъ по отношенію къ протестантамъ терпимость, какой вовсе не видно въ его отношеніяхъ къ своему собственному народу не изъ шляхты, во все время его 42-лѣтняго царствованія. Но оставимъ въ сторонѣ споры о польскомъ величіи и обратимся къ остальнымъ рѣчамъ г. Спасовича.

Онъ являлся искуснымъ ораторомъ почти во всѣхъ выдающихся процессахъ нашей бытовой жизни, сдѣлавшихся достояніемъ гласности, благодаря новымъ судамъ. Онъ защищалъ и поддѣлывателя государственныхъ кредитныхъ бумагъ, поляка графа Шомберга-Колонтая, и скопцовъ Плотицыныхъ, и убійцъ Зона, и Утина, убившаго на дуэли Жохова, и чиновника окружнаго суда Савицкаго, допустившаго въ жалобѣ сенату опрометчивыя выраженія, и убійцу Нины Андреевской, и опекуновъ надъ имѣніемъ Терпигоревыхъ. Всѣ эти дѣла, не смотря на блестящую защиту ихъ, кончились не въ пользу обвиняемыхъ, но объ одномъ изъ нихъ,—убійствѣ въ Тифлисѣ Андреевской,—адвокатъ продолжаетъ сохранять «глубочайшее убѣжденіе, что дѣло кончилось печальною ошибкою и пострадали невинные, указанные заблужденною народною молвою». Въ дѣлѣ о поджогѣ Овсянниковымъ мукомольной мельницы вся честь обнаруженія продѣлокъ ловкаго плута всецѣло принадлежитъ адвокату, оказавшемуся въ своей рѣчи не только юристомъ, но и архитекторомъ, и техникомъ, и даже отличнымъ печникомъ. Многіе изъ подсудимыхъ обязаны своимъ оправданіемъ преимущественно защитѣ г. Спасовича, какъ въ дѣлахъ: Шишкиныхъ, обвинявшихся въ присвоеніи чужаго имущества; графа Маркова, судимаго за убійство крестьянина; въ дѣлѣ фейерверкера Дементьева, не повиновавшагося офицеру; въ дѣлѣ о злоупотребленіяхъ въ московскомъ коммерческомъ банкѣ; о Непениныхъ, обвинявшихся въ убійствѣ чиновника Чихачева; о банкирѣ Кронебергѣ, судившемся за истязаніе семилѣтней дочери. Почему-то въ двухъ послѣднихъ процессахъ даже фамиліи подсудимыхъ и оправданныхъ скрыты подъ заглавными буквами Н. и К., какъ будто можно судить иксовъ и игрековъ! Только въ одномъ изо всѣхъ дѣлъ, защищаемыхъ г. Спасовичемъ, эта защита оставляетъ крайне тяжелое, непріятное впечатлѣніе—это именно въ дѣлѣ еврея Кронеберга, истязавшаго своего ребенка. Тутъ адвокатъ, для обѣленія этого чадолюбиваго израиля, прибѣгаетъ къ такимъ софизмамъ, съ какими никакъ не согласится общественная совѣсть. Такъ, въ этой рѣчи адвокатъ является защитникомъ тѣлеснаго наказанія, не считаетъ пощечину истязаніемъ, «если она не произвела поврежденій на лицѣ». Синяки на рукахъ и ногахъ ребенка онъ признаетъ только знаками того, что его крѣпко держали, когда сѣкли, а сѣчь надо было, потому что «отъ похищенія чернослива—до денегъ и банковыхъ билетовъ открытая дорога» и что отецъ, наказывая дочь, «избав-

Digitized by Google

ляетъ ее отъ того, чтобы она сдѣлалась распутною женщиною»! Можно ли доходить до такихъ странныхъ парадоксовъ?

Вообще, нельзя не пожалѣть, что, выпуская въ свѣтъ свои сочиненія, г. Спасовичъ не далъ просмотрѣть ихъ хорошему русскому корректору: въ нихъ много полонизмовъ, неловкихъ оборотовъ, допускаемыхъ въ разговорномъ языкѣ, но не въ литературной рѣчи; немало и опечатокъ, даже въ знакахъ препинанія. Въ ораторскомъ искусствѣ г. Спасовича много своеобразнаго и оригинальнаго, но, вмѣстѣ съ живостью, простотою изложенія, юморомъ, основательнымъ образованіемъ, ученостью и солидными юридическими знаніями, много и неправильностей въ рѣчи, особенно когда онъ импровизируетъ. Начинаетъ онъ рѣчь безцвѣтно, но всегда ловко, и, только одушевляясь, дѣлается настоящимъ ораторомъ, но и тутъ употребляетъ тривіальныя слова, въ родѣ: «она дѣйствовала вальяжно; была гораздо отрабатывать уроки; ядреныя выраженія» и т. п. Все это дѣлаетъ его рѣчи неровными, шероховатыми, и все это было бы такъ легко сгладить...

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Предварительныя кассовыя свѣдѣнія объ исполненіи государственной росписи въ 1893 году.—Превышеніе доходовъ надъ расходами, характеризующее нашу финансовую систему съ 1888 года.—Какъ образовываются у насъ свободные остатки въ государственномъ казначействѣ и полезно ли ихъ увеличеніе?—Экономическія отношенія Россіи и Германіи до 70-хъ годовъ.—Постепенное увеличеніе пошлинъ на хлѣбъ въ Германіи и повышеніе таможеннаго тарифа на произведенія обрабатывающей промышленности въ Россіи.—Начало переговоровъ Россіи съ Германіей по поводу таможенныхъ пошлинъ. — Перемѣна въ таможенной политикѣ Германіи въ 1892 г.—Причина экономическаго разрыва Россіи съ Германіей. — Заключеніе русско-германскаго торговаго договора. — Мѣры русскаго правительства противъ рѣзкаго пониженія хлѣбныхъ цѣнъ.—Затрудненія Германіи во время таможенной войны.—Результаты нашего соглашенія съ Германіей.—Зло протекціонизма, не устраненное договоромъ.—Крокодиловы слезы московскихъ фабрикантовъ и торговцевъ. — Заявленіе представителей нашего металлургическаго производства.

Въ концѣ марта текущаго года, въ «Вѣстникѣ финансовъ» помѣщены «предварительныя кассовыя свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ и расходахъ въ 1893 году», знакомящія общество съ приблизительными результатами исполненія росписи.

Въ 1893 году, *обыкновенныхъ* доходовъ поступило 1.046½ мил. рублей, болѣе чѣмъ предполагалось по росписи (961 м. р.) слишкомъ на 85 м. р., и болѣе доходовъ 1892 года на 76½ м. р. Часть

Digitized by Google

этого увеличенія, около 8 м. р., произошла отъ того, что поступленія въ золотыхъ рубляхъ въ 1892 году перелагались въ кредитную валюту по курсу 1 р. 60 к. кредит. за золотой рубль, а въ 1893 году по 1 р. 70 коп. кред. За вычетомъ цифръ такого искусственнаго увеличенія, доходы 1893 г. превышаютъ доходы предшествовавшаго ему года на 68½ м. р. *Чрезвычайныхъ* поступленій было 174 м. р. Всего, слѣдовательно, поступило 1.220½ милліоновъ рублей.

Цифра расходовъ пока не можетъ быть опредѣлена съ точностью, такъ какъ роспись не провѣрена еще въ контрольномъ порядкѣ, и можно опредѣлить только крайній размѣръ расходовъ суммою отпущенныхъ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ кредитовъ. По росписи назначено было *обыкновенныхъ* расходовъ 947½ м. р., въ дѣйствительности же эти расходы опредѣлились въ суммѣ 943¾ милліоновъ руб. *Чрезвычайныхъ* расходовъ произведено до 112 мил. рублей, а по росписи было исчислено 92¾ мил. руб.

Такимъ образомъ, балансъ по исполненію росписи 1893 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ. *По обыкновенному бюджету*, замѣчается избытокъ доходовъ (1.046½ мил. руб.) надъ расходами (943¾ мил. руб.) въ 102¾ мил. руб., превысившій избытокъ, исчисленный по росписи, на 89 мил. руб. *По чрезвычайному бюджету*, поступленія (174 мил, руб.) превышаютъ расходы (112 мил. руб.) на 62 мил. руб. Въ общемъ, поступленій болѣе, нежели расходовъ, на 164.623,000 рублей, тогда какъ, по росписи, былъ исчисленъ недоборъ слишкомъ въ 68½ мил. руб. Такая разница въ 230 мил. руб. произошла не только вслѣдствіе превышенія дѣйствительныхъ доходовъ противъ ожидаемыхъ, но и вслѣдствіе того, что въ числѣ поступленій есть суммы, полученныя путемъ займовъ, и, кромѣ того, 13½ мил. руб. изъ числа чрезвычайныхъ расходовъ употреблены на уплату по «кредитнымъ операціямъ». Финансовые итоги 1893 года, поскольку они обрисовались по предварительнымъ кассовымъ свѣдѣніямъ, можно было бы назвать вполнѣ блестящими, еслибы превышеніе поступившихъ доходовъ надъ произведенными въ отчетномъ году расходами не было результатомъ двухъ мѣръ—чрезвычайной осторожности въ вычисленіи ожидаемыхъ доходовъ, съ одной стороны, излишней сдержанности въ удовлетвореніи народныхъ потребностей, съ другой, и, наконецъ, состоявшагося къ 1893 году повышенія цѣлаго ряда налоговъ: питейнаго, табачнаго, сахарнаго, нефтянаго и другихъ. Удачный балансъ исполненія росписи въ томъ или другомъ году можетъ служить указаніемъ экономическаго благосостоянія страны, если размѣры поступленій государственнаго казначейства опредѣляются степенью народной производительности, а размѣры и характеръ государственныхъ расходовъ не только не являются тормозомъ для дальнѣйшаго развитія страны, но исключительно разсчитаны на поднятіе духовнаго и матеріальнаго благополучія народа. Высокими налогами, совершенно не соотвѣтствующими платежнымъ силамъ населенія, угнетающими потребленіе и разрушающими народное благосостояніе, можно, конечно, достигнуть равновѣсія доходовъ съ расходами, если къ тому же ожидаемые доходы исчисляются черезчуръ осторожно, а при назначеніи рас-

Digitized by Google

ходныхъ кредитовъ проявляется крайняя сдержанность. Что касается государственныхъ доходовъ, то давно замѣчаемая косность въ ихъ развитіи указываетъ на то, что увеличеніе доходовъ зависѣло у насъ не отъ естественнаго роста экономическихъ силъ страны, а отъ внѣшней причины—установленія новыхъ налоговъ и возвышенія размѣровъ старыхъ, производившихся исключительно въ фискальныхъ цѣляхъ. Возвышеніе налоговъ безъ всякаго отношенія къ экономическимъ условіямъ населенія увеличиваетъ, конечно, на время ту или другую доходную статью, но и тормозитъ дальнѣйшее ея развитіе, вычитая изъ ежегоднаго народнаго дохода сумму иногда значительно бо̀льшую той, которая можетъ быть собрана казной безъ ущерба для благосостоянія народа. Осторожное исчисленіе государственныхъ доходовъ характеризуетъ нашу финансовую систему, дѣйствующую съ 1888 года, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

1888	годъ	далъ	избытокъ	обыкн.	доходовъ	надъ	расходами	въ	58	мил.	руб.
1889	»	»	»	»	»	»	»	»	69	»	»
1890	»	»	»	»	»	»	»	»	66	»	»
1891	»	»	»	»	»	»	»	»	16	»	»
1892	»	»	»	»	»	»	»	»	52½	»	»
1893	»	»	»	»	»	»	»	»	102¾	»	»
									371¼	мил.	руб.

Такимъ образомъ, въ теченіе 6 лѣтъ образовалась свободная значительная наличность въ распоряженіи государственнаго казначейства. Эти свободные остатки получены путемъ ограниченія важныхъ государственныхъ функцій, отразившагося угнетающимъ образомъ на нашей экономической жизни. Заботы финансоваго вѣдомства далеко не исчерпываются устраненіемъ дефицитовъ и накопленіемъ избытковъ въ государственномъ казначействѣ; онѣ заключаются, главнымъ образомъ, въ установленіи соотвѣтствія государственныхъ сборовъ съ платежными силами народа и въ созданіи условій, необходимыхъ для возможно полнаго удовлетворенія духовныхъ и матеріальныхъ его потребностей. Система финансоваго хозяйства, которая стремится къ накопленію свободныхъ суммъ въ казнѣ преднамѣреннымъ пониженіемъ ожидаемыхъ доходовъ, несомнѣнно ведетъ къ сокращенію наиболѣе производительныхъ государственныхъ расходовъ. И, въ дѣйствительности, расходы на просвѣщеніе, на развитіе и улучшеніе общихъ условій экономической дѣятельности, не имѣя опредѣленныхъ границъ, разрѣшаются по мѣрѣ возможности, обладаютъ наибольшею эластичностью, — а потому на нихъ всего сильнѣе и отражается стремленіе къ сокращенію государственныхъ расходовъ. Всѣ средства, дѣйствующія чисто внѣшнимъ образомъ, — новые налоги, конверсіи, таможенныя пошлины и т. д., — не въ состояніи улучшить и возвысить платежныя силы населенія, а потому и дѣйствіе ихъ на государственные финансы является только кажущимся. Лишь тѣ мѣры ведутъ къ прочному финансовому развитію страны, которыя находятся въ связи съ подъемомъ народнаго благосостоянія, съ содѣйствіемъ производительному труду,

Digitized by Google

съ ростомъ всѣхъ отраслей промышленности и торговли. Только усиленіе производительности народнаго труда, прямо ведя къ экономическому улучшенію страны, создаетъ прочную опору для ея финансовъ, такъ какъ существуетъ тѣсная связь между государственными доходами и народною производительностью, а состояніе государственныхъ финансовъ есть не болѣе, какъ результатъ экономическаго положенія населенія. Усиленіе народной производительности представляетъ собою средство улучшенія государственныхъ финансовъ далеко не скорое и не легкое, но вѣрное и дѣйствительное. Между тѣмъ, повышеніе налоговъ, являясь легкимъ средствомъ устраненія дефицитовъ въ государственномъ бюджетѣ, увеличиваетъ вычетъ изъ прежнихъ или даже уменьшившихся средствъ населенія, и вслѣдствіе этого нарушаетъ необходимое соотвѣтствіе государственныхъ доходовъ платежнымъ силамъ населенія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, переходя къ отдѣльнымъ статьямъ доходнаго бюджета въ 1893 году, мы видимъ, что наибольшее увеличеніе, сравнительно съ росписью и съ доходами предшествовавшихъ лѣтъ, представляется *таможенный доходъ*, давшій въ отчетномъ году 166 м. р.,—болѣе противъ цифры, показанной по таможенному доходу за 1892 годъ, на 35½ м. р. Но это превышеніе является результатомъ того, что по росписямъ 1891 и 1892 гг. былъ принятъ курсъ въ 1 р. 60 к. кред. за золотой рубль, а для росписи 1893 года былъ установленъ курсъ по 1 р. 70 к. за золотой рубль. Но и помимо этого, увеличеніе таможенныхъ доходовъ въ 1891 году, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, составило 20%. Причину увеличенія «Вѣстникъ финансовъ» усматриваетъ отчасти въ улучшеніи экономическихъ условій и оживленіи торговли, отчасти—въ дѣйствіи тарифа 1891 года и временномъ введеніи въ 1893 году двойнаго тарифа на привозные товары.

Выкупныхъ платежей поступило противъ росписи болѣе на 22 м. р.; *по налогамъ поземельнымъ, съ недвижимыхъ имуществъ, и податямъ* поступило болѣе, нежели ожидалось по росписи, на 2 м. р., т. е. дѣйствительное поступленіе этихъ доходовъ превзошло на 24 м. р. смѣтныя ожиданія 1893 г., и на 11 м.—поступленія предшествовавшаго неурожайнаго 1890 года. *Сборы съ торговли и промышленности* дали приростъ доходовъ, сравнительно съ 1892 годомъ, на 5 м. р. *По нефтяному доходу*, приростъ оказался въ 3,4 м. р. По лѣсному доходу, поступленія 1893 года превысили поступленія предшествовавшаго года на 3 м. р. Сахарный доходъ—на 2,6 м. р. Табачный на 2,3 и возвратъ ссудъ—на 2 м. р. *Питейнаго* дохода поступило 261 м. р.—болѣе противъ росписи на 3½ м. р. и менѣе полученнаго въ 1892 году на 8 м. р. Но, какъ видно изъ словъ «Вѣстника финансовъ», часть питейнаго акциза,—по приблизительному разсчету не менѣе 15 м. р.,—поступила за счетъ 1893 года впередъ, въ ноябрѣ 1892 года. Если перенести эту сумму изъ дохода 1892 года въ доходъ 1893 года, то питейный доходъ послѣдняго года (276 м. р.). превзойдетъ доходъ 1892 г. на 22 м. р. Къ *чрезвычайнымъ* поступленіямъ, имѣющимъ характеръ дѣйствительныхъ доходовъ, могутъ быть отнесены: военное вознагражденіе

Digitized by Google

съ Турціи и Хивы (около 4 м. р.) спеціальные капиталы, обращенные въ казну (5 м. р.) и другія поступленія, всего около 11½ м. р.; остальные же 162½ м. р. получены отъ займовъ—отъ реализаціи 4½% внутренняго займа 1893 г.—96,8 м. р. и отъ продажи остававшихся на рукахъ у казны 3% облигацій золотаго займа—65,7 м. р. *Чрезвычайныхъ* расходовъ было назначено по росписи: на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ 62.161,000 р.; на перевооруженіе 29.607,000 р., а съ прибавленіемъ къ нимъ перенесенныхъ изъ обыкновенной росписи 6.147,000 р., всего 35.754,000 р.; на заготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія 1 м. р. Сверхъ того, отпущено 13.200,000 р., сверхсмѣтнымъ расходомъ, на выкупъ и доплату 6% золотой ренты.

Хотя, какъ замѣчено выше, въ настоящее время опубликованы лишь кассовыя свѣдѣнія о государственныхъ расходахъ и доходахъ 1893 года, но эти предварительныя данныя, очень мало отличаясь, какъ показалъ опытъ, отъ свѣдѣній государственнаго контроля, представляютъ вполнѣ точную картину финансоваго положенія нашего отечества въ прожитомъ году. Закончимъ наше изложеніе пожеланіемъ, чтобы министерство финансовъ проявляло менѣе заботъ о скопленіи въ кассахъ казначейства «свободныхъ запасовъ» и болѣе удѣляло вниманія удовлетворенію назрѣвшихъ нуждъ народнаго хозяйства и прежде всего народнаго образованія, такъ чтобы центръ финансовой мощи былъ крѣпко утвержденъ на экономическомъ и духовномъ благосостояніи народа, а не на высокихъ налогахъ и не на сокращеніи производительныхъ государственныхъ расходовъ.

Мы почти не касались одного изъ крупныхъ событій послѣдняго времени—заключенія русско-германскаго договора, о которомъ въ нашемъ журналѣ не было ничего сообщено, кромѣ краткаго извѣщенія о состоявшемся торговомъ соглашеніи, такъ что остались безъ всякаго выясненія причины экономическаго таможеннаго конфликта Россіи съ Германіей и значеніе для насъ, какъ экономическаго разрыва, такъ и сближенія съ этой страною. Въ настоящемъ обозрѣніи мы хотимъ пополнить этотъ пробѣлъ и прежде всего обратимся къ обстоятельствамъ, подготовившимъ нашу таможенную войну съ Германіей, пользуясь съ этой цѣлью официальными сообщеніями.

Въ теченіе ¾ нынѣшняго столѣтія, наши экономическія отношенія съ Германіею служили отраженіемъ взаимныхъ политическихъ отношеній. Такъ какъ послѣднія были весьма дружественны, то въ экономической сферѣ не возникало никакихъ поводовъ къ столкновеніямъ, хотя отношенія двухъ государствъ и не обезпечивались никакими договорами. Съ начала семидесятыхъ годовъ и въ особенности съ 1877 года политическія, а соотвѣтственно съ ними и экономическія отношенія наши съ Германіею стали измѣняться. Экономическое объединеніе Германіи, начавшееся съ возникновенія германскаго таможеннаго союза и закрѣпленное образованіемъ имперіи, вызвало въ ней цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ усиленной охранѣ отечественной промышленности. Первая мѣра въ этомъ родѣ состояла въ измѣненіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ, съ

Digitized by Google

цѣлью затруднить ввозъ иностранныхъ товаровъ. Затѣмъ, въ 1879 году были обложены пошлиною главные предметы нашего вывоза: хлѣбъ и разные сельско-хозяйственные продукты, а также повышены ставки по многимъ другимъ статьямъ тарифа. Въ 1885 году введены новыя повышенія пошлинъ на хлѣбъ, спиртъ, лѣсъ, льняную пряжу, мясо и проч. Въ 1887 году пошлины на хлѣбъ увеличены съ 3-хъ до 5-ти марокъ за 100 килограмовъ. Въ общемъ, за указанный періодъ времени, пошлины на продукты нашего ввоза доведены до 100% ихъ стоимости. Съ своей стороны, за тотъ же періодъ времени, Россія, руководствуясь соображеніями экономическаго свойства, также повысила свой таможенный тарифъ. Такъ, въ 1876 г. у насъ было установлено взиманіе пошлинъ въ золотой валютѣ, что было равносильно ихъ повышенію на 30%. Затѣмъ, въ 1881, 1885 и 1890 гг. пошлины были увеличены огульно на 10, 15 и 20%, независимо отъ многихъ частныхъ измѣненій. Такимъ образомъ, въ теченіе 15 лѣтъ таможенное обложеніе повысилось на 106%. Всѣ эти повышенія заключились изданіемъ тарифа 1891 г., который хотя и не повлекъ за собою новыхъ крупныхъ повышеній, но и не далъ существенныхъ пониженій.

Трудно сказать, была ли эта политика Россіи вызвана мѣропріятіями Германіи, или, наоборотъ, Германія повышала свой тарифъ подъ вліяніемъ нашихъ повышеній, такъ такъ измѣненія въ тарифахъ иногда происходили одновременно. Очевидно, что каждая сторона не считала нужнымъ принимать въ разсчетъ интересы другой стороны. Высокія пошлины въ обоихъ государствахъ не могли отразиться благопріятно на ихъ торговлѣ, а потому обѣ стороны чувствовали необходимость соглашенія. На путь переговоровъ первая выступила Россія: въ ноябрѣ 1891 г. она просила нѣкотораго пониженія пошлинъ на хлѣбные товары, лѣсъ, животныхъ, устраненія воспрещеній по ввозу изъ Россіи живаго скота и гарантированіе неизмѣняемости германскаго тарифа для нѣкоторыхъ другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ (льна, пеньки, масляничныхъ сѣмянъ и пр.), обязуясь не повышать пошлинъ тарифа 1891 года на нѣкоторые предметы германскаго ввоза, которые были бы намъ указаны Германіею. На это наше предложеніе Германія отвѣчала заключеніемъ торговыхъ договоровъ съ Австро-Венгріей, Италіей, Швейцаріей и Бельгіей, и введеніемъ съ 1-го февраля 1892 г. диференціальной пошлины на хлѣбъ, лѣсной товаръ и другіе интересующіе насъ предметы, поставивъ тѣмъ самымъ нашъ ввозъ въ несравненно худшія условія, такъ какъ всѣмъ конкуррирующимъ съ Россіею странамъ, исключая Румыніи, предоставлены были въ Германіи пониженныя хлѣбныя пошлины. Совершивъ это наступленіе, Германія въ концѣ февраля отвѣчала на первое наше предложеніе требованіемъ: понизить пошлины по 171 статьѣ таможеннаго тарифа, заключающаго всего 212 статей, облегчить въ пограничной торговлѣ и отмѣнить неодинаковыя пошлины по сухопутной и морской границамъ. Въ іюнѣ 1892 г. русское правительство отвѣчало, что оно готово войти въ детальное обсужденіе контръпредложеній Германіи, если только она представитъ перечень товаровъ и размѣръ требуемыхъ уступокъ съ нихъ и вообще точно форму-

Digitized by Google

лируетъ свои условія. Получивъ такое предложеніе, Германія прежде всего ввела пониженныя пошлины на хлѣбъ и для Румыніи, и лишь въ августѣ отвѣчала намъ, что къ составленію перечня германскихъ пожеланій уже приступлено, но что дальнѣйшіе переговоры съ Россіей могли бы привести къ благопріятнымъ результатамъ въ томъ только случаѣ, еслибы русское правительство согласилось понизить пошлины на чугунъ, уголь, коксъ и хлопокъ по сухопутной границѣ. Разсмотрѣніе германской записки привело у насъ ко введенію двухъ тарифовъ—максимальнаго и минимальнаго,—о чемъ Германія и была увѣдомлена въ октябрѣ мѣсяцѣ. На это германское правительство отвѣтило въ декабрѣ, что оно займется разсмотрѣніемъ нашихъ новыхъ предложеній, но выражаетъ увѣренность, что ранѣе окончанія переговоровъ существующая таможенная система не подвергнется измѣненію. Съ своей стороны, Россія согласилась повременить введеніемъ двойнаго тарифа до окончанія переговоровъ съ Германіей, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы ожидаемый нами съ іюня 1892 г. перечень германскихъ пожеланій былъ доставленъ къ 1-му февраля 1893 г., а самые переговоры были закончены къ 1-му апрѣля. Въ декабрѣ 1892 года германское правительство увѣдомило чрезъ посредство нашего посла въ Берлинѣ, что оно принимаетъ наше предложеніе сохранить statu quo въ таможенныхъ системахъ до 1-го апрѣля. Въ концѣ февраля 1893 г. былъ полученъ подробный перечень желаемыхъ Германіей уступокъ: пониженіе пошлинъ по 77 статьямъ, пониженіе нѣкоторыхъ ставокъ финляндскаго таможеннаго тарифа и облегченіе въ таможенныхъ формальностяхъ. Изъявляя согласіе на пониженіе пошлинъ лишь по 56 статьямъ, русское правительство указало, что окончательныя установленія каждой отдѣльной конвенціонной ставки могло бы послѣдовать только на конференціи, путемъ личнаго обмѣна мыслей и данныхъ между делегатами обѣихъ странъ. Записка русскаго правительства была вручена въ началѣ апрѣля 1893 г. германскому правительству, которое отвѣтило на нее въ половинѣ іюня, заявивъ, что оно готово вступить въ личные переговоры чрезъ делегатовъ, но пока: 1) не можетъ принять пожеланіе русскаго правительства относительно отмѣны запрещенія по ввозу скота и животныхъ продуктовъ; 2) настаиваетъ на своихъ пожеланіяхъ относительно финляндскаго тарифа и 3) не удовлетворяется сдѣланными нами тарифными уступками. Послѣ обмѣна съ Германіей еще двумя записками, русское правительство сдѣлало распоряженіе о введеніи у насъ въ дѣйствіе двойнаго тарифа, что было отсрочено лишь до 1-го апрѣля и затѣмъ еще на 3 мѣсяца, въ ожиданіи скораго и благопріятнаго исхода переговоровъ; между тѣмъ германское правительство находило теперь возможнымъ созвать конференцію не ранѣе 1 октября.

Русское правительство, съ давняго времени, неизмѣнно держалось системы одного тарифа по европейской торговлѣ, съ одинаковыми пошлинами для однородныхъ иностранныхъ товаровъ, безъ различія мѣста происхожденія. Трактуя совершенно одинаково всѣ иностранные товары, и Россія вправѣ была надѣяться на то, что и русскіе товары также точно будутъ поставлены въ одинаковыя съ товарами другихъ странъ условія ввоза. До 1892 г. такъ въ дѣйствительности

Digitized by Google

и было: хотя таможенныя пошлины въ Европѣ отличались явно боевымъ характеромъ, но онѣ были въ одной и той же странѣ совершенно одинаковыми для всѣхъ государствъ. Съ 1892 г. на западѣ Европы обнаруживается новое направленіе въ таможенной политикѣ, заключающееся во взаимныхъ договорныхъ уступкахъ относительно таможенныхъ пошлинъ, т. е. въ установленіи нѣсколькихъ тарифовъ, при которыхъ одни и тѣ же товары облагаются различной пошлиной, смотря по мѣсту ихъ вывоза. Нечего говорить, что и установленіе въ европейскихъ государствахъ высокихъ пошлинъ на сельско-хозяйственныя произведенія, съ цѣлью защитить національную сельско-хозяйственную промышленность, вызывало обремененіе нашего вывоза, состоящаго, главнымъ образомъ, изъ продуктовъ этой промышленности. Тѣмъ пагубнѣе была для насъ система конвенціонныхъ тарифныхъ уступокъ, которыя не были распространены на Россію, вслѣдствіе чего нашъ хлѣбный вывозъ оказался въ неодинаковыхъ условіяхъ соперничества съ вывозомъ того же товара другихъ странъ. Среди государствъ, съ которыми Россія связана международной торговлей, главное мѣсто занимаетъ Германія, а потому ея таможенная политика особенно чувствительна для насъ. Мы видѣли выше, что Германія до 1892 года, прогрессивно увеличивая пошлины на сельско-хозяйственныя произведенія, дошла, наконецъ, до обложенія иностраннаго хлѣба 25 метал. коп., все равно какого бы происхожденія хлѣбъ ни былъ. Въ февралѣ же 1892 г. Германія уступила на пошлинѣ $7^1/_2$ метал. коп. на пудъ всѣмъ странамъ, снабжающимъ ее хлѣбомъ, кромѣ одной Россіи, т. е. установила двѣ ввозныя пошлины—17 мет. коп. для всѣхъ странъ и 25 мет. коп. для Россіи. Вслѣдствіе этого, наши конкурренты по хлѣбной торговлѣ—Соединенные Штаты, Аргентина, Индія, Австралія,—при всякой цѣнѣ на хлѣбъ въ Германіи, имѣли съ пуда $7^1/_2$ метал. коп. барыша, а потому и могли соотвѣтственно понижать цѣны въ ущербъ намъ.

Вотъ эта-то дополнительная дифференціальная пошлина на русскій хлѣбъ, составляя потерю Россіи въ экспортной цѣнѣ, и послужила причиной «таможенной войны» Россіи съ Германіей.

Поставленная въ крайне невыгодныя условія, вслѣдствіе таможенной политики Германіи, Россія, какъ мы видѣли выше, оказалась вынужденной установить также въ своемъ тарифномъ законодательствѣ начало неодинаковаго обложенія привозныхъ товаровъ различныхъ государствъ, смотря по отношенію этихъ государствъ къ предметамъ нашего вывоза. Такимъ образомъ, съ 20 іюля 1893 г. введенъ былъ у насъ повышенный тарифъ, утвержденный 1-го іюня, и съ этого времени товары, привозимые изъ странъ, не предоставляющихъ Россіи правъ наиболѣе благопріятствующей державы, оказались обложенными на 15, 20 и 30% выше нормальныхъ. Эта мѣра нашего правительства являлась тогда не только какъ защита экономическихъ интересовъ государства, но и какъ средство для возможныхъ и желательныхъ въ будущемъ соглашеній съ Германіей. Въ отвѣтъ на примѣненіе нами къ товарамъ Германіи максимальнаго тарифа, Германія повысила на 50% пошлины съ русскихъ товаровъ, вслѣдствіе чего и у насъ на германскіе товары была сдѣ-

Digitized by Google

лана новая надбавка въ 50%, а германскія суда были обложены увеличеннымъ ластовымъ сборомъ. Общее повышеніе таможенныхъ ставокъ, какъ въ Германіи, такъ и Россіи, на 50%, исключивъ почти совершенно возможность торговаго обмѣна между этими государствами, обнаружило крайне невыгодныя для нихъ послѣдствія подобнаго экономическаго разобщенія. Вслѣдствіе этого, въ видахъ достиженія возможнаго соглашенія на почвѣ взаимныхъ уступокъ, созвана была, съ согласія обоихъ правительствъ, въ сентябрѣ прошлаго года, особая конференція въ Берлинѣ. Работы берлинской конференціи продолжались четыре съ половиною мѣсяца и окончились подписаніемъ 29-го января (10-го февраля) 1894 года торговаго соглашенія Россіи съ Германіей. На берлинской конференціи составлены были: 1) текстъ договора о торговлѣ и мореплаваніи между Россіею и Германіею; 2) русскій конвенціонный тарифъ (перечень пониженій и закрѣпленій, предоставляемыхъ Германіи въ русскомъ тарифѣ), 3) германскій конвенціонный тарифъ (перечень пониженій и закрѣпленій, предоставляемыхъ Россіи въ германскомъ тарифѣ); и 4) текстъ заключительнаго протокола конференціи, содержащаго въ себѣ дополнительныя къ договору постановленія.

Всѣ означенные выше документы были представлены нашимъ министромъ финансовъ на разсмотрѣніе общаго собранія государственнаго совѣта и были выслушаны послѣднимъ вмѣстѣ съ объясненіемъ министра. Въ объясненіи своемъ С. Ю. Витте, изложивъ историческій ходъ нашихъ экономическихъ отношеній къ Германіи, находилъ, что «заключенный договоръ представляется выгоднымъ для важнѣйшей отрасли нашего народнаго хозяйства — земледѣлія, открывая ему вновь германскій рынокъ. Что же касается нашихъ уступокъ, заключающихся, главнымъ образомъ, въ тѣхъ пониженіяхъ, которыя сдѣланы въ нашемъ тарифѣ, то, въ виду высокихъ ставокъ тарифа 1891 г., уступки эти не потребуютъ существенныхъ жертвъ отъ нашей промышленности. Въ большинствѣ случаевъ ея пожертвованія выразятся въ нѣкоторомъ уменьшеніи доходовъ нашихъ фабрикантовъ, которое едва ли создастъ имъ значительныя затрудненія. Можно безошибочно утверждать, что мы представили Германіи отнюдь не болѣе того, что̀ сами отъ нея получили». Выслушавъ заявленіе г. министра финансовъ, государственный совѣтъ пришелъ къ убѣжденію, что наши экономическіе интересы получаютъ въ договорѣ вполнѣ надежную охрану и что интересы другой договаривающейся страны также приняты въ надлежащее вниманіе. Подробно разсмотрѣвъ договоръ съ политической стороны (возстановленіе исконныхъ дружественныхъ отношеній, выдача бѣглыхъ и пр.) и съ экономической (устойчивость торговыхъ разсчетовъ, развитіе торговыхъ оборотовъ и пр.), государственный совѣтъ призналъ, что «заключеніе обсуждаемаго торговаго договора между Россіей и Германіей, являющееся новымъ залогомъ европейскаго мира и весьма желательное въ политическомъ отношеніи, равнымъ образомъ выгодно и по соображеніямъ экономическаго свойства, такъ какъ, не ставя преградъ развитію отечественной обрабатывающей промышленности, оно несомнѣнно послужитъ интересамъ земледѣлія,—этой первостепенной отрасли нашего народнаго труда». Договоръ, какъ

Digitized by Google

извѣстно, получивъ въ Россіи и въ Германіи верховную санкцію, вступилъ въ законную силу 20 марта текущаго года, и заключенъ до 31-го декабря 1903 г., т. е. почти на 10 лѣтъ.

Прежде чѣмъ дать общую оцѣнку результатовъ торговаго соглашенія Россіи съ Германіей, мы посмотримъ, какія явленія были вызваны въ Россіи таможенной войной съ Германіей и что предпринималось русскимъ правительствомъ для ихъ устраненія.

Напередъ зная, что повышеніе германскимъ правительствомъ пошлинъ на ввозимые изъ Россіи продукты, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ хлѣбъ, должно существенно затруднить, а, быть можетъ, даже вовсе остановить вывозъ его въ Германію, министерство финансовъ своевременно озаботилось изысканіемъ мѣръ для устраненія или хотя бы нѣкотораго смягченія неблагопріятныхъ послѣдствій такого явленія. Министерство справедливо полагало, что какъ скоро германскій рынокъ будетъ закрытъ для русскаго хлѣба, на внутреннихъ рынкахъ обнаружится чрезмѣрное его накопленіе, а это обстоятельство неминуемо приведетъ къ паденію цѣнъ. Существеннымъ средствомъ для предупрежденія слишкомъ рѣзкаго пониженія цѣнъ на хлѣбъ наше финансовое вѣдомство считало предоставленіе производителямъ хлѣба и хлѣботорговцамъ возможности дешеваго кредита подъ хлѣбъ. Въ виду этого, при учрежденіяхъ государственнаго банка была образована особая упрощенная выдача ссудъ, которыя могли достигать 75% оцѣночной суммы, а проценты по ссудамъ были назначены отъ 4½ до 6 годовыхъ. Кромѣ того, чтобы дать возможность воспользоваться дешевымъ кредитомъ и въ мѣстахъ ближайшихъ къ производителямъ, министерство финансовъ открыло кредитъ частнымъ комерческимъ банкамъ, привлекая и ихъ къ удовлетворенію потребности населенія въ кредитѣ. Затѣмъ ссуды подъ хлѣбъ выдавались государственнымъ банкомъ при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ. Не ограничиваясь этими мѣрами, министерство финансовъ обратилось въ военное министерство съ предложеніемъ усиленной покупки ржи для потребностей войска. Желая удержать наши хлѣбныя цѣны отъ излишняго паденія, военное министерство не только рѣшило сдѣлать большой запасъ хлѣба, скупая его въ осенніе мѣсяцы, но отступило даже отъ обычнаго способа подрядной поставки муки съ торговъ, найдя возможнымъ привлечь самихъ хозяевъ къ непосредственному доставленію зерна. Наконецъ, жителямъ пострадавшихъ отъ неурожая губерній было предоставлено министерствомъ финансовъ расплачиваться натурою по продовольственнымъ и сѣмяннымъ ссудамъ, по разсчету пуда за пудъ полученнаго хлѣба. Калашниковцы предлагали самому правительству скупить излишекъ хлѣба милліоновъ на 50, чтобы образовать государственный запасъ на случай неурожая. Эта мысль встрѣтила сочувствіе въ нѣкоторой части нашей печати; въ пользу покупки правительствомъ хлѣба съ цѣлью поддержанія цѣнъ высказались и нѣкоторые члены комисіи, образованной для выработки мѣръ къ поддержанію хлѣбныхъ цѣнъ, считавшіе появленіе на рынкахъ крупнаго покупателя хлѣба самой дѣйствительной и радикальной мѣрой. Не отрицая значенія мѣръ, принимаемыхъ министерствомъ финансовъ, нѣкоторые органы нашей печати указывали на

Digitized by Google

необходимость коренныхъ реформъ, могущихъ дать нашему сельскому хозяйству запасные и оборотные капиталы, такъ какъ отсутствіе ихъ ежегодно заставляетъ массу крестьянъ возможно скорѣе реализировать результаты урожая, какъ только хлѣбъ свезенъ въ гумно и обмолоченъ. При этихъ условіяхъ, одновременно на рынокъ выбрасывается огромное количество хлѣба, представляющаго далеко не всегда избытки производителей, что̀ заставляетъ крестьянъ весною покупать хлѣбъ для собственнаго продовольствія и нести значительные убытки на разницѣ осеннихъ и весеннихъ цѣнъ. Чтобы увеличить оборотныя средства крестьянской массы, печать предлагала облегчить податную тяжесть, лежащую на народѣ, чрезъ уменьшеніе оклада и недоимокъ по казеннымъ платежамъ, черезъ умѣренное требованіе возврата продовольственныхъ ссудъ и пр. Наконецъ, въ нашей текущей литературѣ была весьма популярна мысль о поднятіи хлѣбныхъ цѣнъ путемъ усиленія внутренняго потребленія хлѣба. Нѣкоторые органы нашей печати высказывали надежды, что затрудненіе заграничнаго сбыта даетъ возможность населенію увеличить и улучшить свое питаніе сильно упавшее за послѣдніе годы. Таможенный конфликтъ вызвалъ не меньшія затрудненія и въ Германіи. Держась покровительственной системы относительно ввоза иностраннаго хлѣба, Германія ставила свое отечественное сельское хозяйство въ особо привилегированное положеніе: его произведеніямъ всегда обезпеченъ былъ преимущественный предъ иностранными сбытъ, и эти послѣднія могли расчитывать лишь на тотъ спросъ, который оставался непокрытымъ отечественнымъ производствомъ. Вступивъ съ 1892 года на путь конвенціонныхъ тарифовъ, Германія разсчитывала на безусловную необходимость для насъ вывоза и желала поставить его въ условія наиболѣе для себя благопріятныя. Между тѣмъ Россія дѣлала видъ, что можетъ обойтись безъ заграничнаго вывоза (конечно, временнаго, вызывающаго къ тому же немалыя затрудненія), и ни на какія уступки идти не желаетъ; тогда Германія начала подсчитывать убытки, понесенные ею вслѣдствіе войны. Прежде всего Германія потеряла русскій рынокъ для сбыта произведеній обрабатывающей промышленности, превышающаго 100 милліоновъ рублей. Потерять сбытъ на такую сумму—дѣло, конечно, серьезное, тѣмъ болѣе, что Германіи очень даже трудно было найти соотвѣтственный нашему рынокъ. Затѣмъ таможенная война нанесла двойной ударъ германскому торговому флоту, который лишился обычныхъ морскихъ фрахтовъ, обусловленныхъ морскимъ торговымъ обмѣномъ между Германіей и Россіей, а съ другой стороны, Россія увеличила ластовый сборъ, въ среднемъ, на 444 руб. съ германскаго судна, и такимъ образомъ поставила германскій торговый флотъ въ условія неблагопріятныя, въ случаѣ, еслибы послѣдній сталъ искать фрахтовъ въ русскихъ портахъ на перевозку грузовъ въ другія государства.

Обращаясь теперь къ результатамъ нашего соглашенія съ Германіею, мы видимъ, что Россія прежде всего достигла правъ наиболѣе благопріятствуемой по ввозу державы, и такимъ образомъ пошлины на нашъ хлѣбъ и на сельско-хозяйственныя произведенія понижены до уровня конвенціонныхъ ставокъ германскаго тарифа,

Digitized by Google

которыя и закрѣплены на 10-лѣтній срокъ. Наши уступки въ пользу германской промышленности выразились въ пониженіи пошлинъ на нѣмецкіе товары отъ 30 до 50%; на хмѣль пошлина съ 10 руб. понижена даже до 3½ съ пуда, на бархатъ и плюшъ—съ 7½ до 3 р. и пр. Для желѣза пошлина понижена съ 60 до 50 коп. на пудъ; пошлина на каменный уголь понижена вдвое (вмѣсто 2 к. золотомъ—1 коп.); на сельско-хозяйственныя машины пошлина понижена съ 70 до 50 коп. и т. д. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что установленное договоромъ пониженіе пошлинъ на русскій хлѣбъ до предѣла конвенціонныхъ ставокъ, поставивъ нашъ хлѣбъ въ условія равныя съ иностранными его конкуррентами, полезно для русскаго сельскаго хозяйства. Что же касается нашихъ пониженій пошлинъ на нѣмецкіе товары, то они иногда разсматриваются какъ уступки нашего правительства германскому, между тѣмъ эти пониженія, въ дѣйствительности, являясь первыми и робкими шагами къ ограниченію нашей ультра-протекціонной системы, представляютъ лишь слабыя уступки нашимъ потребителямъ.

Мы, конечно, далеки отъ мысли предполагать, что сбавка пошлинъ на наши сельско-хозяйственныя произведенія можетъ повліять на развитіе нашей сельской промышленности, такъ какъ цѣны на хлѣбъ, имѣющія рѣшительное значеніе для хозяйства, зависятъ отъ условій міроваго спроса и предложенія, а не отъ произвола отдѣльной страны. Что цѣна на хлѣбъ вовсе не сообразуется съ таможенной политикой отдѣльнаго государства, это прекрасно видно изъ движенія цѣнъ въ 1891, 1892 и 1893 гг., хотя бы въ самомъ Берлинѣ. Извѣстно, что установленіе высокой пошлины на русскій хлѣбъ было вызвано желаніемъ германскаго правительства устранить конкурренцію дешеваго русскаго хлѣба мѣстнымъ производителямъ, и такимъ образомъ поднять цѣну на хлѣбъ. Дѣйствительность не оправдала, однако, этихъ ожиданій. Въ 1891 г., въ Берлинѣ средняя цѣна на рожь была 211, на пшеницу 214 марокъ за тонну; въ 1892 г. среднія цѣны на рожь и пшеницу были почти одинаковыя—176½ марокъ, а въ 1893 г., когда пошлина на русскій хлѣбъ повышена до 7½ марокъ и наша конкурренція была устранена совершенно, пшеница стоила 145, а рожь—128 марокъ. Съ другой стороны, и въ нашемъ отечествѣ, послѣ объявленія таможенной войны, принимались всевозможныя мѣры, какъ сказано выше, для предупрежденія рѣзкаго пониженія цѣнъ, и въ удержаніи хлѣба въ рукахъ производителей мы видѣли все спасеніе нашего сельскаго хозяйства, такъ какъ, съ прекращеніемъ войны съ Германіей, всѣмъ казалось, что цѣны на хлѣбъ должны непремѣнно подняться. И нашъ разсчетъ оказался невѣрнымъ, такъ какъ, пока шли переговоры русскаго правительства съ германскимъ по поводу торговаго соглашенія, хлѣбныя цѣны на заграничныхъ рынкахъ все падали, а когда договоръ былъ заключенъ, то оказалось, что на германскихъ рынкахъ хлѣбъ стоитъ столько же, сколько и на русскихъ. Имѣя въ виду, что Россія перестала быть житницей Европы и что цѣны на хлѣбъ устанавливаются въ зависимости отъ общихъ условій міроваго хлѣбнаго рынка, для котораго почти совсѣмъ не чувствительны мѣстныя условія различныхъ странъ, мы можемъ сказать,

Digitized by Google

что цѣны на хлѣбъ во всѣхъ крупныхъ центрахъ хлѣбнаго потребленія однѣ и тѣ же, но самымъ выгоднымъ мѣстомъ сбыта для нашего государства будетъ то, которое ближе къ нему, куда провозъ для него дешевле. Такимъ ближайшимъ рынкомъ для Россіи является, главнымъ образомъ, Германія. Дифференціальныя пошлины искусственно удаляли отъ насъ этотъ выгоднѣйшій рынокъ, а торговый договоръ снова возвратилъ его нашему хлѣбному вывозу—въ этомъ вся выгода трактата для нашего сельскаго хозяйства. Германскій рынокъ, конечно, останется за нами въ томъ лишь случаѣ, если мы найдемъ выгоднымъ для себя продажу хлѣба по цѣнѣ, которая, по крайней мѣрѣ, настолько дешевле цѣны, установленной міровымъ спросомъ и предложеніемъ, насколько провозъ русскаго хлѣба въ Германію дешевле провоза этого товара изъ конкурирующихъ съ нами странъ. Другими словами, нашъ ввозъ лишь въ незначительной степени зависитъ отъ пошлинъ, а болѣе всего—отъ соотвѣтствія между условіями нашего производства хлѣба и міровой рыночной цѣной. Разъ цѣна на хлѣбъ опредѣляется соотношеніемъ всемірнаго урожая (предложеніе) къ всемірному потребленію (спросъ), мѣстное производство хлѣба должно сообразоваться съ этими міровыми условіями рынка, такъ какъ оно, главнымъ образомъ, зависитъ отъ этихъ послѣднихъ. Мы выше сказали, что пониженіе пошлинъ на германскіе товары представляетъ не только уступку германскому правительству, но, что главнѣе, и нашимъ потребителямъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда тянулась наша таможенная война, русскій земледѣлецъ, вывозя свой хлѣбъ за границу, встрѣчался съ соперничествомъ многихъ странъ, понижающихъ цѣну его продукта. Напротивъ того, являясь потребителемъ произведеній обрабатывающей промышленности, покупателемъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, необходимыхъ для удешевленія продуктовъ сельскаго хозяйства и его прогресса, земледѣлецъ сталкивался съ запретительными таможенными пошлинами, отдающими его на произволъ отечественнымъ производителямъ и заставляющими его переплачивать значительныя суммы. Стоитъ вспомнить только, какъ невыгодно отразились таможенные тарифы 1891 г. на нашемъ транспортномъ дѣлѣ:—устанавливая почти запретительныя пошлины на желѣзо, рельсы, вагоны и пр., эти тарифы отчасти являются причиной полнаго отсутствія у насъ такъ называемыхъ подъѣздныхъ путей, имѣющихъ громадное значеніе для нашего сельскаго хозяйства. Такое же вредное послѣдствіе давала пошлина на машины для мельницъ и на каменный уголь: благодаря этой пошлинѣ, нашъ хлѣбъ идетъ заграницу въ непереработанномъ видѣ, а наше зерно перемалывается въ Германіи, вслѣдствіе чего рабочее населеніе лишается заработка, а сельскіе хозяева—цѣнныхъ отбросовъ и значительныхъ прибылей. То же самое нужно сказать и о пошлинѣ на разныя сельско-хозяйственныя машины. Изъ этого указанія можно видѣть, какъ великъ былъ налогъ на русское населеніе, идущій въ пользу нѣсколькихъ крупныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Наше торговое соглашеніе съ Германіей въ высокой степени важно въ томъ отношеніи, что, во-1-хъ, оно ослабило невыгоды дѣйствующей въ Россіи покровительственной системы, не только развившей у насъ

Digitized by Google

крупную промышленность въ ущербъ кустарнымъ домашнимъ промысламъ, но и дававшей чрезвычайныя выгоды малочисленному классу населенія въ прямой ущербъ сельскому хозяйству. Во-2-хъ, торговый договоръ Россіи съ Германіей является предѣломъ развитія нашей протекціонной системы, опредѣленнымъ заранѣе на 10 лѣтъ впередъ. Не говоря уже о томъ, что установленіемъ опредѣленныхъ пошлинъ устраняется замѣчаемая въ послѣднія 20 лѣтъ неустойчивость условій международнаго обмѣна, благодаря которой не только промышленность, но и торговля не успѣвали приспособляться къ тарифнымъ ставкамъ,—договоръ ручается за то, что въ теченіе 10 лѣтъ не будетъ увеличенъ налогъ на русское населеніе въ пользу немногочисленныхъ промышленныхъ группъ.

Привѣтствуя заключеніе торговаго договора съ Германіей, какъ одного изъ важнѣйшихъ актовъ нашей экономической политики, мы должны сказать, что все значеніе его сводится лишь къ слабому исправленію старыхъ ошибокъ. Пора, кажется, отказаться отъ предразсудковъ, считающихъ торговый балансъ, таможенную политику, удачный балансъ росписи и пр. средствами для поднятія народнаго благосостоянія. Вмѣсто того чтобы обращаться къ такой опасной мѣрѣ, какъ таможенная пошлина, для защиты и развитія отечественной промышленности, не лучше ли было обратить серьезное вниманіе на народное образованіе? Если иногда таможенная пошлина и оказывается полезной для страны (въ чемъ можно еще усомниться) то чаще всего она представляетъ безусловный вредъ, между тѣмъ какъ школа, распространяя знанія, несомнѣнно увеличиваетъ производительность народнаго труда и, слѣдовательно, поднимаетъ уровень экономическаго благосостоянія народа. Не таможенная пошлина, а начальная школа можетъ прійти на помощь нашему разоренному населенію, такъ какъ только она объяснитъ народу его обязанности передъ государствомъ и обществомъ, и научитъ его разумно пользоваться явленіями и силами природы.

Нашъ настоящій обзоръ причинъ экономическаго разрыва и результатовъ торговаго соглашенія Россіи съ Германіею былъ бы не полонъ, еслибы мы прошли молчаніемъ ламентаціи крупныхъ представителей нашей обработывающей промышленности по поводу заключеннаго договора.

Еще до соглашенія Россіи съ Германіей, когда ходили только неясные слухи о проэктируемыхъ пониженіяхъ по многимъ тарифнымъ статьямъ, русское купечество сочло нужнымъ высказаться за сохраненіе таможеннаго тарифа 1891 г. Такъ, г. министру финансовъ пришлось выслушать въ Москвѣ г. Найденова, а въ Нижнемъ Новгородѣ—г. Морозова, которые проводили указанный взглядъ на тарифъ 1891 г. Затѣмъ, когда обнародованъ былъ проэктъ договора, который привѣтствовала вся Россія, московское купечество не замедлило выступить съ защитой покровительственнаго тарифа, видя въ немъ все спасеніе Россіи. Во всей агитаціи московскаго купечества противъ договора ясно обозначилось только смѣшеніе интересовъ Россіи съ выгодами «ихъ степенствъ», смѣшеніе, правда, не безполезное для московскаго купечества, но зато вредное для русскаго населенія. Не довольствуясь статьями «Московскихъ Вѣдо-

Digitized by Google

мостей», при участіи проф. Иловайскаго, московскіе фабриканты и торговцы наводнили Петербургъ своими петиціями. Такъ, на имя министровъ финансовъ и земледѣлія была получена петиція, подписанная членами московскаго сельско-хозяйственнаго общества и представителями шерстяныхъ и суконныхъ фабрикантовъ, а затѣмъ въ Петербургъ являлась московская депутація отъ соединеннаго собранія мѣстнаго общества сельскаго хозяйства и представителей шерстяныхъ производствъ и торговли. Какъ полученная телеграмма, такъ и депутація, доказывали неминуемую гибель русскаго овцеводства отъ пониженія пошлины на чесаную шерсть съ $5^1/_2$ до $4^1/_2$ руб. золот. съ пуда. Г. министръ финансовъ отвѣтилъ депутаціи, что пониженіе пошлинъ на шерстяные товары было вызвано настоятельными требованіями нѣмецкихъ делегатовъ и что *безъ этой уступки соглашеніе Россіи съ Германіей не могло бы состояться*. Кромѣ шерсти, московскіе фабриканты и торговцы указывали еще на пониженіе пошлины на хмѣль съ 10 до $3^1/_2$ руб. зол., будто бы также наносящее большой ущербъ нашему сельскому хозяйству. Изъ разъясненія же «Вѣстника финансовъ» оказалось, что въ отношеніи хмѣля Россія заинтересована больше, какъ страна, вывозящая этотъ сельско-хозяйственный продуктъ. Такъ, въ 1891 г. къ намъ привезено хмѣля 25,566, а вывезено изъ Россіи 52,473 пуд.; въ 1892 г. къ намъ привезено 18,463, а вывезено 35,008 пуд.; въ 1893 г. на 6,730 пуд. привоза приходится 116,711 пуд. вывоза. Наконецъ, въ министерство финансовъ поступило заявленіе, по поводу проэкта договора, отъ представителей всего нашего металлургическаго производства. Въ заявленіи говорится, что «сдѣланныя Германіи уступки вызваны были причинами политическаго и государственнаго характера, а потому желѣзозаводчики увѣрены, что наше финансовое управленіе найдетъ средство облегчить *трудное положеніе*, которое будетъ создано торговымъ договоромъ съ Германіей». Неужели г.г. желѣзозаводчикамъ серьезно кажется, что незначительное пониженіе пошлины на желѣзо является одолженіемъ Германіи, а не русскимъ потребителямъ, и что это пониженіе въ 15 коп. кред. на пудъ рельсовъ и полосоваго желѣза поставитъ нашу промышленность въ трудное положеніе? Очевидно, наши желѣзозаводчики такъ освоились со своими высокими гарантированными доходами, что малѣйшее сокращеніе ихъ вызываетъ уже тревогу. Вмѣсто того чтобы говорить о какомъ-то трудномъ положеніи металлургической промышленности, лучше было бы вспомнить о нашихъ земледѣльцахъ, обязанныхъ переплачивать, даже и при пониженныхъ пошлинахъ, 100—160% стоимости желѣза на мѣстахъ производства.

Таможенная война имѣла одно несомнѣнно важное послѣдствіе—она въ достаточной мѣрѣ выяснила достоинства покровительствуемой системы, и мы надѣемся, что наше финансовое вѣдомство, не ограничиваясь установленными пониженіями пошлины на произведенія обрабатывающей промышленности, сдѣлаетъ и дальнѣйшіе шаги по пути избавленія Россіи отъ золъ протекціонизма.

Digitized by Google

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ.

Въ апрѣльской книгѣ за текущій годъ редактируемаго Вами журнала, въ статьѣ «Изъ американской жизни (путевыя впечатлѣнія)» г. В. Святловскаго, сказано:

«Очень возможно,—но я не утверждаю этого,—что наши первые спальные вагоны (Левестама, Бремме и К°), циркулировавшіе между Петербургомъ и Москвою, выстроены по образцу американскихъ спальныхъ вагоновъ».

Движеніе спальныхъ вагоновъ на Николаевской желѣзной дорогѣ началось *11 августа 1866 года*,—стало быть, *за годъ до появленія американскихъ вагоновъ завода Пульмана.*

Прошеніе о разрѣшеніи введенія спальныхъ вагоновъ на Николаевской желѣзной дорогѣ было подано мною въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ 1-го мая 1863 года.—Послѣ того я составилъ товарищество, которое, на измѣненныхъ условіяхъ, подало 27-го ноября того же 1863 года вновь прошеніе въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ о томъ же, а 16 іюня 1864 года оно, съ высочайшаго разрѣшенія, заключило съ казною контрактъ по этому предмету.

Не подлежитъ сомнѣнію, что самое устройство вагоновъ было придумано до подачи, 1-го мая 1863 года, прошенія о введеніи ихъ.

Полагаю, что вышесказанное можетъ служить доказательствомъ, что наши вагоны не могли быть построенными по образцу пульмановскихъ.

Въ надеждѣ, что Вы не откажете напечатать это мое разъясненіе въ ближайшемъ нумерѣ Вашего журнала, пользуюсь случаемъ выразить вамъ совершенное мое уваженіе и истинную преданность.

Архитекторъ *М. Ю. Левестамъ.*

30 апрѣля 1894 года.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

Лѣтняя картинка.

Зной спадаетъ понемногу,
Дивный вечеръ надъ столицей...
По широкому проспекту
Мчатся длинной вереницей
Лихачи, ландо, коляски,
Тьма каретъ, вагоны конки...
Всѣ торопятся куда-то,
Всѣ спѣшатъ на перегонки,
Скоротать стремяся жадно
Ночь въ порывѣ наслажденій...
Всѣхъ съ радушіемъ встрѣчаетъ
Рядъ веселыхъ «заведеній»,
Гдѣ веселье—въ новомъ родѣ,
Гдѣ не царствуетъ искусство,
Гдѣ разсчитана программа
На подъемъ *инаго* чувства...
Неприличныхъ шансонетокъ
Откровенные напѣвы
И кутежъ разгульно дикій,
И любовь продажной дѣвы,
И скандалъ въ порывѣ пьяномъ,
И «исторій» разныхъ бездна—
Все сіе толпѣ къ услугамъ
Предлагается любезно...
Кутежа финалъ обыченъ:
При лучахъ зари румяной,
Голова отяжелѣла,
Но зато легки карманы,
Ибо шли на нихъ походомъ
«Человѣковъ» юркихъ стая,
Или франтъ, сидѣвшій рядомъ,
Или... дѣва неземная...

Digitized by Google

Явныя нелѣпости.

Впадетъ въ нелѣпость, безъ сомнѣнья,
Тотъ, кто наивно предположитъ,
Что, въ санитарномъ отношеньѣ,
Петрополь нашъ похвастать можетъ;
Что, отдыхъ давъ своимъ сидѣльцамъ,
Нейдетъ купецъ за ними слѣдомъ,
Что господамъ домовладѣльцамъ
Ни протоколъ, ни штрафъ невѣдомъ;
Что не совретъ спортсменъ безбожно,
Твердя, что преданъ *только* спорту;
Что обуздать словами можно
Столичныхъ дворниковъ когорту;
Что Вольфъ предъ каждою подпиской
Не дышетъ пыломъ ненасытнымъ
Къ рублямъ; что вновь порою близкой
Дороговизна не грозитъ намъ;
Что перестануть наши «конки»
Калѣчить путниковъ сугубо;
Что шулера отъ картъ въ сторонкѣ
Стоятъ въ стѣнахъ любаго клуба;
Что есть долги платить обычай,
Что Хлестаковъ журнальный умеръ,
Что не встрѣчаешь массу дичи,
Взявъ «Новостей» солидныхъ нумеръ;
Что упадутъ на сахаръ цѣны,
Что насъ карманъ чужой не манитъ,
Что для забытой нашей сцены
Эпоха свѣтлая настанетъ;
Что каждый жидъ въ столицѣ смѣло
Къ дѣлишкамъ темнымъ не стремится,
И что «грибановское дѣло»
Впередъ не можетъ повториться...

Невскій Житель.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 6-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Желѣзомъ и кровью. (Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ). Д. Л. Мордовцева 7
II. «Солнце садилось»... Стихотвореніе В. К. Булгакова. . . 64
III. Памиры и памирскій вопросъ. В. Острогорова. 65
IV. Близь народа. (Памяти А. Н. Энгельгардта). Очеркъ С. Васюкова 95
V. Послѣ боя. Стихотвореніе М. М. Гербановскаго. . . . 119
VI. Умирающая теорія. К. П. Медвѣдскаго. 121
VII. Свѣтъ клиномъ сошелся. Повѣсть В. А. Рышкова. *(Окончъ.)*. 146
VIII. Пробужденіе. Стихотвореніе И. Никулина. 205
IX. Юліанъ Отступникъ. Историческій романъ Феликса Дана . 206
X. Изъ американской жизни. (Путевыя впечатлѣнія). В. Святловскаго. 283
XI. Кавказскія минеральныя воды въ 1893 году. (Изъ наблюденій пацієнта). Н. Щирскаго. 302
XII. Поблекшій листъ. (Изъ Альфреда Трегера). Стихотвореніе Л. Афанасьева. 316
XIII. Рабъ свѣта. Политическій романъ изъ англо-французской жизни, Генри Сетона Мерримена. 317

Современное обозрѣніе.

XIV. Очерки иностранной литературы. В. Р. Зотова. 1
XV. Политическая хроника 10
XVI. Новыя книги 22
XVII. Наши внутреннія дѣла 32
XVIII. Письмо въ редакцію. М. Ю. Левестама. 47
XIX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія Невскаго Жителя 48

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 руб. 50 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ потребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта съ 1-го октября по 1-е мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 часовъ, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу—15 руб., за 1/2 стр.—8 руб., и за 1/4 стр.—5 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счеты въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія:* иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: **5-го числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА, НА 1894 Г., НА ЛИТЕР.-ПОЛИТ. ЖУРНАЛЪ:

ГОДЪ XIII **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** ГОДЪ XIII

Журналъ выходитъ по прежнему ежемѣсячно, **перваго числа, книгами отъ** 25—30 печатныхъ листовъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ первыхъ 6-ти книгахъ журнала (январь – іюнь) напечатаны: 1) **Горный ручей**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 2) **Желѣзомъ и кровью,** историческій романъ изъ временъ завоеванія Кавказа при Ермоловѣ, *Д. Л. Мордовцева;* 3) **Съ добрымъ сердцемъ,** повѣсть *А. А. Виницкой;* 4) **Весною,** очерки *Ф. Д. Нефедова;* 5) **Неудача генерала Постромкова,** повѣсть *Н. Д. Маслова* (автора романа «Изъяны воли»); 6) **Томиранда** (амазонская легенда кавказскаго побережья Чернаго моря) *В. Свѣтлова;* 7) **Свѣтъ клиномъ сошелся,** повѣсть *В. А. Рышкова;* 8) **Путь къ Берлинскому трактату,** *Б. К. П.;* 9) **Наполеонъ I и Жозефина,** *П. В. Безобразова;* 10) **Очерки иностранной литературы,** *В. Р. Зотова;* 11) **Повѣсть честнаго гражданина** (по поводу «Дневника» Никитенка) *К. П. Медвѣдскаго;* 12) **Памиры и памирскій вопросъ,** *В. Острогорова* 13) **Военное воздухоплаваніе,** *М. И. Венюкова;* 14) **Крестьянское хозяйство и народное продовольствіе,** *И. О. Фесенко;* 15) **О задачахъ городскаго самоуправленія,** *А. Н. Котельникова;* 16) **Древніе адвокаты и наши присяжные цицеровы,** *В. В. Птицына;* 17) **Казенный раввинатъ,** *Н. Тембе;* 18) **Задачи женскаго образованія,** *Н. Цакни;* 19) **Къ вопросу о народной переписи,** *Статистика;* 20) **Агрономія и естествознаніе,** *В. Г. Швецова;* 21) **Изъ американской жизни,** *В. Святловскаго,* 22) **Кавказскія минеральныя воды. въ 1893 г.,** *Н. Щирскаго* 23) **Законность управленія и кодификація права,** *Н. П. Дружинина;* 24) **Д. В. Григоровичъ,** *К. Говорова;* 25) **Чехи на Волыни,** *А. Липранди;* 26) **Канализація или сфагнумъ?** *Д. Райскаго;* 27) **Наша драматическая труппа,** *В. Свѣтлова;* 28) **Парижскія письма,** *Т—ра;* 29) **Реформа предварительнаго слѣдствія,** *В. В. Птицына;* 30) **Наша журналистика,** *К—скаго;* 31) **Министерство земледѣлія,** *В. Г. Швецова;* 32) **Юліанъ Отступникъ,** историч. романъ *Феликса Дана;* 33) **Рабъ свѣта,** политическій романъ (съ англ.) *Генри Сетона Мерримена;* 34) **Лурдъ,** романъ *Эмиля Золя;* 35) **Заслуженный успѣхъ** (по поводу книги Диминскаго: «Евреи и ихъ вѣроученіе») *А. П. Пятковскаго;* 36) **И смѣхъ, и горе,** фельетоны *Ефима Простосердова* (въ каждой книгѣ) и пр.

Въ слѣдующихъ книгахъ будутъ помѣщены: 1) **Жизнь съизнова,** романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 2) **Глухія мѣста,** романъ *В. Л. Маркова* (автора романовъ: «Курскіе порубежники» и «Однодворцы»); 3) **Любаша,** повѣсть *Ф. Д. Нефедова;* 4) **Золоченая богема,** романъ *В. Свѣтлова;* 5) **Жертва иллюзіи,** романъ *К. В. Назарьевой;* 6) **Изъ моего прошлаго,** *А. П. Пятковскаго,* и пр.

Годовая цѣна: **12** руб. безъ доставки; **13** руб. съ дост.; **14 руб. съ перес.** иногороднымъ; за границу **17** р. За полгода: **7** руб. съ перес. **въ Россіи;** за границу—**9** р. **Условія разсрочки** иногороднымъ: **5** руб. **при подпискѣ** (черезъ главную контору); къ 15-му апрѣля—**5** р.; къ 15-му **августа—4 р.** Служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ. **Главная контора:** Спб., Пушкинская ул., (близь Невскаго пр.), д. № **11.**

854 6 [illegible]

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

Digitized by Google

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google